

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ВТОРОЙ ТОМ

**ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(История одной жизни)**

ВСТУПЛЕНИЕ

НАЧАЛО АВГУСТА

Второе августа в календаре отмечается как народный праздник «Ильин День», а я родился второго августа. Помню, после окончания школы, занимаясь в институте, я начал размышлять в свои дни рождения о своём предназначении в личной жизни. Семья, учёба, будущая работа - всё это было мне понятно, а вот моё внутреннее, душевное состояние порой не открывалось осмыслению. И я решил вести дневниковые записи и делать какой-то анализ своих поступков. Написал кое-что прозаическим языком - но получалось неинтересно. В то время я много читал стихов разных поэтов. Попробовал в стихотворной форме - ещё хуже. Стихи получились не свои, наполовину переписанные с чужих слов.

Шли годы.

А я всё также в первые дни августа подводил отчеты за год, строил планы на будущее. И это было как-то естественно. Заканчивалось лето, появлялись первые штрихи осени, немного печальные, отчасти - романтические. И я невольно продолжал писать иногда стихи, но старался не делать их красивыми и очень правильными. Хотелось простыми словами передать душевное напряжение. Но опять почему-то в стихах появлялась интимная лирика, надуманная сентиментальность, чего в моей жизни и не было. Снова собрал и изорвал всё написанное.

Взял чистую тетрадку и написал на обложке:

«ПИСАТЬ ПРАВДУ И ТОЛЬКО ПРАВДУ».

Ведь я же писал простой, скромный «ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕНИК».

И вот с тех пор стараюсь следовать этому принципу. Особенно это проявилось уже при серьёзной литературной работе в «перестроечные» годы.

Вот что сказал я о этом периоде жизни в предисловии к первому тому «Поэтического дневника»: «...1991 году в стране началась «перестройка», произошли судьбоносные события для всех россиян и для меня лично. Я, потрясённый происходящим, впервые ощутил острую необходимость высказаться, сел плотно за письменный стол. Писал много, правил старые стихи и в 1993 году издал книгу «Время и честь». Вот её предисловие:

«Время и Честь» - книга глубинных чувств и размышлений о сегодняшней непростой, трагической судьбе Родины, русского народа. Неоднозначность, противоречивость, конфликтность событий и сущности бытия ворвались с тревогой и болью в душу нашего современника. Непреходящие вечные ценности «Время и Честь» - главный мотив лирического сборника Владимира Зензина.

Позднее, за 20 лет повседневной, упорной работы мною подготовлено и издано более сорока книг стихов и прозы.

Я организовал и вёл, как редактор-составитель 4 омских журнала: «Природа Прииртышья», «Охота и рыболовство», «Физическая культура и спорт», «Экологический вестник».

Мои стихи о «перестройке»

«ПРАВДА»

Слово «правда», и только – «правду!» -
я вносил в заголовки страниц...
И стихи, вылетая и радуя,
были очень похожи на птиц.
Что им надо?
Синь неба да ветер.
Ввысь взлетая, играя крылом,
уносили меня в быль и небыль...
Возвращался на землю с трудом.

Но теперь – в дымах низкое небо,
и «неправда» всем правит вокруг.
И в глазах моих знойных от гнева,
то – печаль, то – смирение разлук.
Зло и нечисть по улицам бродят,
мутят прихотью души людей...
И, сдвигая морщинисто брови,
не пою о любви я своей.

* * *

Сегодня, просматривая свои изданные книги и большую часть материалов, еще нигде не опубликованных, я невольно выделил основные направления в дневниковых записях, а именно: стихи и рассказы о Природе, а также большинство дневниковых записей (если не напрямую), но так или иначе связанные с моей работой в Омском колледже транспортного строительства и городом Омском.

И это вполне понятно. Ведь в техникуме- колледже я проработал с 1960 г. по 2014 год (54 года) и посвятил ему 3 альманаха и четыре книги:

- Омскому колледжу - 95 лет;
- Омскому колледжу - 100 лет (Ровесник века);
- Омскому колледжу - 105 лет;
- Мой любимый колледж - 110 лет;
- книга «Святая память»;
- книга «Поздние признания»;
- книга «Северная новь».

В 2015 году колледж отметит 115 годовщину со дня своего открытия, а мне исполнится 80 лет. Очень старорежимное уважительное постоянство в моих отношениях!!

Разумеется, техникуму-колледжу посвящено много стихов. Приведу, например, начало книги о колледже.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ КОЛЛЕДЖ

г. Омск - 2010 г.

В 1894 году в г. Омск на левобережье Иртыша прибыл первый поезд из Челябинска, который на парамах был перевезен на правый берег. И далее поезд продолжил свой путь до станции Николаевск (ныне Новосибирск). В 1896 году закончено строительство ж/д моста через Иртыш. Для обеспечения всех работ на станцию Омск нужны были специалисты – техники ж/д транспорта.

В 2000 году коллектив колледжа отметил славное Столетие со дня рождения своего учебного заведения. За прошедшее столетие в стенах училища–техникума–колледжа подготовлено свыше 15 000 специалистов широкого профиля техника-строителя, которые трудятся ныне на всей территории России.

(Ред. В дни проведения юбилейного праздника мной написано стихотворение).

РОВЕСНИК ВЕКА! (1900-2000 гг.)

На пороге двадцатого века,
перерезав Уральский хребет,
путь Великий со звонами эха
на Восток проложил первый след.
Под гудок паровоза победный,
оглашая Сибирский простор,
мчался поезд по этому следу
на зеленый везде семафор!
Восемьсот девяносто четвертый!..
- В этот год, этап стройки верша,
прибыл в праздничный Омск
поезд четко
и уперся в разлив Иртыша.
Нужен мост был...
И новые рельсы,
и строителей новый отряд
для профессии этой, железной,
из хороших толковых ребят...

В сентябре девятисотого года,
чтоб готовить строителей в срок,
в Атамановском хуторе гордом
дан в училище первый звонок!
Вечность!...
Годы учебы, свершений!
В ногу с веком, в едином строю
здесь прошло не одно поколение,
есть династии в нашем краю!
Чтим училище-техникум-колледж,
педагогов, больших мастеров,
как Андреев, Рычков,
ну а позже – Хохов,
Кобац, Пятков, Мисюров...
Помним подвиг в снегах Самотлора,
пади БАМа...

Тайшет... Уренгой...
Сохраняли мы фауну с флорой
технологией новой, душой!
В летопись тех трудов бескорыстных
вписан летчик-герой Байдуков,
и Владимир Лейтланд –
замминистра,
Вознесенский, Хелмицкий,
Смирнов...
Слава всем, кто дерзает и строит!
Память вечная бедам войны!
Слава всем безымянным героям
сохранившим нам радость весны!
Молодым ставить новые вехи!
Пусть сердце не коснется печаль!
Нас в огнях двадцать первого века
ждет иная, прекрасная даль.

*Владимир Зензин,
Член Союза журналистов России,
преподаватель колледжа,
работающий в стенах ОКТС с 1960 г.*

* * *

О городе Омске мною написаны книги:

- «Омск юбилейный» - к 280-летию;

- «Город мой» - к 290-летию;

- «Возрождение Прииртышья» - к 300-летию Омска и 195 годовщине Омской области (в четырёх томах).

Город мой!..

*Белодымчатый город
под пронзительной синью небес -
как по-новому чист ты и молод,
и таинственно радостен весь?!*

*Пробуждаясь в гудках и журчанье
первых звуков рабочего дня -
красотою своей,*

*ликованьем,
верой в жизнь
наполняешь меня!*

И всё-таки, признаюсь откровенно, основная часть стихов - это стихи о природе, моей деревне, о судьбе нашей всеобщей малой Родины.

* * *

Первоначально второй том планировал издать в виде перечня стихов, нигде ранее не печатавшихся, в алфавитном порядке, как «Антологию неизвестных стихов». И если в первом томе «Поэтического дневника» стихи ранее уже были включены в разные печатные издания, то эти стихи я тоже решил предварительно скомплектовать в отдельные книги (а точнее - в макеты книг), с надеждой издания их в будущем (на что, правда, мало рассчитываю). А, как выход из положения, помещаю пока на свой сайт в Интернете.

Если уж быть до конца откровенным, то признаюсь, что некоторые книги я дорабатывал и издавал повторно с таким предисловием: «Второе издание, дополненное и доработанное».

Так было сделано с книгой «Время и честь», с «Сибирь, сторона родная», где к рассказам я дополнил стихи. В книге «Прииртышье, край любимой», наоборот, к стихам через страницу вставил рассказы. Второе издание сделал и к 4-х томной исторической книге «Возрождение Прииртышья».

Чтобы полнее понять меня в этом направлении (а это огромная и важная часть моей работы), расскажу о последнем моём «втором издании» книги «Я знаю правду о войне». В связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне, появились новые материалы, частично изменилось моё виденье на некоторые исторические факты, почему я написал вступительные два важных стиха «Память» и «Бессмертный полк», кое что изменил в середине книги. дополнил книгу стихами о послевоенном времени, когда многие вещи делались по другому, а костыли, протезы за частую изготавливались примитивно. Не было для инвалидов колясок и специальных автомобилей с ручным управлением, а безногие ветераны первое время передвигались на самокатах. Вот эти стихи, даже при жёстком заголовке «Я знаю правду о войне», мною не были напечатаны сразу.

Конечно, за 70 лет меняется многое, хочется правдиво отразить исторические факты, но?!.. При чтении негативного материала остаётся у читателя неприятный осадок. Это я понимаю, а по другому писать не могу. Хотя есть и положительные примеры правильного восприятия у читателей моих жёстких стихов.

Так к 65-ой годовщине, я случайно отдал подборку своих стихов на городской поэтический конкурс и стал лауреатом. Был включён в итоговый поэтический сборник, получил грамоту, денежную премию, лестную оценку конкурсной комиссии. В подборке моих стихов было стихотворение, которое отвергалось много раз. Вот оно, с предисловием:

«...Каждый год, когда наступает май, в моем сердце возникает двоякое чувство. Да, весна - это радостное ощущение жизни, ощущение величия Победы!! Это чувство, наверняка, знакомо многим, но в то же время во мне - пустота, во мне – 1944 год, непреходящая печаль того деревенского мальчугана».

* * *

Жестокий Май!..

Там на рассвете

погиб отец... Цвела сирень...

И ныне грустью давней светит
тот солнечный весенний день

... Мои стихи - мои дороги.

Из них не выбросит теперь
раздумий и сомнений многих
как память горькую за дверь.

Как есть – таким мир принимаю:
едины «радость-боль», «свет-мрак».

Иду всю жизнь навстречу к Маю
и не могу пройти никак..

И обелиски, монументы
отчётливей весной видны,
мне не вплетать цветные ленты
венками в праздничные дни.

Признаюсь, по душе мне осень
за скромность, хмельную красу,
но если откровенно спросят -
Я в детстве потерял весну!

**В этом, втором томе мною
скомплектовано 32 книги - разделы,
которые уже являются основой для
будущих книг. Не исключено, что они будут
отредактированы по принципу «второго
издания», дополненного и доработанного.**

**Хочется под впечатлением только что
прошедшего 70-летия Победы, включить
с сокращением книгу «Я знаю правду о
войне» в начале этого второго тома.**

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

*70-ой годовщине Победы
в Великой Отечественной войне
посвящается*

Я ЗНАЮ ПРАВДУ О ВОЙНЕ

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

*70-ой годовщине Победы
в Великой Отечественной войне
посвящается*

Я ЗНАЮ ПРАВДУ О ВОЙНЕ

Издание второе, дополненное и доработанное

ВСТУПЛЕНИЕ

Книга «Я знаю правду о войне» была подготовлена и издана мной в 2011 году, и была посвящена 66-ой годовщине Победы а Великой Отечественной войне. Предыстория написания книги такова: в 2010 году Департамент культуры г. Омска провёл поэтический конкурс, посвящённый 65-ой годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Я подал стихи на конкурс и оказался лауреатом конкурса.. Грамота, денежная премия, включения моих стихов в итоговый поэтический сборник и другие издания, показались мне недостаточным итогом. Я, внимательно изучив материалы конкурса, решил что военная тематика освещена слабо, и решил написать и издать книгу «Я знаю правду о войне», с более полными данными об участии жителей Омской области в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.

Прошло несколько лет, уже отмечено 70-летие Победы, на моём столе появились дополнительные, новые материалы о войне. И я продолжаю книгу « второе издание – дополненное и доработанное», где на первой странице помещаю стихи «Память» и «Бессмертный полк», а в середину книги вставляю стихи, ранее не печатавшиеся. В конце книге добавляю небольшие отрывки из моей книги «Святая память», показывающей на примере техникума-колледжа транспортного строительства роль учебного коллектива в грозные годы Великой Отечественной войны.

Таким образом получилось более полное издание об участии коллективов Омской области в труднейшие годы Великой Отечественной войны. Представляю первую страницу обновлённой книги.

ПАМЯТЬ (В день Победы)

«Святая память!» - слышу вновь от деда,
ему уж 95...

В огне сражений
он ковал в войну Победу,
и верил о великом этом дне!
«Святая память!» - мой отец под Псковом
пал смертью храбрых...
Я с тех пор живу
его судьбою, защитить готовый
и дом свой, и огромную страну...
Мне самому за 80 лет,
И где-то там, из памяти недетской,
суровой,
вижу деревенский свет:
поля, телеги, фронтовые вести...
Сельчан усталых... Из бессонный взгляд.
И что ни день, листочки-«похоронки»...

О, Родина! Превыше всех наград
слова людей: «Для фронта всё!..
Для фронта!..»
... И стали возвращаться - кто без рук,
кто без ноги...
В потёртых гимнастёрках...
Не многим повезло: семейный круг...
И счастье трудное-
за всех , за мёртвых!
И память та, как искорка во мне,
за самое святое-пресвятое!!
Был подвиг, ради жизни на земле!
И этот подвиг навсегда со мною!!
Победный подвиг - в сердце, на века,
и счастье фронтовое я изведал:
со мной ты, подвиг, с самого ростка,
я стал твоей частицею - ПОБЕДА!!!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК (К 70-летию Победы)

Ваш час пробил! -
Вы вновь пришли живые
из дали дальней, из небытия!
Уже почти забытые, родные.
И не солдаты только - вся семья!
И стар и млад!
Бессмертный полк впервые
идет по городам, за рядом ряд!
Портреты, фотографии простые
бойцов...
И ордена в лучах горят!
Несут плакаты женщины, подростки...
Вот мальчуган со знаменем в руках!..
Вот дед, ему идти совсем не просто,
но сын его на фронтовых листах...
Идут в колоннах те:
- кто пал под Брестом,
- кто в окруженье в Харькове попал,
- кто партизанил,

- кто замучен зверски
в концлагерях и без вести пропал...
А тот солдат, что в форме незнакомой,
в бою смертельном свой оставив взвод,
в могиле братской далеко от дома,
надеется, что мать его найдёт.
И может будет перезахоронен?!.
...Я становлюсь с другими в строгий ряд,
и смотрит с фотографии военной
отец мой, на победный наш парад.
Бессмертный полк!? -
пришел живьем на веки
и в сердце нашем вспыхнул, как салют!
Салют ПОБЕДЫ!? -
с болью человеческой
во мне все годы прошлые встают.
Семидесятилетье! -

боль и беды
сам испытал за восемьдесят лет!?.
Идёт бессмертный полк на День Победы,
и над страной горит высокий свет!!

ВСТУПЛЕНИЕ

«...Я помню третий день войны:
шли вереницею подводы.
Средь деревенской тишины
полно на улице народу.
А на подводах мужики,
ещё пока не в гимнастёрках,
крестясь, сжимая кулаки,
дымили крепкою махоркой.

Мне пацану всего лишь пять....
Шла за подводой долго мать
(она позднее лишь узнает,
что «похоронный лист» бывает).
Всё это трудно вспоминать...
Я знаю правду о войне -
мне от того больней вдвойне!».

1. СУРОВАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Отечественная война 1941-45 гг.

Без объявления войны, на рассвете 22 июня 1941 г. , вероломно нарушив договор о ненападении, немецкая армия вторглась на советскую землю. Война с фашистской Германией 1941-1945 гг. перечеркнула многие надежды советских людей. Сразу же, 22-23 июня, везде и всюду на территории СССР прошли митинги, началось формирование воинских частей.

В Омске на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях и учреждениях состоялись митинги, на которых омичи единодушно заявили о своей готовности отдать все силы для борьбы с врагом. В военкоматы города только за первые три дня войны поступило 2254 заявления от добровольцев. Вся Омская область, труженики села и города трудились дено и нощно, отправляя на фронт хлеб, масло, валенки, полушубки, винтовки, снаряды. Промышленность Омска срочно переводилась на выполнение оборонных заказов. В Омскую область прибыло свыше сотни фабрик и предприятий оборонного значения, среди них заводы имени Баранова из Запорожья, имени Козицкого, «Прогресс», «Электроточприбор» и др. Победа ковалась на фронте и в тылу. В Омске формировалось 17 дивизий и бригад. Так, осенью 1941 г. на базе Омского пехотного училища формируется 362-я стрелковая дивизия, принявшая участие в битве под Москвой. Одновременно сформирован 712-й отдельный батальон связи. На Северо-Западный фронт с берегов Иртыша отправляется 364-я стрелковая дивизия, в дальнейшем переименованная в «Тосненскую», которая закончила войну на Эльбе. Бессмертны подвиги воинов 308-й стрелковой дивизии, сформированной осенью 1942 года в городе Омске. Дивизия под командованием полковника Л.Н.Гуртьева, защищая в Сталинграде завод «Баррикады», в течение месяца отбила 117 атак противника и была награждена орденом Красного Знамени. Она закончила боевой путь в центре Германии.

В ноябре 1942 г. сформированная в Омске 75-я добровольческая бригада начала бои под городом Белым, затем воевала на Северо-Западном фронте.

За героическую доблесть на фронтах сражений более 250 омичей получили звание Героя Советского Союза, 35 человек награждены орденами Славы всех трех степеней, многие тысячи - орденами и медалями.

Навсегда останутся в памяти подвиги омичей: генерал-лейтенанта Л.Н. Гуртьева, подполковника Николая Бударина, летчика Николая Кузнецова, артиллериста Петра Осьминкина, пехотинца Федора Крылова, моряка Петра Ильичева и многих других героев войны.

* * *

Воспитанник Сибирского кадетского корпуса, Дмитрий Михайлович Карбышев проявил исключительную стойкость, находясь во вражеском плену. Более трёх лет провёл генерал в лагерях «смерти», стойко перенося все пытки. А 18 февраля 1945 г. озверевшие фашисты вывели старого генерала во двор лагеря Маутхаузена и при 12-градусном морозе поливали водой, пока он не превратился в ледяную глыбу.

ПОДВИГ (Памяти генерала Карбышева)

Февральские морозы жгучи.
Раздетый, по снегу босой
идёшь вперёд.

Святая участь
принять последний бой!
Из шланга льётся ледяная
вода на спину, на лицо.
Лёд на плечах -
душа живая
собрала мужество в кольцо.
Как айсберг, предстаёшь громадой.
Враги в смятенье: глыба льда -
жива!

Пар белый , брызги градом-
и в каждой капельке - ЗВЕЗДА .
... Идут года, над человечеством
стихают войны и грома,
но предо мною неизменно
встаёт та , давняя зима.
Опять февраль, и в злобе дикой
пурга гудит над Иртышом,
о подвиге твоём - великом
поют ветра тоскливым днём!
Опять завьюженной тайгою
брожу меж сосен до зари,
под каждой глыбой снеговой
мне чудятся - богатыри!

Воспоминания... **воспоминания...**

5 мая 1944 года, у села Большое Раменье Псковского района Ленинградской области погиб мой отец Зензин Василий Павлович, лейтенант, командир взвода 511 стрелкового полка 239 стрелковой дивизии.

* * *

Утро майское.
Синь небосвода...
Бьёт из дота в упор пулемёт.
Ты упал с пистолетом на взводе,
поднимая в атаку взвод.
Из плеча струйка крови сочится,
но собрав свою волю в кулак,
понимаешь, что надо решиться
на последнюю из атак!
Приподнявшись, согнув слегка ноги
для рывка рокового вперёд,
за собой увлекая немногих,
ринулся на грохочущий дот.

ПАМЯТНЫЕ ГОДЫ (1941-45 гг.)

Я родился в Тюкалинском районе Омской области. Северная часть его, граничащая с Большеуковским и Колосовским районами, отходит в 1940 году к вновь созданному Солдатскому району. Так, за год до начала военного лихолетья, село Старосолдатское, не имевшее ни МТС, ни маслозавода, ни тем более средней школы, становится районным центром. Просуществовал район недолго - всего 13 лет.

Крупнейшие здешние сёла - Кабырдак и Кутырлы - оказались на окраинах нового территориального образования. С севера в Солдатский район входили деревни Шатайлы и Буслы, впоследствии исчезнувшие с лица земли бесследно. С южной - Приозёрка и Белоглазово. Всего - десяток деревень. По размерам территория района была сравнительно небольшой.

Село Старосолдатское, став райцентром, сразу пошло в рост, - как по числу жителей, так и по количеству учреждений и предприятий. Ведь число только одних чиновников, работников разных районных служб, увеличилось более чем на двести человек.

Мне в то время было пять лет (я - с 1935 года) и первое отчётливое воспоминание из детства - это июль 1941 года. Сельская площадь в центре, на столбе - громкоговоритель, из репродуктора несутся военные марши, хриплые призывы на священную войну. Улицы деревни (помню и вижу - как сейчас) заполнены толпами людей. Стар и млад, плачущие навзрыд женщины, суровые взгляды мужчин. Запряженные в телеги потные лошади, а на телегах - парни и молодые мужчины, и среди них - мой отец. Колонна медленно движется через деревню и выезжает на тракт - в сторону Тюкалинска, где сформирован призывной пункт.

Обоз исчезает из виду, и провожающие медленно расходятся по домам. Мы, пятилетние пацаны, остались на улице, возле свежих, выкопанных под телеграфные столбы, ям. Глина в кучах - мягкая, липкая, и мы охотно лепим из неё фигурки зверят и птиц. Нам, малолеткам-несмышлёнышам, ещё невдомёк была вся горечь и тяжесть событий.

* * *

Все годы войны труженики сел и городов области трудились дено и ношно, отправляя на фронт хлеб, масло, валенки, полушубки, винтовки, снаряды. Вся промышленность Омска и области срочно переводилась на выполнение оборонных заказов.

Воины из города Тюкалинска сражались под Москвой, Сталинградом и на других фронтах. Это - Михайлов, Наймушкин, Лебедев, Константинов, Желудев и многие другие.

Выпускница Тюкалинской средней школы Ольга Голубева стала штурманом ночного бомбардировщика, а уроженец деревни Ивано-Сергиевка, командир противотанковой пушки Василий Болтенко одним из первых удостоился ордена Отечественной войны 1-ой степени.

Шофер А.Г. Лунин из села Старосолдатки спас полковое знамя и за это награждён орденом Красной Звезды. Георгий Иосифович Седов, уроженец деревни Федосеевки, является полным кавалером орденов Славы.

Тюкалинская земля стала родиной четырёх Героев Советского Союза. Этого звания был удостоен Филипп Андреевич Лекарев, призванный из деревни Николаевка. Наводчик орудия, он при форсировании реки Десны подбил три танка и уничтожил огнём десятки гитлеровцев.

Второй герой, Иван Константинович Захаров из села Сажино, начал войну командиром танка, а закончил её в Берлине заместителем командира танкового полка.

Герою Советского Союза Алексею Сафроновичу Петухову из деревни Ивановка военное лихо выпало с первого дня войны. Сражаясь бронейщиком, он подбил несколько «тигров» и «фердинантов». Особенно он отличился на Курской дуге.

Василий Иванович Сигов, уроженец деревни Белоглазово, в войне с империалистической Японией руководил высадкой десанта на острове Шумшу. Под обстрелом, при беспокойном море, имея ранение, он с честью выполнил свой воинский долг. Но победы доставались дорогой ценой. Пять тысяч сто сорок тюкалинцев не вернулись домой, памятные обелиски им воздвигнуты во многих сёлах района.

2. О ПОДВИГЕ ВЕЛИКОМ

СВЕТ ОБЕЛИСКОВ

*Как дороги могилы близких
в осенний сумрак и дожди.
О, Родина! Свет обелисков
нам освещает все пути.
Куда б ни шел, куда б ни ехал –
навстречу звезды их горят.
Вдаль прокричи, и слушай эхо –
они с тобою говорят!*

ИЮНЬ 1941 г.

Гортанно петухи кричали
к заре, расправив крылья...
Поля в росе... Не стартовали
ещё в бессмертье эскадрильи.
Ещё рука к руке прижата,
и сладок чуткий сон...
Ночной патруль без маскхалатов
выходит за кордон.
Но жерла чёрных вражьи пушек
в прицеле - на Восток!
Враз тысячи сапог послушно
стучат зловеще в срок.
В мгновение небо, накаляясь,

разносит смертный гул,
рассвет с пшеничными полями
меж взрывов утонул.
И перемолоты с землею
деревни, города.
Окрашены невинной кровью
все судьбы навсегда.
Тот страшный день,
он где-то в дымке
за далью в сорок лет...
Лишь в памяти,
как в точном снимке:
июнь...
синь...
взорванный рассвет.

В МАЕ 1942 г.

Там пахнут клевером поляны,
и пчелы бойкие поют -
что я счастливым, сильным стану...
Отца на фронте не убьют...
Поздней отца вдали убили...
Пацан - я вырос, сильным стал...
душа моя не полюбила
края чужие, где бывал.
А это поле? – здесь по тропке
весною приходил не раз.
Искал в стерне голодный, робкий-
те зёрна, что спасали нас.
Ах, колоски! – зерно на кашу!
В чугулке, затхлые они,
недолго прели. Лица наши
светлели в горестные дни.
Мне не забыть, как в май пахали:
бурёнка - плуг, за плугом - мать...
Я помню те родные дали -
мне только это вспоминать!

НА МЕЛЬНИЧНОМ ПРУДУ

Снопы стоят в тугих суслонах,
цепей звон резкий на току...
И кружат каруселью кони
весь день в коричневом поту.
На «тарантасе» - старой бричке
снопы подвозим мы с полей,
нам, пацанам, вошло в привычку
быть всюду возле матерей.
... Над током пыль и бабьи крики,
седые бороды - молчат.
Меж ними есть Кузьма Никитич -
безрукий, молодой солдат.
Он даст команду и култышкой
руки махнёт - и все спешат...
Он - в гимнастёрке,
знойно дышит -
глаза, как выстрелы, разят!..
И бабы, ярые и злые,
пред ним стихают, онемев...
Им видятся черты родные
мужей, которым нужен хлеб.
... Лишь поздно в вечер, с темнотою,
стихает дробный шум страды.
На западе закат багрово
дымит, в предчувствии беды.

АВТОПОРТРЕТ

И ростом я не выдался, хоть силы
не занимать,
не вышел и лицом...

Я с детства знал колун метровый, вилы
да воз, прижатый плотно бастригом!
Буренка наша жалобно мычала
и, напрягая тощие бока,
тащила плуг,
и к вечеру качалась -
в подойнике ни капли молока.
В избе холодной было очень грустно
когда темнел в пол- неба горизонт,
а в животе как в зимнем поле - пусто.
Но нету детских жалоб: «Всё на фронт!».
Мне в жизни каждый шаг давался трудно,
завидую сегодняшним юнцам
и ненавижу тех, с пустою грудью,
подвыпивших, подобных подлецам...
Друзья смеются: «Слух же у тебя,
медведь на ухо что ли наступил?»
А где им знать -

глуха была изба,
динамик в ней – и тот не говорил.
Теперь, когда я детство вспоминаю,
ко мне приходит музыка полей-
в сто этажей!..

Аж кожу обдирает!..
Там жаворонки выше забирают
к невидимому клину журавлей.
Большой оркестр! На тыщу голосов -
мелодий сто и ни одной фальшивой!
И даже шелест спелых голосков
вплетался в эту музыку счастливо!
... Да, ростом я не выдался, ну что же -
тому виной крапива, лебеда.
Что сердцем глух -
сказать никто не сможет,
а что лицом не вышел -
не беда!

БЕРЕЗА (А В ПАМЯТИ)

Навстречу старая береза
шумит с высокого бугра...
Рассвет на влажных ветках розов
и в черных шрамах вся кора.
Кору навек запомнил с детства,
в те годы страшные войны.
Хотелось вдаль с бугра взглядеться,
там дымы черные видны.
Я помню: пацаном спросонок
спешил весной на косогор
где слышал свист скворца знакомый,
вплывавший в солнечный простор.
Запомнил запах почек первых
и веточки зеленой хруст...
И почтальонши голос нервный...

Глаз материнских боль и грусть.
Пришло письмо отца: «Блокаду
под Ленинградом разорвем
на этих днях...И если надо
за дело правое умрём...»
А вскоре следом - похоронка.
И ветры майские в полях
мне пели в трауре негромко
о безвозвратных, грустных днях.
- Берёза, белая, родная -
те шрамы чёрные в коре
сейчас в весеннем Первомае,
напомнили о той поре...

ДА, УХОДЯТ МОИ ГЕРОИ

Да, уходят сельчане-герои,
словно солнце по вечерам...
И встают над могилами строим
obelisks, навстречу нам!
Партизан Куринных, лётчик Губин,
Грошев- узник концлагерей.
От осколков давних, забуренных
боль несли до последних дней.
Как скрывали её?.. Как страдали,
собирая остатки сил...
... Чей-то внучек играет медалями-
видно, дедушка их относил.
Примеряет мальчонка к рубашке
«За отвагу», «За Прагу», «Берлин»...
-Если б знал, как они пропахли
потом, кровью, тревогой седин!..
... Догорают мои герои,
словно зори, по вечерам.
... У оградок, любовно застроенных,
в карауле стоять тополям.

ГОЛУБОЙ ОГОНЁК

«Голубой огонёк!» -
зал огнями рассвечен:
кителя, блеск погон...
На всю грудь- ордена!
«Голубой огонёк!» -
не забыть в каждой встрече
тот живой,
что горит
в тёмной ночи без сна.
Тот огонь голубой
называется «вечным»
на могилах безвестно
погибших солдат.
Словно звёзды они
освещают путь млечный,
тысячиobelisks повсюду стоят!

... В зале праздничном тосты -
встают ветераны,
и в ответ на награды
звучит вновь: «Служу!»
И опять вспоминают
бои, свои раны,
и украдкой стирают
ладонью слезу...
«Голубой огонёк!»-
незакатное пламя...
атакующий крик... роковая черта...
Встанут дети - отцами,
продлят внуки память!..
«Голубой огонёк!» -
наших душ чистота.

3. ИЗ КНИГИ «ПРИИРТЫШЬЕ, КРАЙ ЛЮБИМЫЙ» (стихи для детей и подростков)

ПЕЧАЛЬНЫЙ ОБОЗ

Площадь райцентра...
Ухабины, грязь -
дождливый июнь сорок первого.
У военкома подтеки у глаз...
Тик на щеке!... Голос нервный...
А репродуктор гремит со столба -
разносятся грозные сводки.
Играет гармошка... Хмельная толпа...
Отец на передней подводе.
Вот тронулся длинный печальный обоз
а с ним вся толпа по поселку...
Пять лет мне. Околица светлых берез...
Мать плачет... Не дам всему толку.

В ГЛУБИНКЕ

Во ржи расцвел овсюг... Вдоль леса медуницы
встают и манят мой с утра голодный взгляд.
Избушечка в лесу одним глазком глядится,
и лодки сиротливые у камыша стоят.
Налево - солончак, и ковыли лавиной
качаются, плывут, как облака,
а солнце прячет в согреть яркий хвост
павлиний...
И лай собачий, тихий, бежит издалека.

В ПОРУ ТЯЖКИХ ГОДИН

Резкий запах смородины,
горький привкус осин...
Это - память о Родине
в пору тяжких годов.
Сорок первый, голодный -
я в весеннем лесу,
как дары от природы -
сноп медунок несущий...

ВЕСЕННИЙ СЕВ

Дорога уходила в небо,
взбираясь круто на бугор -
а дальше - шла в лесистый гребень,
где по утрам стучал топор.
Там на заре, вершины крася,
и травы синего бугра,
вставало солнце:
«Здравствуй! Здравствуй!...» -
встречали гулом трактора.
Внизу, в лугах, текла речушка,
пружиня в сгибах свой разбег...
Быки тянули равнодушно
оглобли стареньких телег.
Зерно в мешках томилось силой,
ссыпаясь в бункеры, звеня.
Вслед сеялки победно плыли,
бросая в землю семена.
А мы под скрип телег веселый
на склад спешили за зерном...
Уж вечером шагали в школу
в военном том, сорок втором...
Но утром вновь дорога в небо
вела нас круто на бугор...
Цвел май... Жгло солнце...
Где б я не был -
всё это вижу до сих пор.

* * *

В куче муравьиной - суета.
Комары назойливей над ухом.
Потемнело... В небе - чернота.

Жду: вот-вот из тучи молот ухнет.
И прокатится веселый гром,
откликаясь в падах и оврагах.
Вихрь взметнется - и начнет погром,
на пути сметая все преграды.
А потом прольется чистый дождь, -
напоит цветы, траву и рожь.

ТРЕХКОПЕЕЧНЫЙ КАЛАЧ

Сорок третий. На фронте отцы...
Мир живет по суровым законам...
Мама вяжет пшеницу в снопы,
с братом старшим их ставим в суслоны.
А потом перевозим на ток,
погоняя в телеге лошадку...
Каждый день так: засветит восток, -
я встаю, обрывая сон сладкий.
Я-то знаю, что стоит калач,
трехкопеечный, не по рассказам.
Было тяжело порою, хоть плачь,
но зари не проспал я ни разу.

ОТ ЗАРИ ДО ЗОРЮШКИ...

У тракториста Сидора
в дому два телевизора -
их некогда смотреть.
В пригоне две коровы,
свинья в хозблоке новом
и с птицей разной клеть...
Есть сапоги с подковами,
костюмы ненадежные,
и даже галстук есть...
Но от зари до зорюшки
на тракторе он в полюшке.
И некогда присесть.

КАК ЛЮБЛЮ!

Б. И. Мишкину

Сторона, моя родная,
в блеске радуг, в свете зорь -
ты, мне юность возвращая,
давней болью не неволь.
Те дымящие закаты
дней войны, больших потерь
иногда тоской накатят -
страшно вспомнить и теперь.
Память ту не предавая,
вновь у бездны на краю
прошепчу: "Земля родная,
как навек тебя люблю!
Как люблю твои плотины,
леса шум и звон ручья,
и весенний гвалт грачиный -
все, чем жизнь полна моя..."

ПАРЕНКИ

Свеклу и морковь
в горшочках звонких
ставила к загнетке жаркой мать...
За большой железной заслонкой
начинало что-то клокотать.
Парилося, дышало с тихим гудом...
В печку лез пронырливый ухват,
на столе у нас сладчайшим чудом
в чашках расточался аромат.
Незатейливые вечеринки...
За окном морозный лунный свет...
До сих пор любовью материнской
светится изба... И тот обед.

* * *

Плывет сквозь ночь моя деревня,
и, мучаясь тяжелым сном,
то вспомнит пашню, то деревья,
то гриву с голубым овсом...
И слышит, как крадется осень,
как ветер мрак с болот приносит.

д. Старосолдатка

ЗАРНИЦЫ

Скатилась с неба колесница
за горизонт... А грома - нет.
Тепло в полях. Хлеб колосится -
не от него-ли молний свет?!

* * *

Помню: в горенке просторной,
в красном от икон углу,
сундучок стоял под шторой...
И дорожка на полу...
В сундучке хранились письма
от отца и - аттестат.
В нем слова на серых листьях:
смертью храбрых пал солдат.
Рядом фото, гимнастерка,
две медали храбреца,
да еще ремень потертый -
вот и все... В сорок четвертом
я остался без отца.

4. ИЗ КНИГИ: «СИБИРЬ, СТОРОНА РОДНАЯ»

В ДНИ ВОЙНЫ

Сруб в проулке стоял много лет,
был похож он на чей-то скелет.
Ветер в щелях свистел, ночью бревна
в темноте проступали, как ребра.
Кто проедет, пройдет - на углы
поглядит и вздохнет: эх, дела?!
И в конце уж войны, в злой мороз
разобрали, сожгли - те, кто мерз.
Через пять страшных, памятных лет
с костылем возвратился сосед.
Не сказал никому он в упрек -
ведь кого-то согрел огонек...

В ДЕТСТВЕ

Темнеет... и розовый глянец
стекает в асфальт, на панель...
А мысль причудливый танец -
за тридевять дальних земель!
Там - речка и лес предзакатный-
в нём галачий переполох...
Вслед девочке в легоньком платье -
старушки задумчивый вздох.
Там - в поле зелёной волною
поднялся усатый ячмень...
Там мальчик на вело тропую
спешит обогнать свою тень.
Озёра в светлейшие линзы
вобрали небес синеву...
Там - мама моя...
Там - Отчизна,
в которой я с детства живу!..

ВОЕННЫЕ ЗИМЫ

В зимы военные, в годы голодные
снег заметал нам до крыши избу.
Помню: в ту, вьюжную ночь,
новогоднею -
ветер свистел одичало в трубу.
Мама крупу и пшено получала
по аттестату, что был от отца...
Праздничный ужин готова, печалась,
нам согревала любовью сердца.

Я ТРОГАЮ ШРАМЫ

Веду на поляне с берёзкой беседу,
ладонью касаясь ветвей...
На шрамах, в коре, открываются бездны -
в них слышу дыханье корней!

И чувствую: время куда-то относит
 поляну, берёзку, меня...
 И вспомнились:
 годы военные, осень
 и горечь холодно дня...
 К нам в мае пришла похоронка-
 под Псковом, в бою пал отец.
 Мы- дети, сидели в избе потихоньку,
 казалось: всей жизни - конец!
 А мама всё плакала...
 ... Давние беды
 внезапно зажгли огонёк,
 я трогаю шрамы, с берёзкой беседую...
 В ладони слетает листок...

А МЕЛЬНИЧНОМ ПРУДУ

Снопы стоят в тугих суслонах,
 цепей звон резкий на току...
 И кружат каруселью кони
 весь день в коричневом поту.
 На «тарантасе» - старой бричке
 снопы подвозим мы с полей,
 нам, пацанам, вошло в привычку
 быть всюду возле матерей.
 ... Над током пыль и бабьи крики,
 седые бороды - молчат.
 Меж ними есть Кузьма Никитич -
 безрукий, молодой солдат.
 Он даст команду и култышкой
 руки махнёт - и все спешат...
 Он - в гимнастёрке,
 знойно дышит -
 глаза, как выстрелы, разят!..
 И бабы, ярые и злые,
 пред ним стихают, онемев...
 Им видятся черты родные
 мужей, которым нужен хлеб.
 ... Лишь поздно в вечер, с темнотою,
 стихает дробный шум страды.
 На западе закат багрово
 дымит, в предчувствии беды.

В ПЕРВЫЙ РАЗ Я ПОДУМАЛ О ВЕЧНОМ

Потемнели поля, перелески,
 замутились у речки глаза,
 и вороньей, картавою вестью
 громыхнула за далью гроза.
 Пыль взвилась!..
 И прогорклые травы
 вдоль дороги взмахнули листвою...
 ... Я лошадкою бурю правлю,
 торопясь поскорее домой.
 На охапке зелёного сена,
 полулёжа, смотрю в небеса,
 где меняется цвет постепенно
 облаков... А меж них - полоса!..
 Полоса с синевой бесконечной!..
 Полоса, как дорога мне в даль!..
 - В первый раз я подумал о вечном,
 беспредельном... И стало мне жаль:
 этот луг, этот сон деревушки -
 эту малую точку земли...
 ... И прикрывши глаза, долго слушал
 как раскаты всё небо трясли!..

МАМА

Мама часто за полночь вставала
 и по половицам тихо шла,
 тонкую лучину зажигала -
 и на кухне расступалась мгла.
 Разгорались с трескотнёй поленья,
 о чугун позванивал ухват,
 и сквозь сон я слышал в печке пенье,
 а под лавкой - посвисты цыплят.
 Жалобно в углу мычал телёнок
 и, скользя копытцами, вставал-
 звякая пустым ведром спросонок,
 сладко дно шершавое лизал.
 Мама открывала двери в сени,
 шла во двор, к бурёнушке в пригон,
 и с морозным паром запах сена
 в кухню плыл, цветами напоён!..

Мама до рассвета уходила
в школу,
где техничкой была -
коридоры, классы мыла, мыла...
А потом у входа нас ждала.
Много лет встречала так, вздыхала,
горбилась...
И мыла допоздна...
И поочерёдно отправляла
в институты
всех троих -
ОДНА!

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Задремали в луговине
одинокое стога...
В поле чистом, на овине -
пышные искрят снега.
Над дорогой ветер ноет
в телеграфных проводах,
даже ночью нет покоя
людям: в них - и боль, и страх!..
Помню: шла война когда-то,
я мальчишкой был тогда...
Уходили в бой солдаты
и стонали провода.
И фарфоровые чашки
с вестью из чужих земель,
в ночь звенели о несчастье,
через вёрсты и метель.

Я ЗНАЮ ЦЕНУ ПОТА

Я праздность с детства не люблю -
точнее, даже ненавижу!

Когда о том вам говорю,
я снова маму вижу.
Весенний холод на полях.
Плуг...Борозда... Бурёнка...
И мамин взгляд: глаза болят
при виде нас, голодных.
С утра за плугом, бороздой
бредёт она, ругая клячу,
а вечером, придя домой,
над похоронкой долго плачет.
Не помню - в чём она была,
что в эти годы ела,
пока не кончилась война-
за стол к нам не присела.
Когда спала, не видел я -
с темна и до темна в работе...
- с тех пор, скажу вам не тая:
я знаю цену пота!

ЗВЕЗДА ОТЦА

Когда в ночи горит его звезда
над тёмными осенними полями -
поют тоскливо, плачут провода,
обнявшись с телеграфными столбами.
Столбы вкопали с первых дней войны,
они тянулись вдоль большой дороги...
Подводы шли на фронт, людей полны-
назад не возвратились после многие...
Звезда отца - она с тех пор горит
вверху над телеграфными столбами...
И стонут провода - то в них звучит
отцовский голос из посмертной дали.

5. КАРТИНЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Из детства меня поразило несколько особых, незабываемый картин. Первая - это когда в деревне объявился дезертир, а немного позднее - узник концлагерей.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

Губин Андрей и Абрамов Андрей
на войну уходили вместе.
Под Харьковом в сорок втором, в «котле»
пропали оба без вести...
А в конце войны, за год раньше всех,
объявились неожиданно в деревне.
Без погон, в шинели приплёлся один
по пыльной дороге в мае -

из германского плена, из концлагерей,
с территории Югославии.
Второго в июне милиционер
выследил на заимке охотничьей -
дезертиром скрывался два года он,
словно волк в своём логове.
Гремела ещё, убивала война
там, вдали, за багровым закатом...
Эти двое, как призраки, жили меж нас -

мы их все ненавидели молча.
Губин Андрей, узник концлагерей,
заговаривал с первым попавшим,
но его сторонились -
презренный плен
был плевком перед памятью павших!
Абрамов Андрей, прятанный в лесах,
пооброс и покрылся коростой,
зимой в погребке полуослеп
и скрывался теперь за погостом.
Не убили его (хотя б надо убить) ,
руки пачкать о дрянь не хотелось -
да в избёнке его трое малых детей
о хлебе голодно скулили...
Не встречаясь между собой
(хотя были дальние родственники),
узник и дезертир по утрам,
как собаки плешивые, за целебной травой,
пробирались в поля незаметно.
Сено косили, рубили дрова
и ловили рыбёшку в озёрах,
и домой возвращались впотьмах,
укрываясь от гневных взоров.
И тот, и другой были «кости да кожа»,
только узник концлагерей
был задумчив всегда и взгляда не прятал,
и большой его лоб был упрям и высок!
Дезертир шелудивой собачкой
с угрожающей позой перед всеми юлил -
кланялся, извивался, как червь,
или чаще во двор быстро прятался.
... Пришла Победа!
Вернулись с фронтов
шесть гвардейцев да пять калек
(на семьсот деревенских дворов).
И напротив избы дезертира
объявился Кузьма с деревянной ногой.
Костылём сучковатым махая,
выгоняя коров по утрам,
заявлял: «Сгинь же, тварь, ты поганая!».
Ясно: то не коровам вослед,
а в лицо дезертира напротив..
Недолго так было: осенней порой
дезертир на рыбалке из лодки
вывалился, и в сети застряв,
захлебнулся грязью холодной.
А сосед через год, весной,
в гимнастёрке на Май появился -

на груди его впалой, больной
орден Славы ярко лучился!
Громко ахали все...
У Андрея глаза
светились достоинством, честью-
в подтверждение всем он газету читал
про бои в сорок первом у Бреста.
Год прошёл.
И с Восточного фронта
сын вернулся - бравый танкист,
стал открытым их дом для гвардейцев
и с застольем, и с пляской под свист!
И Андрей с орденом между ними
чай тянул с заваркой на травах.
Над его худобой все шутили ,
обещая к знахаркам направить!
Да, судьба такова: горечь с узника сняв,
клеймом оставила «кости да кожу»,
хотя в доме был полный достаток.
Мёд, топлёное молоко
пил Андрей каждый день для поправки.
Но напрасно - еда впрок не шла:
на всю жизнь он остался голодным,
худобой за версту виден был
и под вечер, ослабший, шатался.
День за днём всё желтели упрямеи
желваки на щеках - пробил час.
В сенокосную жаркую пору
увезли его в госпиталь в Омск.
А потом слух пронёсся: «Рак!».
То осколки в теле оставшиеся,
что в спине рубцевались подряд-
воспалились...
Открылись раны...
Привезли его вскоре назад
в безнадёжном уже состоянии.
...И не стало соседа под осень -
хоронили всем миром его.
И теперь, только вспомню войну,
предо мной - детство бедное, мама...
И людские, лихие страдания.
Глаза женщин, полные слёз...
До сих пор, вспоминая войну,
вижу я похоронку отца,
вижу улицу вновь деревенскую,
где крадутся во тьме ко дворам,
словно призраки, два Андрея,
так похожие - «кости да кожа»...

Второе: на всю жизнь запомнился день, когда в наш дом девушка принесла «похоронку».

ПОЧТАЛЬОНША

Тоненькая, голенастая,
с сумкой брезентовой на боку
утром ранним и вечером поздним
проходила она по селу.
Шла по лужам иль знойной пыли
из края в край - в семьсот дворов
три деревни объединились:
Старосолдаткой звали село.
Ни газет, ни последних известий
ждали сельчане, а писем с фронтов,
где в строчках живое дыханье
братьев, сынов, отцов...
Она, обходя грязь и рытвины,
пробиралась вдоль шатких плетней.
О, как её ждали и как боялись,
склоняя головы перед судьбой!
Старики и старухи на лавочках,
измождённые руки на колени сложив,
перекрестясь, степенно кланялись.
Одинокие женщины,
руками грудь плотней обхватив
(чтоб сердце потише стучало) ,
окружённые притихшею ребятнёй,
из калиток распахнутых выходили.
Молодки, невестки навстречу
выбегали, её окружив.
Шла она по селу -
вслед, с письмом, улыбались,
растерев по лицу скупую слезу.
Без письма - тихо, молча молились.
И почти, и почти всякий раз
где-то в улице, сердце морозя,
раздавался пронзительный плач!
И взывали собаки, и небо темнело,
и стекались люди, о горе скорбя...
Мне тех дней не забыть -
и теперь по ночам
часто снятся кровавые зори,

ржавый лист под окном
то скрежещет, то стонет,
и пасхально поют в темноте провода.
Почтальонша была подростком, не более,
откуда-то приехавшая - беженка от войны,
потому-то, наверное, её так уважали
и с любовью усаживали в каждом доме.
Она письма читала и улыбалась,
если в письмах надежда жила.
И смущалась она, морщилась и страдала,
если горечь и боль звучали в строках.
О, сколько страданий чужих и потерь
вместилось в одном её сердце!
Ко всему человек привыкает ?
Враньё - она не привыкла.
В майский вечер(помню, словно сейчас)
долго- долго стояла у нашей ограды,
что-то маме дала- слабо охнула мать
и упала на землю, рыдая.
А она, тоже плача, закрыв лицо
руками, ушла, спотыкаясь...
И завыл вдруг наш пёс,
и качнулась изба.
И собралась уйма народа.
Кто-то гладил меня,
кто-то хлеб мне совал...
Я сбежал огородами к речке.
Губы сжав, горько думал, пацан:
раны, кровь, оторвало пусть руку-
допустимо. Но как это- смерть?!
Почтальоншу еще много раз
встречал, сумку возненавидя,
замечал грусть больших серых глаз.

А потом её что-то не стало.
Говорили: в больнице она,
в райцентре, долго лежала,
всем понравилась - больным и врачам,
и сестрой милосердия там осталась.

ИЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Самое первое воспоминание из военного детства - это когда в деревню на второй год войны неожиданно вернулся без руки, с медалями на гимнастерке, бывший тракторист-гармонист, весельчак Василий. Ему было всего за 20, но выглядел он намного старше. Все односельчане смотрели на него, как на героя, а мы, пацаны, часто толпами ходили вокруг его избы. Жил он вдвоем с женой, больной и тихой Анной, счетоводом колхозной конторы, очень любившей детвору. Василий с одной рукой редко играл на гармошке, зато освоил профессию парикмахера, и в его избе всегда было полно людей.

ПАРИКМАХЕР

*Парикмахер однорукый
на селе моем большом
был один, и не от скуки
мы спешили в низкий дом.
В выгоревшей гимнастерке
он, медалями звеня,
и во всю дымя махоркой,
мог рассказывать полдня.
Про бесстрашие саперов
и про взводный пулемет...
И о снайпере «матером», -
пацане в пятнадцать лет.
Вспоминал и переправу,
где попал в крошечный ад...
Сам при этом быстро, плавно
вихри умирал ребят.*

*Полотенце и расческу
он «культышкой» прижимал.
Мне кивал - «Садись-ка, тезка,
как прикажешь, генерал?..».
Про отца мне слово в слово
повторял, как вместе в бой
в сорок третьем шли под Псковом,
как поздней встречались снова,
уверял - «Отец живой!..»
И, вздыхая незаметно,
наклоняясь, стриг меня –
и во взгляде его светлом
плыли искорки огня.
Рукавом пустым, линиям
задевал лицо слегка,
и казалось мне - дрожала
смерть выдавшая рука.*

Каждый год, когда наступает май, в моем сердце возникает двойное чувство. Да, весна - это радостное ощущение жизни, ощущение величия Победы!! Это чувство, наверняка, знакомо многим, но в то же время во мне - пустота, во мне – 1944 год, непреходящая печаль того деревенского мальчугана.

* * *

Жестокий Май!..
Там на рассвете
погиб отец... Цвела сирень...
И ныне грустью давней светит
тот солнечный весенний день
... Мои стихи - мои дороги.
Из них не выбросит теперь
раздумий и сомнений многих
как память горькую за дверь.
Как есть – таким мир принимаю:
едины «радость-боль», «свет-мрак».

Иду всю жизнь навстречу к Маю
и не могу дойти никак..
И обелиски, монументы
отчётливей весной видны,
мне не вплетать цветные ленты
венками в праздничные дни.
Признаюсь, по душе мне осень
за скромность, хмельную красу,
но если откровенно спросят -
Я в детстве потерял весну!

Я часто бываю на своей Родине, в селе Старосолдатское. В центре посёлка, у старого здания военкомата, в скверике стоит обелиск.

ОБЕЛИСК

Дом кирпичный,
старый- в окнах пыль!..
(был когда-то он военкоматом).
Рядом – скверик.
В нем белеет шпиль
obeliska ... (Список павших...
Дата...)
Как во сне, рукою по лицу
провожу, припоминаю годы:
сорок лет мне,
тридцать два отцу...
Старше я? –
и непонятно вроде...
Щеки запыхали,
вдох притих...
...Вспоминаю детства
мир огромный:
суп ел с лебедой...
и чёрствый жмых...
запрягал свою Буренку в дровни.

Собирал на поле колоски...
с дедом ставили снопы в сулоны...
Усмехался дед: "Зажмем в тиски
все вражье – картечью их каленой!".
Но однажды - не забыть лица
почтальонши,
постучавшей в двери с похоронкой...
...Горю нет конца...
- Хочется, как прежде,
ждать и верить.
...И к подножью
наклоняясь низко,
землю я беру
под обелиском –
вместо той,
не взятой мной с могилы-
на чужбине, где отца убили.

д. Старосолдатка, Тюкалинский р-н

6. АЛЕЮТ ЗВЁЗДЫ

МОЯ ЗВЕЗДА (звездная ода)

* * *

Моя Звезда! -
Ее я помню с детства,
точнее с дня, всем памятного дня:
со скаткой серой, жесткой шел отец мой,
прижав к груди притихшего меня.
Звенела медь оркестра...
Одичало
крик женский раздавался у подвод...
И на пилотке у отца сверкала
ЗВЕЗДА!!
- Темнел далекий небосвод...
ЗВЕЗДА,
ее алеющее пламя,
казалось, раздвигало мрак заката!
И люди, с полными от слез, глазами
Невидяще смотрели вслед - на запад!

* * *

Преданье в детстве как-то слышал я
от бабки, что Звезда своя –
у каждого... Умрешь - и та Звезда,
сорвавшись вниз, сгорает без следа.
И страшен был годов тех звездопад,
ведь что ни день, несли в мою деревню
листочки похоронных на солдат...
Но разве в смерть отца я мог поверить?!
... Девчушка с почты гладила меня,
рыдала мать, соседи у дверей...
И провода, ночь напролет звеня,
поют и плачут сотней матерей!

* * *

Бал-маскарад, бенгальские огни...
В фойе огромном кружимся одни...
На елке снег, повсюду громкий смех...
Иголки острые сверчками светятся...
Нежны слова на затемненной лестнице...

А позже в улице - холодный мех,
насмешница-луна и льдинки звезд...
На Север, вскоре, лейтенант тебя увез...
Но для меня, чтоб ни было, а ты
осталась той же девочкой- снежинкой,
моею первою таинственной слезинкой,-
той звездочкой, слетевшей с высоты,
что раньше всех взошла и посветила...
И кажется: вчера все это было!

* * *

Есть кинозвезды, звезды театральные,
спортивные... и прочие...

Воображенье будоража раннее
меня, как и других, в звезду пророчили.
Пророчили, но кончено с пророчеством,
иные звезды мне в пути зажглись -
те люди, что единым росчерком,
преображают, утверждают жизнь!
Те, кто дыханьем каждым приближает
мечту страны, вложив в нее сердца...
На чьей груди сверкает Золотая
пятиконечная Звезда!!!

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА

(поэма, напечатана впервые в газете «Крестьянское слово» 21.04 1985 г.)

В городе Тюкалинске, в День 20-летия Победы над фашистской Германией, на дощатых воротах дома одной из улиц был вывешен щит со словами: «Прохожий, остановись. Здесь живёт герой-партизан Куриных Филипп. Он защищал тебя, Родину»

...Прошли годы. Дожди и вьюги выбелили щит, уже трудно разобрать надпись. И только звезда, как и прежде ярко-алая, призывно светит издалека.

1
Мемориальная доска - единственная,
историю которой знаю я.
Смотрю и вспоминаю, перелистывая
за годом год, обиду затая.
Нет! Я не против слов «Он не умрёт!...»
Что «с нами навсегда!», что «Он
бессмертен!...»
Но горькой правды в них не достаёт,
как иногда в красивой киноленте.
Без надписи я помню этот дом,
бревенчатый...Наличники резные...
Зелёные рябины под окном
и синь небес - как песни о России!

2
Словно пули, свищут пчёлы,
и вокруг - цветы...
Отчего так невесёлый,
молчаливый ты?..
В огородах - алы маки,
песни за рекой.
Чайке хочется поплакать
над чужой бедой.
Кличет, в сердце беспокойя
память грозных лет,
рвётся в небо голубое
отблеском ракет!..

3
Небо гулами расколото -
трассы огненные в нём.
Взрывы, как удары молота,
и закат горит кругом.

Лопаются парашюты,
словно пены пузыри!
Пули взвизгивают жутко -
смерч внизу, замри.
Весь десант почти расстрелян
в воздухе... Кто уцелел,
в темноте ползут до цели -
это лишь начало дел.
А потом - леса, болота...
Партизанские бои...
Полицай иль унтер - кто ты?
Кто? - не знали и свои.
Был разведчиком в отряде,
и пришёл с войны назад
ты, без званья и награды,
безымянный наш солдат!

4
Невысок, слегка кряжист,
с льяными волосами,
в разговорах не речист...
Добрыми глазами
настороженно смотрел
с грустью незаметной...
Позже дядька между дел
рассказал секрет мне:
Книжки есть про Ковпака
и отряд Медведева,
есть в них факты с «потолка» -
правде не соответствуют.
Потому другой Филипп,
Куриных - предатель...
Видно, в тайны те не вник
«ветрогон»-писатель.

Он - разведчик, тот Филипп
под чужой фамилией..
Прочитал Филипп, и сник:
докажи - столь минуло.
Нет архивов, нет того...
Кое-кто подшучивал.
От насмешек, от всего
боль под сердцем мучает...

5
Опять весна!.. Победно распевают
ручьи. прёт веток молодой побег...
Филипп. нас с дядькой у ворот
встречая,
к себе ведёт на праздничные обед!
За стол сажает, рюмки наливает:
«Что ж, с 1-м Маем, праздником весны!
И с праздником моим...»- и нам читает,
читает телеграмму из Москвы.
Читает - а глаза слезой застлались,
читает - пятна света на лице!..
В Москву на день Победы приглашали
те, с кем дружил во вражеском кольце.
Москва!.. - как долго ждал он это чудо.
Москва! – он жил надеждой до конца...
Теперь ему во всём поверят люди,
не будет больше тени подлеца.
Прочёл. Присел... И нежно обнимая
жену и нас, шутил: «Моя весна
пришла...».
Румянцем ярким занималась
на щёках каменная желтизна.

6
Аэропорт. Москва... Филипп с друзьями,
которых мог не встретить никогда!
...Потом места боёв, где партизанил,
и встречи- с кем свела судьба тогда.
Вернулся из Москвы счастливым, светлым -
но как-то сразу занемог и слёг...

ИЗ ПАЛАТЫ «БЕЗНАДЕЖНЫХ» (поэма)

10 декабря 1975 года. Омск. ИФК. Актный зал института переполнен. Лекцию «Физическая культура и спорт» читает кандидат педагогических наук, мастер спорта Юрий Павлович Симаков.

...Сталинград.
Декабрь, двадцать третье...
В битве, равной которой нет,
повстречался впервые со смертью
в восемнадцать неполных лет.
Я механик – водитель танка,
на кровавом и черном снегу,
в ожогах сплошных и ранах,
коченел под железный гул...
Очнулся – бинты, примочки,
нашатырь, рядом чья-то кровать.
Бодрый голос: «Морской летчик,
Николаем Петровичем звать...»

7
О нём писали многие газеты,
на пионерский приглашали слёт.
А он лежал в больнице, на окраине,
в лесу, где осень тихо шелестела,
и зная, что смертельно раком ранен -
спокоен был, собравшись до предела.
Москва, ему награды высылая,
запрашивала о его здоровье -
а он, уже подолгу погружаясь
в какой-то сон, сдвигал сурово брови.
Лететь на юг отказываясь вежливо,
с тоской следил в окне за облаками.
Не помогли профессора приезжие-
болезнь была запущена годами.
Остановилась стрелка золотая
часов, ему подаренных в Москве...

8
И я стою, и снова вспоминаю,
как в первый раз навстречу вышел мне.
Не в орденах, не со страниц газетных,
где интервью о подвигах просили,
а тот - простой, и внешне неприметный,
каких встречаем мы по всей России!..

Рот открыл в ответ,
но болью
пронзенный куда-то поплыл
по широкому дальнему полю
в разрывы, в снежную пыль.
Скрежетало, визжало железо,
вспышки,
взрывы и скрежет опять...
Вновь очнулся – в халатике, вежливая,
присела сестра на кровать.
Девчонка совсем, косички,
пронзенный куда-то поплыл
по широкому дальнему полю
в разрывы, в снежную пыль.

Скрежетало, визжало железо,
вспышки,
 взрывы и скрежет опять...
Вновь очнулся – в халатике, вежливая,
присела сестра на кровать.
в руке дрожащей стакан...
Шевельнул губами – коричневый
поплыл пред глазами туман...
Много дней и ночей: только взрывы,
отблески да железный гул,
тихий шепот: «Вы будете живы...»
И скрипящий рядышком стул.
Лишь позднее узнал,

 что в палате
«безнадежных» я долго лежал.
Без руки и ноги, седоватый,
от гангрены сосед умирал.
Мой раздробленный позвоночник
немел – я бездвижно гложу,
глазами моргал и примочек
ощущал жар под тихий вздох.
Наступало порой облегченье,
возвращалось сознание на час,
мой сосед говорил:
«В лечении
главное – настроенье сейчас.
пронзенный куда-то поплыл
по широкому дальнему полю
в разрывы, в снежную пыль.
Скрежетало, визжало железо,
вспышки,

 взрывы и скрежет опять...
Вновь очнулся – в халатике, вежливая,
присела сестра на кровать.
Девчонка совсем, косички,
пронзенный куда-то поплыл
по широкому дальнему полю
в разрывы, в снежную пыль.
Скрежетало, визжало железо,
вспышки,

 взрывы и скрежет опять...
Вновь очнулся – в халатике, вежливая,
присела сестра на кровать.
в руке дрожащей стакан...
Шевельнул губами – коричневый
поплыл пред глазами туман...
Много дней и ночей: только взрывы,
отблески да железный гул,
тихий шепот: «Вы будете живы...»
И скрипящий рядышком стул.
Лишь позднее узнал,

 что в палате
«безнадежных» я долго лежал.
Без руки и ноги, седоватый,
от гангрены сосед умирал.
Мой раздробленный позвоночник
немел – я бездвижно гложу,
глазами моргал и примочек

ощущал жар под тихий вздох.
Наступало порой облегченье,
возвращалось сознание на час,
мой сосед говорил:
«В лечении
главное – настроенье сейчас.
Ты же молод, силен,
 крепок духом,
а пока, так сказать, не ночь.
Есть глаза и вдобавок два уха –
«Studieren wir Deutsch».
Он знаком хорошо мне с детства,
рядом с нами немка жила.
С переполненным тяжестью сердцем
начал я повторять слова:
«Rigen, Sieger, Held, sagen,
Stimme, Studium, Wissen, schnell...», –
повторял я, смысл точно угадывая,
уплывала постель в метель.
Я глазами косил на учителя,
и сквозь сжатые зубы, сквозь боль
прорезались слова мучительно:
«Wunde, alter, wohnen, woll».
Загоралось в душе свечение:
«Tod und Nacht, Frieden – Ziel,
Vaterland, lieben», – как излечение
вливалось в жестокую быль.

* * *

Около двух недель продолжалось изучение немецкого языка. Состояние моего соседа, гвардии майора морской авиации Сконины Николая Петровича, резко ухудшилось...

Лунный свет белою краскою мажет
стены, пол...
Всюду призрачный свет.
Уральские острые кряжи
чернеют в окне, как скелет.
Сон, истерзанный болью и бредом,
похож на загробный мир...
Слышу стон, вроде как от соседа:
– Это, вы? – я тихонько спросил.
– Да я ... – Николай Петрович
отвечал, тяжело дыша.
Что-то плохо

 мне, друг, не скрою,
просит воли иной душа.
Не зови медсестру, не надо,
чувствую, не помогут врачи,
выслушать наберись отваги:
у меня нет родных почти,
а семья вся осталась на западе,
все погибли... Пойми, теперь
ты – как сын мне,
 тебе моя заповедь –
не бойся лишений, потерь,
только в лучшее верь!

И запомни: из всех драгоценных
сокровищ на земле
самые дорогие – ВРЕМЯ и ЧЕСТЬ.
Береги ВРЕМЯ и ЧЕСТЬ!
Я смотрел на соседнюю койку:
плечи виделись и голова –
большая, седая, с достоинством
повторяющая слова:
«Береги ВРЕМЯ и ЧЕСТЬ!
ВРЕМЯ и ЧЕСТЬ!».
Зыбкий свет разливался по комнате,
заполняя проемы, углы,
необычно силой я наполнился –
всех повязок трещали узлы.
Дрожь из сердца влилась в суставы:
руки, ноги пронзила искра,
шевелинулись пальцы –

оттаяли!

Я заплакал...

В рассвете утра
окна медленно ширились синью:
«Будешь жить!» – плыли
звуки во мне.
Только тот, кто назвал меня сыном,
навсегда холодел в тишине.

* * *

Начались упорные занятия физической культурой. Целыми днями проделывал массу упражнений, разрабатывал подвижность рук и ног, лежа крутил «велосипед». Поправлялся быстро. Через месяц меня выписали и направили в штаб дивизии как знающего немецкий язык. За три месяца экстерном прохожу программу института и работаю в качестве переводчика.

Бои все дальше уходили на запад. И здесь, в конце войны, меня включили в группу по подготовке материалов к Нюрнбергскому процессу. Дни и ночи приходилось сидеть над толстыми папками обличающих документов. Ужасы зверств и нечеловеческих испытаний со страшной силой навалились на меня. Галлюцинации преследовали меня повсюду, я совсем перестал спать, мечась в ночном бреду...

По земле оголенной, израненной,
присыпанной серым пеплом,
ползет чудовище странное,
цепляясь клешнями крепко.
В горло впилося Ленинграда,
тянется злобно к Москве,

в степях
у стен Сталинграда
прячет жало в траве.
Присосками, словно пиявками,
пьет чудовище кровь,
виселицами – удавками
душит к свободе любовь.
Нации порабощая,
ползет вперед напролом,
сознание уничтожая,
порождает низость и зло.

Ад мучений: Майданек, Освенцим,
Маутхаузен, Бабий Яр...
В чудовищных «фабриках смерти» –
удобренье и даже «товар».
В дамских сумочках из человеческой
кожи – судьбы чьи-то и боль!
Парики – их хватит на вечность!
Горы челюстей – известь и соль!
...Я по снегу бреду за Зоей
босиком, с Карбышевым стою
раздетый... Метель злобно воет,
застываю глыбой во льду...
Мне на пытках отбили печеньку...
Стариком задыхаюсь в дыму...
Я расстрелян вместе с ребенком...
Столько выпало мне одному!
Сон за сном!

Вот глухая полночь.
Вижу: с дочкой сжигают мать.
Закричал:
«Что же вы, сволочи?!...»
И, проснувшись,
не смог привстать...

* * *

Со мной случилось страшное: паралич правой половины туловища. Ожили, заныли старые раны. Комиссия, обследовав, определила инвалидность первой группы и направила в госпиталь под Москву.

В Подмосковье цвела сирень...
Волшебством пробужденья объятый,
вливался весенний день
в раскрытые окна палаты.
Надрывались в восторге скворцы,
растревожено галки кричали,
цвел рассвет...
Длинные веток концы
тополей у окна качались.
Ближе всех, тонка и светла,
сияла березка, казалось,
в косички сережки вплела
и о чем-то заветном шептала.

... Вспыхнули так знакомо слова
тихим шепотом: «Будете живы!...».
Дальше, в дымке, его голова:
«Ты отныне мне вроде сына...».

* * *

И снова начались ежедневные занятия физической культурой. Медленно, постепенно восстанавливались чувствительность руки и ноги, а затем и движения. Начал мало-мальски ходить с костылем. В госпитале встретил День Победы...

Выписался – и сразу в Омск. Кроссы и езда на велосипеде, зимой – лыжи. Через год полностью восстановился, но, памятуя, что нужно иметь запас прочности, не прекращал ежедневных занятий. Вскоре я показал результаты второго спортивного разряда по велоспорту и лыжам. На лето в отпуск уехал на юг и там все время не слезал с велосипеда. Чудесное превращение: был калека, а прошло два года – я с крейсерской скоростью проношусь по побережью Черного моря.

Шины шуршат,
распевают
знакомый веселый фокстрот,
асфальт под колесами тает
на солнце...
Жжет губы пот...
А может, не пот льнет соленый –
а ветер свежий
морской,
а может, то брызги зеленой
бегущей волны озорной.
Педали вовсю выжимаю,
не дрогнет сверкающий руль...
Вдоль берега чайки мелькают,
как веер
трассирующих пуль!

* * *

Вскоре меня пригласили в военкомат и поставили на учет. С тех пор прошло много лет, я выполнил норматив мастера спорта по туризму, много участвовал в различных походах. Ныне я член Союза журналистов, изучил шесть иностранных языков, был на

Олимпиадах в Мехико, Саппоро. Написал десяток книг, готовлюсь к докторской диссертации. Мне 54 года, зимой я пробегаю на лыжах ежедневно 20–30 километров, летом в кроссе 15–20 километров...

«Лекарство – яд», –
записано в трактатах,
я без таблеток разных обхожусь!
Я не курю, не пью – на то характер,
люблю рассвет и утра новизну!
Когда темно

и в небе чуть светает,
неслышно отделяясь от земли,
бегу я на зарядку, ощущая
огромный мир, простершийся вдали.
На набережной, в сквере, ночи тени
исчезли,

росы светят на цветах.
И красота рассветная мгновенна –
нетронутая, девственно чиста!
И каждый день неповторим и светел
твоим раздумьем и твоей мечтой!
Но есть же чудачки на белом свете,
кто СПОРТ считает

манией пустой.

Бывает так:

бегу я в парк на кросс,
а парни едко из окна машины
кричат:
«Эх, скипидару бы под хвост!».
Другие:
«Вот дурак, вот одержимый...».
Поздней, под вечер повстречаю их
у магазина, на троих делящих,
и небосвод, что ласков был и тих, –
качнется пьяно, матерно кричащий...
Работаю я часто допоздна
и мучаюсь в сомнениях, и помню:
прекрасна жизнь, но коротка, одна –
и надо каждый час делами полнить!..

* * *

Юрий Павлович Симаков – живая легенда. Профессор, доктор наук Сибирской академии физической культуры, ответственный секретарь Олимпийской академии, мастер спорта. В сентябре 2000 года ему исполнилось 75 лет, но и сегодня, как и все последние годы, он стартует в многокилометровых пробегах, выигрывает соревнования среди ветеранов, участвует в Сибирском международном марафоне.

Книга «Я знаю правду о войне» напечатана с большим сокращением и ее можно считать началом ПОЭТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА (том второй, раздел первый).

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ, ВЕСЕННИЕ ЗОРИ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел второй)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ, ВЕСЕННИЕ ЗОРИ

НА РАССВЕТЕ

Над поляной
пар тёплый струится
и две бабочки кружат вокруг,
и одна на рукав мне садится...
Светит солнце!
Ликует весь луг?!
Звень - Звень - Звень! -
распевает мне скворушка...
Жур - Жур - Жур! -
подпевают ручьи...
Ни заботы тебе и ни горюшка
на лице отогретой земли.
Гуль - Гуль - Гуль! -
в небесах синеоких...
Тук - Тук - Тук! -
зачастило в груди.
Верю в наши с тобой, недалёкие,
встречи светлые впереди?

НАЧАЛО МАРТА

По ночам трещит морозец -
щиплет уши по утрам!..
Только днями тёплый воздух
всё нежнее льнёт к щекам!
Как сегодня потеплело?! -
пригорюнились снега...
Даль в лугах рожком пропела,
расступились облака.
Небо - выше!..
Больше сини на проталинах небес,
и снимает долгий иней
полудрёмный, серый лес!
Всполошились вмиг синицы,
раскричались воробьи...
С крыш блестят сосулек спицы,
пар плывёт из колеи!..

СОЛНЦЕ ЖЖЁТ...

Ах, как душным
становится ворот...
В грудь втекает весна.
Свежий ветер - с тобою я молод!
В вольном поле дорога ясна!
Солнце льнёт золотыми лучами
к почкам, травам...
Ожили леса!..
Кружат бабочки... Враз зазвучали
птичьи песни на все голоса!
Крадучись, в лес вхожу осторожно-
встреча с чудом повсюду возможна!

ПРИЛЁТ ЛЕБЕДЕЙ

Стою под солнечною гривой:
ещё озёра подо льдом,
ещё снега в лесах кругом -
и этот, сказочно- красивый,
миг постигаю я с трудом.
... В заре, над талою землёй,
чернеющей, дымящей паром,
летят так низко, так устало
большие птицы...
Взмах тяжёлый,
должно быть ослабевших крыл -
казалось в воздухе застыл...
Но только кликаньем весёлым
ко мне навстречу отзвук плыл!..
- И вспоминается мне осень:
уже пустынные поля
и в снежном инее земля,
затянутая дымкой просинь...
В озёрах только полыньи -
и стаи лебедей лавиной
скользят от Севера, как льдины,
как дни тоскливые зимы...
... Так каждый год
в глухую осень
на крыльях лебедь снег приносит,
и точно так же, за собой
несёт разливы рек весной!!

КОНЕЦ МАРТА

Всё преходяще: возвращая
невинность снега, новизну -
земля подарит снова к маю
черёмух белых новизну!..
Ещё пока не много сини
в проталинах меж облаков,
без молока бурёнок вымя,
бродящих среди пустых лугов.
А мне уж - чудится подснежник
на той поляне, где весной
бываю с каждым годом реже -
где повстречались мы с тобой
Март хмур, он только обещанье
улыбчивых, весёлых дней...
Он, словно первое свиданье,
таится нежности своей!..
Март ветреный,
но птичьей песней
разбужен потеплевший лес...
Мне показалось - мир окрестный
настраивает свой оркестр!

8-ОЕ МАРТА

С покатою крыши: кап да кап!..
Здесь с южной стороны
парит бревенчатый чердак...
Здесь лужи вдоль стены.

Здесь солнце щёки нежит мне
тем ласковым теплом,
которое живёт во сне
метельным зимнем днём.

* * *

За окном ночь поёт монотонно,
Я читаю роман не спеша:
Лев Толстой смотрит, словно с иконы,
со страницы...
Светлеет душа.
Вронский с Анной на выезде- скачки,
искры сыплются из – под копыт...
Левин с Китей укрылись на даче,
их влюблённость не знает границ.
За картиной всплывает картина:
Век забытый, прекрасный, старинный...

* * *

Судьбы, годы нелепо смешались,
и в тетрадку ложатся стихи...
Ах, века?!

Неуёмная жалость
за высокую страсть и грехи!
Что жалеть? Что искать?!
-в сердце спрячем
зависть к прошлым, наивным векам.
Отчего же страдаем и плачем...
Князь Болконский вознёсся к Богам.

ПРИШЁЛ АПРЕЛЬ...

Да, холод зимний был жестоким...
Швыряла в окна снег пурга...
И вот – апрель! Бурлят потоки,
разливы скрыли берега.
И вновь душа мечте открылась,
и хочется безмерно жить:
творить, любить, лететь на крыльях-
несбывшееся совершить!..
Земным трудом увековечить
себя- взрастить хлеба, цветы!..
... Гул тракторов в родном Заречье -
чернеют свежие пласты.

БЬЮТСЯ ЛЬДЫ...

В заре мерцает луговина
и слышен клич пролётных птиц.
Плывут по речке, бьются льдины -
в осколках блещут иглы спиц!
А у моста – затор...
Армада
из хрусталя и серебра!..
Под хруст и звон я пью прохладу
и забываю боль утрат.
Ну, что в груди моей сомненья
пред буйством солнечной воды,

перед весенним вдохновеньем,
с которым звонко бьются льды!?.

* * *

Воронье карканье – долой!..
Прочь трескотню сорочью!..
Живу со светлой головой -
души мне не морочьте.
Сын кулака - моя звезда
в полях моих родимых,
хочу фамильный свой подряд
вернуть из лет гонимых!
Хочу иметь своё лицо
и память и заветы.
А в главном деле - стать творцом,
ведь песни не допеты!..
Гори! Гори моя заря
рассветная, святая,
чтоб ночью тёмной не зазря
слова летели стаями!..
И верю, шелуху снесёт
весенним половодьем.
Пусть долго тает скрытый лёд -
я с каждым днём свободней!!

БУРЁНКА

Жуёт корова жвачку не спеша,
на солнышке апрельском вольно
дышит,
под крик гусиной стаи с Иртыша...
Ей чудится: на луг зелёный вышла...
Но луг пока в разливах, пуст и
жёлт...
Скрипит пустой сенник открытой
дверкой,
а солнце припекает, даже – жжёт!
И взгляд коровьих глаз смирен,
доверчив.
Облизывая тощие бока
шершавым языком, глядит бурёнка –
как летним блеском светят облака,
как скворушка поёт на ветке звонко.

ВОЗВРАТИЛИСЬ

На гриве заря в талых водах
зажглась,
жнивье позолотой сверкает...
ДВА ЛЕБЕДЯ С КЛИКАНЬЕМ, НИЗКО
кружа,
сядутся на поле, с края.
Купаются в луже и зерна клюют
усталые белые птицы,
и шеи выгнув, глоточками пьют
живую, родную водицу.
Приветствуют криком родные края,
и капли, как жемчуг, стекают с
крыла.

* * *

Осколки белых льдин на берегу
играют хрусталем, горят лучами.
Я, радостный, с веслом к реке бегу,
сверкает лодка черными боками.
Мы с дедом конопатили вчера,
пазы кипящим варом пооблили...
И вот, я в лодке, и кричу: “Ура!..”
Гребу против течения что есть силы!

* * *

Блеск зари...
На заливах у старицы
рыба плещется, утки кричат...
Слышу я, как листки распускаются
на берёзах, как травы хрустят...
Ещё выпадет злобный озимок
льдом покроет ручьи и овраг,
Но подснежник –
цветок мой любимый
на поляне сияет, как маг!..
А скворец, чёрным фраком блистая,
на скворечник присел и поёт...
Взмыла с плёса гусятинная стая,
продолжая на Север полёт.

ЗАТОР

Льдины мчат во весь опор
по реке могучей...
У моста опять затор –
льдины сбились в кучу!
Треск и скрежет... Ледокол
жмёт, гудит призывно.
С хода глыбы расколол!..
Волны плещут
зыбко.

ЖИЗНЬ ПРОБУДИЛАСЬ

Майская зорька... Воркующий свет
в двери и окна струится...
Пульс на висках убыстряет свой бег.
Иду на мостки я умыться.
Алость пылает на глади речной,
чайка плёс с лёта целует...
Ива махает мне веткой-рукой...
Миром рассветным люблюсь.
Жизнь пробудилась. Рассветом звеня,
чудо весны наполняет меня.

ПЕРЕСТРОЙКА

Жизнь рекой весенней бьется,
и тесны ей берега...
Кто последний посмеется? -
Не смешно еще пока.
Где я буду,
с кем - не знаю.
На поклон к кому идти

и какое нынче зная
предстоит в строю нести?
Но парады
надоели,
надоела болтовня.
Дни идут...
Прошли недели...
С чем останусь завтра я?

ЖЕЛАННЫЙ МАЙ

Широким плёсом разлилась река,
над старицей ветвей виток зелёный.
А дальше - берег с желтизной песка,
Разлив - и стаи птиц...
Их клич влюблённый.
Желанный май!..
Промчался ледоход,
В овраге расцвели, желтея, ивы...
... Вот показался белый теплоход-
И слышу я гудок, такой счастливый.
д.Бородинка

ЖИЗНЬ НЕЗАБВЕННА

Любовь прекрасна и мгновенна,
как свет зари, цвет василька!..
Весенней речкой белопенной
она проносится, легка.
Но не напрасно половодье-
на заливной, зеленый луг
приходит с верой преисподней
забота, труд крестьянских рук.
Медовый запах сенокоса:
рядки сгребли, из копен - стог!
И так всегда. И нет вопросов:
Любовь плюс труд - судьбы итог...
Пройдут года, взрослея, дети
подарят внуков старикам...
Нет, незабвенна жизнь, коль светит
из наших дней иным векам.

* * *

Луг и роца заискрились
в свете утренних лучей...
За рекою, вдруг, открылись
купола... Их нет светлей!
Вижу, как позолочённые
в вышине кресты горят...
Слышу речи потаённые -
то святые говорят!..
... За речной изгиб тропинкою
Прохожу - какая тишь!..
Колокол звенит слезинкою...
О, душа, о чём грустишь?!

МАЙСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Крики чаек вблизи над рекой-
майский зов над привольным разливом!..

Что им надо? Какою мольбой
переполнены стоны счастливо?!
За окном предрассветная синь.
Синь! - как воля, как доля, как радость.
Шепчет синь: «Растворись, сердце вынь!...»
- Не пойму, что сегодня всем надо?
Галки скопом призывно галдят
возле гнёзд, в зеленеющих ветках...
Сизари на карнизах искрят
опереньем, воркуя с рассвета...
Воробьиный неистов напев,
надо же - воробьи так распелись?!...
А дразнила - скворец, охмелев,
подражает всем нотам апреля.

МАЙСКИЙ ЦВЕТ

Осыпаются яблоньки
и летят лепестки,
как живые, озябшие
белые мотыльки.
Обнажаются яблоньки -
не озимок, не снег...
Хорошо б одеть валенки,
Те - которых уж нет.
Ветер льдистый разносит
с веток майскую цветь...
Вечно так: когда просят
Теплоту - её нет!
Так природою велено,
так преданье гласит:
хорошеет Вселенная
когда солнце - в зенит!
Нынче - холод, и яблоньки
сыплют вниз лепестки...
- Как озябли, озябли вы...
Наши взгляды близки.
Холодание белое!
Синий май, белый цвет...
Что с собою подедаю?..
- Ваши руки, как снег.

МАЙСКИЙ ДЕНЬ

О, эта теплота земли!..
Крик воробьиный радостный.
Остатки снега залегли в кустах...
Овраг, в нём - заводи.
В них светит талая вода,
что солнечными днями
с полей, лугов сошла сюда,
сверкая ручейками.
... Часами я в полях брожу
по светлым, чистым лужам:
Вот чибис взмыл по виражу...
вот две вороны кружат...
А вот, в низине кое-где
ростки травы пробились...

- Возникли лучики в воде
и - взгляд мой ослепили!..

МАЙСКИЙ ЛУГ

Когда гнетёт хандра, недуг
и в сердце радость убывает,
вдруг в сны приходит майский луг -
даль оживает, расцветает...
В ней- жаворонок в синем небе...
И на разливе - белый лебедь...

МАЛЬЧИШКА БОСОНОГИЙ...

Просёлочной дорогой
к соседнему селу
мальчишка босоногий
шагает поутру.
Там - школа, и там в классе
ждёт парта и друзья...
Вслух вспоминает басню,
чтоб лучше рассказать...
В лесу прохладно, сыро,
с ветвей, как дождь, роса.
Цветы зонты раскрыли
и смотрят в небеса.
- Вот первый луч несмело
лист жёлтый обласкал...
Вот птичка зазвенела
и ветер заплескал...
И слышно: где-то в поле
грохочут трактора...
Всем существом доволен
мальчишка тот с утра!

БЕЛАЯ СОВА

Ночью белая сова
стала полу-чёрной,
машет крыльями едва -
в луг летит дозором.
Из норы полёвка вышла -
камнем вниз, сова - на мышку.

* * *

Весна прекрасно лечит нас
проталинами, небом синим...
И чистотой девичьих глаз -
тех первых - так любимых!
Взгляни! - как пламенем зари
зажглись в озёрах воды.
Вновь пробуждается в крови
желанье быть свободным.
.. Пью сок берёзки молодой,
ищу в полях подснежник,
опять светлею головой
и ощущаю нежность.

БЕЗ ТЕБЯ

Да, в помыслах всегда с тобою:
с утра до ночи и во сне
жду встречи -
с грустною мольбою
мне звёзды светят в вышине.
В глуши ночной я различаю
твой голос... И хочу позвать...
... Над Иртышом крик резкий чаек...
Вот в окнах начало светать.
Ах, письма- письма, жду подолгу,
Но в них не просто всё понять -
а есть коварные, что подло
умеют истину скрывать.
А. письма-чайки, чудо-письма,
на взморье Рижское слетать
прошу вас...
Мысли мрачно виснут
и кажется я стал дичать!..
Во сне – с тобой,
 весь день - с тобою,
Но в полночь странно одиноко...
И небо за окном ночное
звёзд осыпает холодок.

* * *

Будешь веточкой малой
на ветру трепетать,
снеговой водой, талой
почек звон наполнять!..
Ты – во всём,
 всюду ищешь
встреч со мной... Мне в лицо,
ивой тонкой склонившись,
дышишь вновь горячо!
И опять, кровь волнуя,
раскрывая цветы,
прошлому повинуюсь,
где-то рядышком ты...

* * *

Полюбила девушка поэта
в полночь при мерцающей луне...
Шёл июль... И буйный запах лета
был настоян, видно, на вине.
Загорались искорками звёзды
в их глазах...
И ночь вокруг цвела,
опьяняя, лился лунный воздух,
музыка со всех сторон плыла
Первою красавицею юной
девушка слыла.
А он, студент
 неизвестный, скромный
 ночью лунной
клялся ей в любви на сотни лет.
Как она слова его ловила!

Как к нему тянулась в забытьи!..
В поцелуях страстных сердце билось,
поднимаясь в небо от земли.
Встреченные отблеском рассвета
под туманной, белою фатой
верили: известнейшим поэтом
станет он, она- его звездой!..
Ей мечталось - в золоте витрины,
гул театра, слава и почёт...
Время шло... И часики старинные
бедности былой вели им счёт.
Безысходность...

 В дорогих машинах
по театрам не возили их.
Ей, красивой, кланялись мужчины
и дарили перстни, а не стих.
Тётки, вся родня, как на совете
вторили ей: «... Замуж бы пора...».
И смеялись: «Что нашла в поэте?
Есть завбазы и директора...».
Злилась, но решила, вышла замуж
за седого доктора наук,
а поэт напрасно в парке, там же
ждал её шагов привычный стук.
Вскоре он не выдержал, уехал
и исчез бесследно навсегда...
И осталось ей на память эхо:
«Ты моя прекрасная звезда!!»

ТВОИ РЕСНИЦЫ

Опять навстречу распахнёшь ресницы -
и сразу станет улица мала!..
Мне хочется сбежать, уединиться...
- А ты сама, взяла, и подошла?!
Красивая, в раскрывшихся ресницах,
смешинки в уголочках пряча,
стоишь ты молча...
Как же мне решиться
на те слова - заветные, горячие?!
И на себя обидно, даже - злость,
что смелости до сих пор не нашлось?!

* * *

Не танцы - скачки
Зал полупьяный выл, скакал...
Под светомузыку конючил...
Не разберу: кого кто мучит?..
Как в преисподнею попал.
Вот из последних уже сил,
дистрофик в судороге бьётся...
А дева, укрощая пыл -
 прогнулась...
Мини-юбка рвётся.
Мне не понятен дикий визг,
я плавность музыки приемлю,
мне хочется опять в деревню,

где под гармонику и свист
чечётку с дробью, трепака,
или «камаринскую» нашу,
с такою удалью вдруг спляшут -
что пыль посыплет с потолка.

* * *

Болотный осенний туман
укрывает притихшую речку...
Сенокосный дырявый стан
приютил меня в этот вечер...
В речке плещется рыба в сетях...
а сквозь щели вверху -
отсвет звёздный!
В нём - ечты о безвестных мирах
и о счастье моём невозможном.

* * *

Под горой течёт речушка,
в тальнике - запруда.
Голос маленькой пичужки
слышится оттуда.
Осторожно вниз спускаюсь
и прохладой наслаждаюсь...

БРОШЕННЫЙ КОЛОДЕЦ

Замшелые стены колодца
с наростами белого льда...
Бадьёй зачерпни -
и прольётся
чистоты родниковой вода!
А пчёлы, дырявя весь сруб,
разносят вокруг запах мёда.
В колоде рассохшейся тут -
скотину поили вроде.
Не слышится цокот коней,
не слышно коров мычанье.
Три бочки -
что ночи черней,
застыли в холодном мерцанье.
Пустеет загон для скота
и домика нет уж у леса...
Бурлила жизнь неспроста,
обедал я здесь под навесом..
Сейчас, в кулаки пальцы сжав,
слежу за далёкой деревней...
Оттуда, вдруг кони, проржав,
промчались и скрылись в деревьях.
Другой есть у них водопой
с вышкой стальной, насосом.
Хозяин живёт там «крутой» -
не любит моих расспросов...

ЭХ, МАЛЫШ?!

«Ну, о чём же ты плачешь, малыш?..
Кто тебя, разобидел, хороший....

Подойди же ко мне, что стоишь...
Дай твои мне ледышки-ладоши?!
Посмотри мне скорее в глаза,
может плакать – то вовсе не стоит...
Я бы сам мог тебе рассказать,
как моё попирают достоинство
Но всегда, стиснув зубы, молчишь...
- Потерял, говоришь, рукавички...
Ничего. Мама купит малыш
новые- будет всё отлично.
Ну, а то вот - что я растерял,
не купить ни какими деньгами,
не вернуть никакими слезами:
сам себя, в основном, обокрал.
Растерял годы...

Тяжек был путь,
и сейчас дни сгорают, как спички...
Эх, малыш, мне б с тобою всплакнуть?!
Потерять бы и мне рукавички...

ПУТЬ К ТЕБЕ

Мой путь к весне - через снега,
через метели и морозы.
За счастье плата дорога,
и надо жить достойней, строже!
Наверное, длиною в век
был путь к любимому причалу.
Надежды, словно русла рек,
с годами иногда мельчают.
Но верь: любовь моя сильней
невзгод, любого расстоянья.
Ты с каждым часом мне нужней.
Жду. Верю в близкие свиданья!

* * *

А девочке было шестнадцать...
Все в школе её любили.
Ей нравилось улыбаться...
Но в сквере дикость случилась.
И вот она - полунагая
Лежит - в рваном платье, в кустах.
И слышу я рядом проклятья
у многих людей на устах.
Несколько ран ножевых
покрыли шею, предплечья.
Почему же не знали вы
кто с ней был замечен?
Жестокая времени была.
Подъехала «Скорая помощь».
Говорят: с нею юноша был,
сын директорши, впрочем.
Я смотрю, размышляя о вечном,
на девушку - юное чудо!
Этот юноша -
«Зверь-человечек»,
для меня он - Иуда.

Рядом матери страшный крик,
обезумевшей сразу от горя.
Окровавленный солнца лик
прячется в вышине от позора...

НА ПОБЕРЕЖИЕ

Там, где волны сбрасывают пыл,
где черта свиданий проходила -
там, на волнорезе, ждаль любил,
чтоб тебя ко мне волной прибило!
Появляясь в брызгах предо мной,
ты на камень скользкий выплывала -
он, зелёный, с мягкой травой
становился вроде пьедестала!
И твой тонкий профиль над водой
в бронзовом загаре, под лучами
отливал такую чистотой,
что в висках прибоем кровь стучала!..
Волнорез от берега вдали -
волны бьют..

Шипит, стекая пена!..
Рядышком проходят корабли,
нам с тобою море по колено?!

* * *

Вот опять я
загляделся
на девчонку.
Для чего?! - укором
седина...
Нет, чтоб не заметнее, сторонкой -
всё туда же манит сатана.
Кажется, дарованные небом
губы, я ещё не целовал!
Кажется, ещё женатым не был
и любви своей не повстречал...
- Солнце в лужах!
Запах клейких почек -
о цветах пока ещё мечтать,
а девчонка в голубом платочке
продолжает впереди сиять!
...Провожая взглядом я девчонку.
Для чего? - укором седина.
Видно в сердце тоже, не в печёнку,
постучала и ко мне весна!

* * *

Берег крут, вода большая
разлилась по той по весне...
Никогда и не узнаешь
как была мила ты мне.
Там в лесу,
где цвёл подснежник,
повстречал тебя с другим.
Ветер майский, тёплый, свежий
плыл по веточкам тугим.
Шли вы рядом...

Улыбаясь, ты кивнула мне смеясь...
(И как девушка любая,)
красотой своей гордясь...
Я, охотник, повелитель
тайн озёрных и лесных -
разве мог кого обидеть
в царстве солнечном весны.
Лишь ружье слегка качнулось
на брезентовом ремне,
и кусты вокруг сомкнулись...
Простоял я в стороне.
... Сколько раз потом ночами
в снах своих искал тебя.
Тайных встреч с тобой не чая,
ждал, что скажет мне судьба...
С морячком поздней встречаясь,
поздним летом, как-то вдруг,
ты с родными не прощаясь,
укатила с ним на юг.
Говорили: поженились -
через год и развелись...
И одна, оставшись с сыном,
мыкаешь вдали там жизнь...
Я всё ждал чего- то...
Письма, что писал не раз вослед -
прятал...
...Друг шутил: «*Не кисни,
ангелов на свете нет!*».

ВСЁ - ПОТОМ, ПОТОМ

Невзгоды, боль пришли потом...
- Вначале, над вечеряющим прудом
слова твои звучали.
Слова надежды и любви,
и светлой веры...
И этот свет мне озарил
день предосенний, серый.
Расплата, боли – всё потом...
- Вначале,
под небом чистым, голубом
мечта для нас качалась!
Звенела тоненько звезда,
скатившись в травы...
И верил я, что навсегда
одна ты мне по нраву!
Но время шло... , а что потом?..
- Вначале, гонимы робостью, стыдом,
с тобой прощались...
Прощались, утро не дождав,
без поцелуя...
О, как в тот час я был не прав,
разлуке повинуюсь...
С разлукой той вся жизнь потом
меж нас поизмельчала...
И хлещет дождь в лицо кнутом,
сковали льды причалы.

Потом снег белый без конца
и злобный ветер -
но больше твоего лица
нигде не встретил!..
- О, сколько всякого потом?
Забыл начало...
Ночная птица над прудом
в насмешку прокричала...
Я, как больной, брожу в лесу
и звёзды,
слезами катят по лицу - но поздно!
И тишина поёт: потом!..
- И нет начала,
где нас с тобою над прудом
луна венчала?!

* * *

Весенние дымки
над заалевшей заводью...
С утра к ней долго шли
с тобою за город.
Уж солнышко в зенит
забралось,
только слышно
как тишина звенит
и ветки зной колышет...
Дыхание твоё
с моим соединилось...
Вдох каждый -
волшебство!
Не здесь ли мы влюбились?!

* * *

Весна расплескала ручьи,
набродилась берёзовым соком,
и от песен, звенящих вдали,
стало небо просторным, высоким!,
Первой травке, пригретой листве
не хватило исчезнувших лужиц.
Им приснилось: в большой синеве
Где-то тучка желанная кружит.
Мнится дождик седым тополям,
запылённым проспектам и крышам,
мнится дождик в полях мужикам,
что на сеялках с зоркой вышли.
Снится дождик и мне за окном:
я люблю когда он тарабанит,
то вначале, тихонько, тайком,
то потом - трескотней барабана.
В полудрёме я сплю и не сплю...
Вот процокал трамвай, словно конник...
Чу! В рассвете звон капель ловлю,
что дробинками бьют в подоконник...

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Жизнь длинна...
ХРАНЯ ЗАВЕТЫ
убелённых стариков,
поднимаюсь до рассвета
с криком первых петухов.
И несую свою я ношу,
берегу превыше глаз
от напастей, бед непрошенных
родительский наказ:
«Плате снову, честь смолоду
береги...
Люби Родину!»
И теперь, когда я слышу
что напился в первый раз,
накурился, сматерился -
дружбой, честью поступился
в первый раз,
лишь в первый раз?!
Я на это отвечаю:
«Свят родительский наказ,
силу воли, ум и нервы
собери - и стань примерным!..»
- Что там, в первый или не первый,
всё равно в неверный раз.

* * *

В восемнадцать лет казалось:
мир навстречу, всё - к тебе...
Я любил всегда вокзалы
в разъездной моей судьбе.
Города встречали звоном
и теплом больших огней,
я стучался, как к знакомым,
не боясь глухих дверей.
Время шло
и с каждым годом
становился мир сложней.
И менялись люди, моды
всюду по стране моей.
Стал я в чём-то осторожней.
В чём-то сдержанней, скромней...
Понял я, что невозможно
другом быть у всех дверей.
Есть в душе моей потери
И, хотя я стал иным,
всё же многим людям верю –
верю честным и простым.

ВЕСЕННИЕ СПОРЫ

Вальдшнеп – лесной куличок,
квохчет над тихой поляной.
Красавец, драчун-петушок
кружит в рассвете туманном.

Маховых перьев изгиб
рассвечен лучами...
Навстречу – соперник:
бой в ярости сшиб
друг с другом их
в споре извечном!

НА БЕЛОЙ ГРИВЕ

Ликует лес!...Ручьи – в лучах зари,
а день назад белели здесь сугробы.
В овраге серебром вода искрит,
а почки вербы –
злато высшей пробы!
В рассветной дымке, прямо на меже
два косача в зазывном иступленье,
как в бубен бьют, ярятся...И уже
крылами хлещут,
рвутся в наступленье.

НА РАЗЛИВАХ

Майский ветер освежает –
нежит губы, щёки, лоб...
В ручейке вода живая
о любви поёт взахлёб!

РОДНАЯ СТОРОНА

Обмелели берега
Оши – узкой речки...
На лугах видны стога,
дым костра - колечком.
Ивы у пруда грустят,
заросли дорожки...
Провода сверху звенят
песнею тревожной.
Скотный двор и городьба
бедных огородов...
Брошенной стоит изба –
в окнах тени бродят.

ВСТРЕЧА С БАРСУКОМ

Белые и черные полосы
к носу протянулись от ушей...
Юркнул в норку под кривой
березкой
Я дивлюсь на лабиринт траншей!
Поископана вокруг поляна,
свежий грунт... Вот старая нора...
– Как подземный замок ?!
Очень странно...
Вечереет, мне домой пора.

ТРИШКИН УВАЛ

С детства я тебя познал:
лес на склонах, травы...
Возвышался ты, увал,
гривой величавой!

В согре, под горой, смородина –
запах чудный, запах Родины!

* * *

Налетел горячий ветер –
пыль, как облачко, скрутил.
Раскачал у ивы ветви.
Вдоль по речке прокатил.
Рябь осталась на воде...
Прошумел - и нет нигде.
Только долго в черной тучке,
что над лесом проплыла,
бился майский гром могучий,
закусивши удила.

* * *

Тучка холодком пахнула,
писк и крик с кустов смахнула.
Зашумела ветерком
над березовым листком.
Потемнел полдневный луг.
Слышен цокот – капель стук.
В воде играют солнца лучики,
бежит река за поворот.
Полукольцом искрит излучина,
в ней остров с ивами встаёт.

ЗАКРАИНА

Скатилась талая вода
с увалов в чашу озера...
Враз растопила кромку льда
под берегом березовым.
А ивы желтые стоят
по грудь в воде...
Горит закат...

РАЗВЁДРИЛО

Ясный, солнечный денек
снова над деревней...
Ведро – словно огонек
из наречий древних.

* * *

Оранжевое в синем
над плесом занялось!
Берега раздвинув,
половодье понеслось!
И белый лед, сверкая,
торжественно плывет, поет,
звенит, ломаясь,
попав в водоворот!
Отсвечивая холодом,
стоят в воде талы,
и веточки их – молоды,
и почки так светлы!

Гудит буксир протяжно,
пуская белый дым.
О, как сегодня важно
и мне быть молодым!..
Причал слегка качается
под робкий всплеск волны,
в тревожном крике чайчем
слова твои слышны!..
Мерцающая, синяя
запламенела гладь!
- Заря, ну обними меня
и дай весной дышать!

Мартовской ночью
В лесах – чарым, жестокий снег...
Пастись косякам худо,
и что ни шаг – то с кровью след...
В сугроб ложатся грудью...
И стайкой медленно бредут
к жилью, на огороды,
а сзади – вой... Их здесь спасут,
накормят, в лес проводят...

ДЕРЕВНЯ ОСТРОВНАЯ

Здесь встарь по весне
разливалась вода –
озерами даль отражалась.
На гриве высокой, где леса гряда,
деревня светло возвышалась.
Стога и кустарники плыли в воде...
Ручьи, словно малые речки,
победно журчали
под пеной везде...
Казалось: так будет навечно.
Но нынче прорыли
канал обводной,
плотины построили, гати...
И стало так грустно:
не видно весной
разливов сверкающей глади.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

АПРЕЛЬСКИЙ ПРОСТОР, ПРИЛЁТ ПТИЦ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел третий)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником для будущего читателя.

АПРЕЛЬСКИЙ ПРОСТОР, ПРИЛЁТ ПТИЦ

В АПРЕЛЬСКОМ ПОЛЕ

В вечернем поле холод, сырость.
Как алый мак,
во тьме - костёр!..
Весна, ты дай тепла на милость,
с утра шёл снег
и я промёрз...
Здесь на поляне цвёл подснежник-
повяли, сникли лепестки...
Но в полдень солнце грело нежно
снег превратился в ручейки!
Уж вечер... Я смотрю устало
на луг туманный, на костёр...
Заря высвечивает алость -
и светом полнится простор!

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

День майский в сумрак потонул...
А дождь в лицо бил с ветром,
с небес катился грозный гул...
Я у берёзы встал под ветви.
Минут так двадцать...
Ливень схлынул.
Скатились тучи за леса...
До блеска рощу дождик вымыл.
На листьях капли - как роса!
Вмиг солнце брызнуло лучами -
зацвёл по-новому простор.
Очнулись птицы, закричали...
И в грудь мою вошёл восторг

* * *

Цвела весна. Сверкала даль.
Русалка паренька любила.
Но развела их жизнь...
А жаль?!.
Что речка страсть не сохранила.
На берегу один стою,
и также птицы мне поют.

ТАЛАЯ ВОДА

Теплый ветер в ивах свищет.
В каждой луже – небосвод.
Нет вкусней, прохладней, чище
этих чудных талых вод.
Пью водицу из-под снега,
вытаив во льду глазок.
Ах, какая сладость, нега –
леденцом скользит глоток!

МАЙСКАЯ ЗОРЬКА

Майская зорька...
Воркующий свет
в двери и окна струится...
Даже петух
кукарекнул: «Привет!»
Иду на мостки я умыться.
Алость пылает на глади речной,
чайка плёс с лёта целует...
Ива мне машет веткой-рукой...
Миром рассветным любуюсь
Жизнь пробудилась,
рассветом звеня -
чудо весны наполняет меня.

В НОЧНОМ

А озеро пустынно стынет...
Вечерний луг. Густой туман...
И у коней видны лишь спины,
они пасутся по кругам.
Нерезкий всхрап...
Мотанье гривы...
И ботолов вечерний звон...
Луг в сумерках, в речном заливе
утиным криком приглушён.
... Ночное - детство удалое!...
Как оседлать теперь коня,
забыв всё горестное, злое,
помчаться, радостью звеня.
Колени сжав на влажном крупе,
не зная, что есть и стремяна,
руками гриву нежно спутать,
к которой ластится луна...
Тот вечер тихий, предосенний-
его вовек не позабыть:
... Костёр... Коней пугливых тени...
И этот звон, и эту зыбь.

СМОТРЯТ ЖЕНЩИНЫ...

Всплывает над городом утро
продираясь из тьмы и тумана,
в халатах ночных тихо, смутно
в окнах заспанных женщины встанут..
Одеяла в кроватках поправят
и неслышно пойдут по утру,
всё, что в мире прекрасно,
по праву
их обязана ласке, добру!
Их рукам - нежно любящим, гибким,
их глазам, не боящим беды,
горестной их, до боли, улыбке,
неспокойному стуку в груди!
И вступая в тревожное утро,
погружаясь в заботы, труды -
смотрят женщины ясно и мудро.
Помни: жизнью обязан им ты!

ЛУННЫЙ СВЕТ

В небе меж тучками вышла луна
и осветила речушку до дна:
белые рыбки неслышно скользят...
блеклые травы задумчиво спят...
Грустные листья поникших берез
в капельках светлых мерцающих рос...
Снежные совы к поляне летят,
белые мыши у норок сидят.
В белой, хрустящей одежде я сам...
Всюду бело – даже больно глазам!

* * *

Лилия кудреватая
мне качнулась в лицо,
лепестки ее красные
сжались в полукольцо.
Посредине цветочка
копошится пчела...
Оглянулся. Тропинка
в хвойный лес привела.

* * *

Под забором, где крапива да лопух,
у крапивницы в гнезде уложен пух.
Как в теплице, в этом крохотном
раю
три птенца таращат клювы на краю.
Желторотые, смешные враз пищат:
«Где ты, мама,
прилетай скорей назад !»

* * *

Марьин корень, пион розоватый
лепестками неслышно дрожит.
Из оврага, из тьмы сыроватой
он на солнышко снизу глядит.
Май прошел, а тепла еще мало,
но цветок излучает свет алый!

* * *

На ромашковом лугу
веселится лето.
С удочкою я бегу
в синеве рассветной.
Котелок звенит в руке,
мне рыбалка – “хобби”.
Наш бычок на поводке
по лужайке бродит

У МОРЯ

Моя душа летит к озёрам,
к прозрачной, голубой воде!
- Люблю сибирские просторы
и не забуду их нигде.
Мне даже солнечные пляжи
у моря, не заменят их?!

... Лежу и думаю: «Вояжи
к чему, не пишется коль стих?!».

ВЕРНОСТЬ

Верность - скромности сестра,
ей совсем не надо славы,
с верой сильным станет слабый...
С верою- рассвет с утра!
Год за годом, в зной и стужу,
- лжи, вранью наперекор,
устремляем к звёздам взор!
Всем влюблённым
верность служит...

БЕГУ В ПОЛЯ

Паршивый город... Пыль да газы
бьют в ноздри. Под ногами - грязь!..
- Бегу от всяческой заразы
туда, где горизонта вязь
связала землю с небосводом,
где вольные шумят леса;
в поля, где ветрено, свободно
и где синеют небеса!..
... Люблю в чашобе заблудиться,
у родника в тени напиток!..
В туманной свежести забыться!..
Раздумьем долгим насладиться -
как будто заново родиться!..
... И снова в город
возвратиться,
прийти - и не узнать себя!..
И жизнь по-новому любя,
спросить:
в чём всё-таки судьба?»

ВЕЧЕРНЯЯ ЛИНЕЙКА

В сосновых лапах прячется заря,
играет горн и в такт под барабаны
идут колонны, лучики горят
на галстуках...
И лица всех румяны.
Мне в детстве не пришлось шагать в
строю
под знаменем, салют неся высоко,
и потому вдвойне благодарю
я этот миг, что пролетает около.
Серьёзны лица девочек -
Верны они присяге...

Мальчики - тем более...
Опущен флаг... и наплывают сны
над затихающем в тумане полем.
Труба трубит отбой -всем на покой...
Кому-то будет сниться дом и мама,
но утром не попросится домой,
лишь губы подождёт тайком, упрямо...

пионерлагерь «Красноярка»

В ОПЕРАЦИОННОЙ ПАЛАТЕ

В палате чисто и светло:
Белым-бело, белым-бело...
Как будто снега намело
на простыни в кровати,
на медсестру в халате,
на руки, поперёк груди,
на лица и бинты...
Заходят из других палат,
где сами ходят и едят -
поговорят и подбодрят,
предложат разные услуги,
заботясь словно бы о друге.
Хотя ты всё ещё в бреде -
приносят вкусную еду.
... Закрыв глаза, лежу бездвижно
и всяко думаю о жизни:
пожалуй, раньше я встречал
людей, лежащих здесь в палате,
но доброты не замечал
какой сейчас они мне латят.
Ведь боль моя - их стала болью,
готов принять любую долю!
И нежностью к ним проникаюсь
и что в больнице я, не каюсь.

И чую: в сердце прорастают
ростки большой любви -
так капли ало проступают
на марле белой от крови...

ВСЁ КАК ПРЕЖДЕ...

Дождь пролил... Десяток радуг
над рекою... Всюду - грязь!..
- *«Здравствуй, старая ограда,
что грустишь ты, накрываясь!?
Здравствуй домик! Здравствуй детство!..
Петушиный, здравствуй, крик!..
Дайте, дайте наглядеться -
я от вас почти отвык...»*
... Вижу рядом - солнце в окнах...
Голоштанная орда
мчит по лужам- все промокли.
Брызги градом - не беда!
Всё как прежде: небо, ливень
и речушки светлый лик...
Рядом плачется крикливый,
потревоженный кулик...
Прохожу вдоль огородов
по тропиночке крутой.
Захотелось, как в те годы -
искупаться под горой.
Тот подсолнух ярко-рыжий,
речки голубую гладь -
всё, что рядом слышу, вижу -
я готов расцеловать!
Улиц грязь - и та, родная!

Край родимый не кори,
освежи меня прохладой
и любовью напои!

ВЕСЕННИЙ СЕВ

Дорога уходила в небо,
взбираясь круто на бугор -
а дальше - шла в лесистый гребень,
где по утрам стучал топор.
Там на заре, вершины крася,
и травы синего бугра,
вставало солнце:
«Здравствуй! Здравствуй!..» -
встречали гулом трактора.
Внизу, в лугах, текла речушка,
пружиня в сгибах свой разбег...
Быки тянули равнодушно
оглобли стареньких телег.
Зерно в мешках томилось силой,
ссыпаясь в бункеры, звеня.
В след сеялки победно плыли,
бросая в землю семена.
А мы под скрип телег весёлый
на склад спешили за зерном...
Уж вечером шагали в школу
в военном том, сорок втором...
Но утром вновь дорога в небо
вела нас круто на бугор...
Цвёл май... Жгло солнце...
Где б я не был -
всё это вижу до сих пор.

ВСТРЕЧА С ЕНОВИДНОЙ СОБАКОЙ

С серо-бурою окраской,
с бакенбардами на морде -
осторожен зверь, опасен...
Лучше мне его не трогать.
Только я взошёл на горку -
юркнул он проворно в норку.
Заглянул: там ветки ёлок,
терпкий запах от иголок...

НАЧАЛО МАЯ

В воде острова...
И на радость грачам
ивы всю расцвели,
а у фарватеров вновь по ночам
бакены ярко зажглись.
Ранний рассвет...
Набережной иду
от гостиницы «Омск» до моста.
Вода день за днём прибывает...
Плывут осколки последнего льда.
В сваи бетонные бьётся волна,
крутит вьюны под мостом...
Прёт половодье...

Река так сильна –
как щепкой, играет бревном.

МАЙСКАЯ РЕКА

Весенним, ярким солнцем
обласкана река,
в ней, с самого-то донца,
всплывают облака.
Вдоль берега- лужайки
с зелёною травой...
- На что вы чайки жалуйтесь,
крича так надо мной?!

В МАЙСКОМ НЕБЕ

Раскуривает полдень синий-
облака, как колечки дыма...
Здесь связано всё с твоим именем
и юностью неповторимой.
Озера глазами рассветными,
твоими, встречали меня.
Трезвонили птицы в ветках
и задумчиво пели поля.
Я бродил по росе нетронутой,
по щемящей большой тишине,
представляя тебя недотрогаю-
улыбающейся только мне.
Рвал цветы полевые, разящие
свежестью, да и чем-то таким,
чем не пахнут розы изящные-
был тот запах дыханьем твоим.
... Лежу под берёзою. В небе
вершина плывёт в облаках,
травинки зелёный стебель
горчит у меня на губах.
Нежен запах его непорочный...
- Ах, к чему вспоминать
давность, впрочем?..
То, что в дни те меня осеняло -
ты с другими, поздней, осмеяла.

* * *

Белопенная поляна
расцвела клубникой!..
Гром неожиданно сверху грянул-
травы враз поникли.
Зашумел по веткам дождь,
гвозди вбил в дорогу!..
... Молвит мама: «Дождалось
лето, славу Богу.
Значит будет урожай:
ягоды, грибочки...
Наберу тебе на пай -
лишь подлатать мне бочки...»
С сенокоса с ней идём,
головы не пряча,
умываемся дождём -

был денёк горячим.
Завтра в город уезжать -
жаль мне луг с речушкой,
и лесную благодать
с грустною кукушкой...

НА ОСТРОВАХ

Гребу на вёслах... В тьме - горят костры
вдоль тальника на отмели песчаной.
Сгустились краски. С узенькой косы
смотрю я на разлив реки зеркальной.
Идёт в затон с огнями грузоход.
вслед бакен красный за кормой мигает,
а с набережной вальс-бостон плывёт-
там танцплощадке, молодёжь гуляет.
А я один на островке... Сюда
рыбачить вечерами приезжаю.
Здесь чёрным гляцем светится вода,
и в тёмных бликах звёзды остывают.

Я ПРИКРОЮ ТЕБЯ

Разыгрались майские грозы
над лугами, залитых водой...
Раскачались со свистом берёзы
с неокрепшею, тонкой листвою.
Не гляди на меня так тревожно-
я прикрою от бури тебя...
...Машут ветками робко берёзы
и в вечернее небо трубят.

РЕКА ДЕТСТВА

По речке Оша, солнышком сверкая,
плывут эскадрой голубые льды...
Я на одной из льдин –
шестом толкаюсь –
и мой восторг из сказочной мечты.
А надо мною чаек клич призывный!
А в окнах изб – искрят, горят
лучи!.. Плыву!!.
Нет ничего прекрасней в жизни.
Река и лёд!.. И сердце – так стучит!..

МИР ЛЮБОВНЫЙ «СВЯТАЯ СВЯТЫХ»

Разольётся Иртыш по весне,
отзовётся нечаянным всплеском...
Будут ивы купаться в волне,
и утонут по- грудь перелески.
Рыба в старицу выйдет метать,
отложив миллионы икринок,
будет в травах густых умирать-
если воды обратно отхлынут.
Сотни птиц на лугах заливных
гнезда ладят,
резвонят о вечном.
... Мир любовный, «святая святых»,
пусть он будет всегда неизменчив.

БЕРЁЗА

Навстречу старая береза
шумит с высокого бугра...
Рассвет на влажных ветках розов
и в черных шрамах вся кора.
Её навек запомнил с детства,
в те годы страшные войны.
Хотелось в даль с бугра взглядеться,
где дымы черные видны.
Я помню: пацаном спросонок
спешил весной на косогор
где свист скворчинный был так звонок,
вплывавший в солнечный простор.
Запомнил запах почек первых
и веточки зеленой хруст...
И почтальонши голос нервный...
Глаз материнских боль и грусть.
Пришло письмо отца: «Блокаду
под Ленинградом разорвем
на этих днях... И если надо
за дело правое умрём...»
А вскоре следом - похоронка.
И ветры майские в полях
мне пели в трауре негромко
о невозвратных, вечных днях.
- Берёза, белая, родная -
те шрамы чёрные твои
в весеннем дальнем Первомае,
в моей душе, в моей крови.

БАРСУК

Белые и чёрные полоски
к носу протянулись от ушей...
Юркнул в норку под кривой берёзой -
я дивлюсь на лабиринт траншей?
Поизрыта вся вокруг поляна,
свежий грунт.
Вот старая нора...
Как подземный замок!
Очень странно...
Вечереет, мне домой пора.

* * *

Бед ушедших, всех -
не сосчитаю,
на висках от них остался след.
Радости в себе не ощущаю -
ну, а может, просто её нет.
В мире неуёмном и тревожном
как творить, когда не просто жить?..
Даже тайну сердца невозможно
человеку близкому открыть.

БОЖЕ

Боже всевышний, на землю сойди-
дай нам молитвы!..

Крест свой спасающий не отведи
от душ, под печалью сокрытых.
Встань над безверьем, разверзни простор
и озари наши лица!..
И над виновным сверши приговор
своей беспощадной десницей!
Боже! - но слабых утешь, пожалей...
Пусть жаждущим чудо приснится..
Явись над просторами вольных полей.
Да имя твоё осенится!

БРОД

Из лесных и крутых берегов
речка вырвалась в поле- притихла.
Разделилась на пять ручейков...
По колено идём в них, не дышим.
Наконец-то нашли в речке брод!
Продолжается трудный поход.

* * *

Не то - ручей, не то - речушка?
Я вижу в тальнике протоку.
Поёт камыш, клонясь послушно
к воде прозрачной, синеокой.
Крик птичий слышен отовсюду,
прохлада в ивах пополудни...

* * *

Богом ниспосланы дыма колечки
в небе над тёмной избой...
Снится крестьянам желание вечное
по волюшке - воле земной.
Нивы богатые, речка - где водится
раба... По-пояс трава...
Ах, пресвятая моя Богородица,
в деревню вернуться пора!
Город крикливый, укутанный пылью,
асфальт, размягчённый в жаре...
Горячий мой череп!..
- счастливые были
мне снятся на ранней заре.
Вернёмся с тобой в край родимый,
Прошепчем - заветные думы свои...
Преклоним колени, и станет нам легче!..
Ведь родом мы все от земли.

ОХОТНИЧЬЯ ЗАРЯ

Шмакову Г.

В полнеба разлилась заря,
и лес звенит от пробужденья!
Я сам - спрессованный заряд!..
Я - тетерев в любовном пенье!
В кустах еще дымят снега,
а с края солнечной поляны
блестит подснежников гряда
и ароматом нежным манит!

Ковер игольчатый травы
зазеленел в лучах апреля,
а почки ждут своей поры –
в тепло не очень веря!
И жаворонок в небесах звенит,
звенит влюбленно,
малиновка поет в кустах
над речкой ослепленной!
И как здесь свежестью такой
не надышаться, не напиться!?

И с посветлевшей головой
в берёзку не влюбиться?!
«Чув-ши!..» - кричат тетерева,
и в парах бьются на поляне...
Пляши!.. Свисти!..
Рождай слова!..
- Пусть выстрел твой не грянет.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

**ВЕСЕННИЕ УЛИЦЫ,
ЗЕЛЕНЬ ПАРКОВ**

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел четвёртый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ВЕСЕННИЕ УЛИЦЫ, ЗЕЛЕНЬ ПАРКОВ

СКВЕРИК

Где асфальт - там и культура:
в клумбах яркие цветы...
Этот скверик не халтура -
дань заботливой руки!
Не решеньем исполкома,
не месткомом сажён был -
старичком моим знакомым,
что всю жизнь цветы любил.
... Разграниченные чётко
по окраске и духам -
маки стайками чечёток
раскрывались по утрам.
В свете радуг - хризантемы,
а мимозы, чуть таясь,
рядом с розами степенно
источали запах власть!..
Но любил я гладиолус!?.
Как журавль сторожевой,
в центре клумбы, в сини вольной
он сиял передо мной.

АПРЕЛЬСКИЕ ГРЁЗЫ

Где сейчас апрельские, прохладные поля,
берёзовые рощицы в серёжках,

тополя...

С мягкою травкою дорожки луговые -
где вы грёзы вешние, грёзы неземные.
Ранним и росистым, утром серебристым,
уходил в туманные дальние леса,
улыбался первым бликам золотистым -
голубыми, близкими были небеса.

Не забыть проталину
с белизной подснежников,
ручейки журчащие в солнечной траве...

Запахи разящие буйной,
нежной свежестью -

как нужны сейчас вы
уставшей голове!?

НОЧНОЙ ГОРОД

Дома притихли, засыпая...
Но всюду в окнах огоньки -
Их, словно кто-то рассыпает
с удачливой своей руки.
Оранжевые, ярко-синие
и желтоватые подчас,
но чаще- белые, как лилии,
плывут ко мне в полночный час.
Люблю по окнам непогашенным
гадать о чьей-нибудь судьбе,

о чём-то спорить, что-то спрашивать
и наговаривать себе!..

Боюсь гудков - они, как выстрел,
среди спокойствия и сна.

... Вновь небо сыплет звёзды-искры,
опять не спится допоздна.

Так странно огоньки мигают,
ведут по улицам в ночи -
как звездочёт, опять стараюсь
к их тайнам подобрать ключи!

КАЗАЧИЙ СОБОР

Был обветшалым
старинный собор -
чего лишь в нём не было:
склад овощной...постоялый двор...
- и даже какое-то ведомство?!..

Стены потрескались,
мхом обросли и постарели...

Строил когда-то его на Руси
правнук дальний Растрелли!..

Ну, а сейчас,

подновлённый собор
в красках и светится радугой!

Окна - глазницы чисто протёр,
город весенний мой радуя.

Вижу афишу: органнй зал
на концерт омичей приглашает!.

Да, возрождение кто ожидал?

- Сказочно время шагает.

Рядышком в сквере гуляет народ,
солнечно светится купол.

Знаю я твёрдо: разруха пройдёт -
мы распрощаемся с мукой.

С Богом любая беда - не беда!

- Вместе безверье осилим!

Купол церковный горит, как звезда,
в полночи синей-синей.

АЭРОДРОМ В ЧЕРТЕ ГОРОДА

В чёрном небе заря зардела
и чудовищный, зычный гром,

разметав тишину очумело,

рвётся в улицы на пролом.

Дребезжат стёкла звонкие в окнах
и кошмары нам видятся в сне...

Просыпаемся...

Лбы наши взмокли

и бежит холодок по спине.

Синь речная тревогой стреножена
и чумает город, не спит.

Беспокойство на беды помноженное
сатаной подвывает, грозит.

Кажется, это в самом деле

сквозь космический плотный туман
к нам летит инородное тело
ино-пла-не-тян!!.

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Полдень...
Солнышко щекочет
щёки девичьи лучом.
Ах, как радостно хохочет,
наклоняясь над мячом.
И рукою быстро, плавно
мяч подбрасывает в высь...
... На конечной остановке
люди быстро разошлись.
Рядом луг и дымной палью
камыши чадят кругом...
Воробьях искупалась
в луже, трепеща крылом!
Зелень тонкой акварелью
на березовых ветвях,
пахнет сыростью и прелью
на оттаявших кустах.
Здесь - окраина...
И дачи,
словно гнёзда меж берез.
Все спешат, всяк озадачен
переменами всерьёз.
Муравьи ползут и тащат
по травинке, и молчком
на людей глаза таращат:
*«Для чего второй им дом?
Что в нём ищут, что в нём прячут?...»*
...Стриж летит...
Гудит оса...
Солнца золотистый мячик,
покатилось за леса...
Набродился...
Возвращаюсь на автобус мимо дач...
На губах - горчащий щавель,
на душе светло - хоть плач!!

НА ВОКЗАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

Автобус в повороте плавно
Спешит по площади, по кругу.
Сидит в кабине парень славный
И руль величественно крутит.
А в ветровом стекле вращаются
Дома, бульвар, и зелень сочная...
Он в зеркало мне улыбается -
Совсем пацан,
в веснушках солнечных.
Вот высунулся из кабины
В окошко рыжей головой...
... Как в зеркале плывёт в витринах
земли всей юный рулевой!

В ПОЛЕ ЧИСТОМ

Крутит, вьёт следы дорога
от села и до села...

И пешком меня, как многих,
в край родимый привела.
- Здравствуй просека, сквозная!..
- Здравствуй речка,

луг, поля!..

...Здесь горячая и злая
жизнь конючила меня.
Лес рубил...
косил...
лопаты на току,
пахал и жал...
Детство - трудное в заплатах,
но я вырос, сильным стал!..
Всё снесли: пожары, войны...
И теперь беду несём.
.. В поле чистом, в поле вольном
утро плещется овсом.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Есть начало и конец
у любой недели...
Лесоруб,
кузнец и жнец
день за днём потели!
Срубы ставили, дома
возводили всюду.
Серп ковали...
Жизнь сама
помогает людям.
Настаёт воскресный день -
лишь зимой в деревне
он бывает... То - не лень,
это праздник древний.
Я - крестьянин!..
Санной след
от больших полозьев,
излучает чудный свет!
В холод - всяк моложе!
Рождество! ..
Снегирь в кустах -
брызжет алость перьев!
Летним зноем стог пропах!
В инее- деревья.
Воскресенье, ты венец
дел больших и малых...
... Слышу стук
людских сердец,
- радостных, усталых.

ВОЛЧИЙ ВЫВОДОК

А.Н.Кочкину

Зыбь болотная тяжко вздыхает.
Спит деревня Буслы, а за ней
в черной балке волчица хромая
ходит с выводком в хмаре
ночей.

Злобно тени при звездном
дрожанье
подступают вплотную к дворам,
раздается волчат завыванье, –
в избах свет мельтешит до утра
На охоте осенней на птицу,
у деревни пустой Шатайлы,
видел серых волчат я с
волчицей,
на мгновенье возникших из мглы

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОХОТЫ

Злой, голодный и полузаросший -
возвращаюсь из лесной глуши...
Словно гость полночный и непрощенный,
у дверей избы стою в тиши.
Мать на стук любила отзываться,
и дверной засов враз открывать...
А теперь тоскливо возвращаться?..
Некому меня уже встречать.

В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Я к чудной лире припадаю:
в ней- два поэта давних лет...
Шумят страницы птичьей стаей -
и оживает дивный свет!
Вновь вижу лица их, улыбки...
... Вот Пушкин - катит на санях,
и снег клубится дымкой зыбкой...
Метелью Петергоф пропах.
... А Лермонтов тропинкой горной
взбирается на перевал...
Пока ещё с презреньем гордым
свой пистолет не поднимал...
Страницы жёсткие листаю
и ощущаю жар в висках:
Л.- пистолет у ног роняет...
П. – ранен, и лежит в санях...
По книжным полкам я витаю,
здесь Пушкин, Лермонтов - их свет!...
... Шуршат страницы птичьей стаей -
в них оживают тайны лет?!

8-ОЕ МАРТА

С покатою крыши: кап да кап!..
Здесь с южной стороны
парит бревенчатый чердак...
Здесь лужи вдоль стены.
Здесь солнце щёки нежит мне
тем ласковым теплом,
которое живёт во сне
метельным зимнем днём.

* * *

За окном ночь поёт монотонно,
Я читаю роман не спеша:

Лев Толстой смотрит, словно с иконы,
со страницы... Светлеет душа.
Вронский с Анной на выезде - скачки,
искры сыплются из – под копыт...
Левин с Китией укрылись на даче,
их влюблённость не знает границ.
За картиной всплывает картина:
Век забытый, прекрасный, старинный...

* * *

Судьбы, годы нелепо смешались,
и в тетрадку ложатся стихи...
Ах, века?! Неуёмная жалость
за высокую страсть и грехи!..
Что жалеть? Что искать?!
- в сердце спрячем
зависть к прошлым, наивным векам.
Отчего же страдаем и плачем...
Князь Болконский вознёсся к Богам.

ДУШИ СОЗВУЧЬЕ

В вечерней дымке над рекою,
иду по берегу тропой...
Любуюсь первою звездой
и давний спор веду с собой!
Душевым жаром наполняюсь,
стихи слагаю на ходу,
и мысль - внезапная, живая
похожа чем –то на мечту.
- «Зажги звезду!» -
такой эпитафия
к страничке новой надписал.
Сошлись слова, затеяв игры
в ту святость, что я рисовал:
вот ночь вползает влажным лугом...
и погружает в сны леса...
Огни деревни полукругом
подпёрли снизу небеса...
... Я различал в душе созвучья,
прислушиваясь чутко в ночь...
- И даже месяц - тонкий лучик
старался в чём-то мне помочь!

ЗНАКОМОЙ АКТРИСЕ

Вы взглянули - высь стрельнула
оборвавшую звездой...
Жгуче в сердце заглянула
нежность, с тайной не земной.
Как морозные иголки
в выси дальней и чужой
- холод зимний знойный, колкий
в грудь мою вошли с тоской.
... Ухожу, как неприкаян,
унося насмешку глаз,
а вернее - убегаю
от мечты в который раз?!

ВЫ - САМО САВЕРШЕНСТВО

Из туманности звёздной,
из загадочной дали
ангел сходит незримо с небес...
Поджидаю украдкой Вас вечерами
у подъезда театра, в смятении весь.
Стройный стан, грациозность и нежность...
Всплески лёгкого платья, вуаль...
Блеск очей... Неги дивной безбрежность...
Плеч открытых влекущая даль...
Вы- само совершенство!..
Актриса – от Бога!..
Вам природой дано свет дарить!!
... Ангел сходит с небес-
в сердце радость, тревога!
Страсть моя неподсудна -
Вас нельзя не любить?!

НА СЦЕНЕ ТЕАТРА

Вы на сцене...
И в небо
вдаль летите, парите -
унося нас в иные миры...
Возвращаясь на землю,
Вы бесстрашно глядитесь -
куртизанкой любовной игры!
И в мерцающих люстрах над
залом,
в ложах – всюду царит тишина!..
Вы взмахнули рукой ввысь,
сказали:
«Наше грустное время...
Большая страна...»

ЗАЧЕМ РАЗДОР

Взгляд твой
укоризненный и жалищий
ощущаю знойно на спине...
Ну, зачем раздор -
ответь, пожалуйста?!
Ухожу в полночной тишине...
С поздней электричкой,
гремящею
еду я на дачу,
в замок свой...
И в колёсном грохоте –
кричащий голос твой
всё гонится за мной.

В ПОЛНОЧЬ

Вмиг ослепит звезда шальная,
слетевшая с небес стрелой...
И снова - мрак...
То жизнь чужая,
сгорев, прощается с тобой.
И ветер непонятной речью
среди веток тайно про шумит...

И станет ясно:

жизнь- не вечна...

И сердце-

так заохлодит...

НОЧЬ - КАК ВЕЧНОСТЬ

Ветерок порывистый свистящий
щёки в темноте мне холодит.
Вздрагивая, стынут ветви в
чаще...
Лунный свет по озеру
скользит...
Ночь, как вечность,
если
одиоко...
Но костра не хочется зажечь.
За кустом «Жигуль» мой
жёлтобокий...
Выпить бы чайку да раньше
лечь...
Выспаться, на «зорьку» встать
до света,
а грустить к чему- пускай и
ночь...
Разве кто мне на печаль
ответит?!
... Кто сегодня может мне
помочь?

ТОБОЙ ПЛЕНЁН

В любви негаданной,
поспешной
я тайну приоткрыть не смог...
Твой юный
робкий взгляд, безгрешный
горит в ночи, как огонёк!
Твой взгляд-
лишь яркое мгновенье,
его стереть готова жизнь -
ту, прошлую, без сожаленья...
И слышалось мне: отрекись!
Нет, плата слишком дорогая.
Как рыцарь, тех былых времён,
готов на плаху...
И, страдая,
- я счастлив,
что тобой пленён!

ГДЕ ТЫ СЕЙЧАС?

Во тьме глухой не спишься ветру:
гремит по крыше жёсть листом...
и хлопья снега в окна метят...
морозный шелест за стеклом...
... Вот хлопнули в подъезде двери,
шагов не слышно - ветра свист...
В твои шаги давно не верю.
На крыше снова стонет лист...
Вдали пропел гудок протяжный,
такой охрипший и чужой...

- Ах, ветер? ! -
Может он расскажет:
Где ты сейчас, и что с тобой?

В ПРИВОКЗАЛЬНОМ КАФЕ

С бокалом вина, с сигареткой
откинувшись в кресле, дымит...
Всё её одеянье на редкость -
дешёвый и жалкий вид.
В кайфе прыгают пары в зале,
рядом пьяный за столиком спит...
Лейтенант малолеткою занят...
Взглядом цепким за всеми следит.
Грудь плоска, как доска гробовая,
и пугающих щёк желтизна...
А могла быть, как все, как любая:
любящая невеста, жена...
В ней святое убито, растоптано -
гордость с честью в вине утоплена.
Как окурки глаза померкли -
и зачем ,земля, этаких терпишь!?

ГОВОРИМ КРАСИВО...

Сколько раз, обманывая, жизнь
к лучшему сулила перемены...
Перестройки нынче дождались -
но и в ней нам видится измена.
Что ты скажешь, честный человек,
на иные, новые призывы?..
- Пусто в магазинах...
Русла рек обмелели...
Вор с хапугой - живы!..
Каждым утром в небе синева
просит всех нас уберечь Природу.
В полдень - душно,
кругом голова-
не хватает лёгким кислорода.
К вечеру смятенье, даже стресс -
перебои в сердце, вены пухнут...
У кого- то прибывает вес,
у других уж - нету сил и духа.
И куда ведёт та колея
неурядиц, в чем первопричина?..
- Это знает каждый, ты и я:
не хотим потеть и горбить спину!
Говорим красиво и кричим,
а потом - в кусты,

бежим от дела...

И когда же от стыда сгорим -
ведь на сердце столько накопело!

ОРИ, ГОРОДОВОЙ...

Слышу в длинном коридоре
зычный голос, громовой...
Снова кто-то в жарком споре
разошёлся, сам не свой.

Да, я этот голос знаю,
отличу от ста других.
Крик - привычка лишь дурная,
из расчёта на глухих.
Если правды нету в мыслях
и беспомощность гнетёт,
и к тому ж душою нищий -
человек тогда орёт.
На трибуне, в кабинете,
принародно иль вдвоём,
недовольный белым светом,
извергает брань огнём!
Седовласый, словно беркут,
кличем рвётся с высоты!..
И глаза людские меркнут,
в них надежды враз пусты.
Он - начальник, силой власти
наполняет хамский рык -
и к беде он безучастен,
и от доброты отвык.
На лице овально-красным
выступает липкий пот...
Мне и многим очень ясно
от чего «В.Г» орёт.
Властемания и дурость
слиты в голос громовой.
Шепчут люди: «Вот натура...
По-о ри, го-ро-до-вой!».

ГЕОЛОГИ

Под лавкой булькает квашня,
мурлычет песню кошка...
С колечком в подпол западня...
Луна сребрит лукошко.
Спят парни, руки разметав,
по полу, храп простужен...
Короток отдых... Вновь с утра
идти им в поиск нужно.
Теодолиты, рюкзаки
составлены у входа.
У печки сохнут сапоги,
избитые в походах...
На печке бабки тяжкий вздох,
молитвы в полушёпот...
А за окошком свет эпох
и реактивный рокот!!.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Художник, склонившись к мольберту,
кистью колдует ночь напролёт!..
Пианист, в звезду свою веря,
заветную ноту ведёт!..
Футболист, забивающий мяч,
влетает с размаха в ворота!..
Альпинист, не страшась неудач,

к заоблачным рвётся высотам!..
Каждый в мире охочь до прекрасного!
На новостройках, в цехах,
отмечает влюблённых цель ясная
в общих и личных делах...
Счастлив человек!?. -
но не хлебом насущным,
голодает душа к обновленью стремясь!..
Потому и презренна сытость имущих...
Потому о прекрасном мы плачем подчас!!!

ВПЕРВЫЕ СО СМЕРТЬЮ

Грузовик ошалело промчал по собаке,
она жалобно воя, в комочек сжалась.
А над ней, наклонившись, мальчишка плакал...
Я стоял в стороне, подойти не решаясь.
Мимо женщины шли и мужчины,
(что им там до какой-то собаки),
мимо мчались другие машины...
А мальчишка всё плакал и плакал...
Тускло зимнее солнце светило,
упав на холодный гранит...
Собака всё тише скулила -
и порою, казалось, что спит.
Пятна крови, дымясь, расплзались
на снегу, застывая в медь.
И старушка в толпе сказала:
«Ах ты, Господи, страшно смотреть...»
... Дёрнувшись, вытянулась собака,
дрожь прошла по замаранной шерсти...
А мальчишка, обняв её, плакал -
повстречавшись впервые со смертью.

ДРУГУ

Анатолию Грачёв)

Гроза над лесом, вал на море,
брожение у корней глубоких...
С судьбой своей мы в вечном споре
о тайных помыслах далёких.
Легко вранья не замечать
и отвергать беду любую -
но сердцу не дано молчать -
и потому опять бунтую.
Вновь стерегут неверный шаг,
смешки врагов, родных упрёки...
Мне шепчет кто-то: «Вот, чудак,
кричит о помыслах высоких!?»
Научимся ли уважать,
других, пока того не знаю.
Но честным должен каждый стать
и не хулить Родного края.
Я вижу тень в твоём лице, -
усталость, что морщины копит...
И в этом сумрачном кольце
взять хочется тебя за локоть.

ИЮНЬ 1941 г.

Гортанно петухи кричали
к заре, расправив крылья...
Поля в росе... Не стартовали
ещё в бессмертье эскадрильи.
Ещё рука к руке прижата,
и сладок чуткий сон...
Ночной патруль без маскхалатов
выходит за кордон.
Но жерла чёрных вражьих пушек
в прицеле - на Восток!
Враз тысячи сапог послушно
стучат зловеще в срок.
В мгновенье небо, накаляясь,
разносит смертный гул,
рассвет с пшеничными полями
меж взрывов утонул.
И перемолоты с землею
деревни, города.
Окрашены невинной кровью
все судьбы навсегда.
Тот страшный день,
он где-то в дымке
за далью в сорок лет...
Лишь в памяти,
как в точном снимке:
июнь...
синь...
взорванный рассвет.

ГОЛУБОЙ ОГОНЁК

«Голубой огонёк»! -
зал огнями рассвечен:
кителя, блеск погон...
На всю грудь - ордена!
«Голубой огонёк!» -
не забыть в каждой встрече
тот живой,
что горит
в тёмной ночи без сна.
Тот огонь голубой
называется «вечным»
на могилах безвестно
погибших солдат.
Словно звёзды они
освещают путь млечный,
тысячи обелисков повсюду стоят!
... В зале праздничном тосты -
встают ветераны,
и в ответ на награды
звучит вновь: «Служу!»
И опять вспоминают
бои, свои раны,
и украдкой стирают
ладонью слезу...

ТЯЖКИЙ ТРУД

Года идут...

Меняем шляпы, брюки,
походку, позу-

даже цвет волос....

Но неизменны трудовые руки,
с мозолями- я с ними с детства рос!
Не мне ли их беречь, слагая гимны
и слово «Труд», как знамя поднимать.
И не забыть мне детства холод зимний,
за плугом и бурёнкой - свою мать?
Не перед трудностями я пасую,
а ненавижу тяжкий, рабский труд.
Порою возмущаюсь напрямую,
когда о нём в газетах сладко врут.
Я знаю:

где-то давят брёвна плечи,
лома бессильно долбят мёрзлый грунт.
- и мне, поверьте, оттого не легче,
что там не я -

другие спины гнут.

Люблю я труд, ему я знаю цену,
Мозоли - вещь привычная и мне...
Но тяжкий труд!?

ему пора на смену
машины -
в нашей нищенской стране.

*Сентябрь 1963г.
Село Старосолдатское.*

ГАЛДЁЖКА

Так прозвали здешнюю контору,
побелённый, крохотный домишко -
в ней на зорьке гам: шумят и спорят...
Есть такие, что сидят притихшие.
Осень чуть накрапывает в стёкла,
торопиться в поле нету смысла-
говорит, пристав, доярка Фёкла,
а под потолком -

дым коромыслом!

Рядом с нею бригадир устало
грудью приналёг на край стола:
этого ещё не доставало-
даже не хватает на всех зла.
Ночь метался в поле по бригадам:
нет солярки, встали трактора.
Ну, и вот пастух ещё обрадовал-
По напился и не пас вчера...
На скамейках тесно...

Телогрейки -

нараспах...

и шуточки ... и смех...

Этот смех любого обогреет
иль казнит презрительно при всех!..

Не слова, а дело здесь в почёте,
ничего не скажут за глаза,
судят только по большому счёту -
даже если близкие друзья.

деревня Сергеевка

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОЛОГА

«Как ты измучен?
Небритый, колючий...
На сколько? - на день,
счастливый случай!
Скорей раздевайся:
где долго так был?..
Скорей умывайся - ужасная пыль...
Скорей наклоняйся -

давай я обмою,

сама я обмою проклятую пыль...
- Так где же ты был?..

Пусть спят пока дети,
ещё ночь - пусть спят.
Они мне всё: где ты?..
Сто раз в день твердят...

Какой ты колючий -
вот бритва твоя...

Давай-ка я лучше -

седина ты, моя...»

НАЧАЛО «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Человеку хочется читать!
Столько интересного в газете:
о Литве, разбоях - где же власть?
И за что пора бы ей ответить.
Гласностью наполнена душа,
припадаю к строчкам я устами,
и газетой допоздна шурша,
понимаю, в чём виновны сами.
Что ни день - не выполнен наряд,
меньше в магазинах мяса, сала.
«ПЕРЕСТРОЙКА!» - все вокруг кричат,
требуют...
А это нынче мало.

ВETERAN

Глубокие, грубые складки
в прищуре у строгих глазниц!..
В них слезы сверкают украдкой-
так пули летят из бойниц.
Скрывают беззвучные выстрелы
всесильную старость- врага.
Да, жизненный путь мною выстрадан-
уж первые пали снега.
Хотя белизна виски красит
и сердцем в труде устаёт -
я верю в удачу... И странно
гордыня во мне восстаёт.

Шепчу я: «Доколе! Доколе! -
мои ожидания удач!?!».
Но всё ощутимее холод
с тоской,
от которой - хоть плач.

ГДЕ ТЫ ?

Продираюсь сквозь кусты,
срываю розу,
но колючки впились и упрямо
держат за плечо...
- Рукав разорван...
А на пальцах кровоточит рана.
Выбравшись, шагаю без тропинки...
Лес гудит,
чем дальше в глубь, тем глуше.
Сосны шишками швыряют в спину...
Лезет мошкара и в нос, и в уши...
Неуютно. Горько одному.
Лишь зверёк в кустах порою крикнет...
- Где ты в этот час,
в каком краю?..
Ты любила розы, но не дикие...

СИЖУ НАД ГАЗЕТАМИ

Раны мои обжигает зной -
тропический зной и гнус...
Чёрное небо горит надо мной -
всё ниже к земле я гнусь!
Земли Вьетнама! - роскошных пальм
шатёр не укроет меня.
От рвущихся бомб,
несущих напалм
сплошной стеной огня...
И мне уже кажется: я кружусь
как птица, в полёте раненая...
И руки раскинув,
в воронку ложусь,
где слышатся крики страданий.
Десятки разбросанных взрывом людей,
лежат вперемешку с землёю.
Над запахом трупным встающих дней,
не знаю, что будет со мною.
Лежать ли мне в груди истерзанных тел
на площади «Кау-Мау» -
как этого жалкий старик хотел,
«Кормчий Великий» Мао.
А может в горящей, кровавой Сонгми,
среди женщин убитых, раздетых
мне плакать с живыми ещё их детьми
за колючей оградой «гетто».
И ждать, когда с пыткой ногти сорвав,
втолкнут и меня в крематорий...
- Сижу над газетами, боль их вобрав...
О, время кровавых историй!!

РУКА ЛЕНИНА

О, сколько было вознесённых
рук над землей...
Они – как меч,
карали слабых, угнетённых...
Могли и головы по сечь...
И у народов отнимали
дома и пищу - даже жизнь...
В революционном Первомае
другие руки вознеслись!
Святую правду защищая,
те руки из последних сил,
наш флаг Свободы поднимая,
шли в тюрьмы и во мрак могил...
СВОБОДА! - над простой толпой,
смелей и тверже кулака,
с ладонью, словно луч прямою,
взметнулась Ленина рука!
...Пройдут столетья...
Поколенья - забудут грозные века.
С рукою вознесённой, Ленин
лишь не сойдёт с броневика!!

ТЫ - ДЕВОЧКА

Раскрылись губы влажные,
волнением опьянённые...
На поцелуй отважившись -
была ли ты влюблённой?!
Не женщина ты, девочка...
Но губ, раскрытых, жар
обжёт так недоверчиво -
что было, тебя, жаль.

ПОГОДА ПРИИРТЫШЬЯ

Резко-континентальный
климат наш... Иногда:
Днём - солнечно, лужицы тают,
ночью же - корочка льда.
Уйдёшь без плаща на работу,
а к вечеру - снег...
...С извечной о хлебе заботой
в Сибири живёт человек.
Под снег в золотистую осень
ложатся зёрна в землю,
встаёт перед снегом озимь -
моя любимая зелень.
А летом- всегда заваруха:
то дождика нет, а то град,
а в августе белые муха
из снежных тучек летят.
Сентябрь, а хлеба не созрели,
Октябрь - и под снегом валки...
Подальше в полях, на Север,
и вовсе дела нележки.

А если и вовсе на Север -
то встретит таёжная глушь.
- Потому-то в Сибири я верю
в тепло человеческих душ!!

ПУСТАЯ ЛОТЕРЕЯ

Разлетелись скворчата
и скворечня грустит...
Майский день только начатый
крыши дач серебрят.
Тополь ветками реет,
тянет листья к лучам!
...Выигрыш в лотерею
обещают вновь нам!
Много раз брал билеты -
кто их козырем бил?!.
Словно дым сигаретный,
выигрыш мой уплыл...
Вслед хочу за скворцами
к деревенским полям -
в детстве там, с пацанами
я не верил в обман?!

С ТОБОЮ РАЗОШЛИСЬ

Рассветный окружил туман,
под лёгким покрывалом
скрываешь чуждый мне обман
в делах больших и малых.
Я вижу быстрые шаги
и в беспощадном свете,
твои желания наги!
И с каждым днём, заметней.
Что ж- поиграли в нежность мы,
в доверчивость- и полно?!
... Рассвет на окнах сумрак смыл,
в них облака, как волны.
Они далёкие, сошлись -
полнейший штиль!
- Мы этим утром разошлись...
Печальна жизни был!!

НА ПАСТБИЩЕ

Расцеловывает май
альими устами
мой лесной, озёрный край
с первыми цветами.
Стадо медленно бредёт
вдоль речушки малой...
Над водою пар плывёт,
и воде - блеск шалый!
... Ковыляет сзади конь -
дряхлая лошадка,..
И пастух, зажав в ладонь
повод, дремлет сладко.
А барашки: «Бе!..» да «Ме».

«Му!» - бычки протяжно...
И дымится по траве
след, рососо влажный!
Солнце яркое встаёт,
сразу жарко светит...
- Стадо радостно бредёт
на просторы лета...

НЕОЖИДАННЫЙ СМЕРЧ

Река пружиною свилась
перед прыжком в овраг зелёный.
Спускаюсь...Дно...
Прохлада всласть...
Я знаю - омут здесь глубокий..
Смерч налетел! - напорист, лих.
И дождь зацокол вмиг по травам...
...Но через пять минут затих -
гроза за лес сместилась вправо.
... Восстала радуги дуга!..
И жаворонок под дугою
звенит на тихие стога...
Луг, словно, плачет надо мною.

НА ВЫПУСКНОМ ВЕЧЕРЕ

Учёба кончена... Диплом!..
Зал актовый, площадка взлёта?!
... А у меня на сердце ком:
кем будешь, выпускник?
И кто ты?!.
Да, я вложил в тебя мечты
для дел больших и высоты.
Но хватит ли в тебе огня
и мужества, и юной силы,
чтоб завтра в трудной дымке дня
не оказался ты безсильным?!
Чтобы в пожарищах, в тайге,
в потопах страшный -
в миг сомнений,
горела вера бы в тебе?!
- Ты стал б примером вдохновенья!..
... Зовут тоннели, трассы БАМ,
Тайшет и гати за Сургутом...
Идти по новым берегам
всегда опасно,
скользко,
круто.
Но верность - смелостью живёт!
А сила духа - наше знамя!..
... Рукоплеская, зал встаёт,
прощается с выпускниками.

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА

Резко дробь
хлестанула по крыльям
и раскатисто гул поплыл...

Два пера, опускаясь, кружили...
- только селезень выше взмыл!
Но напрасно...
В неверном паренье
он качнулся, и замер в зените...
... Синеву обнимая весеннею,
сложил крылья
над сердцем пробитым!!

РОССИЯ, РОДНАЯ

Когда подойду я к последнему краю -
не стану прощений у Бога просить.
В стихах я потомкам на память оставлю
всё то, что умел так безумно любить.
Россия, родная! – в просторах былинных
я душу тебе до конца отдавал...
Я встану былинкой, иль лягу песчинкой
к ногам твоим- под пьедестал!

РОДНАЯ РЕЧКА

Зарастают берега
Оши – узкой речки...
На лугах видны стога...
Дым костра – колечком...
Ивы у пруда грустят,
в колее – дорога...
Провода сверху звенят
давнюю тревогой...
Скотный двор и городьба
бедных огородов...
Брошенной стоит изба –
в окнах тени бродят.

РЕЧКА-РЕЧЕНЬКА

Под горой песчаный берег
вместо пляжа и забав.
Детство в сны ещё не верит,
- верит в запах ягод, трав...
Луг, как царство с узкой речкой,
лесом обнесённое,
речка скручена в колечко,
чуть позолочённое.
... И бросаюсь я с обрыва
в тёплую, как щёлок -
к берегу другому вынырнув,
пугаю пьющих тёлок.
А над речкой всплеск и гам,
радужные брызги...
Что я помню мальчуган
в деревенской жизни:
вечер, росные поля,
комарьё сплошное...
и мозоли на руках,
и болото ночное.

Улиц пыль, солёный пот
с тлячкой над картошкой...
Речку, что со всех забот
смоет понемножку.
Речка-реченька... Изгиб -
милое колечко...
Как трамплин, бросал обрыв,
я летел как свечка!

РОССИЯ, ГОРДАЯ, ВОССТАНЬ?!...

Россия, славная, восстань
из лжи, из нечестии, раздора!..
Сочится кровь из многих ран,
Беда - к беде, за ссорой - ссора!
Зовёт с мольбою вновь Чечня
и Карабах смятенье множит...
В Осетии вражда - резня...
- И страх, с мурашками по коже...
Россия! - гордая, верни
спокойствие, надежду людям!
Родство святое сохрани
и беженцев меж нас -
не будет!

КРОВАВЫЕ РАСПРИ

Остановись!.. Замри!..
- ты слышишь пенье
стрелы,
звонящей из глухих времён?!
- То, кровная вражда...
А ныне мщеньем
кавказец каждый ослеплён!
В селе нагорном,
в стареньком ауле,
то здесь, то там
свистят смертельно пули!..
... И снова плачут:
мать, сестра, вдова...
А в беспредельном небе -
СИНЕВА!!

ОСТАТКИ РЕПРЕСИЙ

Расспросы...
и следом - доносы...
как в прошлом, от бед не уйти.
Глаза млечной пылью заносит!
- О, Господи, грех отпусти?!

Я - МОЛЮСЬ!

Русь!
Пусть недород, потоп иль холод
- перетерпим всё, и не помрём!
Только сохрани сейчас Свободу,
ту, которую веками ждём!

Ведь в войну не то ещё бывало,
Выстояли - вновь переживём!..
Только бы Свобода оставалась...
Только не стоять перед ружьём?!
К старому возврата не позволим -
на костях

 не строят счастья храм...
Нет превыше человеческой воли,
чем Свобода?!
- всем молюсь, Христам!!

ЖИЗНЬ- ПРИЗРАЧНЫЙ СОН

Расстрелян в упор я
 картечью словесной,
затылок горит от насмешек, обид...
В груди возгорелось желание мести -
опять поднимаю избитый свой щит.
Как копия - рифмы,
 отточены ритмы,
и гул приближает невидимый бой -
там звоны кольчуги,
 и возгласы, хрипы...
Всё это внутри меня -
 бой мой - с собой!
... О, как устаю, а порою - сгораю,
срываюсь с вершины
 бескрылым вниз...
Не страшен мне ад,
 и не хочется рая -
такою никчёмною кажется жизнь.
В такие минуты
 я беден, воздушен -
в мозгах колокольный,
 пугающий звон...
Родным и знакомым почти не нужен..
Вся жизнь моя -
 призрачный сон!

РОССИЯ - ВОСПРЯНЬ!

Раскроили по весям страну,
растащили заводы и фабрики...
Хаем прошлое и старину,
матюкаемся, пьём для храбрости.
Кто нахапал добра - тот и царь!..
Рэкет, мафия правят повсюду...
Не поможет ни чёрт... ни алтарь...
Сжались, сгорбились нищие люди.
О, Россия - душою воспрянь
над враждою,
 разрухой
 и бездной!
Обогрей обездоленных,
 стань
мать-защитницей
 слабых и бедных.

РОЗАРИЙ

Я люблю не в парках розы-
а шиповник здесь, в лесу.
Я терплю его занозы -
в пальцах веточку несущу.
... Захожу в овраг,
 Розарий -
алый, дикий
 нежность дарит.

РЕЛИКТЫ

Говорят: оставь на память
вещь старинную - реликвий...
Только вещь мертва, как камень.
Есть живой мир,
То - реликты.
Дикость?! - фауна и флора
сохранила свои формы,
сохранила древний вид...
Мамонт из ветвей глядит!..

В ПОРУ ТЯЖКИХ ГОДИН

Резкий запах смородины,
горький привкус оси н-
это память о Родине
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный -
я в весеннем лесу,
как дары от природы,
сноп медунок несущу...

РЕКА ДЕТСТВА

Трава у берега да ряска,
и холод в синей глубине...
А вечер тих, задумчив, ласков -
и вижу рыбок я на дне.
Карасики все с золотинкой -
играют, кружат, мельтешат,
и пузырьки от губ икринками,
сорвавшись,
вверх ко мне летят.
С мостка любуюсь этим чудом
и серебристый видя свет,
вновь наполняюсь нежным чудом
к реке, которой лучше нет!

СПЕШУ УСПЕТЬ

Ревниво время берегу,
успеть везде, во всём стараюсь,
быть может, завтра, не смогу -
той невозможности пугаюсь.
Из юных лет, мечту тая,
встают года в рассветном крае:
там был беспечен, весел я...
сейчас угрюм - как обокрали.
Желаний ярких, смелых - нет!..

И потускнели зори лета...
Всё ближе осень...
Листьев цвет -
он всё желтее, и заметней.

РАБОТА НА ИЗНОС

...Да, каждый день,
подаренный судьбой,
уходит в сумрак,
к звёздам отдалённым.
Работа на износ-
борьба с собой!..
И на душе-
как в роще оголённой.
Средь седины пролысины видны,
и тени под глазами, боли в сердце...
- Страничкой улетают мои дни,
и всё труднее радостью согреться...

* * *

Синь зависла в полях...
Неоглядна.
Паутинки повсюду летят...
По траве, на шестах, в роще
рядом
нити белые всюду искрят...
Лодка дремлет в воде, на
приколе,
и звенит грустной песней
камыш...
Разгулялся тенетник на воле,
разлетелся... А в воздухе –
тишь!

В КУРЕНГИНСКОМ ЗАКАЗНИКЕ

Засверкал на перышках тетерки
золотой, негреющий рассвет,
куропат взлетел – крикливый,
верткий.
Я успел лишь поглядеть вослед.
В голых ветках белый иней
светит,
ломкая осока – под ногой...
Лис прокрался сбоку незаметно
и мелькнул за плотной ракитой.
Из рямка могучий лось выходит
на поляну... Замер в тишине.
Что мне зверь – мои патроны с
дробью.
Самолет след чертит в вышине.

ВЕСЕННИЕ ПАЛЫ

Чибиc в небе,
как стреножен,
низко кувырkaется
и кричит вблизи
тревожно,
так,
что мне икается!
Луговина заливная
окаймила старицу,
гоголей свистящих стая
с шумом вниз спускается!..
Тянет с паром от земли
запах листьев прелых.
Облака,
как корабли,
в гавани апреля!
Жаворонок изнемог
в песне нескончаемой,
и кузнечика смычок
пиликает отчаянно!
Зеленеет куст талов
в крошечных листочках...
Вижу дальний дым палов
- лес горит?... Ну, точно!
Надо ж, выдумать палы
вдоль лесных окраин!..
Да, для глупой головы
нет разумных правил!

ГДЕ ЖЕ СВЯЗЬ?

Мгла ещё зарёй не потревожена
и в ночи ни крика, ни гудка...
Месяц - словно белый конь, стреноженный.
И туман - теплее молока.
Мало мне полночной звёздной тайны,
не хватает солнечного дня.
Кажется ничтожным и случайным
бытие всей жизни для меня.
Часто посягаю на чужое,
а своё без боя отдаю!..
Млечный путь дорожкой золотою
светит мне у бездны на краю.
Месяца полночный свет, печальный
золотит остывшее жнивье...
Что же вечно, ну а в чём - случайность,
что меня в конечном счёте ждёт?!
Чую разобщённость, отчуждённость
между небом, мною и землёй...
В чём разгадка? – ночью я и дённо
всё ищу свой ключик золотой.

* * *

На пролете птичья стая
к озеру спустилась утром,
оперением блистая,
расплескала ночи сумрак!..
Плыли льды светло по плесу -
как осколки белой вьюги!
Селезень,
 взлетев,
 пронесся
круг...
И снова сел к подруге.
Птицы весело купались,
и взлетали брызги градом,
и заря в них отражалась
сотней самых ярких радуг!..
Солнца слиток раскаленный
всплыл!
Пожар окрасил воду!..
Взмыла стая –
 клич влюбленный
долго несся в небосводе...

НА ЗАЙМКЕ

Когда еще на небе звездном
лишь только проблески зари
и в кедраче так осторожно
сидят на кочках глухари,
когда еще к ручью напиться
зверь не спешит
 и всюду тишь –
вдруг сердце негой затомится,
и ты уже не спишь,
 не спишь...
Полупроснувшись,
 одинок
ты смотришь,
 слушаешь,
 молчишь,
к заутренней
 звезде
 высокой
душою прежнюю летишь!
И долго-долго,
 полулежа,
открыв глаза в глухую ночь,
мечтая вновь о невозможном, -
не знаешь,
 как себе помочь.

Владимир Зензин

ЛЕСНЫЕ ТРОПИНКИ, ПТИЧЬИ ГНЕЗДОВЬЯ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел пятый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор : А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск- 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

Меж подсолнечных полей
в роще тьма грибов, груздей...
Домовой там, грибочок
ждет, упрятавшись в пенек...
Тихо я бреду с корзиной:
вот обабок нахожу...
Белый гриб и подосиновик...
Вот в плотный лес вхожу.
Березняк – лишь листья, листья...
Шепчет мне мой грибочок:
Что спешишь, ты, оглянись же!..
– Ба, вот груздь, а вот – рядок!
Кучка к кучке, грядка к грядке –
(только листья приоткрыл),
словно бы играют в прятки?..
Кто любовно их растил?..
Уж полна моя корзина
и пора идти домой.
“Погоди”, – бубнит мне в спину
грибочок мой, домовой.
Что-то шепчет вновь, бормочет,
водит по лесу меня,
отпускать никак не хочет.
Чем ему по нраву я ?

ГРУЗДЬ

Не подберёзовик, не белый,
а груздь сырой – вот мой кумир!
Между полян с клубникой спелой
туман на зорьке лес прикрыл.
Пойдём, сестра, там, на увале
груздей сырых полным – полно,
да и волнушек там навалом.
Мне хочется туда давно.
...Лес пахнет ягодой-костянкой
и берестою, и дождём.
А грузди кучею, делянкой –
куда ни глянь, стоят кругом.

ВАСИЛЁК

У дороги синий василёчек
головой кивает мне, зовет...
А июльский теплый ветерочек
в листиках его поет, поет...
Подойду, и наклонюсь с приветом,
приголублю синий огонек,
расскажу ему лишь по секрету,
как давным-давно я одинок.

В ГНЕЗДЕ У ИВОЛГИ

Восемь птенчиков в гнезде.
Желтых – семь, а серый –
лишь один... И быть беде:
что он свой – не верят...
И семь желтеньких птенцов
для него, как семь врагов.

Даже птичка-мама
с ним строга, упряма.
Семерым – по червячку,
а ему лишь – мошку,
он кричит: “Ку-ку! Ку-ку!” –
чем других я плоше.
Он – подкидыш, несмышлениш...
Ку-Ку-Ку!..Он, кукушонок!

В УРМАНЕ

Деревья подступили к
избам
и светит улица в лесу.
Огни из окон...
По изгибам
дороги,
ветры снег несут.
Иду по мягкому снежочку
до крайней, брошенной
избы...
Вот след зайчишки в два
прыжочка,
вот – лисий, там, у
городьбы...
Собака злобно лает где-
то,
на ветках иней, звёздный
блеск...
Луна восходит...
До рассвета
ей плыть и плыть в страну
чудес.

* * *

Берут в тиски глухие чащи!?
Природе жизнь менять дано:
сентябрь, октябрь...
Опять стучатся
дожди в осеннее окно.
Летит с осин листва резная,
багряным стелется ковром...
Кустарник плотный прорезая,
шиповник светится костром.
Мох шаг крадёт...
Не треснет ветка,
не вскрикнет иволга в тиши...
Я пробираюсь незаметно
в рямок...
Как сосны хороши!

В ЛЕСАХ ВАВСИСА

Здесь редко ступает нога
человека –
иду я тропинкой
охотничьей:
тайга неприступная,
филина клетот –
богата природа урочища.
Фауну с флорой из века в
век
здесь сохранял человек!

ПРИВЕТ , КОВЫЛЬ!

Вновь ковыли белеют вдоль
обочины
и нежным пухом стелятся у
ног.

На Кустанай дорога...

Озабоченно
привстал над норкой,
часовым, сурок.
Я в резком свисте смелость
различаю...

Вдали плывут седые валуны,
они накрыли крышей
одичалой
курган могильный -

символ старины!

Блестит ковыль...
И тайной из преданий
всплывает запах терпких,
зрелых трав.

... Привет, ковыль!
Я снова на свиданье
спешу к тебе, пространство
разорвав...

ВЕЧЕРНИЙ ЛЕС

Я- заплутал в лесу вечером...
Бреду в трущобе напрямик
и страх неясный от безверья
мне в душу исподволь проник.
У ног темно -

и пахнет гнилью,
грядя осклизлая груздей.
Над головою мошки пылью
«мак сеют» в искорках лучей.
Валежник треснул
под ногами,
и, сразу - всплески
птичьих крыл...
Сушняк грозит в
лицо рогами,
паук мне сетью
путь закрыл...
Срываю сеть, иду
на ощупь...
Вдруг
расступился лес -
и свет
лучей закатных
хлынул в очи.
... У речки -
фермы силуэт.

ВОСПАЛЕНИЕ ЛЁГКИХ

Берёзовая роща за забором,
грачи на ветках - парами у гнёзд...
В больнице я - и выпишусь не скоро.
И оттого обидно аж до слёз.
В палате кашель, запахи лекарства,
на голых стенах- мухи да тенёт...
Гляжу в окно- там солнечное царство
цветёт, лепечет, птахами поёт!..
С утра бледнею, мучаясь от боли,
пилюлям горьким потерял я счёт...

А за забором - радостное поле,
и там во ржи, меня тропинка ждёт.
Охотник я, в пороховнице порохов
мой отсырел...

Сам под дождём промёрз...

... Сейчас бы в лес -
но выпишусь не скоро.
Обида мучает до самых слёз.

21. БЕДЕН Я

Всё время чувствую вину:
грущу с утра, печален к ночи...

Нет дыхания...

Иду ко дну...

Ты, упрекая, снова хочешь-
не рай, конечно, но уют,
достаток, туры за границу...

Но беден я...

М ой тесен круг...

И от вины нигде не скрыться.

Октябрь сады задумчиво листает
и клён опавший сетует грачу:
«ещё немного, и с последней стаей
я тоже в сумрак дальний улечу...»
Спешит октябрь.

В листве желтеют дали...

Зачем мы не встречались,

что-то ждали...

И вот - на пир осенний опоздали.

Время грозное катится, мчится,
письмена пишет, ставит печать...
Надо судьбы читать,

научится

их заранее предугадать.

Никогда не ропщи на себя:

«жизнью нашей диктует судьба!»

В ГЛУБИНКЕ

Что поделать: вымокла дорога

и друзья забыли обо мне...

Целый день сижу, поджавши ноги,
в чуткой деревенской тишине.

Здесь автобус - редкость,

Так - случайно...

На попутку выйду к сельской чайной.

Это правда.:

кружит листьев стаи.

Сыплет дождь на поздние стога...

День уже заметно убывает,
каждая минута дорога.

То, как жизнь диктует свои сроки -
на хвосте мне принесли сороки.

НА СЕНОКОСЕ

В роскошных травах спит
июнь,
звенят сенокосилки...
Мчат пчёлы точечками пуль
над полем у развилка.
Кустистый клевер и пырей
сплетает густо травы...
Гребу рядок, из-под граблей
гриб смотрит величаво!
Настой клубничный в ноздри
бьёт,
алеет земляника...
Копна к копне, растёт зарод.
Но в небо погляди-ка?..
Там тучка чёрная плывёт,
а даль- вся громыхает...
А может дождик обойдёт?!
-А вдруг прольёт, кто знает?
Проворней с братом мечем
стог -
успеть бы..

Мама строже
сгребает сена каждый клочок
и крестится: «О, Боже!?»

Я МАМУ ПОВСТРЕЧАЮ

«Жигуль» лесной дорогой
жмёт,
спешу, души не чая...
У старых низеньких ворот
вновь маму повстречаю.
Там, у калитки нараспах
Скамейка - мамини
подружки..
Там вечер маками пропах
там дворик...
курицы-несушки...
... Вот и деревня на виду
родной проулок, речка...
Здесь детство давнее найду...
Услышу мамино словечко.

В КИНО (В 1944 ГОДУ)

В клуб колхозный ворвалась
пацанов ватага
в тот момент, как началась
лента про «Варяга».
Из распахнутой двери
в старых, скользких валенках
катимся мы, чёрт возьми,
пять маленьких-удаленьких...
На билеты денег нет
(годы шли военные)
и в ватаге той - я, шкет,
«главный» без сомнения.
Возмущённый билетёр
дверь закрыл.
Мы разом -
кто куда!..
Я сел на пол,
даже эдак - праздник!!

В ВОСЕМЬ ЛЕТ

На сенокосном стане
под крышей длинный стол...

В железную бьют склянку:
то знак- обед пришёл.
Из досок грубых, свежих
сколочен стол вчера...
Хлеб сдобный дед всем режет...
Суп в миски- из ведра.
На руки лью водицу,
сажусь за стол в рядок...
... А дед мне: «Что за птица.
Тебе какой годок?..»

ВОДОПОЙ

В брезентовом плаще,
с кнутом через плечо,
бредёт пастух в пыли, отстав от стада.
Ни ветерка...

А солнце горячо

палит полдня...

И нет с жарою слада.

Вот впереди болотце с тростником:
большая лужа с ряской и осокой...
Здесь- водопой...

Вспорхнули с куличком

две кряквы...

Вмиг вверх промчался сокол.

Вблизи зелёный плотный березняк
манит к себе желанною прохладой.

... Попив водицы, убыстряя шаг,
стекается лавиной в рощу стадо.

ТЫ - ИСЦЕЛЕНИЕ МОЁ

Здесь горечи мои, обиды
как искры гаснут на ветру.
Заречный лес! - моя обитель,
я голову клоню к костру.
Полночный вздох!..
В нём запах тонкий -
травы осенней, камыша...
Крик одинокой перепёлки...
Туман холодный
с Иртыша...
Мне утешенье и отрада:
палатка, лодка да ружьё.
Охота! - большего не надо,
Ты - исцеление моё!!

НОВОСТРОЙКИ

Взметнулись белые стропила.
на доски шифер плотно лёг...
Карниз подшит...
Как встарь, на диво -
над крышей флюгер- петушок!..
Просторен дом.
В нём окна светят
на тёплый юг и на восток...
Не страшен будет
вьюжный ветер.
... Вот новый сруб наискосок!
Да, жизнь деревню разорила,
из года в год несла разлад-
но пробудилась в людях сила!..
И за крестьян я нынче рад.

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

Вечерний снег во тьме
мерцает
холодным отсветом зари,
а вдоль поскотин волчья стая
обходит задние дворы.
Вожак поджарый носом
водит,
крадётся- и на крышу сходу!
Овчарник сверху разгребаёт...
За ним врывается вся стая...
... В деревне слышен лай
собак,
и окна светом загораются...
Но зверь бесстрашен натошак,
тем более большими стаями..

Я ТРОГАЮ ШРАМЫ

Веду на поляне с
берёзкой беседу,
ладонью касаясь ветвей.
На шрамах в коре
открываются беды,
в них слышу дыханье корней!
Ах, годы?!,
Там , в Мае, пришла
похоронка:
под Псковом, в бою пал
отец...
Мы- дети, сидели в избе
потихоньку...
Казалось- всей жизни конец?!
Те годы прошли...
Время тихо относит
полян, берёзку,
меня...
- Вот вновь наступила
печальная осень
в рассвете холодного дня.
И сердце притихло...
Не дерзок я, беден...
И в летний, последний денёк,
берёзку ласкаю...
И долго беседую...
В ладонь мне слетает
листок...

У ЗАБЫТЫХ ВОРОТ

Вольно жил, ничуть не
беспокоясь,
в городах красивых и
хмельных...
Но однажды ночью скорый
поезд
вдаль помчал,
как в сне- в полях сквозных!..
... И сошёл он - в сини
полустанка
между рощиц тихих и
родных...
Шёл он лугом...
Слышал лай Каштанки
у кустов приветливых,
пустых.

Подошёл к деревне...

Окна дома
все зияли дырами в упор.
Вырос у ворот бурьян огромный...
Наклонился сломанный забор...
И конечно, нет давно Каштанки-
он же чуда, вроде, ожидал.
... В палисаднике берёзка тайно
вся светилась - та, что он сажал...

В УРМАНЕ

Через озеро, болотом,
едем в санях мы по льду,
едем в согру на охоту...
Конь трусит так неохотно...
А в снежинке,
словно в льдинке,
свет – похожий на звезду!

В СТЕПНОМ ЗАКАЗНИКЕ

Вокруг болотца, по низине
навстречу плещется лоза...
Я вижу близко чьи-то спины...
Выходит из кустов коза.

ВОЛОК

Путь по речке наш далёк...
Мель – что может хуже?
Волок – значит, поволок
лодку я по суше.
Вновь заторы – то бобры
строят здесь плотины.
Звери умны и хитры,
мы же - горбим спины.

ВЕСЕННИЙ СЕВ

Дорога уходила в небо,
взбираясь круто на бугор –
а дальше – шла в лесистый гребень,
где по утрам стучал топор.
Там на заре, вершины крася,
и травы синего бугра,
вставало солнце:
«Здравствуй! Здравствуй!..» –
встречали гулом трактора.
Внизу, в лугах, текла речушка,
пружиня в сгибах свой разбег...
Быки тянули равнодушно
оглобли стареньких телег.
Зерно в мешках томилось силой,
ссыпаясь в бункеры, звеня.
Вслед сеялки победно плыли,
бросая в землю семена.
А мы под скрип телег весёлый
на склад спешили за зерном...
Уж вечером шагали в школу
в военном том, сорок втором...
Но утром вновь дорога в небо
вела нас круто на бугор...

Цвёл май... Жгло солнце...
Где б я не был –
всё это вижу до сих пор.

ВЫХОД ЗА ГРИБАМИ

Из низких тучек дождик
моросит.
Берёзы потемнели, сник
кустарник...
Лишь солнечной багряностью
сквозит
внизу под гривой, вымытый
татарник...
Вхожу в лесок – прёт сырость
из
кустов,
текут ручьи из гнёзд
вороньих,
с веток.
Вокруг мертво... Цвет
прелого листа,
недавно яркий, стал уже
поблекшим.
И мутные, сплошные облака,
что стелятся волной
над самым лесом –
печалют взгляд...
В тиски берёт тоска...
Иду домой я, голову повесив.

* * *

В паутинах куст белеет
над обрывом Иртыша.
Не пойму – о чем жалеет
грустный шелест камыша?
Стынет золотая осень
на жнивье и по лесам,
почему никто не спросит:
отчего печалюсь сам?..
В небе дальнем птичьи стаи
клиньями спешат на юг.
Отчего в глазах грусть тает,
с чем я нынче расстаюсь?..
В паутинках куст – белеет, –
ну, а он о чем жалеет?..

В КОПНЕ СОЛОМЫ

В малой стуже стынет мгла –
ночь звездой в неё сошла.
Холодеет тишь к рассвету,
сплю в соломе не раздетый.
Пар плывёт, как из берлоги.
Затекли немного ноги.
Потянулся, привставая...
Чу! – вновь крик гусиной
стаи.

Брежит серенький рассвет –
лучше сна в соломе нет.

В ИЗБУШКЕ

Проснулся – в оконце
большая луна.
Смотрю я вокруг оробело:
Как днём.
И, признаться, уже не до сна.
А свет на стене мёртво -
белый.
Струятся в окошко потоком
лучи
и по полу стелют дорожку.
В причудливом блеске
избушка молчит –
смотрю я вокруг осторожно.
И холодом веет, и боязно
мне...
И слышу дыханье, и скрип в
тишине.
глаза
ветвями тонкими, в мизинец,
такая гибкая лоза...
Когда зимой бушует вьюга –
косулям, зайцам здесь уютно.

ВПЕРЕД, НА СЕВЕР!

Всюду краны, танкетки, машины...
Сотни труб – все калибры есть!
Все на Север неудержимо -
все туда, где газ и нефть!
Прохожу по перронам путей...
На вагонах плакаты – воззванья,
то отряды сплоченных парней
городов своих славят названья!
Лягут трубы в болотистый мох
золотой нефтеносною жилой...
И для будущих трудных эпох
станут Светом
и Славой,
и Силой...

Я билет беру в старом вокзале-
деревянный барак в полвершка.
Рядом новое зданье восстало
из бетона, без крыши пока.
И вокзал этажами вздымаясь,
видится мне коньком – Горбунком!
И смолистым рассветом вдыхая,
я невольно светлею лицом.

В 1945 Г. - В ДЕНЬ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ

В траве высокой и густой
поёт пчела о тёплом лете...
Плывёт малиновый настой
в сиреневом рассвете.

- О чём же плачешь птичка, ты?..
Гнезда я не затрону,
птенцам желаю подрасти -
взлететь в простор зелёный.
Я сам, как маленький птенец,
- голодный, босоногий...
И с фронта не придёт отец,
не стукнет у порога...
Листва над самой головой
лепечет...
Плачет птичка...
Я, конопатый и смешной
вхожу в лес земляничный!

В ЗАБРОШЕННОЙ ИЗБУШКЕ

Зеленеет сосновая роща,
резок запах смолы на стволах...
ветер солнечный ветки полощет
и закаты горят в облаках.
Ни звонков, ни гудков...
Над избушкой
вьётся струйкой узорчивый дым...
Вместо радио- птицу я слушаю,
в синей речке смотрюсь молодым!
Как стемнеет- сажусь на порожек:
чай брусничный из кружечки пью...
Лет на двадцать себя я моложе,
здесь, в дремучем таёжном краю!
у речки Туй

В ПОЛНОЧЬ

Вмиг ослепит звезда шальная,
слетевшая с небес стрелой...
И – снова мрак... То жизнь чужая,
сгорев, прощается с тобой.
И ветер непонятной речью
среди веток тайно прошумит...
И станет ясно: жизнь- не вечна...
И сердце- так заохолдит...

ВОСПОМИНАНИЕ

Там, за далью, листвою опавшей
мне дорожка лесная сквозит...
Там, над речкой луна, приподнявшись,
хладным светом слегка моросит...
Ветер тихнет...

И волны тумана

у деревни стекают на луг...
Там, в избе, одинокая мама
задремала...
Ей чудится стук.

В ЧАС ПОСЛЕДНИЙ

Я хочу, земля родная,
в час прощальный, на краю -
где всех ждёт судьба слепая,
быть душою не в раю

Что мне звёзды, поднебесье!?
- Грех от Бога не тая,
в час последний, неизбежный,
я уйду в свои поля.
Там, в вечернем птичьем хоре,
не мешая никому,
растворюсь вновь в алой зорьке,
побеждая боль и тьму!

В ГОД СОБАКИ

Рекс- лохматый, верный друг-
пёсик мой любимый...
Слышу сердца близкий стук,
Мы - неразделимы.
Приобняв его, я горд,
тем, что с ним общаюсь.
Наша дружба не на год -
твёрдо обещаю.
Лижет Рекс мою ладонь,
нос его чуть влажен.
Знают все: меня не тронь,
рядом зверь отважный.

* * *

В первый раз я подумал о вечном...
Потемнели поля, перелески,
замутились у речки глаза,
и вороньей, картавою вестью
громыхнула за далью гроза.
Пыль взвилась!..
И прогорклые травы
вдоль дороги взмахнули листвою...
... Я лошадкою бурю правлю,
торопясь поскорее домой.
На охалке зелёного сена,
полулёжа, смотрю в небеса,
где меняется цвет постепенно
облаков... А меж них- полоса!..
Полоса с синевой бесконечной!..
Полоса, как дорога мне в даль!..
- В первый раз я подумал о вечном,
беспредельном... И стало мне жаль:
этот луг, этот сон деревушки -
эту малую точку земли...
... И прикрывши глаза, долго слушал
как раскаты всё небо трясли!..

В ОГОРОДЕ ХОРОВОДЯТ

В огороде
хороводят
сто цветов
в припляску.
В центре алый мак –
он водит,
зорями обласкан.
Ярких бабочек всполох
в огуречных грядках,

светятся бобы,
горох
в платяницах нарядных.
И с картофельной ботвой
приключилось диво:
Сине-белою волной
расцвела,
всклубилась.
Сдвинув кепку набекрень,
рыженький подсолнух
улыбается весь день
и цветам и солнцу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Заросший берега обрыв
навис над светлою рекою...
Стоял здесь - юный и красив,
ты давней раннею весною
Последний лёд по речке плыл,
сверкая снежной белизною...
Твой край тебя благословил
в дорогу, ставшую судьбою...
И вот через десятки лет,
домой вернувшись, вновь с обрыва
в осенний смотришься рассвет...
Уже уставший и бескрылый.

ВДОЛЬ ШОССЕ НА БОЛЬШИЕ УКИ

Вот что значит целина -
осушила рям до дна.
Нет багульника, нет ягод -
так кому-то было надо...
Гать болото раздвоила,
вдоль канала- кочкара...
Помню: утки здесь носились
стаями по вечерам.
Этим местом любовался,
приходил сюда не раз -
из травы крякаш срывался,
я стрелял... Был зорким глаз...
Сколько всякой дичи было?!.
Пусто нынче- все как смыло.

ВНОВЬ ПОБЫВАЛ НА СЕНОКОСНОМ СТАНЕ...

Замётан стог...
В реке плывёт закат...
На плечи грабли, вилы и- до дома...
Дымя из самокрутки, дед Ипат
ругается: «Туды, твою... ядрёный.
Мой мотороллер?.. Где мой вездеход?..
Аккумулятор сел, а где достанешь?..
... Иду, доволен... Я метал зарод,
вновь побывал на сенокосном стане.
А что пешком- я даже, в тайне, рад...
Дом близок, за бугром огни горят.

В ДУШЕ РОЖДАЮ ЛУЧИК...

Источник радости – я сам!
И сам- источник света !
Иду по льдистым берегам
осеннего рассвета.
Пусть резок ветер, морок пусть,
и дымкой даль затмило,
но в сердце - нежность, радость, грусть...
Мне всё в округе мило.
И этот голый березняк,
загон , изба у речки...
И шелест вербы - добрый знак
над маминым крылечком.
Да, чем ненастней в осень день,
и непроглядней тучи -
превозмогая тлен и темь,
в душе рождаю лучик
Он раздвигает серый дождь,
и освещает дали...
Мне с ним понятней веток дрожь
и птичий крик прощальный.

ВЫХОД ЗА ГРИБАМИ

Из низких тучек дождик моросит.
Берёзы потемнели, сник кустарник...
Лишь солнечной багряностью сквозит
внизу под гривой, вымытый татарник...
Вхожу в лесок - прёт сырость из кустов,
текут ручьи из гнёзд вороньих, с веток.
Вокруг мертво... Цвет прелого листа,
недавно яркий, стал уже поблекшим.
И мутные, сплошные облака,
что стелятся волной над самым лесом-
печалят взгляд...
В тиски берёт тоска...
Иду домой я, голову повесив.

ВЕСЕННИЕ ЗАБОТЫ

Литые ладони плуга
врезаются мягко в стерню.
В мгновенье - пласт чёрный, упругий -
высвечивает зарю...
В кустах ещё снег тает,
а сеялки встали уж в ряд...
В небе синем гусей вереницы
на Север, к гнездовьям спешат!..

В ГРОЗУ

Когда штормит и вал швыряет
каскады брызг, а гром грозы
пугает одичавших чаек-
ты страх на дно души сложи.
И пусть баркас, как в лихорадке
трясёт, по телу сыплет дрожь...
- Берись за вёсла без оглядки!
Греби смелей и – доплывёшь.

В РОДНОЙ ИЗБЕ

Изба, пригон да сараюшка...
Вхожу во двор.
Дверь распахнул...
Горшки по лавкам, кот - за вьюшкой...
Вошёл- и руки протянул.
«... Ну, мама, здравствуй,
как здоровье?..»
Спешит подняться со скамьи,
в глазах слеза:
«Ах, ты ли- кровный.
А я всё жду где вы сынки?..»
Обнялись...
Слабыми руками
всё гладит по моим щекам...
В углу- иконы с рушниками,
по стенам- фото, здесь и там.
Столетний, выцветший динамик
картавит что- то о стране...
Часы старинные- их маятник:
«тик- так...» - стучит
из детства мне.

В ЧЕРНОЛУЧЬЕ

Мосточки шаткие к воде
под берегом высоким
напомнили мне о тебе
в том майском дне далёком!
Мерцало мокрое весло...
И звёздный шлейф искрился...
С водой весенней унесло
тот день -(поздней он снился).
... Встаёт над берегом туман
и застилает воду...
Берёзки белый сарафан
меж ив, как в хороводе.
Ты в белом платье была:
шутила и смеялась...
На теплоходе уплыла -
со мною не осталась.

В МАЕ 1944 ГОДА

Там пахнут клеверомполяны,
и пчёлы бойкие поют-
что я счастливым, сильным стану...
Отца на фронте не убьют...
В тот год отца вдали убили...
Пацан - я вырос, сильным стал...
Поздней душа не полюбила
края чужие, где бывал.
А это поле? – здесь по тропке
я приходил весной не раз.
Искал в стерне голодный, робкий-
те зёрна, что спасали нас.
Ах. колоски! – зерно на кашу!
В чугушке, затхлые они,
недолго прели. Лица наши

светлели в горестные дни.
Мне не забыть, как в май пахали:
Бурёнка - плуг, за плугом - мать...
И сколько б вёсен не встречали -
мне только это вспоминать!

ВЕЧЕРНЕЕ ПОЛЕ

Гулким шагом в стылой тишине
на дорожке мёрзлой след впечатан...
У межи кричат перепелята...
Рядом коршун кружит в вышине...
Вдоль болотца в колее вода
отливает чистотой стальной...
Точечкой плывущей, золотую,
светится в ней **ранняя** звезда.

В МАЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Вздвогнул я:
Крякаш- дикарь, красавец,
весь в парчовых перьях, предо мной
с высоты прервав полёт, как в танце,
опустился на разлив речной.
Горделиво смотрит он на лужу,
на домашних уток, на людей,
на изгиб реки, где чайки кружат,
и где дед рыбачит меж сетей.
Видит избы он, песчаный берег-
в доброту людей наивно веря...
Вот и женщина с бельём на мостик
вышла...
Вслед - гусят пушистый хвостик...
.

В 7 КЛАССЕ

На лугу телок на привязи,
над рекою - свист и гам...
Я бегу и вижу издали:
мяч летит к моим ногам.
На лужайке - две команды...
Между палок- створ ворот...
Пас к воротам... Как кувалдой,
друг мой, Сашка, точно бьёт!
Вопль девчат...
В ногах- ромашки...
Над разливом - крик гусей...
Матч сегодня очень важный:
класс на класс -
вперёд, смелей!!

ВЫХОД ПО ЯГОДЫ

Июльский день роскошный,
в полях- по грудь цветы...
Я- отпускник, с лукошкой
в том царстве красоты
Где пенье птиц разнеженных,
где земляники- всласть,
от комаров рассерженный
такая вот напасть.

Что не вдохнуть, не глянуть -
укусы, нудный писк.
На солнечной поляне
я от жары раскис.
Вхожу в лес... Паутина
хватает по лицу
и липнет сыпью, тиной...
Я внутренне- кричу.
С лица сдираю плесень,
от омерзенья - дрожь....
- И не до птичьих песен,
и лес не так хорош.

В КУСТАНАЙСКОЙ СТЕПИ

Полдень лета...
Струйки света на лицо стекли...
Разморённая планета
нежит ковыли.
Озеро блестит от соли...
Норы корсаков...
Здесь квадраты делят поле
меж степных холмов.
На ячменной ниве тихо,
зреют колоски...
Проскакали кони лихо,
вслед свистят сурки...
Над единственной, далёкой
юртой на холме,
вьётся стружкой дым поблёкший-
так знакомый мне.
Не прикрыть прохладной веткой
жаркой головы...
Полдень лета тёплым светом
нежит ковыли...

* * *

Подмыло берег... Сыпется песок...
Кусты свисают всюду с крутояра.
Широкий плёс искрит наискосок,
гудит буксир, взметая клубы пара!
Толкает баржу с брёвнами, в обхват
их толщина. Смола вверху витает.
Я с удочкой сажу, и очень рад
что в Чернолучье снова отдыхаю.

В ЦЕНТРЕ ГОРОДА

Посмотри: на асфальте- зелень!..
Из трещин прут тополя!..
- Учись у природы весенней
и на груди у Вселенной
не ищи, где помягче земля.

В ЛЕСОПОСАДКЕ

Майский лес- чародей,
снова сказкою манит:
танец маленьких лебедей
вижу я на поляне.

Ёлочки в кружевных
юбках, нежно-зелёных,
стройные, на носках
приподнялись смущённо...
... Вот ударит оркестр-
ряд за рядом смешаются...
Только тихо в окрест,
птахи лишь откликаются.
Ёлочки всё стоят
на одной ножке чутко...
Я, пацан, очень рад
этой сказочной шутке.
Затаившись, всерьёз
жду вступление оркестра...
Свет ребяческих грёз
наполняет мне сердце.

В ОБЩЕМ ВАГОНЕ

Попивая водицу из кружки,
бабка белую сайку жуёт...
Рядом внучек её непослушный -
в дом, в деревню обратно везёт?
Исхудал он, поизносился -
от прохожих прячет свой взгляд.
Пооброс, без мытья залоснился-
возвращению, кажется, рад.
Долговязый, нескладный мальчишка -
бабкиным повинуюсь словам,
читает какую-то книжку:
водит пальцем, бубнит по слогам!..
Тормозит поезд...Сельский вокзальчик...
Хлопотливо собрав узелки,
они сходят... И солнечный зайчик
золотит сумки старой замки.

ВЕСЕННЕЕ УТРО

В полях - синё!..
За дальней городьбой
большой простор клубится пред глазами!
На гриве трактор свежей бороздой
ползёт... луг - стадо... клич под небесами...
То гуси-лебеди спешат домой,
на Север дальний, в выси голубой...

ПЛАВАЮЩИЕ ЦВЕТЫ

Ряска, лютик, водокрас,
жёлтая кубышка -
на протоке в ранний час
невидно их, неслышно...
Только солнышко взойдёт -
гладь речная зацветёт.

ПОДВОДНЫЕ ТРАВЫ

Рдест курчавый, роголистик,
Элодея - полно в пруду,
в водах тихих, сонных, чистых
на рыбалке я найду.

- Вот и хара, телорез...
Вижу весь подводный лес.

ВЕРЫ НЕТ

Изнываю в тени от жарыщи...
Над полями плывёт сухойей.
Ссохлось, треснуло топорщице,
прикипая к ладони моей.
Обухом постучал по колоде
и топор с топорщица – слетел!..
При такой пепелящей погоде
будем осенью все не удел.
... Вьётся змейкой тропа луговая,
заметая по- лисьи следы.
Шепчет бабка: *«Царица, святая,
дай нам дождичка, малость воды!..»*
Крестный ход раньше делали люди,
всяк молился тайком небесам-
А сейчас ни чертям, ни Иуде
веры нет...
Это чувствую сам...
Утром в город , домой уезжаю-
жёлтой грусти и белых равнин
среди лета боюсь, и пугаюсь -
словно ранних, не в меру, седин.

ВНЕШТАТНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

Мне изяснялся глав-редактор:
*«Желанье есть - пиши, пиши...
О чём? – не надо про реактор...
Читатель - дурь да алкаши.
А потому пиши попроче
под анекдот, начистоту:
про хват-невестку, ведьму-тёщу,
про секс и СПИД... про наркоту...»*
Я, выслушав все пожеланья,
сказал: *«Прощай!..»* - как до свиданье.

ПРОЩАЙ, ОСЕННИЙ ПЛЁС

Мне чахлые кустики ивы
у кромки воды ледяной,
в закатных лучах, сиротливо
шепнули прощально листвою.
И ёкнуло сердце - до дрожи:
«Прощай, плёс!..» -
под звон камыша
рванулась машина...
И всё же
не верит в разлуку душа.

НА ДАЧЕ

Потомственный печник, дед
бородатый,
не торопясь, кирпич в раствор
сложил.
Мне – пацану, с улыбкой
хитровой:

“Вот так и так клади – учись...” -
твердил.
Проворно бегал я за
кирпичами,
раствор в ведерке мятом
подавал...
Он вроде ненароком, так нечаянно:
“Смотри, учись!..” – мне снова
повторял.
К полудню печь была уже
готова.
Дед подмигнул, дымя свой
самосад:
*“Наследуй, внучек – печь или
подкова
нужны извечно, как и этот
сад...”*

ПОД СИНЬЮ ВЫМЫТЫХ НЕБЕС

Под синью вымытых небес,
в холодной сырости овражной,
шумит листвою весенний лес:
ведёт рассказ о чём-то важном.
И в дымке с тонкой пеленой,
в просторе огненно-лиловом
мне видится мой дом родной,
и речка за забором новым.

ПОМНЮ, ПОМНЮ..

Вижу отмели белую нитку
у зелёной гряды тальников.
Вижу девушку в светлой накидке,
слышу плачущий крик куличков.
Вечереет...
Туманится берег,
всё загадочней даль Иртыша.
- Сколько можно надеяться, верить?..
Успокойся, смешная душа.
Над протокою мостик ветшалый
и две жердочки, вместо перил.
... Помню, помню: цветной полушалок
здесь над мостиком птицей парил.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Небо тонкой полоской зарится,
кромкой плёса пронёсся чирок...
Гладь озёрная смутно искрится...
Выпрыгнул из воды окунёк.
В камыше кто-то булькнул? - Ондатра,
да, конечно - там хатка видна...
Первый выстрел по займищу трахнул -
раскололась вблизи тишина.
Стайка чернядей мчит со свистом,
вслед им кряква призывно кричит...
Розовеет восток светло-чистый.
... Ствол ружья повлажнел, и блестит.

ПОД ЛОДКОЮ

Тревожно тальники во тьме шумели,
и волны пенил ветер грозовой...
С тобою мы под лодкою сидели.
Дождь барабанил сверху - резкий, злой.
В моё плечо уткнувшись головою,
дрема ты...
А гром гремел, гремел...
И нежностью наполненный святою,
тебя поцеловать я не посмел.

ПРОТАЛИНЫ ЧЕРНЕЮТ

Плетни вытаивают из сугробов,
завалинки дымятся под окном...
На крыше голубь, сизый до озноба -
с голубкою воркует о своём.
И долго день не гаснет...
В огороде
проталины чернеют - там грачи,
слетевшись, по земле в развалку ходят...
И трель скворца на сто ладов звучит!

ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ

Ранним утром слышу лай
на крыльце за дверью,
то скребётся Рекс: «Вставай!..»
- будет пёс мой верный.
Мне будильник ни к чему,
при любой погоде
подчиняюсь я ему -
с ним во двор выходим.
... Так со мною нежен пёс,
что целует прямо в нос.

ПЛЁС

Камышом луг зарастает,
но внутри - зеркальный плёс!..
Там взлетают уток стаи -
вижу в брызгах россыпь звёзд.
... Вечером камыш темнеет -
ну, а плёс - в заре алеет...

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДВОР

Просыпаюсь на ранней заре
и счастливые звуки приемлю.
Слышу: куры шумят во дворе -
мама сыплет им зёрна на землю.
..Выхожу поскорее во двор,
где мычание, лай, птичьи песни...
А вокруг - деревенский простор,
добрый, солнечный -
с синью небесной.

ПРОСЁЛКИ, ХЛЕБНЫЕ ПОЛЯ

Просёлки, хлебные поля...
В лесу - дорожки травяные.
Всё это - милая земля!

В ней - сказки дивные, земные.
А в сказках трудно разгадать:
где сон, где явь?..
...Поляна... пчёлы...
крик птиц и ягод благодать...
и звон кузнечиков весёлый...

ПЕЧАЛЬ ПОКОСОВ ПОЖЕЛТЕВШИХ

Печаль покосов пожелтевших
и грустное в пыли жнивье...
И крики стаи пролетевшей -
всё в сердце перешло моё!
В нём - озимь с инеем на зорьке
и красный свет больших осин...
В нём - дыма первый запах горький...
Нить паутин... и блеск седин...

ПУСТЕЛЬГА

Юркий сокол - пустельга
вмиг завис в полёте,
смотрит зорко на луга:
мышка там в дремоте.
К солнцу вылезла из норки,
её видит сокол зоркий!

ПОЁТ МНЕ КОРОСТЕЛЬ

В поздний вечер вышел в поле,
под копной в тиши сажусь...
Заклубил туман раздольный,
месяц всплыл по виражу!..
Перепёлки замолчали,
но поёт мне коростель
о любимой, изначальной
красоте родных земель.
Ветерок прохладой веет...
В небе звёздный хоровод,
словно шлейф прекрасной феи,
и мерцает... и плывёт...

ПО УЗКОЙ УЛИЦЕ

По узкой улице стада
бредут к реке лениво, сыто...
Поют над крышей провода
о времени давно забытым.
Тогда, пацан, я пас коров -
под вечер иссякали силы,
а утром, ровно в пять часов,
в потёмках мать меня будила.
Прошли года...
Я - отпускник...
В лугах - стада...
пылит деревня...
В избе из окон мамин лик
вновь оживает...
Небо дремлет...

СТАРИННЫЙ ГОРОДОК

Прозвенели ветра в неводах -
в старых, латанных,
съеденных молью...

Жизнь мелькнула в далёких годах
мимолётной радостью школьной.

Просевают сквозь сито дожди
нашей юности лучшие дни.

... И за далью безбрежной опять
выплывает Зелёная улица,
где в окошко любил я стучать,
где Паисыч,
проснувшись, вновь хмурится.

Я студентом сюда приезжал,
обходя огороды просёлком:

«Тюкалинск!.. Тюкалинск!..»

- напевал...

И встречал меня говор весёлый.

Вилась в узеньких улочках пыль,
на заваленках псы спали мирно...

Шли года...

Но всегда я любил
город маленький, периферийный.

Только юность давно позади,
на висках первой проседи блёстки.

-Слышу первые боли в груди,
ветер встречный

стал резким и хлестким!..

ПЛОТВА

Плотва- чебак, точней сорога,
её во всех озёрах много...

Ей начинающий рыбак
признанья дарит высший знак.

* * *

Вечереет...

Плес бледнеет,

стынут дали.

В редкий лес

туман пролез.

Тени пали...

По верхушкам,

по макушкам

прыгают лучи.

Придорожный,

осторожный

дом молчит.

Над полями

и лугами

проплывает сон,

и в гаданье,

и преданье

вечер погружен.

Заметалось,

отражаясь,

пламя у реки.

Замолчали,

размечтались

рыбаки...

* * *

В деревенском дворе на крылечке
промелькнули короткие дни
и сегодня,

в назначенный вечер,

привязные щелкнули ремни.

В час прощания с летним привольем
на дороге вечерней

лесной

наполняюсь тревожной любовью
к стороне моей бедной,

родной.

Уезжаю...

Бегут перелески

и дрожит в позолоте листва,

а вдали мать все шепчет и крестит

ее боль во мне вечно жива!

* * *

Нам лица жизнь избородила
следами тяжкими морщин...

О, сколько мыслей,

чувств скопилось

в их тайниках

на дне глубин!

Секут нас беды,

суховеи,

метелей раскаленный снег.

А пуще - те, кто в нас посеял

вражду

в нелегкий этот век!

Повсюду рэкет,

вор,

убийца

- им мафия -

родная мать!..

Вожди и партии,

вам снится

лишь трон,

на прочее -

плевать!

А мне - что до зимы колючей,

до мафии

и всех вождей?!

- Собрал ружье на всякий случай

и жду последних новостей!

ПISКУЛЬКА

Гусь - пискулька, белолобик,

пролетает лугом низко.

На посадку вновь заходит

над водой искристой, чистой.

И кричит призывно, тонко...

Слышу в крике плач ребёнка.

* * *

Неспроста небеса замахнулись
белокрылым,
пушистым снежком!..
И под ветром
талы встрепенулись
и расстались с последним листком!
Сыплет снег на увядшие травы
и на пашню
 иные цветы!..
И сверкает поляна лукаво
россыпью неземной чистоты!
Озимь яркой,
зеленой полоской
окаймляет припудренный лес...
Снег и...
 зелень?!
Красиво и просто.
Это чудо
 из всех чудес!!

* * *

Незначай
или все ж понарошку
за живое задела меня?..
И обидой такой
 огорошенный
я мрачнею так
 день ото дня!
Слишком многое пережито,
чтобы с легкою ссорой забыть...
Протекает молва через сито,
осень снегом пошла моросить.
Видишь:
лебеди под облаками
проплывают прощально на юг,
машут крыльями –
 словно руками...
И смыкается неба круг.

Владимир Зензин

ДЕРЕВЕНСКОЕ НЕБО, СЕЛЬСКИЕ РАДОСТИ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел шестой)

РЕДАКЦИЯ

Редактор : А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читател

ДЕРЕВЕНСКОЕ НЕБО, СЕЛЬСКИЕ РАДОСТИ

НА РОДИНЕ

Когда осенние дожди
плывут сплошную пеленою
и полумрак лишь впереди
с неизъяснимою тоскою,
когда погосты и кресты
встают ясней на перекрестках –
то возле них мрачнеешь ты
под ветром леденистым,
хлестким...

В пустынном поле –
никого!

Стою с протянутой рукою
и слышу: где-то далеко
знакомый лай бежит по полю!..
Скорбит осенняя земля,
уставшая,

Здесь мама старая
- такая тихая,
совсем нагая...
моя,
больная.

* * *

В Сибири есть одна изба:
углы подгнили, покосились...
И всё равно мне так близка,
она- мой дом, моя Россия!
Живу на пятом этаже:
душ, телевизор, газ-
и всё же -
изба жива в моей душе,
да и иначе, быть не может!
В ней холодал, в ней голодал,
в ней обрастали мои крылья...
И пусть красивы города -
они мне из избы открылись!
Когда смотрю я на жнивье
под крик прощальный,
журавлиный -
не мыслю космос без неё,
в ней на века мой край любимый!

* * *

Деревня «Приозёрская»
Полдень.
Жаркий день плывёт
в озере рассвеченном...
В брызгах радуга встаёт
над водой изменчивой.
Гладь сверкает...
Вёсел всплеск...
Я раздетый –в лодке.
Обгорел на солнце весь,
вновь гребу охотно.

От весла ладонь горит -
тихнет скрип ключичин...
В камыше комар звенит...
Я рыбак - везучий!
С удочкой наперевес
замер, жду поклёва...
Слева - грива, дальше- лес.
Справа - домик новый.
Рядом в воду конь зашёл,
пьёт, прядёт ушами -
в бурой гриве тонкий шёлк.
Косит за мной глазами..
За прибрежным камышом,
на мостках непрочных,
ребятишки нагишом
плещутся, хохочут...

НА ЭЛЕВАТОР

Темнота - хоть «глаз коли»,
с вихрем дождь и снег!..
Фары мечут в колеи
серебристый свет!
И буксуя, рокоча,
прём по кромке поля.
Шофер что- то бормоча,
мотором не доволен.
Крутит руль свой строго в след,
пар прёт из-под капота...
На асфальт через кювет,
ухнул с разворотом!
Что за счастье - есть асфальт!..
Брызги ослепляют,
разогнались...
И не жаль, что я сутки маюсь.
Всё ж пролезли через грязь -
фара, глаз бинокля!..
И тепло. Дрожь улеглась,
хоть в грязи промок я.

ГИБЕЛЬ КОСМОНАВТОВ

Вы ушли, как говорится,
в «мир иной»,
в неземной, где только –
только были!
Под Кремлёвской золотой звездой
с почестями Вас похоронили...
Бесконечность жизни, бытия,
беспредельность звёздного
пространства!..
Вами проторённая стезя-
как призыв к космическому
странствию!
Да, первопроходцы иногда
и не возвращаются, но всё же
жизнь их не проходит без следа
и другие люди след тот множат...
Человек космических эпох!?
- На земле ещё не мало бед
и о том, хорош ты или плох,
порасскажет твой, потомкам, след!

ВЕЧЕРНИЙ ГНОМИК

Где-то звякнет, где-то стукнет,
белым лугом проплывёт,
в дальней рощице аукнет,
в речке стынувшей всплеснёт!..
Над полями вспыхнет ярко
одинокую звездой
и рассыплет свет подарком
под сияющей луной.
Тихо встанет к изголовью,
обовьёт блаженным сном,
с нескрываемой любовью
рассмеётся под окном.
Только поздно, одиноко
прошумит вверху листом...
Заскучает... а потом
отойдёт во тьму глубоко.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ОТПУСК

Снимаю костюм свой строгий,
забываю манеры многие...
- Одеваю простую рубашку
с воротом, нараспашку.
В руки колун тяжёлый
беру...
И лопатки звереют!
Жах! – и поленья взлетели,
расколовшись под треск весёлый.
Там, где цветы хороводят,
возле кустиков, грядок
с тяпкой в большом огороде
навожу любовно порядок.
Но чаще с утра, без дороги
по лугу путь сократив,
с сыном идём босоногие
на дальний, заросший обрыв.
Забросив на сонную воду
удочки, долго мы ждём...
Вот клюнула рыбка вроде?..
... и молимся над поплавком.
Рыбалка наскучит, и лесом
выходим к поляне одной.
где ягоды ало поблескивая
повсюду а траве густой!
Сын, рот перемазав клубникой,
цветов собирает букет,
зовёт:
«Папа, только взгляни-ка,
жар- птицы и то, такой, нет!..»

НОЧЛЕГ В КОПНЕ

Упаду я в копну, провалюсь-
развалюсь,
как в пуховой перине...
И покинет меня сразу грусть,
улетит в оклике журавлиным.
Васильки под горячей щекой
увядающим цветом запахнут,
и пыльюцо посыплет левкой
в воротник приоткрытой рубахи.
Клевер радостным детством
дохнёт,
повилика мне спутает руки...
Сон, как сказка, меня обовьёт-
и затихнут земные все звуки.

ЗАПЛУТАЛ

Водит ночь меня в плотных,
колючих кустах...
До крови пальцы ног ободрал.
И усталость, как гиря, висит на
ногах.
Чу! Вдали загорелся фонарь!
Где палатка моя у реки, через
лес,
есть дорога к охотничьей базе.
Заплутал я изрядно, запутал вот
бес,
что о базе не вспомнил ни разу...
Через ночь, через даль и
туманную хмарь
мне лучи протянул светлоокий
фонарь!

охотбаза Ачикуль

ТРЯСИНА

манит покрывалом...
Только встал я на трясину –
ух! – как не бывало!..
Оборвался в воду, вниз
Между кочек зелень тины
– за соломинку держись!

* * *

А хмарь дождливая поля
накрыла,
поник осинник с яркою листвой.
Грибы и ягоды в траву
зарылись,
ползет с лугов туман густой
волной.
Стекает дождик по стволам и
веткам,
и листья в мутных капельках
дрожат...
Иду я лесом в сумрак
беспросветный,
туда, где тырла черные стоят.
В избушке, там у озера, за
гриной,
дед Паша сети чинит, ждет обед.
А у порога рыжий пес ленивый
скулит дремотно, щурится на
свет.

д. Кутырлы

ЖУРАВЛИ

В ясный полдень в небе синем
кружат стайкой журавли.
Пригляжусь:
лишь росчерк крыльев
различаю я с земли.
Марево...

И испаренья,
как потоки, ввысь текут...
Крыльев взмах, затем –
скольженье.
По волнам плывут, плывут!
На безветрии небесном,
слышатся с печалью песни...

НА СЕНОКОСНОМ СТАНЕ

Не успели дOMETать мы стог
с дедом...
Навалилась тьма густая...
И в копне я до утра прилѣг-
сразу сном мертвецким засыпая.
Васильки под влажною щекой
цветом увядающим запахли
и пылью посыпал мне левкой
за раскрытый воротник рубахи.
Клевер дождичком гребным
дохнул,
повилика спутала мне руки...
А в ушах, хотя давно заснул,
слышались в тиши лесные звуки.

* * *

Серые избы, просѣлки сквозные
белеют навстречу в снегу...
Мчит поезд меня из центральной
России
в места, что в душе берегу.
Сибирь – сердцевина России!
Меня здесь ребѣнком крестили...

* * *

Уйти бы в лес, в чашобе
заблудиться.
Забыть все споры, улиц маяту,
хотя бы на полдня переродиться
и вновь поверить в давнюю мечту!
И пряный воздух!?
И листвы движенье!?.
... Брожу я с посветлевшей головой,
и чувствую: внутри сомкнулись
звенья,
разрозненные в голове больной.

* * *

Люблю тебя...
В железном звоне дня
идѣшь одна осенним тротуаром,
навстречу ветру голову клоня,
завидуешь встречающимся парам.
Прости меня. Я постарел. Опять
вдали, тебя оставив, жду удачу.
Тружусь и ночью...
Но меня понять
не хочешь.

Оттого бессильно плачу.
Как изменить тяжѣлой жизни суть,
как уберечь тебя от бед и сплетен?!
Теперь, когда в ночи мне не заснуть,
я чувствую тиски железной клетки.

* * *

Старею я...
Любви холодный пламень
не согревает скромный наш очаг.
Но наша молодость - святая память,
не говори, что всё тебе не так.

БЕРЁЗА

Сколько чѣрных зрачков у берёзы
на коре- разглядел лишь сейчас...
Белоснежную кожицу трогаю...
Я вернулся- и слѣзы у глаз.
Помню в детстве тропинку у речки,
с берега я бежал под откос...
Нет тропинки...
Остался лишь вечный
белый свет давних, милых берѣз!

* * *

Я снова детство повторяю
и в муках сладких замираю
(А мне уж 80-т лет) -
порой не мил весь белый свет!
За шагом шаг, за годом - год...
А вот ещё был эпизод...

СТАРЕЦ

Его лицо, как лик земли,
в морщинах и тепле...
И думы тайной залегли
на восковом челе!
Глаза ясны,
ведь в них - весна.
Им видно всё насквозь!
... И потому им не до сна-
чтобы другим спалось.

* * *

Ещё прохладен, сер апрель
и пахнет всюду гнилью, прелью.
Зато скворчиной песни трель
оттаявшую рощу греет!
Зелѣные ростки травы
пробились в прошлогодних листьях,
а в лужах столько синевы,
что в голове яснее мысли!..
Жизнь повторяется опять
в листочке первом, в песне птичьей,
и хочется мне пожелать,
как говорят: «Удачи, в личном!..»

И пусть прохладен, сер апрель
и может выпадет озимок-
скворчиная не смолкнет трель
и будет рядом взгляд любимый!

СТИХОТВОРНЫЙ СЛОГ

Есть бескрайнее небо в каждом из нас,
есть рассветы и гроз кипенье...

Так скажите:

зачем нам слюнявить Парнас,
кокетничать стихосложением?»

«... Капля я,

стебелёк,

колосок,

песчинка, слезинка, пылинка...»

Уменьшительно ласковое:

«Сосунок...» -

я добавил бы к этой картинке.

Пол- планеты вместились во мне
с радостями, печалью, тревогой...

Со стихами идти нам в степной целине,
в бездорожье,

с надёжным слогом.

* * *

Ёж целый день дремал в углу
за старую, большой кроватью,

а в ночь затеял кутерьму

и до утра не дал доспать мне.

То он сопел, дразнил меня,

то шелестел шипами грозно...

ходил вдоль стен...

Где западня,

стоял подолгу, осторожно.

Мышей, быть может, услышал -

потом прошёл под стол на кухню

и громко молоко лакал,

с присвистом, сочно что-то нюхал.

И так всю ночь:

туда-сюда...

А утром мать открыла двери

минут на пять- и без следа

исчез ёж...

Как не усмотрели?

Сын плакал долго, убеждал:

«Я молоком кормил, грибами...

Он ни за что б не убежал...

- Его собаки разорвали!»

СРУБ

Ещё конь не валялся

ещё сумрак, роса...

За топор сосед взялся

и полез в небеса.

Там, на срубе высоком,

мастерил он конёк...

А вдали, на Востоке

возгорал огонёк.

Разрастаясь всё выше,
предвещал ясный день...

Но уже гулы слышались,
в небе «юнкеров» тень!

И ушёл он под пули

и остался тот сруб

в расцветавшем июле,

словно высохший труп.

... Сруб стоял очень долго -

верно года так два,

а потом зимой подлой

сломан был на дрова.

ЕЩЁ ОДНА ДЕКЛАРАЦИЯ

О себе не писал бы во век,

не пытал бы себя, не вымучивал.

Жил бы я, как любой человек

и над страстью чужою подшучивал.

Как в личину укрыл бы себя,

оберёг,

защитил от насмешек -

но такая, наверно, судьба:

заташил на поэзию леший!

Боль чужая пронзает меня,

проникает до самого сердца...

Кровь в виски ударяет, звеня,

если вижу страданье и бедствие.

Прогремит ли над городом гром,

или лягнет лист жести на крыше -

враз тревожно на сердце моём:

каждый шорох и вдох чутко слышу!

Звёзд полёт и весенний рассвет,

и дорожка в лучах зоревая,

оставляют в душе моей след -

за живое меня задевают.

Так, как фокус вбирает лучи,

как магнит притягает железо-

так и ты! -

в беспокойной ночи,

меня ищешь повсюду **Поэзия!**

Мир процеживаю сквозь себя,

Сердцем - трепетною антенной

слышу - дали призывно трубят,

наполняюсь грозой постепенно!..

На душе – молния и разряд!..

Не писал б, не пытал, не вымучивал,

наизнанку себя б не выкручивал -

но чудак я...

И -этому рад?!

ЛЕЧЕБНЫЕ ТРАВЫ

Есть сотни кривд и полуправд,

но правда есть –одна..

Ищу целительных я трав

с рассвета допоздна.

Саранка нежная моя,
лук, троелистка, донник -
вы все, как добрая семья,
я к вам пришёл с поклоном.
Мне наблюдать ваш мир не лень:
вот лес шумит слегка -
трухлявый, почерневший пенёк
как профиль старика!
А это дерево сродни,
пожалуй, исполину -
ни червоточина, ни дни
не гнут прямую спину.
Берёзка светит в белизне,
как девушка, чиста...
Хотел, но всё же не посмел
сорвать у ног цветка...
Вот на отшибе, в тишине
скрипит, ворчит осина
и горький голос слышен мне -
недобрая в ней сила?!
А вдоль дорог плакун-трава,
репейник и крапива.
-У этих трав свои права,
в них – яд...

Цветы их лживы.

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ

Да, есть на Руси
всегда женщины,
они не в парче- кружевах,
спецовкой простою увенчаны -
обычный рабочий класс.
Мастера, штукатуры, доярки,
обходчицы на путях...
За рулем рядом с нами не даром,
сыскали доверье средь нас.
Порой в телогрейках и робах,
с ломиком, топором – не одна,
презирая сомнение, робость,
трудитесь от зари до темна.
Но и всё же остались

Вы –женщины:
стройными, чуткими, нежными...
Остались красивы по-прежнему,
радостью новой отмеченные!

ЕГЕРЬ

Однооконная изба
на берегу у озера
меня нежданно сберегла
от сумрака морозного.
Трещал в печи огонь слегка
и лампа чуть светила...
И рысья шкура с потолка
свисала и искрилась.
Мерцало на стене ружье
с надтреснутым прикладом,

и дед мне про свое жите
рассказывал с усладой.
Про птиц... и рыбу...
и зверей.
Про одиноких егерей.

СВОЙ ДОЛГ

Ежеминутно, ежечасно
земля уходит из под ног.
Знай:
жизнь всеильна и прекрасна,
когда судьбы своей ты- Бог!
Мне диалектика по духу:
земля вращается к добру,
чтоб вслед за ночью (за старухой),
вставало солнце по- утру!
Чтоб после зим седых, суровых
пришла невестою – весна...

... Но в людях есть жестокий
норов,

вот где- то снова крик -
«война».

- Пылают города и сёла,
земля взрывается у ног
и парень с головой тяжёлой
упал, уже смертельно плох.
И я грущу...

Но как я счастлив,
когда кому-нибудь помог,
и стал судьбой своей причастен
к другим,
свой выполняя ДОЛГ!

НИВА

Год назад здесь рос камыш,
Нынче - хлеба грива...
Говорит мне дед Иван:
*«Ах, полюшко красиво!
Наши сибирский сорт пшеницы-
надо ж славно уродиться?!»*

НАДВОДНЫЕ РАСТЕНИЯ

Я брожу вдоль речки,
в ней кувшинки-свечки!..
Над водой- рогоз, тростник
и аир с трезубкой...
... Дальше - манник, стрелолист...
камышинки дудки...
- Корень белый у аира,
он лечебный, как эфир.

НОСТАЛЬГИЯ

Анатолию Грачёву

Да, о родных краях забыли...
Но детство вновь зовёт в луга,
где мы впервые полюбили
крик журавлей, цветы, стога...

Где пела каждая нам птаха
о вечной сказке бытия,
где медуницы чудный запах
теперь забыть не в силах я.
Тишь полевая в майских зорях!..
Озёр безбрежных стынь и синь!..
- Всё это в сердце, в нашем взоре.
И свет полей мне – свет святынь!
Когда теперь в гудках и пыли
идём по городу с тобой,
я вспоминаю: как любили
в Солдатке ивы над рекой...
И если счастье впрямь возможно
найти- вернись в родимый край,
где всё прекрасно и не ложно,
где для души уставшей - рай!!

НА ОКОЛИЦЕ

Рошица развесистых берёз
выплыла в рассвете из тумана...
Их листва,
как прядь твоих волос
с отсветом белёсым,
горьким, ранним...

В ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Над поляной с листвою опавшей,
ветка голая в сини сквозит...
А за речкой луна,
приподнявшись,
хладным светом слегка
моросит...
Ветер стихнет...
И волны тумана
деревенский наполнили луг...
Там, в избе, одинокая мама
задремала...
- Ей чудится стук...

В СТЕПЯХ СЕМИПАЛАТИНСКА

Взревел над зелёною степью
как гром, испытательный
взрыв...
Я с дрожью тревогу приемлю.
Я – в бункере, я – ещё жив...
С утра распогодилось небо
и птицы трезвонили в степь,
но смерч, словно облако гнева -
взметнулся,
пророча всем смерть.
-И сердце сжимается смутно...
Померкло весеннее утро...

СМОТРЮ МУДРЕЙ

Взлетает жаворонок звонкий,
качая песню на весу...
Здесь торф горел,
дыма воронкой,
а ныне- озеро в лесу!
Вокруг воды камыш
и зелень
густых берёзовых ветвей...
От нежных чувств куда я
денусь?!

Смотрю на жизнь мудрей,
светлей.
... Играет ветер в перелеске,
летит на хлебные поля,
ласкает щёки...
В поднебесье,
плач журавлиный-
боль моя!

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Я хочу, земля родная,
на безвестном,
том краю -
где болезнь и тьма слепая,
хоть на час побыть в раю!
Повстречать простор и свежесть,
грех от бога не тая,
в час последний,
неизбежный
вновь приду в свои поля.
Средь цветов
и в птичьем хоре,
не мешая никому,
растворюсь я в алой зорьке,
побеждая боль и тьму!!

ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

Лесок перед деревней,
кресты в нём и холмы...
Мир промокший дремлет
в оградках полумглы.
А дождь холодный с ветром
всё барабанит в спину.
Слышу безответный
оклик:
«Кто здесь сгинул?!»
Низко тучки мечутся,
рассыпая дождь...

От покоя вечного
бежит по коже дрожь...

деревня Оша

БЕЗЛЮДНЫЙ ПРИЧАЛ

В сосульках камыш,
а на старице- лёд!..
Свинцовый Иртыш
тихо воды несёт...
Последние чайки
тревожно кричат,
и тучи печально
по небу скользят.
И льдистым припаем
скрежещет шуга...
Безлюдны причалы...
Пусты берега...

ПОЛОВОДЬЕ

В майских стремительных,
светлых лучах
ивы в лугах разбрелись...
Вдали у форваторов
в тёмных ночах,
бакены снова зажглись.
Ранний рассвет...
Набережной иду
от гостиницы Омск до моста.
разлив день за днём прибывает...

Плывут
осколки последнего льда
В плиты бетонные бьётся волна,
крутит вьюны под мостом...
Прёт половодье, и речка - вольна,
как щепкой, играет бревном.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Мы жили бедно:
 чтобы пообедать
мать жмых толкла, варила лебеду...
А за забором плотным у соседей
и хлеб. и масло были на виду.
Там у соседей пахло щами с мясом -
и мы глотали запахи подчас...
Чего-то ждали долго и напрасно...
Судьба в те дни обманывала нас.
По карточкам - (отец погиб на
фронте),
нам обещали шпроты, мармелад -
но заграничные посылки скромные
так редки для сиротливых ребят...
А за забором веселились пьянки,
там жил завскладом
 с толстым животом,
плясали там...
Не значась в хулиганстве,
я как-то раз
 пульнул в них кирпичом.

В ГОД СОБАКИ

Рекс – лохматый, верный друг –
пёсик мой любимый...
Слышу сердца близкий стук,
мы – неразделимы.
Приобняв его, я горд,
тем, что с ним общаюсь.
Наша дружба не на год –
твёрдо обещаю.
Лижет Рекс мою ладонь,
нос его чуть влажен.
Знают все: меня не тронь,
рядом зверь отважный.

ЖАЛУЮТ ДРУГ К ДРУГУ

министры на чай
и дымком по кругу
признания в любви.
Праздничны столицы
главенствующих стран...
Почему же снится
мне опять Вьетнам?
Вижу лица жёлтые
в тропическом огне,
слышу взрывы в Ольстере -
опять коммюнике:
в Чили и Судане
воздух розовой...
расстрелами, судами
казнят свободный строй!..
Модно, что правительства
салятся за чай,
но дымком сомнительным

слова вновь о любви?
За парадным блеском
улыбок и речей
видятся повестки
идущих в строй парней.
Молчат ракетодромы,
набравши в рот воды.
- Они, подобно грому,
ждут искорку вражды!

ЖУРАВЛЁНОК

Тал густой разросся вдоль болота,
в нём берёзы белые гниют...
Здесь, на кочках с рыжею осокой,
журавли извечно гнёзда вьют!
Я с берданкой дедовскою, старой
на охоте-
 мне двенадцать лет,
прыгаю по кочкам...
В жилах- ярость,
как волчонок, голодраный шкет?!
Там, где плёс покрыла ряски
плесень,
я нашёл гнездо в густой траве,
в нём- птенец,
 и я к нему подсевши,
глажу нежно так по голове!..
Он какой- то слабенький и серый
посреди осоки и гнилья.
И дрожит всем телом-
 и не верит,
что ему добра желаю я.
... Шла война...
Оборванный, голодный
рос я в деревенской бедноте
и лесная жизнь моя, свободная,
породнила с живностью везде.
И теперь , услышав крик
прощальный
журавлиной стаи, я грущу-
словно чем-то давним опечален.
В небе этот клич ищу... ищу...
... Грустный клин в высоком
поднебесье
медленно плывёт, скользит на юг...
Все мы с детства слышим птичьи
песни,
но не знаем,
 что они нам шлют!

Женщина смеётся в тишине задушевно,

 ласково смеется!
Вечер изумленный
 онемел,
смех ее в пространство,
 к звездам льется...
Женщина смеется озорно,
с радостью какой-то неизбывной,

кажется -
 проклонется зерно
и прольются в майской ночи ливни!
Женщина смеется долго так,
что лицо мое
 вдруг посветлело...
И стою,
 заслушавшись,
 чуждак,
музыкой,
 которой нет предела!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ГАВАЕЦ КОНО

«Полиомиелит» –
 это слово жестоко звенит!..
Родился мальчик и заболел:
судорогой свело ручонки,
одна нога короче другой.
Его бы в старое время в Спарте
сбросили в яму –
 калека, урод,
но врачи привязали железо к рукам,
груз тяжелый к ноге –
 для вытяжки,
тянули кости,
 выпрямляли кости, –
неверующие смеялись: «Бросьте...»
А мальчик с годами сам
целыми днями железки ворочал –
играл в них,
 ласкал их.
Гантели и гири
 простыми игрушками были...
Стал юношей он,
 окрепили кости,
исчезли дефекты,
 но осталась любовь,
любовь к железу!
 К гантелям и гилям
юноша штангу себе приобрел.
И пали рекорды,
 вначале города,
затем и страны,
 ну а парень все креп.
...Первенство Мира! -
 Звездами в выси
засияли слова «чемпион»,
 «рекордсмен».
А поздней конкурсы красоты
культуристов –
красивей фигуры
 и рельефнее мышц
не нашлось!
Нет, не сказка, то был,
 этот юноша жил!
Из калеки, урода
через тяжкий труд,

 чудотворный труд
вырос самый красивый и сильный!

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ

Жизнь диктует свои права
и пугает суровою новью.
Кругом- кругом идёт голова,
задыхается сердце кровью.
Пятьдесят- для мужчин
это ль срок?!
- Прежнего нет
 стремленья, горенья!?
Может жизни самой потолок
давит сверху томительной ленью?
Всё темней за окном небосклон,
всё свинцовее низкие тучи...
И какой-то незримый сон
отчуждённостью
 давнего
 мучает.

Женщина с нелёгкою судьбою

ты нежна и снова весела!..
Ты опять любишь себя собою,
прошлое тебе, как трин- трава.
Жарче полыхает поздним летом
разнотравье, и крупней роса,
зря гадали бабки: «песня спета,
озорные отцвели глаза».
Нет!
Ещё сильнее сердце бьётся
и стройнее, величавый стан,
не духами- медом сада льётся
шелест платья...
Я немножко- пьян!
Словно манекенщица, нарядна,
ты проходишь, чуточку строга,
и мужчин восторженные взгляды
плавают давней горечи снега!

ЮЖНАЯ ЖАРА

На побережье блин - жара!
Курортная пора.
Грибки, лежанки - на «Ура».
расхвачены с утра.
Песок дымится от жары
и каждый - до гола!..
По коже вазелин, жиры -
и плавятся тела.
А море ласково ворчит
на гальке возле ног...
Вода тепла, она горчит
и солью сводит рот!
Чумеют люди от жары
- пыхтят, как повара!..
Зной катится с большой горы:
жара, жара,
 жара!

Шепчу я Богу: «Помоги,
тону в поту!.. Мой лоб
как камень, раскалён!..

Мозги -
кап, кап - текут в песок!»
... Давно бы с юга я удрал,
Путёвка - сам не рад...
Вверху - жара!

Внизу - жара!
В душе - крошечный ад!

БЛИЗКАЯ ПЕЧАЛЬ

Там у калитки, в вечер синий,
она скрывается во двор...
Я знал её лицо и имя
и помню встречи до сих пор.
За ней ухаживал мой друг,
писал стихи и ей дарил...
На Сахалин уехал вдруг-
и нет приветов столько зим.
Судьба жестоко
с ней расправилась,
она- старушка в тридцать пять?!
Всю жизнь ждала,
и всё надеялась:
придёт расцеловать!
И плечи выпрямит покорные
и уведёт к себе домой...
Но за окошком ночи чёрные
с невыносимой тоской.

ЖУРАВЛИ

Плывет седая паутина,
цепляясь за шесты антенн,
а выше –
табор журавлиный!
Смотрю –
и вижу дальний день...
О, как любил я,
наслаждаясь
весенней чуткой тишиной,
следить –
как, в синеве купаясь,
вы растворялись с синевой!
И только слышалось:
«Кур-лы...».
И тени в облаках скользили,
не гуси-лебеди,
а вы
меня на крыльях уносили!..
Остыл сентябрь.
Заметней иней,
и пахнет горечью осин...
- Прощай же, табор журавлиный,
до новых вёсен, новых эми!

* * *

В ясный полдень в небе синем
кружат стайкой журавли.
Пригляжусь:
лишь росчерк крыльев
различаю я с земли.
Марево...И испаренья,
как потоки, ввысь текут...
Крыльев взмах, затем –
скольжение.
По волнам плывут, плывут!
На безветрии небесном,
в синеве купаясь вновь,
чуть курлыча, грустной песней –
дарят светлую любовь!

ГОРОДСКИЕ СНЫ

Железные двери,
кирпичные стены
окрасила белым морозная пыль...
Весь город уходит во тьму
постепенно.
... Я сплю,
край родной- я тебя не забыл.
Во сне та же речка, изба -
и Каштанка
встречает меня у дощатых ворот.
и лает, и лижется...
Пусто и странно-
навстречу никто не идёт.
Где мама?...
- Жива ли... я долго так не был...
Вновь снежная дымка
навстречу плывёт...
Затянута проседью низкое небо...
- Проснулся:
за окнами гул... самолёт.

ВЕСЕННИЙ СЕВ

Дорога уходила в небо,
взбираясь круто на бугор –
а дальше – шла в лесистый гребень,
где по утрам стучал топор.
Там на заре, вершины крася,
и травы синего бугра,
вставало солнце:
«Здравствуй! Здравствуй!..» –
встречали гулом трактора.
Внизу, в лугах, текла речушка,
пружина в сгибах свой разбег...
Быки тянули равнодушно
оглобли стареньких телег.
Зерно в мешках томилось силой,
ссыпаясь в бункеры, звеня.
Вслед сеялки победно плыли,
бросая в землю семена.

А мы под скрип телег весёлый
на склад спешили за зерном...
Уж вечером шагали в школу
в военном том, сорок втором...
Но утром вновь дорога в небо
вела нас круто на бугор...
Цвёл май... Жгло солнце...
Где б я не был –
всё это вижу до сих пор.

ЖОР

Перед долгой спячкой зимней
у медведя приступ жора:
ест малину, мёд пчелиный...
На овсах сопит обжора...
Видал я, как на реке
рыб ловил он в тальнике...
... Он сосёт в берлоге лапу-
в ней пчелиный сот запрятал.

Жаворонок

Серый, крохотный певец
в небе точкой замер...
Трель его на сто коленц,
льётся утром ранним.
В синем мареве завис
с бесконечной трелью.
На гнездо глядит он вниз,
там птенцы пригрелись.
День ласкает на лугах
кисти алых ягод...
Рядом – свежие стога...
От реки - прохлада.

* * *

Жаворонок в небе майском

песенку мне пел,
и качаясь, словно маятник,
под облаком висел...
Как на ниточке висел!..
Долго слушал я, смотрел...
А потом сложил он крылья –
Камнем вниз – и в травах скрылся.

ЖАРКАЯ РАБОТА

Вот копну трезубцы вил
разом подхватили,
ветерок колечко свил
из цветочной пыли.
Я умею стог вершить.
Майка дышит потом,
прутья – накрест, как тяжи...
Тонкая работа.
Стогом с высоты горжусь,
вышел он на славу.
И по слегам, словно уж,
вниз скольжу на травы.

КАК УСПЕТЬ?

Как мочало,
жизнь меня трепала,
не венец-
уж видится конец!..
А душа ничуть не измельчала,
втайне говорю ей: «Молодец!»
По углам иконным не святили
лик мой -
по дорогам мыкал я.
Подустал...
Но в сердце хватит силы
вырваться из плена бытия.
Возношусь порою к птицам певчим
в синь небесную-
что б легче жить!..
А судьба - короткая, не вечная.
Как успеть своё бы завершить?!

БЫЛ И БУДУ НИЩИМ?!

Жизнь сиротская меня валила
с ног уставших -
был я тощий шкет...
Лебеду с крапивой мать варила
по весне -
я помню тот обед?!
Дни войны...
И до чего ж обидно
было видеть, как жирел сосед.
Он - завсклад,
оплывший жиром- «быдло».
Вижу вновь поля за далью лет.
Вижу ту, в багульнике бруснику,
где ласкает ноги влажный мох.
В северных просторах полудиких
выжил... Не ослеп и не оглох.
И теперь дивлюсь в заре туманной
слепоте куриной и людской:
Власть, богатство -
всё за счёт обмана.
... Был и буду
нищим сиротой!!

ЖЕРЕБЁНОК

Помню светлую речку и травы
на некошеном нашем лугу,
и мальчишек весёлых ораву,
раздевающихся на бегу.
Бултыхание, всплески и крики...
... Спутанная кобыла, а близь -
жеребёнок игривый и дикий,
что сорвётся в галоп, то - на рысь.
Хвост трубой на ветру раздувая,
по лужайке ромашковой мчит...
Нас манила езда удалая,
вслед ему плыл ребяческий свист.

Жеребёнок был тонкий, глазастый -
и, особенно, ноги стройны...
Через год его здешней медчасти
передали, в конце уж войны.

ОТКРЫВАЮ ОКНО

Жизнь – не просто работа
и домашний уют,
жизнь - стремленье к высотам,
где рассветы встают!
Прославляя искусство,
тем мечта хороша,
что без устали, грусти
молодеет душа.
Я карабкаюсь годы
на вершины свои,
никакие невзгоды
не убьют той любви.
... Время первых листочков -
открываю окно!..
Раскрываются почки -
с ними я заодно.
Птичьи радостны трели
от зари до зари,
они душу мне греют
первым светом любви!
Вынимаются рамы
и смывается пыль...
Это делали мамы
в нашу детскую быль.
...Мамы нет. Нет и рамы.
нет той старой избы...
Но весной этой ранней
веру сказкам судьбы.

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

Я - больной, и в постели пилюли,
горьковатые.
пью целый день...
За окном в небе ясном, июльским
голубиная мечется тень.
То- в близи пронесётся стрелою...
То по- ветру под небом парит...
То с крыла на крыло предо мною
развернётся.
И снова - в зенит.
Наблюдаю,
а сердце томится
и по телу- холодная дрожь...
Ах, ты- Сизарь,
красивая птица!
- Ну, куда ты
бескрылых зовёшь?!

ПРОШЛИ ПАЛЫ

Вдоль леса по опушке - борозда,
глубокая, длинной во всю поляну...
Я за клубникой вновь пришёл сюда,
но всё вокруг преобразилось
странно.

Нет ягодника, нет былых цветов,
растут одни лишь тощие былинки.
Прошли палы весной здесь-
из кустов,
обугленные видятся тычинки.
Опахан лес- и шрамом борозда.
Неслышно птиц
(видать сгорели гнёзда)...
Кто виноват в пожаре?!
Ведь беда
на много лет
останется коростой.

ДАЖЕ ВО СНЕ ПОНИМАЮ...

Здесь, где лохматые сосны
таёжную пьют тишину,
в одежде ещё не просохшей,
я по- мертвецки засну.
Будут медведи мне сниться
и рой мошкары на тропе...
Приснится, как с первой зарницей
я возвращаюсь к тебе.
И нежно тебя обнимаю
в сотый, наверное, раз...
... Но даже во сне понимаю:
как далека ты сейчас!..

НЕТРОНУТАЯ ЧИСТОТА

Дендрарий зимний полудик:
навстречу в снежных шапках
пихты...
Сосновый бор... кедрач возник...
Повсюду дремлет мир притихший.
С утра такая белизна!..
Глаза слезятся, как от счастья!
И что ни шаг- то новизна,
и ты к ней чуточку причастен
Тепло под ёлками - звенит
меж веточек струна лесная.
Я слышу, кровь в висках стучит,
за ворот холодок стекает!..
Здесь- заячьи следы подряд...
Там - дятел у дупла процокал..
И целомудренности рад,
счастливый я и одинокий!
Нетронутая красота -
как в городах, столицах мало
тебя, святая чистота!
Как мне чудес не доставало!

* * *

Да, жизнь всеильна и прекрасна,
когда своей судьбы ты - Бог!..
Но понукают ежечасно
меня, толкая больно в бок.
И на работе, да и дома-
претензии, упрёки, крик...
Не хочется идти к знакомым,
от праздников давно отвык.

Не знаю:

а был ли он «Полуподлец»,
презреннейший «Полуневежа»,
- но этот,

лебязей осанки дворец,
как парусник над побережьем!!
Как памятник зодчеству,
тем мужикам,
что жили на квасе и редьке,
ходили в лаптях -

а дарили векам
музейную редкость!!

ДОЯРКИ

Не об экзотике,
и не о девушке под зонтиком-
мой стих про тружениц-девчат.
Ветрами, солнцем позолоченные
они сидят, меня дичась!
Я знаю их характер бойкий -
на шутку им не попадись!
Когда ж чужой- ведут достойно,
глядят с улыбочкой, кажись...
Нас мчит машина меж полями
к гурту, на дальние луга:
под облаками над лесами
повисла радуга-дуга!
Да, всем погоду нынче надо,
дожди- сплошная канитель...
Вот стан и стадо - строим флаги,
а «Ёлочка», как карусель!
... Звенят блестящие подошники.
Бурёнок всех по именам
Ласкают - только непристойные
слова порой то тут, то там.
Грубы. Ведь жизнь - одни заботы:
пришлось им в пять утра вставать...
Весь день домашние работы,
и вечером доить опять!..
А юность - разве только эта
одна молочная река?!..
Так круглый год, зимой и летом -
доярки доля не легка!

ДЕМОКРАТИЯ

Да... Дураки и делают погоду...
Их - большинство.
А умных- раз... и два...
Ты демократам явно не угоден,
что требуешь себе особых прав...
Черту, дозволенную лишь немногим,
переступил под вопли дурако в-
и сразу в угол жмут, клеймят
йогом!..
И ты- на голове стоять готов!

ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ИЮНЯ

Гортанно петухи кричали
к заре, расправив крылья...
Поля в росе... Не стартовали
ещё в бессмертье эскадрильи.
Ещё рука к руке прижата,
и сладок чуткий сон...
Ночной патруль без маскхалатов
выходит за кордон.
Но жерла чёрных вражбх пушек
в прицеле - на Восток!
Враз тысячи сапог послушно
стучат зловеще в срок.
В мгновенье небо , накаляясь,
разносит смертный гул,
рассвет с пшеничными полями
меж взрывов утонул.
И перемолоты с землею
деревни, города.
Окрашены невинной кровью
все судьбы навсегда.
Тот страшный день ,
он где-то в дымке
за далью в сорок лет...
Лишь в памяти,
как в точном снимке:
июнь...
синь...
взорванный рассвет.

НА ЗАКАТЕ

День нагрелся до предела
и закат разлил пожар:
чайка искрой пролетела,
от воды- багровый пар!
Полыхает черепица
в ярких, солнечных огнях!
На столбах блестящей спицей
провода звенят в лучах!..
Всё горит в лучах закатных.
в алом яростном огне.
В свете новом и превратным
даль открылась, как во сне.
Труб печных краснеют маки
в просветлённых небесах,
и сверкают тонким лаком
крынки, банки на плетнях!
А из окон яро, слепо
бьют в глаза прожектора...
Вся планета - алый слепок
плавки лета - на гора!
... Так с времён происхожденья
неостывшая земля,
вновь вершит своё творенье -
раскалившись до бела!

* * *

Два дня брожу по Харькову,
знакомлюсь, в суть вникаю.
Обзавожусь подарками -
сравнить с ним Омск пытаюсь.
Ведут изгибы улочек
в центральные кварталы,
и кренделями булочных
вверх старина привстала.
Немного душно, тесно...
- Иртышскую бы ширь!
Где к набережной в блеске
встал город - богатырь.
Но не перечя истине,
скажу, и Харьков нов,
с окраины повистроив
десятки городов.
И городки - прекрасны:
цветные корпуса
под небосводом ясным
блестят, как паруса.
Шепчу прохожим: «Здравствуйте,
я здесь совсем один...»
- в ответ мне : «Будем ласкови
и заходи, как сын...»
Невдалеке зелёный рям
Весенний свет зажжёт...
Я вместе с ним, душой упрям,
Храню свой огонёк

* * *

До поры до времени скрывалось
разное отрепье, шакалье...
Перестройка ?!- словно не бывала
дисциплина...
Где искать её?..
Тащат с базы и из магазина
всё до нитки - оптом на толчок!
А зарплата наша - так, с мизинец -
как прожить на тощий кошелёк?!
Мафия на фабрике, заводе,
и в совхозном поле, и в тайге...
Вор с убийцей даже днями бродят-
и от бед не спрятаться нигде
Всюду рэкетёры, сутенёры...
Правит миром разное га...но.
... Крепко сплю, но слышу:
чья-то морда
лезет через форточку в окно.

В ДЕСЯТОМ КЛАССЕ

В деревне русалочьей, на Пасху
пригрело поляну весенним лучом...
Подснежником первым нежданно
запахло.
Ты прикоснулась открытым плечом.
Я вздрогнул смущённо...

С тобой не встречаясь
везде ощущал твой насмешливый
взгляд,
с тобою при встречах как-то
нечаянно
сторонкою шёл, отступая назад.
Поздней в сенокосном июне сплетал я
ивовые прутья, одев на стога...
Пришла потом осень с пролётною
стаей,
снег выпал глубокий под Покрова.
Мы - в школе ...
У нас -параллельные классы,
на переменах порой в толкотне,
как я мечтал о том миге прекрасном
когда прикоснулась впервые ко мне!
Морозцы ударили... Вьюги
взыграли...
Крещенская стужа лицо обожгла...
Чечётками, с алыми снегирами
ты в сны мои явью пришла.
Признаться не смел я...

Меня не согрели
маслениц ярких костры.
А к ряженной девушке вспыхнула
ревность:
стесняясь, лица твоего не открыл.
С улыбкой на окнах, смеясь
ворожила
о чём-то с девчонками в поздний
час...
Во мне горячо кровь звенела по
жилам!..
Рождественский свет!
Наш десятый класс!

* * *

Сосед соседу душу мутит
из- под тишка за старый долг...
Долг - ржавый гривенник по сути,
сосед соседу нынче - волк!
Смешно!. Воруяют миллионы
и не садятся на скамью,
Поскольку взятки дали оним -
прикрыто дело посему!..
А там - сокрытые убийства
и изнасилований тьма...
Подкуплен суд - судья речисто
доказывает: дел - нима?!.
Ах, Русь гулящая, хмельная-
рай воровства и дел блатных,
лишь воля Сталина стальная
когда то сдерживала их.
Но воля эта же душила
свободу личности любой,
жестокость страшная кружила
почти над каждою судьбой!..

Ах, Русь - а ныне демократы
провозгласили волю всем -
и рэкет, мафия - расплатой!
Разруха, голод - правят всем.
Сижу я вечером в квартире
и боязно ступить за дверь...
Так хрупко всё в «Свободном мире»,
где каждый – каждому, как зверь!?

* * *

Дочь в Ленинграде,
а мать на Оби...
В длинные сумерки зимние
души далекие
в кровной любви
мечтают о ласке взаимной.
Шлет переводы с посылками мать,
шлет телеграммы и письма...
Но не торопится дочь отвечать,
не делится тайными мыслями.
В общем-то
дочь из отличниц,
добра,
матерью строго воспитана,
трудно за тысячи верст разобрать,
что с ней сейчас в общезитии.
Может, виновен университет...
Может быть, с юношей где-то...
Может, болеет...
Ответа все нет,
и окна у матери светят.
Светят в ночи - молит нервная мать
от дочери весточку малую,
два бы словечка в открытке прислать:
«...Не беспокойся, пожалуйста...»

ДОМИК РАЗВАЛЮХА

Домик-развалюха вновь встречает.
Путь не близок,
делаю привал...
Мартовское солнышко отчаянно
греет двор,
дырявый сеновал.
С южной стороны,
на солнцепеке,
на бревне я у стены присел...
Ах,
когда здесь в днях былых, далеких
кто-то жил в заботах разных дел?
Все вокруг мертво и непонятно...
только вижу: на бревне ледок
вдруг затаял...
И за каплей капля,
лучиком играя, вниз потек.

Снег под каплями мгновенно ожил -
задымил парком,
дырявым стал.
Шли минуты... Я взглянул
попозже:
под бревном снег лужицей блистал!
А лучи все жарче пригревали...
И в стене из трещины, из мха
мелкие букашки выползали...
Сыпалась мне на рукав труха.
А вверху, взлетая над стрехою,
закружились птахи, щебеча..
Жизнь проснулась, вея теплотою,
каждую кровинку горяча!
То, что мне казалось мертвым,
серым
оживало прямо на глазах.
То, во что вчера еще не верил,
стало явью - а не в тайных снах.
Да, виденья эти неслучайны -
ведь природа -

живности всей мать!

Силу жизни, что покрыта тайной,
смертным, нам вовек не разгадать.

МОЙ КРАЙ

Да, я горжусь своей деревней:
я родом из красивых мест,
где в тихих зорях речка дремлет,
где луг цветёт,
где хмель в окрест.
Люблю по детски, безотчётно
в росе высокие хлеба...
Люблю дроздов, синиц, чечёток...
Былин и сказок - короба!
Моя Солдатка с речкой Ошей -
заветная на век судьба.
И не моя вина, что брошенной
стоит, ссутулившись, изба.
Вернусь ли снова я в деревню -
не знаю: возраст, мало сил?!
Но где б я ни был, свято верю:
«Мой край, меня ты не забыл!»

ДВЕ ОТРАВЫ

Две отравы: стихи да вино,
две старинные сладкие боли
мне завещаны были давно
прадедом из моей родословной.
Молодею душою на час -
никуда мне не деться от страсти...
Вновь бросаюсь всякий раз
в серой жизни
в их пламень прекрасный!
... Две отравы: стихи да вино -
а иного мне не суждено.

ДАЛЁКИЕ ГОДЫ

В кустах- снега... А на краю поляны
подснежников белеющих гряда...
Они нежнейшим ароматом манят
в иные, незабвенные года.
... Девятый класс...
Бежим мы в лес из школы,
но ты с другим подснежники те
рвёшь.
Я ухожу сторонкой невесёлый...
Ах, годы- вёрсты,
их уж не вернёшь!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Дед сидит за чашкой чая –
светит редкой сединой...
Скромно праздник отмечает
с шумною, большой семьей.
Внуки, правнуки... А дети –
те уж сами с бородой.
Девяносто пять!.. Столетье –
рядышком, не за горой.
Дед сидит в цветной рубахе,
мудро речь свою ведет.
Год рожденья?.. Охи, ахи –
тыща девятьсотый год.

ДРЁМА ЛУГОВАЯ

А день с утра безоблачен, горяч.
Поникли травы... вянет лист
берёзы...
гудят шмели... На кочке чёрный
грач
вздремнул... над ним парят легко
стрекозы.
Пылит дорога на краю села -
там стадо медленно идёт вдоль
речки...
... Прилёт я в лодке. С мокрого весла
срываются блестящие колечки.
И нет конца ни дрёме луговой,
ни убегающей речной излучины...
А солнце плавится над головой,
И на воде играют в жмурки лучики.

ДОРОГА НА БОЛЬШИЕ УКИ

Вот что значит – целина,
осушили рям до дна...
Был поселок Шатайлы,
нет его. Растут талы...
Гать болото раздвоила,
вдоль дороги - кочкара...
Помню: утки здесь носились
стаями по вечерам.
Этим местом любовался,
приходил сюда не раз.

Из травы крякаш срывался,
я стрелял... Был зорким глаз!..
Сколько всякой дичи было?!
Пусто нынче-
всё как смыло.

МАЙСКАЯ ГРОЗА

Дождь бил в лицо порывом ветра,
с небес катился грозный гул...
К большой берёзе встал под ветви...
День летний в сумерках тонул.
Прошли минуты...

Ливень схлынул,
скатились тучи за леса...
До блеска дождик рошу вымыл,
на листьях капли, как роса.
Вмиг солнце брызнуло лучами,
зацвёл и заискрил простор!..
Очнулись птицы, закричали -
и в грудь мою вошёл восторг!

ДОЖДЬ И МНЕ ЛИЦО ОМЫЛ...

Дождь летел, плясал и пел
меж берёз высоких...
Рад дождинкам чистотел
и овёс поблекший.
Куст смородины блестит
ягодою чёрной...
Чудо- радуга висит
в стороне озёрной.
Дождь и мне лицо омыл.
Солнышко вновь греет...
Жаворонок в небо взмыл,
рассыпая трели.

ВО МНЕ СВОЙ КАЛЕНДАРЬ

Встречая мрак и тень
зимою вьюжной, злою
пронизан я весною -
в снегах цветёт сирень!..
Снежинки под горой,
под ярый свист метели
летят в лицо капелью -
и сказочный их рой!
Я доверяюсь сердцу,
а не дурной погоде.
В особый круг втереться
вслед не хочу за модой!..
Ладонь я подставляю:
снежок, кружа, садится-
он тает и искрится,
как отраженье Мая!..
Цветут цветы в январь,
нет власти у погоды -
я светел и свободен!..
Во мне - свой календарь!

ОДИНОКАЯ

Говоришь мне о счастье,
ну, а жизнь - в полглотка!?
Словно просинь в ненастье,
радость так коротка.
Разведённая дважды
не подвластной судьбой...
Ты любимая каждым -
Оставалась собой!
Знаю: полною грудью
хочешь петь и дышать,
и со светлую грустью
новый день провожать.
И любить нежность встречных,
верить вновь чудесам!..
Только как вот излечишь
то, что больно глазам?
Ведь во взгляде таится
память давних разлук:
- что не враз растворится,
не исчезнет так, вдруг..

* * *

Громадный полупьяный зал
под светомузыку конючит -
и не пойму:
кого кто мучит?..
Как в преисподнею попал.
Кретин присел - нет больше сил,
дистрофик в судороге бьётся,
а дева, укрощая пыл,
прогнулась... мини- юбка рвётся.
Здесь призраки да дикий визг -
я плавность музыки приемлю...
Вновь вспоминаю дом в деревне,
где под гармонику и свист
«Чечёку» с дробью, «Трепака»
или «Камаринскую» нашу
с такою удалью вдруг спляшут -
что пыль посыплет с потолка!

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПАЙ

Слышу я с телеэкрана,
Президент сообщает нам:
«Граждане имеют право
землю всю прибрать к рукам.
А бесхозную, пустую
раздадим крестьянам всем
не за плату дорогую...
И не на год -
насовсем...»

Вторят вновь с телеэкрана:
«Вы звоните хоть сейчас....
Вот вам номера...и прямо
спрашивайте всё у нас.»
Позвонили. Подтвердилось.

Но не верится всерьёз,
чтоб землицу дал на милость
разорившийся совхоз?
Да, хотелось бы поверить
в эту правду, этим днём!?
Слева берег... справа берег...
всё плывем... не пристаём!

* * *

Гарь с болота -
то чад моховой
низко стелется в согре безлистой
В роще Марьиной ведьма с клюкой
меж деревьями злобно свищет?
Неуютно мне, сыро в ночи...
Первый снег пролетает над полем.
Лишь сентябрь -
а зима в дверь стучит,
на охоту бреду подневольным.
Сыплет снег на траву и жнивье,
на горячие губы,
за ворот...
Чудный снег -
волшебство ты мое,
ослепительно белый полог!
Струйка дыма от согры плывет
над кочкарником
к старице дальней.
Первый снег -
время многих забот,
потому я сегодня печальный

ГУСИНАЯ ТРАВКА

Гусиною травкой ворсистой
выстелен берег речной.
Мостик...Разлив камышистый...
Белый песок лёг косою...
Ноют от «Цыпок» ноги,
к воде я неспешно иду...
Лодышкой водицу я пробую-
Теплынь!..
Где такую найду.
Неомрачённый свет утром
льётся на берег и луг.
Кряквушка- дикая утка,
взлетела и сделала круг.
Села в камыш на разливе...
Рядышком чибис взлетел...
Шесть годиков мне,
Я - счастливый:
Ведь нет ни забот, и ни дел...

* * *

Гуляют свирепые ветры Сибири
меж сосен высоких
в таежной глуши...

На зорьке охотник
 все кружит
настырно,
один-одинешенек...
 Нет ни души!
Я тоже охотник,
 хотя не таежный,
и также кружу...
 Я один-одинок.
Не спрятаться мне,
и уйти
 невозможно:
судьбою в Сибири оставлен в залог!
Я вмерз в эту землю
 без страха, с
любовью
давным-предавню,
 так хотела душа!
И нежной печали,
 пожалуй,
 не скрою,
порукой -
 раздольная даль
Иртыша!

АМАЗОНКИ

Грациозно стоят амазонки
на рубеже огнем,
и тетивою звонкой
 воздух заполонен!
Не дрогнет рука девичья,
завидный спортивный характер.
Поет стрела о величье
времен,
 канувших безвозвратно!
Да, время времени –
 рознь,
но остаются связи.
Пронизан прошлым насквозь
 сегодняшний разум!
Мы в трудном полете к луне
Циолковского вновь утверждаем,
и мир,
 сколько б он ни умнел,-
на прошлом,
 как на пьедестале!
Тонко поет стрела
и уносится к черному кругу,
в свитере белом спина
подобна изящному луку.

В колчане моем веер стрел,
звенит тетива на пределе...
Я выбор сделать успел:
вот цель -
что же значу на деле?

* * *

В темноте
по узким, мелким плесам
пробираюсь сквозь густой камыш...
Жалобно поскрипывают весла,
нарушая вдумчивую тишь.
Вот и гладь озерная...
Дорожкой
катится свет лунный по воде,
кажется,
что в сторону немножко –
и луна исчезнет в темноте.
Но плывет она со мною рядом,
льет в лицо мне
свой лимонный свет...
Островов заснувшие отряды
медленно смыкаются вослед.
Поднимаю весла
 и бездвижно
жду отставших путников своих,
и такая тишина –
 что слышно,
как сорвавшись с весел,
 дождь затих...
Где-то первых птиц раздались крики,
посветлело слева в вышине...
И зари расплавленные блики
засветились тихо на волне.

* * *

Взорвав тишину
 треском крыльев
в чащобе,
 где плесень и хмарь,
мелькнул на мгновенье
и скрылся
матерый красавец –
 глухарь!..
А ветки - сплошную стеною.
Под кирзою чавкает мох!..
И тьма комарья надо мною –
от писка их
 вроде оглох!
Но запах багульника резкий
бьет в ноздри
 - я зол и упрям...
Мурлычу под нос себе песню:
- Ах, где ты,
мой клюквенный рям?..

В ШАЛАШЕ

Засыпают речка и поляна,
засыпает дальше село!..
И белеют на лугах туманы,
словно лебединое крыло!..
Спите, подорожники и ивы, и стога,
как стойбище слонов!

Спи, мой луг,
уставший и счастливый, -
я всю ночь
вас охранять готов!

Горицвет весенний, желтый,
как подснежник, ясно светит...
Травянистым выслан шелком
влажный луг в начале лета.
Пусть апрель в ночах прохладен,
и в овраге – серый снег.
Горицвет, меня обрадуй,
подари мне летний цвет!

ВСЁ БЫЛО ТАК ДАВНО

Холмик... крест...
К моей щеке прижалось
в чёрной рамке мамино лицо...
Память с каждым годом дорожает.
Вот ты вновь выходишь на крыльцо:
Ласково цыплят к себе сзываешь...
Сыпешь горстью в тазике пшено...
Молодая и чуть-чуть седая...
Статная...
- Всё было так давно.

Владимир Зензин

НА РЕЧНЫХ БЕРЕГАХ, В КРАЮ ОЗЁР

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел седьмой)

РЕДАКЦИЯ

Редактор : А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

НА РЕЧНЫХ БЕРЕГАХ, В КРАЮ ОЗЁР

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Заросший берега обрыв
завис на светлую рекою...
Когда-то, юный и красив,
стоял здесь раннею весною.
Последний лёд по речке плыл,
сверкая снежной белизною...
Твой край тебя благословил
в дорогу, ставшую судьбою...
И вот через десятки лет,
домой вернувшись, вновь с обрыва
в осенний смотришься рассвет -
уже уставший и бескрылый.

ГОРЛИЦА

Многоцветный веер перьев
с белым пятнышком хвоста...
Различаю меж деревьев
горлицу я у гнезда.
Она кормит своих деток...
Тихо дремлет полдень летний...

ГАЛКА

В тёмной шапочке ворсистой,
с опереньем ярко-чёрным,
как воришка - в гнезда птичьих
лезешь к деткам безнадзорным...
Ах, проказница ты, галка,
как птенцов чужих не жалко?!

НОЧЬ НА КОПНЕ

Глухомань лесная, всхлип болота.
Тлеют зябко звёзды в вышине...
Вымок и продрог -
на то охота.
И лежу, согревшись ,на копне.
Самолёт плывёт вверх.
мигают
дальние сигнальные огни.
Как в погоне, вслед за птичьей стаей,
к югу удаляются они.
Гул тоскующий,
протяжный,
долгий...
Мысли ворошу, схожу с ума:
Где я?.. Что я? - рядом блеск
двустволки...
Осень...
Слякоть...
Впереди - зима.

ГЕНЫ

*А.П. Богуну, управляющему
лесаами Омской области.*

Генетика наша -
то память земли...
Уходят века
сменою поколений...
А корни о прошлом забыть не смогли -
и кедры встают, словно берег из пены!
Деревьев здесь не было сотню лет!?
Зелёные всходы сияют в окрест!..
А помню, судачили мне старики:
«Мол, люди кедровники не сберегли...»

ГОГОЛЬ

На закрайках – первый лед,
но звенит не льдинка –
слышу вихревой полет
в небесах предзимних.
Мелодичный тонкий звон,
словно посвист стужи...
Ближе-ближе, звонче он,
наполняя душу!..
...Белоснежный, огневой
в пике гоголь надо мной!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Гром разразился майской ночью,
и долго длился страшный гул -
он с перекатами так мощно
лес сотрясал,
и в тьме тонул...
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел постичь
небесной силы позывные,
природы тайный, дикий клич!!

ГРУСТНО МНЕ

Потянуло холодом из леса,
льdistый снег уныло в окна бьёт...
Оттого, наверное, невесел
воробей, что под стрехой живёт.
Грустно мне от птичьего молчанья,
видно петь нам в зиму - не судьба...
Дверь скрипит,
скрежещут петли ставней.
Сразу так состарилась изба.

ГЕРАНЬ

В окне герань алела,
листки прижав к стеклу...
Стоял я оробелый
в проулке, на углу.

Внутри, за белой шторкой,
я видел тень твою,
и сам с собою спорил-
что створку отворю.
... Не отворил, не стукнул...
И алая герань
лишь нынче мне аукнула
в мою седую рань.

ГИБЛОЕ МЕСТО

Расскажу вам повесть - был
про урман, где в детстве был.
... За сосновыми лесами,
где есть клюква по рямам,
где безлунными ночами
воют волки в души нам -
на заимке вчетвером
сено косим и гребём.
Два мальчика, два старика -
мы копним, вершим стога!..
Впереди лежит болото,
там в ряжке есть озерко.
Поразьело майки потом-
нам с Ванюшей нелегко.
Очень хочется помыться
в озерке, да и напиться...
А дедам хоть что- крихтят,
нам купаться не велят.
Говорят: там не вода,-
сверху вонь да тина...
Видели, как лось туда
Шаганул - и сгинул.
И пошел, пошел ко дну-
грязь его всосала...
Не один он утонул -
всяко здесь бывало.
Эти гиблые места
кляли старожилы.
Утверждали: не просто -
черти здесь селились.
Раньше жили две семьи,
лет уж пять - исчезли.
А зимою полыньи
все открыты бездной.
Паром дышит озерко -
сотни в нём промоин,
Нет в них дна...
Так глубоко...
Подходить не стоит.
... Вот такое нам деды
с Ваней рассказали...
Много раз у той воды
с ним потом стояли.
Не вода, - сплошная грязь
булькала, вздыхала...
Тычка, что у нас нашлась,
дна не доставала.

По ночам во тьме сычи
плакали, стонали.
Чудилось: как кто кричит?..
Мы тревожно спали.
озеро Поварня

* * *

Где ельник высился густой -
торчат, чернея, пни...
Где был реки разлив
большой,
там камыши одни...
А луг распахан до плетней:
пыль, чернота да зной..
Лишь стайка белых голубей
взлетает над избой.

ГНЕЗДО

Где репейник с цепкою травой
переплел в овраге куст большой,
там на тонкой веточке таловой
круглый шарик вижу пред собой.
Пух ольховый, собранный в
комочек,
сбоку дырка- вроде бы окно.
А в окне- заметил сразу, впрочем-
жёлтых клювов в гнёздышке полно.
Рты открыты. Писк -
видать
голодные...
Вот и мама- птичка с червячком...
Прячась, отхожу за куст смородины,
наблюдая тихо за гнездом.

ГРУЩУ О НЕВОЗМОЖНОМ

Я- упрямый, озорной,
месяцами жду удачу...
Но душа порою плачет,
разуверившись с судьбой.
Очень редко я смеюсь,
знаю: рядом чьё-то горе...
И с собою часто в споре:
злюсь, на что же сам гожусь?..
И в глаза вползает грусть
от надежды невозможной...
И на мир гляжу тревожно...
Жить легко не научусь!

ГНУС

Я шагаю по тайге,
мошек- тьма, я гнусь.
В уши, ноздри- и везде
лезет злобный гнус..
Маску дома я забыл,
липнет мошкара...
Костерок бы запалил,
да нету топора.

ГАЛЬЯН

Здесь гольянов тьма, но он -
так себе - не рыба...
Я, пацан, в рассвет влюблен
на речном изгибе.
На мостках, у камыша
с удочкой таловой,
наблюдаю не дыша
за гольяном снова.
Вот он весело клюёт,
тянет поплавочек!..
... Помню Ошу – и крючок,
и ушицу, впрочем.

ГОРНОСТАЙ

С черным кончиком хвоста,
в шубке снежно-белой
от забора, из куста,
выпрыгнул он смело.
И ворвался горностаи
в зимний наш курятник;
от куриных шумных стай
пух летел, как вата!..
В два прыжка, потом, исчез –
и по огородам
убежал проворно в лес,
спрятался в колоде.

* * *

В огороде хороводят
сто цветов в припляску...
В центре алый мак-
он водит,
зорями обласкан!
Жёлтых бабочек всполох
в огуречных грядках,
светятся бобы, горох
в платящих нарядах.
А с картофельной ботвой
приключилось диво:
сине-белою волной
расцвела, всклубилась!
Сдвинув кепку набекрень,
рыженький подсолнух
улыбается весь день,
словно малый - солнцу!!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Вода темнела... Лодки у причала
посбились в кучу...
Тычки в глубине
 сеть натянули...
Чайки замолчали,
усевшись на прибрежном зыбуне.
... Я задремал...
С лохматыми бровями
знакомый дед убрал рукой зарю...
прикрыл луга туманным
покрывалом...
и заложил табак себе в ноздрю!
- И так чихнул! - что молния упруго
свилась над колосающею нивой...

И рассмеялся... сотрясся округу...
И стала ночь таинственно красива.
Туманный шлейф упал на чьи-то
плечи,
а где-то млечный путь искал зарю...
Сова кричала мне по-человечьи...
Проснулся в лодке...
 Жестко, и не сплю...
А надо мной грома во всю гремели,
сверкали молнии...
И, как сурок,
дрожал... и видел дедушку Емелю...
А сон-то в руку...
 Слыл дед, как пророк!

* * *

Вечереет: плёс бледнеет,
стынут дали...
в редкий лес туман пролез...
тени пали...
По верхушкам, по макушкам
прыгают лучи,
Придорожный, осторожный
куст молчит.
Над полями, над лугами
проплывает сон
и в гаданье, и в преданье
вечер погружён.
Заметалось, отражаясь
пламя у реки...
Замолчали, размечтались
рыбаки...

ВЫСШАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Высокоцитимый, холёный вельможа.
- Аппаратчик застойных времён,
ты,
не знающий слов: «невозможно»
безработицей нынче пленён.
Пол-Москвы высшей номенклатуры
оказалось теперь не удел...
- Что, чиновничек, смотри так хмуро-
праздной жизни настал «передел»?!
Без мозолей когда-то и пота,
задарма обирая крестьян,
в министерстве сидел ты без хлопот.
Был и сыт, и ухожен, и пьян...
Правил всем:
и наукой, культурой,
возводил грандиозно мосты
 где не надо-
повсюду халтурил,
 крал... мотал...
И орал с высоты!..
... Пол-Москвы управленческой
братии
безработными ходят с утра,
возмущённо кричат -
 все с характером...
- Не поймут, что прошла их пора!

ЗА УДАЛЬ РАСПЛАТА

В застолье разгульном
смеялись и пели,
ведь молодость в главном - права.
Шумные споры ночами кипели,
но свежей на утро была голова.

Задор пропивая, ругая законы,
врагов посылали к чертям –
не верили Богу, не чтили иконы,
и шли на погосты к крестам.
У дедовой старой, заросшей могилы,
в раздумье могли помолчать...
И светлые, в строчку
рубашки любили
по праздникам мы одевать.
Я знаю –
за удаль приходит расплата.
За счастье чем надо платить?..
- Хотел Пугачёв трон
из серебра, злата,
а Стенька –хотел в рай уплыть!..
Но тщетно.
за удаль приходит расплата...

ЖИЗНЬ ИСПОХАБЛЕНА

Всё продаётся и всё покупается:
совесть,
порядочность,
честь...
Края – дешевка
в шампанском купается...
Рэкет слона может съесть!..
На барахолке свершается чудо –
золотом пахнет кожан.
Тысячи сыпятся прям ниоткуда –
дублёнкой торгует цыган...
Рядом девица полунагая
с помадою яркой стоит-
на шее цепочка висит золотая,
а её –
лет пятнадцать на вид.
Цены растут непомерно высокие
на колбасу, на спиртное, трепё...
А продавцы все- красавицы,
соколы...
Райское прямо житьё!
Жизнь испохаблена, всюду оплёвана-
правит судом шакалём...
И во дворе, на стене намалёвано:
мат и приписка - «Моё!»

* * *

В вечерних улицах нет света...

Как нынче жить,
чем дорожить?
Как в душах святость сохранить?..
Молюсь, не находя ответа.

ЛИВЕНЬ

Ветер к ночи разгулялся,
зашумел прибрежный лес-
мрак угрюмо надвигался...
С треском, свистом –
в душу лез...
Вся палатка трепыхала
птицей, с раненым крылом.
Молния вблизи сверкала
и ревел медведем гром.
И, внезапно,
водопадом
ливень хлынул с высоты...
Тяжестью своей громадной
смял палатку и кусты!

НЕ СПИТСЯ МНЕ

Взошла над гривой яркая луна
и осветила лодки на приколе.
Уже за полночь – всюду тишина...
В тумане лунный свет плывёт по
полю.
Костёр погас...
С надрывами храпит
напарник мой, уставший на болоте...
Но от чего, душа моя, болит?
Не спится мне...
Не радуется охота.

ЗАЧЕМ РАЗДОР?

Взгляд твой укоризненный
и жалящий
ощущаю знойно на спине...
Ну, зачем раздор – ответь,
пожалуйста?..
... Ухожу вновь в злобной тишине...
С поздней электричкой, гремящей –
еду я на дачу, в замок свой...
... И в колёсном грохоте – кричащий,
голос твой всё гонится за мной.

НОЧЬ - КАК ВЕЧНОСТЬ

Ветерок порывистый, свистящий
щёки в темноте мне холодит.
Я иду от пристани сквозь чащу –
низко впереди луна висит.
За кустом «жигуль» мой
светлобокий...
Термос есть – костёр не надо жечь.
Ночь – как вечность, если одиноко...
Выпить бы чайку да раньше лечь.
Выспаться, на зорьку встать до света...
А грустить к чему – пускай и ночь?..
Да и кто мне на печаль ответит?
Кто сегодня может мне помочь!?

.

СИЗАРЬ

Я – больной, и в постели пилюли
горьковатые, пью целый день...
За окном, в небе ясном, июльском
голубиная мечется тень.
Сизарь – то пронесётся стрелой,
то по ветру вольготно парит...
То с крыла на крыло предо мною
развернётся... И снова – в зенит!
Наблюдаю, а сердце томится,
и по телу – холодная дрожь...
Ах, красивая вольная птица –
ну, куда ты бескрылых зовёшь!?

НОЧЬ НА КОПНЕ

Глухомань лесная, всхлип болота.
Тлеют зябко звёзды в вышине.

Вымок и продрог – на то охота.
И лежу, согревшись, на копне.
Самолёт плывёт вверх. Мигают
Дальние сигнальные огни –
как в погону, вслед за птичьей стаей,
к югу удаляются они.
Гул тоскующий, протяжный,
долгий –
мысли ворошу, схожу с ума:
Где я? Что я?...
Рядом блеск дустволки...
Осень... Слякоть...
Впереди – зима...

РЫСЬ

Желтовата,
в тёмных пятнах,
а с ушей свисает кисть...
Когти длинные на лапах...
Хитрая, как кошка, рысь!
В Гуйском заказнике

* * *

В лице прекрасном -
Миг и Вечность!
Так близки звёзды чудных глаз.
Они мне часто душу лечат
с надеждой вновь увидеть Вас!

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ

Здесь снова щеголяют модами,
но женский профиль скучноват.
В костюме брючном, сумасброден
и даже слишком узковат.
Ни при какой, видать, погоде
не встретишь локон, декольте -
тех утончённых, благородных -
тех милых дам...

-Их нет нигде?!

Сияет озера зеркальность,
на страже витязи- дубы...
Когда-то здесь поэт печально
в аллеях оставлял следы...
Дворцы тихи...

Длиннее тени...

Брожу весь вечер...

Мрак плотней...

- Да, всё здесь дышит поклоненьем
далёкой юности твоей.

В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ

Любинский проспект, как в спектре,
ярких солнечных лучей!..

В зал вхожу я:

«Где директор?..»

Плещут блики с витражей.
В переплётах ярких книги,
полка к полке - тыщи книг...
Манекенщицею, мигом,
продавец пред мной возник.
Сладкий голос: «Выйди, Муся?!»
«Вам журнальчик... Книгу.. Секс...»
«Нет, помилуйте» - смеюсь я...
«У меня свой интерес...»
Вот открытки мне бы надо,

с видом Омска, Иртыша?..
Девушка глядит с досадой:
«Их в продаже - ни шиша,
календарь вот - есть, в нём снимки:
Омь, Иртыш...»

... Смотрю- пейзаж,
а на снимке - голь в обнимку,
пары в позах...

- Во, пассаж!!

Что за вкусы, что за чтиво?..

Продавщица резко мне:

«Это модно и красиво,

ну, а главное, в цене ...»

... На витрине - лик иконный.

«Богоматерь?!» -

Всё не так:

Анжелики да Лимоны,

Спенсер,

Брэдбери, Чейз-маг...

Уйма книг - и всё чужое,

иностранщиной разит...

дорогое... привозное...

«-Где ты, доктор Айболит?»

... Дурно мне...

В груди - удушье!..

А в подсобке, за дверьми

рюмок звон и стук...

Подслушал:

«Ты, хоть кресло разверни!..»

Голос: «Брось, ты... хи-ха-ха...»

подмочилась...»

Всхлип сквозь смех..

... И заржал жеребчик-хахель:

«По делам тебе, за грех...»

... Показалась из подсобки

директриса в декольте...

Щёки - алы,

Взгляд - зазнобы...

и со мною: « те-те-те»

А за нею- новый русский,

парень в красном пиджаке...

Через зал с прищуром тусклым

вышел, с зонтиком в руке.

Директриса, извиняясь,

пялит на меня зрачки,

взгляд небрежный направляя

на костюм мой, на значки.

Допотопен я, вид - беден...

Подошла товаровед:

«Получила том последний,

лучшей книги у нас нет...»

Говорит, слегка качаясь-

тоненькая, бледная...

Мини-юбка тюлевая

манит светом въедливым.

Кофта? - глаз не отвести,

нет под ней и лифчиков...

Нефертите!.. Неферти?!

- словно сон иль мистика.

На обложке белой книги

двоя, стоя: он-она...

в сладострастном сжались миге,

в неглиже - видать со сна...

Книгу нежно прижимая,

отошла товаровед...

К директрисе обращаюсь,

хоть надежд особых нет

Ей смущённо предлагаю:

«Книги вот, мои стихи...»
А она мне, издеваясь:
«За какие нам грехи?
Спроса местных - нет!
Охота и Природа, и Туризм?
Это - всё не та охота,
это - голый популизм,
Ведь к фантастике, шарадам
покупатель наш привык,
Секса нравится услада...
дедиктивы... боевик?!
Вот что надо!...»

... И надменно
директриса долго мне назидала...
Я, как пленный,
ею был прижат к стене.
Простоял минут так двадцать:
книжек клад - пестрит в глазах.
Тьма различных аннотаций,
сотни радуг на стенах.
Злость на бред сей накапливает:
чушь, зараза - в неглиже...
Книжный храм я обожаю,
- презираю торгашей?!

В ДЕНЬ ВЕСНЫ

Ещё снег и мороз...
Ярким лучиком, нежным,
солнце светит в глаза,
согревает плечо...
Поздравляю я Вас
с первым праздником женским,
много праздников Вас
ожидает ещё.
Золотая пора!
Исполненье желаний,
в зрелом возрасте их
как подарков, не счесть!
Вы - любимая женщина,
бабушка, мама...
Вы - земная, но в Вас
что-то тайное есть.
Не весенняя синь,
не июня цветенье -
в Вас осенний пожар
сладострастных садов!
... Красоте, волшебству-
и святому горенью
в День Весны, в День Любви
поклониться готов!

* * *

*Марине Мараховой,
работнику ОТТС*

Ваши плечи?!.. Чудо- плечи!..
Нет нежней, блаженней плеч!..
Красота нам души лечит,
увлекая тайной встреч.
Женщина во всём - загадка,
и во век не разгодать
неуёмной страсти сладкой...
- Море можно ль расплескать?!
В декальте - простор бездонный,
Мрамор - бюст,
во взгляде - грусть...

Вы божественной Мадонной
утверждаете свой путь!
Ваш, порою, броский очень
блый праздничный костюм
из толпы, во мгле полночной
как бальзам,
от мрачных дум.
Женственность - веков заветы!
Женственность - дары Богам!!
... В юбилейный день Ваш светлый
я желаю счастья Вам!

* * *

С.В. Смирнову

Ваша жизнь
для друзей,
для людей.
Колледж стал ближе дома родного,
и сегодня,
в сумятице дней,
в думах трудных,
о нем лишь
тревога.
Юбилей -
высота, перевал -
оглянуться...

и в дали всмотреться!..
Кто сказал:
пополнел, что устал?!
Ведь по-прежнему молодо сердце!

ВЫДРА

Настала летняя пора,
стрижи над речкой кружат...
На берегу сквозит нора
к воде, в ветвях, снаружи.
На мелководье, меж камней
у выдры спозаранку -
охота: ловит шук, язей...
Их складывает в ямку.
Она, как истинный рыбак -
не нужен мелкий ей чебак.

ВЫГОРА

Через лес прошёл пожар-
чернота, аж страшно!
Долго будет помнить гарь
о беде вчерашней
Много лет пройдёт,
Расти -
здесь ничего не будет...
Господи, ты их прости.
- Разве это люди?!

НА ПИКЕТНОМ

Над разъездом уснувшим
лай собачий повис...
Сиротливо согнувшись,
месяц смотрится вниз.
Звёзды в лужицах грязных
серебрят на шоссе,

пляшут ноги и вязнут -
 словно на веселе.
 Электричка пропела
 на прощанье вдали...
 ... В выси чуть заалело -
 пар встаёт от земли...
 Вот и озеро наше
 с камышом по краям-
 с четверть- жижи да няша,
 негде жить карасям.
 И загнал же нечистый
 в лужу -
 дождь виноват...
 Птички слышатся свисты -
 пальцы сжали приклад.

ОЗИМОК

Выпал сегодня озимок...
 Улица снова бела -
 будто тропой невидимок
 тихо весна отошла.
 Снова нетронутой ложью
 светится робко земля
 и с непонятной дрожью
 грустно звенят тополя.
 - Что мне жалеть?..
 надоели
 чёрные будни забот,
 знаю, промчатся недели -
 зеленью всё прорастёт...
 Я же останусь, останусь
 нашей любовью не тронут,
 с этим озимком расстанусь,
 не распустив свою крону!?
 Думать о старости рано,
 но я люблю эту ложь:
 Белую, чистую странность
 - снежную тихую дрожь!

* * *

Вчера ручьи звенели
 и скверы подсыхали,
 скворцы на всех свирелях
 синь неба прославляли!
 А ночью пал озимок
 и улицы, дома-
 белым-белы...
 Незримо
 опять пришла зима.
 Снег милостыней божьей
 украсил вновь поля
 и с непонятной дрожью
 застыли тополя.
 С темна на небе хмуро,
 С утра на сердце грусть!
 - Смотрю в окно понуро
 в себе не разберусь?!
 Моё наследство серое
 всех буден и забот
 прикрыл снежок...
 Но верю я,
 Что май мой расцветёт!
 Да, в белый цвет я верю,
 но лишь не в белый снег.
 - А в веточку сирени
 и в половодье рек!

РВУ СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Город светится, нежится
 в ранней сини утра...
 Снег искрит не заслуженный -
 раскрывая тетрадь!
 Вот и первые записи:
 кот ночной наследил,
 рядом почерк оляпистый -
 вроде пьяный бродил?..
 Все следы, словно строчки,
 к остановкам спешат.
 Тороплюсь я не очень -
 утру белому рад!
 ... Мчит трамвай, снег взметая,
 к остановкам звенит -
 и народ, уплотняясь,
 влазит в двери, ворчит.
 Грузный дядя нахмурен..
 мрачноват тёти вид -
 с нею мальчик понуренный...
 Снег их - не веселит?!
 А девчушка- вожатая,
 озорная видать,
 звонит, звонит старательно -
 график бы не сорвать?
 Вижу я её в зеркале:
 взгляда солнечный свет
 льётся в утро, посверкивая...
 - Рву счастливый билет!

октябрь 1960 г.

В ПАРКЕ ПУШКИНО

Сияет пруд, чиста зеркальность,
 на страже витязи – дубы...
 Шаги мои глухи, печальны
 и крики у оград грубы.
 А в парке – щеголяют модами:
 вот дамский профиль в темноте -
 в костюме брючном, сумасброден?..
 Где ж локоны и декальте?!
 Ни при какой, видать , погоде
 их в наше время не сыскать...
 Нет больше дамы благородной -
 доступней женская рука!
 Дворцы тихи, длиннее тени
 и обступает мрак густой...
 - Но всё, здесь, дышит поклоненьем
 далёкой юности твоей!

ВЛЮБЛЁННОСТЬ

Когда ты в зал дворца вошла -
 я вздрогнул в ту минуту.
 Весь зал ожил и заблистал
 - духи вздохнули чутко!..
 Узорчив вырез платья - блеск
 твоих открытых плеч!
 Вступил оркестр и вальса всплеск
 готов в круженье сжечь!..
 ... Потом, в такси, твои глаза,
 смеющиеся долго...
 Зачем, не знаю, на вокзал
 нас прикатила «Волга».
 ... Коржас, посёлок за рекой -
 там прятались закаты.
 Не клял я транспорт городской,
 шагая в путь обратный.

Потом нашёл велосипед,
росой колёса вымыв,
я прикатил к вам на обед
с цветами полевыми.
По майке потной, голубой
- меж платьев и костюмов,
ты нежно провела рукой,
спросила: « Как придумал?!»
... Кричали в ночь перепела,
луга дышали чутко...
А ты со мною шла и шла -
и проступало утро!

ВЛАДЫКА

Ты лихачишь валютным рублём
и в загранке скупаешь танки.
ты сорいшь газом,
 нефтью ,углём...
И вступаешь в коррупцию тайно?!
Подаянием нету границ!..
В страны Азии, Африки -
 оптом:
масло , сало, икру,
 мясо птиц...
- Нам осталось картошку лишь
лопать?!
Я прошу тебя:
 «Ты, оглянись,
посмотри на рабочие лица,
на крестьянскую тяжкую жизнь -
что нам шик твой,
 с твоей границей?!

ДРОЗД

Дрозд-рябинник,
 хитрый дрозд
любит ягоды в мороз.
В ветках снежных
 утром синем
он клюёт в саду рябину.
Розовеют ягод гроздья -
солнечный в них свет,
 морозный.

ДИЧОК

Ни в саду, ни в огороде -
эта яблоня растёт
 в дикой роще...
На природе
алым яблочком зовёт.
Подойди, его сорви,
словом нежным назови.
Слово звонкое - «дичок» -
светит , словно огонёк.

ДОЖДЬ С НОЧИ ТАРАБАНИТ

и лужи во дворе...
Амбар, саман и баня
сверкают в серебре.
Мать, говоря, смеётся:
«Во дождь - как из ведра,
сходил бы до колодца
сынок, нужна вода...»

За час чуть посветлело -
пошел я за водой.
Мне до дождя нет дела,
укрыт я с головой.
В плаще, что с капюшоном,
в болотных сапогах.
... У ног моих со звоном
Плеск лужиц:
Ох!.. да Ах!..

ПОРА НА УЖИН...

Дохнули мглой просторы,
укрылись в сон пруды...
Последний лучик розовый
скользит поверх воды.
Померкли выси синие,
в них первых звёзд - пыльца...
Я слышу зов по имени
от дальнего крыльца.
В который раз мне слышится,
зовёт на ужин мать.
Чуть поплавок колышится
и лески не видать.
Попрятались гальяны,
плотней с лугов туман...
В ответ на голос мамы,
кричу:
«Иду я, мам!..»

ВЕЧЕРНИЙ ИРТЫШ

В вечерней дымке на Иртыш гляжу,
в нем отразились облака и ветки,
огни моста...
И бакен красный светит...
И даже серпик лунный нахожу.
Спокойна гладь. На быстрине –
вьюны...
Как в зеркале, читаю вечер тихий.
Но вдруг моторка с буруном волны
возникла – и промчалась с треском,
лихо.

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Даль пожелтела, посветлела.
Глубокий плёс, шугой шурша,
качает плот обледенелый...
Ознобом веет с Иртыша.
Скользят по ветру птичьи стаи,
И день и ночь спешат на юг.
И пуст причал...
Не мне ль оставлен
спасательный, на крючьях круг?!

В КАСКАДЕ БРЫЗГ

Уставший к вечеру, почти больной,
спешу я к Иртышу косою песчаной.
Здесь дачи.

Здесь - цветы, уют, покой.
Иду к воде прохладной и желанной.
И окунувшись, яростно плыву -
спортивный «кроль» -
мелькают руки, ноги.
В каскаде брызг

я юностью дышу
и наполняюсь силой понемногу.
И вот- прощаюсь с ласковой волной
и выхожу на берег - молодой!
« Иртыш, тебе спасибо!» - говорю.
«Тебя я на века боготворю!»

УТРОМ НА РЕКЕ

В росе серебрится польнь,
играючи звёздочки гаснут...
В поле- рассветная синь...
Над рощицей дальней
свет красный.
Плывёт над рекою туман,
и в дымке молочной ,холодной
встаёт у забора саман...
Слышится всплеск над колодиной...
Звякает цепью бадья...
Платок...
Силуэт с коромыслом...
... Ищу - где же куртка моя?
Спешу вдоль по улице быстро.
У берега - мостик,

вхожу...
Влажные доски покаты.
Присел...
Над крючком ворожу-
подкормка с насадкой богаты!
А рыбки играют в воде,
выпрыгивают, - брызги градом!
В азарт е- аж помолодел
от детской, забытой отрады,
Размах! - и взлетел поплавок
и плюхнул на глади зеркальной...
Окрашен зарёю восток...
Зов журавлей в выси дальней...

ДЕД-ОХОТНИК

В щель сарая влез хорек,
и зверюшке невдомек,
что охотник – дед сердитый –
в дверь капкан установил,
натянул две сетки скрытно...
Кур пропавших не забыл.

ДОЛ

Полюбил я с детства луг –
в нём траву косили.
Вился речки полукруг.
И стрижи кружили...
Собирала мать в подол
землянику красную...
Лишь поздней узнал, что дол –
это луг мой ласковый!

ДЕФОЛТ 1998 ГОДА

Дорога змеится меж ямин, ухабов-
ты всех норовишь обогнать...
Презрительно смотришь
на бедных и слабых.
Тебе на опасность - плевать!
Жизнь крутит по весям,
нешадно утюжит,
вгоняет в углы, в погреб...
И день ото дня -
мир угрюмей и хуже.
... За что нам такая судьба?

ДЕРЕВЕНСКАЯ РОЩА

Два грача из старых веток
на березке строят дом.
Майский день над ними, светлый,
смотрит солнышком в гнездо.

ДЕРЕВНЯ МАЛИНОВКА

Вспахан луг вокруг деревни...
В мелкой речке стынет синь...
В дымном небе тучки дремлют...
Край родной, в пыли не сгинь!

ДУХОТА

Опять скользят над крышей
облака,
скрываются за дальней
кромкой леса...
Вслед бабушка ворчит им:
“Эх, тоска,
чего напрасно мельтешат, как
бесы.
Вот дождичком полили бы поля,
прибили б пыль, помыли б лес,
дорожки...
А то гляди – потрескалась земля,
и духота – дышать аж
невозможно...”

* * *

Дед Ипат хромает

к непогоде,
и ворчит, калитку приоткрыв:
“– Кто так шибко гонит на подводе,
запалит конягу-мать... тудыв...”
Он колхозный конюх, ладит
сбрую,
мастерит ходки и хомуты.
Если что не так, он, негодуя,
руганётся: “мать твою...
тудыв...”
За конями в ночь следит
исправно,
утром раздаёт в бригады их.

Дед Ипат ворчлив,
но строгих правил,
и не любит ездовых лихих

ДАЧНЫЕ ЗАБОТЫ

Люблю чердак. Встаю в заре
глухой
и долго разминаю плечи,
ноги...
И вот уже тружусь, как
заводной,
и молодею сердцем
понемногу.
Копая... Лью... На грядках
сею мак
и подрезаю кустики малины.
Смородиной цветущий сад
пропах,
и этот запах –
непреодолимый.
Вдыхаю сладость, радуюсь,
живу
и жадно вглядываюсь в
синеву!

р. Карьер

ДИВНЫЕ СЛОВА

Погружённый опять в созидание,
дивные созываю слова...
А они не идут - с состраданием
смотрит в окна небес синева.
Скомкал листики, бросил в корзину,
одеваю скорей башмаки -
и дорожкой любимой, старинной
через рощу спешу до реки.
Вышел к берегу...
Чайки взлетают,
вдаль стремится разлив Иртыша...
Из воды острова прорастают -
и невольно очнулась душа.
И любуясь, как пойма лучится,
вижу лодку и взмахи весла...
Половодьем стремнина искрится,
лёд последний на Север неся...
... Зеленеют, шумят острова -
в них волшебные слышу слова.

ДЕД-РЫБАК

Дом у речки...синий свет...
Деду девяносто лет...
В валенках и телогрейке,
он на лавочке сидит.
Яркий луч морщины греет.
Дед со мною говорит.
Из газеты самокрутку
ладит долго, не спеша,
И прищурясь оком мудрым,

смотрит в воды Иртыша.
Он- рыбак, большой мастак,
говорит: «Уж всё не так...
Нету рыбы... обмелело...
Страсть к рыбалке охладела...»

* * *

Дымками дохнули лесные изгибы,
и в золоте бледном исчезло жнивье...
И вот мы на озере...

Как на погибель,
лодки толкаем по тонкому льду,
лопатами рубим - и лодка плывут...
(Железные вёсла гладь льдистую
дыбят
и сталью холодной сверкает ружьё).
Вдоль берега яркий встаёт краснотал,
Огонь увяданья по веткам струится -
Там куропат только что с криком
взлетал,
такая бесстрашная, резвая птица!
Да, озеро «встало», и гладь - как
стекло,
но гоголей стайка ныряет в протоке,
и к ней мы плывём...

Да, всегда мне везло.

Безмерно я счастлив на каждой охоте

ОХОТНИЧЬЯ БАЛАДА

Дорогу размыли шальные ручьи..
Луна заморожено свесилась с неба...
Ночь майская спит в кустах, в
забытьи-
и воздух наполнен вешнею негой!
Чудо-охотники!

Вечные странники...

Четыре машины увязли, гудят.
Ветки уложены плотным стлаником,
колёса в грязище яро сопят!
Мечутся призрачно странные люди
под гомон и свисты: «Вперёд!...»
Упёрлись, наддали - сдвинули
грудью...
«Победа» тихонько в кювете ползёт.
Но тщетно: буксует машина опять.
Навалились сзади трое ребят -
от задора в глазах огоньки горят!
А ночь нежит выси свеченьем,
две зари, там в зените, сошлись.
В облаках изнутри – озаренье,
в них, как в чреве, лучи зажглись!
Лай собак у кустов вблизи -
разъярились псовые глотки...
Осторожно «Нива» скользит
по настилу довольно плотному.
- «Нива»-«Нивушка!»,
газу поддай!..

- Молодец, проскочила на край.
Вот стоит на сухом она месте,
все ласкают её, как невесту...
А теперь на буксир – остальных:
грязных, слабых коней стальных.
... Съехались на поляне в кружок:
«Что, по соточке, выпьем дружок?..»
Незнакомые, очень разные,
этим случаем в дружбу связаны...
А луна сверху нежно ластится,
разливает на лица свет -
Да, немного нужно для счастья...
Слов охотничьих краше нет!
Птичьи крики ночные, брачные,
светоносные волны небес...
Льются, льются рассказы горячие-
в них, охотничьих,
столько чудес?.

ДОРОЖНЫЕ МУКИ

Блестит в грязи дорога,
во мгле машины тень...
Промокший и продрогший,
клянущий прошедший день.
Куда, зачем тащился -
ну, были бы дела...
Над переноской злился -
в ней лампочки - нима!
Нашел в болоте хворост,
бензин плеснул в костёр -
он вспыхнул, словно порох,
и осветил мотор.
В нём барахлили свечи -
чихает он, троиет,
не тянет...
Целый вечер чуть слышно тарахтит.
А может зажигание? -
Забрызган был трамблёр...
Что хуже наказания я -
Не что-нибудь - мотор?!
Погас костёр и снова
вокруг сомкнулась ночь,
никто во тьме безмолвной
не сможет мне помочь.
Залез в машину,
термос открыл -
и пью чаёк...
Какие надо нервы?..
Будь проклят ты, денёк!

СВЯТОЕ ДЕЛО

Я- налегке, бреду с охоты,
а рядом хлеб шумит волной...
Ядрёный колос – с позолотой,
усы склоняет над тропой.
Пора бы жать - стоят комбайны:
солярки нет на МТС...

Хлеб перезрел, и не случайно
полёг на землю там и здесь.
А я с утра брожу с ружьишком
в лесу озябшем и пустом,
и вспоминаю как мальчишкой
в войну, я жил земным трудом.
Как я работал на прицепе,
сенокосилкой хлеб валил...
Как звонко молотили цепи!..
В гуртах пшеницу я сушил.
И плицей грёб зерно на печку,
и на току ночами спал,
Где дед мне с думою извечной
о жизни, мудро так сказал:
«Святое дело унаследуй!..
Хлеб - наш кормилец, жизнь сама...
Есть хлеб- и ни какие беды
нас не возьмут...

Не в страх - зима»

НОВЫЙ ХОЗЯИН

Дом –крепь, бревенчатый, сосновый
два поколения пережил...
С недавних пор хозяин новый
живёт в нем -
местный сторожил.
Один по комнатам он бродит,
разглядывает потолки -
монеты, пуговицы находит...
В отметинах все косяки!..
Жила семья - большой и дружной!
Две дочери и пять сынов,
простыл отец и занедужил, слёг...
в сорок лет - во мраке снов.
А год спустя и мать скончалась:
Что? Как?... -
нет рядом докторов...
Терпели дети поначалу -
потом продали дом , коров.
И кто куда:
старшой –тот в город,
двух – в ФЗО, троих –в детдом...
... По комнатам дух старый бродит
и тени движутся кругом.
На стенах - фото и картинки,
в наклейка золотится дверь.
За печкой с плачем невидимки
свистит сверчок:

«Не верь! Не верь...»

И через шторы проникая,
на пол скоблённый луч скользит.
В углу божница: «Пресвятая
Мать-Богородица» сидит...
Приятный, терпкий запах мяты
и трав сушёных - где они?
Карниз - на нём мешочек спрятан.
Кто их собрал, в какие дни?..

Как пусто, страшно, одиноко...
Хозяин смотрит по углам...
И он с семьёю жил до срока,
сейчас один - виновен сам...
Два сына где- то на чужбине,
Дочь в городе- у ней семья...
Жену избил – ушла гордыней...
Всех разогнал - чёрт душу взял...

ДАМСКОЕ ТАНГО

Звуки танго...
С улыбкою дерзкой
я поднялся, и двинулся к Вам...
Оркестрант неожиданно резко
объявил: «Приглашение дам...»
Выбор вольный немножко комичен:
Лейтенант преградил путь,
и я отошёл
Вы, свой взгляд ироничный,
через зал шлёте мне, не таясь!..
Я ж, смущённый, за столик сажусь,
и, краснея, соседа стыжусь...

ПОЭЗИЯ, ДАРУЙ МНЕ...

Да, Бога не было - и нет.
Но верить в чудо очень надо,
я мотыльком летел на свет,
стремился в мир -
где нежность, радость!
Поэзию боготворю,
через неё святое вижу:
когда творю- живу в раю,
когда угрюм -
не рад и жизни!
А мир , порой, кромешный ад:
мертво всё, холодно и пусто...
Но есть Бетховен, есть - Сократ,
Есть неподдельное искусство!
ПОЭЗИЯ! – даруй мне лад,
соедини земное с небом,
наполни мой горящий взгляд
пророчеством,
любовью,
гневом!

* * *

Дни потекли спокойней и ровней,
а юности водовороты- в прошлом...
Задумчивее стали и добрей
мои рассветы... Забываю пошлость.
Исчезла пена, всплеск, ручья надрыв
в весёлом, шумевшем
половодье...
О друг мой! Не заплачу я навзрыд
по тем годам - пусть навсегда уходят.
Не в силах русло жизни изменить,
я не ищу где слаще и поглубже.

Пусть тяжело - но достойно надо
жить...
А край родной,
и в бедах не разлюбишь.

ДЕБЮТ

Мне говорят:
блестящим был дебют
такого-то художника...
поэта...
Но часто нам дебюты не дают
прав мастерства на трудном свете
этом.
Я поначалу часто получал
прекрасные возможности позиции,
а в миттельшпиле все затем терял
без должного умения, интуиции.
И так не только в шахматах...
Везде
мне удавалось многое и сразу,
позднее,
по наивной простоте,
желаньям легким уступал мой разум.
Кого винить?
Мы слишком велики
в мечтах,
когда ещё вдали от цели
примериваем мысленно венки
лавровые,
а что потом, на деле?
«Вся жизнь –
игра?!» –
такого не скажу,
но правила есть общие повсюду,
за пешку взялся смело
и хожу,
а быть ферзю ли?
Эндшпиль то рассудит.
Да, как прекрасен ни был бы дебют
у музыканта или у танцора –
прав мастерства
авансом не дают
за первый шаг,
пусть и талант бесспорен.

НА СЕНОКОСЕ

Допоздна, один метал я стог...
Обступила в роще тьма густая...
Спать в копну оставшуюся лёг,
сразу сном мертвецким засыпая.
... Снился луг в мерцающих лучах,
нудно в уши пчёлы мне жужжали,
ощущал клубнику на губах...
В изголовье все цветы сбежались:
васильки под влажную щекой
резко освежающе так пахли...

И посыпал мне пылью левкой
за раскрытый воротник рубахи.
Клевер дождичком грибным дохнул,
и ромашки тыкались мне в руки...
А в ушах (хотя давно заснул)
слышались зверей лесные звуки.

ДАЛЬ УГАСАЕТ...

В березняке от гнили, черни-
так зябко!..

В поле - ни души.
На паутинке листик прелый
играет, трепетно дрожит.
Даль угасает. Лес - немеет...
Бредут стада через туман...
С минутой каждою - темнее,
мрак льнёт плотней к моим ногам.
Бреду по лугу, наблюдаю...
Мне сладко, грустно - даже дрожь
в груди...
Я с осенью прощаюсь...
- Столь пережить с ней довелось!

ДОКОЛЕ РАСПРЯМ БЫТЬ?..

Всё чаще каменеют скулы -
когда мне всюду говорят
какие дикие разгулы
по всей стране творят!
В кровавой мести армянины
с азербайджанцами сошлись...
В Узбекистане вслед за ними
другие бьются не на жизнь.
И колокол, как на пожаре,
звонит в Бакинский зной,
и со всего земного шара
к нам голоса с мольбой.
В Цхинвале зверствуют грузины,
в упор бьют установки «Град».
Но мужественно осетины
на рубежах своих стоят!
... Доколе распрям быть на свете?..
Зачем нам смерть дразнить?..
- Народ народу пусть ответит:
как в дружбе людям жить!

ДОЖДЬ ТРЕТЬИ СУТКИ ЛЬЁТ И ЛЬЁТ...

В полях полёг созревший хлеб,
в ухабах грязная дорога...
Весь транспорт встал...
Лишь скрип телег
там, за кустарником, у лога.
Дождь третьи сутки льёт и льёт,
грядой плывут по небу тучи.
Деревня просит, молит, ждёт -
хотя бы ветер, малый лучик.

Чернеет в копнах кошара,
а бурая вода ручьями
журчит... По радио вчера
снег повсеместно обещали...
...С ружьём, с охоты я бреду,
и чую близкую беду.

ДАЧНЫЕ САНИТАРЫ

Чечётки в саду дружной парой
летают в рассвете утра...
Одна с грудкой яркою, алой,
сверкает расцветкой пера.
Поют, то - одна, то - другая.
Звон нежный плывёт в тишине...
Прополкою я занимаюсь,
они же - всё ближе ко мне.
Вот сели на грядки... Букашек
клюют...
Даже кот им не страшен.

ДВЕ ЗАРИ СОЕДИНИЛИСЬ

С неба тайное свеченье
майской ночью напролёт!
В нём- черёмухи цветенье...
В нём - закат обнял восход!
Две зари сошлись над плёсом...
Смех девичий у реки...
брачный гомон птиц... плеск
вёсел...
ивы в речке - островки!..
Две зари соединились...
- Помнишь май,
где мы влюбились?!

ЗАЧЕМ РАЗДОР?..

Взгляд твой укоризненный и
жалящий
ощущаю знойно на спине...
Ну, зачем раздор - ответь,
пожалуйста?..
... Ухожу вновь в злобной тишине...
С поздней электричкою, гремящее й-
еду я на дачу, в замок свой...
... И в колёсном грохоте - кричащий,
голос твой всё гонится за мной.

ЗИМА НА ПОРОГЕ...

Со снегом утиные стаи летят:
в них - черныдь, крохаль и
гоглюшки...
На озере - лёд...
Полыньи чуть парят...
И гнёт камыши ветер злющий.
Дед молвит: «Дичь северная
подошла...
Зима на пороге... Такие дела...»

ЗНАКОМЫЙ ТРАКТОРИСТ

Лицо, состарившееся рано,
в мазуте руки, грусть в глазах...
Идёт, покачиваясь пьяно -
что пьян, не торопись сказать.
Быть может это от усталости,
а может в сердце - перебой!?.
С ним поздоровайся, пожалуйста,
как друга, проводи домой.

ЗЕЛЕНЦОВСКИЙ РЯМ

Рям озёрный, пряный рям
по сосновым берегам...
Зеленеет, как весной -
и душа полна мечтой!
Здесь морошка с голубикой,
клюква алая с брусникой...
Лебединый клик печальный...
И рассвет над тундрой дальней!
Ханта- мансийский округ

ЗДРАВСТВУЙ, ПАМЯТЬ!

Пламенеет ясным утром
плёс озёрный, звонкий лес!..
- Здравствуй утро!..
Здравствуй мудрость
с колдовством земных чудес.
Как желанно это поле
с перепёлками во ржи,
с давнею полынной болью
у невидимой межи!
Как прекрасно это небо
в свете утренних лучей,
с запахом цветов и хлеба,
с бедной юностью моей!
Но всего дороже люди-
те, среди которых рос.
Правду жизни, веру в чудо
вознесли они до звёзд!

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ПРИРОДА ПРИИРТЫШЬЯ, НА БРЕГЕ ИРТЫША

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел восьмой)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ПРИРОДА ПРИИРТЫШЬЯ, НА БРЕГЕ ИРТЫША

НОЧЬЮ У ИРТЫША

Горит костёр у кромки тёмной,
в воде играя огоньком...

Я вновь доверчивым ребёнком
ищу прибежище своё.

Я набродился на охоте,
в полях прокладывая путь,
забыв домашние заботы...

Устал -

и надо отдохнуть.

Иду к костру и с рыбаками
веду неспешный разговор...

А звёзды там, за облаками,

Горят -

зовут в иной простор.

ЗАРЯ

Блекнет небо звёздное –

тонкий штрих зари

узенькой полоскою

радужно горит.

В синий свет окутаны

дали Иртыша...

Свежестью предутренней

полнится душа.

ЗВОНКАЯ КАПЕЛЬ

Ото всюду слышится

звонкая капель -

и легко мне дышится.

В голове чуть хмель!..

Говорю без риска я

нежные слова...

Распахнулась близкая

неба синева!..

НОЧНОЙ ИРТЫШ

Вновь с теплохода- музыка...

Свет дальний,

зарниц...

Роса ночная на траве...

На звёздном небе первые

проталины -

то млечный путь, летящий в

полусне.

Огни с моста о воду разбиваясь,

искрят, и растворяясь, тонут в

глубь...

А танго с теплохода нежно тает...

И женский голос: «Милый, не забудь!..»

ДОВОЛЬНО, ЮНОША

Над городом чёрное облако
дыма смердящего, пыли.

Курение - вроде допинга,

на пути к «гипоксии».

Болезнь, глобальная,

Века -

кислородное голодание,

не хватает воздуха человеку

- а вы над собой издеваетесь!

Смеётесь в расслабленном

трансе,

плевки... догорают окурки...

Но пачка сигар иностранных

опять достаётся из куртки.

- Юноша, с талией девичьей,

довольно тебе,

ты - дистрофик.

Никотин, это вовсе не мелочи

на полудетский ротик...

Тщедушное тело воздушно,

не прикрытую впалую грудь

сотрясает кашель удушья.

Кошунство - нет сил вздохнуть!

Осмеяно слово: «Здоровье!»

и зелен ты, словно пузырь...

прозрачные щёки бескровны...

Рифмуй - «богатырь» или «хмырь»...

Прости, за иронию злую

я тысячью вас окружён...

Сплошь дым...

Не в продых - протестую!

- Тем более есть и закон.

«КНЯЗИ ИЗ ГРЯЗИ»

Лысоватый, хитроватый,

осторожный, словно лис...

В каждом хочет видеть брата

Младшего - поменьше риск.

Жажда быть удельным князем

в оном веке родилась,

если даже ты из грязи-

всё равно заявишь: князь!

Разобраться же, на деле -

ты пузырь лишь, дутый пшик...

Столь приказов накуделил,

измочалил свой язык.

А точнее, ты – чинуша

и холуй перед судьбой...

ходишь днями...

бьёшь баклуши...

ткёшь интриги за собой.

Хан Кучум так простовато

мог дурачить Ермака,

так старался сам хан Батый

заманить в сеть мужика...

Говоришь ты: «Представляю...»
или – «Видится так мне...»
Эту заповедь я знаю
в иезуитском словаре.
«Ни за что не быть в ответе,
переждать всех, а потом
в самом ясном, мудром свете
повториться, в основном
И не споря, не ругаясь,
согласиться с большинством...
И чужими то руками
гребануть жар с огоньком!».

НАД КРОВАТКОЙ СЫНА

Кружат тени над кроватью сына,
в окна бьётся чёрной ночи змей!..
А ручки- то смертельно стынут,
то горят -

и выдохнуть не смей!

Бережно беру я их в ладони,
как неоперившихся птенцов -
бьются струйки в жилах...

Тихо стонет сын...

и слабый пульс пропасть готов!

Слушаю я стон,

дыханьем грею,

согреваю пальцы малыша...

Мать на кухне:

То - компресс, то - грелку...

Мучаюсь, сомненья вороша,

Нет!

Мне ничего теперь не надо -

смысл всей жизни - здесь...

на волоске...

... Слава Богу, жар спадает...

радость...

Снова бьётся жилка на виске!..

МАЛЬЧИШКОЮ ОСТАЛСЯ...

Как помню я мальчишкою

Себя - так им остался...

С какой-то верой чистою

в годах не заплутался.

Люблю наивность девичью,

поскольку сам наивен -

а нежность, дикость беличьей

всегда считал счастливой!..

Доверчивость, взаимность,

люблю как нежный взгляд!

.. Вам не плюются в спины,

вам зло не говорят?!

Прекрасно!!

... Мне – за сорок -

всё так же робок я...

вечерний яркий город

совсем не для меня.

Витрин краса крикливая,

эстрады резкий шум

и моды прихотливые

мой не тревожат ум.

Люблю я луг некошенный,

идущих косарей...

Люблю платки в горошину

на прядях матерей.

Люблю всё деревенское

за простоту, уют...

И песни - сокровенные,

что за рекой поют!

Я - НЕ ПРОЩУ!

Какая разница меж тем:

не предала - так лжешь...

Который день я глух и нем

и ты молчаньем жжешь.

Сижусь за праздничным столом -

знакомым шутки, смех...

От этих шуток в горле ком...

И обижаться- грех?!

Мой друг хотел бы подбодрить -

но всё, неловко так?!

- Пойду- ка в город побродить...

Меж ними я –чужак...

Нет, не прошу я никогда

тебе таких обид,

как торопил сам поезда,

чтобы с тобою быть!

Бросал друзей, бросал дела,

спешил скорей к тебе,

а ты?!

- Кого ты предпочла

сейчас в своей судьбе?..

Быть , может, с юга самолёт

вот тот, спешит к земле...

- Кто, кто сомненья разведёт,

кто правду скажет мне?!

КАКИЕ ЛЮДИ?

Ты - Бог любви!..

В магнитной буре

сгорают звездочки... Лихи!..

Пронзённый стрелами Амура!..

Нам всем отпущены грехи!

Быть чемпионом, рекордсменом,

иль написать шедевр искусств -

дано от Бога!.. Дар бесценный

порою вызывает грусть.

Велик бегун, велик художник

и физик- атомщик велик,

когда штурмуют невозможное!

- Вот ты! – вершин своих достиг!

А что в итоге - одиночество?!

... Так нужно ль всех опережать?

Мне в победители не хочется,

не буду гениям мешать.

ЕЙ ВИДИТСЯ

Квартиры, торшеры, машины...
Наряды - чего бы ещё...
С лысиной благочинной
спит муж, прикасаясь плечом.
Ей зябко... Она вспоминает
замужние годы свои...
Никто, никогда не узнает
что не было в сердце любви.
Расчеты и поздние счёты,
гостей неуёмные рты...
И праздные вечно заботы
бездетной, глухой чистоты
Ей видится: в старой избёнке
на лавке старушка грустит,
пыхтит самовар и...
 девчонкой
сквозь годы,
 к маме, спешит...

ЗЕМНЫЕ МАРШРУТЫ

Карта Всесоюзного масштаба
ленты гор и синие моря...
Сын над ней склонился,
 чертит храбро
линии и стрелы-
 по чём зря!
Третьеклассник -
 что он там заладил
и над чем старательно пыхтит?..
Мать на кухне испекла оладьи
и к столу ему идти велит.
Он ушёл...
Я любопытства полон,
Подхожу - на карте есть кружок:
улицы названья, номер дома
и квартиры нашей номерок!
Имя сына ... самолёт в кружочке...
надпись на рисунке: «Космодром!»
Я присел, на карте ставлю точки
где я был, родной покинув дом.
Да, исколесил я пол- планеты
и вернулся в дом - мою Сибирь!..
- Ну, а чем тебе судьба посветит -
Муромец,
 сын мой,
 богатырь?!

В БАЛАШИХЕ

Кошу я сено под Москвой-
и травы сочны и пахучи...
Вокруг поляны лес густой
из сосен стройных и могучих.
Я только с юга, где лежал
на пляжах - злясь, изнемогая...
Я раньше срока убежал -
здесь, под Москвой живу,
не каюсь.

Конечно, сердцем я стремлюсь
домой, в Сибирь,
 где на просторах
лик древний сохранила Русь
в лесах таёжных и озёрах.
Но под Москвой,
 вновь на руках
всё явственнее боль мозолей...
Всё солонее на губах -
и я всё более доволен.
Беру кувшин и воду пью,
так, как не пил вино на юге...
Да, море с солнцем я люблю -
но больше рад, пожалуй, вьюге!
В Сибири я родился, рос -
с морозами её мужался...
А без неё я, как матрос,
который с морем распрощался.
Ах, это тайное родство -
оно во век не делимо,
свершая жизни колдовство,
зовёт и манит в край любимый!

КРУЧУСЬ Я...

Кругом, кругом идёт голова -
в завихрении странном слова:
«Вращение, скольжение-
безудержно стремление!
То вверх -
 как восхождение;
то вниз - порабощением!
Вершины - восхищением!
Внизу же - унижение...»
- Не изменить, не избежать
судьбы...
Мне на своём стоять!
Святое возрождение-
 мучение, крещение!..
... Века вращается земля,
а вместе с ней -
 кручусь и я.

МОЙ ДНЕВНИК

Стихи - дневник, я пусть - пока,
поэт в своём лишь доме?!
Сам возношусь под облака
и строю дом огромный.
Я за признаньем не стою,
как в очередь за хлебом,
и жаворонком песнь пою
про ширь полей да небо!
Лишь руки в стороны раскинь
на травах лёжа -
 взглядом
взлетаю я, пронзая синь,
туда - где свет и радость!

Лечу: мелькают города,
в тумане луг и речка...
Там всюду - люди, там - стада...
- Я слышу все наречья.
Вот гор вершины - здесь снега
обнялись с облаками!..
Лечу! - и жизнь мне дорога
вот этими стихами.

МАРК БЕРНЕС

Не развлекал, не ублажал -
он песнею жизнь утверждал!..
Сердечно, с правдой не
кричащей,
порой в полголоса, с хрипцой
пел над землянками молчащими
о тёмной ночи грозовой!..
Про журавлей, родную хату,
ребят с той Бронной, с
Моховой...
Кто в жизни никогда не плакал,
и тех он прошибал слезой!
Не ради жалости, о - нет!
- Во имя будущего гимна
любви и торжества побед,
и жизни, что всегда взаимна!
... Так с песнею летел, летел -
казалось, не было предела?!
Вот разве только поседел?...
- зато по-прежнему как пелось!
И с песнею «Всё впереди!»,
что жизнь и вправду бесконечна,
вдруг что-то замерло в груди
и растворились лица встречные.
Лишь песня, радостно звуча,
летела над землёй, кружила,
уже не в силах замолчать...
- В ней будущее жило!!

Я ЗАГАДАЮ

Мне тяжело, как роженице:
в муках любовных труда
стали стихи выражением
счастья, тревоги, стыда?!.
Внешне с картёжной игрою
схож мой таинственный труд,
карты сильны ворожбою,
плохо-
 когда они врут!
Я загадаю на травах
и на вечерней звезде-
вновь за стихами отправлюсь
странником в горькой нужде!
Только не жалко мне времени...
- Буду я пьяным от слов?!.
- Буду всегда я беременным
тайной предчувствий и снов!..

В ДЕРЕВЕНСКОЙ ТИШИНЕ

Мотоциклы, как шмели,
с треском мчат по тишине...
Ты, котёнок не шали -
дай спокойно вспомнить мне...
- Покосившийся косяк
с чёрточкой- заметиной?!
Как я рос?..
 В руках - пятак,
 ржавая монетина...
Рядом - гребень петуха
 и Мурзилки лай!..
... До чего ж изба тиха -
думай, вспоминай?!.
Подытоживай пути, вороши года,
двадцать лет, как не крути,
 взяли города!..
Взяли юность и мечту,
дали- посчитай?!.
А считать не вмоготу -
жизнь совсем не рай!
Не обиде на судьбу,
край родной люблю!..
Эту старую избу
 за всё благодарю.

МАСТЕРСТО

под названием «божий дар».
Мало слух иметь музыканту,
Поважнее - душевный жар!..
У художника яркие краски,
Кисть - кудесница, острый глаз,
но картина правдивей, прекрасней
если всё в ней - в первый раз!
Я, спортсмен, на пределе в работе
надрываясь падал, вставал -
расползалась рубашка от пота,
но душою сильнее стал!!
До сих пор во мне сладкая жажда
той, спортивной, борьбы живёт...
- Верю я: в мастера выйдет каждый
через волю, мозоли и пот!

МЕТЕЛЬНЫЙ СОН

Ирине Родниной

Вдоль по улице метелица метёт,
сыплет в окна, напевает и зовёт...
В тёплой комнате
 свист вьюги не слышать,
мальчик в кресле
 и ему пора бы спать...
На экране телевизора скользят
фигуристы...
 Озорной у Иры взгляд!..
 Песня русская вторично родилась,
 с добрым молодцем
Ирина кружит вальс.

«Эх, ли-ли, калинка моя...
в саду ягода-малинка моя...»
Песня давняя вторично родилась -
заскользили, закружили двое в пляс...
Эта пара, словно русская метель,
полюбилась всем

за тридевять земель...
...Отзвенела песня, полночь настаёт,
спать метелица мальчишке не даёт.
Ему грезится девчонка в синей мгле -
стадион, коньки в морозном серебре.
Ту девчонку нежно под руку берёт
и выходит на зеркальный
звонкий лёд!!

МАЛЫШ

Ну, о чём, о чём плачешь малыш -
кто тебя разобидел, хороший?..
Подойди же ко мне, что стоишь,
дай твои мне ледяшки – ладоши.
Посмотри мне скорее в глаза,
может плакать-то вовсе не стоит?!
- Я бы сам мог тебе рассказать
как моё попирают достоинство!
Но всегда, стиснув зубы, молчишь!
... Потерял, говоришь, рукавички -
ничего,
мама купит, малыш
новые...

Будет всё отлично.
Ну, а то вот, что я растерял
не купить ни какими деньгами,
не вернуть ни какими слезами -
сам себя, в основном, обокрал.
Растерял годы - тяжёлый был путь!..
И сейчас дни сгорают, как спички!..
- Эх, малыш,
мне б с тобою всплакнуть -
потерять бы и мне рукавички?!

МОЛЮСЬ...

Мне не хватает глубины:
скольжу я по поверхности...
Ни ярких чувств, ни новизны,
ни смелости для верности.
Жизнь погрубела,
денег власть
всем захлестнула души!..
В чужой карман ты не залазь,
не бойся зла и стужи.
Молюсь не только за себя:
пускай в рубцах ладони -
трудись, и ближнего любя,
не делай лик иконный.
Молюсь за сына и за дочь,
за будущее внуков!..
И проступают через ночь
любви живые звуки!

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Меня никто не ждёт,
я никому не нужен...
Смотрю в окно: там лёд
и свист январской стужи.
На сердце - холодок,
но в жилах - кровь клокочет...
Пульсирует в висок -
бессонницу пророчит.

СЛУЧАЙ В ТРАМВАЕ

Матом кроет в трамвае хамьё
и качает права безнаказанно...
Самолюбие? - где ты моё,
руки, ноги мои -
чем вы связаны?!

Страхом? - нет,
да, спокойней молчать,
делать вид:
ничего мол особого...
Трамвай полон,
но всем наплевать -
нынче все
меж собой обособлены.
Только женщина сзади встаёт
и идёт к нахалуगे фиксатому -
тот под ноги ей злобно плюёт
и сильнее разряжается матами.
Укоряет она: «Ты... такой...» -
и взывает:
«мужчины, вы что же?!...
... где милиция?...»...
Смотрит с тоской...
- И во взгляде её -
безнадёжность.

КАК УСПЕТЬ?

Меж светящихся в выси галактик
малой искоркой спутника свет...
До дальних созвездий добраться
не хватит и тысячи лет?!
«Не успел?!» - умирая учёный,
на щеке стирает слезу,
говорит:
«Столько делал никчёмного,
как же книгу свою завершу?!»
«Как успеть?.. Как успеть?» -
вторит гений.
«Мало жизни одной, не успеть?!»
И несётся в эфир вселенной
«СОС» - в секундах - Жизнь и Честь.
«СОС» - во льдах
под медлительный скрежет
теплоход накренился на борт!..
«СОС» - срываются с побережья
самолёты,
вверху бой идёт!!

Честь и Время! -
в белом халате
врач спешит, безнадежен больной...
Ночью дамбу прорвав,
мёртвым хватом,
смысл посёлок поток ледяной!
Честь и Время! - мерцают радары:
миг- и вздрогнет рассвет голубой!..
Миг - лишь миг!..
В заревых пожарах
за секунды повсюду бой!!
Даже внутренне в нас, подспудно
исчезают степенность, покой.
Сон и отдых предельно скудны -
это бой,
бой с самим собой!!

ПРИЗНАНИЕ

Мечталось:
подвиг,
деньги,
слава!..
Теперь с иной уж высоты
смотрю, молю:
«Оставьте право
наедине
Вас звать на «Ты!..»

У ИРТЫША

Мне в жизни было множество дано
рассветных весен, радостных свиданий -
и счастье,
мне казалось, шло само
из солнечной и беззаботной дали?!
И был всегда я весел и упрям,
сомненьями души не омрачая...
... Но час пробил?! -
за временем, обман...
Стою один у зябкого причала.
Я многого не сделал, хотя мог -
ведь думал:
впереди вся жизнь, успею...
Промчались годы, и настал денёк,
когда мы в тайне прошлое жалеем.
Недавно это было иль давно?!
Как неоплатный долг, вернулись годы -
и память быстрой лентой кино
победы и грехи мои итожит.

МОЛЮ: ДОЖДЯ!

Великий мудрец - тот чудак,
что лицом на зарю и восток
поклоны бил так и сяк -
сжавшись, словно сурок!..
Лбом горячим касаясь земли,
просил снизойти небеса-
дождик у Бога молил...

И в ответ гроыхала гроза?!
... Теперь над равниною душевной,
упав головою в цветы,
сам молю на коленях послушно:
«Дождик, с небес сойди!..»
Не верю ни в Бога, ни в чёрта -
и всё ж заклинаю: «Дождя!»..
- И вижу: над самым пригорком
свет молний -
и гром погода?!

У ЧЁРНОГО МОРЯ

Моя душа летит к озёрам,
к прозрачной, голубой воде!..
- Люблю Сибирские просторы
и не забуду их нигде!
Мне даже солнечные пляжи
у моря, не заменят их!..
... Лежу и думаю: вояжи
к чему,
не пишется коль стих?!

ЗАХМУРИЛ ГОСПОДЬ...

Милостыни в Рождество
я не собираю -
мало верю в Божество...
не читал Корана...
Так что, Лазаря не пой,
- я всему учёный!..
Пьёшь, с больною головой,
ну, а я -
причём же?
Охмурил тебя, Господь
вечностью не брэнной,
у меня - живая плоть,
не пустые бредни.
Лазаря, прошу, не пой
мне заупокойно...
Вывод здесь совсем простой:
«... вода святая - пошло!»

ПЬЯНАЯ ШПАНА

Мне пообещала ножик в спину
та шпана, что пьёт уже с утра...
Я, презренным взглядом их окинув,
уходил поспешно со двора.
Двор глухой...
Их четверо собралось,
я их - осмеял,
и был не прав...
И в меня сомнение закралось:
что шпана - пырнёт...
Таков их нрав.
И теперь их часто вспоминаю
в улицах безлюдных, во дворах -
взглядом настороженным встречаю
пьяных всех, стоящих на углах.

На спине своей большой,
покатой
чувствую их взгляды не
спроста...
...И в моей груди растёт
проклятый
страх...
- Боюсь я каждого куста.

ОТЧУЖДЕНИЕ

Меня замкнула глухота
невидимым забором,
и сумрак бродит по пятам,
и даль грозит позором!
Не вижу лиц,
 не слышу птиц х
ни зорь
 и ни росинки!
И с белых,
 призрачных страниц
в глаза летят снежинки!
Я - пуст!
Какие там
 стихи -
 не вяжутся два слова...
Не знаю я,
 за чьи грехи
казнит судьба сурово?

БОЛЕЗНЬ СЫНА

Меня карает тяжкий грех,
и я без сна ночами маюсь
а за стеной соседней
смех
и музыка...
Я проклинаю
тот день и час,
когда увез
в субботний день на дачу сына.
А он недомогал всерьез,
на это были и причины.
Он болен был уже,
 а я
его гонял в потливом деле,
и он, обиду затая,
с трудом тогда работу делал...
И вот в ночи гудит мотор,
на крыше жесть скрежещет нудно,
и ветер,
продувая двор,
все плачет в окна беспробудно...
Меня сечет возмездья плеть,
стучится в лоб больной
молитва,
и боязно в окно смотреть -
лицом в подушку бы зарыться!

МНЕ СНИТСЯ

Когда мне грустно и когда печаль
сжимает сердце жесткими
тискаами –
мне видится в лучах речная даль,
разлив весенний, тихий, с
камышами.
Там отмель... По-сиротски
кулички
бегут и плачут на песчаной
глади.
И там в траве не спят в ночи
сверчки...
О, сохранись, Природа, Христа
ради!
Мне снится снова мостик из
жердей,
знакомая, обшарпанная лодка...
И в ней мальчишка машет мне:
"Скорей!.."
То – закадычный мой дружок,
Володька.

* * *

Гоцкало И. В.

Меня ты только позови
в Сарыбалы, в глухие чащи с
восторгом трепетным в крови
еще мальчишкой был
там счастлив.
Ты позови, лишь намекни,
я бросив все, с тобой уеду,
туда, где золотятся дни,
где дед просил меня:
«Наследуй!..»
С тобой в поля, леса вернусь,
где знаю тропки наизусть!

Я - ОДИН

Май расцвёл и всполох радуг
в синих водах Иртыша
светит нежно мне на радость.
Вновь люблюсь не дыша.
Скверик набережной с вишен
осыпает лепестки...
Как поверить в «третий лишней»,
пусть поздней, должна прийти.
Птицы в парах. Крики чаек
налетают с Иртыша...
На звонки не отвечаешь,
жду мобильник, не дыша.

МОЁ ВЫСОЧЕСТВО

Выпал снег...
В ночь крепчает...
А душе тепла летнего хочется.

Что хранил в сердце,
бережно нёс -
посвящаю тебе нежным
росчерком!
Белый снег...
Белизна всех страниц...
Беспредельное одиночество.
...Перед взором мои сотни лиц,
среди них
ты - Высочество!

МАЙСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Крики чаек вблизи над рекой,
зов любви
над привольным разливом...
Что им надо?
Какою мольбой
переполнены стоны счастливо?!
За окном- предрассветная синь.
Синь! -
Как воля, как доля, как радость!
Шепчет Синь:
«растворись, сердце вынь!..»
- Не пойму,
что сегодня всем надо?
Галки хором призывно галдят
возле гнёзд
в зеленеющих ветках...
Сизари на карнизе блестят
опереньем, воркуя в рассвете!
Воробьиный неистов напев,
надо же -
воробьи так распелись?!
А дразнила - скворец, охмелев,
подражает всем нотам апреля!

МОЖЕТ, ДОГАДАЕШЬСЯ

Каждый вечер
без тебя мне горек,
если бы сейчас узнала ты -
как мне стыдно
вспоминать о
ссорах...
как мне нелегко среди пустоты.
Я хожу весь вечер
неприкаянный,
собственные слушая шаги...
За окном в ветвях
фонарь качается,
тени света на стене легли...
Помнишь:
ночью в комнатке уютной
нас будил свет яркий фонаря,
просыпаясь, думал я, что – утро,
и ругал его по чём лишь зря.
А сейчас фонарь мне не мешает,
светит тихо ночь всю напролёт...

Всё вокруг тебя напоминает
и забыть минуты не даёт?»
- Может, догадаешься, приехать
Раньше -
ну. хотя бы на день, два.
Я - грущу и даже начал бредить,
и в ночи звучат твои слова?!

КАК МНЕ БЫТЬ?

Каждый день я думаю о встрече,
каждый вечер - испытанье сил.
Жёлтая листва летит навстречу
и закат давно уже остыл...
- А там, где ты -
цветы ещё на клумбах...
Синь в небесах,
тепльнь и моря блеск.
Тебе не надо о прошедшем думать
когда такие пляжи с солнцем есть!
... За окном моим фонарь качается ,
за стеной легла свинцово мгла
и растёт безудержно отчаянье -
улететь надолго как смогла?!
- А там, где ты -
цветы ещё на клумбах,
тепльнь.
курортный «бархатный» сезон.
Тебе не надо о прошедшем думать -
чист над тобой
и нежен небосклон!
... Вновь за окном
дождинки дробно бьются
и пролетает первый, мокрый снег.
Обидно так, что люди растают
на месяцы...
А иногда - на век.
- А там где ты -
цветы ещё на клумбах,
и можно в море безоглядно плыть.
Тебе не надо о прошедшем думать,
но только как же
мне с собою быть?!

СНЕГ ТОЛЬКО ВЫПАЛ...

Какая чудная погода!
Белым-бело, теплым-тепло...
От сердца и от небосвода
дыханье стужи отлегло.
Снег только выпал -
чист и влажен,
не скрипнет он под каблуком...
Кому-то, видно, очень важно
чтоб шли мы рядышком,
молчком.
И тишины не нарушая,
спит город...
Близится январь...

Прервав молчанье, вспоминаешь,
как здесь, одна,

гуляла встарь...

Под фонарями, на скамейках,
из снега бархат голубой -
как чуден блеск!..

Но нам, семейным,
пора, наверное, домой.
Пусть та пара молодая
возьмёт всей ночи волшебство!
- А мы, погоду загадаем
такую же под Рождество.

В МИНУТЫ РАЗДУМЬЯ

...Кибернетика мысли
опережает,
биотоки нас всех настигают -
сумасшедшие импульсы века!
Новизной жизнь венчает -
только что-то мелькает
в душе человека?!
Пересадкою сердца
удлиняется век!
От раздумий не деться -
в мир взглядишь человек!
Не хочу заменителей:
в том ли смысл -

больше лет?!

Не люблю знаменитостей,
заслоняющих свет.

Беспощадные ветры -
голый лес, стылый плёс...
- Всё заметней, заметней
белый отблеск волос.
Осень поздняя в иней
красит рощи, поля...
В перелесках России
зимовать буду я.

Не роднюсь и не мажусь
к славе чьих-то побед.
Для меня очень важно
видеть Родины свет?!

БУШУЕТ ПЛАМЯ

Казнили в древность
на кострах за правду.
Ныне сами

себя сжигаем...

До утра
во мне бушует пламя
Зачем терзаем мы себя,
испепеляем мукой?
Зачем с самим собой борьба,
спокойней жить
не лучше ль?
Рассвет окрасит в бледный цвет
задумчивые крыши,

и станет день,
как полубред,
и суетой задышит...
Смогу ли
к людям я прийти,
душою к ним открыться,
смогу ли садом зацвести
и отразиться в лицах?
Смогу ли я облегчить день
хоть словом,
хоть улыбкой
и отодвинуть злую тень,
предотвратить ошибку?
Смогу ли? «Быть или не быть?!»
Вот почему ночами
за право полной мерой жить
во мне бушует пламя!

СКОРБИТ ОСЕННЯЯ ЗЕМЛЯ

Когда осенние дожди
плывут сплошною пеленою
и полумрак лишь впереди
с неизъяснимою тоскою -
тогда погосты и кресты
встают ясней на перекрёстках,
и возле них мрачнеешь ты
под ветром

леденистым, хлёстким...

В пустынном поле - никого!
Стою с протянутой рукою,
и слышу: где-то далеко
знакомый лай бежит по полю...
Скорбит осенняя земля,
уставшая, совсем нагая...
...Здесь мама старая, моя,
- такая тихая, больная.

КАЗНЮ СЕБЯ...

Казню безжалостно себя -
и только этим очищаюсь!..
А ты, вихорь мой теребя -
во мне души не чаешь!
Тебе, признаться, всё равно
бессонница моя ночная.
Ты сетуешь: в театр, кино
давно уж не водил тебя я.
Ты упрекаешь: нет пальто
и импортных иных нарядов...
И в гости не идёт никто...
Что ничего-то мне не надо ?!
Не правда.
Я не чужд семье
и это ты прекрасно знаешь,
а для театра, ателье -
поверь мне,
время не хватает.

Мой день расписан по часам,
вернее, даже по минутам:
опаздываю здесь и там -
и жизнь наказывает круто!
Мудрил излишне я,
 плутал
по всем зигзагам и орбитам,
мечтал взойти на пьедестал
из серых дней -
 но был сам битым.
Не страшно мне себя казнить
и горькой правдой очищаться!
Готов в нужде и стуже жить -
но не просить чужого счастья?»

МОЯ ТОСКА

Какою может быть тоска?..
- Наверно, чаще чёрною...
И волос белит у виска
за вольность непокорную!
Зелёной может быть тоска,
когда средь лета жаркого
у разомлевшего леска
томит неясной жаждою!..
И жёлтой может быть тоска
у лета на исходе,
когда в полях звон колоска
и думы о погоде?..
Но голубая есть тоска
у самой синей полночи,
когда любимая близка -
и голова пьяна, легка,
и грудь желаньем полнится!..
Нет!
Без тоски нам не прожить,
без боли и отчаянья.
Вопрос иной:
 какой ей быть?!
О чём бы не печалиться.
Хочу по Родине тужить
и по родному дому,
и край берёзовый любить
со скирдами соломы!
Хочу, чтоб нежная тоска
по юности тревожной,
была - как вечная мечта
о чём-то невозможном!
- Так будь со мной всегда тоска,
не будь лишь только чёрною
и снегом не свети с виска
для сердца непокорного!..

КОЛОК

Рощица – как островок,
посреди стоит в степи...
В ней лисица есть, сурок.
Ястреб на ветвях сидит.

Куропаток серых стайка
села к ивам в холодок...
Под кустом прижался зайка.
Колок мой – степной лесок!

БЕРЁЗОВЫЙ КОЛОК

Под ветер, дождь сорил...
шумел...
Теперь вокруг светло и пусто.
В осенней, терпкой тишине
свинцово ветви стыннут.
На них белёсый иней лёг
и травы сникли немо,
далёкий горизонт высок
в прозрачной дымке неба!
Потрескалась кора берёз
на спиленных деревьях -
рублю я их, что бы в мороз
они мне дом согрели.
Почти пацан, но знаю я:
Они живы, как люди,
и боль, обиду затая,
жестокость в нас осудят.
Не жалость полнит сердце,
нет!...
А грусть, что мало лета,
что солнечный в Сибири свет
почти что не заметен...
Что где-то плачут от жары,
в поту - и лоб и губы...
А мы, вонзая топоры,
беря тепло -
 жизнь губим?!

КУЗЬМА

*Управляющему
Строительным треста №3
г. Барнаула*

Мороз крепчает, улеглась метель,
следы саней
 снежком слегка
прикрыты...
Идёшь-бредёшь за тридевять
земель
и думаешь:
поесть сейчас бы сытно.
Кусты - в сугробах,
 чёртиками пни
 сошлись в кружок...
Скрип старенькой осины...
В Солдатке, в средней школе,
 в эти дни
экзамены - они для всех едины.
Твоя деревня, кроха - Шайталы,
с начальной школой,
 скрылась за болотом...

... Вот след лосиный, волчий...
 За талы,
 умчалась в хмарь жестокая охота!..
 Совсем недавно кончилась война
 и холодно, и голодно покуда...
 На всю округу «средняя» - одна
 в Солдатке,
 жить неделями здесь будешь.
 У многих с фронта не пришли отцы,
 ты в телогрейке старой

кончишь школу,

а мать потом,

с трудом сводя концы,

проводит в институт тебя по полю!

... Ну, а пока кругом снега, снега -
 идёшь и сочиняешь рифмы в волю.

Вои и Буслы...

Натёртая нога

саднит,

хотя тебе ничуть не больно...

Вползает на дорогу тихо тьма,

разбавленная белизною снега...

- «Привет тебе!

Ну, как живёшь, Кузьма,?

Какое над тобою светит небо?!»

*Примечание: Давно исчезли
 с лица земли дереvушки
 Шатайлы, Буслы и другие.
 Недавно я был в тех краях -
 все поля заросли бурьяном.*

* * *

Ачаирская поздняя степь,
 ковыли, словно белые шали,
 мне приятно часами смотреть
 на бескрайние, светлые дали!
 ... Вот охапка колючей травы
 покатилась по ровному полю...
 Ах, как много вверху синевы -
 столько света,

простора и воли?!

Там, где речка течёт Селита,
 у огромно-солёной чаши
 обступает плотней темнота
 две палатки - пристанище наше.
 В тьме мигает вдали Ачаир,
 две совы над палаткою
 клыкают...

Я не сплю: кто в кургане зарыл
 человека когда-то великого?!

Кто надгробных надвинул
 камней,

не камней -

даже каменных глыбин?!

Чудится: Байконур...

кораблей штрих,

в стропилах на старте
 вздыбленных!
 Рядом - ров... марсиане
 прошли?!
 Иль Тунгусская снова загадка?
 ... Задремал, звёзды небо
 прожгли...
 И плывёт к ним моя палатка.

КНИГА

Человеку некогда читать-
 он просматривает строчки
 быстро:
 - есть ли тайны роковой печать,
 - есть ли радость, солнечные
 искры...
 Есть! -
 и страстью полнится душа,
 припадает к книге он устами...
 - Ну, а если нечем в ней дышать,
 загрустит,
 и пол-пути устанет.

УЧУСЬ ГОВОРИТЬ

Когда мне трудно говорить,
 а сердце жжёт тоска -
 ломается привычный ритм
 и рушится строка!
 Созвучий нет
 и рифмы - нет!
 Коряв, до крика, слог...
 ...Хочу, как зверь, реветь в
 рассвет!..
 - Звать первозданность слов!

УСТАВШАЯ ЗЕМЛЯ

Как красный,
 жаркий гребень петуха,
 горит в закате облако над
 речкой...
 Уже затихли крики пастуха
 и заперты калитки на колечки!
 Я слышу,
 как дрожит на ветке лист,
 и льётся в крынку молоко
 парное,
 спешит домой чумазый
 тракторист.
 пронёсся мальчик на коне в
 ночное.
 И вот в проулках мрак и тишина,
 лишь в центре, в клубе,
 в окнах замигало...
 Да молодая парочка одна
 неторопливо к речке прошагала.
 Прохладнее становится крыльцо,
 но я сижую задумчиво, покорно...

И всё плотнее тишины кольцо,
и темнота забор малюёт чёрным.
А за околицей, вдали поля
качают зеленеющие всходы...
- Спи...
Отдыхай уставшая земля,
хороших снов тебе!..
... Ещё – погоды?!

БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ...

Какими мне тебя словами
благодарить за чистоту
твоей души -
 что не обманет,
не обеднит мою мечту!..
Не знаю:
как, какой заботой
 я оплачу за тот уют,
что в поздний час,
 после работы
твои мне руки создают!..
Как уберечь от серых буден
мне нежность
 рук твоих и плеч -
и как бы путь наш не был труден,
тебя от бед предостеречь!..
С тех пор,
как встретился с тобою
я понял жизни глубину,
и если я чего- то стою
- благодарю тебя одну!..

КОРОЛЕВА

Любишь ты сигареты...
Любишь веселье, вино...
Не быть ни за что в ответе
с детства тебе дано?!
Лёгкого поведенья
подруги твои и друзья.
Нетрудовые деньги -
 лёгкая жизни стезя!
Тебе наплевать, «Королева»,
на чьи-то страдания, смерть...
Навечно бездетная дева -
тебе от стыда не сгореть!
Тебе не закроет шлагбаум
беспутного в жизни пути.
Стучишь по ушам каблуками:
«Ах, мать твою!.. Боже, прости».
... Да, рядом в нелёгкой работе
тяжёлые руки гудят,
и с вечною в сердце заботой
старушки из окон глядят.
И тяжкие клонит колосья
в полях золотистая рожь,
и в виноградные гроздья
сковала сладчайшая дрожь!

А ты предстаёшь пустоцветом
на этой нелёгкой земле -
нахальной дурёхой, отпетою
купаешься в сладком дерьме.
Зачем же, так мучаясь тяжко,
рожала на свет твоя мать?
- Когда же ремённую пряжкой
начнёт тебя жизнь исцелять?!

ПОСАДКА

Первый круг...
Круг второй - на посадку...
«Ан» скользит по ночным виражам.
Замелькали огни в беспорядке -
так, что больно глазам.
Омск неоновым блеском рассвечен,
появился под левым крылом,
наплывает огнями навстречу
а-э-р-о-д-р-о-м.
Словно лодка,
качнувшись крыльями,
самолёт заскользил с высоты.
Защелкали ремни привязные -
почему же не щёлкаешь ты?!
Про себя в сотый раз усмехаюсь:
что ремни, если правит судьбой
часто случай?..
Сижу, наблюдаю
как со взлётной поднялся другой...

ПЕРЕКУПЩИКИ

Красивые и молодые
на барахолке цены гнут:
духи, заколки золотые
за сотни с лихом продают.
Помада, брошечка, бюстгальтер -
натальный крест для неглиже...
Взъерошен юноша, затравлен -
он перекупщик, как и все.
Ему семнадцать. Не работал
ни дня,
а здесь он преуспел,
с азартом и большой охотой
мошенничать поднаторел.
Из-под полы скупить,
вторично
 перепродать -
смысл жизни всей...
- Я плюнуть на дерьмо привычно
Готов –
ведь нет его наглей.

КАПИТАН « ПЕРЕСТРОЙКИ»

Президенту Б.Ельцину

Ты разум вместе
 с сердцем вынул -
и дали озарил в окрест...

Распято нынче твоё имя
в широких сводках всех газет.
Тех лет суровых -
самых трудных,
тот первый шаг, как бомбы взрыв...
Кто прикрывался твоей грудью -
теперь едва ли мог быть жив!
О, люди,
взбешенной толпою
вам Родину легко топтать,
той давней, призрачной судьбою
хотите к прошлому взывать?!
Не хлебом живы мы единым,
СВОБОДЫ флаг пора поднять!..
Ведь мёртвый камень с жизни
сдвинут
и в новый мир нам всем шагать!
... Как Данко,
сердце свое вынял -
ты,
дали светом озарил...
И с каждым днём
твой подвиг зримей!
- Ты Веру в людях воскресил!..

КРОВНАЯ СВЯЗЬ

Мне видится закат
кровавый на снегу...
Тот Петербург с каретою -
печален...
А где- то у подножья Машука
цветы росу
на лепестках качают!..
... Иду вдоль Мойки...
на канал гляжу
и мысли роем в голове несутся:
- вот Блоковский портрет по витражу...
- вот Пушкинские оды
с выси льются!..
Есенина, с надрезами, рука
в Астории...
Булгакова страницы...
Вот Маяковский в трансе -
от курка,
взведённого,
не может отстраниться...
Смотрю в Неву: и жуткая вода
мне повторяет смутные молитвы
о тех, что не забудем никогд -
чья души с нами
воедино слиты!

ПОЖЕЛАНИЕ КОЛЛЕГЕ

В. Ковальчуку

Коллега со стажем - наш, дорогой,
позвольте поздравить от сердца
с солидною датой, с хорошей судьбой:

«хлеб- соль» - Вам
да рюмочку с перцем.
Вы сами собой,
на своём Вы уме
живёте трудом интересным.
Легка перестройка для тех, кто умел
и раньше открытым быть, честным!
Зачем биографии длинный пролог,
кто Вы на сегодня? – нам знамо:
товарищ, наставник,
большой педагог -
а числитесь в должности Зама.
Сын с дочкою есть
и, конечно, жена...
Есть сад, Во саду ли цветочки...
А если серьёзно:
в разрухе страна
и страшно жить в мире непрочном.
И надо признаться,
без всяких прикрас:
мы - грешники старой системы,
желаем Вам
в этот праздничный час
огромнейшие перемены.
Желаем здоровья,
успеха во всём...
Большого личного счастья...
Желаем и дальше
стоять на своём.
- С мостами вовек не прощаться!..

В НЕБЕСНОЙ СИНИ

Крадётся точечка-звезда
и облегчает сон мой тяжкий,
из ночи в ночь...
Так все года...
- Чем отплатить мне
ей, бедняжке?
О, встрепенись моя душа! -
ответь судьбе на свет и ласку...
В поту проснулся...
Не дыша,
смотрю на отблеск
дальний, ясный!

ДИВНЫЕ РАДОСТИ

Блеск первых снежинок
да света полоска
от народившейся только луны...
В рощице тени на узкой дорожке
легли от деревьев среди тишины.
Зорька купается в озере сонном,
в незамутнённой прозрачной
воде.
Холодно...
В сердце же- лето стозвонное!
Где-то печально кричат журавли.

Радость мгновенна
 летящих снежинок -
белый, лебяжий
 негреющий пух...
Жаль отгоревшие листья
жасмина...
Жаль огонёк, что у речки потух.
Клясться не стану
 и каяться не в чем -
боли живые навек сберегу.
Ночь с новолунием раны излечит
и забинтует в холодном снегу...
Дивные радости -
 вы мимолётны
в вихре страданий и первых разлук!..
... Там, в синеве, не видать самолёта -
слышен лишь дальний
 тоскующий звук.

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

В сумерках поздних струится река,
паром негреющим дышит...
Ты мне напрасно судьбу
предрекал
– время иное нам пишет.
Здесь, над обрывом, в густой
тишине
щелкают перепелята...
вот отдалённо сигнал прозвенел
скачут вдали жеребята.
Мчатся игривые на водопой,
пыль над дорожкой клубится...
Вновь на рыбалке –
но я здесь – чужой...
Прошлому не возвратиться!

ЗОЛОЧЁННЫЙ ЛУГ

Как на свиданье с думой давней,
спешу в овраг, где чист ручей...
Он помнит вечер тот -
скандальный...
Я, с той поры, один. ..Ничей.
Нет! Не забыл лицо и имя
твоё!..
Ослеп я, поседел...
Ты для меня давно святыня
в миру житейских, тяжких дел...
Мечтали мы о жизни вечной...
Сегодня, золотистый луг,
под небом с синью бесконечной
во мне рождает лишь испуг!

* * *

Заря все дальше уходила,
и я решил идти за ней...
Прохладно озеро дымилось,
поднялись сумерки с полей!

За лесом яркою полоской
горела неба полоса...
Я шел и шел...
Зернисто,
 броско
ложилась под ноги роса!
На мокрых сапогах зеркальных
мерцали капельки звездой,
напоминая отсвет дальний
костра,
оставленного мной!..
Вначале шел я по колено
во тьме...
Потом уже по грудь!..
Сгущались,
 вырастали тени –
и призрачным казался путь.
И потонул я весь во мраке –
заря сошла почти на нет...
- Кто знает,
где зимуют раки
и где зари ночует свет?!

ЯЧМЕНЬ

Заколосившийся ячмень
передо мною встал внезапно
и оживил забытый день,
и возвратил горячий запах.
Боготворю те колоски
в осеннем поле
 неуютном,
которые домой несли
украдкою,
 в раздумье смутном.
Война,
 печали черный дым,
за что та горькая расплата?!
И даже став теперь седым,
мне хочется той болью плакать!
Благословляя новый день,
взошедший с мирною зарею,
боготворю тебя, ячмень,
покрытый чистою росой!
Мне жизнь полей мудрее книг
была –
 в мозолистых ладонях
я доброту земли постиг –
прими любовь мою с поклоном!
И колосись вовек, ячмень,
той светлою памятью,
 живою,
где каждый трудный
 честный день
отмечен и моей судьбою.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ДЕРЕВЕНСКИЕ БЫЛИ, ЛЕСНЫЕ ОБИТАТЕЛИ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел девятый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, , но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ДЕРЕВЕНСКИЕ БЫЛИ, ЛЕСНЫЕ ОБИТАТЕЛИ

ЛЕС ВЫМОК

Как страшно одному в лесу -
скрипят безлистые деревья,
качая ветки на весу,
в сне непонятном дремлют.
... Здесь был пожар...
Потом вода
по ямам выжженным скопилась.
Лес стал – болотом...
Шли года -
берёзы сгнили, покосились...
Как кладбище, печален лес -
сучки трещат под сапогами...
- И веет сумраком с небес
за грех людской в родимом крае.

НЕ ХОЧЕТСЯ ПОЧЕСТИ...

Как поздняя осень всевластна!..
Хлеб убран, сверкает жнивья,
лист яркий дороги раскрасил -
и в роще кричит воронья.
А фермер, как новорождённый,
боится на землю ступить -
ведь рэкет, чиновник мудреный
хотят у него всё отнять!..
... Ружья блеск...
В ушах - треск да шорох!..
Кружу в перелесках, пустой,
ищу что-то в ясных просторах,
и чудится:
взгляд в ветках, твой!!
Да, мысли, что хуже отравы,
бередят мне душу, поверь...
Не хочется почести, славы -
так много сомнений, потерь...

КУРОРТ «КАРАЧИ»

Приняв последний моцион
на пыльной танцплощадке,
больные, погружаясь в сон,
судачат о порядках...
А вечер тих - и духота!
В палатах окна - настезь,
в входа стуки: тра-та-та!
- «Открой сестричка, Настя»..
Лежу...Глазами в потолок,
установился, не спиться...
последний стук в дверях умолк...
Кричит ночная птица...
Да ветерок, как вдох, не смел -
чуть шелестит в деревьях.
... Июль. О сколько разных дел
у матери в деревне.

Всегда ей в отпуск помогал,
а ныне здесь, на грязях:
радикулит в постель загнал-
и хуже нет заразы.
Не наклониться, не присесть -
а я спортсмен к тому же...
И вот лечусь уж месяц здесь,
купаюсь в мутных лужах.
Мне ванной мало - я с утра
ныряю в плёс озёрный,
за что не хвалят доктора -
я часто с ними в споре.

МОЛЧИТ ПОКА НАРОД

«Куда ни кинь - повсюду клин»!
- везде скулёж да споры...
Таюсь в сторонке я один,
храню сухим свой порох.
Что по-напрасно обсуждать
иной закон, порядки,
вожди привыкли обещать,
играя с нами в прядки.
... Опять диктат, везде- ОМОН,
вновь «нечесть» рвётся к власти.
Обрызган кровью небосклон -
там рвут Чечню на части!
В багровой дымке Дагестан -
и вновь «лапшу» на уши нам...
Как стали вечера тихи!
Мой друг - мы одиноки.
Давно не пишутся стихи,
свет рано меркнет в окнах .
Опять какой-то коммунист
кричит, стучит с трибуны:
- «Пропойца Ельцин,
он – фашист.
продаст Россию, сгубит...»..
- И лишь молчит пока народ,
воды набравши, видно, в рот.

* * *

Кони у речки заржали,
слышен залиvistый лай...
Былка крапивы мне жалит
руку, хоть пальцы кусай!
Вот он
куда затерялся,
мяучит смешно под плетнем.
Сын же ко мне привязался,
звал все:
пойдем и найдем...
Глажу пушистый загривок,
зябка котенок дрожит,
днем был веселый, игривый
не верилось, что убежит...
Вижу в крапиве, в колючках,
светится точкой сверчок,

рядом луны
 бледный лучик
тянется наискосок...
Тихо в проулке заросшем,
в окнах мигают огни...
Завтра уеду,
 все брошу -
кончились праздные дни.
Кончился отпуск...
 В железный
город вернусь я, домой,
буду вздыхать бесполезно о лете,
где жил я босой!

ПОЛЕНЬЯ

Поизбит колун метровый,
словно гиря, обух...
Целый час колот проворно -
но устал. Сел. Отдых...
Четвертинки, половинки -
в сучьях кругляки...
Я читаю без запинки
чёткие витки!
Каждый круг - годов основа -
столько жарких лет!..
В толщине витков спрессован
Давних весен свет!!
Младший брат не ленится -
Все кладет в поленницу.

СЕНОВАЛ

Мальчишкою на сеновал
спешил, уставший...
Крепко спал...
А месяц плыл колечком...
И часто ночью снился мне
цветущий луг,
 где в тишине
плескалась речка...
... Прошли года, я поседел,
здесь – в городе,
 есть уйма дел.
Я с ног валюсь под вечер.
И ночью снится мне вокзал,
к нему бегу - но опоздал,
и поезд уж далече.
Когда проснусь: глухая ночь -
никто не может мне помочь
и сердце жгут сомненья.
Глаза открыв, гляжу в окно -
в нём беспросветно...
 В нём - темно...
И нет спасенья!

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Как дыхание вечности - стих!
Затаённая исповедь сердца!
На семи ветрах, на лихих
никуда мне от музы не деться.
Словно бомж, я бреду натошак,
затерялся вдали на дорогах,
встречные не подскажут никак,
их улыбки - такие недобрые.
... Русь, как исстари,
 празднично пьёт,
ремесло променяв на потехи.
Вновь Иуда
 над прошлым встаёт...
Я страну, как чужую, проехал.
А душа, нараспашку - болит,
зрю топор и кровавую плаху.
Обелиском сверкает гранит,
и бедою
 дымящейся пахнет.

РОССИЯ, РОДНАЯ!

Когда подойду я
 к последнему краю,
не стану прощений
 у Бога просить -
в стихах я потомкам
 на память оставлю
всё то,
что умел так безумно любить.
Россия родная!
В просторах былинных
я душу тебе до конца отдавал...
Я лягу песчинкою или былинкой
к ногам твоим -
 под пьедестал!!

БАМ (Начало строительства)

В сугробах,
меж сосен встревоженных,
пылают костры по ночам.
И смотрит тайга настороженно
на лозунг: «Даёшь, братцы, БАМ!..»
Везде- на вагонах, палатках,
на кранах, на КраЗах- подряд
красуются всюду плакаты,
И даже - в столовке висят!..
Я с поезда только сошедший,
мне всё проводник рассказал
о жизни людей сумасшедших...
На стройку я пялю глаза...
... Вот первая узкоколейка
врезается в скальный откос...
- «Эй, Коля, где водка, налей- ка,
чертовски в тумане промёрз...».

К студентам своим – практикантам,
в вагон незаметно вхожу.
Темно...
В положенье пикантном -
мат слышу...
И что им скажу!?.

* * *

Здравствуй утро!
 Встречай меня утро!..
Принимай мою радость и боли.
Я гляжу в тебя с ясностью мудрой -
надеясь на лучшую долю!
Было время - в убогой избе
жил...
Сейчас мой этаж в поднебесье!
Благодарен ему в судьбе,
 как хорошей попутчице-песне.
Только песня привыклась, и всё -
и вчерашнего мне уже мало!..
И тоскует по брёвнам плечо,
как вздыхает по печке мама.
И не в радость высокий этаж -
тянет в поле, луга заливные.
- Как там домик, оставленный наш?..
Как цветы вдоль дорог, полевые?
Окатившись холодной водой,
отправляюсь пешком на работу-
только чую, что сам я - не свой.
если в сердце иные заботы.
И готов вновь поехать в тайгу-
даже к чёрту пускай, на кулички.
Знаю: большего в жизни могу -
Я же вырос в нужде, не тепличный!..

* * *

Заря в пол-неба радугой
взошла над речкой узкою,
цветами всеми радуя
равнину нашу русскую.
Стога - стада лосинные
плывут по грудь в тумане...
И красные осины
отсвечивают пламенем!..
Всё притаилось, замерло -
восхода ждут леса.
С берёзки беломраморной:
кап-кап! – стучит роса!
И жду я, затаившись...
И вот из стайки туч,
как молния, пронзив их,
прорвался первый луч!
Сверкнул он в речке весело...
И закричал кулик.
Смотрю: в воде рассвеченой
огней пожар возник!

ГРОЗА

Небо с края потемнело,
Наклонилось, поползло...
Резанули молний стрелы,
даль кромсая на излом!..
Гром, как беркут,
 сложив крылья,
пал на затхлые поля,
вихрь взмахнул полынной пылью,
затемняя небеса.
В сумеречной поволоке,
в близкой падыми глухой, -
первый, крупный дождь зацокал
по тропинке луговой.
Прижимая листья-уши,
ветви гнулись до земли...
По растрескавшейся суше
струйки соком потекли.
Пересохшими губами
пили их цветы, трава...
Пахло ягодой, грибами -
и хмелела голова!..

БРОШЕННОЕ СЕЛО

Бурьян берёт в полон дома,
в проулках лишь репей с крапивой.
Без окон избы...Дел - нима...
Посмотришь - и даёшься диву.
А в улице один старик
сидит на лавочке, вздыхая...
Не слышен петушиный крик,
собаки у ворот не лают...
И странно как-то:
 не слышать
детей играющих, их криков...
Мертво вокруг.

 «Ни дать - ни взять...»

Пустые окна смотрят дико

* * *

Засыпает речка и поляна,
засыпает дальнее село.
Наплывают на луга туманы,
словно лебединое крыло.
Дремлют подорожники и ивы,
спят стога, как стойбище слонов.
В шалаше, уставший и счастливый -
я всю ночь сны охранять готов.

ЗЛОБА

Она, как дерево, росла -
сухое и колючее!..
И вытесняла из меня
всё радостное, лучшее.
А профиль «Волги» голубой
давно исчез за кручей...

Зубцами гор над Тебердой
грозил тот страшный случай!?
И стало солнце жечь меня
невыносимо тупо,
И раздражала трескотня,
снующих рядом, звуков.
Самодовольство рыхлых лиц,
дешёвый чей-то смех -
смешались с запахом больниц,
где лица, словно снег.
Где бинт, окрашенный насквозь,
твоею алой кровью,
снимать теперь мне довелось
с такую болью.
Машин летящее крыло
и сочных яблок хрупанье -
как вы похожи на вранье
эстрадных хлюпиков!?
Чужая здесь мне сторона,
но и у ней спроси я
помочь - она б мне помогла,
как помогла б Россия!..
А он - откуда он такой,
промчавший в «Волге» голубой?.

НА БУРОВОЙ

Здесь всё иное:
Звёзды... Ветер...
В морозном зное
ки-ло-мет-ры...
Лишь вертолёт
гудит, как шмель...
Живём за тридевять земель.
Тайга глуха, полна трясин -
наш островок в пяток аршин.
Медвежий лог, зыбун да пядь -
где и чертям не сладко спать!
Как динозавра, бел скелет,
так в рёбрах вышка буровая,
стальной рассеивает свет,
иную вечность утверждая!
Кряхтит Яга, спасая клад,
гребёт клюкою звездопад.
От сварки звёзды: вверх - то вниз...
И бабке слёзно: эка жизнь?..
Болота булькают во тьме -
ворочается дух в земле!

* * *

За окном проплывают вокзалы,
речка, роща, мосты - всё назад!
Как во сне - далеко уезжаю.
Непонятный, смешной маскарад...
Ну, а может, и не уезжаю?!
Я пол-жизни куда-то спешил!..
А теперь вот назад возвращаюсь...
- Видно, в прошлом, я что-то забыл!

ВЫГОРА

Здесь, помню были выгора:
весной вода их заливала,
здесь стадо летом отдыхало,
а осенью по вечерам
на плёсах, поджидая уток,
мы прятались в таловых прутьях...
Потом, уехав в институт,
я позабыл болотце это...
Прошло лет двадцать.

Вновь я тут.

Иду в зелёном царстве лета.
О боже! Что за волшебство?! -
Там, где дымились выгора,
навстречу лес встаёт, поёт,
лиственной зелёною горя.
В прожилках лейковатых листьев.
от бликов солнца и росы
так целомудренно и чисто
сквозит иная жизнь весны.
Стою смущён, прохладой веет
в тени больших берёз, осин...
Смешон, кто прошлое жалеет.
-У будущего столько сил!..
Заплачу! - кто меня осудит?
Устал, а столь еще хочу!?.
За юность края - это чудо,
какой ценою заплачу!

ПЕРВЫЙ СЛЕД

Ю.Гагарину

Звёздный космос! -
миллионы судеб
и у каждой призрачный свой путь.
Испокон веков старались люди
в мир тот, незнакомый, заглянуть.
И, сгорая на кострах безвестных
в облике Коперника, Бруно,
приближали те тела небесные -
прорубая в космосе окно.
Циолковский воплотил мечтанья
в гром турбин, нацеленность ракет,
... А сегодня в звёздном мирозданьи
первый, наш земной,
проложен след!
Русский парень, Юрий,
новой вехой
обозначил сказочную быль,
сел в ракету и сказал: «Поехали!...»
И махнул рукою -
«Был не был!...»

* * *

«Залюблю! Зацелую!» -
с детских ласковых губ.
Как присказку люблю я:
«Чёт не чёт, люб не люб...»

Взгляд трёхлетней дочурки,
словно «Лазерный» луч!
Сердце мне он врачует
сколько б не было туч.
Обалдевший от споров
и от вьюг за окном,
час не знаю, который
с ней играем вдвоём!
И на пальцах считает,
чётко пишет слова,
шахматы расставляет,
лепит хобот слона...
Как ей всё интересно,
как ликует она!
И звенит чудной песней
голосок допоздна:
«Залюблю, зацелую!..» -
и кольцо детских рук...
И ловлю я, ловлю я
уплывающий звук!..

ГЛАЗАМИ - В НЕБО !

Глазами - в небо!

Сердцем - в небо!..

И легче думать и дышать.
Лечу над вечностью...
Ах, где бы
меж звёзд мне лик твой отыскать.
Любовь не только возвышает -
но оставляет в сердце след
Тяжёлых пятен...

Ощущаю
в них свет тревожный давних лет.
Побаливают, отживают
те пятна - копят горький счёт,
Как на вершинах Гималаев,
в них самый первый луч живёт.
Глазами - в небо!

Сердцем - в небо!..

Стараюсь лик твой различать.
Лечу над вечностью,

и немом
уходишь ты... и не позвать.

ЗАКОВАННЫЙ МЕЧТАМИ

Да, женщины за ним не бегали,
не ждали тайно за прудом.
Ни чёрной ночью и не белою
не посещали его дом.
Он не был связан ни обетами,
ни исполнительным листом...
И как монах, в забытой келье,
презрев и отдых и веселье -
трудился в поте он лица.
Трудился, будь-то бы молился,
и лишь под утра спать ложился -
и не было труду конца!..

И умники - лишь усмехались,
а дураки - те издевались...
Жизнь за окном звала, трубя
весельем, радостью, цветами -
но он, закованный мечтами,
им отдавал всего себя!

ДЕРЕВЕНСКИЙ ЗАКАТ

День нагрелся до предела
и закат разлил пожар:
чайка искрой пролетела,
от воды - багровый пар.
Крыши с яркой черепицей
всюду в солнечных огнях,
на столбах блестящей спицей
провода звенят в лучах.
Труб печных алеют знаки
в приоткрытых небесах.
И горят багровым лаком
крынки, банки на плетнях.
А из окон яро, слепо
бьют в глаза прожектора!..
Вся планета - яркий слепок
плавки лета на гора!
... Так с времён происхожденья
неостывшая земля
вновь вершит своё творенье -
раскалившись до бела!..

* * *

Заметно прибавилось сини
в проталинах меж облаков...
И вечер серп месяца вынул,
и талой водой его вымыл,
в преддверье несбыточных снов!
Туманились дали...

Скатилося
солнце в озёрную глубину...
Ты в облаке тенью светилась -
как нежного ангела милость,
с улыбкою девичьих губ!

ПРИВЕДЕНИЕ

За мной виденье ходит по пятам?!
Не человек, не зверь-
в обличье чёрном
похожа тень на чёрта не проста...
- то здесь, то там мелькает тень проворно.
Весь день со мной...
В окно влезает в ночь,
на стенах светит липкой чернотой-
и отвращения не превозмочь -
и не прогнать видение мне злое!
Проклятию души я не отдам...
В раздумьях тяжких трудно засыпаю
и чувствую в постели иногда:
рука когтистая к лицу вползает!

И надо бы бороться, защищать
себя от мрази -
 не могу проснуться.
И хочется гортанно закричать,
хотя бы на мгновение очнуться!
И по лицу себя ладонью бью,
Кричу -
 в поту холодном просыпаясь...
Сижу подолгу молча, жду зарю,
при каждом стуке сердцем обмирая.
Смешно устроен ныне бренный мир:
из космоса тарелки прилетают,
мне инопланетянин - как кумир!..
А что же в нас самих - того не знаю?
И что за тень всё ходит по пятам?
- Возможно, мой двойник,
 а может – чёртик.
А может предков дух,
 что близок нам?!
Но если дух-
 то почему он чёрный?!.

* * *

«До поры, до времени»
Заяц в колке кричал во хмелю:
«Подайте мне волка,
 его посрамлю!..
Раздену и голым
 пущу по лесам!..
- Волк слушал крамолу
 и шел по пятам!..

* * *

Здравствуй, здравствуй дядя Петя!
Путь в края твои пролёт...
Через ночь зазывно светит
твой в окошке огонёк.
Вновь радушен ты и ласков,
распахнувши ворота,
с давней доброю присказкой
нас встречаешь, как всегда.
Пахнет скобленною плахой,
квасом, хлебом на паду...
Мой пиджак уже распахнут -
я под образа иду.
Рушники, икон вид старый,
фотографий чёткий ряд...
На одной в военном - парень...
Бой часов старинных в такт.
Точно в детство возвращаюсь,
словно в мамин угол сел...
А Матрена, угощая,
ставит миски между тем
И вилок капусты белый,
Малосольный - на столе!
Рюмки с водкой запотели.
розовеют лбы в тепле.

А Иван гусынью дразнит,
что под лавкой, на гнезде...
Нынче праздник - Майский праздник!
- И гореть всю ночь звезде.

* * *

Земля покрыта шрамами.
Земля обезображена
воронками, как ранами,
присыпанными сажею.
Вновь небо дымом мажется
на Запад и Восток...
От взрывов в знойной Азии
стекает кровь в песок.
Сонгми, кровавый Ольстер
и стонущий Ливан -
Кто там звериной злостью
над жертвой бедной пьян?!
О, святость, джентельменство!
О, разума исток!
К чему нам совершенство
коль смерть летит в висок?
Космические скорости
сверх звука, света сверх!..
А в небе пахнет порохом -
и боязно смотреть!
... Мой город разрастается,
вокруг в цветах поля!
Земля не вырождается -
а шрамы так болят!..

В ЛАГЕРЯХ ГУЛаГА

За проволокой колючей
лагерный вспыхнул мятеж -
зеки в бараках вонючих
не потеряли надежд!
Требуют правды, хоть малой
- Достоинство есть и у них!..
Начальство молчит, растерялось -
лагерь сурово притих.
Зеки в заложники взяли
майора и двух постовых,
от пищи гнилой отказались...
- Достоинство есть и у них!..
Инкогнитом в связь передали
на волю: «Ты, слышишь, народ
как нас по углам растоптали...
как бьют ... как заткнули всем рот!..»
Оцеплен барак... отвечают
прокурору: «Мы- тени живых...».
... Читаю в газетах: «Отчаялись?!»
- Достоинство есть и у них!

ЗАРЕЧЬЕ

Вернулся вновь домой, в Заречье,
и понимаю: здесь, в тиши
меня природа нежит, лечит...

Рукав протоки – часть души!
За огородом синь речная
два облака в воде качает...

НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПЛЯЖЕ

Лежу у моря... Загораю...
И от жары - изнемогаю...
Как хочется скорей в Сибирь,
где лес с прохладой, поля ширь!..
Где дышится легко, свободно...
... А здесь – шум... гам...
 Полно народу...
И хочется – чёрт побери,
сбежать, пропасть в тар-тарары?!
... Сажусь на поезд!..
Как в напасть -
путёвка,
 деньги,
 время,
 страсть...

* * *

И.Ягану

Литконсультант сказал:
«Вам - тридцать?..
Не стоит начинать писать...»
- Чудак, да как же так решиться
в архив живое сердце сдать?!
Скажи,
 а сколько не влюбляются
до тридцати, живя мечтой.
А ведь никто не удивляется
поздней, увидев их с женой.
Юнцам всегда предпочитают
Нас -
 почему же, почему?..
Они и жизнь почти не знают,
 у них всё в розовом дыму.
Так испокон веков считается:
 лет в двадцать - виден человек...
Но времена теперь меняются
и всё сложнее от века век.
Давай не будем торопиться:
 за тридцать -
 это же не ночь,
 не поздно никогда жениться -
 была бы силушка и мочь!

ЛЕДОХОД НА ИРТЫШЕ

Ранний звон на Иртыше...
Белизна слепит...
Детский голос: «Как, уже?!»
Взрослый: «Дольше спи!..»
Вешний звон на Иртыше!..
Стаи лебедей
проплывают в вышине
отблеском лучей!

... Сразу ветер посвежел -
дышит вьюгой лёд!..
Что-то тронулось в душе,
звон в ушах плывёт!
Лёд скрежещет, лёд искрит
чистотой кристаллов...
Рассыпается, шипит,
сталкиваясь шало.
Ледоход!..

 Ледоход!..
зов оркестра майского!..
... Малый, быстрый теплоход
счастьем детским мается.
Бьёт с разгона крупный лёд
- у моста заторы?!
И спешит к реке народ
и ликують взоры!
Что за праздник,
 что за гам-
не поймут бетонные
 берега,

где по ночам
шепчутся влюблённые!..
Проступает синь реки
с ярим криком чаечным...
Острова, как поплавки,
на волне качаются.

* * *

Луна
 высвечивает возле ряма
поляну, что безлика и пуста.
Палатку ставим...
Весело,
 упрямо
горит костер у стылого куста.
Туман с болота
 сыростью доносит,
с деревьев осыпается листва...
Трещит костер,
валежника подбросив,
готовим ужин...
 С шутками - слова!..

КОЛОСЬЯ НАЛИТЫ...

Лето на исходе... тьма крошечная
залегла в тяжёлые поля!..
В чутком небе
 дремлют сны нездешние
и созвездья искрами пылят!
Белый пар восходит из лощины,
тёплый, как парное молоко!..
В рюкзаке, заброшенном на спину,
сеть пустая,
 а в руках - весло.
И через плечо ружьё повесив,
сапоги до блеска смыв росой,

вдоль речушки, краем перелеска
 я иду дорожкой травяной...
 До чего ж приятна ночи свежесть:
 сладость трав
 и робкий вдох деревьев
 тишину баюкают и нежат...
 Вот луна всплывает над деревней.
 - Поднимись на цыпочки, не бойся,
 руки распластай к ней - и лети!..
 Низко-низко клонятся колосья,
 тяжестью молочной налиты!
 Чудится, как зёрна в них твердеют,
 и быть может,
 от того внутри
 глубоко во мне
 растут и зреют
 чувства-
 и от них теплей в крови!!

* * *

Красивая когда-то ...
 Лучи осеннего заката
 не греют, лишь ласкают взор...
 - Так Вы, красивая когда-то,
 в сиянье нежном до сих пор!..

В САМОЛЁТЕ

Лайнер к взлётной рулит полосе...
 Вмиг моторы взрели все!...
 «Пристегнуть привязные ремни» -
 засигналили всем огоньки.
 Рядом в креслах спортсмены сидят,
 «Мастер спорта» - в значках на груди -
 и спокойно прищутив взгляд,
 пристегают свои ремни...
 Дальше группа:
 ансамбль «Самоцветы» -
 словно гривы, космы нечесаные
 спадают на плечи... небрежно одетые...
 к стюардессе язвят с вопросами.
 Что ремни?..
 Курят в креслах своих
 и бравируя, водку пьют...
 Смотрят многие хмуро на них,
 а они в довершение - встают!..
 И шатаясь, бредут по салону -
 стюардесса от них – в поту,
 умоляет и просит законно
 соблюдать этикет, чистоту.
 А в ответ, словно бы на эстраде:
 шутки, смех и развязанный жест...
 И один из них лысый, всеядный
 предложил на колени ей сесть.
 А другой - с кадыком кретина,
 пробует из бутылки глотать...
 ... И спортсмены, набычив спины,
 кулаки начинают сжимать...

ВЕРНУТСЯ

Лишь оперившись, рвутся птицы
 из гнёзд в простор, под небеса!..
 Нам многим в детстве часто снится
 небес заоблачных краса!
 И всё же люди остаются
 у пашни на родной земле...
 А птицы в край родной вернуться
 как не буранить вслед зиме?!

ЛЕТНЯЯ ВЕРАНДА

(Вывеска-«спиртное запрещено»)

В огнях красивый павильон...
 Здесь соки- воды, бутерброды...
 Спешат юнцы на «выпион»
 хохочущим, весёлым сбродом.
 У стоек или в уголке -
 лишь побыстрее, мимоходом:
 стакан, зажатый в кулаке,
 бутылка -
 минеральной вроде?!

А запах винный так и прёт
 из рта соседа, из стакана -
 невинный мой, томатный сок
 становится угарно-пьяным!
 Я отстраняю бутерброд
 и не допитый сок в стакане,
 в затылок перегар несёт -
 обласкан я за плечи пьяным.
 И чувствую, как павильон
 зловонней с каждой минутой,
 как туалет – заполонён...
 Я ухожу... И - долго мутит...

ДАЙ, МНЕ ГОЛОС...

Лесостепь... Мои поляны,
 и медовые луга...
 За молочные туманы,
 за высокие стога
 любил я, как бродяга,
 буйную твою красу -
 от хмельной июльской браги
 каждой клеточкой пою!
 ... На берёзках розоватых
 от заката - нежный жар!..
 Ах, давным-давно когда-то
 девушку здесь провожал.
 И, уехав на учёбу,
 с той поры исчез совсем.
 Мыкался, плутал... Ей богу:
 был я всем, а стал- никем?!
 Молодость себя пытала,
 всё брала, теряла всё...
 За плечами лишь усталость,
 да от лямок - горячо!
 В рюкзаке тяжёлый опыт
 и раздумий всяких груз...

И – не высказанность, шёпот...
Средь людей- один конфуз.
Вот и песнь моя чуть слышно,
полу внятно и с хрипцой
над ночной поляной виснет
надорвавшейся струной...
- Отпусти, мой край, печали -
дай мне голос твой лесной,
чтобы песни зазвучали
дивной музыкой, живой!

ЛУННЫЙ СВЕТ

В ореоле звёздном плавно
выплыла в ночи луна...
Осветила лес и травы,
речку тихую - до дна!
Осветила дом, ограду,
деревенских улиц пыль.
Осветила снова радость:
юности далёкой был!..
... Да, опять мы ночью лунной
на рыбалке у реки -
ждём, гадаем: может клюнет...
Трое дядей – рыбаки?!
Угадали в отпуск разом,
в деревенский отчий край...
- Выше нет, скажу, соблазна
чем рыбалка.
 Это ж – рай?!
... Полночь... Тишь.
В душе- отрада!..
И в щемящей тишине
клясться в верности не надо
на родимой стороне...

МОЯ ЛУНА

Взошла луна... И синева
небес во тьме искрится...
Вдруг рядом - грома жернова
и молний колесницы!
Прохладный ветер налетел
на лес, и зашумела листва...
И я оторопел:
в машину влез несмело.
За тучей спряталась луна
и тень легла на землю,
но вихрь промчался...
Тишина
опять на травах дремлет.
И снова выплыла луна
и заблестело поле...
... Не спится мне, а грудь полна
и радостью, и болью!
Рождаются опять слова
в тиши для новых песен:
луна и звёзды, и грома -
переплелось всё вместе!..

И вспомнил дни я,
где луна
в той дали давней, вешней
была - «Солдатская вдова»
от горя безутешная.
Над зыбкой малой по ночам
склонялась она низко...
Я видел это в детстве сам
воочию и близко!

ЗНАКОМЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК

Лицо, состарившееся рано!..
В мозолях руки, грусть в глазах...
Идёт, покачиваясь пьяно,
что пьян- не торопись сказать.
Знакомый мой...
Больной, усталый
с надрывом, трудно говорит
и просит: «Объясни, пожалуйста,
за что Судьба вот так казнит?
Я - фронтовик, и два раненья,
и в сердце часто перебой.
Путеец я - и надо рвенья
в работе... Страшен риск порой.
Ведь сходят поезда с тех рельсов
где есть завышенный зазор...»
Стоим мы долго...
 День воскресный!..
Он совести моей – укор?!

РАННИЙ ЛИСТОПАД

Чуть слышный листопада шорох
с утра гуляет по лесам...
И словно отголоски споров
напоминает осень нам.
Поспешный августа разлад -
так рано листья пожелтели!..
И вот – сентябрь!..
 И наугад
иду я в листопад метельный.
Я помню юность: над прудом
всё те же месяца узоры.
И вновь поют ветра о том
что не прощаются нам ссоры...
Я вспомнил белый май в цветах,
Там - в зорях жаркого июля,
цвела такая синета,
с таким счастливым полнолунием!..
И снова августа разлад
вдруг перепутал всё на свете-
слова горьки, как листопад
в конце озябнувшего лета...

ТРОПИНКОЙ ВОЗВРАЩАЮСЬ

Лесной тропинкой возвращаюсь
к смешному детству налегке!..

Улыбчив снова и не каюсь,
что очень пусто в рюкзаке.
А ветер расправляет плечи
и обжигает солнце взгляд...
По-юношески вновь доверчив
и по-мальчишески я рад!
Я рад полянам, перелескам
и стае галок в синеве,
реке - с её журчанью, всплескам...
И стрекозе на рукаве...
Я рад прохладе под берёзой
и запаху горчащих трав -
вновь прошлое в душе - занозой!..
И в нём ищу особых прав.
И чувствую внутри подспудно:
вот отдышусь -
и вновь назад
вернусь в тот город,
где мне трудно...
Где сам себе порой не рад?!

ДАМСКОЕ ТАНГО

Зал дворца...
За твою игрою
всё следил... Ты кружилась, легка...
Незаметно, с издевкою злою,
с балкона смотрел, с высока...
Танцевала...
улыбкой дразнила...
головой качала, смеясь...
Иногда застывала бессильно,
на плечо к лейтенанту склоняясь.
С микрофоном блондинка,
в такт песне,
обнимала подпитых мужчин...
В этом зале, задымленном, тесном
в первый раз
не со мной ты, с другим...
И в костюме твоём
очень строгом,
в разметавшейся пряди волос,
было с прежнем несхожести много,
что подумалось: что-то стряслось?..
От шампанского или чудачеств,
наконец-то устала... И взгляд
от поклонников ревностных пряча,
танцевать отказалась подряд.
Заказала вдруг «дамское танго»
и пошла ко мне через зал...
Всё что было случайное тайной,
приоткрыла в простых словах...
«... Вышла замуж... военный... недавно...
Уезжаем на Север, в часть...»
... Я танцую старинное танго -
в нём невесту хотят украсть...

ГДЕ ТЫ?..

Я не знаю совсем:

где ты... где - ты
пропадаешь с утра допоздна?..
Ты же очень легко одета,
а ведь ночь за окном холодна.
Ты же мёрзнешь от лёгкой прохлады,
а сегодня с утра моросит...
... Я сижу... А будильник рядом
словно сонный,

чуть слышно стучит.

Я сижу в первый раз не раздетый
в твоей комнатке, за столом -
никуда мне от мысли не деться:
вдруг сейчас не одна -

с ним, вдвоём...

Вторя мелкой запрятанной скорби,
счётчик тонко и нудно гудит...
Пустота комнат брошенных горбит
и сомненья в душе бередит.
Бьётся пульс на виске:

где ты... где ты?..

Что случилось:

одна... не одна...

... За окном залегла до рассвета
непроглядная тишина.

Я - ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Уроки... Дежурства...

Час дополнительный,

политзанятия, час классный и прочее...

А мне бы книгу,

театр, спорт исцелительный -

все то, что делает

жизнь полной, прочною.

Мне б делиться

с ребяташками

новостями,

говорить об искусстве,

что они ко мне тянутся

и хотят обо всем узнать от меня.

Я - ржавеющий бак,

любящий воду вчерашнюю

в сосудики маленьких душ.

Я- осознанный брак,

брак самый страшный

взамен настоящих знаний и дружб...

С какими словами дойти до их сердца,

чем зазечь, как вложить в них любовь?..

- От этих раздумий никуда мне не деться,

от страха в моих жилах замирает кровь.

Дайте мне только свободное время,

я найду, сам придумаю эти слова...

Дайте мне только в себя поверить,

так, чтоб Вселенная во мне ожила!

Так, чтоб не искры, а молнии грозовые
мог и сам я щедро извергать...
- Верю, к их сердцам есть позывные -
вместе с ними мир мне открывать...
Дайте мне свободное лишь время -
труд мой по-иному нужно мерить?!

БУМАЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Я не люблю бумажные цветы:
любой их цвет,
пусть даже яркий - траурный?!
Они - мертвы! - и ты,
как им близка той красоте, украденной.
... Сползает с бледных губ твоих
помада...
со щёк известкой облетает пудра...
ты красишь ногти на ногах - нарядно?!
Хотя проспав,
не чистишь зубы утром.
Чужие мы, и дело не в зубах,
не думал я в тот час о чистоплотности,
когда глядел недоумённо на тебя,
на обвинявшую кого-то в подлости.
Катились слёзы ручейками чёрными,
а не горяче- светлыми, святыми.
Твои упрёки горестно - притворные
связались почему-то с моим именем.
- Я не люблю бумажные цветы,
любой их цвет,
пусть даже яркий - траурный...
Их только бы на крест, в венки плести...
И умертвлять себя -
никто не вправе?!

ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ

Я, как белка, кручусь в колесе:
всё привычно, весь день соизмерен...
Но порою, под вечер, в тоске
спрашиваю: во что же я верю?!
- Лишь в работу?
Нет! – совестью чист,
хоть полно и ухабин и рытвин...
Всё же день - новый, белый - как лист,
- он так хочет особых открытий.
Но уйти не могу я из круга,
где привычно, где локоть друга?!
А открытья? - они со мной рядом:
в человеке любом - свои клады!
Да, я знаю давно про себя:
тянет к людям меня самым разным...
и любая чужая судьба
для меня, лично -
горе иль праздник?!
Потому может, мучаюсь я,
если рядом кто-то в несчастье,
злость с обидой в себе затая,
отвергает моё соучастье.

ТЕБЯ, ПОЭЗИЯ, БОЮСЬ!

Я – весь раздумье и сомненье?!.
- Уверенность! - о, где же ты?..
Зачем дано мне вдохновение
и жажда слова, маяты...
Вчера ещё с огромным пылом
писал я за строкой строку.
А вот сегодня, как ни бился,
связать и двух слов не могу.
Так, собственно - чего я стою,
чего в искусстве я добьюсь,
когда с поникшей головою
тебя, поэзия, боюсь?!

ПРИОТКРЫЛИСЬ ДАЛИ

Я ступаю по траве
мягкой, шелковистой...
улыбаюсь синеве
несказанно близкой.
Прохожу по жёлтой жниве,
по листве опавшей -
здесь вчера ещё кружили
журавли отставшие.
Привалившись к стогу сена,
воздух пью всей грудью,
наполняясь постепенно
свежестью и грустью!.
Поздний лист к ногам слетает,
приоткрылись дали...
что-то давнее рождает
светлые печали...
Нити белой паутины
проплывают в небе...
Тихо дремлет день и стынет
в золотистой неге.

ОТВЕТИТЬ ТРУДНО

Я, как курортник, потучнел:
ем пью... у моря загораю -
и даты завтрашней не знаю.
- Чего другой ещё б хотел?!
Ответить трудно-
очень модно
свой отпуск проводить вот так.
Но я отдал бы за пятак
сей юг, когда бы был свободен.
Мне больше по душе тайга,
и речки светлые, озёра.
И тем Сибирь мне дорога,
в бескрайней зелени просторов.
Люблю сидеть я на закате
у первобытного костра...
спать в стоге сена до утра...
и закалять в труде характер...
... Но что поделаешь - жена
и сын - им прописал врач море,
тепло и фрукты... Не поспоришь.

Поездка позарез нужна.
- И думаю о жизни брэнной:
наверное, уж так - судьба!
Нет время вечно для себя,
всё личное- второстепенно?!

НА ОСТРОВАХ ИРТЫША

Я скольжу, в даль убегаю...
И снежинки стаей,
с белых веточек слетают,
на ресницах тают...
Чуть поскрипывают лыжи,
щиплет холод колкий...
И камыш прибрежный, рыжий
машет мне метёлкой!

ТАНЦЫ-СКАЧКИ

Я танцы-скачки не люблю,
я плавность музыки приемлю...
Когда из прошлого смотрю -
мне хочется опять в деревню...
Танцуют вальс все, гопака
или цыганочку там пляшут...
Иль, вдруг, «камаринскую» - нашу...
- Так, что посыплет с потолка!!

СИБИРЬ ПОЛЮБИЛ НАВСЕГДА

Я в красивых бывал городах...
Я купался у синего моря...
Но Сибирь полюбил навсегда
за прохладные ясные зори...
За леса и озёр чистоту,
за луга, с неизменною речкой...
За людей, и за их прямоту,
за характер суровый, сердечный!
Взгляда женского страстный жар
и богатство души землепашца -
принимаю как божеский дар -
в преданности могу поклясться!
Здесь напиться у каждой двери
подадут, пригласят на ночлег...
И рассказ поведёт до зари
мне хозяин, простой человек.

ВЕРИЛ Я В ЛЮБОВЬ

Я тебя девчонкою не знал,
слов любви ты мне говорила...
Не пойму: за что так обожал
взгляд твой...

и тебя боготворил я?!

Осуждать тебя сейчас не вправе,
всё смешалось,

так превратна жизнь,
но пойми меня - к той мужней славе
отвращенье есть. В том - разберись?!
Разберись: как до меня любила,
кем, когда ты брошена была?

Может и со мною лишь хитрила,
почему меня ты предпочла?!
Со своей возвышенной натурой,
ты казалась мне, что из святых?!
Не любовницей - скорее дурой
выглядишь смешно в глазах других.
О, какую злобною предстала?
О, какую проявила прыть!..
- Ты уже законом угрожала,
обществом пытаешься судить!
... Хватит лжи!
Всё кончено... Довольно!..
Хватит слёз! - в них больше клеветы...
Расставаться мне с тобой не больно:
верил я в любовь, мечтал...

- А ты?!

НА ЗОРЬКЕ ВЕШНЕЙ

Я видел, как на зорьке вешней,
с полян оттаявших,
скворец
нёс в клюве маленький подснежник
в скворечню-
милой на венец!

А после, распевая звонко,
он приглашал невесту в дом:
приплясывал на ветке тонкой,
в экстазе трепеща крылом!!

ВОСПОМИНАНИЯ

Луг майский...
Буйство акварели!..
Там девушки венки плетут!..
Птиц несмолкаемые трели
меня в весну, к тебе, зовут!!

Я ПОЧТИ ПОЗАБЫЛ...

Ты пришла и ушла,
словно и не была...
А тебя так - любил!..
Лишь тобой, одной жил.
Но уходят года,
позади города...
Не ругаю себя -
видно нам не судьба!
Я тебя так любил,
и почти позабыл...
Так зачем же во сне
ты приходишь ко мне,
почему же опять
хочешь «милым» назвать?!

Я МОЛОД И СИЛЁН

Проснулся я, и руку положив, на грудь,
прислушался как сердце билось:
оно как чижик пело «чив! - да жив!»,
и осторожно стукало в пол-силы.

И я представил: в жуткой темноте
под рёбрами ему и тесно, трудно...
Рукой погладить сверху захотел,
вдохнув всей грудью.
И вспомнил: сердце сроду не берёт
ни на подъямах,
 ни в работе жаркой...
Не чувствовал его...
 Как уголёк
прожгло оно сейчас
 скелет мой жалкий.
Ворочаюсь в кровати...
 сел... и вот
отчётливее раздаются стуки...
Как голубь под окном,
 слетев с высот,
воркуя, издаёт мне тайно звуки.
Всё громче эти звуки, всё сильней -
и ощущаю, как я - свеж и молод...
И шепчет сердце мне:
 ты не жалея
меня в работе - ни в жару, ни в холод.
И ощущение жалости, как сон, прошло...
Заря в окошке занималась...
Я чувствовал - как молод и силён!..
И ни чему пока сомненья, жалость.

В ОЖИДАНИИ СОЛНЦА

Я встаю в пять утра, до зари,
и встречаю её по-братски...
Мельтешат светляки- фонари...
я иду к Иртышу...
 «Утро, здравствуй!..
Мой привет рыбакам-чудакам,
дворникам,
первым встречным на улице,
всем- встающим не по звонкам?!
- Пусть же мир для Вас
 нынче не хмурится!»
...Гладь речная разлилась в синь,
воздух чист - ни дымка, ни пылинки...
Хочешь - удочку в счастье закинь,
или просто пройдишь для разминки.
Всё торжественно, свято, светло
в ожидании первого лучика...
Что на сердце носил тяжело -
отлегло, с обещанием лучшего!

СТИХИ ПРО БЕРЁЗУ

Чьи, не помню, стихи про берёзу -
вот в одном есть такие слова:
мол серёжки - то бисер морозный,..
что кора в шрамах - грустью полна...
Стих другой: разбежались по веткам
искры зорь и полночной росы...
Для чего-то вплели незаметно,
как венки, ленты праздной красоты...

А поверх на берёзу навесили
бусы, дождь серебристый, шары...
- Как на ёлке?!
И стало невесело -
потемнел цвет светлейшей коры?!

* * *

... Снег на улице. Я по аллеи
 прохожу...
В небе синь-красота!
Мне навстречу берёзка белеет:
ветки в инее, словно фата!
На морозе, а в лёгкой накидке...
Вдруг навстречу качнулась - жива?!
И почудилось мне по наитью-
словно рядом невеста-жена!..
В дом пришёл, и в стихах про берёзу
написал сам такие слова:
«Мне берёзка - любовные слёзы!..
А в серёжках - преданий молва!..»

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Я помню: в юности навстречу
летели с гулом города...
Я снова в поезде... мгла... вечер...
Мир за откос летит назад.
Мосты, деревни, полустанки-
назад!..
Мне сразу не понять,
что после странствий возвращаюсь,
туда, где ждёт родная мать.

БЕРЁЗОВЫЙ СОК

Ясиноватая... Донбасс...
Жара стучит в висок...
Я пью не хлебный русский квас-
берёзовый пью сок!
Прохладен, светел он, пахуч-
как тот, в краю родном,
когда весенний первый луч
светил мне над леском.
Когда небес голубизна
несла мне в сердце грусть...
От зимнего проснувшись сна,
мне улыбалась Русь!
И словно сыну, неспроста,
дарила свет и сок...
- Я пью... Такая вкуснота,
аж хмель стучит в висок!

В ЖИЗНИ ЧТО-ТО НЕ ТАК...

Я сижу в кафе «Лотос»...
-Что за юноша, лох?!
Новоявленный гротеск:
«хиппи», «битл» - хенди хох?
Рядом с ним, с сигареткой
Девушка - экий шик!.

Каждый жест для кокетства,
а в словах - вызов, крик.
Перемазаны брови,
в волосах яркий лак...
... Жалко мне их, не скорою.
В жизни что-то не так?
Её губы по-детски
Пухлы - зябко дрожат,
её плечи раздеться .
в вырез кофты спешат...
И у глаз обведённых
синей тушью, туман...
В мини-юбке ребёнка
новоявлен обман...
-Убежала из дома
«королева», видать,
рюмку держит у кромки
губ...
На всё наплевать?!

В СЕБЕ РАЗОБРАТЬСЯ

Я в деревне родился и вырос,
городскую убавивши спесь,
вспоминаю те беды, что вынес -
в дни войны было нечего есть...
Не кичлив я, наверно поэтому
по душе деревенский уют...
Здесь рождаются чаще поэтами,
громче пляшут и звонче поют.
Мало праздности в избах, забавы
(трудятся от зари до зари)
для больших дел, земных -
не для славы,
нарождаются богатыри.
Сенокосы, пропахшие мятой,
золотистая нива страды -
в моём сердце
навек вы спрятаны,
за далёкою дымкой беды.
Рвать цветы, по лугам прогуляться -
не сочту за высокую честь!..
Самому бы в себе разобраться
и понять: кто же в мире - мы есть?

В ТРАНЗИТНОМ ПОЕЗДЕ

На озёрах ещё половодье,
на полях и на улицах - грязь...
Поезд мчит,
рельсы словно полозья.
Я в купе - загулявший князь.
Пью вино...
Но душой заскучавший,
к вам стремлюсь я,
просёлки мои,
к вам весенние, милые пашни...
Пусть вас досыта поют ручьи!

ТАКАЯ СЛЯКОТЬ

Я, как уличный, гуляка
перемешиваю грязь...
На душе раздор и слякоть -
и за что такая казнь?!
Выпал снег... Парк принаряжен
в белых праздничных мехах...
Поздний вечер сажей мажет
небо, крыши и меня.
*«Где ты, как сейчас на юге,
санаторная душа?..
Писем ты писать не любишь:
ни приветов, ни шипа!..»*
Я шагаю меж домами,
в них веселье, пир да мир...
Вспоминаю: за годами
я с тобою всяко жил.
- Всяко?!

Да, конечно, всяко.
Были радости, беда...
но в душе такая слякоть
не гнездилась никогда!

* * *

Я памятью отчётливой богат,
себя не представляю одиноким:
во мне леса задумчиво шумят
и девушка приходит синеокая.
Там где поляна
и где сладкий сон,
у озера таёжного, глухого
люблю я разводить костра огонь
и возвращать на миг пережитое...
... Сегодня мелкие черты твои
в упор я различаю на мгновенье,
где у забора серые скамьи
прикрыты надвигающейся тенью.
Пыль остывает и тускнеет даль,
и лай собачий прыгает по лугу...
и мгла, как чья-то траурная шаль,
всё прикрывая, прячет твою руку.
Звенит подойник где-то и огни,
раздвинув тьму,
повисли меж столбами...
И мы с тобой опять одни, одни...
и тянемся несмелыми губами...

НО НЕ СПЕШУ

Я с каждым днём мудрее, чище.
Стал несговорчивым и злым...
Январские метели свищут
и снег над трубами, как дым.
Трещат весёлые морозы...
На окнах - зимние цветы!
Они бледны, они - не розы,
зато в них больше чистоты.

Ещё совсем, совсем не поздно
мне позвонить тебе теперь...
Прийти в твой дом и осторожно
открыть заснеженную дверь.
Твоё письмо мне обещало
вернуть утраченный покой
и повторить опять сначала
тот вечер майский, голубой.
Но не спешу...
В окне прозрачном
печальны белые цветы...
На них фатою новобрачной
снежинки веют с высоты...

ЗАСТЕНЧЕВЫЙ, НЕ ВЗРОСЛЫЙ...

Я часто нравился чудным
и милым женщинам...
Но странно: ими был любим
недолго и изменчиво.
И их любовь, как поздний свет,
как расставанье с осенью,
теперь за далью прошлых лет
ко мне уж не воротиться.
Они любили - так, шутя,
я был для них не взрослым,
меня дразнили, как дитя,
наивными расспросами.
Я был доверчив и не смел...
И многого я не умел.
И с верой ясной и святой,
ловя любые звуки,
не знал я слов: «твоя» и «твой»,
не целовал им руки.
Они скучали завсегда,
моих волос касаясь...
И уходили без следа,
не возвращаясь.
... Живу и нынче тем, кем был:
застенчивым, не взрослым...
А бы ли я тогда любим? -
останется вопросом!

РОССИИ ОБЩАЯ СУДЬБА

Я не чистоплюй,
во мне есть гордость
избежать позорного стыда...
не гоняюсь за крикливой модой...
не прощу измены никогда...
Не смешно - меня обворовала
женщина, что ехала в купе.
От хорошей жизни бы не стала -
видно не лады в её судьбе.
Видно красть,
а не молиться богу,
научила жизнь её во тьме...
Не судите люди очень строго -
что мы знаем о её житье.

Что сокрыто в ней?

Как можно в тайне
выбрать крест позорный для себя...
...Эта встреча -
чистая случайность,
в ней - России общая судьба!

ПРОСТИ, МЕНЯ...

Я вдруг увидел, как стираешь
мои носки, моё бельё...
И понял, от стыда сгорая,
твое нескладное житьё!
Обеды, ужины, пелёнки -
забот и дел невпроворот...
А я с газетою в сторонке...
Слабей ли разве мой хребёт?!
Прости: и раньше это видел,
но тяжкий труд воспринимал,
как гость прохожий, как сожитель...
Своим достоинством бренчал...
Теперь я буду твой помощник -
стирать, полы мыть и варить
И даже сумрак полуночный
развею, лишь бы рядом быть.
Я невниманьем не обижу
тебя среди любых забот,
и буду помнить: «В этой жизни
недолго человек цветёт?!»
И мне нужна твоя улыбка,
а сыну с дочерью - вдвойне.
... Всё прошлое -
моя ошибка,
не думай плохо обо мне.

ВЫ УЧИЛИ МЕНЯ...

Я Вас помню, Галина Михайловна,
с мелом, в пальцах зажатом всегда,
у доски классной...

Снова, пожалуйста
вы придите к нам через года!
... Постарели Вы, умер муж...
(как жестоко насилует время!)
Я не знаю, чем Вам пригожусь,
если летом приеду в деревню.
Математик - Вы, прав ли закон
сохранения всякой энергии?
Если в Вас я и нынче влюблён,
то не может и быть другой версии.
Математика - цифр сухой счёт...
Только нету науки нужнее...
Вашей памятью давнею горд,
к нынешней- втрое стал я нежнее.
Вы любовно учили меня
разбираться со сложной задачей...
- Только нынче в пожарищах дня
от бессилья, я чуть не плачу?!

СПОРТ - СИЛА ВОЛИ

Я в спорте- воин поседелый,
давно пора уйти в запас!..
Порой сражаясь на пределе,
я думаю: « В последний раз?!»
Но нет! - опять диктует время
и надо в строй спортивный встать.
И словно рыцарь, стиснув стремя,
свой меч и щит готов держать.
Я снова сердцем молодею,
во мне весенний буйный звон...
Как дерево, что зеленеет,
я юной силой напоён!
И кажется:
могу всю землю
враз обежать...
весь мир обнять...
...Во мне ещё столь силы дремлет:
«Всегда на бой!..
И так держать!»
- Нет, не забава спорт, не средство
для исцеления души.
Спорт - сила воли, крепость сердца,
рекордов новых рубежи!!

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ (песня)

Наплывает в небе тучка -
быть дождю!..
Ты сомненьями не мучай:
«Я тебя люблю!»

припев:

*Что-то тиной затянется,
ляжет камнем на дно...
Что-то, как небо, останется
нежностью озарено.
Лала-ло, лала-ло, ла...
Нежностью озарено...*

А за околицей вечер
прячет за лесом зарю -
жду, не дождусь я встречи:
«Я тебя люблю!»

припев:

.....
Травы дождём омыты,
тянутся вверх стебельки:
«Любите, всегда любите!!»
-поют на цветах светляки.

припев:

Я ПРИВЫКЛА ОДНА

Как жестока та фраза:
«Я привыкла одна...»
Не кокетство с соблазном -
крик душевный со дна!
И круги под глазами
синью время легло?

Но горит огоньками
взгляд, всей скуки назло!
Может в чём-то и поза,
верно, что-то не так...
Убегая от прозы
сам придумал, чудак!
Защититься не в силах
в этот миг от огня -
смотришь ласково, мило,
только мимо меня.
Что же, ладно, обманывай -
вместе быть - не судьба.
Но не надо мне малого,
не унижу тебя.
Безрассудная женщина -
может море виной?..
Если ты манекенщицей
встала вновь предо мной?!
А могла бы натурщицей
для художника стать!..
Не хочу даже шуткою
по-напраслину врать
Нравлюсь я тебе -
что же,
так случилось со мной.
- Всё ж веди себя строже:
надсмеётся другой.

В МИРЕ - НЕ ПОРЯДОК

Я оскорблён, но странно - робость
растёт... и звон в висках...
Как будто предо мною пропасть
и я зажат в тисках...
Наивность детская - не больше,
ведь мне уж сорок лет...
И от того больней и горше
искать в душе ответ.
Да, есть и сила, и отвага -
так что тогда гнетёт?..
- Отвечу: жизнь диктует наглость
и кукиш в нос суёт!
Что делать?
В мире - не порядок,
теряют люди честь,
зверья, грабят если надо,
лишь для того чтоб съесть?!

СНИТСЯ ВНОВЬ РАССВЕТ

Сегодня мне уже под сорок,
и снится тот рассвет,
где лыж скользящих, белый шорох...
Тебе - семнадцать лет.
Смеёшься ты, скользишь навстречу,
вокруг белым-бело...
И это смех мне душу лечит -
и на душе светло!

Рукою взмах неосторожный -
и ты скользишь в овраг,
за куст цепляясь придорожный,
не устоишь никак.
Упала... Я же, что есть силы
бегу к тебе скорей...
...Проснулся я...
Из глаз ты скрылась...
- Но ты в судьбе моей!..

Вороной Белою

Весь день дремал...
А в ночь - бессонница...
И выхожу я на перрон.
Вот рядом поезд скоро тронется...
перрон толпой заполонён.
Повсюду парами прощаются
на месяцы и на года...
Целуются и обнимаются...
В сторонке - девушка одна.
Стоит- красивая, высокая -
... ей свитер облегает грудь...

И длинные упали локоны
на плечи... А во взгляде - грусть.
Она - меж всех - вороной белою,
ей некому рукой махнуть...
Уверенной походкой смелою
идёт в вагон, готовясь в путь...
Вот нервно дёрнулись вагоны,
проверив прочности замок...
... И загорелся свет зелёный -
где красный - все сомненья сжёт!

Жизнь вся - не простая

Я в спорте рыцарства добиться
с трудом, но смог...
Успел и в старину влюбиться...
и в пыль больших дорог...
Но не практичен, не классичен
- коряв мой слог.
Метели, бури принимая,
не отверну лица.
Боюсь цветов красивых в мае,
как лести подлеца.
Я даже внешне несуразен,
хоть внешность - шелуха!
Порой наигранность и важность -
как выкрик петуха!..
... Сентябрь - и зябко тянет к крову,
к дымку рыбацкого костра,
где кто-то будет сеять слово
в меня, до самого утра.
И это слово прорастая,
с лучами на заре,
подскажет: жизнь вся - непростая?!
Не сказка в букваре!

В Зимнем Дворце

Люблю Ленинград...
Снова в Зимнем...
В палатах дворцовых - блеск!..
...А в памяти неустойчивой:
штурм площади... дым до небес...
И слышу воочию голос:
«А ну, кто здесь
временный, слазь!..»
Скольжу по паркетам голым
и чувствую прошлого власть.
Зал красный -
торжеств и приёмов...
Трон царский... одежда Петра...
И всполох с картины знакомой -
в ней отсвет октябрьский костра!..
- России великой история
навсегда здесь в письменах,
в картинах, в иконах Христовых
и в русских простых именах!

В Двадцать пять лет

А всё-таки, как там не говори,
а в человеке есть первооснова:
один не спит до утренней зари
и мучается, в стих вплетая слово.
Другой, себя и многих изведёт,
и речку повернет в лугах, как надо:
и рядом сад на поле зацветёт...
и свет зажжётся в переливах радуг!..
Я вспоминаю: школьный давний друг
был одарён, художничал в газете...
бывало в клубе нарисует вдруг
такой пейзаж -
красивей нет на свете...
На фортепьяно хорошо играл
и лучшим гитаристом слыл по школе...
и за «Спартак» ворота защищал
в хоккее...
- Ну, чего бы ещё более?
... Но поступив, не кончил институт...
уж не рисует... шайбу не гоняет...
гитару бросил...
И не любит труд,
и на работе днями изнывает.
Устроился конструктором в бюро,
(из цеха попросили за халатность)
и в перерыв, играя в домино,
хватив спиртного, начинает хвастать:
каким он был!.. каким он мог бы стать?
-Ну, а ему всего-то двадцать пять...

Хочу я сына приучить

Я в детстве не по-детски уставал,
и с пересохшим горлом
в ночь, бессильно
валился в темноте на сеновал....

В мертвецком сне
 качались звёзды синие...
Гудели руки, ноги...
Но с утра
мешки грузили с другом... И в полныни
манила снова дальняя верста -
везли зерно мы на быках ленивых.
В рассветном поле трактор бороздил,
над пахотою струйки пара вились...

 Мы сеяли. Мне - десять...тощим был.
 Не знаю, и откуда брались силы?
... Теперь, когда я редко устаю,
и сытно ем, в машине новой езжу,
проснувшись,
как-то пасмурно смотрю
на солнечный простор и ветер свежий
Жизнь не торопит, бедами не жжёт -
добро хоть сад,
в нём есть всегда работа...
встречаю и закаты и восход
в труде упорном...сладок запах пота!
Хочу к работе сына приучить,
Доказываю – но, другое время.
Как все, он любит сладко есть и пить,
а в труд до пота не желает верить.

ИЗ ТРЕЩИН ПРУТ ТОПОЛЯ!

Я иду по асфальтной дорожке
возле старых больших тополей,
и ступаю совсем осторожно -
под ногами былинки ветвей?!
Испытанье асфальта на прочность:
из трещин прут тополя!!
И на веточках завязь листочков
нежностью восхищает меня!
Корни всюду асфальт выгибают
и ростки, здесь и там, предо мной
панцирь копытами пробивают!..
- И шепчу я себе: «Будь такой!»

ЛИШЬ ПРОЕЗДОМ

Я стою в темноте у крыльца,
вспоминая забытые беды:
здесь мы ждали вестей от отца...
и встречали слезами Победу.
Я отсюда мальчишкой ушёл,
а сегодня всего лишь проездом...
Палисадник зарос и отцвёл...
и над крышей чужие созвездья...

* * *

Стайка птиц просвистела вверху
и сова вскрикнула над запрудой.
Ночь сырая. Стою на ветру
и лицо память давняя студит.
Выхожу за околицу в луг
и тропинкой иду к озеринке -

был здесь ток, как гончарный круг...
Молотили в войну по старинке.
... Кони крутят в поту карусель,
ну, а рядом, крылатая мельница -
закрываю глаза: дикий хмель
веется с крыши...
А мельник - сердится:
что мы лазим везде, пацаны
и мешаем и людям и коням...
- Было это в конце войны...
А ещё - похоронку я помню...

* * *

Навернулась На Сердце Тоска
по хлебам, золотеющим в полдень,
по прохладе лесной ветерка,
и по вёдрам, брусникою полным...
Мне берёза припомнилась вдруг,
в шрамах вся, с огрубевшей корою...
Там, где речки сверкал полукруг,
поднималась она над горою.
Каждый вечер в кроне её
несмолкаемый птичий гомон:
в каждом листике песня живёт...
в каждой веточке мир огромный.
И всегда, в ливень летний иль зной,
укрываясь под сенью берёзы,
слыша щебет иль ветра разбой,
становился я тише, серьёзней.
И приходит ко мне она в снах,
слышу я её вместо симфоний,
в тех, войной оглушенных годах.
И живую её, всегда помню.

НАЙТИ СЕБЯ

Я по-мальчишески мечтал:
в нетронutom цветe весеннем
найти тебя - свой идеал,
обожествлённый и нетленный.
Я думал о большой судьбе
и как таблицу умноженья,
зубрил приметы о тебе...
искал в других я отраженье!
О, сколько было встреч, разлук
и взглядов девичьих, прощальных,
исчезнувших в закатах дальних.
Но я не встретил твоих рук...
Теперь, то давнее тепло,
та робость, дрожь - невозвратимы..
Наверно, просто не везло
мне в чувствах тайных и интимных.
Я не постиг объятья рук -
единственных, неповторимых...
... Идут года...
А может, вдруг,
придѣшь ко мне ты
 сказкой зримой?!

СЕЯТЕЛИ

Люди строят дома и мосты,
засаждают безверье садами.
Там, где были вчера пустыри -
вырастают красивые здания.
Белокаменный город растёт!..
...Ну, а мне по душе - лес и поле,
речка, луг... Голубой небосвод!..
- Всё земное, большое раздолье!
Вновь шагаю с утра по росе,
когда солнышко только привстанет:
вижу трактор вдали на жнивье,
слышу звон с полевого стана...
Сеятели! -

несущие в мир
обновление вечной Природы,
пусть бедой не звенит вам эфир!..
Здравия, Вам!

Хорошей погоды!..

* * *

Лес грибной - моё давнее царство!
Две корзины полны - домой!..
... Пёс встречает лаем азартным,
в ноги тычется головой.
Рыжий кот на крыльце потянулся -
в два прыжка на забор - и исчез?!
Краснозобый петух встрепенулся
и наохлился сразу весь.
Проплыла по ограде тень коршуна...
Проскрипела телега вдали...
- Вышла мать и сказала, поморщившись:
«Духота, надо б грядки полить...»
Я сижу у крылечка на лавочке -
отпускник: не побрит, раздет...
И ногами босыми радуюсь
теплоте
детских радужных лет.

РЕКА ПАМЯТИ

Сверкнув над водою, рука
с набежавшей волной обнимается...
Деревья и облака
в сини речной отражаются.
А чайка низко пронесется
и радостно что-то кричит.
Солнцу поплавать так хочется -
и гладь отражает лучи!
... Ты из детства ко мне плывёшь
и теченьем тебя относит,
но меня ты не ждёшь -
обо мне ничего не спросишь.
На ресницах твоих и щеках
золотистые светятся искры,
Ты теперь появляешься в снах -
я люблю тебя больше жизни...
А чайка так низко пронесется
и радостно что-то кричит...

И солнцу поплавать хочется
и плещутся в волнах лучи!.

ЛИС МЫШКУЕТ

Искрит в снегах рассветный лог,
Слегка поскрипывают сани.
Заснеженный я вижу стог,
И вдруг в кустах мелькнуло пламя.
Вот различаю: уши, хвост –
То лис мышкует... Наблюдаю:
Лис дыбом встал, он как вопрос.
Вот прыгнул, вихрем снег взметая.
Вновь закружился и струной
В камыш метнулся, припадая.
Снег лапкой роет и спиной
Свет рыжий ярко излучает.

НЕЗАБВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Любовь прекрасно и мгновенна,
как свет зари, цвет василька!..
Весенней речкой, белопенной,
она летит, звенит - легка!
И в неоглядном половодье -
на заливной, зелёный луг
приходит с верой преисподней
забота, ласка женских рук!
... Медовый запах сенокоса:
рядки сгребли, сметали стог!..
И так - всегда...

И нет вопросов...
Любовь и труд - судьбы итог.
Пройдут года, взрослея, дети
подарят внуков старикам...
- Нет, незабвенна жизнь,
коль светит
из наших дней
иным векам!

* * *

А душе, вдруг,
тепла захотелось
Луг озябший, пустынный, поблекший
навевает осеннюю грусть.
Хлеб убрали - и дышится легче.
На опушке красуется груздь.
И стога ждут спокойно метели...
И последняя кружит листва...
... А душе, вдруг, тепла захотелось -
в ней твои отозвались слова.
Старинный запах по лесам:
грибной, густой, непобедимый...
Ау! Ау! – зов к небесам.
Спешу, отрадою томимый.
Там, на полях, среди кустов
мелькают свитера... В корзинах
темнеет срез боровиков
и с краснотою – подосиновик!..

И наклоняясь всякий раз
над бугорочком прелых листьев,
с особой теплотою глаз
ты груздь сырой с надеждой ищешь.

Раздвинув прелых листьев слой,
поднялся гриб и шляпкой светит.
Он, как солдатик, предо мной, –
и на опушке так заметен!

ГРИБНИЧОК (сказка)

Т.М.Белозерову

За деревнею Сосновка,
что красива и чиста,
даровые есть, грибные
заповедные места.
Меж подсолнечных полей
в роще тьма грибов, груздей...
Домовой там, грибничок
ждет, упрятавшись в пенек...
Тихо я бреду с корзиной:
вот обабок нахожу...
Белый гриб и подосиновик...
Вот в плотный лес вхожу.
Березняк – лишь листья, листья...
Шепчет мне мой грибничок:
Что спешишь, ты, оглянись же!..
– Ба, вот груздь, а вот – рядок!
Кучка к кучке, грядка к грядке –
(только листья приоткрыл),
словно бы играют в прятки?..
Кто любовно их растил?..
Уж полна моя корзина
и пора идти домой.
“Погоди”, – бубнит мне в спину
грибничок мой, домовый.
Что-то шепчет вновь, бормочет,
водит по лесу меня,
отпускать никак не хочет.
Чем ему по-нраву я ?

ВЫХОД ЗА ГРИБАМИ

Из низких тучек дождик моросит.
Берёзы потемнели, сник кустарник...
Лишь солнечной багряностью
сквозит
внизу под гривой, вымытый
татарник...

Вхожу в лесок – прёт сырость из
кустов,
текут ручьи из гнёзд вороньих,
с веток.
Вокруг мертво... Цвет прелого
листа,
недавно яркий, стал уже поблекшим.
И мутные, сплошные облака,
что стелятся волной над самым
лесом –
печалют взгляд...
В тиски берёт тоска...
Иду домой я, голову повесив.

* * *

За окном метельный ветер свищет,
в проводах тоскливое нытье!..
Захотелось мне, грустя, помыслить
и понять насущное, свое!
Вышел в поле...
Сумрачно и дико
волнами поземка вдаль скользит,
слышу храп коня, полозьев скрипы...
На лугу знакомый стог стоит.
Он - под шапкой снежной,
великаньей –
весь пропахший травами, теплом .
Грустное мое воспоминанье
об охоте, лете,
о былом!
Милое бродяжничество!..
Тайна
увяданья,
крики журавлей...
Что же вечно в жизни,
что случайно,
что же главное в судьбе моей?!
Я преподаватель,
я учитель –
дивное, святое ремесло!
Как мне быть сегодня,
подскажите,
если в душу снега намело?
Голод приближается, разруха, -
хватит ли терпенья,
наших сил
побороть нужду, собравшись с духом,
чтобы день счастливый наступил?

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ЛЕТНИЕ ЗОРИ, ЛЕСНОЙ ВЕТЕРОК

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел десятый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ЛЕТНИЕ ЗОРИ, ЛЕСНОЙ ВЕТЕРОК

ОДНА БЕРЁЗОВАЯ РОЩА...

Мне ветер волосы полощет
и я зарю обнять готов.
Одна берёзовая роща
качает тысячу листков...
Невесть откуда запах мяты
пахнул в лицо,
и я смотрю
в простор зеленый,
необъятный,
на эту светлую зарю!
Я гривой этою доволен
и с ней навек дружить готов -
одно волнующее поле
из тысяч спелых колосков!
Вмиг
коршун замер над поляной,
крыла сложил -
и камнем вниз!
Не уж то мир меня обманет
и в пропасть оборвется жизнь!
Вот затуманенное солнце
прорвалось из-за облаков -
один желтеющий подсолнух
сияет сотней лепестков!
Я,
набродившись вдосталь,
лугом
иду дорожкой травяной,
а солнце вверх скользит по кругу,
приподнимаясь над горой.
Светлеют в рощице деревья,
все тише шум моих шагов...
А вот и на бугре деревня,
а в ней всего-то пять дворов...

Мычит телок в рассветном поле
под крик веселый пастуха.
Березовый
безлистый колок
угрюм...
- Какой дурак пахал?
Нешадно будоража корни,
их резал плуг...
Стволы дрожат...
Себя клочком тем не прокормим,
земля не хочет хлеб рожать!
Гляжу со злостью я
и гневом:

- О, бедная моя земля,
под деревенским чистым небом
растерзанной лежишь,
пыля!
Лужайку, тропки запахали -
вокруг деревни пахота,
стал черным луг,
и меркнут дали...
От пыли,
гари - духота!
А где-то вместо ржи на гриве
трава растет, осот большой...
Зато с трибун кричит в надрыве:
«Дай целину!..» - мудрец иной.
О Родина моя родная,
доколе мужику тужить?
Ведь часто, святость попирая,
дурак лихой
мешает жить!

Мгла ещё зарёй не потревожена,
и в ночи ни крика, ни гудка...
Месяц -
словно белый конь
стреноженный,
и туман - теплее молока.
Мало мне полночной звездной тайны,
не хватает солнечного дня!
Кажется ничтожным и случайным
то, что сберегла жизнь для меня.
Часто посягаю на чужое,
а свое без боя отдаю...
Млечный Путь дорожкой золотою
светит мне у бездны на краю.
Месяца полночный свет
печальный
золотит остывшее жнивье...
- Где отгадка жизни,
в чем случайность,
что меня в конечном счете ждет?
Чую разобщенность,
отчужденность
между небом,
мною и землей...
Где же связь? -
И ночью я,
и денно
все ищу свой ключик золотой.

ЛИВЕНЬ

Невдалеке, над темным лесом,
ползут, сверкая и гремя -
большие тучи...

Ветки с треском
летят с берез. Пылит земля...
Гром ближе - ближе подступает,
и вот уже над головой,
большими каплями слетая,
закокал дождик удалой!
И следом - ливень!
По пшенице
пыль водяная, как волна,
гуляет... И колосьям снится
звон спелых зерен в бункерах.

РЕССИ

Помесь спаниели и дворняги,
странная собака...
Всё равно
обижать её ни в чём не надо –
а обидеть-то немудрено.
Ластится,
ползёт играть к детишкам,
за проходим радостно бежит...
Сын мой недоволен:
*«Это слишком...
Ведь достоинством
не дорожит...».*
Я же Ресси в том не упрекаю,
братъ на дачу всякий раз хочу,
там её я в озере купаю –
и к охоте, может, приучу.

МОЙ КРАЙ...

Да, я горжусь своей деревней:
я родом из красивых мест,
где в тихих зорях речка дремлет,
где луг цветёт, и хмель – в окрест...
Люблю по-детски, безотчётно
в росе высокие хлеба...
Люблю дроздов, синиц, чечёток...
Былин и сказок короба!
Моя Солдата с речкой Ошей -
заветная навек судьба,
и не моя вина, что брошенной
стоит, ссутулившись, изба!?.
Вернусь ли снова я в деревню-
не знаю: возраст... мало сил?..
Но где б я ни был, свято верю:
мой край, меня ты не забыл!

Мне приснилась далёкая юность:
ночь безликая, мёртвая тишь-
и такая слепящая лунность!..
И ты, прежняя, робко стоишь.
Полудетские, пухлые губы
шепчут тихо признанья свои...
Я степенный, насмешливый, грубый
повторяю слова в забыты.

Боже, что же она произносит,
проклиная и снова зовёт -
горделивая, нищенски просит -
унижённая, светло поёт...
И дома, как развалины, глухо
спят в ночи, постарев до бела...
Вдруг откуда-то вышла старуха
и, ругаясь, её прогнала.
И слепящая, мёртвая лунность
колыхнулась упругой волной!..
Чья-то странная, нежная юность
рассмеялась в тиши надо мной.

МГНОВЕНИЯ

Глубокие, грубые складки
с прищурами строгих глазниц...
В них слёзы сверкают украдкой -
как пули летят из бойниц!
Скрывают бездымные выстрелы
тайного в сердце врага,
ведь путь мой
в пол-жизни выстрадан,
и первые пали снега.
Виски белизной первой ранит
и часто теперь устаю,
в удаче отчаявшись, странно
я против себя восстаю.
Доколе, шепчу я, доколе
мои ожиданья удач?
- И всё ощутимее холод
с тоской,
от которой хоть плач.

Мать склонилась над кроваткой сына,
мрачная от страждущих ночей,
а ручки -то смертельно стынут,
то опять - железа горячей.
Их она берёт в свои ладони,
как неоперившихся птенцов.
Её сердце, замирает в стоне Сына -
пульс исчезнуть в них готов.
Коченеют... Но дыханьем грея,
согревает кровь у малыша...
Ночь сидит,
о прошлом не жалея,
годы своей жизни вороша.
Нет, ей ничего теперь не надо,
смысл всей жизни
здесь, на волоске...
... Жар спадает...
Боже - что за радость!
громче бьётся жилка на виске.

ТВОИ КАПРИЗЫ

Мелочные споры и обиды
прятал в глубине своей души.

Годы шли...
И вот теперь увидел:
выросли сомненья в этажи.
В них вместились тени подозрений,
недомолвки, что застили свет,
множество в них недоразумений,
от которых мне покоя нет
Ну, а ты день ото дня- капризной,
словно в сказке, где чудак-рыбак...
Просишь рыбку дать богатства жизни
и бранишься -

всё тебе не так!

Не курил, не пил -
дымлю безбожно,
на похмелье морщу лоб слегка...
- «Посудите сами: разве можно
жить хотеть - а счастья в полглотка?»
... Где-то загораешь там, на юге,
а у нас на улице – снега...
Я иду,
снежинки льнут друг к другу,
погружая в сети рыбака.

Мир опять расчленен на отдельные
странные звенья..

Потемнел небосклон,
наполняя просторы смятеньем.
Первый снег,
теплый снег
кружат белые хлопья...
Слышу ветра шального набег,
за рекой вдалеке
выстрел хлопнул!
Белизною омыт
горизонт полднейвой,
и стоит лес понурый,
безлистый.
Две синицы лишь рядом со мной,
слышу их невеселые свисты.
Это только ноябрь -
вся зима впереди,
шепчут губы беззвучно:
«Надейся и жди»

МЫ ВСЕ – СПОРТСМЕНЫ

Не часто ставятся рекорды,
и путь далек к звезде своей,
но принцип есть всеобщий,
твердый:
«Цени в соперниках друзей!..»
И потому на этом свете
мы спортом все увлечены:
учитель, налегке одетый,
на кросс бежит в рассвет весны!
У школы первоклашки стайкой
футболят...

Дед спешит рысцой...

На набережной беспрестанно
колышется поток живой!
Врач на балкон с гантелью вышел
(уж он-то должен быть здоров),
артист две гири сразу выжал –
теперь нет в цирке простаков!
Танцор и химик-теоретик
сразились в теннис –

над столом
ядром мелькает шарик светлый,
и пот со лба течет ручьем!
А академик седоватый
для крепости души своей
плывет водой голубоватой,
и взгляд от счастья –
голубей!

Мы все,
по своему, спортсмены.
Без суеты и лишних фраз
ведут нас по крутым ступеням
стальная воля,
верный глаз!

Мне некогда!
Мне некогда!

У всех один ответ.
А если покумекать –
найдем причину бед.
От жизни вы отстали
– все больше отстаете.
Давит вас усталость,
нет вдохновенья взлета!
Вы курите и пьете,
и любите диван...
Над СПОРТОМ вы смеетесь,
для вас СПОРТСМЕН – профан?!..
СПОРТ –
скорости сверх звука!..
СПОРТ –
сила, воля, честь!..

Кладу на сердце руку
и говорю, как есть:
«Вы не щадите сердце,
мощнее обороты –
единственное средство
покорить высоты!
Советует Амосов –
писатель, врач, спортсмен:
«Зарядка, лыжи, кроссы –
лекарство феномен!..».
«Кто с нами за здоровьем?»,
– звучит призыв планеты,
и молодеют кровью
бегущие атлеты!

И обгоняют время,
ступая смело в жизнь...
«Мне некогда!..» – не верю,
со СПОРТОМ подружись.

Мир прекрасен твоею мечтой!
Счастья самого трудного требуй,
каждый день, каждый час иди в бой!
Силой духа себя исповедуй,
но в заветной дали голубой
отыщи свое слово – ПОБЕДА!
Это сладкое слово – ПОБЕДА!
Если выпала в спорте судьба:
в буре тяжкой,
 под синью ли неба,
на чужбине ль –
 себя не щадя,
стань Отчизны любимой
 полпредом!
Как горька ни была бы борьба –
полюби,
 полюби навсегда
это трудное слово – ПОБЕДА!
Это гордое слово – ПОБЕДА!
Нескончаем победный путь!
Бесконечно движение к пределам –
в этом жизни манящая суть!
На вершинах,
 белеющих снегом,
боль сомнений
 и радость изведав,
сохрани,
 сбереги навсегда
это юное слово – ПОБЕДА!
Лучезарное слово – ПОБЕДА!

МАСТЕРА

*«Где кто родился,
там и пригодился»
(народная поговорка)*

Вечерки хороводные
и масляниц костры...
Рождества морозные –
вербы белый дым!
Ступа, пест да светец...
Жбан, в лагушке квас.
Народился месяц –
с урожаем Вас!
Из трепало льяного –
новенький шабур.
С балалайкой звонкой,
- добрый балагур.
В кружевах налечники,
флюгер – петушок...
А в глазах опричника
злостный огонек.

Ярмарка всевышняя:
из Китая шелк...
И глядит купчище
хитро в потолок.
Мастера былинные,
видеть нынче рад
без гвоздя единого
кружевной театр.
Скрипнут половицы
улиц дощаных -
а в моих ресницах
лики, Вас, земных!
Деревянных кружев
на домах не счесть.
- Кланяюсь Вам дружже,
Слава Вам и Честь!
Крепость неприступная,
в сини – купола...
В них наметки спутника,
штрихи корабля!
Над Тобольском плавают
громы и гудки...
Века стройка главная
пройдет здесь у реки.

МИРОВОЙ КРИЗИС

Вьёт следы в лесу дорожка
и выходит на поля.
Шаг за шагом - понемножку,
в край родимый привела.
- Здравствуй, просека сквозная!..
- Здравствуйте, в росе поля!..
Здесь горячая и злая
жизнь конючила меня.
Всё снесли: пожары, войны...
И теперь беду несём.
... В поле чистом, в поле вольном
утро плещется овсом

МОЙ ДОМ

Железные двери, кирпичные стены
окрасила белым морозная пыль...
Весь город уходит во тьму постепенно...
Мой край - я тебя вдалеке не забыл.
Я снова вернулся...
- Как долго я не был!?.
Вновь снежная дымка навстречу
плывёт...
Затянуто проседью низкое небо...
Вверху, в поднебесье гудит самолёт.

МОЁ ПРИИРТЫШЬЕ

Я - вдоль, поперёк исходил всю страну:
знаком с Ту-Юк-Су, Тебердою...
на Финском заливе лелеял волну...
и в Пушкино мчался с любовью...

ЗАЯЦ-БЕЛЯК

Месяц из-за тучки показался.
В небе хмуром – проблески зари.
Холодно в лесу и страшно зайцу –
шерсткой белой на снегу дрожит.
Ночь длинна для зайца-беляка,
он, вскочив, бежит вокруг леска.
Чу!.. Вот сбоку –
свежий след лисицы:
где она, среди каких кустов?..
И зайчишка прочь, подальше, мчится,
а за ним – следы больших прыжков.
Впереди плетни и огороды,
лай собак – и здесь не в первый раз
от лисиц защиту он находит...
Светят окна
в избах сотней глаз.

ЗИМНИЙ РЯМ

Прохладно и зелено
в мягком ряму...
Рой снежинок затея
с утра кутерьму:
меж верхушек скользит,
в ветках лепит снежки,
прячет алую клюкву под
снегом в тиши.
На заимку охотник
тропою спешит,
впереди его весело
лайка бежит.
Молодеет лицо старика, и глаза
заискрились от снега.
В ресницах – слеза
Вижу я: на реке – полынья,
над водой – облако воронья.

Завечерело... Меркнет свет.
Ввысь поднялась луна.
Её холодный резкий свет
струится из окна.
Лучи упали на кровать
и по полу скользят.
Свет начал стены освещать
мой оживляя взгляд.
И странно:
сон почти исчез,
я видел в полусне
цветы на стёклах., дивный лес...
- И профиль твой в окне!..

ЗИМНИЕ РАДОСТИ

Беру пешню, иду я к срубам,
где из колодца пар идет –
на стенках оседающая юбкой,
толстенный нарастает лед.

И только щелочка в колодце –
пешнею лед долблю, долблю...
И вот бадья о воду бьется,
тащу обратно, в ведра лью.
Вода со льдом...
о радость бабке -
на чай со льдом,
желанней нет!
Бегу играть
с друзьями в бабки.
– Где бита, кон?..
Бью – рикошет...

РОДНАЯ РЕКА

Смотрю я с обрыва –
до дна вся видна!
А струйка ключа холодна-холодна...
Мелькнет то гольян,
то карась золотой
и всплеск разбежится
веселой волной.
Ах, Оша родная, моя ты душа,
как в летушко красное ты хороша!?!..
Мальчишки, как свечки,
с обрыва летят,
ромашковый луг,
стайки желтых цыплят...
Течешь из Тениса в Иртыш, в океан,
лугами, полями –
и в дождь и в туман.

СЕНОКОСНЫЙ ИЮНЬ

Светлы вершины облаков
в июльских небесах.
Мне с каждым шагом нелегко –
“жиг-жиг” поет коса.
Алеют ягоды в траве,
со лба стекает пот.
Кузнечик сел на рукава,
стрекочет – мне поет!

В КАФЕ «ИРТЫШ»

Солнце зимнее жёлтою кошкой
скользит по прозрачному льду...
Как досадую на оплошность...
И зачем терпеливо так жду.
Может встать и уйти?..
За окошком
Иртыш расстилает свой лёд...
Да и ты - похожа на кошку,
что в подвале мышей стережёт.
Но ведь я-то тебе не мышонок,
и насквозь виден твой обман...
А вчера-то какой бесенёнок
затащил сюда?...
Был я пьян...
Сунул руку свою тебе в лапу...

И довольно, покончим на том...
Стало больше одной царапиной.....
Вот и твой силуэт за окном.

СИБИРСКАЯ ЗАКВАСКА

*Александр Хохову,
зав учебными мастерскими*

Размаха необъятного просторы:
березняки... медвежий лог... кедрач...
Здесь человек самой природе вторит
сноровкой, силой!..

И душой - горяч!..

Таков характер! -
крепь и мощь - с истока,
от смелого простого мужика,
что презирая стрелы, страхи рока,
плыл Иртышом в дружине Ермака!..
И с топором без скоб, гвоздей, навесов
построил избы, словно терема!..
... Смотрю вокруг сегодня я невесело:
везде разбой, разруха,

- бедность, тьма?!

Но вижу взгляды честные, прямые
сибирского умельца-мужика...

Он пашет, жнёт...
куёт листы стальные.

И строит дом...

И в цехе - у станка..

- Не пропадёт он
при любых невзгодах -
в нём удаль, корни русского народа.

В траве высокой и густой
поёт пчела о тёплом лете...
Плывёт малиновый настой
в сиреневом рассвете.
- О чём же плачешь птичка, ты?..
Гнезда я не затрону,
птенцам желаю подрасти -
взлететь в простор зелёный.
Я сам, как маленький птенец,
- голодный, босоногий...
И с фронта не придёт отец,
не стукнет у порога...
Листва над самой головой
лепечет...
Плачет птичка...
Я, конопатый и смешной
вхожу в лес земляничный!

Как стадо,
разбрелись вдаль облака
на догорающем
вечернем небосклоне...
За речкой,
в темной гуще лозняка,
в болоте топком
выпь ночная стонет.
Иду с ружьем тропинкой луговой,
густой туман
белесой пеленою
встает,
волною катит над травой
и лижется,
как верный пес,
со мною!..

И неохота снять ружье с плеча,
я провожаю взглядом уток стаю -
иду я просто вечер повстречать
и потому сегодня
не стреляю.

Последний ветерок в листве утих,
все замерло,
лишь выпь неугомонна.
Природа входит в душу,
словно стих,
и мучает тревогою бессонной.
И нет покоя мне,
и не пойму -
чего еще теперь от жизни надо?!..
- Иду, как в юность,
в белую волну,
и льнет к щеке желанная прохлада.

МАЙСКАЯ ГРОЗА

Дождь бил в лицо в порывах ветра...
С небес катился грозный гул...
Я с края рощи встал под ветви -
день майский в сумрак потонул.
Прошли минуты...
Ливень схлынул,
скатились тучи за леса...
До блеска рощу дождик вымыл,
и капли с листиков висят.
Вмиг солнце брызнуло лучами,
зацвёл и заискрился простор!..
Очнулись птицы, закричали -
и в грудь мою вошёл восторг!..

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ЖЕНСКОЕ ОЧАРОВАНИЕ, СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел одиннадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ЖЕНСКОЕ ОЧАРОВАНИЕ, СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ

Брожу ли тихими садами,
иду ли шумной мостовой,
над улицей, над площадями -
повсюду слышу голос твой!
Я различаю на мгновенье
его взволнованный призыв.
Он для меня - и птичье пенье,
и почек сладостный разрыв.
Он в шуме ветра над садами
и в шелесте безмолвных трав...
Его хотел забыть с годами,
но как жестоко был не прав.
Себя пытая и ломая,
хотел постигнуть высоту...
Теперь ушедшее прашая,
я ощущаю пустоту.
К чему раскаянье и жалость,
от той возвышенной мечты
одно тщеславие осталось...
А ты? – вернёшься ль снова, ты!?

АКТРИСА

Была изысканно-небрежной,
вся утончённость и порыв:
то - строгий взгляд,
то томно-нежный,
то, вдруг, страстей сокрытых взрыв!
Блистали в ней, кристально юной,
доверчивость и простота,
Любовь граничила с безумием
где преломлялась чистота!
Красавицею не слыла,
но перед выходом на сцену,
преображаясь постепенно -
принцессой на подмостки шла.
Жила мечтой, чудес хотела
и в тайне верила в звезду.
И вот влюбилась в самом деле
в каком-то радостном бреде.
... Он лётчик был. Порой во сне
к нему тянулись её губы.
Он старше был почти вдвойне,
и не боялась, что погубит
свою карьеру, даже жизнь...
Он часто стал ей с небом сниться
и чувства смутные слились в крови,
забыв стыда границы!
Но не хотел он обладать
до срока нежностью святою
и только мог любовь читать
в глазах, с девичьей чистотою.

И вот вчера, в вечерний час
ей сердце предложил и руку.
Она в ответ:

*« Люблю я Вас,
а вместе быть - такая скука
Представьте, вот мы поклялись...
года пройдут, погаснут чувства -
об этом даже думать грустно... »*
...Она шутила и смеялась,
и ей признаний было мало.
А он, впервые презирая
себя и девичий каприз,
обидой горькой задыхаясь,
тянул штурвал упрямо в высь...
...Алело небо, полыхало!!
(Ах, как в любовь она сыграла
впервые собственную жизнь.)

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЕБЕ

Небо бездонное, синее
с колечками белого дыма
осеняет меня твоим именем
и детством неповторимым!..
...Лежу я, раскинувши руки,
и вижу в той сини тебя -
а память настойчиво крутит
картины -

и дни в них трубят!
Озёра глазами рассветными,
твоими- встречали меня,
лепетали ласточки в ветках,
перепёлки кричали в полях.
Я бродил по росе нетронутой,
по щемящей, большой тишине,
представляя тебя недотрогою -
улыбающейся только мне!
Рвал цветы полевые - разящие
свежестью, ароматом таким,
чем не пахнут розы изящные-
запах схож их с дыханьем твоим!..
... Да, давно я

в краях этих не был-
столько лет не лежал так в траве?»
Саранки зелёный стебель
завис над лицом в синеве.
Нежен он и лучист,

и не прочен...
Ах, к чему вспоминать это впрочем?
- То, что в дни те меня восхищало,
ты с другими, поздней, осмеяла...

ВСЁ - ПОТОМ, ПОТОМ

Невзгоды, боль пришли потом...
- Вначале,
над вечеряющим прудом
слова твои звучали.

Слова надежды и любви,
и светлой веры...
И этот свет мне озарил
день предосенний, серый.
Расплата, боли – всё потом...
- Вначале,
под небом чистым, голубом
мечта нас обвенчала!
Звенела тоненько звезда,
скатившись в травы...
И верил я, что навсегда
одна ты мне по нраву!
Но время шло...
 а что потом?..
- Вначале,
гонимы робостью, стыдом,
с тобой прощались...
Прощались, утро не дождав,
 без поцелуя...
О, как в тот час я был не прав,
разлуке повинуюсь...
С разлукой той вся жизнь потом
меж нас поизмельчала...
И хлещет дождь в лицо кнутом,
сковали льды причалы.
Потом снег белый без конца
и злобный ветер -
но больше твоего лица
нигде не встретил!..
- О, сколько всякого потом?
Забыл начало...
Ночная птица над прудом
в насмешку прокричала...
Я, как больной, брожу в лесу
и звёзды,
слезами катят по лицу -
 но поздно!
И тишина поёт: потом!..
- И нет начала,
где нас с тобою над прудом
 звезда венчала?!

Я В ОТПУСК ЕЗЖУ...

Вас не узнаешь,
 вы так располнели,
у вас уж двое милых пацанят...
Да, незаметно годы пролетели.
От той девчонки -
 только синий взгляд.
А Тюкалинск? -
он зелен, добр как прежде.
Лишь обмелело озеро чуть-чуть.
... Сюда я в отпуск снова к дядькам езжу,
и вот опять наш пересёкся путь.
Смущаюсь: «Здравствуй!..»,
и - ни слова ...

Я погружаюсь в воду и плыву...
А надо мной стрижи букашек ловят
и чайки уплывают в синеву.
Припоминаю,
 всё так раньше было:
у острова камыш, утиный крик...
но сердце тяжело тогда не билось
и от воды я, кажется, отвык.
Сам пополнил - не та уже фигура.
Устал, и на спине плыву назад.
От солнца яркого глаза прищурив,
припоминаю твой девичий взгляд.

ЖИЗНЬ НАУЧИЛА

Нет, не смешно: жизнь научила
тебя ругаться, даже лгать...
А ты была скромна на диво -
не знаю,
что осталось ждать?!
Пожалуй что-то просмотрели
и нежности не сберегли,
завязли в дрызгах, постарели -
и прозу жизни не учли.
И с каждым днём дышать труднее:
«что есть и пить?» -
с утра твердишь...
И в очередь не к Мавзолею,
а в магазин полдня стоишь.
Не думал я, что будет горше,
когда смеялся: «Проживём!»...
- Ведь помогали Чили, Польше...
Теперь и сам с чужим пайком.

Вы, Елена Мироновна,
под зелёными кронами
лета хмельного с кисточкой,
 с красотой
забубённою,
говорите так длинно,
 так наивно знакомо
обо всём без разбора

до угарного звона.
Говорите слащаво, словно древняя пава,
удручающе нудный слышу напев:
Бесконечно беспечная, но живая отравка
не замужних, нетронутых
 с чёрной родинкой дев!?
Правильная до скуки, и до рвоты аж
пресная,
жизнь сквозит из речей,
 глуповатых насквозь.
Верно с бабой Ягою
 вы - сестрёночка крестная,
может с ведьмой, с клюкой
 Вам летать довелось?..

Вы, Елена Мироновна, под зелёными
кронами
разноцветного, в крапинку, лета
хмельного
стих читаете, будто,
вы кого-то хороните,
Словно машет мне крыльями
деревянная мельница...

МЕДОВАЯ ЗАРЯ

Налетел рассветный ветер -
лес проснулся, зашумел -
и листочком каждым с веток
о своей красе запел.
Встрепенулись разом птицы,
зазвенели голоса...
Чую запах медуницы...
Как слеза, в цветке - роса!
В шумном хоре пробужденья,
я иду с косой в луга.
Расцвела на загляденье
зорьки радужной дуга!

НА ОСЕННЕЙ ОХОТЕ

Стёкла окон запотели,
а за ними - осень, мгла.
Лучше стога - нет постели,
но нельзя нам без тепла.
Промочил дождь, исхлестали
леденящие ветра...
...Закрывает бабка ставни,
словно очи до утра.
Старичок слезает с печки,
ноги в валенки суёт...
Как всегда он рад нашей встречи -
извиняться не даёт...
Раздеваемся... вздыхаем
запах хлеба, молока.
Бабка стол нам наставляет
под рассказы старика.
Фото на стене... Божница...
рушники... в углу - сундук...
Самовар пыхтит... Стучится
память в сердце:
стук да стук!

МОЯ ОТРАДА

Много раз в далёкой стороне
по Сибири в душевных снах томился,
скирдам золотистым на стерне
я тайком в полночный час молился.
Мир лесов дремучих и ролей,
луговое майское цветенье
с грустным клином в небе журавлей
вот моя отрада и спасенье!

МОЖЕТ БЫТЬ?

Уходя, в полях останусь,
растворюсь в них, как в раю...
Утром из тумана встану
и откликнусь журавлю...
Или на лесной опушке
васильком на вас взгляну...
Может голосом кукушки
о годах вам намекну...
- Ну, а может в час ночной -
посвечу с небес звездой!

НА ПОГОСТЕ

Островок берёзовый за тыном,
в нем- оградки, холмики, кресты...
Чьи сердца замолкли здесь, остыли?..
Звёзды чьи сорвались с высоты?!
... Осторожно обхожу могилы -
в чёрных рамках - ряд знакомых лиц?!
Как они земную жизнь любили:
солнце, поле, небо, стаи птиц?!
... Островок берёзовый у речки -
на могилах травы и цветы...
- Мне листва над головою шепчет:
«Мир прекрасен,
но не вечен ты...»

МАЙСКАЯ СИНЬ

Вечер ранней синью нежит-
лес заречный синим стал...
Фиолетовый подснежник
синим цветом засиял...
Враз покрылись лёгкой синью
луг раздольный, синь-река...
В облаках просветы линий
слились в контур василька.
Вечер майский синий-синий
горизонт и небо вымыл...

УТРЕННИЙ ВЕТЕРОК

Меж зелёных рощиц,
с влажною листвою,
ветерок колышит
сумрак полевой...
Хлебные поляны
гривам расчесал,
и пахнув дурманом,
скрылся в краснотал...
В травах серебристых
перепёлок крик...
В небе нежно-чистом
солнце кажется лик!

В РОДНОЙ ИЗБЕ

В окне мелькнули сараюшки...
И вот «жигуль» мой во дворе...

Вхожу: горшки и кот у вьюшки
- всё, как в мальчишеской поре...
«... Маманя, здравствуй,
как здоровье?..»

Спешит подняться со скамьи,
в глазах - слеза:

«Ах, ты ли, кровный...»

а я всё жду -

где вы сынки?!..»

... Обнялись...

Слабыми руками

всё гладит по моим щекам...

В углу- иконы с рушниками,

по стенам фото, здесь и там...

Столетний, выцветший динамик

картавит что-то о стране...

Часы старинные -

их маятник

стучит: «Тик-так...»

из детства мне...

МУКСУН

Рыба, знатная в Сибири -

крупный, обский наш муксун...

Нагуляв побольше жиру,

в дельту прёт, и следом - вьюн.

В море, в леденистых волнах

рыбьим косякам привольно!

МНЕ ГОВОРЯТ...

Толдычит кто-то мне: «осталось

пожить не годы - может, дни»...

Опять тяжёлая усталость

на плечи давит:

«ляг, замри!»...

Но сердцу хочется простора

полей, лесного ветерка -

где ночью вспыхивает порох

ветвей, в объятых костерка!

На зорьке по росистым тропам

спешу на ток к тетеревам.

Тропинка крутит влево, вправо...

Кукушка счёт ведёт годам.

А голова, хмелея, кругом?!

Обнялись небо и земля!..

И отступают все недуги -

цветёт, как луг,

душа моя.

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Читатель, в общей массе, обыватель -

строчи ему порнуху, дедиктив...

Ты - эстрасенс ему, рекламодабель...

Побольше красок, секса, тайных див...

Зови в субтропики, там рай в саванах!

Ах, пляжи на Канарских островах?

Читатель - простофиля, как ни странно

порою любит плавать в облаках.

Ведь у него в кармане моль-прореха,

и хлеба не на что подчас купить.

Он рвётся мысленно в Париж поехать,

с Мадонной по Бродвею покутить...

ЧУШЬ ПОРЮ

А.С. Подшивалову

Морозный молот глухо бьёт

по наковальне площадей.

Гудками вспорот небосвод

и иней на бровях людей...

Я притворяюсь: чушь порю,

киваю бодро, жму ладонь...

Но в ночь вину свою несусь,

не сплю, а сердце жжёт огонь!

Я не сумел, не защитил

Больного, слабого тебя...

Трусливо день ещё прожил -

как гром, виски трубят...

МАЙ 1944 ГОДА

Там пахнут клевером поляны

и пчёлы бойкие поют

на ухо, что счастливым стану,

отца на фронте не убьют...

Отца в тот год в дали убили.

Пацан, я вырос, сильным стал...

С тех пор душа не полюбила

края чужие, где бывал.

В тот год на поле, по тропинке

я приходил весной не раз,

искал в стерне, как золотишки,

те зёрна, что спасали нас.

Те зёрна нёс домой на кашу -

в чугушке, затхлые они,

недолго прели...

Лица наши

светлели в горестные дни.

Мне не забыть, как в май пахали:

Бурёнка - плуг,

за плугом - мать...

И сколько б весен не встречали -

мне только это вспоминать!

ПОСЛЕ ИНФАРКТА

Медленно иду, мне торопиться

не советуют теперь врачи...

Из-под ног, стремглав,

взлетает птица -

перепел!

И малой точкой мчит.

Вздрогнув, сердце тихо замирает...

Сняв ботинки, тропкой, босиком

я бреду родным привольным краем.

Каждый кустик на пути знаком!

Под обрывом ключ звенит прохладой,

вниз спускаюсь, кланяюсь ему...

Пью - и на губах моих услада!
И в груди свет вытесняет тьму!..

НАРОДНАЯ ТРИБУНА

Малотиражки, райгазеты -
какой многоголосый хор
простых людей не о планете,
а про завод, крестьянский двор.
В статьях всёвидящих спецкоров
о зле, добре и о семье
нет ни прикрас, ни наговоров.
Они, здесь рядом, на скамье!
Их вздох о жатве и надоях,
о махинациях в селпо,
заветной думы часто стоят.
Не опровергнет их никто.
А в общем местная трибуна
желает людям лишь добра!
И для сельчан Тургенев, Бунин
откроют свет из-под пера!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Дождь бил в лицо в порывах ветра...
С небес катился грозный гул...
Я с края рощи встал под ветви –
день майский в сумрак потонул.
Прошли минуты...
Ливень схлынул,
скатились тучи за леса...
До блеска рощу дождик вымыл,
и капли с листиков висят.
Вмиг солнце брызнуло лучами,
зацвёл и заискрился простор!..
Очнулись птицы, закричали –
и в грудь мою вошёл восторг!.

МОРОЗ СКОВАЛ ОГРОМНЫЙ ПЛЕС,

повмерзли лодки в няшу,
и ветер первый снег разнес
над лугом полинявшим.
Шуга шуршит на Иртыше,
льдом старица мерцает...
Вот и лисица в камыше
подранков подбирает.
Виляя огненным хвостом,
ползет она к закрайкам...
А ворон хрипло над леском
по-зимнему закаркал.
Метель взмахнула рукавом,
снежинки в воздухе развеяв...
В лесу заснеженном, пустом
мне в каждой иве мнится фея.
Мороз серчает и трещит...
Под утро вызвездило небо...
И первый санный след лучист,
в нем теплота сквозит под
снегом.

По полю к стогу след бежит,
где снегирями куст искрит...

НА РЕЧНОМ ВОКЗАЛЕ

За окном догорает заря,
погружаясь в холодный Иртыш...
Откровенен вечерний наряд,
взглядом цепким за залом следишь.
Как сова, за добычей ночной,
устремляешь глаза к пьяным лицам.
...Рюмка выпита...
Вялой рукой
ковыряешь остывший шницель.
Бледность щёк...
худоба ...
синь у глаз -
а в зрачках серый пепел пожара...
Вспоминаешь ли первый свой вальс
и мальчишку, к которому жалась?!
Или не было вальса, ребят-
сразу пьяные ночи, мужчины...
А такие, как ты, нарасхват -
как же было? Какие причины?
Как, когда потеряла свой стыд
и бездумно могла оступиться?!
... Догорела заря, Иртыш спит...
В длинных пальцах окурков дымится...

В полночном небе фонари
как шаровые молнии
светили в улицы, дворы
неоновыми волнами.
На площади, утратив стыд,
хмельная и бесстыдная,
Одна из жалких Афродит
упрашивала милого.
Встав на колени перед ним,
тянула руки к небу,
с мольбою страстною к святым
- зывала, что-то требуя...
Он отвернулся и ушёл...
Она изнемогая,
склонила голову в подол
в рыданиях затихая.
А полночь, звёзды раскалив,
летела в чудном блеске.
Был город празднично красив,
и ликовал под песни...

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ

Хочу свой трудный век дожить,
служа ему талантом...
В стране натруженной мне быть -
хозяином,
не квартирантом.

Природу вечную любя,
ей отдавал всю душу,
она мне - радость, боль, судьба...
Мне сказки её слушать!
В ней - первозданность бытия.
Озёр и рек излуки
во мне - навек, и верю я:
они - наследство внукам!
Хотел бы я в последний раз,
презрев лекарств отраву,
прилечь в лугах в вечерний час,
обняв цветы и травы!!.

СВОЙ ГОЛОС

Искру божью берегите, люди,
от сглаза, злобной клеветы...
Даже на горбатинах верблюда
есть следы особой красоты!
Попусту Природу не транжирьте,
цвет осенний поздний, золотой -
берегите!..

И в угоду жизни
не расстаньтесь со своей мечтой!
Белый лист бумаги изначально
просит душу всю, как есть, излить.
Только в хоре словосочетаний
нелегко свой голос сохранить...

ИСКУССТВО

Сколько их,
душой не разуверившись,
по заветной, тайной старине,
ходят одиноко и потерянно
от столичной моды в стороне.
Музыканты, барды и художники...
мечутся меж небом и Москвой!..
Кто вы? Гайки, винтики, колёсики?!
Где ваш путь единственный, святой?
Отыщите точку приложения
сил своих, и свой волшебный дар
воплотите искрой вдохновения -
чтоб зажечь в людских сердцах пожар!..
В ярких красках дня,
в ночном свечении,
в смене быстрых вёсен, долгих зим
есть природы вечной сотворения -
подарите их мечтам земным!

Блестит жнивье...пустое поле,
В лугах туманы залегли...
Какие силы, радость, боли
в душе мне веру сберегли?!
Над речкой - ива, клекот птицы...
Ромашка сникла на меже...
- Неужто это всё приснится
на том, последнем рубеже?
Я не печалюсь и не плачу
под этот сиротливый дождь...
Бреду с двустволкой наудачу,
а в сердце льдинкой тает дрожь.

Шагаю лесом поредевшим
осенней ночью при луне,
и в свете призрачном, нездешним
свой голос слышу в тишине:
«Зачем спешить, мечтой терзаться
и мучится бредовым сном?
В тени не лучше ль оставаться,
оставив славу на потом?..»
И понимаю с укоризной:
«Нам Родина была и - есть?..
Уйти чужими из Отчизны-
нельзя...
А крест и боль на тризне
Прими - мы временные здесь...».

Играет злую шутку жизнь
с тобою и страной:
то - с ваучером подружись,
то - принимай разбой.
Да, «перестройка» - как ярмо
на шее - «Твою мать!..»
И всплыло всякое дерьмо,
властям же - наплевать.
Проклятия стучат в висок,
а нечесть прёт и прёт...
Хватает пожирней кусок,
а честный - рядом мрёт.

ИЗБУШКА В ЛЕСУ

Над речкой в тишине ночной
стоит избушка. Рядом – роща.
Дымок играет над трубой...
Сорока в веточках хлопочет...
В избе светло... В лесу – темно...
На снег легли полоски тени.
Пробрался зайчик на гумно,
скулит собака в темных сеньях.
Бесстрашный зайчик –
скок да скок...
Тетерева спят на поляне...
На кухне возится телок...
Меня сон в детство манит.

ЗА ГРИБАМИ

Из низких тучек нудно моросит...
Берёзы потемнели, сник кустарник...
Лишь солнечной багряностью сквозит
внизу под гривой,
вымытый татарник...
Вхожу в лесок -
прёт сырость из куста,
Грибов не видно,
спрятал видно леший...
Вокруг мертво.
Цвет прелого листа,
недавно яркий,
стал уже поблекшим.

И облака, вдаль за собой маня,
Плывут волной
над самой кромкой леса.
Пуста корзина.
В ней грибов - нима.
Бреду домой я, голову повесив.

МИНОГИ

Рыба - миноги?!.
Знают немногое
о ней, знатные рыбаки.
Она- невидимка, её дорога
из Туры в Иртыш, до Оби...
Я тоже, немножко, рыбак -
но её не поймаю никак.

Мыс

Плыли мы по Иртышу
по течению, вниз.
У посёлка Артышу
повстречался мыс?
... Полуостров, пляж песчаный -
был безлюдным и печальным.

ИДУ Я ЗА ВОДОЙ

Дождь с ночи тарабанит
и лужи во дворе.
Амбар, саман и баня
сверкают в янтаре.
В обед чуть посветлело –
пошёл я за водой.
Мне до дождя нет дела:
укрыт я с головой.
На мне плащ с капюшоном,
в болотных сапогах...
И лужицы со звоном
вверх плещутся:
«Ох!.. Ах!»

ИХ НЕТ ЧЕРНЕЙ

На свежескошенной поляне
грачиный, радостный галдѣж...
Шумит застолье...
Чёрный глянец
на крыльях вызывает дрожь.
Ступая важно, кособочась-
клюют кузнечиков, червей...
Взлетают стаей вдоль обочин,
как призраки - их нет черней!

РОЖДАЮ ЛУЧИК

Источник радости - я сам.
И сам источник света...
Пройдусь по льдистым берегам
осеннего рассвета.

Пусть резок ветер, морок пусть
и дымкой даль затмило,
а в сердце - нежность, радость, грусть...
Мне всё в округе мило.
И этот голый березняк,
загон с избой у речки...
И шелест вербы - добрый знак
над маминым крылечком.

И чем ненастней в осень день,
и непроглядней тучи -
превозмогая тлен и темь,
в душе рождаю лучик.
Он раздвигает серый дождь,
в лесу тропинкой светит.
Мне с ним понятней веток дрожь
с воспоминаньем лета...

ИНЕЙ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен,
в нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.
Вдоль тропинки в травах - блѣстки,
освежают новизной...
На опушке две берѣзки
всех смущают наготой.
А у ивы в ветках - пух!?!
- расцвели под снег серѣжки!..
Слышит вьюгу осторожный,
напрягающий мой слух...

ИСТРЕБЛЕНИЕ РЕПТИЛИЙ

Феи сказок модных - змеи,
ящерицы, черепахи...
Ваши норки, не жалея,
люди нынче плугом пашут.
Бьют вас палками... Собаки
рвут на части... С каждым днём
вас всё меньше. Мир - не ласков,
не найти вас «...днём с огнём...».
...Пресмыкающие, вы -
не поднять вам головы.

ИЗБА НАША

И вот за увалом деревня
открылась... Я всё узнаю...
Домишки на солнышке дремлют,
Разлив - до колен воробью.
Ах, речка любимая, Оша -
совсем превратилась в ручей!?
Ловлю я гусѣнка в ладоши:
«А ну, желторотый, ты чей?..»
Спешу по над речкой ...
В сторонке
свалилась в полынь городьба...

Кровь ёкает под селезёнкой,
а пульс у виска, как пальба!
Родник бьёт струёй из-под кручи -
жи-ви-тель-ная вода!...
... Избы нашей окна - все в лучиках...
Точь в точь, как в былые года.

ИЗМОРОЗЬ

Выбелила изморозь
ветки, провода...
Мне знакома издавна
эта красота.
Снежный лес сверкает
пышной бахромой,
иней рассыпая
пухом предо мной.

ИСТОК

Да, начало у реки -
с малого ручья...
В небе звёзды далеки-
им сестрой - земля.
Моё детство - ручеёк,
связанный с морями...
Знаю дом свой и шесток -
с тропкой за дверями.
Та, тропинка - мой исток
жизненной дороги.
Посмотреть весь мир я смог -
радость знал, тревоги...
Знал я счастье и любовь -
чтил всегда родную кровь!!

ИЩУ ОТВЕТ

Вокруг леска чернеет борозда,
широкая, на всю поляну...
... Я за клубникой вновь пришёл сюда,
но всё переменялось как-то странно.
Нет ягодника, белых нет цветов -
растёт сорняк да тощие травинки.
Прошли палы весною- из кустов
обугленные видятся тычинки.
И словно шрам, темнеет борозда...
Не слышно птиц - видать, сгорели гнёзда...
Какая драма, что же за беда
случилась здесь?..
- Найти ответ не просто.

У РЕКИ

Испепеляющий закат...
сiju я у реки.
Под плеск волны, грачиный гвалт
мой раздумья так легки!
Припомнил юность: ледостав...
смех девичий... весло...
Звучали дивные слова -
куда их время унесло?

... Свинцово светится залив
за кромкой камыша.
- О чём спросить у голых ив
пытаешься, душа?!

Из крайности в крайность
вгоняешь себя,
по мелочи ссоры заводишь,
Меня норовишь всё обидеть, грубя...
И что в этой жизни находишь?
Не любишь ты, если смеётся другой,
не любишь ты счастья чужого...
О, как тяжело иногда быть с тобой,
врагу не желал бы такого.
А я всё терплю...
Тридцать лет долгих жду:
а может, изменишь ты нравы?..
Но снова вот слышу презренье, вражду -
я вновь пред тобою неправый?!

И ПОЙМУ Я...

Жизнь, порою, нас конючит,
бьёт по лбу, пинает в зад.
Исчезает солнца лучик -
и, тогда, себе не рад.
Если грусть в меня заглянет,
изомнёт без сна постель -
утром я уйду к полянам,
где в ночи пел коростель.
Упаду в левкой, ромашки -
обниму цветочный свет...
Пчёлы, яркие букашки
принесут мне свой привет.
Посвежев, смотреть я стану
в голубую неба высь...
И пойму здесь, на поляне
по-иному слово «Жизнь»

И Я - ОДИН....

Ночь за окном, и снова я - один...
Куда пойти?
К кому бы постучаться?..
На ветках снег,
как прядь моих седин.
В холодном небе
роем звёзды мчатся.
А город - спит...
Дома глухи, темны.
Я в комнате своей
свет не включаю,
и потому через окно видны года,
где лица многих различаю.
Они выходят, словно на парад -
ещё живые, близкие, с улыбкой...
Тот - юный, этот - стар...
Как маскарад
в неверном звёздном свете,
полузыбком.

НА ДУШЕ - ПОКОЙ

Вокруг крылечка - лужи...
С крыши - дождь...
Не выглянуть, не выйти за порожек.
И сумрачно в избе...
А ты всё ждёшь,
отодвигая шторы незаметно.
Напрасно...
Дождик мелкий, обложной-
Стучит - стучит...
Уж где-то осень рядом.
И странно: на душе такой покой!..
И думать, думать в тишине отрадно.
... А дождь ворчит, лепечет и поёт -
и, вроде, нет ни дел, и ни забот.

ИЗЛУЧИНА

В воде играют солнца лучики,
бежит река за поворот.
Полуколемом искрит излучина,
в ней остров с ивами встаёт.

ИЗБА

В Сибири есть одна изба:
углы подгнили, покосились...
И всё равно мне так близка
Она - мой дом, моя Россия!
В глухих местах стоит изба,
в деревне той - Старосолдатке,
оттуда повела судьба
в мой путь заветный и не гладкий.
Теперь на пятом этаже
живу, где газ и телевизор...
И всё ж изба жива в душе -
ночами зимними я вижу:
Как холодал в ней... голодал...
мужал... как подрастали крылья...
И пусть красивы города -
мне мир иной в полях открылся.
Когда смотрю я на жнивье
под крик прощальный, журавлиный -
не мыслю космос без неё,
не представляю край любимый!

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

В сумерках поздних струится река,
паром негреющим дышит...
Ты мне напрасно судьбу предрекал
- время иное нам пишет.
Здесь, над обрывом, в густой тишине
щелкают перепелята...
вот отдалённо сигнал прозвенел ...
скачут вдали жеребята.
Мчатся игривые на водопой,
пыль над дорожкой клубится...
Вновь на рыбалке - но я здесь - чужой...
Прошлому не возвратиться!

И ГЛЯЖУ НА ЖНИВЬЁ Я С ОТРАДОЙ...

На душе моей - чаще тревога
за нескладный, обманчивый уть...
Пусть моя оборвётся дорога,
и оплачет осенняя грусть...
Я - пожил!.. Исходил мест немало,
целовал и уста...и цветы...
Годы копят седины, усталость -
только в сердце рассветы чисты.
И гляжу на жнивье я с отрадой,
на осенний закат золотой...
Вот и берег крутой...
Мне лишь надо
поделиться тревогой с рекой.

ИЮЛЬСКОЕ ПОЛЕ

Пыль... Прогоркшая трава...
Солнце жарит вволю.
Рощиц тихих острова
разбрелись по полю.
На берёзках жухнет лист...
Нудное жужжанье комарья...
Лишь птичий свист
тешит мирозданье.

ИЗ КЛЕТИ ЖЕЛЕЗНОЙ...

Запах сладкий плывёт от леска...
Золотится июльский полдень...
Листья замерли - ни ветерка...
Собираю клубнику в ладонь я.
Я вернулся в родные края,
окунулся в лесное приволье -
как дикарь - из небытия,
как из клетки железной - на волю

ИЗ ОКНА «ЖИГУЛЕЙ»

Сны машут лесными крылами...
Тьма... Фея скользит меж ветвей...
А в сердце- как что-то украли.
В нём отзвук забытых страстей.
Бунтует...
Полночному звуку
шепчу нараспев: «Жив я, жив!..»
Гоню полудрёмную скуку,
стекло у машины открыв...
Свежо за окошком...И взглядом,
в провале глухой темноты,
хочу разглядеть где-то рядом
твои неземные черты.

ИСПЫТАНИЕ

Вихрь прикрыл небеса и просторы,
хлопья снега чисты и нежны -
как узоры за лёгкою шторой
у далёкой, но верной жены.

- Страхи, прочь!..
Прочь завесы и дымы!
Боль забыта, раскаянья - нет!
Я прощенья прошу у любимой
через сотни сомнений и бед!
Я на озере - диком, пустынном
зло ломаю предательский лёд...
И опять предо мною чуть зримый,
Мне - грозящий, судьбы поворот.
Оступись на мгновенье - и сразу
смертным холодом будешь сжат...
Я тобою давно наказан -
как, не знаю, вернуться назад!

ИГРА В ЛАПТУ

Лапоть...
лапотный...
лапта...
Древних лет созвучье!
...Над деревней заблестал
майский яркий лучик.
За оградой, на лугу,
на большой лужайке
с тряпочным мячом бегу
за дружком, что в майке.
Осалить его хочу, –
бац мячом – и мимо!
Друг лаптою бьет свечу,
мяч несется с силой.
Я его ловлю: «Ура!»
Смена – другу в поле...
Довоенная игра,
допотопная игра
на лужайке вволю!
Иногда теперь в быту
вспоминаю с грустью:
прятки,
городки,
лапту –
что любилося Русью.
Ведь играли испокон
на честном народе,
и звучало:
«Бита»...«Кон»...
«Пригород.»
«Кто водит?»

Слишком резко сейчас обозначились
переулки, подъезды домов...
С множеством неизвестных задачи
для уставших изрядно умов.
Тихий шелест за окнами, шепот,
и холодная низко заря.
... На какой чёрт мне старости опыт,
если гаснет сердечный заряд?!

Устаю безнадежно и часто-
против близких, родных восстаю.
Как не схожи понятия о счастье,
Догорю - раньше всех догорю!..
Тихий шелест за окнами, холод,
Отвернись - и пойдёт снегопад...
Успокаивать, что ещё молод,
не хочу -
гаснет в сердце заряд!

СМОГУ ЛИ ?

Сжигали в древность на кострах
за правду...

Ныне сами
себя сжигаем. До утра
во мне бушует пламя!
- Зачем терзаем мы себя,
испепеляем, мучаем?..
Зачем с самим собой борьба-
спокойней жить не лучше ли?!
... Рассвет окрасит в бледный свет
задумчивые крыши,
и станет день, как полубред -
и суетой задышит...
Смогу ли я облегчить день
кому-то хоть улыбкой?!
И злую отодвинуть тень...
Предотвратить ошибку?..
Смогу ли?..
«Быть или не быть?!»..
Вот почему ночами
за право полной мерой жить
во мне бушует пламя.

РАССВЕТ И ТЫ

Слышны, как сон, неясные шаги
в рассвете уже взорванном гудками...
Опять движеньем бережным руки,
открыла дверь мне с милыми глазами.
И улыбнулась. Села на кровать,
спросила:
«Как дела, ну, полуночник?..»
... А я ещё в краю густых метель,
где белый снег
и след мой этой строчкой.
А я ещё не в силах превозмочь
дыханье ветра, улыбаюсь слабо
тебе в ответ...
Но тает, тает ночь
в моих глазах. И этому ты рада...
- Рассвет и ты?!
Я ожидаю вас в глухой ночи -
мне не легко скитаться.
Какое это счастье?!
Каждый раз
вот сладко так твоей руки касаться!..

ЛЕТИШЬ, ПРОНЗАЯ СИНЬ

Стихи пишу я много лет,
редакторов не мучая,
и не ругаю белый свет
что не пробился в «лучшие».
Чего там в лучшие? - пока
поэт в своём лишь доме:
сам возношусь под облака,
ведь благо - мир огромен.
Я за признаньем не стою
как в очередь за хлебом,
и жаворонком песнь пою -
мне поля ширь да небо.
Лишь руки в стороны раскинь
на травах, глядя в небо:
летишь уже, пронзая синь,
туда - где сон да небыль!..
Летишь - мелькают города...
Летишь дорогой млечной,
как непонятная звезда
с названьем человечьим!
Петляют реки...
И снега,

летят под облаками...

- И жизнь до слёз мне дорога
вот этими стихами?!

В СЕРДЦЕ ТВОЁМ - ПУСТОТА

«Со своею дерьмовой поэзией...»
- так сказала тогда, уходя...
Вижу злобное, тонкое лезвие
ржавой горечи через года.
Сколько было предвзятостей грязных,
всяких бед...
Отшумели ветра!..
... Тёплый, тихий сентябрь -
словно праздник!..
За окном птичий щебет с утра.
Бабье лето?! - и в осень ненастную
проступает любви доброта...
- Нет, не ты, Василиса Прекрасная,
если в сердце твоём пустота.

СУПЕРМОДНИЦЫ

Нам многого не избежать-
есть парадокс капризной моды!
Ведь просто стали мы летать
гораздо выше и свободней.
Свобода, взлёт -
роднит не всех,
и девы второпях за жизнью,
как «курам на смех» -
(смех и грех),
себя под юношей подстригли.
Вот та - разделась догола
готовая из кожи вылезть...

Другая - тонкая юла,
ну, словно, макинаж на «вырост»...
А третья в брючках - «так и сяк»,
на каблучках, как на платформе,
ей выпить, закусить - «фур... жак».
А женственность то для профформы.
Понахватала с неба звёзд,
а в голове- лишь ветер свищет...
А если говорить в серьёз:
то в двадцать лет душою нищи.
Да, стали высоко летать,
со звёздами давно - на равных!
Но «звёзд земных» мне не понять:
у них, увы! - другие нравы...

ВСЮДУ ЗВЁЗДЫ

Смотрят чьи-то глаза нам в лицо:
Одни - поярче, другие - тусклее...
Тысячи звёзд над моим крыльцом
света дивного не жалеют.
Звёзды! Звёзды! - а вы чьи глаза
планет ли, миров незнакомых?!
... Та вот звёздочка, как егоза,
в ней я тебя припомнил.
На улице снег - миллиарды звёзд!..
Фонари мигают - вихрь звёздный!..
- Всюду звёзды! - наивный вопрос:
«Для чего?» -
задавать уже поздно.

СЛУЧАЙ В ДЕТСТВЕ

Лунная ночь...
Деревенская ночь...
Улица лучевая...
Старым плетням и крышам - не в мочь!
- со мной ночь игру затевает.
Шепчутся звёзды и тайно звенят...
Пыль на дороге - как вата...
Белоснежные избы слепцами глядят:
оглянуться бы - да страшновато!..
... Белая ночь! - непонятная ночь.
Засиделся у деда Паши...
Трубы над крышами - «точь в точь»,
белые совы...

Аж страшно!..

Крапива жалит змеёй у плетня,
роса обжигает дыханье...
А во дворе своём вижу коня -
белого, с тихим ржаньем?!
Белую гриву дугою взметнув,
тянется мне навстречу.
Через забор обратно махнув,
в окошко стучу... Стало легче.
Лампа зажглась...
На крыльцо вышла мать,
говорит: «По ночам где шатаешься?
Гости приехали, надо всем спать...»

- Прохожу...
Конь смирен, не брыкается...

НОЧНОЙ ГОРОД

Снова ночью пришлось уезжать...
В сны закутан заснеженный город -
он за мной начинает бежать
с немотою, застрявшею в горле.
И устав, безнадежно отстав,
на прощанье мигнул светофором.
- Гроыхающий в дымке состав
вырвался на степные просторы...
... Мне опять от себя уезжать,
сон сейчас твой спокоен и ровен.
Ты однажды пришла провожать -
это было давно так, не скрою.
... Через звёздную ночь, через сны
загремели на стыках вагоны,
и разъездов глухие посты
светофором сигналият зелёным.

ПЕРЕЗВОНЫ НАРТ

Север- низкие берёзы...
кочки...тощий мох...
Нарт широкие полозья...
Вьюг чертополох.
В чунях - расписной орнамент...
белый тундровый ландшафт...
Гвалт с оленьими бегами...
гонок всех азарт!
... Обними меня метелью
в соболиный мех!
И сотки мне шлейф кудели...
- слышишь: в чумах смех!..
Видишь: голубой, нетленный
месяц мой-январь?!
Отгадай в кристаллах снега -
голубой янтарь?!
Что ни след - узор, орнамент...
Сказочный ландшафт...
... Над январскими снегами
перезвоны нарт!

СЕРДЦЕ

Сожмётся сердце смутно-
боль отступит...
И грудь замрёт, дыханье затая...
Я вслушиваюсь в пульс
 впервые с грустью
среди гудящих звуках бытия?!
Спортивное и, впрочем, молодое -
ещё пожалуй рано уставать?!
- Но появилось
 что- то в нём такое,
что хочется ладонь
 к груди прижать!

СОРОКОЛЕТНИЕ ТРЕВОГИ

Сороколетняя дорога
через просёлки, города
легко вела...

И понемногу
в пути светила мне звезда.
В тени развесистого сада
и у прохладного ручья-
встречал я всюду хлеб и радость...
В них - бескорыстные друзья.
Я жил нисколько не печалюсь:
летели тучи высоко...
И не заглядывая в дали,
считал, что в жизни мне «везло».
... И вот теперь у поворота,
где степь, безлюдье, нет огня -
мне подсказал жестокий опыт:
что счастья нету у меня.
Не строил я красивый город
и не открыл в себе родник...
- И здесь в степи, где ветер, холод,
я помрачнел душою, сник.
«Да, счастье- праздная забота...»
- но как продолжить путь в степи?
Куда идти от поворота
и где напиться из горсти?!

БЕЗ СТИХОВ - Я НИЩИЙ

Собаки в полночь
 зло взывают
на одинокую луну...
Детей, стихи в ночи рожают...
больные мечутся в бреду...
Спят раскалённые планете
в просторе зыбком, огневом.
Ты рядом спишь полураздетая
и твой безоблачен покой.
Вращается земная ось
со скрипом, утро приближая...
Мне шепчет кто-то:
«Мучить брось себя,
других терзая...
Ты в этой выси огневой -
лунатик... Что ты ищешь?!»
В ответ твержу: «Я сам не свой,
я без стихов, как нищий!..
Вращай быстрее земная ось
раздумья и сомнение-
чтобы зарей всё занялось...
сразило вдохновенье?!».

ЛУНА И ЛУНОХОД

Смотрю я на луну в окно:
там вижу снежную вершину Кавказа -
к ней давным-давно
взбирался волей одержимый.

А дальше за луной вдали
я различаю космонавтов...
Прилуненные корабли
на землю возвратят их завтра.
Там луноход, как динозавр,
ползёт по камням неуклюже,
породы лунные собрав
зачем-то долго-долго кружит...
Мечтал я в детстве стать пилотом...
Та, даль мертва и холодна,
но оживая светом, плотью,
мне ближе видится луна!

КАК ЗДЕСЬ РАССУДИТЬ?

Сердце просит о такой работе:
биться в строчках-
 и не передохнуть?
Не о пятом -
 о десятом поте
видится ему заветный путь.
Седина пробилась в редких прядях,
не ропщу и не клянущу её.
Даже больше -
 по ночам, коль надо,
растрясаю сомнище своё!
Опыт собираю по крупичкам,
всё в стихах -
и как здесь рассудить?..
Буду счастлив, если дам напиток
тем, кому невыносимо жить!..
Слышу птичьи секреты
в рассветном окне.
Фонари, как ракеты,
вспыхивают во тьме.
Июнь...
Двадцать второе...
самый длинный день...
Помнишь мир,
 мир огромный -
в небе «юнкерсов» тень?!
Память снова наполни,
 давнее оживи!..
Да, не хочешь, но вспомнишь
ночь ту - в небе лучи!
Так же - двадцать второе...
сорок первый год...
... Утро смешано с кровью...
дым встаёт до высот...
Крики ужаса, боли -
кружится вороньё...
Ах, доколе-доколе
будешь жечь, забытьё?!
Гомон птичий средь лета
в открытом окне -
память тридцатилетняя
с сердцем наедине!..

СЫН ТЕБЯ ПЕРЕРОС

Ты упал с пистолетом на взводе,
поднимая в атаку взвод...
Над тобой тридцать лет половодье
пронеслось...
Лес другой уж растёт...
Где чернела траншей подкова,
где траву огнём выжигал,
возле Пскова, древнего Пскова
братский памятник засиял.
Мне сегодня почти под сорок,
старше я -
сын тебя перерос!!.
... Расстегнув у рубашки ворот,
отвечаю на главный вопрос:
«Всё в порядке,
за Мир мы в ответе!..
За плечами у всех институт,
и взростают уже наши дети
и равняясь, в шеренги встают.
Знай, в далёкой и милой Сибири
там, в деревне, где рос ты и жил
- обелиск над привольною ширью
алой звёздочкой засветил!
Мир по-прежнему глух и опасен,
ведь ракеты врага целят ввысь...
Небосвод над Россией ясен,
ты спокойно в него глядишь!..

Утро майское...
Синь небосвода...
Бьёт из дота в упор пулемёт.
Ты упал с пистолетом на взводе,
поднимая в атаку взвод.
Из плеча струйка крови сочится,
но собрав свою волю в кулак,
понимаешь, что надо решиться
на последнюю из атак!
Приподнявшись, согнув слегка ноги
для рывка рокового вперёд,
за собой увлекая немногих,
ринулся на грохочущий дот.

СЫРОЕЖКИ

В дни войны те сыроежки
приходилось в поле есть -
радость детства!..
В рощах здешних
столько видов их - не счесть!
По окраске - отблеск радуг,
волны утренней зари.
... Край грибной, встречай и радуй!
Вновь улыбку подари.

д. Приозерка

НОЧНЫЕ СКРИПЫ

Скрипят полы в ночном доме -
раздумьем тяжким маюсь.
...Петро - сосед мой, утонул
в последних числах мая.
Он частым гостем был моим
и помню, как однажды
пол шпаклевать меня учил
старательно и важно.
А перед тем, как шпаклевать,
Василь - спортсмен и плотник,
помог мне плахи подогнать
с приятельской охотцей.
Совсем недавно он погиб,
так глупо и трагично.
...Блестит от красок пол, но скрип
бедою символичен.
И шепчет скрип мне одному,
былым напоминая:
«Василь погиб, Пётр утонул...
- и тот и этот в мае».

ОДИНОКАЯ

Сколько было тогда женихов?!
А теперь?..
Заимела ребёночка,
был отец-перебежчик из тех петухов,
что смываются враз, потихонечку.
У него ведь - вторая семья,
или третья?..
Виновны-то сами...
И живёт она, грусть затая,
с незамужними, в общем, глазами.
... Белым кофточкам тесно дышать...
Взгляды просятся лаской открыться...
Ей не хочется даже скрывать
что одной по ночам плохо спится.
Одиночество - сильных удел,
мало проку то в том одиночестве...
Синий май за окном потеплел
и на улицу выйти хочется.
Но под шепот соседок-старух,
откровенные взгляды мужские,
сколько раз свет в глазах её тух...
и поблекли глаза и остыли...

ПИСЬМО С ЮГА

Словно птаха перелётная,
смотал сосед на юг...
И с супругою-хворобушкой
меня туда зовут:
«Приезжай, такой здесь климат!...
Чудо-море...
Провались,
вся Сибирь,
сплошные зимы,
а в морозы - разве жизнь?!»

... Я письмо молчком читаю -
всё с ошибками оно...
Юг, соседа, жизнь - я знаю...
Мне до «лампочки» письмо...
... За окном трещат морозы,
пролетает крупный снег...
Отвечаю я без позы,
как сибирский человек:
«На фига твои мне розы,
климат, дыни, теплота...
Да, Сибирь, снежок морозный...
Но синей в ней красота!
Здесь свежее, здесь - милее,
Здесь - с тобой мы родились!..
Если юг тебе нужнее,
то к такой-то ... (м)
с ним катись?!»

СЕВАСТОПОЛЬ

Я в турпоездке: летний Крым...
Экскурсия - в огонь и дым?!
Сапун-гора!.. Сапун-гора!..
По склонам доты да окопы...
И громогласное: «Ура!..» -
скалистые вершины копят...
Святая людям панорама
открылась в дальних днях войны,
боль не зажившеюся раной
предстала памятью вины.

Словно выстрел, стукнула калитка...
Ты ушла – вслед скрипнуло крыльцо...
Я целую мысленно улыбку,
осветившую твоё лицо!
Я целую речку, мостик, берег...
И в разлуку нашу не поверю...

СИРЕНЬ ВЕЧЕРНЯЯ...

Сирень – вечерняя, слепая
мне веткой тычется в лицо...
И, лепестками осыпаясь,
о чём-то шепчется смешно.
Она тебя напоминает,
твою улыбку, отсвет глаз,
когда с тобой весной встречались
мы у реки в полночный час.
Сегодня вновь припоминаю
те дни – сирени буйный цвет...
И даже клич далёких чаек
над Иртышом, как твой привет!
Встревожен вечер...
Смолкли чайки, –
их скрыла дымкой полумгла.
... Ты почему не отвечаешь
на письма, как забыть могла?

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ЛЕСНЫЕ ТАЙНЫ, СВЕТ ПОЛЕЙ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двенадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ЛЕСНЫЕ ТАЙНЫ, СВЕТ ПОЛЕЙ

СИБИРЬ

Над Иртышом весны рассветы -
бескрайне ширь, бездонна высь!
Стальные вышки, как ракеты,
по тундре в небо поднялись.
Сибирь! Сибирь!..
 - моя судьбина,
мой сказочный, заветный мир!
Была глуха ты, нелюдима,
звучала каторгой «Сибирь!»
... Уходит в даль тайга на Север
и реки вольные спешат
туда, где край никто не мерил,
где ждёт богатств несметный клад!
Сибирь! Сибирь!..
 моя судьбина,
ты кладовая всех богатств...
В семье большой,
 в семье единой
нерасторжимы узы братств!

МОЯ ДЕРЕВНЯ

С порошей первой- санный путь,
с грозою вешней - медуницы.
Здесь радоваться и грустить,
и в сотне весен повториться.
Твои исконные пути
с грядущим свяжет мудрый атом,
но ты останешься цвести
в лугах-
где пахнет хмелем, мятой.
По праздникам ты будешь жить
с весёлым выплясом и свистом...
И поздним вечером грустить
с зазывной песней гармониста!

ВОЗРОСТ

С годами мысли выше, строже?!
В них- первый иней, лунный мрак...
А сердце молодо - похоже
не хочет стариться никак!
Но торопливей стук под вечер,
с бессонницею иногда.
И хорошо, что душу лечит
в окошке яркая звезда...

В ОЖИДАНИИ ПЕРВОГО СНЕГА

Седеет лес, грустит жнивье.
светлеет даль в холодной дымке...
Охотник смотрит на ружье
и шепчет: «Как там, на заимке?..»

Он стар и глух -
 сам как зима,
с дремучей бородою.
В ушанке и больших пимах
глядит в поля с мольбою...

СЕВЕР

Тундра - тощие берёзки,
клюква, мягкий мох...
Сани... Звонкие полозья...
вьюг чертополох?!
Шубок расписной орнамент
и равнин ландшафт...
Над январскими снегами
перезвоны нарт...
Горностаи бежит в метели,
вижу жёлтый мех...
Катится, свистит свирелью
куропатов смех...
Соткан голубой метелью
месяц мой – январь!
... Посмотри, на самом деле,
даже снег-янтарь!
След зверей - узор, орнамент...
Голубой ландшафт...
Над январскими снегами
перезвоны нарт!

СВЕРХОДАРЁННЫЙ

На свежеснежавшем снегу
в крови - висок из серой смеси...
Ещё не стих смертельный гул,
как забренчал приёмник песней...
Собрались дачники, прохожие:
«Дурак?!» - мужчина проронил -
«с ума свихнулся он похоже?!»...
Шептала бабка: «Бог простил б...»
- Да, Бог простит,
 кого вот только?!.
Дымит немой зрачок двустволки...
... Мне рассказал поздней знакомый,
что парень вправду странным был:
на улице, за партой, дома -
на многих ужас наводил.
То подорвёт снаряд-ракету,
на спор аптечный выпьет яд...
То вдруг историку ответит,
о чём теперь не говорят.
То кучу цифр в уме умножит,
то выведет иной закон -
пугал учителей до дрожи...
Так был начитан и умён!
Пред ним бледнели и краснели,
кто был нечестен, глуп и зол.
«Ха, вундеркинд?!» - вослед шипели,
друзей себе он не нашёл.

А одноклассники в отместку,
дождавшись, били за углом...
Он оставался прям и честен,
возненавидев школу, дом.
Какой там дом? - углы пустые:
мать на гастролях, а отец
запоем пил...

И сердце стыло
от всех обид...

И наконец -
весною ранней бросил школу,
отшельником в саду зажил,
и видели, как он весёлый,
цветник у входа мастерил...
В ночь взвыла вьюга, пал озимок
- бела постель и холодна...
- «Ах, Боже, что с тобой родимый?!»
- всё плачет бабушка одна.

ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ

Здравствуй озеро, заветное,
на краю родной земли!
Расскажи мне в синь рассветную -
о чём плачут журавли?!
Расскажи о чём печалится
в грустном звоне камыши,
подскажи, где мне причалиться -
исповедь излить души...
Пахнет ряской и осокою,
а с кувшинок – словно снег...
- Здесь с улыбкой синеокою
отразился в водах век!
Лебеди курлычат таинство,
гордо шею наклоняя,
и плывут, как сон, по заводи
в золотинках ранних дня!
Здесь в краю лесов нехоженных,
на единственной тропе,
я, природой омоложенный,
нежно вспомню о тебе.
О тебе, такой изменчивой -
о себе, что был не смел...
Ты останешься той женщиной,
кем навек переболел!
Ты останешься, как лебеди,
озарившие рассвет!..
И везде,
где только б не был я -
помню отсвет юных лет?!

ПЕРВЫЙ ЛИСТОПАД

Творится на душе разлад-
мир предстаёт в превратном свете.
Пугает первый листопад
дыханьем стынувшего лета.

Быть может, испытанье сил -
вся эта скверная погода?!
Так долго дождик моросил
до твоего прихода.
... Балкон продрог. Среди цветов,
замёрзших, в назиданье -
прозрачный тополя листок
лежит и светит тайно.
Причин не видится пока
трагедии и драмы,
но с желтоватого цветка -
предательское пламя?!
Закрою наглухо балкон -
порывы ветра, свисты...
Упал на крышу небосклон
и сыплет дождик льдисто...

ТЫ – СЧАСТЛИВ

И. Рудских

Ты по природе - землелашец,
а по призванью - коммунист!
Всю жизнь до петухов встававший,
зарю и ныне не проспшишь?!
Земля, вскормившая с пелёнок,
тебя всё тянет и зовёт,
и ты, в добро её влюблённый,
давно всё знаешь наперёд!
- Каким быть всходам, сенокосу...
когда настанет день страды...
Идут к тебе с любым вопросом
и в праздный час,
и в час беды.
И как всегда -
с рассветом в поле.
в густых хлебах,
в росе - по грудь!
И счастлив этой трудной долей,
в которой жизни нашей суть!
- Дышать, так только полной грудью!..
Любить - так только всей душой!..
И нет ни горести, ни грусти -
когда с тобою край родной!

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ

Три тоненьких берёзки
повалены, засохли...
Не крокодилы слёзки -
скрип жесткий: «Вы, оглохли?!»
Проклятье трактористу,
пахавшему жнивье.
Во поле чисто-чистом
росло их божество.
И лес стоит задумчив,
а с краю, по корням,
как лезвие по нервам,
плуг резал здесь и там.

... Ты, как в детстве, плывёшь
и течением тебя относит,
Ты как прежде не ждёшь
и меня ни о чём не спросишь...
На ресницах мокрых твоих,
на щеках золотистые брызги!
В этих милых родных краях
люблю тебя больше жизни...
- А чайка так низко и близко проносится,
и радостно что-то кричит!
А солнцу с нами поплавать хочется -
и плещутся в волнах лучи!..

* * *

Ты дышала горячо...
Были в инее ресницы...
Снег скрипел под каблучком...
- Прошлому не повториться.
... Сквер. Стою на том же месте,
и снежинка на ладонь
села... Прошлому в отместку,
обожгла слегка огнём!
И растаяла мгновенно,
испарилась, словно вдох...
... Те же окна, те же стены...
Ржавый на двери замок...

ПРОЙДУ К ИРТЫШУ

То ли дождь моросит,
или снег высеивается?..
Город глух, город спит -
надо мной издевается.
Застегнусь поплотней
да пройду к Иртышу,
о тревоге своей
я ему расскажу.
Он могуч, хоть и стар,
добр и ясен от звёзд,
и ему – не пожар,
мой наивный вопрос.
Сколько бед он видал,
гроз, за тысячи лет -
гнулся, плакал метал -
он рождал новый свет.
Он все беды топил,
зеленил берега -
столько веры и сил?!.
Обмелел лишь слегка.
И в ответ на вопрос,
на тревогу мою
светит тысячью звёзд!
... Волны нежно поют!

МУЗА - ЧУДО!

Александрю Блоку

Твоя обитель высока -
ты не уснул, ты - чутко дремлешь:
страсть, мысли - в алых облаках...
И музыке ты сладко внемлешь!..
И ветер тысячью антенн
качает звёзды позывные,
к душе доносит ясность тем,
уводит в тайники земные.
Так вот что значит высота
поэзии животворящей -
незримый свет через года
в глаза мои в упор смотрящий!
Так вот что значит глубина
мечты, не ведавшей покоя -
в ней мысль прекрасна и ясна,
и роднику она достойна!..
Ты не смотрелся в зеркала,
сам отражая жизнь повсюду -
и пробуждал колокола,
и музыка лилась, как чудо!
Ах, муза - чудо?!.

Вешний звон
вошёл в неё и, словно реки,
течёт она и будит сон...
- И ты живой!

Живой- во веки!

* * *

Говоришь, была счастливой
Ты смеёшься, и в ресницах
синь весенняя сквозит...
Ты не хочешь согласиться
что душа твоя болит...
Слушаешь, глядишь в смятенье,
как плывёт по речке лёд...
Плёт в огромном наводненье
отражает небосвод.
И по грудь в воде - две ивы
у оврага расцвели...
Говоришь: была счастливой -
гуся счастье унесли.
Говоришь, а слёзы градом
по щекам текут, текут...
Ты красива и нарядна,
и таких годами ждут.
... Он не ждал, уехал сразу
в дальний, снежный Магадан,
написав: «Кончаем связи...»
- Почему другим он стал?!
Говоришь, а слёзы льются
из девичьих, чистых глаз...
... Льды звенят, трещат как блюда -
не на счастье в этот раз.

ТРАМВАЙ

Не будильник, а трамвай
меня будит: «Эй, вставай!..»
Ровно в шесть утра, в окошко
весело мне простучит -
и укатит он, порожний,
вдаль, неслышимый почти...
Я и летом, и зимою
с форточкой открытой сплю.
...Чтобы ни было со мною -
я трамвай не разлюблю.

ТРАКТОРИСТ

Отгрохотала,
отошла страда...
Но, как солдат,
не спавший много суток,
глухою ночью
вскочит иногда
и долго курит
посреди уютя!..

ЗНАКОМЫЙ ПАРЕНЬ

Он встал. В окне чуть занималась
заря... Умылся не спеша...
В горшке нетронутой осталась
молочная лапша.
И на дворе большом, колхозном
пускач настраивал во тьме.
ДТ - как зверь голодный, грозно
взревел... и тяжело по земле
пополз под гусеничный скрежет,
туда, где грива возвышалась...
Блестело от росы железо,
могучей силою дышало!
И по стерне за острым плугом
волнами пашня засверкала.
... Светало. Трактор шёл по кругу
и стая птиц за ним летела.
Смешались: и грачи, вороны...
меж них сверкая белизной
кружили мартины просторно
над влажной, вспаханной землёй!
... И ворот расстегнув, сняв кепку,
чему-то улыбался парень -
был не высоким он, но крепким,
блестела на щеках испарина!
От пыли, от солярки, пота
в кабине билась духота -
был тракторист черней капота,
грязь сплёвывал и ни черта
не замечая, бороздою
как челноком, туда- сюда
вёл свой ДТ...
И был собою -
весь воплощением труда!!

* * *

Вглядись!? -
Грустит у поворота
берёзы старой, в полдень, тень...
Я вспомнил детство, дом, заботы...
В ограде ивовый плетень...
Ещё в войну выросла берёза...
В дом похоронку принесли...
Сбежал к берёзе...
 Лились слёзы...
И я полдня стоял в тени.

* * *

Из города, бедой гонимый,
опять спешу я в край родимый...
В реке пытаюсь расплескать
все горечи и зла напасть...

* * *

В дали, за тридевять земель
звенит, гремит порог Подумский...
Ты осторожен и не смел...
Тот водопад тревожит думы...

* * *

Подслушивать чужую речь
бестактно, глупо, некрасиво...
Конечно, можно кайф извлечь
из болтовни людей счастливых.
Но если в разговоре – боль,
то посочувствовать изволь.

* * *

Кручусь, как белка в колесе.
Как тигр, бросаюсь в круг горящий...
А чаще - мучаюсь как все,
и прячусь в погреб или ящик.

* * *

Мыслей причудливый танец
Темнеет, но розовый глянец
оживил городскую панель...
А мыслей моих чудный танец -
за тридевятью земель.
... Там речка в лесу предзакатном -
в нём галочий переполох...
вслед девушке в ярком платье
старушки задумчивый вздох!..
Там в поле зелёной волною
поднялся усатый ячмень...
там мальчик на вело, тропую,
догнать норовит свою тень...
Озёра в светлейшие линзы
вобрали небес синева!..
... Там мама моя... там - Отчизна!
- в которой я с детства живу!

ПЛАНЕТ СТОНЕТ

Ты говоришь: «Земля стара
и с каждым годом остывает?!»
-Задуматься ли не пора,
что внукам нашим оставляем?
Ведь часто вместо леса - пни...
мазут в реке и в небе – дымы!
Взрывчатка, бомбы? - загляни
ты в погреб пороховые.
Да что взрывчатка? - вот АЭС,
в Чернобыле взметнувши смерчи,
предупреждает: будет месть
за тяжкий грех наш человеческий?!
И тысячи людей скорбят,
лишь обвинив землетрясение.
Но оглянись, прошу назад -
вершим мы столько преступлений?
В отходах вновь Байкал, Арал
и сотни речек безымянных?!
Таёжный лес не раз сгорал!..
- И вся планета -
в дыме, ямах?!

ВЬЕТНАМ

В доме горе большое:
сын лежит воспалённый...
Мать глядит на больного
напролёт ночь, бессонно.
Поправляет подушку,
утирает слезу:
«Был вчера непослушным,
будь любим - всё прощу!..»
Возле сына тетрадка,
в ней- в рисунках Вьетнам?!
Танки... пальмы...
Украдкой
смотрит мать: что же там?
Стонет сын, бредит: «Мама,
солнце жжёт, дай попить,
дай скорее панамку
голову мне накрыть.
Мама, мне очень страшно:
как качается – дом...
Мама, это вчерашние
самолёты с крестом?..
Мама, жарко мне, мама-
видишь, дом наш в огне,
эти бомбы - с напалмом...
Мама, где же ты, где?..»
Мать сидит рядом, плачет,
бредит сын: «Страшно, мам...»
- Даже он болью платит
за горящий Вьетнам!

ПЕРЕЛЁТ

Там, в облаках, за клином клин,
торопиться на юг казарка...

На озере, во льду один
подранок- клич несётся жалкий!..
На камышах- нить паутин
и белый пух, как отблеск зим....
А в небе вновь за клином - клин,
по ветру, вдаль летят казарки...

НОМЕНКЛАТУРА

Тебя встречает снова взор
из-за стола - тупой, надменный...
Начётничество и укор
выслушиваешь неизменно.
Тщеславие, как божий глас,
опять нисходит с верхотуры:
разнос... отказ...- так всякий раз...
На то она, номенклатура.
На много лет уже вперёд
расписаны места и роли:
Кому - в печать, кому - почёт...
А ты - в который раз разгромлен!
Всем в жизни правят испокон
корысть, предательство да похоть.
Честь, совесть - ставил ты на кон,
и всё ушло туда, под ноготь!..
И не объехать, не сломать
шлагбаумы на тех дорогах...
И шлю проклятья: «...твою мать!..»
И добавляю: «...к чёрту, к Богу!..»
И нету воли, нету сил
хотя б единожды решиться -
сказать тем, в кресле: «Ты, дебил,
прошу, хоть раз, посторониться?!»

ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ?

Ты стремишься
всю жизнь к совершенству -
кто же всё- таки твой идеал?
Вождь иль гений?!
- А, вдруг, духовенство?
Что ты хочешь, ты сам-то хоть знал?!
Люди жаждут космос и Бога,
ищут в недрах и нефть, и металл...
Ты всего сотворил понемногу,
- а что хочешь, не знаешь и сам.
Годы крутят витки по спирали,
ты со скоростью света взлетал...
Но играешь с судьбою без правил -
потому многое проиграл.
Забываются боль и дороги -
постарел ты, изрядно устал.
И виски побелевшие трогая,
признаёшься: как много не знал?!
А тебе разъяснять еще надо -
что напрасно там, в небе, витал...
Жизнь земная - всего клоунада,
где не раз ты паяца играл!!

ТАЛИЦА

Эта странная протока
не замёрзнет и зимой...
Здесь родник – его истоки
не страшит мороз любой.
Струйка булькает, сочится -
через лёд к весне стремится.

ТЕНЁТНИК

Дни стоят – безветрия полны,
рощи посветлели, опустели...
Посреди осенней тишины
всюду паутинки полетели...
То развезят блестки по кустам,
то посеребрят камыш, как иней...
То, с кустов сорвавшись, к облакам,
тянутся за клином журавлиным.

ТЮКАЛИНСКИЙ РАЙОН

Край лесной, речной, озёрный -
с криком чаек, в блёсках линз...
Вспомни первых новосёлов
древний город Тюкалинск!
География России
в поселениях видна,
лишь отчаянных и сильных
принимала сторона.
Курская в моей Солдатке
и Воронежская есть -
в память тех, кто шёл этапом,
чтобы здесь навек осесть.
Чту - в Солдатке лик святыни,
а в Буслах - забытый сад...
В Приозёрке в водах синих
отражается мой взгляд!
Оша, Конкуль, Островная,
Усть-Логатка, Хутора -
в лад частушка озорная
с дробным стуком сапога!
Здравствуй Кошкуль!..
Мчусь в Покровку,
завернул и в Кабырдак...
Славен силой и сноровкой
здесь охотник и рыбак!
... Район большой... Сверкает
речка в Чащино, а близь
в зелени весь утопает
славный город Тюкалинск!!

ОСТАНУСЬ ПРЕЖНИМ

Старею... Оттого - болячки...
И сердце ноет по ночам...
Но я больничный лист не клянчу,
и даже - не хожу к врачам!..
Режим вольготный не меняю,
но рву бессмертник на меже....

Не будет птиц, цветов - я знаю,
на том, последнем рубеже.
А потому - природой нежусь,
и пью берёзовый я сок...
В душе навек останусь прежним
и старость зря стучит в висок!

СТОЮ ПОД ВЕРБОЙ

Нежданный аромат с куста!
Стою под вербой неприметной:
из каждой почки, в пол-листка,
флажок зелёный рвётся к свету!..
А на поляне, меж берёз,
где ручеёк журчит чуть слышно,
привстал подснежник, как вопрос?!
- Ведь тучка рядом – снегом дышит.

Я - ВЕРНУЛСЯ!

Я вернулся в край родной, приветный...
Тёплый вечер. Домик твой приметный...
Там, где ивы шепчутся над речкой,
ты тогда тропиночкой ушла...
Призрачное лунное колечко
высветилось в редких камышах.
На воде славянской тонкой вязью
ряска оживилась, серебрясь...
Столько лет?..

Но я забуду разве,
как душа пожаром занялась!
Как я бредил в снах,
и как преданьем
свет струился от далёких звёзд...
- Я приду на новое свиданье
если б даже годы ждать пришлось?!

НИКТО МНЕ НЕ ОТВЕТИТ

Ты любишь, нет?! - ответь,
души не мучай!
Мне душно, скверно.
Я ответа жду...
И лепестки с ромашки рву, и лучик
зари вечерней светит на пруду.
Иду я лугом и в копну сажусь,
прилёт на сено, пахнущее мятой...
И в небосвод лечу и там кружу,
где необычно всё и непонятно.
Вот от реки встаёт густой туман,
волною катит, накрывая в сети.
И холодком щекочет по ногам.
- Ты любишь, нет? -
никто мне не ответит.
Пльиви копна, туманы бороздя,
и прелесть луговую источая -
мне возвращай далёкий шум дождя,
блеск молнии...
и запах Иван-чая.

ТВОЙ ГОЛОС

Ау! Ау! - и я бегу
туда, где оживают звуки...
Ты на далёком берегу
опять протягиваешь руки...
Ау!.. Ау!.. - слабеет звук
за дымкой дальних лет,
и я твоих не вижу рук...
Тебя там просто нет...
А я бегу всё... Я бегу...
Твой голос тайный берегу!..

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Есть начало и конец
у любой недели...
Лесоруб, кузнец и жнец
день за днём потели.
Ты - вот врач, он – педагог -
всем порою тяжко...
И поэты знают пот
с мокрою тельняшкой.
Воскресенье! - ты венец
дел больших и малых...
Слышу стук людских сердец -
радостных, усталых?!

РАЗДУМЬЯ И СОМНЕНИЯ

Хотелось быть уверенным всегда,
не жить в тени
и не стоять в сторонке...
Прошли года... Проплыли города.
- Не научусь шутить, смеяться громко.
Как будто детства горькая печать
легла на все раздумья и сомненья...
-Уверенность?!
О, где тебя мне взять,
чтоб ты опорой стала вдохновенью.
Нет не страшусь ни горечей, ни бед,
когда иду с поникшей головою...
Перевернуть земной шар, Архимед,
с тобою мог бы...
- Без тебя, что стою?!

АБСТРАКЦИЯ

Художник-мороз на стекле,
что выходит на улицу,
раскрасить сумел
красивейшие репродукции...
Может вечер решил оживить новогодний,
рисую хрустальные эти цветы...
Вообще-то, абстракция нынче в моде -
но я не сторонник такой красоты.
Безупречную чёткость линий,
загадочность, призрачность нового,
воспринимаю всё - лилией,
дыханием вьюг замороженной.

В цветах этих нету тепла -
красота их мертва...
Так порою красивые люди,
при встрече,
сердце мне студят.

ССОРА ДРУЗЕЙ

Холодно, очень холодно...
Мёрзнем молча оба...
Месяц, в полкруга отколотый,
прячется в белых сугробах.
Избы, как деда, седые
светятся тускло огнями...
В мгновенья, в секунды какие
быть перестали друзьями.
В горячке «зелено-молодо»,
вспылив, виноваты оба...
На душе и тоскливо и холодно...
Месяц светится меж сугробов.

ПРИЗНАНИЕ ДРУГУ-ВРАЧУ

Хотя в пяти местах оклад,
как снег,
твой свеж и чист халат,
а я - я грязной робе рад.
С утра до ночи я кручусь:
кричу, хриплю -
спокойно жить не научусь,
не кланяюсь рублю.
С сумой пустою на плечах,
не бритый, не доспав -
скорей похожий на рвача,
ищу зарю в лесах.
И рою сена вороха -
иголку в них ищу?!
... А рифма так стара, плоха,
что я в ночи грущу.
Подошвы, стёртые за день,
натружено гудят...
Огни далёких деревень
во тьме горя.... горят..

НАКАЗАНИЯ

Хороши приказы,
когда о подлеце.
Приказы, как проказа,
у честных на лице.
Сижу на педсовете:
подченнейшие друзья,
сейчас вы сами дети,
притихшие в испуге.
Я знаю: перегнули
оглобли - бить мешком!..
Слова свистят, как пули,
а надо бы с умом.

Куда труднее в споре
 отстаивать свой взгляд,
 в согласье, без раздора,
 найти, кто виноват?!
 ... Приказы - это плётка...
 Приказы - как плевков
 - И кто-то с болью гнётся...
 И на душе - комок.

ВОЕДИНО СЛИТЬСЯ

Хватит мне про звёзды щебетать,
 про зарю, цветы - родную душу...
 Самолюбье не пора ль топтать,
 спрашивать с себя,

трясти, как грушу.

Цвесь?! -
 и майским цветом облетать -
 не такая уж большая слава.
 На гора пора мне уголь дать,
 дать руду -
 и ходом плавки править!
 Жизнь сбирала опыт по крупицам:
 знание, силу, мужество - на кон!
 - Всё отдать! -

и воедино слиться
 с Родиной... Так было испокон...
 ... Кружит солнце медленно и верно,
 реактивный дым- как млечный путь...
 Да, другая нынче жизни мера,
 и нельзя сторонкой -
 как-нибудь?!

ЗАТЯЖНАЯ СТРАДА

Холодный осенний туман
 обступает притихшие сёла...
 Избам снится рассвет по ночам
 и широкое хлебное поле.
 Снится: с тучки слетают снега
 и хлеба уже в саване белом...
 ...Да, страда впереди не легка,
 надо делать всё быстро, умело.
 Так в Сибири из века в век:
 прозеваешь, а в поле - уж снег.

СИБИРСКИЙ ХАРИУС

Сибирский хариус особлив,
 что в Енисее, что - в Приобье...
 В ручьях таёжных, в светлых реках
 живёт привольно

век от века!

На удочку его ловил...
 И вкус ушницы не забыл...

ХОРЁК

Хорь-хорёк, зверь полосатый
 кур в проулке стережёт...
 Вот сейчас одну он схватит,
 в лес с собою унесёт...
 Будет след - как пух куриный...
 бело-белый... снегом зимним...
 Дед Софет капканы ставил,
 но хорька так не обманешь.

ХЛЫСТЫ

Березы рухнули в сугроб,
 с них сучья обрубили...
 Сугроб осел – стал словно гроб –
 деревья в снег зарылись.
 День зимний холодно блистал.
 Над снегом – лишь хлысты...
 “Вяжи их тросом, мёрзнешь ты...»
 – мне тракторист сказал.

ЗЕМЛЯ - ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ

Хотелось бы сойти с ума
 и, чтоб внутри переродившись,
 природа тайная сама
 ответила: «На что годимся?»
 Но как, но как уйти в себя
 от споров, катаклизмов, смерти?!
 Жестокая моя судьба
 в тисках железных круговерти!..
 Не дробью мелкой -
 бьёт жакан
 навyleт грудь мою больную,
 от этой жизни страхом пьян,
 но не хочу судьбу иную.
 Нам бед страны не избежать:
 в лесу глухом, и даже в келье
 всё будут выстрелы звучать...
 В меня всё также будут целить!
 Земля - единый организм,
 и если атом враз взорвётся,
 то вся планета канет вниз -
 никто в живых не остаётся.
 ... На пятке у меня нарыв,
 мне ржавый гвоздь пробил ботинок -
 заразен он, и в нервах - срыв...
 И с этим можно мир покинуть!

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

**КАРТИНЫ ДЕТСТВА,
ТРУДНЫЕ ГОДЫ**

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел тринадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор : А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя

КАРТИНЫ ДЕТСТВА, ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

А всё живу как в детстве бедном -
кусочек каждый берегу,
не веря лозунгам победным
ни в этом, ни в другом году.

Я не корю родные дали
за чахлый, нищий урожай.
Злят рапорты, хвальба, медали
и рты кричащие: «Сверх дай!»
Истощена земля, как камень -
и где богатый урожай
который ждали мы веками?...
И кто привёл нас в чёрный рай?
Я презираю всех брюхатых
в банкетных залах за столом
с их болтовнёй о демократии:
«Зачем и с кем, куда идем!?»

Куда идём? -
дошли, довольно
и хватит на похмелье пить.
Нет мыла, сахара...

И больно
о будущем мне говорить.
Я, помню, жил в войну надеждой:
вот подросту и буду сам
работать, покупать одежду -
и мёд польётся по усам.
Но бедность бедностью осталась,
хотя работаю как вол,
и деньги есть на книжке малость.
Есть дача. Сыт. Хожу не гол...
Но вновь виновным за обедом
кусочек каждый берегу,
в глазах опять война -
и бедность...
- Во век забыть то не смогу!.

НА ВОДОПОЙ

В гривы вцепившись руками,
с луга на водопой
мчимся между кустами
узенькою тропой!..
Жестко сидеть на хребтине -
лошадиных костлявых спинах.
Голые пятки, натёртые пятки
в потной шерсти
затерялись сладко.
Трр-пру!.. приехали...
Светлая речка в искорках дня...
Зелёная травка на дне видна!..

Ходят бока ходуном у лошадок,
- медленно пьют они свежесть прохлады.
С губ обрываются капли, как град -
в воде разбивая лошажий взгляд!
«Напились? - ну, поехали!..»
Весёлую гурьбой
с шутками, потешными затопали тропой!
Не гоним мы лошадок -
чуток пусть отдохнут...
Ах, до чего же гладко
волны трав плывут?!

БЕРЁЗА

Навстречу старая береза
шумит с высокого бугра...
Рассвет на влажных ветках розов
и в *чёрных* шрамах вся кора.
Кору навек запомнил с детства,
в те годы страшные войны.
Хотелось вдалеке с бугра взглядеться,
там дымы чёрные видны.
Я помню: пацаном спросонок
спешил весной на косогор
где слышал свист скворца знакомый,
вплывавший в солнечный простор.
Запомнил запах почек первых
и веточки зелёной хруст...
И почтальонши голос нервный...
Глаз материнских боль и грусть.
Пришло письмо отца: «Блокаду
под Ленинградом разорвем
на этих днях...И если надо
за дело правое умрём...»
А вскоре следом - похоронка.
И ветры майские в полях
мне пели в трауре негромко
о безвозвратных, грустных днях.
- Берёза, белая, родная-
те шрамы чёрные в коре
сейчас в весеннем Первомае,
напомнили о той поре...

ХОЧЕТСЯ В СЕЛО

Обожаю старенькую дачу -
я родился, вырос на селе...
Здесь от шума городского прячусь -
хочется в деревню, насовсем.
Надел транзистор, крик соседей,
ругань пьяных под ночным окном...
Надоел телеэкранный, и бредни:
что страна - единый, дружный дом.
Хочется в село уехать к деду:
лошадь запрягать, косить в лугах,
ставить сети, под копной обедать
и носить ягнёнку на руках!..

Хочется ходить тропинкой в поле,
где пшеница стелется волной...
- Ну, а город? - тесно, как в неволе...
Весь в огнях! -
нет звёзд над головой?!

ПОЗДНЯЯ ОХОТА

Сороки перебрались к избам ближе -
мелькают в ветках сизые хвосты.
Роня пух, камыш светлеет рыжий...
Чуть больше полчаса до темноты.
Спешу с ружьём опять на луговину...
Зажглись в деревне первые огни...
И не пойму себя я:

 чем гонимый,

свои здесь трачу отпускные дни?..

Жена на юге...

 Этот луг туманный

и холоден, и пуст....

 Зато взахлёб

вдыхаю свежесть -

 и хмелею странно...

Прохлада нежно обвивает лоб!

В КАЖДОМ ТАЛАНТ...

В каждом талант -

 под названием душа,

в каждом запрягано чудо!..

Кто ты - художник, пахарь, скрипач,

или игрок, забивающий мяч -

рыбку свою золотую поймать

старались извечно люди.

Легче, конечно, валять дурака.

пиво тянуть да в картишки...

Легче лежать и плевать в облака,

надсмехаясь: а ну их, страстишки?

... Гонит по кругу цветной циферблат

стрелки, секунды торопит,

кто-то по компасу, кто наугад

за счастье выходит на тропы!

Каждый по своему сходит с ума

и не пугают нас раны:

ночь зачарованно смотрит в дома -

я колдовать снова стану.

Буду пургою стучаться о лёд,

стану звездой падучей, буду казнён...
И всю ночь напролёт

плыть мне по строчкам созвучий.

Может, и вправду, сойду я с ума -

не каждому светлая доля...

- Вот и окрепли, проснулись дома,

словно и не было болей!..

В ЦИРКЕ

С посеребрянной уздечкой

белый конь летит в огонь...

Улыбается сердечно

 Девушка -

и хлыст в ладонь.

Ах, наездница, наездница,
Резво не гони коня...
... Степью гулкою, нездешнею
 освежи меня...

Над шатрами - купола,
бархатны дорожки...
Амазоночка мила,
в стремя - блеск сапожка!
Грациозен в беге конь -
гривы белый ливень,
выгиб шеи, как с икон,
и в глазах по сливе...
А наездница-кудесница
то на рысь, а то в галоп -
виртуозничает, тешится
и коня целует в лоб...

ПРИЕЗД К СЫНУ

Губы - мои, точно вылиты,
скулы широкие - копия...

Только что в ванне вымытый,
лежит он, ресницами хлопая.

Глазёнки тарачит бессмысленно,
три месяца - что понимать?

Зрачки большие и иссиние -

напомнили старую мать.

И вдруг, несказанное чудо:
кулачками над личиком стукнув,

прогнулся немножечко грудью -
широко улыбнулся, аукнул...

Я молчу, затаив выдох, сжался -
долго- долго в ушах плыло эхо...

- неужто он догадался что к нему
кто-то близкий приехал?!

В БОЛЬНИЦЕ

Льдистый снег за окном моросит
и стучит в подоконник палаты...

- Выплыли за окном этажи,
и сестра рядом в белом халате...

За домами белеет Иртыш,

а над ним облака низко стелятся...

У окна ты стоишь и глядишь,

вспоминая о чём-то растеряннo...

В коридоре лекарственный чад
с тошнотою,

 и слышатся стоны

из палаты, где двое ребят -

эти ужасы вроде знакомы.

- Ах, когда это было, когда?!

Да, в деревне, в военные годы:

индевели вверху провода

и валил наповалку всех голод.

А больница пуста, холодна-
аж мурашки вонзаются в тело!..

И жестокое слово «Война»

за окном в зимнем небе свистело.

Что ни день - похоронки несли,

в ставни били свирепые ветры...

- Столько вынести лиха смогли -

что не хочется думать о смерти.

В КАФЕ

Лоб, исполосованный морщинами,
под глазами синяя черта...

- Неприятен этот мне мужчина
и за столиком меж нами, немота.
Наклоняется он над фужером
и вино искрится чуть в дыму...
Неужели это жизни мера:
понапиться и уйти во тьму?!
Взгляд тускнеет, тяжелеют веки -
только трус

так сводит с жизнью счёт...

- В спорте есть без рук
иль ног, калеки...

Восхищаюсь:

- Чудо!.. Во живёт!!

В ЖЕСТОКОМ МИРЕ

В уютном мире огромном,
в сердце прошлую боль затая,
ты живёшь по своим законом,
как и я -

но мы вместе - семья?!

Нас роднит очень малое в жизни,
в основном -

общий кухонный стол....

Симпатична ты,

модно подстрижена

и поёшь -

а какой мне в том толк?

Если требуешь денег, не ласки,

и безмерно вещей дорогих.

Говоришь:

не понять мне прекрасное,

но не хочешь прочесть даже стих.

Часто страсть и своё обаяние

тратишь походя, по пустякам -

и надменностью и невниманием

усложняешь жизнь трудную нам.

Мне обидно:

ты слепо не ценишь

ни на грош,

что я где-то в пути...

И упрёки твои, словно цепи,

с каждым днём

тяжелей мне нести!

МИЛЫЙ ДРУГ

«Милый друг!» - звучит всё чаще
из прекрасных женских уст,
слышалось мне в этом счастье -
оказалось:

смысл слов пуст?!

«Милый друг» - не муж законный
и, конечно, не жених.

«Милый друг» - давно знакомый,
преданный слуга для них.

Покупает он подарки,
приглашает в ресторан...

«Милый друг» - под новой маркой,
что придумал Мопассан.
Ни любви и ни отваги -
просто маленькая страсть,
не грозит соперник шпагой
и не нужно «миллой» красть.
«Милый друг» - звучит красиво,
я и сам хотел бы быть
милым,

но зачем так лживо

те слова произносить?!

Как разменная монета,

обнищавшие, звучат

те слова по белу свету,

словно ранний листопад.

«Милый!» - так воркует голубь...

«Милый!» - трепет нежных рук...

«Милый!» - говорят с любовью...

... И в насмешку: «Милый друг?!»

ЛЕЧЕБНЫЙ ЧАЙ

А сын растёт застенчивый, худой...

И бабушка, украдкой всё вздыхая,

готовит кашку, из травы настой -

и клевер в комнате благоухает...

Я тоже в детстве иногда болел

и травы пил с настоем троелистки,

под шубою овчинною потел -

и запахи лугов мне стали близкими.

Люблю я чай из самых разных трав:

с душичкою, смородиной,

брусничкой...

... И вновь охапку зелени набрав,

сушу на зиму

чай свой многоликий.

ТВОИ УПРЁКИ

Мы с тобою

живём в одном доме,

даже больше, с тобой мы - семья

Но живёшь по своим ты законам

прошлое от меня затая.

Нас роднит очень малое в жизни,

в основном -

общий кухонный стол...

... Симпатична ты,

модно подстрижена

и поёшь - знаешь в музыке толк!

Только ты почему-то не ценишь

моё творчество, что я - в пути...

И упрёки твои, словно цепи,

с каждым днём

тяжелей мне нести.

МЕДВЫТРЕЗВИТЕЛЬ

В тусклом свете грязного двора
у машины мечется милиция,
крутит руки девушке - ура!
Выкрутили, рыцари с амбицией.
«Что же делаете Вы со мной?!» -
девушка отчаянно зовет...
Но в ответ лишь хохот громовой
двух сержантов...
 Лейтенант зевает...
...Двор огромный, каменный барак,
спецмашина «ЗИЛ» с железной будкой.
Из двери открытой наземь - шмяк,
выпал пьяный...
Смех и прибаутки...
А второй застрял ногой в дверях,
Пожилкой -
боится прыгать, видно,
но сержант под дых ему!..
Тот - ах!
Вывалился...
«Так-то лучше, гнида».
Пьяных шестеро, и кроме них
парень с девушкой в берете красном.
Ясно - в вырезатель шестерых,
этих молодых? - куда, неясно.
«Дома что скажу своим родным?...»
- спрашивает девушка, рыдая.
Ей сержант:
«Ты с хахалем своим
разве не пила в кустах, святая?!
Вот она, бутылка-то твоя,
и твой парень факт не отрицает...»
... Снова смех...
И слышу чётко я:
«... Ты ещё покрутишься, нагая?!»
То сержант с издевкой говорит
девушке, её к крыльцу толкая.
Он усат, жирён - довольный вид,
наглый... Даже мат.
А ей - «святая!»...
Я стою на улице во тьме
и невольно слушаю, мрачней:
- вижу двор залепленный в дерьме,
- вижу сталинскую эпопею.
... Ухожу домой, но вновь и вновь
перед взором девушка «святая»...
Ночью мне приснилась
 чья-то кровь
и фигура женская «нагая».
Ну, а утром на работе вдруг
новость: в вырезателе девчонка
вскрыла вены – так, с пьяна... Испуг?!
- «Не спяна! Я знаю дело в чём тут!»

МОЛОДЁЖЬ

Не битлы, не хиппи,
не ядрёна вошь?!
Открытьями сыплют
как в звёздный дождь!
- Быстрее звука!..
- Света быстрее!..
Наследники Кука
и трёх богатырей.
Сквозь шквал урагана
в арктический лёд
идёт наш урановый
а-то- мо- ход!
В космический, звёздный
неистовый путь
легли наши вёсны
и нас не свернуть»..
... Но, в жизни не просто,
нет манной с небес -
Чернобыль стал коростой,
грозою АЭС!..
В полях под Уфою
дымит сметный чад,
горит в Уренгое
торф - всюду чад!
Спитак низвержённый
и Кировокан?!
- Вот притчи, ожоги
и боль наших ран!..
А кто-то всё хнычет:
«Пошла молодёжь?»
- Кто этот обидчик,
слюнявящий ложь?..

* * *
Я снова детство повторяю
и в муках сладких замираю
(А мне уж 80-т лет) -
порой не мил весь белый свет!
За шагом шаг, за годом - год...
А вот ещё был эпизод...

* * *
Мне всякий раз ты кажешься иной:
когда с утра, распахивая окна,
расчёсываешь пряди свои, локон -
с улыбкою...
И кажешься - святой!
И в новый день с надеждою глядишь...
Бывает: хмуришь брови и молчишь.

* * *
С годами слово обретает цену,
когда оно о чести!..
Совесть, долг -
 превыше жизни!..

Верю: не изменишь родным местам...
И честь - тому залог!

* * *

А издали - всё кажется иным:
твоя наивность, нежность и причуды
ко мне вернулись колдовством святым...
И даже годы память не остудят!
Ты девочкой тогда ко мне пришла,
в улыбке лучик солнца принесла!

* * *

Опять снежок из прошлого леплю,
хочу метнуть к забытой в ветках раме...
... И непонятно:
сплю или не сплю?..
Так хочется продлить тот миг обмана.

МОЙ ГОРОД

В инее кудри берёз,
снежинки на серых крышах...
Утренний бодрый мороз
паром на улицы дышит!..
- Сибирской земли сторожил,
Омск, самый любимый город -
ты многое совершил,
делами ты молод!..
... Иду вдоль могучей реки
по набережной широкой,
Свирепым ветрам вопреки
распахнуты форточки окон.
- Сибирской земли сторожил,
мой Омск, красивейший город -
нарядны твои этажи
и в ветер, и в зимний холод.
Плывут за рассветом гудки
мощных гигантов-заводов,
гляжу я из-под руки
на быстро летящие годы.
- Сибирской земли сторожил,
Омск древний, могучий город.
Частица моей души.
Ты - дом мой, моя ты гордость!..
Опять по весне над рекой
потянутся птичьи стаи,
и будет рассвет голубой,
и садом нам улицы станут...
- Сибирской земли сторожил,
Сад - город, зелёный мой город,
тебя навсегда полюбил -
и здесь мои лучшие годы!..

МАМИН ЮБИЛЕЙ

Мамин праздник...
Богато застолье,
нету птичьего лишь молока?!

Возвращаются близкою болью
беды прошлые издалека.
... Плачет мама...
Печаль расплывается
тихой скорбью за светлой слезой:
там - соседи с войны возвращаются,
только он не вернулся домой...
Было всяко: работа техничкой.
Выжить! Выжить!
Детей всех поднять?!
... И сидим за столом - притихшие,
нам самим трудно слёзы сдержать.
Плачет мама...
И гости смущённые
прячут взгляды - её ль не понять?!
На лице её- ночи бессонные...
Холод, голод - годов тех печать!
- «Мама, мамочка!
Платья цветастые,
шали яркие - всё, всё- тебе!
Лишь живи с нами долго
и здравствуй!..
Наша боль,
радость в нашей судьбе!»

МГНОВЕНИЕ

Легли жестоко складки
прищуренных глазниц-
и слёзы в них украдкой,
как пули, из бойниц!
Плывёт дымком без выстрелов
зальсин седина...
В пол-жизни путь
мой выстрадан,
трагедия видна.
Сомненья болью ранят,
всё чаще устаю,
и непонятно, странно
в себе я восстаю?!
Развёрзнуты пределы
и неба, и земли...
- А что же нами сделано,
что внукам берегли?!
Пол-неба надо мною,
пол-мира за спиной!..
Одно мгновенье стоит
надежды вековой!

МАЛОЙ КРОВЬЮ

«...Малой кровью брала города
царица полей – пехота...» -
прочитал я в статье...
Ерунда?!
Пишут так, кто не видел дотов.
Ведь поныне протезы скрипят
у соседа, что топал в пехоте...

Слишком много безногих солдат
видел я... И болтать - нет охоты.
... Вот о стройке, внизу, репортаж:
«Нефтеюганск... Золотистые копи...
На «Гора!» и «Ура!» -
оркестр: «Марш!..»
- Пишет так, кто не мёрз в вязких топах!
... Я бессонно корплю над стихом,
прожигают насквозь меня токи -
кто-то скажет наивно потом:
«Как легки и прозрачны строки?!»

У ИРТЫША

Признаюсь, было множество дано
рассветных вёсен,
радостных свиданий!..
И счастье, мне казалось, шло само
из солнечной и беззаботной дали.
Я шёл по жизни - весел и упрям,
сомненьями души не омрачая...
Но час пробил:
за временем - обман,
стою один у зябкого причала.
Я многого не сделал, не сберёг,
а думал: всё смогу - ещё успею?!
...Моя звезда, как малый огонёк,
за горизонтом призрачно алеет.
Не давно это было - иль давно?
Как неоплатный долг,
вернулись годы.
- И память, быстрой лентой кино,
победы и грехи мои итожит...

«НОВЫЕ РУССКИЕ»

Нам не хватает глубины -
скользим мы по поверхности.
Ни ярких чувств, ни новизны,
ни смелости для верности.
Жизнь погрубела, денег власть
всем захлестнула души?!
В чужой карман ты не залазь,
не бойся зла и стужи.
Молюсь не только за себя:
пускай в рубцах ладони -
трудись, и ближнего любя,
не делай лик иконный.
Иди вперёд, пусть наугад,
цени краюху хлеба...
На пустыре взрасти свой сад -
и почести не требуй!..

СТРЕМЯТСЯ ЛЮДИ ЗА МЕЧТОЙ

На дне морском и под землей,
и в космосе звенящем -
стремятся люди за мечтой,
далёкой и манящей!

Вот так и мне б -
тогда не ныл,
и не ходил на ощупь.
Для ярких чувств и новых сил
нужна тайга - не роца.
Нужны моря - не ручейки,
нужны шторма и стужи!
- А ты?. Ты кормишь птиц с руки,
на пляже сердце студишь.
А надо каждым утром - в бой,
идти на бастионы,
сражаться с мерзостью любой,
с враньем и беззаконием?!

ВДОЛЬ БЕРЕГА

Мосточки шаткие к воде,
под берегом высоким
напоминают о тебе
в том майском дне далёком!
Мерцает мокрое весло
и звёздный шлейф искрится...
С водой весенней унесло,
тот день - теперь он снится!
Клубит вдоль берега туман
и застилает воду,
берёзки белый сарафан,
на твой похожий, вроде...
А рядышком - по грудь в воде
склонились тихо ивы...
Вдоль берега - плетень.
Везде
растут кусты крапивы...

НА ЗИМНИКЕ

Метель ночная улеглась
и вызвездило небо!..
В кустах узоров белых вязь,
в ней - сказочность и нега.
По зимнику искрится след
за трактором с санями...
Вокруг белым-бело,
весь свет
укрыт чудными снами?!
И небо на заре в разлёт
рассыпало вниз льдинки...
Даль ослепительно поёт
под шапкой-невидимкой!
Глаза слезятся...
Жжёт мороз, выветривая тело...
Серёжки стылые берёз
звенят в тиши несмело.

НЕЖНАЯ ЮНОСТЬ

Мне приснилась далёкая юность:
ночь безликая, мёртвая тишь -
и такая слепящая лунность?!

... И ты, прежняя, робко стоишь.
Полудетские, пухлые губы
шепчут тихо признанья свои...
Я - степенный, насмешливый, грубый
повторяю слова в забыты.
Боже, что же она произносит,
проклинает и снова зовёт -
горделивая, нищенски просит,
униженная - светло поёт!..
И дома, как развалины, глухо
спят в ночи, постарев до бела...
Вдруг в калитке мелькнула старуха
и, ругаясь, её прогнала.
И слепящая, мёртвая лунность
колыхнулась упруго волной?!
... Чья-то странная, нежная юность
рассмеялась в тиши надо мной.

ТЫ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ

Много дней сменилось -
сказаны все речи...
Ты не изменилась,
ты, как в первый вечер.
Шутишь и смеёшься
весело и вольно,
и не признаёшься
что бывает больно.
Если рядом - пошлость,
за спиной – обман...
Только память прошлого-
это не туман?!
Ты поймёшь, наверное,
как ты не права -
бросив легковёрные
обманные слова -
тем, кто провожали
до твоих дверей,
тем, кто ожидали
в сумерках ночей.
Вспомнишь и с упрёком
- кто учил курить,
как была жестока
с тем, кто мог любить...
Вспомнишь и о доме
в час ночной, без сна,
и поймёшь: огромен мир,
и ты - одна.

В ВЫГОРЕВШЕЙ ГИМНАСТЁРКЕ

Машины к перекрёстку сгрудились:
-«Кого ещё там, чёрт несёт?!» -
из дверцы вывалившись грудью,
чтоб показаться свету, людям,
весёлый паренёк орёт!..
И сразу - стих, как пригвождённый,
и краска хлынула к щекам:

по мостовой - непобеждённый
ползёт солдат!..

Где быть ногам -
лишь надколенники в заплатах,
дощечка с роликом одним,
в руках костяшки, как гранаты...
...Я тоже замер перед ним?!
«Откуда он?» - смертельно раненый,
разрубленный напополам,
ползёт не где-то поля бранного,
а площадью - навстречу к нам?!
Измученный, давно не бритый
- цвет гимнастёрки полинял!..
И взгляд - мучительно прикрытый,
в зубах окурков, как запал!!
... Да, говорят, дома особые
есть ветеранам в тишине,
где лаской и теплом ухоженные
- забыть смогли бы о войне.
А мне бы - в кресла их, на площади,
в круг близких лиц, среди цветов -
чтоб без прикрас,
что хуже пошлости.
поведали б нам быль отцов!

В ОЖИДАНИИ ПОПУТНОЙ

Шоссе - глины вязкое тесто,
в кювете вода с желтизной...
За спиной деревушка безвестная
оказалась безлюдной дырой.
Жду машину попутную сутки...
Противно...
Нет, высказать, слов?!
Порой не хватало минутки -
а здесь столь пропавших часов!
Дорога кривится, смеётся:
был дождь - и осталась грязь.
Не знаю, где хуже живётся,
но в эти места не залазь?!

БОРЬБА ЗА ШАХМАТНУЮ КОРОНУ

Матч «Спасский - Фишер!» -
будь-то я сам,
двигая фишки,
долблю по часам!
Пешки в гамбите
я в жертву бросал...
«Солдат не губите?!» -
мне кто-то шептал.
Но веруя в силу,
на фланг гнал коней?
И ферзь, как сбесившись,
сбежал в тыл скорей.
Слоны заблудились,
Ладьи - по углам...

- Вот так в миттельшпиле
проигрывал сам?!
Никак не предвидя,
что будет цейтнот -
толкаю на гибель
всё войско вперёд!
... Как сон или бред -
эта страшная явь...
спасения нет...
все надежды оставь?!
- Проигран матч...
Скверно...
Мне Спасского жаль...
А я в него верил,
на щит поднимал!!

КИРЖАК

Невысокий, широкоплечий,
с первым блеском седин...
В озеро сети ставит под вечер.
Он на хуторе год, как один.
Егерем много лет здесь служил:
приглашая друзей по субботам -
охотбазу пропил, оголил...
И ни птиц, ни зверья для охоты...
Базы нет...
Дом достался ему...
Одинок живёт, словно зверь.
Днями спит... И не любит тьму:
подпирает колом на ночь дверь...
Ни жены, ни детей - никого?!
Киржаком все прозвали его.

ПОЛУСТАНОК

Штакетник редкий над забором
да серых крыш неровный ряд...
Грохочет вдаль по рельсам скорый,
я из вагона пялю взгляд.
- Доколе избам быть?!
Доколе?
Где сказочные терема?
Где в светло-чистом, вольном поле
кирпично-белые дома?
Но шепчет поле мне устало:
«Не торопись корить свой край,
войну ты вспомни: сколько пали
в краях далёких?.. Подсчитай?..
Там тысячи на поле брани
осталось лучших пахарей...
А сколь поздней в чужие страны
жизнь разметала сыновей?!
А что дома? - Гляди, вот школа,
она в пять прочных этажей,
но мужику в ней жить не вволю -
она для маленьких стрижей.

Крестьянину подай смолистый,
бревенчатый, просторный дом,
где пахнет лесом, полем чисты,
где палисадник под окном...»
... Вновь полустанок... вдоль заборы...
и над домами – синий май.
И я с собой уже не спору,
шепчу:
«Как есть - всё принимай?!»

ХОЛОДНЫЙ ОКТЯБРЬ

Шаманит озёрный рассвет,
волны шипят, взбунтовавшись...
На пристань гребу...
Пенный след
стелется снегом вчерашним...
Тучки, как дым от костра,
кружатся низко-низко...
Домой возвращаться пора!
Охота тяжёлая - с риском!
Ведь волны свинцово летят,
на гребнях играют барашки.
И гуси прощально кричат...
А я - весь в сомненьях вчерашних.
По берегу стадо бредёт,
согнулся в седле казачонок.
Вот солнышко скоро взойдёт?..
Аукнет ли лес мне спросонок?..

СВЯТЫЕ ПОКРОВА

Слышны слова:
«Покровь» и «Церковь»...
В трамвае - давка, суета
В окне - рассвет,
но утро меркнет
с молитвой :
«Отчий наш... в Христа.»
Старушке,
шепчущей аж всхлипом
беззубым ртом,
тесно стоять...
Бескровны испытые лики
и как-то приторно дышать.
Я старость в людях уважаю,
и над толпой,
спешащей в храм,
как и в иконах, ощущаю
слепую веру к небесам.
Я тоже старенький мужчина,
но дел земных неупроорот...
Вот в безрукавке из овчины,
в кепчёнке, в угол дед встаёт.
Седой, кривой,
смертельно-белый,
с короткой, редкой бородой
по сторонам глядит не смело...

Прищурившись, следит за мной...
... Схожу я остановкой раньше:
пройду- ка, подышу снежком...
- Живуч, однако, Бог - обманщик,
вползая в души червяком.

ВИЖУ ШЛЕЙФ?

Белый дым за самолётом...
Пена в волнах за бортом...
Лента, что от платья вьётся...
Дым костра в лесу ночном...
Помню в детстве вечер вьюжный,
снежный шлейф и посвист стужи...
По полю бежит позёмка,
погружаясь в вечер тёмный...

ПЛЕЩЕТ ИРТЫШ

Шумной улицей я колесил
с мыслей странной и набожной:
где же взять воли, духа, и сил?!
... И к Иртышу вышел, к набережной.
Берег, закованный в мощный гранит,
бликами светит мне в вечность.
Над тихим причалом прожектор горит -
там слышу влюблённые речи...
Девушка нежно смеётся в ответ,
а парень воркует: «Любимая»...»
Плавает в волнах звёздочек свет
с синью *не - о - боз - ри - мою.*
В улицах шумных, где только бродил,
в лицах встречных -
тоска и безверие,
словно город, уставший, без сил
в загробное царство уверовал.
А здесь - юный пыл и влюблённости зов,
на водах- небес отражение!
... Плещет и шепчет Иртыш мне без слов:
«Вам, люди, моё вдохновение!»

ШЛЯХ ВОЙНЫ

Я помню осень: на восходе
бреду, не чуя своих ног,
по пыльной, горестной дороге
среди военных тех забот.
То- пыльный шлях...
Там в дальней дали
исчез отец...
Там дым- столбом...
Там боль надежд всех, ожиданий,
опалены навек огнём!

ЕГЕРЬ-БРАКОНЬЕР

Шум мотора...
Наш старенький газик
мчит сквозь ночь...
Подступает рассвет...

Вот и лес,
...и огни охотбазы...
В свете фар -
джипа вдавленный след.
Свежий, только пред нами проехал...
Слышим выстрелов громкое эхо?!
Как, у базы!- куда смотрит егерь?..
«Браконьер он!» - я слышал,
не веря...
Видим: фары кусты ослепляют
и из джипа
в зайчишек стреляют..

МЫ - В ШТОПОРЕ!

Шлейф дыма оставил
сгоревший Союз.
Россия в безумном полёте
воздушным фрегатом несётся - дивлюсь:
не вижу в кабине полёта?
Кричат в микрофон идиоты: «Ура!».
И воют моторы азартно...
Всё, чем дорожили-
в названье - «Вчера»,
всё больше пугает нас - «Завтра».
Явлинский в испуге, с трибуны изрёк:
«Мы в штопоре, гибнет Россия?!»
Парламент безмолствует -
в трассе... молчат...
руками разводит бессильно...
Министры притихли, пророки молчат,
невидно давно президента...
... А беды плывут над страной, как чад -
все ждут рокового момента.
Ведь штопор всё длится -
такой затяжной.
Весь мир затаился -
един шар земной!!

ШТИЛЬ

Ах, какая тишина!
Улеглась в проулке пыль.
Тучка чёрная видна -
так обманчив этот штиль.
Быть грозе! -
А в речке - синь,
в травах - нити паутин.
Холод веет с висока,
но пока - ни ветерка?!

ШИБЛЯК

Колет руки, колет в шею
мне шиповник так и сяк.
Но пройду я, одолею
лес с кустарником - шибляк!
И сорву на память розу,
станет взгляд мой нежно - розов!

ШУМ БЕРЕЗ

Ветра нет. Но в тихой зорьке слышу близкий шум берез: в нем – полны запах горький, в нем – шептание всех звезд. В нем все звуки пробужденья: всплеск крыла дремавших птах, капель росных вниз скольженье и букашек первый страх. Листья ото сна очнулись – и лепечут и поют. Веточка слегка качнулась – муравьи по ней ползут. Тонко тенькнула синица, пулей просвистел паук... Легкий пар внутри струится, и скрипит засохший сук.

НОЧНОЙ ПРИЕЗД

Приболела мать...

По телефону просит:
«Поскорее приезжай, сынок!...»
И сейчас в ночи рулю бессонно.
Мчит «жигуль» меня...

А путь – далёк.

По обочине леса сомкнулись...
Иногда- просвет больших полян...
- Как там мать?!
Со свистом ветер дует...
Но всё реже и светлей туман...

ЩЕГЛЫ

В бессонном свете электрическом.
тень на ночной стене легла..
В холодной клетке металлической
сидят два крохотных щегла.
Тих коридор...Стою беззвучно
у сетки, купленной соседом...
... Один, видать, давно приученный,
спокойно дремлет на насесте.
Другой всё долбит по решётке,
порхает, бьётся об неё!..
И этих крыльев слабый отзвук
до глубины души идёт!
- Люблю щеглов! - и с близкой болью
смотрю на узника бессонного...
С каким сейчас я удовольствием
сказал бы людям всем бессовестным:
«О, как вы можете бесчувственно
сжимать железом жизни птички...
Хотите красоты искусственной?..
- А не хотите ль в клетку, лично?!»

ЩЕНЯТА

Как повивальная старушка,
любуюсь родами щенят...

Ещё мокры, на свежих стружках -
их спины серые парят.
И писк щенячий уши режет.
Облизывая их бока,
Валетка смотрит взглядом нежным,
как три катаются клубка.
Щенки слепы. Друг к другу плотно
прижались. Съёжились. Сопят...
Им в конуре здесь, в подворотне,
расти на радость всех ребят.

СЫН И ЩЕНОК

Щенок, на привязи, с утра
скулит, аж душу рвёт...
И слыша визг тот со двора,
пораньше сын встаёт.
Он одевается, спешит,
зажав в руке кусок.
Пса обнимая, говорит:
«Покушай - вот, дружок?!»
... Стою поодаль, позади...
А пёсик, впрямь, хорош?!
Всего день вместе, а гляди:
водой не разольёшь!
Да, дружба детская всегда
звонка, как ручеек -
и страсть её нежна, чиста...
Но сына путь далёк...
И хватит ли любви на всех,
на долгие года -
ведь будут вьюги, ярый снег
и злые холода!..
И думаю я: как её
от злобы оградить,
чтоб никакое воронье
не смело растащить?!

ЩУКА

Зеленоватая – под травы,
и полосатая слегка...
У омута, за переправой,
она сторожит окунька...
Прожорливая – дашься диву!
Встречал длинною с метр, поди...
Берёт с крючка малька-наживу.
Не дёргай резко, проведи...

НАЧАЛЬНИК

Между нами, мальчишками, был
заводилою он и «начальником» -
направлявший мальчишеский пыл
на забавы и игры случайные.
Не любя пустозвонства, забав.
уходил я в леса, на озёра -
в звон кузнечиков, шелковость трав,
в полевые, грибные просторы!..

Незакатную мая зарю,
птичий хор и высокое небо,
и сельчан всех - благодарю
за науку о трудном хлебе!..
... Парень тот вышел в «люди» давно,
стал начальником-

очень заслужен!
Про деревню забыл, где в одной
избе, он старушке так нужен.
Взял, приехал бы в отпуск, побыл?..
- Лишь звонки: некогда, я - начальник...
Да, в деревне он только любил
забавы да игры случайные.

О ТВОРЧЕСТВЕ

Мои бесхитростные строчки!
В вас - каждый вздох
и каждый взгляд
соединились плотью прочной -
встаёте Вы в единый ряд!..
Но лишь ослабнут в сердце токи -
грущу, неверен сразу шаг...
И распадутся все строки -
и перед помыслом высоким
(под небом призрачно - далёким)
душою снова беден, наг?!

СИРОТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Меня сопровождает всюду тень,
моя ли, не моя - того не знаю...
И в солнечный, весенний, новый день
себя в душе сомненьями пытаю!..
Меня подстерегает чья- то злость
и поддает такие оплеухи,
что небо опечаленно сошлось
над головой - и я слабею духом!
И новые возмездия грозят
из дней военных и полуголодных,
но нет дороги праведной назад,
а потому - я в будущем свободный!..

Свободен от привычек и причуд,
и независим от друзей, соседей -
и признаю в основе только труд,
а если лозунг, то один - «Победа!»
... О, таинство грядущих перемен -
есть отблески на лицах и одежде!..
Уходит тень?!..

Ничтожна власть измен
и крепнет в глубине души надежда!!

МОЙ КНИЖНЫЙ ГОРОД

Буква к букве - слова горячи!..
Строчка к строчке - этаж поднимаю!..
Дом построен -
дарю вам ключи,
с новосельем всех поздравляю!

Книги строятся, как дома,
пусть страницы в простенках,
не брёвнышки!..

Как прекрасны порой терема
с окнами на зарю да на солнышко.
Я боюсь, если плох чем-то дом,
если в нём сквозняки, сумрак, стужа.
- Как же жить в доме шатком таком,
и зачем тогда людям я нужен?!

Город мой!
- из рассказов, стихов,
с радостями и горечью буден,
ты пока из моих только снов...
Ты надежды счастливые будишь!
Город строится мой давно,
чужд столицам всем шумным -
и мечтаю я лишь об одном:
пусть он солнечным будет
и юным!!

* * *

Мне грустен стих -
пусть он и звонок,
когда в него водицу льют...
Бездонным, кажется, бочонок -
дырявый, а ему : «Салют!!»
Грустна мне похвала любая
лишь за красивые глаза...
- От скромности ты не страдая,
себя возносишь в небеса?!

БАЛАШИХА

Гощу в Балашихе,
в раю Подмосковном,
здесь дачников уйма
...и розы цветут...

Моя же деревня - сибирская, кровная
любит без роздыха тяжкий труд!..
Она по весне перегноем пропахла -
встаёт под мычанье и гул тракторов,
её обступают раздольные пашни
и дальние гребни высоких лесов!
Не знает она дремоты межсезонья,
работает в Пасху и в дни Рождества,
и мёрзнет она под крещенские звоны.
не верит Москве и красивым словам.
Под всхлипы метели и в майские грозы
живёт в ожиданье счастливой поры -
украдкою молится, словно возможно
увидеть улыбку родной стороны?!

И осенью позднею в слякоть, в порошу
ссыпает богатства в свои закрома -
потом раздаёт их по Миру за гроши,
а чаще, признаться, совсем задарма...
...Застрял в Балашихе,
в раю Подмосковном,
здесь дачники весело лето живут...

Сегодня деревня сибирская кровная
приснилась мне -

ёю горжусь!!

ВИД В ОКНО

Как надоедливо-полусонно
мурлычет под ухо кошка...

Облокотившись на подоконник,
в открытом сизу окошке.

Разморил полдень улицу, двор -
не лают даже собаки?!

Только мух панихидный хор
да за срубом

судачат две бабки?!

В сенцы дверь приоткрыта слегка -
холодок навевает под ноги...

Суматошная жизнь далека:

где там город, семья -

все тревоги?!

... Вот поистине мир в тебе:

сам себе - Бог,

и работник!..

- В свежесмытой, старой избе
те же иконы...

с пылью позолоты.

МАРТЫНЫ

Белоснежные, гордые птицы
купаются в бликах зари,
продолжая низко кружиться
над смолистою пашней вблизи!..

Что им надо от чёрной пахоты,
после сини небес, чистых вод?!

- Может терпкие хлебные запахи
опьяняют кричащий их рот?

... Я стою, где стерня золотится -
есть в ней зёрна и колоски.

Но к жнивью не садятся птицы-
чем пласты с чернотой им близки?!

Белизне в голубом отражение,
может там, на морях вдали

не хватило простого сравнения,
как сейчас - в этом глянце земли!..

Может влажная пашня червями
поманила? - отгадки в том нет!

Может в прятки играют с чертями,
белизной восхищая весь свет!

Белым снегом на пашню садятся...
Приближается трактора гул...

Тракторист, не устав удивляться,
улыбаясь, сигарку свернул.

У САМСОНОВСКОГО МОСТА

(Мост через Иртыш возле Тары)

Мир таёжный и тихий

в трущобах загадочно спит,

на верхушках сосен зелёных

под лучами блестит малахит!

Продирается тоненький лучик
между сучьев на жёлтый мох -
мох трясиною гибельной пучит,
что ни шаг по нему,

то - подвох!

Мой надёжный попутчик присказки
сыплет весело, как из мешка:

все слова его - мудрость и ясность
Ваньки молодца-«дурочка...»

По болоту тайга вековая
не спеша нас выводит к реке,

а над ней озорно блистает
мост крылатый, словно в броске!

Вот ещё посреди два пролёта
и готов- свяжет он берега!..

... Тих вечерний Иртыш в позолоте,
в позолоте глухая тайга.

Солнце низкое красит охотно
и понтоны, и новый причал...

Вдалеке,

за речным поворотом

пароходик в гудок прокричал!

ПРИХОД НОЯБРЯ

Мир опять расчленён
на отдельные странные звенья!..

Потемнел небосвод,
наполняя просторы смятением.

Первый снег, тёплый снег -
кружатся белые хлопья...

Слышу ветра шального набег...

За рекой выстрел хлопнул!

Белизною омыт полдневой
горизонт...

Лес - понурый, безлистый.

Две синицы рядом со мной,

слышу их невесёлые свисты!..

Это только ноябрь -

вся зима впереди...

Шепчут губы беззвучно:

надейся и жди...

МОИ ПОДЕЛЬНИКИ

Тёща да тысяча - их идеал,
с утра мелочишку считают,

называя ласково «капитал»,

к вечеру до копейки спускают.

У того, помоложе, краснеет нос,
у другого зрачки запали...

С утра и до ночи один вопрос:

«Аб выпить, и спеть - мы пахали...»

И каждый из них

глуповато хитёр,

крича про судьбу человечью.

На деле, не более, как прожектёр,

залазят в шкуру овечью.
И блеют, поздней на работу на час
приходят, а тронешь - зубы
покажут, рыча: «Все не любят нас...
Ты первый законник, хрен грубый?»
Твердят: «Изработались,
сил больше нет -
не халтурщики мы, не хапуги?!»
Один даже носит с собой партбилет -
таких не застанешь в испуге.
Сторонкою, крадучись
и в магазин...
С обеда загул начинается...
Частенько я с ними один на один
Воюю, а что получается?!

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Моя деревня?! - ты живёшь
и не богато, и не бедно...
Всё так же сеешь,
так же жнёшь -
дымя под небеса победно.
И в отчем крае кораблём
плывёшь ко мне
в полях зелёных.
Нет, не за мёдом и рублём -
иду, в красу твою влюблённый.
Ты хорошеешь и растёшь,
а в основном, пожалуй, та же:
с рассветом на ноги встаёшь
и где-то в полночь только ляжешь!
Твой труд огромный не объять,
и только грубые мозоли
ладоней, могут рассказать
мне о твоей нелёгкой доле!

ОБРАЩЕНИЕ К МУЗЕ

Была когда-то ты гордыней,
аристократкой по крови!..
Цвела ты розою в пустыне,
рождалась в отблесках зори!
Тебя от жизни ограждали -
от горьких слёз и нищеты,
тобою сильных ублажали,
слагая оды Красоты!!.
Но и бывала ты другою:
безвестной песней-сиротой,
когда по пашне за сохою
шагала раннею росой!
Когда в избе над люлькой бедной
бессонно ночи напролёт
звучала песней колыбельной
и сказкой, что добро придёт!..
...Но грянул гром и грозовые
запели песни на земле!
Слова, как копы боевые,

тебя подняли к синеве.
Ты стала спутницей в походе,
подругой в радости, беде -
и всё прекрасней год от года
звучала гимном о труде!
- Сейчас невзгоды и туманы
от «перестройки» - это ль жизнь?
Полуголодной, полупьяной
в бурьянном поле, в даль глядишь.
Пусть круто повернуло время
назад, а ты - зови вперёд!!
Буди набатом всех, кто дремлет,
пусть солнце в новый мир зовёт!..

ПОГИБ СОСЕД

Всю ночь в окно дубасит дождь.
Июль. второй день лета.
А холод - жуть!.. И не заснёшь.
За дверью плачут дети.
Погиб прекрасный человек
родные не смыкают век!..
Погиб сосед, мой друг, Петро
который делал всем добро:
вставлял замки, приёмник ладил,
чинил, строгал, варил, клепал...
Он всем в подъезде помогал -
так, за спасибо, дружбы ради.
Сердечен был и честен был -
и жизнь с улыбкою любил..
... Он утонул, и день-другой
лежит под тёмною водой.
Заносит руки, ноги илом-
и отряхнуть их

нету силы...
И только рыбы над лицом
плывут куда-то долгим сном!..
Дремлю -

и вижу я во сне:
Петро со мной идёт к реке...
вот по колени...вот по грудь
зашёл -
рукой хотел махнуть,
и сразу скрылся... И волна
меня обдала, холодна...
Очнулся я - всё плачет дождь.
По коже пробегает дрожь!..

* * *

- «Вы на юг улетаете?»
- «Да!..»
- «Вы не скоро вернётесь?..»
- «Не скоро..»
... В небе ТУ, и дымок от следа.
Взгляд прощальный -
он близок мне, дорог.

Затаилась высь -
молнию ждёт!..
Но прозрачен вдали небосвод.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Обняла меня за шею дочь
тонкою, горячею ручонкой...
И забылись, отступили прочь
вёрсты и ветра дорог кручёных.
Холода, отчаянье, тоска
душу выхолащивали рьяно...,
Но коснулась девочки рука -
сразу нет ни болей, ни страданий...
С миром нас удерживает связь
кровная...

И если в нашем быте.
малая кровинка родилась-
это величайшее событие!
Повторятся вновь в ней на земле
взгляд твой...

и душа, твоя улыбка...
- Я обнял дочурку, посветлел,
позабыв сомненья, все ошибки...

В ПРЕДГОРЬЯХ КАВКАЗА

О, сколько в роще полупьяных
мужских, крикливых голосов?!
Искал я тишины желанной
и даже в горы лезть готов.
А это озерцо лесное,
куда сбежал от шума я,
вновь женским визгом беспокоит...
Здесь всюду пары... болтовня.
В минуты редкого затишья,
за кажущейся немотой,
лесное пение мне слышно -
и я светлею головой!

ТРАГЕДИЯ КАВКАЗА

В Армении опять землетрясение
и с гор грохочет мощный камнепад...
Когда ж в умах наступит просветление
и армянин поймёт:

он друг мне, брат!..
- Азербайджанцы, будьте милосердны
и ближнему не ставьте боль в вину.
На этом свете все равны мы, смертны -
как не понять ту истину одну?!
Да, родственная месть нам души травит
и червь сомненья сердце не щадит...
Когда мы все в святой воде Арагвы
излечим от недугов гордый стыд?
- О, прадедов могилы в Карабахе-
не омрачайте солнечный простор,
и пусть внучата в ситцевых рубахах
смеются- и не знают ваш раздор!..
- О, волны Каспия, от бед седые -
и вы, вершины величавых гор,
зачем храните распри вековые:
зачем нам кровь, проклятья и позор?!

- О, сколько вновь могил в Ленинокане
и сколько слез в ущельях пролилось?!
- так неужели мы глухи, как камни,
и правде в сердце места не нашлось?!
... В Армении - опять землетрясение,
но реже, тише страшные толчки...
И наступает утро просветлением...
Мать - над младенцем...

И в окне - лучи!!

* * *

На лугах вода большая
разлилась по той весне...
Никогда и не узнаешь
как была мила ты мне.
В том лесу,
где цвёл подснежник,
повстречал тебя с другим:
ветер майский, ветер свежий
плыл по веточкам тугим.
Я - охотник, повелитель
тайн озёрных и лесных,
разве мог кого обидеть
в царстве солнечном весны?!
Лишь качнулась враз винтовка
на брезентовом ремне
и кусты сомкнулись плотно -
простоял я в стороне.
... Шёл он рядом, улыбался...
ты смеялась, вся светясь...
Я спросить не попытался -
в снах, потом, искал тебя.
Не хотел писать я писем
в дальний край, тебе вослед.
Да и друг шутил: «Не кисни,
ангелов на свете нет?!»

В ЗАСТОЙНЫЕ ВРЕМЕНА

Коллегам-педагогам

Не нам золотистые ленты вплела
Удача -
а льстивым выскочкам!
Не скажу я: что «сажа бела»,
дружбы из сердца не вычеркну.
Труд бескорыстный, громадный труд
оплачен в насмешку грошами.
Вожди и в правительстве нас не поймут -
как в душах любовь мы рожаем?!
Как в детское сердце вложили её
и пламя из искр зажигали!..
И честно творили своё божество!..
И почестей, славы не ждали.

В ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВУШКЕ

Мой Александр во всю храпит,
забрёзил свет в окне...

ЛЕПЕЧЕТ ДОЖДИК ОБЛОЖНОЙ

в березняке средь веток,
и в травы тоненькой струей
стекает незаметно.
Раскрылись лепестки цветка,
приподнялась пшеница...
И светит капля с колоска,
на усике искрится.
Парит нагретая земля,
повсюду пыль пририта...
Из тучек сереньких, шая,
дождь сеет, как из сита.

УТРО ЛИКУЕТ

Избы вдоль речки...
Над ними – рассвет
тенькает радостной птицей.
Даже петух кукарекнул чуть свет...
В заспанных окнах зарится.
Алость пылает на глади речной,
чайка крылом чуть коснулась...
Тополь махает мне веткой-рукой...
Миром весенним любуюсь.
Утро ликует – и горном звеня,
соком берёз наполняет меня.

МЕЖДУРЕЧЬЕ

Посреди большого тальника –
озерцо в плену сонливой ряски.
Лилий белоснежных три цветка
на середине светят тихой лаской.
А у берега зыбун-трава
высотой до пояса, густая...
Два ручья – два светлых рукава
тянутся, в густых ветвях скрываясь...
Я, как Робинзон, один брожу
и следов зверей не нахожу.

* * *

На лугу искрят цветы.
Пчелы, словно пули,
так свистят... Жар с высоты,
листья аж свернулись.
Распалилось, не щадя,
солнце... В дымке речка...
Я в полях брожу, грустя, –
сел, в тени – не легче.
Под березою, на пне,
разморен я в тишине.
Пожелтели даже травы –
дай дождя Ты, Боже правый!

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ЗЕМНЫЕ ПРОСТОРЫ, ОТКРЫТИЕ МИРА

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел четырнадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ЗЕМНЫЕ ПРОСТОРЫ, ОТКРЫТИЕ МИРА

КУРГАН

Нет, не дикий ураган
эти вздыбил кручи -
захоронен здесь в курган
человек могучий!
Был он воин-богатырь,
иль охотник смелый?
Степь цветёт... Такая ширь!..
И ковыль - сон белый.

КОКЧЕТАВСКАЯ СТЕПЬ

Просторна степь. Колышется ковыль
и душу мне раздольем майским мает.
И не понять: где небыль, а где - быть?
А жаворонок в небе, словно маятник!
Трезвонит он!.. У горизонта синь...
Мир нежится в весёлом буйстве лета!
Какая свежесть, нега и теплынь
над неоглядной степью в зорьке светят!
Плывут, плывут безбрежно ковыли -
и нет просторней, ласковой земли.

РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Красно-розовый пугливый
в речке разлился закат...
Трое мальчиков счастливых
на мостках с утра сидят.
Удочки к воде склонились...
Чутко дремлют поплавки...
... В лицах детских отразились
блики радужной реки.

КОРШУН КРУЖИТ

Я вижу: кружит коршун серый
над кромкой овсяных полей...
Слежу за птицей - ей не веря,
иду тропиночкой своей.
Он круг за кругом,
ниже-ниже...
Вот когти выпустил уже!..
И в сей момент птенца я вижу
в траве, на узенькой меже.
Бросаю в коршуна я кепку,
и к птенчику скорей бегу...
Тот - желторотый, неокрепший -
как одуванчик на лугу.

КОНЕЦ ОТПУСКА

Кричит желна...
Одна...
Другая...
- Лес вторит эхом голосов!

За стаей
пролетает стая
окрепших,
выросших птенцов.
И из-под самых ног,
у тропки,
взлетает перепел
звеня!..
Последние деньки короткие
у леса,
птиц
и у меня.
Поляна,
это понимая,
все ярче,
пламенем цветет!..
И паутина,
не цепляясь
за ветки,
медленно плывет.
А в небе столько света,
сини .
Высь бесконечна,
словно жизнь!..
Но вижу я,
как первым инеем,
вдали туманы улеглись.
И лес все больше золотится,
и листья начали кружить...
Пора и мне поторопиться:
дрова порезать,
двор накрыть...
Такие дни не любят праздность –
работу просит жизнь сама,
ведь впереди
не лето красное,
а злая зимушка-зима.

КТО ПОДЖЁГ?..

Через лес прошёл пожар -
Чернота - аж страшно!
Долго будет помнить гарь
о беде вчерашней...
Много лет пройдёт, расти
здесь ничто не будет.
- Господи, ты их прости,
разве это люди?..

* * *

К вечеру мороз серчает...
Пусто в роще, одиноко -
лишь кричит вдали сорока...
Шапкой снежной горд кустарник...
Иней травы серебрит...
На сосне корявой, старой -
Ком, как облако, висит...

Парит нагретая земля,
повсюду пыль пририта...
- Из тучек сереньких, шая,
дождь сеет, как из сита.

ЛЫСУХА

На речной протоке - глухо,
близко нету ни души...
Тенью легкою лысуха
уплывает в камыши.
Черная, как смоль, над клювом -
белая пролысина.
Вслед кувшинки шевельнулись,
Разглядеть - немыслимо!
Долго, молча наблюдаю -
утром плавала здесь стая.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Очнулся...
Из окна моей машины
виднелось поле...
А над ним луна
струила яркий свет неудержимо.
В пространстве диком всюду – тишина.
Таинственно поникли лес и травы-
их белизной окутал тяжкий сон.
Казалось: мир притих после отравы.
Был слышен колокольный дальний звон...
И долго я еще уснуть не мог:
свет ледяной слепил, сжимал висок...

НА ЗАИМКЕ

Проснулся, а в окнах - большая луна...
Смотрю я вокруг оробело.
Светло, словно днём...
И уже не до сна.
А блеск на стене мёртво-белый!
Струятся сквозь стёкла потоком лучи
и по полу стелют дорожки...
В причудливом свете мир тайный молчит -
на нарах лежу осторожно.
И холодом веет...И кажется мне:
за дверью дыханье и скрип в тишине.

ЛЕНОК

Рыба крупная - ленок
ловит мошек и личинок...
...Вздрыгнул резко поплавок
и нырнул в пучину.
Плавно дергаю я леску,
и тяну - и вот он - с плеском!..
Вынырнул, плывет по кругу,
бьёт хвостом..
Тяну я руку....

ЛИСИЦА

Одинокая лисица
в норке у реки живет...
Длинной ночью ей не спится
и она на луг идет.
Запахи ей нос дурманят:
куропатки свежий след
в плотный куст, таловый, манит.
Виден перьев белый снег.
У копны с душистым сеном
слышит тонкий писк мышей...
К ним она крадется тенью
в тихих сумерках ночей.

ЛИНЬ

В сеть мою попался лень
на лесной протоке.
Скользкий -
и попробуй - вынь?!
Хитро смотрит оком.
Вытащил почти его...
Хлесть хвостом - нет ничего!
На воде лишь светлый выюн...
я сижу слегка угрюм...
Выюн затих,
соединились волны...
гладь в протоке синей!

ЛУННЫЙ СВЕТ

В небе меж тучками вышла луна
и осветила речушку до дна:
белые рыбки неслышно скользят...
блеклые травы задумчиво спят...
Грустные листья поникших берез
в капельках светлых мерцающих рос...
Снежные совы к поляне летят,
белые мыши у норок сидят.
В белой, хрустящей одежде я сам...
Всюду бело - даже больно глазам!

ЛЮБИМАЯ РЕЧКА

Я скитался по разным орбитам...
Возвратился -
все те ж берега.
На талах, паутиной повитых,
две вороны картавят слегка.
Возле мостика лодка с цепочкой,
черным варом мерцают бока...
Я ступаю на доски...
Гогочут рядом гуси...
В воде - облака...
Оша, здравствуй любимая речка,
ты все также прозрачна до дна!
Помнишь, как золотое колечко
обронила девчонка одна?

ЛЁЖКА

Зверь не просто отдыхает
где попало - есть места.
Это - лёжка, выбирает,
чтоб трава была густа.

ЛОЗА

Сплошным болотцем, по низине,
навстречу плещется в глаза
ветвями тонкими, в мизинец,
такая гибкая лоза...
Когда зимой бушует вьюга -
косулям, зайцам в ней уютно.

ЛОГ

Глухариный есть, медвежий.
Есть и волчий уголок...
Где в трущобе воздух свежий,
прячется звериный лог.
Безопасно в нем и тихо...
Вижу: с выводком опять
пробирается волчиха
к логову -
в свою кровать.

Ермиловский заказник

ЛЕЩ

Ярый всплеск под удилицем
и, оборван враз крючок!
Подвязал второй...
Колышет
снова красный поплавок.
Подсекаю!.. Потянул -
рвется леска. Лещ мелькнул
и опять в глубь сиганул!..
По воде бегут круги.
- Чёрт иль дьявол, помоги!

ЛАСКА

С красно-бурою окраской,
в поле тихом, на меже
притаилась хитро ласка...
Рядом суслик осмелел.
Глупый, вылез он из норки -
Ласка хватать его проворно!..
Да, зверек пушистый, ласка -
лишь на вид доверчив, ласков.

ЛЕСОСЕКА

Был отец мой - дровосек,
брал меня с собою в лес...
Помню: как на лесосеке
на деревья, к гнездам, лез -
и журил меня отец:
«Не слети с ветвей, скворец!».

* * *

Лилия кудреватая
мне качнулась в лицо,
лепестки ее красные
сжались в полукольцо.
Посредине цветочка
копошится пчела...
Оглянулся. Тропинка
в хвойный лес привела

РОЖДАЮ ЛУЧИК

И чем ненастней в осень день,
и непроглядней тучи -
превозмогая тлен и темь,
в душе рождаю лучик!
Он раздвигает серый дождь,
в лесу находит звуки...
Мне с ним
понятней веток дрожь,
и ближе боль разлуки.

* * *

Литые ладони плуга
врезаются мягко в стерню,
мгновенье -

и пласт упруго
отсвечивает зарю!
В кустах еще снег тает,
а в воздухе пахнет весной!
И с криком гусей вереница
на Север летит надо мной.

* * *

Лежит закат кровавый на снегах,
и Петербург,
темнеющий,
печален...
А где-то, у подножья Машука,
цветы росу на лепестках качают!
Иду вдоль Мойки,
на канал гляжу,
и мысли роем в голове несутся:
вот Блоковский закат по витражу.
Вот Пушкинские оды с выси льются.
Мне видится с надрезами рука
в «Астории»,
с кровавою страницей..
Вот Маяковский.

Щелканье курка
и не сбежать от пули, не укрыться..
Смотрю в Неву:

и жуткая вода
мне повторяет смутные молитвы
о тех, что не забудем никогда,
чьи души с нами
воедино слиты!

ЛЕТНЯЯ ОЛИМПИАДА (1972 г.)

Мюнхен!..

Мюнхен!..

– символ Баварии...

Флаг нацистский,

факельный чад...

Вновь чумою коричневой армии

собираются здесь на парад.

Снова свастика, снова «Хайль Гитлер!»,

вновь о высшей расе бред.

Вновь убийцы, наголо бритые,

выползают на белый свет.

Боль жива:

дед убит в четырнадцатом,

а отец мой погиб в сорок третьем...

Новоявленным крестным рыцарям

не пора ли забыть о рейхе?!

В этом логове неофашизма,

мракобесия и духоты

вспомни тех,

кто отдал в войну жизни,

не сдавая своей высоты!

Олимпиец – на страже мира,

и победа твоя важна.

Слышишь,

как не спокойно в эфире,

и случилось, где-то лопнет струна -

враз земля, сорвавшись с орбиты,

обгорая, уйдет во мрак...

Заклинаю вас, люди:

«Блюдите

Олимпийскую клятву и флаг!..»

ЛЕСНАЯ УЛИЦА

Деревья подступили к избам,

и стала улица - в лесу...

Огни из окон... По изгибам

в проулок ветры снег метут.

Иду по мягкому снежочку

до крайней, брошенной избы...

Вот след зайчишка в два прыжочка,

Вот лисий - там, у городьбы...

Собака злобно лает где-то.

На ветках иней - звёздный блеск...

Луна выходит до рассвета,

ей плыть и плыть в краю чудес

ЛЕДОСТАВ

В сосульках камыш,

а на старице - лёд.

Свинцовый Иртыш

тихо воды несёт.

Последние чайки

тревожно кричат,

и тучки печально

по небу скользят.

И льдистым припаем

скрежещет шуга...

Безлюдны причалы...

Пусты берега...

ЛЕС ПЕЛ...

Дождь лёгкой тучкой пролетел -

грибной и земляничный...

Лес заблестел, повеселел

от песен, криков птичьих!

А серьги-капельки, звеня,

срывались с тонких листьев,

и на дороге колея

ручьем светилась чистым!

Плыл запах трав в моё лицо -

дурманящий и резкий...

Катилось солнце колесом

над дальним перелеском...

Завороженный, я молчал

в тени большой осины...

А лес мне громко пел - звучал

оркестром чудной силы!

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Замела пурга дорожки...

Лес притихший - сторожен...

Ель покрыта снежной шубкой,

зеленью лучится вся...

А кустарник в белой юбке

спит в овраге, затаясь...

В мягкой шляпе, набекрень,

на опушку вышел пень...

Стог сияет на поляне,

Он - в папахе великана...

Лисий след...

Вот крыльев взмах

на снегу... и писк в кустах?..

... Лес искрится и поёт-

в сказку зимнюю ведёт!

ЛЕДЕНИСТЫЙ ДОЖДЬ

Капают!..В капельках капают

годы, забота, тоска...

Не мне ли судьбу оплакивать

решили с утра облака.

Дождь беспробудный и нудный

в душу мою моросит...

Милая Родина! - трудная

зимушка нам предстоит...

КРАНОВЩИК

На песчаном откосе речного порта

остов баржи, за ней -

ржавых два катерка.

Крановщик ухмыляется:

«В металлолом
Пол-России с реформами переведем...»
Говорит:
«Беспризорно ржавеет металл,
ну, а где-то бы новою баржею стал...»

КРАЙ СИБИРСКИЙ

Я в красивых бывал городах,
загорал и купался на море,
но везде вспоминались всегда
мне родные сибирские зори!
Да! Заморских красот не люблю,
и готов на крови я поклясться:
Край сибирский боготворю -
в нём я вырос с душой землепашца.
Мои предки прошли сквозь огни
и в наследство навек завещали
веру в жизнь, в наши лучшие дни...
Я иду в эти светлые дали!!

КИРСАНОВСКАЯ ПОЙМА

*В. Русакову, доктору
сельскохозяйственных наук*

Да, Иртыш и пойма- обмелели...
Поредели здешние леса...
Только гуси снова прилетели
на озёра - слышу голоса.
У протоки стадо замычало,
Живность - в ожиданье сочных трав!
- Хочешь, пойма, жизнь начнём сначала:
человек порою был не прав.
Зашумят вокруг лесопосадки
и водой наполним русла рек...
Жизнь сегодня, согласишься, не сладка:
на пороге двадцать первый век!
Не горшкам, заслонкам и ухватам
гимн пою в сегодняшних стихах -
я кую себе иной характер!
Зреет мысль...
И - пульс звенит в висках.

ЦУРЮПА

«Что сделаю я для людей?!» -
сильнее грома крикнул Данко...
Легенда, что тебя сильней?
В сердцах ты навсегда останься.
Но быть прекраснее легенд,
свет Революции всевышен...
Из кадров первых кинолент
твой голос я, Цурюпа, слышу...
Война... разруха... нищета...
и НЭП, и продрозвёрстка...
Ты комиссар - во лбу мечта...
Ну, а в казне - деньжонок горстка.
Ты вёл мучительно войну,
пред смертью часто не пасуя...

- Как смог ты прокормить страну,
тогда голодную, босую?
Не ел по суткам, ну а мог
при должности в жиру лосниться.
И в большевистский веря долг,
боялся: с ног бы не свалиться...
... Вот кадр: Кремлёвский кабинет,
и обморок... и врач... и Ленин...
Превыше сказочных легенд
минута та для поколений!!

В СТЕПНОМ ЗАКАЗНИКЕ

Пробивался серый рассвет
Из-под тёмного низкого неба...
Тучи, свой ускоряя разбег,
высыпали крупинки снега.
Я следил за движеньем вершин
одичалого леса, сквозного,
и охотой шальной одержим,
слушал крики гусяного зова.
Здесь в заказнике тысячи птиц
собрались для отлета к югу...
... Видел я из-под стылых ресниц:
сотни стай пролетали по кругу.
Обдирая о ветви бока,
мчались конницей буро-лохматой
заиндевелые облака,
приближая тягучие даты.
Над погасшем костром наклоняясь,
грел дыханьем озябшие руки...
- А в машине мне песня лилась
об увядших цветах...
о разлуке.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Прорвало трубу...
Потекла по стене
мутная, ржавая жижица.
Пробую всё: вымок... вспотел...
Но дело никак не движется.
Изоленту пробило...
Одел хомут -
бесполезно...
Звоню домоправу...
Снизу соседи стучат, орут -
орут по какому же праву?
Ведь я не виновен,
в ответ сам ору...
Ругаю жену и детишек -
те ёжатся, и ничего не поймут,
сидят по углам притихшие.
... Иду на работу голодный и злой,
лицо на ходу вытирая
и первому встречному: «Ты, такой...
сякой, размазня...» - тот моргает.

Хамлю одному, другому и... вот
покатилась волна живая,
сбивая орущих в водоворот,
отчёта ни в чём не давая.

КТО КОГО ОБМАНЕТ?

Я с ружьём кружу по лесу,
лыжи тонут в мягкий снег...
Две синицы вслед щебечут:
*«Чив-Чив-Чив! - эй, человек,
ты зачем забрался в чащи?..
Или просто - заплутал
и на всё глаза тарацишь?..
Может, что-то потерял ?..»*
- Ну, зачем же, вы, синицы
увязались так за мной,
я не знаюсь с мелкой птицей -
мне бы лисий след с норой.
Нет его...

Одни зайчишка

натропили по кустам...

На поляне светло-чистой,

Ямки - быть тетеревам!.

Спуск в овраг...

Иду вдоль речки:

вот нора... ещё нора...

Свежий след вокруг- колечком...

Обошла!.. – ох, и хитра?!

... Сняв рюкзак, взвожу капканы,

между них приманка - кость...

Кто кого теперь обманет:

подойдёт лиса, небось!

ВОЗВРАТИЛСЯ

Целый мир я пообъездил,
тыщи вёрст исколесил,
но признаюсь всем по-чести:
я повсюду лишним был.
Возвратился в край свой милый..
Не стыжусь сыновних слёз
над родительской могилой
меж приветливых берёз!..
... Прохожу вдоль речки сонной
и на мостике стою:
как до боли всё знакомо
в бедном, ветреном краю.
Косогор, плотина, роща...
Близкий с детства майский луг...
- Под окном рябина ропщет
на печаль моих разлук.

ЦЫПЛЯТА

Вдалеке от хозяйского глаза,
у плетня, меж крапивы густой,
высидела несущка с отрадой
семь пушистых цыплят с желтизной.

... Вот идут во дворе, у крылечка,
словно строем, один за другим...
Им рябина листвою лепечет,
песню ласточка дарит им...

ЦЕЛЕБНАЯ ПОЛЯНА

Полусказкой, полубылью
край родимый полюбил я...
... У меня, у мальчугана
был в деревне верный пёс.
Он к кровати утром рано
мне, в зубах, ботинки нёс.
Одеваюсь - и вдвоём
в лес с корзиною идём:
за грибами... за клубникой...
а позднее - за брусникой.
И бурёнку и овечек
с ним поил я во дворе...
А ещё- рыбачить к речке
убегали на заре...
... В общем - всюду,
целый день,
был он рядом, словно тень.
- Но однажды, знойным летом,
он внезапно похудел,
и закашлял...

Я заметил,

как понуро он глядел...

Как глаза его слезились -

не хотел ни есть, ни пить...

Мама в тайне помолилась

и сказала: «Как же быть?..»

Утром рано пёс исчез...

Мать мне подсказала:

«Убежал зачем-то в лес...»

Дорожку указала.

И по той дорожке я

вышел на поляну...

Под кусточком, притаясь,

вижу: пёс мой странно

бродит, щиплет, ест траву...

кашляет, вздыхая...

Словно в сказке - наяву

он на пташек лает...

Много дней он так сбегал...

крался я к поляне...

А потом всё рассказал

вечером я, маме.

Рассмеялась та в ответ

и сказала: «Есть секрет -

травы те целебны.

Это знают и врачи,

ими можно всех лечить

от любых болезней.

Вот на полке пред тобой

есть в кульках, направо:

троелистка, зверобой,
Иван-чай... Все травы...
Не напрасно они тут -
пил ты их отвары
от желтухи, от простуд...
От всего - те травы!..

ХОЛМИК СО ЗВЕЗДОЙ

Церковный купол с колокольной
сияет в выси за рекой...
А я смотрю с тоской и болью
на низкий холмик со звездой.
Он - без оградки, не ухожен...
Вокруг растёт большой бурьян...
... И первым снегом припорошен
сиротский домик прихожан...

ЦЕЛИНА

Там за речкой, у болота
есть широкий лог с травой...
Распахать собрался кто-то
его нынешней весной.
«Целиной» зовут в народе
Лог - но нет к нему дорог...
... По болоту люди ходят
в ягодный тот, уголок.

БОЖЕ, ДАЙ ДОЖДЯ!

Целый месяц нет дождя...
Пчёлы мчатся пулей...
Солнце жарит с высоты...
Ветви вниз пригнулись.
Я в полях с утра брожу,
сел в тени - гляжу, грущу.
Под берёзою, на пне,
разморён я в тишине.
... Пожелтели, сникли травы:
«Дай, дождя ты, Боже правый!»

ЦЕЛОВАТЬ ТВОЁ ПЛАТЬЕ

Кто последний, когда
целовал твоё платье?!
Кто сгорел навсегда
в твоих страстных объятьях?
Каждый шаг твой и вдох
нам ниспосланы небом...
Да, в тебе чёрт и Бог -
невозможного требуй!
Эти линии ног
уводящие в полночь,
и твой взгляд, как клинок,
навсегда его помню?!
Есть движенья сродни
приоткрывшейся розе...
Часто лучшие дни
понимаются позже.

Давний бред, стыд и страсть
вновь бросают в смятенье...
Снова тайна сбылась
моего вдохновенья.
Целовать тонкий край
подвенечного платья?!
- И не это ли рай,
за него жизнью платим?!

* * *

Надвинулась чёрная пашня,
подкралась вплотную к плетню...
И нетушки луга вчерашнего -
деревни я не узнаю
И ветер из тучки бьёт резче -
ввысь облако пыли несёт...
Над крышей не видно скворечни
и чёрным закрыт небосвод.
*«Зачем целина вам, сельчане -
спросил я - вам мало полей
заросших травой и бурьяном.
Луг пашут по милости чьей?..»*
Дед встречный толкует:
*«Там, сверху,
быть может и, вправду, видней...
Но так, с моей старою меркой,
Кажись -
мог лишь сделать злодей!»*

* * *

А.М. Канушину

Как старый зверь, почуяв осень,
забыв усталость и года,
спешишь в тайгу.
Чихает в просинь
твоя седая БОРОДА.
Свободный ветер грудь наполнил,
Михалыч зверя ищет след,
собакам жизни нет спокойной
и перекуров даже нет...
И кроя матом в три потока
под вечер
несчастливый день,
в избушку, в дверь
пролазишь боком,
не сняв с плеча ружья ремень.
А над избушкой чудо-кедры,
красив размах больших ветвей.
И хоть Михалыч привередлив,
мест этих нет ему родней.
И пусть года лишь на бумаге,
тропою вновь придешь сюда,
где молода,
полна отваги
душа охотника всегда!

ВСПОМИНАЮ МАЙ...

Разгулялся ветер сенокосный
и свистит над речкою в логу...
... Я - в копне...
не спится... скоро осень...
Позабить тебя я не смогу...
Холодает... и мрачнеют дали -
что же в этой жизни
 мне осталось?..
- Вспоминаю Май.

 Рассвет с тобою...
Встречи те подарены судьбою.

СТРАШИТ ОЗИМОК

Ручьи звеня,
 несутся вскачь с увалов
и прячутся в оврагах и талах...
Снег по кустам лежит ещё навалом...
А роща блещет в радужных лучах!
Здесь на поляне косачи, токуя,
расправив крылья,
 яро рвутся в бой...
Лишь кряквя на гнезде
 одна тоскует-
страшит озимок холодом, бедой...
В болоте дремлет и сидит на яйцах,
вокруг талы, в них - почки бахромой!
А солнце греет...
 Ей снежинки снятся:
всегда озимок с раннею весной
Грачи на ветках,
 солнышком любуясь,
картавят тихо что-то меж собой...
...Сижу я на поляне...
 жду... волнуясь...
- Когда- то здесь
 встречались мы с тобой.

ПРИЕЗД К ДРУГУ

Цветёт у окон куст сирени,
а у калитки - бузина,
как две сестрицы несравненных,
в фате,
 белеют допоздна.
Во мглу закутал тёплый вечер
и огород, и дальний луг...
... Какой уют?! - здесь на крылечке
меня встречает давний друг.
Светло от лампы-переноски,
шнур змейкой вьётся под капот.
Друг повторяет: «Тёзка!.. Тёзка!
- какой не виделись мы год?..»
...Полыни запах, так знакомый,
от клетки - терпкий чернозём...
И бедный дворик вмиг напомнил
мой деревенский, старый дом.

ТАЁЖНЫЙ РЯМ

Рям сосновый, пряный рям
по озёрным берегам...
Зеленеет, как весной...
И полна душа мечтой...
Здесь морошка с голубикой,
клюква алая с брусникой...
Лебединый клич печальный...
И заря - над тундрой дальней!

РИПУС

Нерестует поздно, в ледостав...
Ест платон и ветви сочных трав...
Холодолюбив, не прихотлив -
любит Увильды большой залив...
Встретится он в Ике, на Чанах...
И в озёрах, что лежат в степях...

РЫБАКИ

В тёплый вечер, во мгле, рыбаки
собрались в тальнике у реки.
Рыбакам по одиннадцать лет,
от костра в лицах розовый свет.
Из золы длинной палкой к ногам
выгребается чудо-картошка,
прежде чем прикоснуться к губам,
до красна обжигает ладошки...
Вдоль косы закидушек крючки –
если клёв – на рогатках звонки.

РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Красно-розовый пугливый
в речке разлился закат...
Трое мальчигов счастливых
на мостках с утра сидят.
Удочки к воде склонились...
Чутко дремлют поплавки...
... В лицах детских отразились
блики радужной реки.

РЫБАК ЕМЕЛЯ

На плече- два весла деревянных,
а под мышкой - ряжь, старая сеть.
По-над берегом в утренней рани
он бредёт... Начинает светлеть...
Камыша протянулась полоска...
... Вот и лодка, дощатый мосток.
Не спеша докурил папироску...
И щелкнул на цепочке замок...
В сапожищах высоких, болотных
в лодку влез, оттолкнулся шестом...
Вёсла вставил...
Плечистый и плотный,
распрямяется с каждым гребком.
Всё светлее простор Иртыша...
И усладой исходит душа!

РАДОСТНО МНЕ

Лодка-казанка скользит в камыше
быстрой, огромною щукой...
Гильзы латунные в патронташе
светят обойною тускло.
Тулка-двустволка блестит на корме,
рюкзак с чучелами, ряжёвка...
Волны бегут, пропадая во мгле...
Толкаюсь шестом со сноровкой...
Тоненький месяц скользит по волне,
лучиком переливаясь.
Тихо вокруг...
То-то радостно мне...
- Я в темноту улыбаюсь!

ПРИЧУДЫ ОСЕНИ

Роща за ночь напрочь облетела:
ветер шквальный сыпал дождь и град...
А сегодня снова потеплело,
вдоль опушки «тишь да благодать».
На, усыпанной листвой, поляне
терпкий запах - красочно, светло!
С веток паутина нити тянет -
сказочное в блёстках волокно!
Даль жнивьём пустынно золотится
и сверкает синевой простор.
- Чудно так?!
И лишь душа смириться
не желает:
ведь вокруг - разор?!

РЕКА ЖИЗНИ

Я согласен, что время - река...
Сердце жаркое ветры остудят,
и волна голубая легка
гладь спокойную рябью разбудит...
Если даже обманет река
и изменит старинное русло,
всё равно сохраню на века
к водам вешним то первое чувство!
Загляну вновь к весне в зеркала,
отыщу в струйном лепете свечи...
- Сяду в лодку, и лихость весла
освежит мне уставшие плечи...

У КРОМКИ ИРТЫША

Рождественский мороз в ночи
сквозь полушубок пробирает...
Озябший город сник, молчит...
Суровому я предан краю?!
Сибирь мою, любовь свою
на Косто- Рико не сменяю,
сомненья на костре спалю
и буду ждать прихода Мая!
- Уж то приятно мне опять,
что в Омске юбилей встречать!!

...Иду вдоль кромки Иртыша -
и светом полнится душа.

РОДНАЯ СТОРОНА

Обмелели берега
Оши – узкой речки...
На лугах видны стога,
дым костра - колечком.
Ивы у пруда грустят,
заросли дорожки...
Провода вверху звенят
песнею тревожной.
Скотный двор и городьба
бедных огородов...
Брошенной стоит изба –
в окнах тени бродят.
Сердцу милые места -
вас любить мне до креста.

РАЗВЁДРИЛО

С утра метались тучи,
и ветер листья рвал...
Разведрило –
и лучик
на лодке засверкал.
Вылажу из палатки
на солнечный простор
в одежде влажной,
мятой –
глаза свои протер.
Разведрило!..

Разведрило
и в мыслях и в душе!
И воля стала твердою,
и весь я посвежел!..

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

(В 1993 г. я работал в редакции газеты «Омский Вестник». Вёл в нём приложение «Природа Прииртышья». Издав книгу «Время и Честь», написал в редакцию «Новогоднее пожелание»)

Я о «Времени и Чести»
книжку написал
и хочу, чтоб «Омский Вестник»
в ней родство признал.
«Время - Честь» - понятий выше
не было и нет...
Может буду я услышан
аж на целый свет!
А тебе желаю, «Вестник»
я под Новый год:
«Будь всегда правдив и честен,
и умён и интересен -
тиражом будь горд!!»

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ

Рям сосновый...
Узкая тропинка:
мох в воде и треск гнилых
жердей...
Здесь брусника, ягода -
кровинка,
с каждым днем пьяней и
золотей.
В гуще сосен – ясные озера,
молодые клики лебедей.
А вокруг – болота, даль
просторов...
синь небес... Нет края
голубей!

РАССВЕТНАЯ РАНЬ

Ковёр таёжный мягок и
зыбуч.
Над ним переплелись
верхушки сосен –
и в них застрял рассветный,
первый луч.
Не верится, что на пороге - осень.
Нетронутый покой.
Смола... Озон!
Так запах мха с багульником
дурманят!
Гагары крик всплывает в этот сон
от небольшого озера в тумане.
Урман...
Вокруг – такая глухомань,
за сотню вёрст охотничья
избушка.
Здесь в предрассветную,
глухую рань
люблю я дикий мир часами
слушать...

* * *

Телеграфные столбы
Октябрь...
В ночи зажглась моя звезда...
Над тёмными осенними полями
опять поют, тоскуя, провода,
обнявшись с телеграфными столбами.
Столбы вкопали в первый день войны
в моей деревне, вдоль большой доро-
ги.
... Подводы шли на фронт, людей
полны...
Назад не возвратились, позже,
многие...
Всё детство с теми связано столбами...
И с похоронкой –
из враждебной дали.

Вот почему с тех пор моя звезда
горит в полях, и светит - в те года!.

ДА, Я - НИКТО

Чудак, напрасно время трачу,
жгу годы лучшие свои...
Да, я - никто.
Но я не прячусь,
и мне пропели соловьи!
Стихи созвучны с шумом моря,
когда штормит - и что мне ритм,
когда с самим собою в споре!..
Когда огонь в груди горит!
Стихи живы не яркой рифмой,
и даже мысль порой не в счёт,
и даже голос может хриплым -
стихи, когда душа поёт!!
- И сердце просится в полёт!.

ТВОРЧЕСТВО

Погружённый опять в созидание,
дивные созываю слова...
А они не идут- с состраданием
смотрит в окна небес синева.
Скомкал листики, бросил в корзину,
одеваю скорей башмаки -
и дорожкой любимой, старинной
через рощу спешу до реки.
Вышел к берегу...
Чайки взлетают,
вдаль стремится разлив Иртыша...
Из воды острова прорастают -
и невольно очнулась душа.
И любясь, как пойма лучится,
вижу лодку и взмахи весла...
Половодьем стремнина искрится,
лёд последний на Север неся...
... Зеленеют, шумят острова -
в них волшебные слышу слова.

ТОРОПЛЮ СВОИ ГОДА

Так хотелось мне всегда
в детстве и позднее:
чтоб скорее шли года,
чтобы стал взрослее.
Трудно рос, Был смел и дюж,
без отца, но выжил.
И объездил весь Союз -
был стрелок и лыжник.
Строил дом и сад сажал,
написал сто книжек,
Честь и Совесть утверждал,
был везде не лишним.
Подустал...
Но, как всегда,
тороплю опять года.

Я - ПАЦАН

С берданкой старой, затаившись,
смотрю на плёсы из скрадка...
Вот стайка уток появившись
летит к реке издалека.
Невыразимо сладкий запах
над лугом плавает в тиши..
Вот чибис у ручья заплакал...
Вслед всполошились крикаши...
И куличёк, взлетев с обрыва,
кричит отчаянно, навзрыд...
А я - пацан ещё, счастливый,
тревог не знаю и обид.

ТВОРЧЕСКИЙ НАСТРОЙ

Погружённый с утра в созиданье,
дивные созываю слова...
А они не идут - с состраданием
заглянула в окно синева.
Вышел из дому... Чайки летают
над простором седым Иртыша...
острова из воды прорастают...
и невольно очнулась душа.
Утро чистое солнцем лучится,
вижу лодку и взмахи весла.
Половодье на Север стремится...
Лёд последний река понесла.
И люблюсь на быстрые воды -
плеск волны ко мне ритмом дохо-
дит...
Рифмой тайной шумят острова -
в них волшебные слышу слова.

ОЧЕРЕДНОЙ ПРИЕЗД

Тропинка игриво виляет:
то в поле ведёт, то - в овраг...
А рядом река протекает,
где берегом бродит рыбак.
Знакомые всплески рыбёшек...
Вмиг кряква взмахнула крылом...
Утята снуют - ловят мошек
Вот мостик - две плашки с колом.
До боли родная картина,
пять лет пронеслись, как вчера!
Всё те же плетни и плотина,
лай... хрюканье... стук топора.
Трезвеющий запах полыни,
на грядках- сырой чернозём...
- Всё дорого, близко и ныне...
Но странно: мы здесь не живём.

ЖИЗНЬ ПОТУСКНЕЛА, ОТО- ШЛА...

«Тенисовка» - так нежно звали
Деревню - нет её давно...
Видны мне ямы да завалинки...

стена самана - в ней окно...
Налево грива золотиться
пшеницею, а дальше- лес.
А впереди Тенис - границей,
где синь воды аж до небес!
Громадина озёрной глади
ласкает сердце и глаза...
«Где, отзовитесь Христа ради?!»
- хочу кому-то я сказать.
Сказать тем людям, что здесь жили
в деревне тихой, небольшой:
пахали... пели... и любили,
и утверждали путь земной?!
.. Но нет пути, как нет заветов -
жизнь потускнела, отошла...
Лишь на околице, приметная,
качает веточки ветла!

НА РЫБАЛКЕ

Тучи - клубом...
Гром сорвавшись,
покатился по лесам.
Гул за согрой отозвался -
и разверзлись небеса.
И такой ударил ливень -
что не видно в трёх шагах...
Жмут ручьи потоком в лывы...
ветер стонет: Ох!.. да Ах!..
И машины на дороге
вязнут и в кювет скользят...
Пацаны бегут, продрогнув,
под берёзы встать спешат.
Двум заядлым рыболовам
не пришлось язей поймать...
Гром с утра гремел, готовый
в речке рыбу распугать...

ТАЙМЕНЬ

В глуби, на каменистом грунте
мелькнула быстрой рыбы тень...
Я пригляделся: вижу смутно -
плывёт легко большой таймень.
Он режет воду, как торпеда,
и исчезает вглубь бесследно.

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Транзистор весело поёт...
Телеэкран и люстры...
Я спать ложусь - сон не идёт
и на душе так пусто.
и пред глазами даль встаёт-
земля обетованная:
там на заре поёт угод...
малина там багряная...
Озёров синь, на тропке в рям
мох ластится периной...

Вольготно там тетеревам
и стаям журавлиным.
... Там где-то есть и мой шалаш,
и в нём забытый патронташ.

НАСТУПЛЕНИЕ СУМЕРЕК

Тьму тревожит дерево скрипучее...
Козодоя мекающий свист

стих в лощине...

Свет звезды падучей
высветил на миг пожухлый лист.
Тишиной болотной наслаждаясь,
я от запахов осенних пьян...
... Из-за тучи месяц выплывает,
ослепляя призрачность полян.

НОЧЛЕГ В ИЗБЕ

Тьма в окнах...

тишь со всех сторон...

В родной избе я, нет лишь мамы.
... Мне чудится сквозь сладкий сон:
мать поправляет одеяло...
Как я любил касанье рук,
пропахших клевером и мятой!
Мы утром рано шли на луг
косить втроем, со старшим братом.
... Вот вновь мираж: касанье рук.
и мнится шорох одеяла...
Дыханье слышу, слышу стук
и - вижу кошку у чувала.
Она мяучит, лапкой трёт
свой нос -
что значит быть с гостями...
С чувала спрыгнула, ползёт
ко мне, царапает ногтями...
... Проснулся - и не по себе?!
Лежу я молча, одиноко...
Чулана нет- в другой избе.
И кошка та -
в тех днях далёких.

СУМРАЧНЫЙ ВЕЧЕР

Из небесной прорехи
сыпанул льдистый дождь...
Гром, как леший, проехал -
и мурашками дрожь...
Еще август, до снега
«сотни вёрст до небес»...
Скрип проезжей телеги
канул в сумрачный лес.
Озеро потемнело,
стая птиц просвистела...

ТОРОСЫ

Ледостав не сразу встал,
и Иртыш весь в глыбах!

Снег шугою обрастал,
льдами волны дыбил...
Берегом бегу на лыжах -
снег пушистый светит...
И поёт камыш мне рыжий
о ушедшем лете!

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Задремали в луговине
одинокое стога...
В роще, в поле, на овине
пышные искрят снега.
Над дорогой ветер ноет
в телеграфных проводах,
даже ночью нет покоя
людям!.. Где-то боль и страх.
И фарфоровые чашки
с вестью из чужих земель
в ночь звенят мне о несчастье
через версты и метель.

ПОНИМАЕМ С ГОДАМИ

Т. Белозёрову

Тимофей Максимович, с Вами
было радостно думать, дышать...
Понимаем мы только с годами
тех, кого нам пришлось потерять.
Я - дурачился: «Детский писатель?..»
- над тобой насмеялся не раз.
Это было от дури, признаюсь,
от лихачества - напоказ?!
Уважая твой дар в поэзии,
и твою неуёмную страсть -
почему же порою невежливо
я старался твой труд исказить?..
... И теперь вечерами тоскую,
вспоминаю, как близок ты был
очень многим-
к себе всех ревнуя,
понимаю:
тебя я любил!

ВОЖАТАЯ

На трамвае спешу до вокзала...
Он - скрипит...он - дымит... - и встаёт.
И вожатая громко сказала
в микрофон: «Всё, хана, не идёт...»
Дверь открылась в кабине - молодка,
краснощёкая, вышла смеясь:
«Что, не чуешь - сгорели колодки...
Ну-ка, топай пешочком, князь?!»

* * *

Эдуарду Лимонову

Ты умеешь каяться красиво,
депутатом думы хочешь стать...

Каждым словом мажешься к России
и врагов поносишь: «Эка, мать!...»
Чёлку поправляя поминутно,
устремляешь взгляд горящий в зал,
и стихами истину запутав -
рвёшься к славе
вновь на пьедестал.

СТАРОРЕЖИМНЫЙ

Там - промолчал, здесь - усомнился...
Глаза отвёл, не взбунтовал...
Полунеправде поклонился,
поскольку друг её сказал.
А независим был с рожденья -
но что внутри оборвалось?!
Зачем смотрю вновь с вождельем
на пыльный, старый паровоз?
Он в тупике, спит на приколе,
жизнь в космос рвётся и звенит!..
И я шепчу себе: «Доколе
угодничать, людей смешить?!»

ГРЕХИ ВЕРНУТСЯ

Темно в душе - ах, как болит
обида, брошенная камнем...
Смотрю я вверх: метеорит,
сгорев, в ночном пространстве канул...
Привольно жил, легко дышал,
спешил в цветущий дол -
вонзились муки сотней жал.
Я болью изошёл.
Не убережешься, не сбежать
от божьей кары нам...
Что в оправдание сказать
жестоким небесам.
Врагами меж собой живём,
жизнь топчем безрассудно.
Грехи вернуться к нам копьём,
карая зло, подспудно!
- Свой крест я бережно несу
и боль моя легка.
Прости безбожных, Иисус -
коснись твоя рука!

В ПОЛЯХ С РОМАШКОЙ

Ты, Русь, осталась избяной...
В полях с ромашкой, горчицетом -
меня встречаешь на рассвете
в загадочной тиши лесной!
Звук реактивный в облаках
просторы неба будоражит...
Вот справа грива - хлеб в валках
Вот слева - согра... вот овражек.
Вот речка, с зеркальцем, изгиб...
Губами к роднику приник...

САМ ЗА СЕБЯ ДЕРЖИСЬ

Такое время, друг ты, мой:
не сосчитать задач...
С хмельною, трудной головой
сопи в ду-ду, не плачь.
Под ругань, ссоры - с горяча
не проклинай ты жизнь...
Не жди случайного плеча -
сам за себя держись?!

ТРОПА

Затерялся бы, пропал
я в тайге дремучей –
но ведёт меня тропа,
а над нею – лучик!
Меж вершин – просвет в глазок,
впереди – тропа в шажок.

ТРИШКИН УВАЛ

Взлетает жаворонок звонкий,
качая песню на весу...
... Здесь торф горел, дымя воронкой -
а ныне - озерцо в лесу.
Вокруг воды камыш и зелень
густых берёзовых ветвей...
- От нежных чувств куда я денусь?..
Смотрю на жизнь мудрей, светлей.
Играет ветер в перелесках,
летит на хлебные поля,
ласкает щёки... В поднебесье
клик журавлиный – боль моя!

ТАКИМ ОСТАНУСЬ

Я - независим!
Так должно -
останусь прежним.
Наивен- пусть?!
Но всё равно
в мечтах - железный!
И мне начхать на весь абсурд
и кривотолки...
Общественный не страшен суд
в насмешках колких!
Вновь сплетни слышу за стеной,
и желчь...и бредни...
Таким останусь: гордый, злой
-из могикан последний.
Дилеммы нет мне:
«Быть не быть?!»
Живём однажды!..
- И новый день спешу дарить
себе, как праздник!!

ТРАМПЛИН

И мне мечталось: оттолкнуться,
взлететь – и радостно парить,

и в невесомость окунуться,
и в сне загадочном побыть...
...Стою у горки, ребятня
трамплин из глыбин снежных строит
– и впрямь, занятная возня,
помочь, пожалуй, детям стоит.
Трамплин готов.
Соседа сын
помчался, шарфик развивая,
взметнулся белый вихрь над ним,
в сугроб мальчишку погружая.
Смешки да хохот... Вот второй,
ручонками всю махая,
как стриж, подхваченный игрой,
высоко к небу подлетает.
И началось!..
Скольжение лыж,
мгновение взлета, вихрь падений...
А крики рвутся выше крыш,
ликуя детским вдохновеньем!
Счастливый взгляд из-под ресниц,
заснеженных, и вера в силы...
Я вспомнил лето, стайку птиц,
которые летать учились.

УСТЬ-КУРЕНГА

Тут редко ступает нога человека –
иду я тропинкой охотничьей:
тайга неприступная, филина клекот –
богата природа урочища.
Фауну с флорой в наш трудный век
здесь пожалел человек!
За Карбызой
В тайге, на поляне, под старой сосной
скучает избушка-заимка...
Лишь с первой порошей охотник тропой
пройдет, обновляя «зимник».

ТЫ – ИСЦЕЛЕНИЕ МОЁ!..

Вновь горечи мои, обиды -
как искры, гаснут на ветру.
Знакомый лес - моя обитель,
я голову клоню к костру.
Полночный вздох!..
- В нём запах тонкий
травы осенней, камыша...
Крик одинокой перепёлки...
Туман холодный с Иртыша...
Мне утешенье и отрада:
палатка, лодка да ружьё.
... Охота! - большего не надо,
ты- исцеление моё!

ТЫ ВЗГЛЯНУЛА!

Ты взглянула!..
- Высь стрельнула

оборвавшейся звездой,
жгуче в сердце заглянула
тайна, с синью неземной...
Как морозные иголки
выси звёздной и чужой -
в этот вечер, знойный, колкий -
в грудь мою вошли с тоской.
Ухожу, как неприкаян,
унося насмешку глаз...
А вернее - убегаю
от мечты в который раз!

ТУРБАЗА НА ДОМБАЕ

Транзистор допоздна поёт...
Цветной экран... и люстры...
... Я спать ложусь. Сон - не идёт.
И на душе - так пусто.
Вновь вижу пред глазами даль -
Сибирь обетованную!..
Там по лесам цветёт миндаль,
малина там багряная.
Там - синь озёр...
На тропке в рям
мох ластится периной...
Вольготно там тетеревам
и стаям журавлиным.
Там, где-то, есть и мой шалаш...
И в нём - забытый патронташ.

ТАМ - В ДЕТСТВЕ

Темнеет... и розовый глянец
стекает в асфальт, на панель...
А мысль причудливый танец -
за тридевять дальних земель!
Там - речка и лес предзакатный-
в нём галачий переполох...
Вслед девочке в легоньком платье -
старушки задумчивый вздох.
Там - в поле зелёной волною
поднялся усатый ячмень...
Там мальчик на вело тропую
спешит обогнать свою тень.
Озёра в светлейшие линзы
вобрали небес синеву...
Там - мама моя...
Там - Отчизна,
в которой я с детства живу!..
.

* * *

Там, где волны сбрасывают пыл,
где черта свиданий проходила,
там, на волнорезе, ждаль любил,
чтоб тебя
ко мне волной прибило...
Появляясь в брызгах предо мной
ты на камень скользкий выплывала.

Он,
зеленый,
 с мягкою травой,
становился, вроде пьедестала.
И твой тонкий
профиль над водой
в бронзовом загаре,
под лучами
отливал такую чистотой,
что в висках
 прибоем кровь стучала!
Волнорез от берега вдали -
волны бьют,
шипят,
стекая,
пенной.
Рядышком проходят корабли.
Нам с тобою море по колено!

* * *

Тихое кладбище в поле
с рощицей старых берез.
Рядышком с ним,
на приволье,
чистый,
зеленый овес!
Серое небо неслышно
сеет дождинок пыльцу,
ветки развесисто дышат
паром...
и жмутся к лицу.
Изгородь поразвалилась,
сырость сквизит из кустов...
Всюду могилы...
могилы...
стойбище мрачных крестов.
Надписи долго читаю:
сколько знакомых имен!
Лица встают,
оживают,
двигаются с разных сторон...
Сколько мне раз поклониться
душам из небытия?
Господу богу молиться,
жаль,
 не приучен был я.
Тихо над вечным покоем,
тихо и горько до слез...
Светятся давнею болью
черные шрамы берез!

В ТАРЕ

В улыбке робость спрятав,
настилами скрипя,
по мостикам горбатым,
по улочкам опрятным
иду после дождя!
Скрипит он, музыкальный,
старинный тротуар!..

На окнах изб румяный
зоровой пожар!
Вдоль сквера маки алые -
здесь девушки смешат
безусых, на побывку
приехавших солдат.
Поют частушки-баеньки
встревоженным сердцам...
Ах, тары-бары, бабаньки
судачат здесь и там!
Открыты настежь створки,
Калитки - нараспах!..
У Русиных- вичёрки,
там дробный перепляс.
У Ивановых проводы -
сынका готовят в путь...
И по прямому проводу
звоню: «Приедь..ну, будь?!»

РОБОСТЬ

Смущаюсь я порою, даже с лишком.
Не то, чтобы боюсь - а робость есть...
Я битым был:
больших и малых шишек
в моей судьбе, пожалуй, и не счесть,
Ах, это чувство вечное - сомнение?!
... А, вдруг ?.. А если буду я не прав?!
Весна!.. -
И всё прощает нам вселенная:
звенят ручьи и всюду зелень трав.
Лицо подставив солнечному ветру,
вдыхая запах утренних полей,
иду тропинкой в тишине рассветной...
- Хочу я стать смелее и добрей!

КОЛЛЕГА-ЦИНИК

Коллега мой строчит «порнуху» -
в дерьме копаются, как Бог...
В том «мало тямы».

Стиль по духу:

«Когда мой дядя занемог...»
Нет, Пушкин не причём, конечно.
Коллега - классный журналист,
увидев дурость в человеке,
он сразу - циник, скандалист.
И детектив взял за основу,
подбавил секса через край...
Мне говорит: «*Читатель* - олух,
Он - обыватель и слюнтяй...
А с порнографией -

бишь с сексом

знакомы все...

Аля... У-лю!

Вот встретил...

ахнул... трахнул.

Сердце?.. Любовь?..-

Смешно: вся жизнь в хмелю...»

* * *

Лепечет дождик обложной
в березняке средь веток,
и в травы тоненькой струей
стекает незаметно.
Раскрылись лепестки цветка,
приподнялась пшеница...
И светит капля с колоска,
на усике искрится.
Парит нагретая земля,
повсюду пыль пририта...
Из тучек сереньких, шая,
дождь сеет, как из сита.

УТРО ЛИКУЕТ

Избы вдоль речки...
Над ними – рассвет
тенькает радостной птицей.
Даже петух кукарекнул чуть свет...
В заспанных окнах зарится.
Алость пылает на глади речной,
чайка крылом чуть коснулась...
Тополь махает мне веткой-рукой...
Миром весенним люблюсь.
Утро ликует – и горном звеня,
соком берёз наполняет меня.

МЕЖДУРЕЧЬЕ

Посреди большого тальника –
озерцо в плену сонливой ряски.
Лилий белоснежных три цветка
на середине светят тихой лаской.
А у берега зыбун-трава
высотой до пояса, густая...
Два ручья – два светлых рукава
тянутся, в густых ветвях скрываясь...
Я, как Робинзон, один брожу
и следов зверей не нахожу.

РОДНОЙ ПРОУЛОК

Весеннего неба проталины синие
отражаются в солнечных лужах.
Скворцы,
трепеща нежно крыльями,
над скворечнями парами кружат.
Иду...
А ледок потрескивает –
прозрачный,
тоненький,
хрупкий...
Утро лучами поблескивая,
навстречу их тянет, как руки!
Деревенская тишь невесома
и веселого солнца россыпь
бьет из окон каждого дома –
как и встарь слышу:

- Милости просим...
Не пройти и полшага здесь крадучись,
и бросает в щемящую дрожь
та сердечность,
особая праздничность
- пред которой вовек не солжешь!..
Не обманываюсь, не загадываю,
постараюсь не быть сам в долгу,
принимаю любовь вашу с радостью
- где такое еще я найду!?

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СНЕГ

Снег только выпал: мягкий, чистый,
хрустальных звезд не сосчитать!..
Рассвет холодный и лучистый
идет по городу стучать.
Люблю я лыжи, спозаранку
в воскресный день бегу туда,
где спит Иртыш, устав таранить
нагромождения из льда!
Прикрыли снежные равнины
корявое лицо реки.
Как сфинксы, неподвижно стынут
у зябких лунок рыбаки!..
Скольжу накатистой лыжнею
вдоль рыжей стенки камыша,
Раскланиваясь, предо мною
метелки весело шуршат!
Толкаюсь палками, и в кольцах
снег вихрем вьется позади!
А зимнее все выше солнце...
И все теплей в моей груди!..

ЦИКЛ РЕПОРТАЖЕЙ

РЕПОРТАЖ № 1

ИЗ МЮНХЕНА -1972 г.

«Кто быстрее! Сильнее! Кто выше!...»
– олимпийский зовет девиз.
Моя Родина, слышишь, слышишь:
эти титулы наши – гордись!
...В баскетболе победа вырвана
у заносчивых американцев –
в три секунды золото выиграно,
парни русские кружатся в танце.
... Вихрь сложнейших прыжков Оль-
ги Корбут – суперкласс!..
– Строгий Мюнхен-судья
аплодирует... Звездный конкурс
назовет позже лучшей тебя!..

РЕПОРТАЖ № 2

И опять алый флаг на флагштоке,
откровенный фашист снова в шоке!
По-собачьи скулит он и воет,
недобитый с прошедших войн...

И гремят по-предательски выстрелы
в мир, что дорого выстрадан!..
И приспущены в трауре флаги...
И убиты улыбка, и радость.
Израильтяне взяты в заложники –
всюду в улицах взгляды тревожные.
Злобно сжалась в кулак
Мюнхенская ладонь...
ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ –
это вечный огонь!

РЕПОРТАЖ № 3

В зале пресс – центра Олимпийского
Мюнхена собрались сотни журнали-
стов, комментаторов радио и телеви-
дения. К микрофону расхлябанной
походкой идёт парень в расстегнутой
куртке, с тапочками через плечо. Это
Марк Спитц – обладатель семи олим-
пийских наград. Потрясая над голо-
вой медалями, залпом выпалил:
«Oh, gill sind the using of tlurgold».
И ушёл.
Кто-то из зала вслед удаляющемуся
Спитцу бросает:
«Smart Deale!..Rascal!».
А через некоторое время интервью
давал Валерий Борзов, немецким
журналистам на немецком, англий-
ским – на английском.
В строгом костюме, скромный, обая-
тельный...
На утро все газеты, словно сговорив-
шись, вышли под заголовками: «Са-
мый спортивный!.. Самый интеллек-
туальный!.. Самый достойный!..». И
не удивительно, что в конкурсе спор-
тивных звёзд, проводимом американ-
ской прессой, Марк Спитц занял
только 17-е место, а первое – присуж-
дено обаятельной Ольге Корбут.

РЫБАКИ

В тёплый вечер,
во мгле, рыбаки
собрались в тальнике у реки.
Рыбакам по одиннадцать лет,
от костра в лицах розовый свет.
Из золы длинной палкой к ногам
выгребается чудо-картошка,
прежде чем прикоснуться к губам,
до красна обжигает ладошки...
Вдоль косы закидушек крючки –
если клёв – на рогатках звонки.

* * *

Красно-розовый пугливый
в речке разлился закат...
Трое мальчиков счастливых
на мостках с утра сидят.
Удочки к воде склонились...
Чутко дремлют поплавки...
... В лицах детских отразились
блики радужной реки.

РОВЕСНИК ВЕКА

На пороге двадцатого века,
перерезав Уральский хребет,
путь Великий со звонами эха
на Восток проложил первый след.
Под гудок паровоза победный,
оглашая Сибирский простор,
мчался поезд по этому следу
на зеленый везде семафор!
Восемьсот девяносто четвертый!..
- В этот год, этап стройки верша,
прибыл в праздничный Омск
поезд четко
и уперся в разлив Иртыша.
Нужен мост был...
И новые рельсы,
и строителей новый отряд
для профессии этой, железной,
из хороших толковых ребят...
В сентябре девятисотого года,
чтоб готовить строителей в срок,
в Атамановском хуторе гордом
дан в училище первый звонок!
Вечность!...
Годы учебы, свершений!
В ногу с веком, в едином строю
здесь прошло не одно поколенье,
есть династии в нашем краю!
Чтим училище-техникум-колледж,
педагогов, больших мастеров,
как Андреев, Рычков,
ну а позже – Хохов,
Кобац, Пятков, Мисюров...
Помним подвиг в снегах Самотлора,
пади БАМа...
Тайшет... Уренгой...
Сохраняли мы фауну с флорой
технологией новой, душой!
В летопись тех трудов бескорыстных
вписан летчик-герой Байдуков,
и Владимир Лейтланд –
замминистра,
Вознесенский, Хелмицкий,
Смирнов...
Слава всем, кто дерзает и строит!
Память вечная бедам войны!

Слава всем безымянным героям
сохранившим нам радость весны!
Молодым ставить новые вехи!
Пусть сердце не коснется печаль!
Нас в огнях двадцать первого века
ждет иная, прекрасная даль.

НЕОБХОДИМЫЙ МОНОЛОГ

Теперь, когда с гневом и болью, с тревогой и надеждой я смотрю в будущее страны, всегда одновременно оглядываюсь в то дальнее детство, в прошлое, чтобы яснее понять сегодняшний день, его сложности и скрытые вехи нашего времени. Мучаясь в раздумьях, страдая от бессилия исправить что-то немедленно, видя вокруг полуголодных и больных людей. я часто подолгу не могу в ночной темноте заснуть, растирая кулаками наворачнувшиеся на глаза слезы обиды. Обиды за себя, за окружающих. И вместо молитвы, шепчу в звездное окно: «Да святится имя твое, Россия!»... И в который раз спрашиваю себя: «кто - я, что - я?»

- Я не верующий, но молюсь перед Богом, чтобы он спас от раздора мою деревушку Солдатку (за прошедшие годы «перестройки» по России исчезло с лица земли около 70 тысяч деревень и поселков).
- Я молюсь и прошу у Господа Бога здоровья для моих родных и близких людей (каждый год население России сокращается на миллион россиян, безвременно уходящих из-за тяжелых условий жизни).
- Я молюсь за пять миллионов беспризорных детей, оказавшихся по разным причинам на холодных, грязных улицах.
- Я молюсь за миллионы россиян, находящихся в колониях, тюрьмах, лагерях, в спецучреждениях. Особенно за 100 000 заключенных женщин, чьих- то невест, жен, матерей, которых вынудили нынешние бесчеловечные условия жизни пойти на нарушение законов. (Да какие это все же государственные законы, если они не обеспечивают нормальной жизни простых россиян?). Я молюсь снова и снова, без усталости и сна. И в итоге – стих:

* * *

*«Россия, исчезни в пространстве!..»
Александр Блок*

*Россия, вернись ко мне снова
Я помню войну -
а мне было шесть лет:*

*весной, деревенской дорогой,
израненный с фронта вернулся сосед -
лицо все в рубцах и ожогах.
Без глаза (с повязкой), хмельной чуть,
небрит,
в шинели потертой, суровой,
пел нам под гармошку слепой инвалид -
«Россия, вернись ко мне снова...».
Я в школу пошел...
Не по-детски взрослел...
Мне – девять...Познал горечь, беды.
И вдруг - «похоронка». Отец не успел
дожить всего год до Победы.
Мать плачет, обнявши троих нас, сирот.
Пес поет надрывно, протяжно...
В ограде мгновенно собрался народ,
сует кто-то хлеб - теплый, влажный.
Сгущается тьма...
Ночь настанет вот-вот...
И тут под гармошку, в полслова,
запел инвалид у соседних ворот -
«Россия, вернись ко мне снова...».
Ах, жизнь моя тяжкая!
Столько стерпел
пока не закончил я школу.
Да, много работал и мало так ел,
почти не бывая веселым.
Любил на озерах встречать я рассвет,
а вечером песней знакомой
лечил мою душу подбитый сосед -
«Россия, вернись ко мне снова...».
То горькое детство со мной навсегда,
я вырос, и в жизни жестокой
терял я Россию не раз -
и тогда
той песни мне слышались строки.
Была «перестройка», Афган и Чечня...
Мне нищенкой снилась Россия,
и в снах задыхаясь от дыма, огня -
душа моя к Богу просилась.
В спецовке армейской «афганец», в очках -
незрячий, коверкая слово,
на площади пел под гитару в ночах -
«Россия, вернись ко мне снова...».
Я многое в жизни свершил и постиг:
есть дом и жена, сын и дочка.
И счастлив я с ними, светлеет мой лик.
И рано еще ставить точку.
Но улица – та же, и сердце- болит,
ведь жизнь, как и прежде, сурова...
В груди моей струйкою крови звенит -
«Россия, вернись ко мне снова...».*

Я хочу, чтобы «История России» меньше бы знала экономических и политических потрясений, землетрясений и всевозмож-

ных катаклизмов. Ведь жизнь россиян во многих веках была слишком тяжкой: то - многовековое «монгольское иго», то - «Отечественные войны», то - новые революции, то – «перестройки». И когда все это кончится?..

Россияне достойны лучшей жизни, лучшей Истории.

ПРАВ ЛИ Я?

Мир уютный, к солнцу лицом,
ты одна хлопотливо строила...

Я. как гость, живу в нём -
ты же строила,

чтобы ни стоило?!

- Прав ли я?! -

пусть рассудит нас жизнь,
а её остаётся всё меньше...

Дом, семья - ты со мной согласишься,
это всё- таки больше для женщин.

А мужчинам? - подай им борьбу,
спорт, науку и риск, для отважных.

Потому мне свою судьбу
не сменять на тряпье и бумажник.

И не нужен комфорт и уют...

Дураком пусть помру -

не сменяю

на Москву или солнечный юг,
дорогого Сибирского края!

И заветы родных – не предаю,
если даже захочется плакать.

Кровь до капли последней отдаю -
пусть вся жизнь моя

будет им платой?!

- Прав ли я?! - пусть рассудит нас
жизнь,

но её остаётся всё меньше...

... На меня ты, прошу, не сердись,
знаю: жизнь не легка у вас, женщин.

МОЯ ДОЧУРКА

Глаз пронзительных огонёк
согревает меня поминутно...

Этот радостный голосок
ни за что мне

с другими не спутать!

Это чудо! - улыбки росточек
и зимою, в метели цветёт...

- «Лена, сколько тебе годочков?...»

- «Три!»- и пальчики разожмёт?!

ВАСИЛИЙ

Это не хмель, не угар
сжимает твои виски...

Это – смертельный удар
безверия, чёрной тоски.

Казалось всем: ты жизнелюб,
спортсмен и столяр отменный,
но за кромкой улыбчивых губ
скрывались жестокие тени.

Заикаст был - везде и всегда
стеснялся картавой речи...

Мы же верили, не беда,

Главное - ум, человечность.

Только женщина злая одна
одним махом всю жизнь опровергла:

поначалу смутила

душу до дна,

а потом надсмеялась скверно.

И ты задушил любовь,

и бросил к ногам этой женщины,
чтоб никогда уже вновь

не верить жизни изменчивой.

О, сколько сгоревших звёзд

и исковерканных судеб?!

А где-то плюгавый прохвост

женщину эту голубит.

Я видел их вместе: как скот,

он пьян был, она к нему жалась...

- Василь, о тебе живёт

в наших душах светлая память!

ГРИППЫ-ВСХЛИПЫ...

Грипп коварный - кашель, всхлипы
месяцами мучают...

Все простуды ко мне липнут,

день и ночь конючают.

В улицах теплынь - весна:

солнышко и зелень,

в небесах - голубизна...

А во мне злость, темень.

Руки, ноги - как кисель.

голова как камень...

Грипп по несколько недель -

и мрачнеет память.

... А когда- то сладко жил,

пел, кутил беспечно-

и удачливо дружил-

думал: так навечно.

А теперь - такой кошмар:

кашель, пот и слякоть...

зуд в носу, в висках - пожар.

- Жизнь сложилась накось?!

СТРАННАЯ НОЧЬ

Светлый ключ с говорливым ручьём,
как зверёк, в поле тёмное просится...

Здесь в песочке, в корытце своём,

высеваются звёздочки россыпью...

Омут.. Берег с осокой густой...

гладь воды

с неподдельным зеркальцем.

... Я люблюсь юной луной
и боюсь: как бы высь не померкла бы?!
Дремлет луг в крупных каплях росы -
зёрнышки в них вчерашнего солнца!..
Пахнет донником, мятой... Остыв,
пар восходит дыханием сонным.
Ближний лес молчалив и угрюм
после птичьего звона и треска...
погружён он в неведение дум...
С края поля берёзка-невестка.
- Спите речка, луга и леса!...
Ваш покой я ничем не нарушу...
Осторожно иду... В небесах,
обрываясь звездой, гаснут души?!

НА ЭКРАНЕ - ЭСТРАДА

Треп сплошной - то эстрада?!
Шик улыбок... бравада...
Повертеть голым задом...
- Но кому это надо?!
... Моё сердце бунтует,
оно за день устало,
жизнь его так трепала -
не покажется мало?!
Меня крыли и били
по печёнке, под дых...
- Вы поёте о крыльях,
о любви на двоих.
Мне ж до чёртиков тошно,
от печалей непрошенных,
и молю я : «Эстрада,
пустозвонства не надо?!
Ну, потише хоть малость,
прояви к людям жалость...
Столь бахвальства не надо -
сгинь с экрана эстрада!..»

РОК-Н-РОЛЛ

Ныне столько оркестров
исполняют рок-н-ролл?!
Если слышать всех вместе -
я с ума бы сошёл!
Что ни группа, то - мода:
с бородой... в неглиже...
то ужимки уroda...
то вертлявое «ж...»
Вам, артисты эстрады,
платят тотчас - аванс...
Нет превыше награды -
кайф, объятия, транс!
Но рояль музыканта,
звон браслетов, колец -
не заменят таланта,
сокровенность сердец?!
И прошу я: «Эстрада,
лишь притворства не надо?!»

ЭРОЗИЯ

Порастрескалась земля
от жары и ветра.
Загрустили зеленыя
на поляне летней.
Ссохлись, съёжились цветы,
и завяли травы.
Солнце жарит с высоты...
– Боже, ты не первый!?

ЭХ, ДОРОЖНИКИ!

Ну, зачем на виду у деревни
вырыли на полянке ров?..
У загона срубили деревья,
в них прохлада была для коров.
Вдоль шоссе – пни, отсыпка сияет...
Да, надёжно!..
Но режет глаза
тот карьер - он могилкой зияет...
Эх, дорожники, нет на вас зла!

ЮЖНЫЕ ПЛЯЖИ

Я не художник,
 считал бы за счастье
хотя б иногда
 к красоте прикасаться...
Знойные пляжи, манящие пляжи...
нынче я к вам
 совершаю вояжи.
Божественны грации,
 волшебны их линии...
Наплывают внезапно
 майскими ливнями.
То- Примадонны и Нефертите,
царицы и ангелы -
 грех отпустите?!
Плечи русалочки
 в волнах качаются,
взгляды всеядные
 в глубь отражаются.
Белые волосы
 с нежностью лилий
плывут, уплывают
в простор светло-синий!
Блещут купальники
 яркими мини,
как на кораблицах
 ва- тер- ли- ни -и...
Я им чужой,
 обращаюсь без имени,
лишь в голове
 всё рисую их линии.
Я не художник,
 считал бы за счастье
к их красоте
 иногда прикасаться!

НА ЮГЕ

Здесь сладкозвучные цикады
неистово в ночи звенят...
Откуда взялось столь бравады
у юных, что всего хотят?!
Развязанность,
ведь та же пошлость -
а не свобода, не фурор!..
На месяц позабыто прошлое -
и будущее не в укор.
Постарше возрастом, впервые
попав в такой водоворот.
Пускают суммы отпускные
и сбережения за год.
Зато все в белое одеты,
по парам и на веселее...
Гульнут красивей каждый метит,
пусть даже вырос на селе.
Раскованность фигур на пляже
вплелась в навязчивость манер...
- Есть что-то вольное и праздное
в любви,
не знающей потерь?!

УЧИСЬ У ПРИРОДЫ

Юный клён распускает ветви
на кирпичном, старом карнизе!..
Как попал он туда,
и как выжил -
среди зим, среди бурь лихолетья?!
И внизу, на асфальте, зелень -
из трещин прут тополя!!
... Что - случайность?!
-А может, везенье?!
Нет!! -
учись у Природы весенней,
и на груди у Вселенной
не ищи,
где помягче земля?!

СВЯТАЯ БЛЕДНОСТЬ

Стройных дев,
красивых и румяных,
с ангельской улыбкою, полно...
Но твоя святая бледность странно
манит меня тайно и давно...
Загадай желание любое,
посмотри с надеждой ясной в высь:
видишь - даже небо голубое
хочет, чтоб с тобой мы обнялись?!

ЮМОРЕСКА

Кому-то палец в зубы класть
и ждать: вдруг, лязгнут?! -
смешно конечно, но напасть
щадит мои соблазны.

А стих запретный весел, зол...
и душу ядом тешит...
жар в голове...
- Вот бред прошёл,
лишь мутит разум леший?!

С ЮБИЛЕЕМ!!

Владимиру Федоровичу Емельянову
Пятьдесят- это очень немного
для мужчины,
лишь самый расцвет!
Как трудна не была бы дорога
к счастью,
в ней твой уверенный след!
Вспомни детство -
конструктор надежный
и друзей, и любимую мать...
Кончив школу,
в той жизни тревожной
в цех пришлось на работу шагать.
Служба в армии, почесть, награды...
Срок закончен, и вот - институт!
И была величайшая радость
повстречать свою девушку тут.
Ты - комсорг, разухабистый парень,
весельчак, заводила, спортсмен...
Ах, какая прекрасная пара
на всю жизнь!.. И без ссор и измен.
Был апрель: хлопья белого снега
неожиданно плыли с небес.
И фаты белизна - нежность, нега
глаз девичьих - из сказки чудес!
... А потом КГБ - твердость, строгость.
Лейтенант... Подполковник... И вот
вдруг развал СССР... И тревога
всей страны за крутой поворот.
Выстоять помогает таможня.
Снова служба, большие дела,
проявить себя снова возможно,
если Родина в путь позвала.
Ну, а главное, есть и опора,
прочный тыл и семейный очаг.
Сын и дочь подросли -
выйдут скоро
в путь большой. И уверен их шаг.
Так спасибо всей жизни за счастье
быть любимым, желанным, родным...
Благодарны всем вам за участие
в наших судьбах,
с поклоном земным!
И сейчас от души пожелаем,
(вряд ли вызовет это вопрос)
чтоб Столетье твое мы встречали!
И за это - поднимем все тост!!!
*Семейство Петковых,
23 февраля 2006 года.*

ИХ НЕТ ЧЕРНЕЙ

На свежескошенной поляне
грачиный, радостный галдёж...
Шумит застолье...
Чёрный глянec
на крыльях вызывает дрожь.
Ступая важно, кособочась –
клюют кузнечиков, червей...
Взлетают стаей вдоль обочин,
как призраки – их нет черней.

СТРЕПЕТ

Стрепет – мелкая дрофа,
с опереньем пестрым,
но быстрее петуха
пробегаёт версты.
Длиннонога и стройна,
словно ветер, мчится...
Ей трава и степь нужна.
В озими гнездится.

СОВЁНОК

Дикий лес с тропой звериной...
Утопают ноги в мох.
Резкий, громкий клич совиный
застает меня врасплох.
Рядом в веточках – совеноч.
Желторотый... Серый пух!?!
На меня глаза спросонок
он тарачит: “Что за дух?..”
Обхожу куст осторожно,
а сова над головой,
вниз срываясь с кликом грозным,
кажет когти: “Кто такой?..”

ПРИИРТЫШСКИЕ САЙКИ

Перья – дыбом на головке,
крылья в черно-голубом...
Состязаются в сноровке –
расклевать орех вдвоем!
А сегодня наблюдаю –
их собралась сразу стая.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Завешаны зелёным хмелем окна
и облепиха дремлет у ворот...
От зноя день затих...
Светлы волокна
прозрачных облаков -
в них высь поёт.
В них - жаворонка
голосок беспечный,
и оклик журавлиный
с грустью вечной!

ЛИСИЦА

Одинокая лисица
В норке у реки живет...
Длинной ночью ей не спится
и она на луг идет.
Запахи ей нос дурманят:
куропатки свежий след
в плотный куст, таловый, манит.
Виден перьев белый снег.
У копны с душистым сеном
слышит тонкий писк мышей...
К ним она крадется тенью
в тихих сумерках ночей.

* * *

Ястреб крылья расправил,
над поляной парит,
смотрит влево и вправо –
спать мышам не велит.
Машет крыльями редко...
На мгновенье завис –
ясно: что-то приметил –
камнем падает вниз!

В ЗАРЕЧНОЙ СОГРЕ

По болоту шел я осторожно...
Но раздался треск гнилых жердей
под ногами –
словно выстрел грозный
прогремел, вспугнув двух крякашей.
Закричал удод, за ним – сорока,
стала булькать, ухать кочкара,
и лягушки всхлипнули в осоке –
все очнулось вмиг в лучах утра.
Все насторожилось, окликаая:
кто я, и зачем в их тихом крае?!

* * *

На полянке, клубникой богатой,
треск кузнечиков, сотни стрекоз...
Разбежались перепелята –
слышен писк их у дальних берез.
Меж цветов и травы непролазной
желтых птенчиков как рассмотреть?!
Мать кричит: «Где мои вы,
проказники?..»
И взлетает – и села на ветвь.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

**МЕСТЬ ЗЕМЛИ,
ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА**

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел пятнадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

МЕСТЬ ЗЕМЛИ, ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

МЕСТЬ ЗЕМЛИ

В мир божий, человек, поверь!
Земную плоть красой измерь!..
У ног бурлит порог Падунский,
а там, за тридевять земель,
я словно вижу край подлунный:
там – Ниагарский водопад!
В каскадах брызг – светлейший
град!..
Мир Божий всем!... Звенит Катунь
и волны – синь по камням катит!..
Но где-то взрывы: гильз латунь
искрит – там выстрелов раскаты!
Там кровь и боль!..
Свистят снаряды!..
Не дремлет вечная вражда:
в подземных взрывах –
штат Невада!..
Боль Хиросимы – навсегда!..
Земля скорбит от ран кровавых:
и в мирный день земную твердь
терзает сталь, в полях – потрава,
в лесах – пожары. Та же смерть!
Рвы – оспой на лице природы...
яд в реках... тиф...
Беда лиха!
О, страшный миг
– дымит Чернобыль!..
Взрыв поездов – в слезах Уфа!..
О, люди! Загораясь мщеньем,
земля от боли восстает:
вулканами, землетрясеньем
нам лаву огненную шлет!
Вызванная дрожь глубин,
Кавказ, от пепла задыхаясь,
лежит в руинах...
“Как могли мы не беречь
земного рая?!..”

* * *

Когда мне горько,
не хватает
ни сил,
ни волн –
вижу я
в родимом небе птичьи стаи,
в осеннем золоте поля!
Я вижу дом родной у речки
и маму тихую мою –
и сразу
мне теплей и легче,
и тверже на ноги встаю!..

Иду я на свиданье снова
туда,
где жизнь взяла разбег,
где я,
пацан большеголовый,
пью холодок светлейших рек!
Там ястреб кружит осторожно
над перепелками во ржи,
там расцветает подорожник
на перекрестке у межи!
Там по тропиночке окольной
вновь на охоту ухожу
в поля росистые, раздольные,
где сердцем до сих пор живу!

* * *

Плыл туман, волной качаясь...
Костерком мигал причал.
Утки в камышах кричали -
чибис в сумерках дичал.
Поздно ставили мы сети,
и поставив, у костра
коротали вечер летний
возле дедушки Петра.
Дед варил уху отменно,
нас охотно угощал...
Подстелив охапку сена,
притчи нам повествовал.
Выпь в болоте причитала
в луговине цвёл туман...
Коростель серпом стучала -
от присказок был я пьян!
Совы с клыканьем кружили,
словно ведьмы в вышине,
звёзды счастье ворожили,
недосказанное мне.
Зори алые смешались:
Лишь вечерняя сошла -
утренняя загораясь,
с краю облако зажгла!..
Но когда перед рассветом
розовел в верхушках лес,
задремал я, не заметив,
как туман с воды исчез...

МОИ НАДЕЖДЫ

Глухая полночь... За окном
угомонился пыльный город.
И чувствую я, как за ворот
стекает струйкой липкий холод,
что в форточку проник тайком.
...Смотрю, к стеклу прижавшись плотно:
дугу в полнеба прочертив,
звезда сгорает,
мимолётно
твой дальний профиль осветив.

Загадывать желанье поздно,
оно загадано тобой...
Счастливые билеты розданы,
получит их не я, другой.
И в небе призрачном, высоком,
дрожащем в отблесках огня,
мне чудится, как на востоке
рождаются пожары дня.
И ты, вся в огненных одеждах,
вступаешь в новый день страны.
И он с тобой?!
Мои надежды-
они теперь нулю равны.

ОСЕННИЙ ИРТЫШ

Не ледоход, шуга идёт...
И мёрзну я у белой кромки...
Гудит последний теплоход.
плывёт в просторе эхо громко.
И вслушиваясь не дыша,
в набат прощальный теплохода,
у зябкой кромки Иртыша
припоминаю свои годы.
Чего лишь я не пережил,
где только не ходил, не плавал,
но всякий раз я приходил
к тебе, Иртыш, с заботой главной.
И понабравшись новых сил,
я колесил опять по свету...
А ты мелел, вбирая ил...
И всё сужался с каждым летом.
... Багаж я малый накопил...
Тебя теперь в гранит одели...
- Но ты ведь полноводней был?!
С тобой мы оба постарели.

* * *

Камыш стеной темнеет вдоль причала,
над ним кружа
в наплывшей тишине,
как по сигналу, чайки замолчали
и сели на прибрежном зыбуне.
Я задремал...
С лохматыми бровями
Емеля-дед
рукой убрал зарю,
прикрыл луга туманным покрывалом
и заложил табак себе в ноздрю.
И так чихнул,
что молния упруго
свилась над колосающею нивой...
И рассмеялся, сотряся округу...
...Проснулся я,
а надо мною – ливень!
Сверкали молнии,
грома гремели...

И я залез под лодку,
как сурок,
и вспоминал про дедушку Емелю.
А сон то
в руку –
слыл дед как пророк.

КОЗЛЁНОК

Стройный, тонкий... Острые копытца
по поляне весело стучат:
вот они ведут к ручью напиться...
вот бегут вдоль леса, наугад...
А глаза ясны, блестят, как сливы...
Выгиб шеи с шерсточкой игривой...

РАЗДУМЬЯ У ИРТЫША

Мне в жизни было множество дано
рассветных вёсен, радостных свиданий!
Везение, казалось, шло само
из солнечной и беззаботной дали!
И был всегда я весел и упрям,
сомненьями души не омрачая...

Но час пробил: за временем - обман,
стою один у зябкого причала.
Я многого не сделал, не сберёг,
а думал: впереди вся жизнь - успею!..
... Вдали звезда, а может огонёк,
за горизонтом призрачно алеет.
Недавно встречи были иль давно?
Как не оплатный долг,
вернулись годы!..

- И память, быстрой лентою кино,
победы и грехи мои итожит...

В САНАТОРИИ «ИРТЫШ»

Чернолученский луг -
как натянутый лук!..
В соснах вечно зелёных,
в ряд - коттеджи на склонах...
Вниз - белёсой каймою
протянулась коса,
волны светлые моют
золотинки песка.
Я спускаюсь тропинкой
и шагаю к воде,
блеск росы на травинках
под ногами везде.
Вдалеке бродит стадо...
рёв моторов... а здесь -
чистота и прохлада...
перепёлочья песнь...
Раскричались грачата-
что за радость стряслась
в день, лишь только начатый,
в ранний утренний час?!

Стайкой дружной по бережку,
кулички-крикуны
по воде тёплой бережно
жмут на перегонки...
Чайка с лёта целует
посветлевшую гладь...
- Босиком здесь люблю я
по песочку шагать!..

УЛИЦА ПЕТРА ИЛЬИЧЁВА

Под весенним, долгожданным ливнем
ребетня весёлая кричит...

Улица? - привычным стало имя:
здесь живу...

Твою мне память чтить!..

... Под свинцовым, раскаленным ливнем,
на холодных камнях у скалы -
в дни войны на дальнем Сахалине
моряки в тельняшках залегли.

Но встаёт один и, как Матросов,
грудью закрывает пулемёт...

-Улица,

живёшь сейчас ты просто:

кто-то нянчит внуков, кто-то пьёт,

Кто-то радуется ясным зорям,

кто-то врёт, на всё мол наплевать...

Но средь нас

в глубоком, скорбном горе
этой улицей проходит мать.

С головой поникшей,

светлым взглядом!..

Седина... Морщины...

Ты взглядишь,

в женщин встречных,

и прошу: не надо

осквернять ни чем святую жизнь?!

... Выхожу во двор, где сын с друзьями
у песочницы играет в бой...

Он- малыш, пока он мало знает
о войне, что знаем мы с тобой?!

У МОРЯ

Нежны, стройны, высоки,

идут, что королевы -

блондинки синеокие,

наследницы от Евы.

Да, здесь под небом южным
в загаре красота...

А вот в Сибири вьюжной,

она, как снег, светла.

В коротенькое лето

не просто загореть,

и в девушке одетой

её не подсмотреть.

На золотистом пляже
с волною голубой
загар красивой ляжет
на женщине любой.
И если наши жёны
могли здесь лето жить,
тогда б их смог влюблено
с южанками сравнить.

НА ЛЫЖАХ УБЕГАЮ

В снежном вихре убегаю...

Синий иней стаей

с белых веточек слетает,
на ресницах тает.

Лыжи меж берёз скользят...

Белизна искрится,

кажется, что у меня,

приклеены ресницы.

Щиплет щёки холодок...

Солнце над поляной,

словно красный колобок,
всех зверей обманет.

Подгородка - здесь зимой
чистота такая,

что не надо никакой

красотищи Мая

Сосны, ёлки вдоль дорог

зеленью блистают,

и хотя я весь продрог,

- зиму обожаю!

Пригород Омска

ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ

Синь апреля...

Ручьи убегают

по оврагам, по щёкам лощин...

Узнаю край родной, изучаю

по излучкам весенних морщин.

Я шагаю: навстречу поляны,

перелески, сквозные поля...

После снежных покровов так странно
почернела на время земля.

На шоссе, близь, машины мелькают...

Вижу: дальше - грохочет состав.

Мчится поезд, просторы листая,

запах все в вагоны собрав.

... Всюду лужи, ручьи...

Тают, тают

по оврагам остатки снегов...

На пригорке листву пробивает

зелень первая стебельков!

РОДНАЯ СТОРОНА

Улиц грязь?!.-

а вот в в ограде:

травка, куры, пёс Барбос...

-Здравствуй, милая отрада,
я любовь свою принёс.
- Здравствуй домик!..
- Здравствуй детство!..
- Здравствуй, петушиный крик!..
Дайте, дайте наглядеться -
от деревни я отвык.
Всё как прежде...
Даль прекрасна...
Радость я опять постиг...
-Что ты плачешься напрасно,
растравоженный кулик?!
От того ль, что осень, сыро
и прохладно на заре...
Может жить уже не мило
над речушкой в серебре?!
У меня в душе вот раны
тоже...Что - не рассказать!
- Ах, какой я нынче странный:
всё готов расцеловать!
Улиц грязь - и та, родная!..
Край родимый, не кори -
освежи меня прохладой
и любовью напои!

НА ХЛЕБОУБОРКЕ В СОВХОЗЕ

Вечерами хозяйка приветливо
нас встречает...
Муж весел, речист...
На селе она - баба заметная...
Черноглаз он- лихой тракторист...
У него и у ней - по ребёнку,
не сложившихся в прошлом семей.
Они связаны ниточкой тонкой
не любви, а случайных страстей.
И любви, верно, уж и не будет...
Как же быть?..
Надо как-то ведь жить?!
Всё равно им: кого, как осудят -
чашу горькую поровну пить.
... Пахнет свежеею краской, смолою...
В новом домике свет и уют,
только в комнатах этих, не скрою,
больше спорят, чем песни поют.
А вокруг разрастаются улицы,
на полях золотистых - страда.
Но жена молодая сутулится:
словно снова за дверью беда.
Муж с темна до темна на работе -
много надо для новой семьи,
только мало о том он заботится,
чтобы ласковой стали они.
Что не так- он уж груб, она плачет...
И безрадостен дом и уют...
- Уезжаем, желаем удачи
этим окнам, глядящим на юг!

В ЛЕСОПИТОМНИКЕ

Я вновь приехал в Подгородку:
всё тот же сад, водопровод -
у озерка в трубе, как в глотке,
вода шипящая идёт.
Устало дышится насосу...
Лежу в траве, прикрыв глаза...
Как беркуты, лохмато сосны
вверху уходят в небеса!
Который день здесь
дождь, и сырость,
и скука от того и злость...
Сегодня к ночи прояснилось:
любуюсь хороводом звёзд.
Та звёздочка, над головою -
ну, точно - родинка твоя,
что на щеке твоей покоясь.
Дразнила девочкой меня.
Сюда на пляж ты приходила
в те дни купаться, загорать...
К себе улыбкою манила,
была прекрасна твоя стать.
Дразнила издали, смущала...
И вот ты вновь среди ярких звёзд...
- И всё, что мне тогда сказала,
сейчас в душе отозвалось?!

* * *

Умру- одиноко поплачешь,
жить буду - поплачешь вдвойне?!
Ты дорого очень заплатишь
за то, что понравилась мне.

В ЗАЛИВЕ У ИРТЫША

Спиной почти касаясь глади -
так сильно яхту накренив,
яхтсмен меняет резко градус,
пересекая весь залив...
Упругий парус, наполняясь,
трепещет на ветру слегка...
И волны светлые, играя,
ко мне бегут вдоль островка.
На камне с удочкой, бездвижно,
сiju в тени в сомненьях весь,
а этот юноша по жизни
летит светло, куда ни весть!
Мой поплавок волна качает-
клюёт он...
Знаю - то обман...
Под крики налетевших чаек,
опустошаю свой карман.
Хлеб ноздреватый, крошки - горстью
бросаю птицам на залив...
Они с неистовым упорством
Пикируют - и миг красив!

... Волна прошла, неслышно чаек,
а яхта – точечкой вдали!..
И я почти не различаю:
где небеса, где край земли?!

У ПТИЦ УЧИТЕСЬ

Учитесь нежности у птиц!
Любви у лебеда учитесь!..
Из шумных городов, столиц
вы на природу за нею мчитесь!
Учитесь верности у птиц!
Учитесь смелости орлиной!..
- И милый взгляд из под ресниц
раскроется весенней синью!

КОЛОДЕЗНАЯ БАДЬЯ

Иду с покоса с братом, мамой:
приехали к ней на денёк...
... Вот улица, колодец - прямо.
Я пить хочу, в поту промок...
В колодце - лёд...грибки по срубам...
с железным обручём бадья...
На лавочке, из досок грубых -
весёлый разговор бабья.
Я прижимаю губы знойно -
и обжигает их вода...
Пью с чувством, медленно, достойно -
как может, не пил никогда!
Мы славно потрудились в поле.
Ладони липнут к холодку...
В них - затихает зуд мозолей...
Я, словно, кланяюсь деньку...

ТЕЛЕПЕРЕДАЧА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Непоправимо я больной:
кручусь весь день, как заводной...
Устав от хроник детективных,
от скучных и ненужных фраз,
придя домой, смотрю как диво -
мультфильма детского рассказ.
А мне его так не хватало -
всесильной сказки волшебства...
Я, как ребёнок, таю, таю -
внимая светлые слова.
В них - доброта и долг, и вера...
Горение!.. Святой огонь!..
И день осенний, день мой серый,
летит под облако, как конь.
Несёт меня за сини реки...
За горы, счастье взяты в бою...
Ещё и выси не померкли,
а я уже в родном краю...
Вернулся... На руках- невеста,
снимаю шлем свой золотой...
- Окончен фильм и как-то тесно
мне снова в комнате пустой -
непоправимо я больной...

В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

У поэта очень видного,
молодого, хлопотливого,
со своею толстой библио
сизу с большой учтивостью
Не читая мои вирши,
мечет гром и молнии,
как в инфляцию на бирже,
стол от хлама полнится.
Словно чёрта за рога,
осаждают круто...
Враз меня он обстрогал
и совсем запутал...
И исчезли, словно дым,
спесь моя, солидность...
Для меня чужим он стал...
В нём - притворство видно.
Убеждает: «А писать,
как Мартынов надо!..»
Продолжает потрясать
длинною руладой.
Думаю: А кто ты, есть?
Сам, как попугайчик!..
Как же смог сюда пролезть?..
- Экая случайность!..

ДРУГ ИЗ «МЕСТКОМА»

Утро...
В толчею вхожу трамвая:
двое сослуживцев впереди.
Понемногу, ближе к ним толкаюсь,
и всплывает неприязнь в груди.
Весь в каракуле один, и важен,
в возрасте, но выглядит на «сто»...
На лице румянец - напомажен...
Рядом друг мой, в стареньком пальто.
Как же так, одно же учрежденье
и работа, кажется, одна?..
Жизнь один смакует с наслажденьем,
словно чарку нежного вина.
Свеж, наглажен, моден, аккуратен -
не спешит ни в чём и никогда,
прирабатывает он к зарплате
тыщи без особого труда.
Ну, а друг мой вечно
в спорах, схватках,
за кого-то вновь встаёт горой...
Где там приработать? Так, бесплатно
крутится весь день, как заводной.
Он - «местком», он всем надоедает...
тратит свои деньги на ребят...
за кого-то борется, страдает...
«Наш защитник!» - люди говорят.
И ни почестей и не медалей,
и порой иные говорят,
что заносчив, и хитёр, скандален...

А знакомым, близким - он не брат.
Жмёт его начальство: «Ради Бога,
пыл умерь свой?!»
Дай спокойно жить...»...
- Устаю от споров понемногу
с ним, в дилемме: «Быть или не быть?!».
... С каждой остановкою свободней.
И стою, задумавшись, смотрю...
Завтра уже праздник новогодний...
- Ясную, мой друг, тебе зарю!

СВОЁ ПРИПОМИНАЮ ДЕТСТВО

Угомонилась, наконец-то,
спит, сладко руки разметаю...
Своё припоминаю детство
среди высоких летних трав.
Я - шантрапа и голодранец,
застенчивый, голодный, злой,
вставал с зарёю очень рано
с недетской, грустной головой.
И убегал в леса, к озёрам -
искал грибы, зорил грачей.
В колосьях прошлогодних, зёрна
как золото, носил с полей.
Саранки, щавель, лебеда...
и дикий лук и троелистка,
запомнились мне в те года,
что ныне светят в обелисках!

И горько, горько вспоминать:
война окончена - ПОБЕДА!..
Мать плачет - некого встречать...
Мы плачем - нечего обедать...

В ЛЕС УЙДУ

Устал?!.. До чего же устал...
Отдохнуть, от всего бы забыться,
в лес уйти, у густого куста
в траву глухарём забиться.
Там кузнечик, на скрипке звеня,
подойдёт в зелёных сапожках...
И расскажет мне, как в зеленях
жить счастливо всё лето возможно.
Лягушонок спросонок: луп-луп...
прыг да прыг -
пучеглазый, нескладный,
мне откроет, чем радостен луг
для него

в майский полдень нарядный.
Стрекоза, обрывая полёт,
на цветке балериной качнётся...
А пчела, прославляя мёд,
в красной маковке отзовется!
И сутра до темна муравьи
будут рядом возиться - трудяги!..
Им уставшие руки мои
покажутся просто корягами.

Я под вечер, окрепший, очнусь,
Поднимусь -
жизнь предстанет вновь ясной!
- Небесам и лесам улыбнусь,
что живут в этом мире в согласье!!

ГОРОДСКИЕ СНЫ

Уйти с головою в работу,
Забиться - не слышать, молчать!..
Довольно нужде и заботам
СВОБОДУ мою расточать?!
Пусть снова во мне отзовется
весенних полей перезвон,
и в детство опять окупнется
мой светлый и радостный сон:
... Поляна, цветёт повилিকা
и клевер ликует густой...
а дальше - волною клубника,
как белый, игривый прибор!
Светлеет опушка в берёзах,
в них слышится иволги грусть...
Кукушки пророчества, слезные,
читаю в цветах наизусть.
- Я здесь старика повстречаю,
(он травы приходит смотреть)
присядем на пни, помечтаем,
как жизни во век не стареть?!

УЛЫБАЙТЕСЬ, ЛЮДИ!

Улыбаться часто -
не грешно, не пошло...
Улыбаться надо всем чертям назло!..
Смех?! Смех без причины -
признак дурачины:
шуткой та пословица...
Нет дыма без огня.
... Не виню себя я - зло перегорело,
ироничен вывих, жизнь - то не гладка.
Но опять смеюсь я -
не пристало б плакать,
над судьбой смеюсь я,
и значит – над собой?!
Знаю: вы боитесь - как укол улыбка,
тень не скроет света
на любом лице.
Говорят: пословицы
рождены страданьем -
выстрадано слово с улыбкой на века!
Что язык мой - друг, и враг - известно,
только не двояка улыбка никогда!
Улыбаться надо!!-
улыбайтесь чаще,
солнцем опалённые, вьюгой и грозой.
Надо просыпаться!
Надо удивляться!
Надо открываться сердцем и душой!

... Улыбайтесь, люди!.. Ещё мало солнце,
ещё мало света на горестной земле...
- Пусть таят улыбки остриё кинжала,
пусть казнят презренье - если им дано...
Но нельзя же, право,
в темноте без света!
Как нельзя, пожалуй - сердцу замолчать?»

И ВСЁ ПОГАСЛО ПОГОДЯ

Ушёл. И ничего не жалко -
ни выси синей, ни земли.
Почудилось: к ветрам прижался
и те на крыльях унесли...
Детей по растерял по свету,
старуха год как умерла.
Ещё вечерность ставил сети,
а утром - сел как у стола,
так и не встал...
Заполыхала
перед глазами ало высь
и туча, словно одеяло,
нависла сразу на карниз.
Перекрестился...
Поднял руку,
слегка поправил образа...
Но в тот же миг,
без всякой муки
на сердце схлынула гроза.
И было кратким просветленье-
как в лес вошел после дождя...
Влилась прохлада с птичьим пеньем
- и всё погасло погода.

ДЫШИ И ПОЙ!

Чу!.. Косачи кричат в лесах,
токуя в полумраке,
они красуются на пнях
и пух теряют в драке.
- Ты чудо хочешь посмотреть?
Вставай, скорей, засоня!
Смотри - восток начал алеть -
и лес к нему готов взлететь!.
Те облака в погони,
как золотые кони...
Спеши! - укладывай рюкзак -
день нынче будет добрым.
Ружья не надобно, чудак,
не надо порох с дробью.
Не надо смерти - видишь пар
земли отталой, тёплой?!
Он, как живой,
он словно - дар,
взамен угрозы тёмной.
Дыши его!.. Дыши и пой -
и сам наполнишься весной!

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Мерца в свете фонарей,
над памятником Революции
снег осыпается колючий -
и вечер кажется светлей!
Рукою ты снежинки тронь -
они растают, разольются.
И, словно звёздочки, прольются
в негаснущий огонь!!
Полвека, как развеян прах
боёв в Марьяновских полях...
Людей тех нет,
но слышу пульс
в груди у города -
пульс сердца
героев тех?!
Святейший дух!..
Смотри - горит он, не потух,
чтоб мог душой ты обогреться!!

КАКИЕ КОНИ?!

Чу?! - молодняк,
зверье, не кони!..
Роня пену на траву,
от паута, как от погони,
летят в поля под синеву!
Пастух отстал... Его лошадка
стара, костлява, тяжела -
и ей давно уже не сладки
намыленные удила.
... Туман сошёл. Роса – зерниста...
За табуном - широкий след.
И кажется, трава дымится,
и отливает звёздный свет...
Ах, молодняк - какие кони?!
Миг - табуна и не видать...
Сжимаю мысленно в ладонях
поводья...
- Мне ли их догнать?!

В ТИГАРТЕНЕ

*Фашистские, воинствующие молодчики
устраивают провокации у памятников
русским воинам (Из газет)*

У памятника в Тигартене
закат багровый бросил тени...
На век остались здесь солдаты,
последний получив приказ -
им не хватило только час,
в то утро майское, девятого.
Сурово смотрят с постамента
ещё в дыму, ещё в огне.
И запах пулеметной ленты
горчит свинцово в тишине...

Так тридцать лет стоят на страже
здесь, на чужбине, вдалеке.
А ночью тени, снова, вражьи
ползут, сжав злобу в кулаке...
... Чеканя шаг, к отцам и дедам,
идёт на смену караул -
к ним, не увидевшим Победу,
но слышавшим Салюта гул!!

У НЕИЗВЕСТНОЙ МОГИЛЫ

Погибают-то чаще не трусы...
С благородною, сильной душой
гибнут парни, как воины русские,
не вернувшись однажды домой.
В падах, сопках, во льдах океана -
обелисков гранёный шпиль!..
... Лягут рельсы дорог, гордо встанут
города возле этих могил!..
Жаль, что гибнут то чаще герои.
Трус, как червь, от беды ускользнёт...
ни в огне не сгорит... ни утонет...
Только воин в бессмертье войдёт!

ГЕРОЙСТВО И ТРУСОСТЬ

Знай: трусы никогда не тонут,
в пожаре тоже не горят.
Им безразличны чьи-то стоны,
они по ямам прячут зад.
Я знал: в войну один плюгавый,
спасавший шкуру дезертир,
прожил пять лет в гнилом подвале,
потом ослеп, увидев мир...
Все трусы - мелкие букашки,
все лезут в трещины свои.
У них девиз: «Своя рубашка...»
- а там хоть целый свет сгори!
... Опять читаю я в газете:
Погиб...спасая, как герой...»
И чей-то взгляд уже не светит,
накрыт могильною плитой.
Иду зелёною аллеей,
синеет майски синета!
Среди цветов вверху алеет
мемориальная звезда.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Вчера собачка малая взлетела
в космическую высь... Живём - по НОТ.
Но пухнут лбы?!
Молись скорей, Отелло,
коварства и века переживёт!
Что изменилось? - Вечно тяготенье
к непознанным планетам и мирам,
гоняемся за собственной тенью,
а мир земной -
доступен ли он нам?!

Учёный спор Америки с Европой -
и атом заменён на водород!..
Оружие- как смерчи и потопа!
- А кто?
Инопланетянин мир спасёт?!
Ведь всюду газы, шлаки, пестициды -
вновь корчится в агонии земля!..
... О, люди, на природу не ропщите -
бурьянами задавлены поля!
Берёза, ива - всё имеет лица,
Ты - человек,
внимательно взглядишь:
былинке ручеёк прозрачный снится,
в росинке малой отразилась жизнь!..

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Утро дохнуло морозом -
деревья блестят в кружевах...
Берёза, как белая роза,
на миг предо мной ожила!
От пяток, до самой макушки,
искрится кристалликов свет
и сердце моё непослушное
видит в ней майский рассвет!!.
- Что ж, здравствуй, наивность и
сказка!
Вновь жар, и биенье крови!..
Лицом розовею от ласки
в предчувствии новой любви!

ДАЧНЫЙ РАЙ

Утром субботним томится душа
в комнатах тесных и душных,
шумная улица в окнах слышна -
сколько её можно слушать?..
Шкаф полированный, тумбочка, стол-
застыли в глянце холодном.
Я и на рынок с женой не пошёл -
сегодня нам не по дороге...
Быстро собравшись, на дачу спешу,
в райские тихие кущи...
Озеро... Тропка...

Смешному стрижу
радость пушинкой отпущено:
он её с лёта, над самой водой
ловит- и вновь отпускает...
... Вот и калитка - зелёный покой
в объятья свои принимает.
Щебет крапивницы... бабочки
взлёт...
божья коровка в малине...
Всюду по даче клубника цветёт,
а за забором - свет синий.
Там озерцо...
Запах терпкий, густой
смородины бьётся мне в ноздри...

- Мир откровенья плывёт надо мной
в этот час теплый, поздний..
Тени ложатся, сгущается синь
и золотится лишь крыша.
Тайно молю: «Красота, не отринь...
Гулкое сердце - ты слышишь?!»

ТЕВРИЗСКИЙ РАЙОН

Край нехоженных лесных просторов,
здесь цветы роскошные - по грудь!
На раздольных северных озёрах
слышу лебединых кликов грусть.
Белый пух, слепящий, словно чудо,
нежный выгиб шеи...крыльев взмах...
Буду помнить, жив пока я буду,
о болотистых, глухих рямах.
... Зелень сосен тропку окатила,
сказкою баюкал тишь камыш...
Пара лебедей вблизи светилась -
между ними серенький малыш.
Словно вечность голосом лебязьем
окликала зоревую высь -
белизной небесною, разящей
над заливом блики занялись!
Я запомнил навсегда мгновенья,
где не тронут выстрелом покой...
где цветут поляны белопенные...
где лебязжий отсвет над водой!..

УРМАН

То - лиственный лес, то - хвойный...
Вдоль берега - плотный туман...
Сошёлся стеной многоствольной
непроходимый урман.
На сотню вёрст нету жилья...
Декабрь - и парит полынья.
Ждём с другом с утра вертолёт...
Темнеет... А сон не идёт.....

У КРЕСТА

Разрыв-трава, полынь-трава...
Как жизнь жестока, неправда!
Могильный холмик свежей глиной
зовёт, кричит мне: «Ты повинен!..»
...Дождь мелкий перешёл в туман.
Шепчу: «Прости нас мама...мам...»

У КОСТРА

У костра, золотого костра,
я один просижу до утра.
Буду слушать, как пламя гудит,
как притихший лес тягостно спит.
И во тьму будут искры лететь...
Я костру расскажу всё, как есть.
Расскажу: сколько мук я терплю
и кого больше жизни люблю...

Как не раз на краю я стоял,
выстоял... И сильнее духом стал...
Память снова пере-воро-шу!..
Все обиды чужие прощу...
... И под утра окрепший, святой
буду свеж, с чистою головой!
Но останется блеск от костра
на лице, словно отсвет утрат...

УСТЬ-ИШИМСКИЕ ПОЛЯНЫ

Цветы- по грудь, и пчёлы – у лица...
Хожу я по некошеным полянам,
по ягодным местам - им нет конца.
Здесь Север - и закат в сто крат румяней.
Под соснами - багульник, моха пух...
Непуганые рядом птицы, звери...
Во всё родство и вековечный дух!
Впервые хочется в бессмертье верить.

Я МЕЧТАЛ О ЗВЁЗДАХ...

Утешаюсь малым: майским лугом,
веточкой ольхи, рекой туманной...
Вижу пашню, блеск стального плуга...
Слышу журавлей на зорьке ранней...
Я мечтал о звёздах, о великом,
на вершины целилась душа...
... Забываюсь в поле полудиком,
с наслаждением свежестью дыша.

С ТОБОЙ РАССТАТЬСЯ - НЕ МОГУ...

Уйти бы надо - не могу...
Сказать в ответ, в словах взорваться,
и попытаться- разобраться!..
Но молча я чего-то жду....
А недомолвки, твои ссоры,
претензий всевозможных груз
сильней всё давят - и боюсь:
разъединить нас могут скоро.
Я пытки все пока терплю,
бегу из собственного дома
порою даже к незнакомым...
О, как я ругань не люблю.
Быть может я не берегу
тебя, очаг семейный...
Может
у нас характеров несхожесть!?
... Расстаться бы - но не могу.

К ТЕБЕ ИДУ

Уйду совсем...
Себя чуть-чуть оставляю,
в разбросанных по листикам, стихах...
Ноябрь... Иртыш немеет в ледоставе...
К тебе иду я вновь в заветных снах.
В прозрачное окно, проснувшись,
глянешь,

и в предрассветной синеватой мгле
вдруг оживёт стекла холодный глянец:
меня увидишь в дальнем - далеке.
Не закрывай окна тяжёлой шторой,
не отходи, побудь ещё со мной...
Горят, дымят воздушные просторы -
и музыка звенит в тиши ночной!

УСТАЛОСТЬ

Рано лист рябины вянет,
слишком резки холода...
От туманов ли устану
иль озябну ото льда?!
Но стихи писать не брошу,
выйдя в поле по-утру,
душу с первою порошей
я развею по- ветру...

УТРО ЛИКУЕТ

Избы вдоль речки...
Над ними – рассвет
тенькает радостной птицей.
Даже петух кукарекнул чуть свет...
В заспанных окнах зарится.
Алость пылает на глади речной,
чайка крылом чуть коснулась...
Тополь махает мне веткой-рукой...
Миром весенним люблюсь.
Утро ликует – и горном звеня,
соком берёз наполняет меня.

ПАЛЫ

Гарь ползёт луговиной,
кружит близь вороньё...
Дед глядит, как с повинной,
шепчет мне: «О-моё?!
Не к добру эти дымы -
к лесу тянут палы.
Всё сгорит, мать родимая,
будут рощи мертвы?!.»

На весеннем озере

Что творится на озере?!.
- Зелень... тычки цветут...
на талах и берёзках
снова листья растут.
Чудеса небывалые-
есть и веточки малые.
Тишь весенняя, майская -
корни сок всюду пьют...
Жизнь у тычек обманчива -
через месяц умрут?!.

СМЕТАЛИ ПЕРВЫЙ СТОГ...

В село с полей прошли давно стада,
и тонет луг в густеющем тумане.

В нём - в белых волнах плавают стога -
высокие, как шлемы великанов.

Идём домой дорожкой луговой:
брат впереди, а следом – я и мама...
Вот выплыла звезда над головой
и на трезубце вил горит упрямо.
Сметали мы сегодня первый стог -
помолодела радостная мама,
идёт и шепчет: «Что, устал сынок?..
А, всё-таки, управились мы рано...»

У ОГРАДЫ

Нет тебя, и всё же:
«Здравствуй, мама?!»
Вижу: двор заросший, в нём - темно.
Память бьётся и зовёт упрямо
заглянуть в разбитое окно.
За избою - мрачные деревья,
в огороде - сваленный плетень...
Кто теперь мне душу обогреет,
кто вернёт весенний ясный день?..
У калитки, где меня встречала -
доски накрест - вроде бы кресты.
... И согнувшись, я стою в печали
у ограды, где осталась ты...

БРОШЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

В роще берёзовой холмики всюду.
Сгнили кресты.
Кто же были те люди?..
Души согбённых, далёких людей
выплыли в выси среди журавлей..
Здесь я случайно...
На ранней заре
тополь мерцает в сплошном серебре,
алый с вершины и светлый с боков-
высится призрачно до облаков.
Я у оградки , взгрустнувший, сажу -
и за вершиною в небо скольжу...

БОЛЬШАЯ БИЧА

Цветы- по грудь, и пчёлы - у виска...
Хожу я по некошеным полянам,
по ягодным местам- им нет конца!
Здесь Север - и закат в сто крат румяней!
Под соснами - багульник, мох - как пух.
Непуганые рядом птицы , звери...
Мир первозданный - вековечный дух!
Впервые хочется в бессмертье верить!

ЗИМНИЙ РАССВЕТ

... И первый тихий говор за окном...
И стук в ведре - вода уже со льдом!...
По мягкому снежочку проскрипели
полозья,-
всхрап коня и стук копыт...

В сарайках тёмных петухи запели.
... Смешные, пол-деревни уж не спит.

ПРИЕЗД К ДРУГУ

Цветёт у окон куст сирени,
а у калитки - бузина...
Как две сестрицы несравненных,
в фате, белеют допоздна.
Во мглу закутал тёплый вечер
и огород, и дальний луг.
Какой уют!?.
Здесь на крыльчке
меня встречает давний друг.
Светло от лампы-переноски,
шнур змейкой вьётся под капот...
Друг мне толкует: «Тёзка, тёзка -
какой не виделись мы год? ..»
Полыни запах - так знакомый,
от клетки - терпкий чернозём...
И бедный дворик вмиг напомнил
мой деревянный, старый дом

ПОДСТРИЖКА ДЕРЕВЬЕВ

Смотрите!?! - плачут деревья,
сок-слёзы на тротуаре...
Падают ветви, как перья
птицы, в полёте раненной!
Идёт подстрижка деревьев -
красоту наводят по городу...
И больно очень, поверьте,
под ногой видеть веточку гордую.
В ней уже понабухли почки
и проклюнулись лепестки -
как письма к любимой на почте,
раскрыться желали они!
Уже слышалось им лепетание
на ветру зелёных ветвей...
И чудилось, как с содроганием
в них врывается вихрь лучей!
Им хотелось подставить ладошки
всех листочков под тёплый дождь...
- Эй, садовник, помешкай немножко,
это деревце хоть не трожь.

ПАЛЫ

Гарь плывёт луговиной,
кружит близь вороньё...
Я гляжу, как повинный,
шепчет дед : «О, моё!...
Не к добру эти дымы -
к согре тянут палы,
лес сгорит, мать родимая...
Будут рощи мертвы...»

* * *

В первый раз я подумал о вечном
Потемнели поля,
перелески,
замутились у речки глаза,
и вороньей,
картавою вестью
громыхнула за далью гроза.
Пыль взвилась,
и прогорклые травы
вдоль дороги
взмахнули листвою...
Я лошаdkою бурю правлю,
торопясь поскорее домой.
На охапке зеленого сена,
полулежа, смотрю в небеса,
где меняется цвет постепенно
облаков.
А между них – полоса!
Полоса с синевой бесконечной!..
Полоса -
как дорога мне вдаль!..
- В первый раз я подумал о вечном,
беспредельном...
И стало мне жаль:
этот луг,
этот сон деревушки –
эту малую точку земли...
И прикрывши глаза,
долго слушал,
как раскаты
все небо трясли!

* * *

Престолы, мундиры -
вождям и пророкам..
Так было веками,
кого ни спроси.
Двуглавый орел,
лев на гербах да сокол -
высокопочтимость цвела на Руси
Я вижу себя в тех годах скоморохом,
смутьяном опальным -
святым во Христе
и, слушая ныне свергающий грохот,
молюсь, моя Русь,
на спасенном кресте.
Я выжил душою из мрака застоя,
и мне моя вера -
превыше свобод:
не нужно ни деспотов нам,
ни героев -
мы все себе боги,
мы все из господ.
Сударыни, судари,
честью хранимы,
в униженный век наш
да станем горды!

Но нас ожидают крещенские зимы
и распри, и ссоры,
и громы пальбы.
Арал и Байкал мутным взором глядят,
как черные реки в их воды спешат.
Мир болен сегодня -
мне застили взоры
невзгоды,
в полях лебеда и сорняк...
Разруха кругом...
Как уйти от позора?
О Русь,
где он в небе,
спасительный знак?

* * *

Печальна осенью вода,
камыш звенит без ветра...
И в ряске цепкой невода
переплелись так крепко!
А тучи ниже
и темней,
на волнах хлопья пены...
Я, застегнувшись поплотней,
пью чай с травой отменной!
Костер ослаб,
едва чадит,
в нем пламя тихо тает...
Приятель мой всюю храпит,
а я раздумьем маюсь.
Да, я давно в твоих сетях.
На горе ли,
на радость?
Витаю где-то в облаках,
а приземляться надо.

* * *

Пойма Иртыша... Здесь ежевика
по лесам загадочно цветет,
на больших листах играют блики,
иволга встревожено поет.
Папоротник с головой скрывает,
глушит мох лосиные следы...
По тропе звериной я плутаю,—
а они ведут все до воды!

ПЕДАГОГИ-ИЗУВЕРЫ

*Открытое письмо
Преподавателям физвоспитания*

«Здравствуйте, мои коллеги!
Где, в Сибири иль в Крыму,
по песку идете, снегу ль? –
Всем пишу, как одному.
Пусть икнется на похмелье
тем, кто пьет уже с утра,

пусть в сей миг мое презренье
станет поперек горла!
Представляю: строй детишек,
вы же в шляпе и пальто
сигаретой в лица дышите
и ругань – ни за что?!
В жизни вас встречал везде я –
в Томске, Туле, Костроме...
Не из тех вы прохиндеев,
что хоронятся во тьме.
Вы с достоинством фальшивым
в бойком месте, не боясь,
представляете игриво
физкультуры высший класс.
В раздевалке, где ребята
вновь готовятся на старт,
винный запах нагло вато
прет от судей – вы их брат.
Старты «Лед надежды нашей!»
– Вы и здесь, где у борта
тренеры за хмельной чашей
матом вспомнили Христа!
О, кощунство! В малых душах –
зелье, брань и едкий дым
мир отравят равнодушьем,
приобщая слабых к ним.
Может хватит изуверства?
Принцип «Делайте как я!»
вы предали – в вашем сердце
запашок сквозит гнилья...
Вас, коллеги по работе,
умоляю в сотый раз:
«Если курите вы, пьёте
– не ходите к детям в класс!!»

ПОБЕДИТЕЛЬ ЗАБЕГА ВЕТЕРАНОВ

Он по кругу бежит –
и гудит стадион!..
Он возносит усталые руки
к солнцу,
к людям –
счастливейший он,
перенесший сомненья и муки.
Он так долго бежал -
от жарыши шалел,
задышался от пота и ветра,
то боялся упасть,
то воспрянув, смелел,
на последних
крутых километрах...
– Ему семьдесят два –
он сильнейший атлет,
выигравший забег ветеранов...
В первый раз здесь бежал
в шестьдесят еще лет,
– трижды был победителем ранее.

Здесь, на трассе вдоль сопок,
 в жестоких боях
полегли молодые ровесники,
хоронили их здесь
 в тех далеких годах,
и глаза плащ-палаткой завесили!..
А сегодня –
 в цветении буйном весна
и пробег посвящен славной памяти.
– Не пугают года,
 не страшит седина
если сердце с отвагою пламенной!

* * *

Плеск воды над колодиной,
горький привкус осин
мне напомнили Родину
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный, –
я в весеннем лесу...
Как дары от природы,
сноп медунок несущий...

* * *

Просторна степь, колышется ковыль
и душу мне раздолбей майским маем,
и не понять: где небыль, а где быль?
А жаворонок в небе замирает.
Безбрежна даль...
У горизонта – синь...
Мир нежится в веселом
буйстве лета!..
Какая свежесть, нега и теплынь
над величавой степью в зорьке светят?!..
Плывут, плывут безбрежно ковыли –
и нет просторней, ласковой земли.

с. Цветочное

ПРИИРТЫШСКИЕ САЙКИ

Перья – дыбом на головке,
крылья в черно-голубом...
Состязаются в сноровке –
расклевать орех вдвоем!
А сегодня наблюдаю –
их собралась сразу стая.

В СТЕПНОМ ЗАКАЗНИКЕ

Шел я рощей: утра рань,
с веток капли светят...
Разомкнулся лес, елань
стелется приветливо.
Вся в цветах искрит поляна,
воздух кружит чистый, пряный!

ЧАЙКИ

Весенним, ярким солнцем
обласкана река.
В ней с самого-то донца
всплывают облака.
Вдоль берега – лужайки
с зелёною травой...
На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

ПОРА НА УЖИН

Дохнули мглой просторы,
уплыли в сон пруды...
Последний лучик розовый
скользит поверх воды.
Померкли выси синие,
в них дальних звёзд – пыльца...
Я слышу зов по имени
от дальнего крыльца.
В который раз мне слышится:
зовёт на ужин мать...
Мостки у ног колышутся –
уж лески не видать.
Попрятались гольяны,
плотней с реки туман...
В ответ на голос мамы
кричу: «Иду я, мам...»

ПОНОМАРИ

Мы вновь с тобой, Пономари,
– Мое лесное озеро!..
Лось рядом,
в отблесках зари,
блестит рогами грозными.
Виток оточенных мечей
к воде он опускает:
пьёт медленно –
и мрак теней
со дна к нему всплывает.
Прядет ушами... головой
мотнул
и замер чутко.
И, взглядом встретившись со
мной,
стоял еще с минуту.
Потом – прыжок!
И враз исчез,
трещища вдали талыми...
И снова тих
прибрежный лес...
Ружье блестит стволами...
Пономари! Пономари!..
Мне доставляет радость
стоять вот так
в лучах зари
и пить твою прохладу.

ПОЗЁМКА

Над Иртышом
январский вечер стынет,
а полыньи причудливо дымят...
И стаи галок мечутся над ними –
салятся у закраин и галдят...
Трещит морозец, щеки обжигая,
текут поземки снежные ручьи,
и, словно змеи,
в камыши вползая,
шипят – и в лыжи тычутся мои.

* * *

Ползет поземка в камыши,
осоку гнет, играет...
И тальники поют в тиши,
что жизнь идет другая.
Спит, сном охваченный
Иртыш,
рябой шугой сверкая...
И ты, душа моя, грустишь -
и льдинкой таешь, таешь...

ПРОСНУЛАСЬ ДОЧЬ...

Проснулась дочь -
и сразу мир расцвёл,
как расцветает он
при птичьем пенье,
когда весна плывёт от дальних сёл
и празднуется в поле обновленье.
Проснулась дочь,
заполнив всё собой -
весь дом -
от шепотка до крика...
И мы притихли в споре меж собой
и смотрим, замирая, в её личико.
Она - улыбчива...
О, как теперь
нам надо бережливыми быть,
нежными...
Иду я на работу...
Скрипнув, дверь,
открыла мне навстречу
ветер свежий.

ПРОЖИТОЕ

Память лихо возвращает время:
за минуту год промчится в нас -
и с души сползает тяжело бремя...
и уходит грустный свет из глаз.
Прожитое - крылья за плечами!
... Женский облик вдалеке встанёт...
Вновь вернулась ты - и полегчало...
- Знать, душа моя ещё живёт!

* * *

Бездомная и всем чужая
кукушка плачет в тальнике.
«Ку-ку! Ку-ку!» -
и тень мелькает
вдали, в другом уже леске.
Какой судьбою ты гонима, .
о чем звенит твоя печаль?
Ты в птичьей стае нелюбима,
родных птенцов тебе не жаль.
«Ку-ку! Ку-ку!» - года считаешь -
так одинокая лишь мать
надежду в сердце своём чаёт:
от деток весточки дождать.

НА ВЕСЕННЕМ ОЗЕРЕ

Не пойму что- то озеро:
зелень, тычки цветут?..
На сырых, на берёзовых
кольях, листья растут!?
Есть и веточки малые -
чудеса небывалые?
... Тишь весенняя, майская -
корни сок всюду пьют...
Жизнь для тычек обманчива,
через месяц - умрут.

* * *

Как стадо,
разбрелись вдаль облака
на догорающем
вечернем небосклоне...
За речкой,
в темной гуще лозняка,
в болоте топком
выпь ночная стонет.
Иду с ружьем тропинкой луговой,
густой туман
белесой пеленою
встает,
волною катит над травой
и лижется,
как верный пес,
со мною!..
И неохота снять ружье с плеча,
я провожаю взглядом уток стаю –
иду я просто вечер повстречать
и потому сегодня
не стреляю.
Последний ветерок в листве утих,
все замерло,
лишь выпь неугомонна.
Природа входит в душу,
словно стих,
и мучает тревогою бессонной.

И нет покоя мне,
и не пойму –
чего еще теперь от жизни надо?!..
Иду, как в юность,
в белую волну,
и льнет к щеке желанная прохлада.

* * *

Как нудно дождик моросит
и даль туманом закрывает...
И кажется,
природа спит
и сам я,
словно засыпаю.
Накинув плащ,
прикрыв ружье,
слежу за озером рассветным,
каким-то слухом и чутьем
распознаю его секреты.
Под крики уток и гусей,
сквозь пелену дождя,
в тумане
я вижу ближе и ясней
девичий образ милый,
странный...
А пар восходит от воды
и пузырится гладь седая,
за камышом –
поля пусты,
с талов прибрежных
лист слетает...
Отсеребрили,
отцвели
и озеро,
и даль лесная!..
Лишь стайка рыбок
на мели
веселым светом отливает...

* * *

О, эта бешенная гонка
за неизвестностью
вперед!
И поиск озера в потемках,
и пристань,
что в тумане ждет...
Под светом фар собрали лодки
и разложили чучела,
чайку попили,
а не водки,
и сразу в руки –
два весла!
...Поплыли в темень
по проходу
молчком,
себя не торопя.
И только мысли о погоде –
чтоб утром не было дождя.
Вот озеро,
на чистой глади
расставив чучела,
спеша –
единой утки, может, ради
мы растворились в камышах!
Камыш - еще в дремоте сладкой,
но шире светится восток,
ондатра проплыла украдкой,
и рядом просвистел чирок!..
Мир открывается, светлеет –
все резче берег...
Выплыл лес!
Полоска света заалела
на самом краешке небес!

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

БЕРЁЗОВЫЙ СВЕТ, РОДНЫЕ ДАЛИ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел шестнадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

БЕРЕЗОВЫЙ СВЕТ, РОДНЫЕ ДАЛИ

БЕРЕЗА

Я стою у родного крыльца
вспоминая далёкие беды.
Здесь мы ждали вестей от отца.
Со слезами встречали Победу...
Возвратилась ко мне тоска
по хлебам, золотеющим в полдень,
по прохладе лесной ветерка
и по ведрам, брусникою полным...
Мне береза припомнилась вдруг,
старая, с огрубевшей корою,
там, где речки сверкал полукруг,
поднималась она над горою.
Каждый вечер в кроне ее -
несмолкаемый птичий гомон.
В каждом листике песня живет!
В каждой веточке - мир огромный!
И всегда,

в ливень летний иль зной,
укрываясь под сенью березы,
слыша щебет иль ветра разбой,
становился я тише, серьезней...
Я не видел оркестров тогда,
никаких я не слышал симфоний
в тех, войной оглушённых годах.
Только эту берёзу и помню.

БЕЛАЯ ГРИВА

Ликует лес!...
Ручьи – в лучах зари,
а день назад белели
здесь сугробы.
В овраге серебром
вода искрит,
а почки вербы –
злато высшей пробы!
В рассветной дымке, прямо на меже
два косача в зазывном исступленьи,
как в бубен бьют, ярятся.
И уже крылами хлещут,
рвутся в наступленьи.

ЗВЁЗДЫ КРЕМЛЯ

Высокие башни и алые звезды
возносят величье Кремля.
Ах, как вас любили
сквозь беды и слёзы,
вас так прославляла земля.
Я славить
кремлевские башни не стану,
их свет потускнел и не мил.
Мне не были Богом -
ни Ленин, ни Сталин!

Я жизнь беспартийным прожил.
И ныне полно всяческих оппозиций,
тьма партий - но всё напоказ.
Смешны Жириновский с Гайдаром,
жар-птицы.
Калифы всего лишь на час.
Орлы есть почище-
коварнее, злее:
Чубайсы, Шахраи, Рудской...
Один Березовский
чего только стоит-
в раздоре со всею страной.
И каждый политик
кошунственно мыслит,
глумятся порой над Москвой,
но всё таки
звёзды Кремлевские в выси
хранят старину за высокой стеной.
Прошли времена тех парадов, оваций -
награды из звёзд золотых.
- Отчизна! Великая русская нация,
доколе плестись на пе-ре-клад-ных?»

* * *

В тумане скрыты птицы, звери...
Примчался ветер, распахнул
на луг зелёный к речке двери...
Мир засиял, в лицо дохнул...

* * *

Огонёк снова бьётся в костре,
догорая, трещат в темь дрова...
Ночь кончается...
Тишь на заре...
Посвежела моя голова.
Странно так вот? - не спал в ночи,
а в груди сердце сильно стучит!..

* * *

Высвечивают звёзды даль.
Не повернуть судьбу назад
где прошлой юности печаль
высвечивает нежный взгляд.
Всё позади!..
И безвозвратны
мечты, обманчивые в «завтра»

* * *

На исходе лето...
Уплывают
день за днём...
И дорог вздох и миг.
В чистом небе всюду птичьи стаи,
слышится прощальный долгий крик.
Треугольники- те птичьи стаи,
на прощанье в синеве читаю.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Какая осень?!
Даль открыта настезь,
а небо - сказочная цитадель!
Сквозная синь!..
В душе вскипают страсти.
О, Господи!..
Там вижу свою тень.
Как будто бы в стеклянной пирамиде,
где не было и нет живых существ,
я мир другой, неведомый, увидел,
себя всего до ниточки раздев.
... Вот солнышко, прохладное немного,
покинуло зенит, ползёт за лес...
В траве исчезла узкая дорога -
наверное её упрятал Бес.
Темнеет высь...
Берёз длиннее тени.
Который час я по полям брожу.
И страшно вверх смотреть,
куда взлетели
 мой дух и плоть...
И долго так кружу...
Здесь, на земле, мой шаг
 сейчас беззвучен:
по мягкой, упдающей листве
скольжу, плыву...
А высь зовёт и мучит,
 и мыслей вихрь
кружится в голове!..
... Вхожу в лесок -
как запахи дурманят?!
Над речкой светлой журавли трубят!..
Я- потерялся...
Черти в омут манят...
Иду вперёд и-
 всё ищу себя!!

* * *

Осень на подходе...
 Ночь крошечная
залегла в тяжёлые поля!..
В небе чутко дремлют сны нездешние
и созвездья искрами пылят!
Белый пар восходит из лощины,
теплый,
как парное молоко!..
В рюкзаке,
заброшенном на спину,
сеть пустая,
 а в руке весло.
И, через плечо ружье повесив,
сапоги омыв в траве росой,
вдоль речушки,
 краем перелеска
я иду дорожкой полевой...

До чего ж приятна ночи свежесть:
сладость трав
и робкий вдох деревьев
тишину баюкают и нежат!..
Вот луна всплывает над деревней.
- Поднимись на цыпочки, не бойся,
руки распластай к ней – и лети!..
Низко-низко клонятся колосья,
тяжестью молочной налиты!
Чудится,
как зерна в них твердеют,
и, быть может, от того внутри
глубоко во мне растут и зреют
чувства –
и от них теплей в крови!!

* * *

В труде изнывая,
 в спокойствии странном
чуть тлела живая душа.
По жизни шагал проходными дворами,
у храма стоял не дыша.
Полночное небо светилось нелепо
в безоблачном царстве огней,
на мир я глядел изумлённо и слепо -
а где же звезде быть моей?..
Всё звёзды мерцали спокойно и ровно -
и вдруг, оборвалась одна -
сверкнув,
осветила соседнюю кровлю...
И стала ночь страшно темна!

ВЕРЬ ПРОПОВЕДИ

Верь старой проповеди - верь:
не страшен человеку зверь!
Я в этом убеждался часто,
когда один в тайге глухой
шагал в непроходимой чаще.
Я спал на травах под сосной
и ночью слышал рыки зверя,
и шелест рядом, за кустом,
но знал от стариков поверье-
не тронет зверь нас испокон.
Закон ПРИРОДЫ!..

 Почему же
я ночью в городе страшусь
пройти по улице со службы?
Иду,
нет- нет да оглянусь!

* * *

Вечер теплится кротким покоем
меж деревьев
 в просвете двора...
Но опять у ворот пьяных двое
начинают ругаться,
 орать.

* * *

Полночь...
Небо звёзды рассыпает.
Как мне долюшку свою сыскать?!
Звездопада я не понимаю:
там чужие судьбы вниз летят.
Мёртвый отблеск
 в дальнем мирозданье...
Звёзд сгоревших -
 призрачно гаданье.

В ЛИЦАХ СТРОГИХ

В строгих лицах, суровых - без лести,
узнаю я рабочий класс!
Эти люди добротны и честно
дело делают не напоказ.
От станочного нудного гула,
от железа, бетона - внутри
затаилась к улыбка остуда.
И за строгость таких не кори.
Взгляд привычно прикован к деталям,
плюнуть некогда - это завод...
А под вечер настолько устанут,...
отдохнуть бы - не до красот...
Я-то больше от леса, от поля -
где растения, птицы, зверьё.
где так дышится...
 где на приволье
есть любимое дело моё!
Потому я ценю в лицах строгих -
добрых, честных,
 открытых, прямых-
их заботы, надежды, тревоги!..
И, особенно, мужество их!

ЗВЁЗДЫ КРЕМЛЯ

Высокие башни и алые звезды
возносят величье Кремля.
Ах, как вас любили
 сквозь беды и слёзы,
вас так прославляла земля.
Я славить кремлевские башни не стану,
их свет потускнел и не мил.
Мне не были Богом - ни Ленин, ни Сталин!
Я жизнь беспартийным прожил.
И ныне полно всяческих оппозиций,
тьма партий - но всё напоказ.
Смешны Жириновский с Гайдаром,
жар-птицы.
Калифы всего лишь на час.
Орлы есть почище - коварнее, злее:
Чубайсы, Шахраи, Рудской...
Один Березовский
 чего только стоит -
в раздоре со всею страной.
И каждый политик
 кошунственно мыслит,
глумятся порой над Москвой,
но всё таки
 звёзды Кремлевские в выси
хранят старину за высокой стеной.

Прошли времена тех парадов, оваций -
награды из звёзд золотых.
- Отчизна!
Великая русская нация,
доколе плестись на пе-ре-клад-ных?»

* * *

В труде изнывая,
 в спокойствии странном
чуть тлела живая душа.
По жизни шагал проходными дворами,
у храма стоял не дыша.
Полночное небо светилось нелепо
в безоблачном царстве огней,
на мир я глядел изумлённо и слепо -
а где же звезде быть моей?..
Всё звёзды мерцали спокойно и ровно -
и вдруг, оборвалась одна -
сверкнув,
осветила соседнюю кровлю...
И стала ночь страшно темна!

ВЕРЬ ПРОПОВЕДИ

Верь старой проповеди - верь:
не страшен человеку зверь!
Я в этом убеждался часто,
когда один в тайге глухой
шагал в непроходимой чаще.
Я спал на травах под сосной
и ночью слышал рыки зверя,
и шелест рядом, за кустом,
но знал от стариков поверье -
не тронет зверь нас испокон.
Закон ПРИРОДЫ!.. Почему же
я ночью в городе страшусь
пройти по улице со службы?
Иду,
нет-нет да оглянусь!

* * *

Вечер теплится кротким покоем
меж деревьев
 в просвете двора...
Но опять у ворот пьяных двое
начинают ругаться,
 орать.
На скамейке бутылка,
 стаканы...
И все громче,
 все яростней мат.
И прохожие с робким стараньем
по подъездам укрыться спешат.
Беспокойное,
смутное время
заслоняет за окнами свет:
там насилуют, там уже режут...
А вчера мой сосед
 был раздет.
Телевиденье, радио - всюду
крик о помощи,
 к совести зов.

И бегут от насилия люди,
покидая родительский кров.
Кровь за кровь! -
обезумевши в мест
 род на род
Нет ни долга пред жизнью,
ни чести -
распадается в спорах страна.
Каждый дворик и маленький скверик
заполняют разгулы, дебош.
И не хочется в лучшее верить.
И цена чести - ломаный грош.

МЫ ВСЕ РАВНЫ

Всё солоней от пота и от крови
родимая, российская земля!
Какой бедою новый день откроем?
Чем встретят нас бесхозные поля?!

Во взглядах наших,
в гулких наших нервах
отчаянье. безверие, испуг...
А наверху -
правители, там первым
назваться кто-то хочет -
 он всем друг?!

Но нет друзей
 на царственном престоле,
есть повелитель,
 деспот - новый вождь!..

Доколе время злое,
 Ты - доколе
доверие народу не вернёшь?
Быть не должно
ни первых, ни последних,
ни в матушке-столице, ни в селе.
Жизнь делит на богатых нас
и бедных,
но совестью равны -
так Бог велел!
Равны перед законом и строною
вождь. я и ты-
 и каждый человек...
Какой ещё судьбой, какую болью
доказывать иное будешь век!

ВЕСЕННИЕ ПАЛЫ

Чибис в небе,
 как стреножен,
низко кувырывается
и кричит вблизи
 тревожно,
так,
что мне икается!
Луговина заливная
окаймила старицу,
гоголей свистящих стая
с шумом вниз спускается!..
Тянет с паром от земли
запах листьев прелых.

Облака, как корабли,
в гавани апреля!
Жаворонок изнемог
в песне нескончаемой,
и кузнечика смычок
пиликает отчаянно!
Зеленеет куст талов
в крошечных листочках...
Вижу дальний дым палов
- лес горит?.. Ну, точно!
Надо ж, выдумать палы
вдоль лесных окраин!..
Да, для глупой головы
нет разумных правил!

* * *

Высокие слова
в прекрасные напевы
слагает в майском небе синева...
Летят,
разят невидимые стрелы
желаний прежних –
 и мечта жива!
Огни в ночи...
Ах, эти боли слева –
то бьется сердце в стиснутой груди...
Я различаю тайные напевы,
я слышу,
как земля поет,
 гудит...

В ПОХОДЕ

Закат...
Притихший лес оплавлен,
не вздрогнет
ни один листок,
и облака уходят плавно
куда-то в сумрак, на восток.
Блестят огни в деревне дальней,
в полях тумана пелена,
и только коростель печально
кричит в болоте допоздна...
Костер зажжен: и сразу пламя
рождает огненный цветок,
он, распускаясь лепестками,
все выше тянет стебелек!
... Присели,
тихнут разговоры,
на лицах отблески костра,
висит гитара на березе,
росинки струны серебрят!
За гривой, в согре,
ухнул филин,
над речкой вскрикнула сова –
мурашками по нашим спинам
разлилась древняя молва!..

Прошелестела под палаткой,
быть может, ящерица, мышь?
Во всем таинственность, загадки
- и жадно в темноту глядишь.
Туман густеет, меркнут выси,
и гаснут огоньки в золе...
- Просты и задушевные мысли
в час откровенья на земле.

* * *

Все шире степь,
прозрачней даль
- равнина без конца!..
Ковыль пушистый,
словно шаль,
коснулся вдруг лица.
И я ложусь
в цветы, в ковыль –
глазами в синеву.
плыву в предания и былль –
и в миражах кружу!..
А жаворонки,
словно хор
«Аскольдовой могилы»...
Чу!
Кони мчат во весь опор
-я слышу цокот сильный!
И словно Ярославны плач
сквозь легкий звон кольчуги...
Но тихнет лошадиный скач
и ветер бьет упругий.
...Очнулся.
Рядышком блестит
наш газик под лучами.
Шофер ворчит, ключом стучит –
и степь звенит мечами!..

* * *

Вечереет...
Плес бледнеет,
стынут дали.
В редкий лес
туман пролез.
Тени пали...
По верхушкам,
по макушкам
прыгают лучи.
Придорожный,
осторожный
дом молчит.
Над полями
и лугами
проплывает сон,
и в гаданье,
и преданье
вечер погружен.

Заметалось,
отражаясь,
пламя у реки.
Замолчали,
размечтались
рыбаки...

* * *

В темноте
по узким, мелким плесам
пробираюсь сквозь густой камыш...
Жалобно поскрипывают весла,
нарушая вдумчивую тишь.
Вот и гладь озерная...
Дорожкой
катится свет лунный по воде,
кажется,
что в сторону немножко –
и луна исчезнет в темноте.
Но плывет она со мною рядом,
льет в лицо мне
свой лимонный свет...
Островов заснувшие отряды
медленно смыкаются вослед.
Поднимаю весла
и бездвижно
жду отставших путников своих,
и такая тишина –
что слышно,
как сорвавшись с весел,
дождь затих...
Где-то первых птиц раздались крики,
посветлело слева в вышине...
И зари расплавленные блики
засветились тихо на волне.

* * *

Взорвав тишину
треском крыльев
в чащобе,
где плесень и хмарь,
мелькнул на мгновенье
и скрылся
матерый красавец –
глухарь!..
А ветки - сплошную стеною.
Под кирзою чавкает мох!..
И тьма комарья надо мною –
от писка их
вроде оглох!
Но запах багульника резкий
бьет в ноздри
- я зол и упрямя...
Мурлычу под нос себе песню:
«Ах, где ты,
мой клюквенный рям?..»

В ШАЛАШЕ

Засыпают речка и поляна,
засыпает дальнее село!..
И белеют на лугах туманы,
словно лебединое крыло!..
Спите, подорожники и ивы,
и стога,
как стойбище слонов!
Спи, мой луг,
уставший и счастливый, -
я всю ночь
вас охранять готов!

* * *

В поле за ночь
 выпал снег...
Вьется змейкою поземка.
Зябко сгорбась,
 человек
вышел из дому в потемках.
Огородом, напрямик,
по тропе ему известной
многоопытный лесник
входит в мир свой интересный.
Брежит розовый рассвет
на березках белоствольных,
заячий
пугливый след
белой строчкой вышел в поле.
Слышен дятла дробный стук,
где-то крикнула синица...
Лес за лесом, сделав круг,
обошел свои границы.
У опушки, на талах,
куропатки чистят перья...
- Вот кормушка, на снегах
след копыт –
здесь были звери...
Возвращается домой
вдоль оврага
 чистым полем...
Снежной,
теплою зимой
нынче он вполне доволен.

В УРМАНЕ

В угрюмом медвежьем логу
сугробы кристально чистые!..
Широкие лыжи, ныряя в снегу,
задевают о зелень мшистую.
На белой поляне
лунки свежи,
из них косачи взлетают
с шумом, треском –
и миражи
в снежной дымке мерцают.

Январь,
но не прочен наст
у речки, в глубоком овраге.
Ворчит проводник:
- Бог даст
на утро будем в отряде...
Палкою тычет в следы:
-Здесь соболь
прошел матерый,
то –

 рысь за кусты
маханула, почуяла порох...
Долго бредем вдоль реки по кустам
по следу хитрой куницы...
Избушка на взгорке,
желанный привал.
Пар из-под шапки струится.
Полдень,
звенит в кедраче тишина,
щелкают ветки морозно –
дремучесть таежного долгого сна
до конца разгадать невозможно.

ВСТРЕЧАЙ, ПАИСЫЧ, НАС...

Под ноздреватым снегом
жесткий наст,
теплеют заскучавшиеся выси!..
Март близится...
Встречай, Паисыч, нас –
давай поговорим,
 откройся в мыслях.
Давай поспорим про житье-бытье:
марксизм в тебе –
 мозолистые руки...
любовь к земле, как песни давней звуки...
Ну, а рыбалка,
в чем-то божество!
Ты едешь с превеликою охотой
рыбачить с нами
 на родной Тенис.
Паисыч, -
 друг,
развей мои заботы,
веселой шуткой снова отзовись.
...Вот впереди маячит Конкуль старый,
а слева Новый виден на бугре.
На озере повсюду люди...
 Яро
мы бурим лунки в ледяной коре...
Отменный клев!..
От луночек – пар синий,
ворчит Паисыч:
- Эко, как озябли,
да и уха в котле давно уже стынет.
Ну что, родня,
по маленькой дерябнем?

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА

Окончена удачная охота,
а радости –
хотя бы с ноготок?!
Блестя опереньем с позолотой,
красавцы-селезни летят в мешок.
В глазах открытых –
страх и удивленье,
в зрачках застылых –
мертвая тоска...
И крылья,
что любили высь,
 паренье,
сломались –
и хрустят внутри мешка.
...А солнце светит молодого
и пьяно!
А травы прут,
звенит берез листва!
И над мешком поет,
как над курганом,
мне жаворонок
грустные слова...

* * *

«Все впереди!..»
- звучит уже намешкою,
а стук в груди
день от дня поспешнее.
Все позади!..
- Нет,
это слишком строго,
но блеск седин
виски мои потрогал...
Надежду затая,
 грущу,
брожу средь лета.
Да,
песенка моя
наполовину спета.
День катит на закат,
а небо все тревожнее,
и ничему не рад.
Чем дальше –
 невозможнее!..

А сил еще полно:
работай да работай!..
Но счастье не дано
измерить только потом.
Один я,
 одинок!..
Так,
словно поздней осенью,
промок в грязи,
 продрог -
и в поле меня
бросили.

* * *

В Америке живут два миллиона,
два поколения русских эмигрантов,
их имена планете всей знакомы:
ученые... поэты... музыканты...
О, Русь моя,
 ты светлые умы
поразбросала по чужому свету
за то,
 что в бурях северной зимы
они несли нам правду беззаветно!
Достойнейших художников, певцов -
униженных ты выставляла в двери...
Честнейших и мудрейших из отцов
травила в лагерных застенках зверский
И не один великий музыкант
там, на чужбине, пел тебе лишь гимны.
Что ни изгнанник Родины -
талант,
за кровную любовь к Руси судимый!
Но сколько и спортсменов, и певцов,
ученых вновь подались в эмигранты...
И шлют они на Русь со всех концов
любовь сыновью
 изгнанных талантов!

* * *

Все мы родом
из полей рассветных,
деревень забытых не вернуть!
Почему,
крестьянские мы дети,
к родине своей
забыли путь?
В миллионном городе
гремящем
я не вижу неба,
близких звезд.
Дом мой, где живу, -
похож на ящик,
не пройти в подъезде в полный рост,
Столько разных лиц в нем!..
 Незнакомый
говор на чужом мне языке...
Улица бурлит, несется комом,
словно зверь в неистовом прыжке!
Одиноко так живу,
без рода,
вдалеке сестра
и где-то брат.
Говорить смешно о первородстве,
возвращаться некуда назад.

* * *

Взял лопату - копаю поглубже,
грядка к грядке.
Парит огород.
День весенний над пашнями кружит,
и везде копошится народ.
Сев закончен...

И в лунках картошка
принакрылась влажной землей.
И светлеет душа понемножку
от надежды извечно святой.
Забываются зимние споры
про жестокие ныне года,
в поле вольном
и горе не горе!

С солнцем майским
беда не беда!
Глажу липкие почки на ветке,
молодеют глаза и душа.
А вдали,
над разливами светлыми,
слышен крик лебедей с Иртыша!

* * *

В сибирских далях необъятных
мне география видна
поселков всех
с названьем кратким -
в них точно суть отражена!
Малиновка,
Лебяжье, Старичье, Щучье,
Лебяжье, Солнцевка...-
Горит
в заветном слове
светлый лучик,
как герб старинный или щит!
Люблю в озерах ласку слышать:
вот - Чаячье...Ик...Кашара...
То - Утичье,
а то - Камышное...
А эти - Дикое, Оша...
И местность тем же характерна:
свет-Цветополье...
звень-Рямки...
синь-Заозерье...
Сердцем верю
названьям,
что ясны, легки!
Читаю их я,
словно книгу
про край родимый,
дорогой.
И радуюсь, весь смысл постигнув,
в них спрятан
ключик золотой!

* * *

В полусне проплывает фасад
полустанка.
Темнеет поляна...
Помню юность:
Навстречу летят города
и рассветы багряные!
Мир навстречу!
Смотрел я вперед...
А теперь
с грустью все провожаю.
Может, время обратно течет?
- Уезжаю,
опять уезжаю!

* * *

В осенний сумрак,
злую грязь
с небес слетела лихо вьюга,
и белым светом занялась
под утро вся моя округа!
Забинтовались пни и рвы,
запеленались лес и речка.
И столько неги,
новизны -
но разве снег тоску излечит?
Пройдусь по первому снежку
он влажен, мягок и приветлив,
но ничего он не ответит
на то,
что в мыслях ворошу.
И только след, -
что мной проложен
в пустынный лес,
подскажет мне,
как одинок я...
Как тревожен
рассвет в родимой стороне!

* * *

В чистом поле,
вольном поле
гусеничные следы...
И болят глаза невольно
от куриной слепоты.
В грустном поле,
в пыльном поле
слышится моторов рев:
это танки раскололи
тишину родных краев...
В магазинах нету хлеба
закрома везде пусты -
как же глупо,
как нелепо
видеть новые кресты...

Трактора стоят -
заглохли,
нет солярки,
запчастей...
Надо ли в ладоши хлопать
на собраниях
в честь вождей?
Возмущен я до предела –
сотни танков мимо прут...
В чистом поле,
в поле бедном
тракторов напрасно ждут...
Ах,
была бы моя воля -
сжег бы танки всех мастей,
чтоб гудел в широком поле
трактор высших скоростей!
пос. Армейский Омской области

* * *

В небольшом городке районном,
где на улицах вырос камыш,
я гуляю, для всех посторонний,
а над городом - вечер и тишь.
Через рельсы дощатым мосточком
прохожу под гудки поездов...
Вот и центр.
Клуб - культурная точка,
и с десятков кирпичных домов.
Двухэтажный домик - больница -
с четырех облупился сторон,
но зато здание милиции -
самый пышный, большой бастион
В плиточках четырехэтажное -
высится, как хороший дворец.
Да, преступность - самое важное,
На виду теперь вор и подлец?!
Вижу: входят, выходят старшины,
лейтенант, а за ним майор,
полные - боровки, не мужчины,
толстозадые, как на подбор.
Ну, а рядом с крылечка больницы
ветеран с костылем скок да скок -
лысоватый и тощий, как спица,
кашляет и в испарине лоб.
Следом женщина вышла с ребенком
и, ступая с крылечка в грязь,
голосочком дрожащим и тонким
шепчет: «Боже, не дай упасть?!»

В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Лица съежились,
опрыщавели,
и во взглядах царит немота...
Шепчет бабка:

«...Зачем, православные,
вы прокляли,
забыли Христа?..»
Седовласый,
в дырявой фуфайке,
в ботах стоптанных,
- весь в грязи,
старичок,
словно бы попугайчик,
вторит бабке:
«О Боже, спаси!..»
Очередь в магазин растянулась
вдоль по улице
в скверик пустой.
И вдруг-
женщина мне улыбнулась
Анна?!
Как не узнал - одноклассница,
литераторша школы одной...
В старомодном,
поношенном платице
и с седой уже головой...
Я иду к ней навстречу, не зная:
с чем поздравить
и что ей сказать. ...
И бидон мой
в авоське дырявой
начал странно скрипеть и пи

В ДЕНДРАРИИ «ПОДГОРОДКА»
Уводит красная разметка
через овраг в сосняк густой.
Ком снега на зеленой ветке,
качнувшись, вздрогнул надо мной!
Рассыпался на сто снежинок,
и в каждой звездочка видна.
Вдали поблескивает «зимник»,
да точкой черною – копна!
Поскрипывают зябко лыжи
под писк синицы на сосне,
луч солнца желтовато-рыжий
скользит в накатанной лыжне!..
...Давно спортсмены пробежали,
пустынна просека, и вдруг,
загаром летним обдавая,
два лыжника раздетых жмут!
Скользят легко: трусы, перчатки
да шапочки на голове,
на спинах голые лопатки
в такт ходуном... Я разглядел -
знакомые, два инженера
из треста,
впереди – парторг...

Багрово плечи разогрелись,
во взглядах радости восторг!
Мелькнули на краю опушки
и скрылись,...Я еще стою,
за мороженный и послушный
в раздумье тихо говорю:
«Чудачество иль дерзость, смелость!?»
Мороз за двадцать, щиплет нос,
закаливают дух и тело?!
А может, фарс?» –
 ответ не прост!..

В ТЕВРИЗСКОМ ЛЕСПРОМХОЗЕ

Лыжня петляет то вниз, то на взгорок,
февральское солнце дышит теплом.
Елочки в шапках белоснежных, гордые
обступают лыжню, напевая тайком!..
На лбу – испарина, на ресницах – иней,
лопатки играют на горячей спине.
А снег меж сосен – в переливах синих,
небо над соснами – море во сне!
Лижутся лыжи с радостным стоном,
за кольцами палок – фонтаном снег!
Ах, перезвоны!.. шишками с кроны
осыпаются хлопья на спину вслед!
Впереди на опушке алеет вишня:
ягод красно – откуда невесть?!
Встал, затаившись, и сразу услышал
как птицы поют, словно летом, окрест.
Под вишней следы – заячьи и лисицы.
Попрятались, видимо, близь.
Попробовал ягодку – думал, кислица,
а в ней капли меда льдинкой слились!
– Эге, вот где кладь припрятал лесничий,
а может, и леший– пойдти, разберись!..
Проехал подальше – багульник с брусникой,
ягоды алым костром сплелись.
Февраль, а представь себе,
 полно лукошко
даров, и не малых –
 хватит на всех.
Лыжи скрипят в тишине осторожной
да осыпается с веток снег.

В БАССЕЙНЕ «АЛЬБАТРОС»

Свисток –
и с тумбочек стрелой
метнулись разом в воду!
Еще мгновенье под водой
скользят легко по ходу.
Всплывают...
Взмахом сильных рук
синь рубят –
 брызг каскады!

Невидно вдоха... Во всю жмут
еще пока что рядом.
Лодыжки – лопастью винта
след пенный оставляют,
и красных поплавков гряда
под градом приседает.
У поворота вновь нырок –
и вот уже обратно
чуть худощавый паренек
ушел в отрыв азартно!..
С балкона слышен хором крик,
девчонка машет шапкой,
и кажется мне в этот миг
пол под ногами шатким...
Уже другой пловец вперед
чуть вышел – крик со свистом...
и вот – последний поворот...
и финиш уже близко.
Стремителен волны разбег
с мельканьем плеч в загаре...
А за окошком сыплет снег,
мороз за сорок шпарит.

В ЦИРКЕ

*На показательном выступлении
Юрия Зикунова,
первого чемпиона Мира
по акробатике*

С детских лет люблю я цирка блеск.
Но не ради славы или денег,
СПОРТ –
к нему особый интерес,
в клоуна спортсмена не оденешь!
Не циркач под куполом летит,
и страховки трос глаза не режет –
в спорте риска больше, –
знаменит акробат,
 взлетевший в высь манежа!
... Словно катапульта брошен вверх,
в пируэт двойной, двойное сальто!
Восхитительный прыжок поверг
всех, среди восторженного гвалта.
Я привстал, на миг заморожен
грациозностью вращений,
 силой...
Снова старт:
 стремительный разгон,
и полет,
 которого не снилось!
Ванькой-Встанькой замер:
 воля – твердь...
 мышц упругость,
 атлетизм
 сложенья...
Любо-дорого в тебе смотреть –
чемпионов самовыраженье!

* * *

По жесткой дорожке гаревой
я когда-то азартно бежал.
В синем, струйном мареве
полною грудью свободно дышал.
Что-то звенело и пело
в теле упругом моем!
Радостно сердце летело
в солнечный окоем!
Шаги отбивали такты
музыки вихревой
с песенкой залихватской,
в беге придуманной мной!
То было...
А нынче солидно
встаю к ветеранам в строй –
немного в душе обидно
что легкости нет былой.
По новой дорожке битумной
чужая юность летит –
иные уже победители,
но бег – каждого молодит!
Опять, как тогда, на пределе
я второе дыханье открыл,
и чувствую: дрожью по телу
приток возвратившихся сил!

В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

*Чемпионке Мира
по художественной гимнастике,
Галине Шугуровой*

На окнах зимние цветы
в кристалликах тончайших
ожили, начали цвести
под светом фар случайных!..
Погасли фары... Меркнет снег...
Там, за стеклом мерцающим,
твой различаю силуэт,
из сини воскресающий!
...Ты, приподнявшись на носках,
плывешь, держа высоко
слепающий мяч в резных лучах,
я узнаю твой локон!
Вот обруч – легкий и упрям,
неведомой орбитой
вращаясь строго по кругам,
летит – ты им обвита!
Твои раскосые глаза
с улыбкой обжигающей
поведать могут, рассказать
про Рождество и таинства...
Про быль и небыль, ворожбу
с причудами, где снится,
как ждем иную мы судьбу,
в которой нам не сбыться!
Дрожат огни...

Цыганки вальс...
Из ленты плещет пламя!..
Но медленно простор угас,
и остывает память.
Гляжусь я в звездное окно
из хрусталя тончайшего.
Да, божьей милостью дано
искусство величайшее!

* * *

«В семье не без уroda»
Убогие, убогие –
откуда и зачем? ...
Вопреки всей логике
страшилища двуногие
бредут своей дорогою
в мир, что глух и нем...
Развешанные патлы,
кресты, наколок мразь...
Одежда из заплатин ...
Под ногтями грязь.
Юродивые – кто вы?..
Бомжи ли во Христе,
или богословы
в душевной наготе?!..
Простуженные всхлипы
в ответ: «Мы хиппи, хиппи...
Дерьмом мы пооблипли
и к прошлому прилипли
– почти святые лики.»
Вразрез им хором битлы:
«Мы будущим обвиты,
не лыком только шиты...
а наша вольность, ритмы
с громом века слиты!..
Хрипит, кричит, кривляется
юродивый сброд –
смотрит, улыбается
на них – честной народ...»

В АЛЬПИЙСКОМ ЛАГЕРЕ ТУ-ЮК-СУ

Я знаю горные вершины,
я леденел на них,
дичал.
Они –
лекарство одержимым,
а вот сильнейшим –
пьедестал!
За облаками синь извечна,
чем выше –
тем она темней!
Так часто парадоксом лечим
зазнайство мудрости своей.
... Опять наверх иду в цепочке:
за перевалом –
перевал...

Снег только выпал,
наст непрочен,
то здесь, то там в снегу провал.
Стена...
Карниз навис лобасто,
а снизу облачко плывет,
ползет к ногам...
Презрев опасность,
друг костыли повыше бьет.
Взобрались на уступ зубчатый...
присели...
камень вдруг упал,
увлек другие...
Жутковатый
вихрь по распадку загулял!
Никто не вздрогнул.
Молча сжавшись,
плотней друг к другу,
мы глядим,
как смерч пронесся беспощадный –
все погружая
в снежный дым !...

В РАЗДЕВАЛКЕ

*Эдуарду Ранну,
чемпиону Мира по велоспорту*
Брошенный усталостью в угол,
на скамейку,
он сидит, прикрыв глаза,
оцепенев...
Руки по бокам свесились
безжизненно,
и совсем не хочется
потной формы снять.
А с трибун доносятся крики,
топот гулкий –
там идут финалы,
куда он не попал.
Это так случается,
запросто бывает –
иногда сильнейшему
вдруг не повезет!
Он отдал все силы,
мастерство и волю,
и ни в чем себя
не надо упрекать...
Входят в раздевалку
и выходят тихо –
не хотят раздумью
горькому мешать.
...А каков он был за полчаса!
Бесилась
радость окрыленная в глазах!
А какая сила вырваться просилась,
распирая майку
на крутых плечах!

Он смотрел сияюще,
он летел сверкающий,
смелый, побеждающий,
был красив и юн!..
Но коса на камень, видимо,
попала:
Выстоял соперник –
суровый, как кремь!..
Нет телеэкрана
с яркими цветами,
где в рукоплескании сияет пьедестал.
В раздевалке сумрачно,
в раздевалке тихо...
В жизни никогда еще
он так не уставал.

В СКК им. БЛИНОВА

К нам приехал «Спартак»!
Тренер Якушев
вновь автографы всем раздает.
Помню я:
на катке омском, нашенском –
игроком выходил он на лед.
Лет так тридцать назад это было...
Как стремительно время идет!
Майоровы-братья с ним – сила!
Тройки славной всемирным был взлет!
... Я сижу на трибуне:
как прежде,
красно-синие рвутся вперед.
Свист болельщиков уши мне режет,
чей-то шлем вылетает за борт!
Скорость взвинчена, шайбы не видно –
грудью в грудь, как когда-то встарь!
Распростерся на льду кем-то сбитый
«Авангарда» бесстрашный вратарь.
«Шайбу! Шайбу!» – ликуют трибуны,
«Авангард» в контратаку пошел,
и защитник, совсем еще юный,
забивает блестящий гол!
У Сушинского сломана клюшка –
от спартаковца явный толчок.
Грубиян на скамейке послушно
отбывает мучительный срок...
«Шайбу! Шайбу!» -
скандирует дружно
многотысячный хор голосов,
в нем, как в древность,
признание за мужество
РЫЦАРЯМ реактивных годов!

ВЕЧЕРНЯЯ ЛИНЕЙКА

В сосновых лапах прячется заря,
играет горн, и в так под барабаны
идут колонны... И лучи горят
на галстуках...

И лица всех румяны.
Мне в детстве не пришлось
шагать в строю
под знаменем, салют неся высоко,
а потому вдвойне благодарю
я этот миг, что пролетает около.
Серьёзные лица девочек – верны
своей присяге... Мальчики – тем
более.....Опущен флаг.
И наплывают сны
над затихающем в тумане полем.
Труба трубит отбой –
всем на покой...
Кому-то, вдруг,
приснится дом и мама,
но утром – не попросится домой...
Лишь губы подождёт еще упрямей.
пионерлагерь «Красноярка»

В ПРИГОРОДЕ ОМСКА

Вот самолёт пошёл по кругу –
вслед лентой белая петля
легла, стянула небо туго...
И гулом полнится земля!
... Полёт учебный. Боевые
машины-«МИГи» рвутся в синь!..
Внизу в садах – цветы живые,
Вдоль взлётной полосы – полынь.

ВЕСЕННИЙ ЗАПРЕТ

На Ике рыба валом прёт
под берег, на кормёжку.
Вот плеск... и треск...
в камыш идёт...
Я натянул сетёшку.
Вся в дырах, старая – но, вмиг,
в ней заплескалась пелядь...
А вот и окунь, рядом – сиг...
Куда все страхи делись!..
Запрет на ловлю? – что запрет,
когда тебе пятнадцать лет.

В СТЕПНОМ ЗАКАЗНИКЕ

Шел я рошей: утра рань,
с веток капли светят...
Разомкнулся лес, елань
стелется приветливо.
Вся в цветах искрит поляна,
воздух кружит чистый, пряный!

ВЕСЕННИЕ ЗАБОТЫ

Литые ладони плуга
врезаются мягко в стерню.
В мгновенье – пласт чёрный,
упругий –
высвечивает зарю...

В кустах ещё снег тается,
а сеялки встали уж в ряд...
В небе синем гусей вереницы
на Север, к гнездовьям спешат!..

В ПОРУ ТЯЖКИХ ГОДИН

Резкий запах смородины,
горький привкус осин...
Это – память о Родине
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный –
я в весеннем лесу,
как дары от Природы,
сноп медунок несу.

ТУРБАЗА РЕПИНО

Транзистор допоздна поёт...
Цветной экран... И люстры...
Я спать ложусь - сон не идёт,
дом вспоминаю с грустью.
Вновь пред глазами даль встаёт -
Сибирь обетованная:
там на заре поёт угод
в малиннике багряном.
Там - синь озёр, тропинка в рям,
мох ластится периной...
Вольготно там тетеревам
и стаям журавлиным.
Там, в согре, старенький шалаш.
и в нём, забытый патронташ.

ЗАЙМИЩЕ

Разлилась река по лугу -
здесь тростник и рогоза...
Стайки уток друг за другом
мечутся... Гремит гроза...
Я впервые на охоте
в этом займище большом...
Вечер красит позолотой
плёс с высоким камышом.

* * *

Запущен змей на тонкой нитке
я бегу в лугах, бегу...
Жжёт солнце майское в зените,
грачиный гвалт на берегу...
На речке светлой, там где омут -
скользит по волнам друга плот...
По небосводу голубому,
как самолёт, мой змей плывёт.
О, детство!

Запахи поляны,
цветы с накрапами росы!..
И ты- косичками вновь манишь,
бежишь по краешку косы...
- Ах, как давно в деревне не был,
наела плешь дурная жизнь.

... И вот я в городе - и в небе
лишь дымы клубами сплелись.
Невидно птиц... В железной клетки
гудки, трамваи, пыль, бетон...
И снова луг из дали светит
в цветах... и птичий перезвон.

* * *

Запах сладкий плывёт от леска,
золотится июльский полдень...
Листья замерли- ни ветерка...
Собираю клубнику в ладонь я.
Я вернулся в родные края,
окунулся в лесное приволье.
Как дикарь! -

из небытия...
как из клетки железной-
на волю!

Здравствуй!..
Здравствуй поляна и лес -
подарите мне сказку чудес!

ЗАМЁТАН СТОГ...

В реке плывёт закат...
На плечи грабли, вилы -
и до дома!..

Дымя из самокрутки, дед Ипат
ругается: «Туды, твою... ядрёный...
Мой мотороллер?..

Где мой вздоход?
Аккумулятор сел, и где достанешь?!»
... Ходьбой доволен я,
сметал зарод -
вновь побывал на сенокосном стане.
А что пешком -
я даже втайне рад...
Деревня близко - вон огни горят...

ЗАКАТ СГОРЕЛ ...

День угасает, тени враз легли
на пыльную дорогу меж деревьев...
А облака, прозрачны и легки,
плывут, плывут над тихою деревней.
Иду назад с корзиною грибов -
белеют шляпки и чернеют срезы...
Как чуден запах? - давняя любовь,
зимою в городе о вас я грезил.
В тумане луг, печалится трава...
и птицы умолкают в перелеске.
В груди тепло - и кругом голова...
Закат сгорел в далёком поднебесье.

ЗАВОДЬ

Меж талов глубоких залив-
ямы в нём, водовороты...
Мрачен остров, молчалив -

вся река - за поворотом.
Этот маленький рукав
называют просто: «заводь»...
Мир таинственен, лукав -
здесь русалки жизнью правят.

НА РЕЧКЕ СЕЛИТА

Закат потух и сразу - всплеск
вдоль кромки камыша...
Подъязок первым в сети влез-
всплывает, трепещет.
Вытаскиваю... Вот – чебак,
пять окуньков подряд-
зашёл ,наверное, косяк.
Глаза мои горят!
А это – пелядь!.. Вот улов?!
Я настоящий рыболов.
Но не беру себя в пример-
ведь в чём-то я и браконьер.

* * *

Занепогодило...

Занепогодило...

Невидно солнышка давным-давно.
Тоска- печаль плывёт

над милой Родиной,
слетелось стайей чёрной воронье.
То воронье- хапуги и грабители,
их олигархами теперь зовут,
и говорят они: «Мы – небожители,
к нам все богатства из небес сойдут.»...
Безлистой осенью дышу, как дерево,
я под берёзою сижу, сам бел.
Храню завет! - душа не разуверилась,
хоть тяжко жить

и «крестный ход» назрел.
Я «вёдро» жду, не торопя синоптиков,
вслед за ненастьем- солнышко взойдёт...
Ну, а пока, пылят дожди из облака...
Хлеба поникли...и туман ползёт.

Холмик... Крест...

Опять ко мне прижалось
в чёрной рамке мамино лицо...
Память с каждым годом дорожает...
Вижу - ты выходишь на крыльцо.
Ласково цыплят к себе сзываешь,
сыплешь горстью жёлтое зерно...
Молодая и чуть-чуть, седая...
Статная...

Всё было так давно.

ЗА КЛЮКВОЙ

Пахнет багульником, хвоей и мхом...
Булькает лавда под кочкой...
Четверо нас. Через рям мы идём -
путь этот много короче.

Клюква поспела, красна и чиста...
Солнце встает из-за леса...
Пот на лице и во рту - тошнота.
«Что нос, Андрюха, повесил?..»
Друг улыбается: «Мне не впервой,
больше за вас беспокоюсь -
кромкой тропинки держитесь за мной,
дальше - воды аж по пояс.
Клюква, она на столе весела:
светится алая, рдеет...
А на горбушке, ой, как тяжела.
Обратный путь вдвое труднее...»
Я рассмеялся: « Спасибо, дружок,
добрым словечком утешил...»
... Путаюсь в лямках болотных сапог,
споткнулся:
«Ах, чтоб тебя, леший...»

ЗДЕСЬ, НА ПОГОСТЕ

В роще берёзовой холмики всюду.
Сгнили кресты. Их – навеки забудут.
Нет уж деревни. На ранней заре
тополь мерцает в сплошном серебре.
Алый с вершины и светлый с боков
высится призрачно до облаков.
Я у оградки, согбённый, сижу -
и за вершиною в небо скольжу.
Души ушедших когда- то людей
выплыли нитью седых журавлей.

ЗАРНИЦЫ

Иду сквозь ночь... И слышу звон
колосьев налитых пшеницы...
Вдали огнями небосклон
секут зарницы.
На небе звёздном нету туч,
но снова где-то близко
над полем пролетает луч
большой зарницы.
Застыл в раздумье: «Да, звезда,
сорвавшись вниз стремится
лишь по прямой... Зато всегда
в зигзагах вся зарница...»
Стою безмолвный, как немой,
и недоумеваю,
седой качаю головой -
соображаю.
Возможно, молния – она?..
А для детей жар-птица?..
Кому-то Бог иль сатана,
что мчат на колеснице?..
Ищу ответ...
... Вновь слышу звон
колосьев налитых пшеницы.
Вдаль, ослепляя небосклон,
летит зарница!..

ЗАТОР

Льдины мчат во весь опор
по реке могучей...
У моста опять затор -
льдины сбились в кучу!
Треск и скрежет...
Ледокол
жмёт, гудит призывно.
С хода глыбы расколот!..
Волны плещут зыбко.

ЗАКРАИНА

Скатилась талая вода
с увалов в чашу озера...
Враз растопила кромку льда
под берегом березовым.
А ивы желтые стоят
по грудь в воде...
Горит закат...

ЗАВАЛЕНКА

Клочок земли под окнами избы
порос травой –
осыпалась завалинка...
Здесь куры лунки с пухом наскребли,
и башмачок лежит в пыли, заваленный.
Углы избы прогнили и сквозят,
без стекол окна. Пусто и тоскливо...
А в небе синем журавли трубят,
и слышен крик мальчишек у разлива.

ЗАСУХА

Целый месяц нет дождя,
никнут хлеб и травы.
Солнце жарит, не щадя
поле и дубравы.
Сенокосная пора –
луг желтеет, спекся.
Тень берез, и в ней – жара.
Лист висит поблекший.
Лишь пчелиный слышен гул...
Ветерок хотя б подул.

ЗА СЕНОМ

С дедом в сани на солому
в шубе старенькой сажусь,
нас Серко везет из дома
в поле, к белому стожку.
Снегири алеют в ветках,
стороной летят щеглы...
А под шубой – воздух летний,
пар плывет из-под полы.
Вот и стог. Граблями скинув
шапку снежную, кладем
воз... Цветами пахнет, тмином,
клевером... Грибным дождем

ЗОДИАК

Пояс неба повис над Вселенной.
Солнце движется год по нему,
и двенадцать созвездий
ступенями
поднимают рассвет через тьму.
Зодиак – это звездные знаки,
что летят по орбите своей...
Наступил Новый год – год собаки,
и мой пес стал мне вдвое родней!

* * *

Знай, трусы никогда не тонут,
в пожаре - тоже не сгорят.
Им безразличны чьи-то стоны,
они по ямам прячут зад.
Я знал: в войну один плюгавый,
спасавший шкуру - дезертир,
прожил пять лет в гнилом подвале,
потом ослеп, увидев мир.
Все трусы - мелкие букашки,
все лезут в трещины свои,
У них девиз: «Своя рубашка!..»
а там хоть целый свет сгори.
... Опять читаю я в газете:
«Погиб, спасая, как герой!»
- и чей-то взгляд уже не светит,
накрыт могильною плитой.
Иду зелёною аллеей,
синее майски высота,
среди цветов звездой алеет
мемориальная плита!..

ЗИМНЯЯ ОЛИМПИАДА

Белый флаг, светлый мир
белоснежного Саппоро!..
Я твоими победами жил,
вслушиваясь в далёкие рапорты.
Незаслеженность тихих лесов,
стадионов прозрачные линзы...
И «сезам» вместо длинных слов -
с улыбкой, дарующей визы!
Парад!..
Фейерверк!..
Кружевов
в ветках узорно сплетение...
Старт!..
На фоне искристых снегов
стремителен финиш Веденина!..
Каждым вдохом и жестом готова
всю себя для победы отдать,
мчит в высокий подъём Кулакова
– бег победный ничем не сдержать!..
Юный финн парит над трамплином
под восторженный
тысячный крик!..

Слава русской ледовой дружине,
подарившей всем радостный миг!
Фигуристы,
ступивши на лёд,
изумляют нас танцем воздушным!..
Что ни пара –
то новый полёт
пленит мастерством наши души!
В быстрых танцах российский размах,
в звонкой музыке –
русская удаль!..

Саппоро Русью древней пропах,
видится Ярославль в нём
и Суздаль!..
...Снег идёт –
нежный снег
осыпает хлопьями Саппоро!
– Мир красив,
словно не было, нет
на лице островов ни царапины.
Лишь в щемящей тиши Хиросима
не спускает траурных флагов –
её боль навсегда негасима,
Олимпийская клятва не радуется...

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Внимательней, пристальней, строже
смотрю на летящий поток!
Машины, как люди, не схожи:
Та - бедность, та - роскошь, та - Бог!..
Подъезды, витрины - в огнях!
... А в сёлах-
езда на санях...

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Верь старой проповеди - верь:
не страшен человеку зверь.
Я в этом убеждался часто,
когда один в тайге глухой
шагал в непроходимой чаще.
Я спал на травах, под сосной.
И ночью слышал рыки зверя -
и шелест рядом, за кустом...
Но знал от стариков поверье:
Не трогал зверь нас испокон!..
Закон природы!..
Почему же
я ночью в городе страшусь
пройти по улице со службы?..
... Иду, нет-нет да оглянусь.

ЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Смешно, бесполезно и глупо
мотаюсь весь день в толчее...
Крик улиц железною ступой
бьёт в уши, звенит в голове.

А вечером шагом скрипучим
бреду я домой в темноте,
и мучаюсь в думах тягучих
о той, непроглядной черте.
Где будет мне всё безразлично,
где боль отойдёт к небесам...
А жизни дурные привычки
не Бог, а прошу себе сам.

НА ТО - ОХОТА!

Бес попутал, а за что?
Крякашей здесь - стаи,
раскладушку метров сто
сквозь камыш толкаю.
Весь промок, насквозь продрог,
но не отступаю.
А камыш стеной, высок -
целый вечер маюсь.
В центре - плёс, он так далёк.
Там садятся стаи.
Солнце скроется вот-вот...
Пот со лба стекает...
И пора бы мне домой,
но на то - Охота!..
Лес багряно-золотой
обступил болото...

У НОЧНОГО КОСТРА

Костёр ослаб, лишь тлеют угли.
Друг говорит:
 «Ну, хоть убей -
не спится, хрипы... Что-то с грудью...
Ещё по чарочке, налей!..»
Лежу я, слушаю транзистор,
друг хворост в лес ушёл искать.
... И, притащив сушняк ветвистый,
ломаю, стал в костёр бросать.
И пламя вспыхнуло, рождая
на наших лицах красный свет -
враз темноту отодвигая,
рисую леса силуэт...
Сова кричала в небе близком
и пел у речки коростель,
и от костра летели искры...
Туман стелился, как постель.
Ложились от палатки тени,
стих лай собачий у реки...
Мне млечный путь
 своим свеченьем,
гнал мысли вдаль,
 вперегонки.
А ночь ласкала и качала,
 баюкала...
Я - задремал,
и плыл по озеру сначала,
потом в глухую мглу упал...

КАТУНЬ

С ледника «Белуха» - вниз
рвутся воды с пеной...
От горы навис карниз
над речным коленом.
Прорезая твердь хребтов,
к Обскому бассейну,
мчит Катунь во мгле веков,
с чистотой бесценной!

КОСТРОВИЩЕ

Ветер с пеплом стелет низко
дым огромного костра...
Костровище мечет искры
в перелеске до утра.
Гарь...
Расти здесь с год не будет
ни трава, и ни репей...
- Пожалейте, луг мой, люди?!
... Ивы – нет, исчез ручей...

ДОЖДЬ МОРОСИТ...

Каплями капают, капают
годы...

забота...

тоска...

Чью- то судьбину оплакивать
решили с утра облака.
Дождь беспробудный и нудный
в душу мою моросит...
Милая Родина! -
 трудная
зимушка нам предстоит.

ОСТАЛАСЬ КАПРИЗНОЙ

Была - и осталась капризной!
Себялюбие - вот в чём секрет.....
Что могла, получила от жизни,
а обиды -
на весь белый свет?!..
Удивляюсь заносчивым людям:
от других - они клады хотят,
к славе рвутся
 нахраписто, грудью...
От себя же в ответ - ни копыя?!
А претензии – дамы вельможной:
и учёность подай и родство!..
Хочется им, порой, невозможное,
ну, а сами - одно шутовство.
И смотрю со смиренной улыбкой
на причуды и прихоть твою...
Ах, насколько величие зыбко
тех, кто сами себя создают?!
- Как была,
так осталась капризной,
для тебя гонор - главное в жизни.

МИЛЫЕ ВИДЕНИЯ

Когда один брожу лугами,
я вспоминаю часто Вас:
слова,

 улыбку,
 отсвет глаз -
и лёгкий стук под каблуками.
В вечерней дымке где-то рядом
вновь различаю я в упор
вдох молчаливый, как укор -
и всё же видеть Вас - отрада!
... С открытых плеч во тьме -
 свеченье!

Вы в лёгком платье опять...
Туман всё гуще...
Как унять

 мираж,
и дрожь с сердцебиеньем?!

НА ЦВЕТОЧКЕ ПОГОДАЙ

Клевер, донник, иван-чай...
Луг цветёт некошёнй...

Здесь девчонку повстречал
в платье в горошек.

Помню: домик за версту,
локон кверху взбитый...

Мы вдвоём на берегу...
Вы мне говорите:

На цветочках погадай:
«Любит ли, не любит?

Есть преданье - с милым рай
в шалаше... Как будет?»

На ромашки я смотрю,
васильки лелею...

Я цветы боготворю -
но в небе тучка млеет.

Одуванчиков испуг,
вихрь внезапно дунул -

полысел мгновенно луг!
- Кто гадать придумал?!

МОЙ ТОВАРИЩ

Чем-то я на Злобина похож,
может это для души, не плохо.
Как и он,

 я в деревеньке рос.
матюкался, презирал эпоху.
Как и он, хотел иной судьбы,
ведь она суровая, слепая
из деревни, из родной избы
на чужбину многих выгоняла...
Помню:

 он в тюрьме год отсидел
лишь за то, что «правды» захотел:
« отчего, живём мы в нищете,
а у власти - казнокрады все...»

Как и он,
несу свой тяжкий крест-
родом из одних мы бедных мест...

КАК ЖЕ БЫТЬ?

То, что в сердце
 тайно сберегал -
расплескалось вмиг
 случайным чудом...

Отшумели волны в берегах
и на сердце - осталась остуда!

Вянет ива от жары -
 как жить?

- Если к речке одному ходить?!

КУКУШКИНА ДОЛЯ

Так неожиданно, печально
кричит кукушка вдалеке...

Свои года мы с ней считаем,
вновь вижу тень её в леске.

Между берёз она мелькает -
бездомная, о чём грустит?

Своих птенцов совсем не зная,
куда, зачем опять спешит?

Зовёт: «Ку-Ку!..» - тревожа сердце
поверьём тайным давних лет...

Где ей, бездомной, отогреться?
Как ей, одной, встречать рассвет?

КУРОПАТКИ

На заснеженной полянке
там и здесь – повсюду ямки.

Кто в них прячется, живёт?
Вижу крыльев росчерк – взлёт!

Ну, всё ясно: куропатки
спали в них, играли в прятки.

ЗИМА НА ПОРОГЕ

Со снегом утиные стаи летят:
в них-

 чернядь,
 крохаль и гоголюшки...

на озере - лёд,
полыньи чуть дымят...

И гнёт камыши ветер злющий.
Дед молвит:

«Дичь северная подошла...
зима на пороге... Такие дела...»

ОНОПЛЯ

В дни войны, в сорок третьем, голодном,
обхожу я поляны свои.

К конопле терпкий запах приводит,
взмыли стайкой с неё воробьи.

Две чечётки алеют на ветке,
подпуская вплотную меня...

В конопляник вхожу незаметно:
запах ноздри щекочет, дразня.
Молочу ветви толстою палкой
на фуфайке - и столько семян
разлетаются...
Мне их не жалко -
до краёв уже полон карман.
Поздно вечером дома, на печке
жарю их - и такой аромат!..
...Конопля нынче души калечит
«наркотой» тем, кто дурусти рад.

КОВЫЛЬ

Я опять собираю ковыль,
и от ветра тебя заслоняю...
Серебристая сыплется пыль
над курганом в неведомом крае.
Как причудлив букета ковыль!?
Для меня он - преданье и быль.

* * *

Сибиряк- особый человек!
Слов признаний попусту не трачу...
Прииртышьё! - вот моя удача,
не на год иль два,
на целый век!

Нежусь луговою тишиною,
наклоняю голову к цветам,
разговор веду я с резедою,
улыбаюсь ржи и василькам!
Я горжусь полями и лесами -
с запахами ягод и грибов -
потому и говорю стихами
про деревья, птиц...

Про отчий кров...

КЮВЕТ

Пел, рулил я: «Еду... еду...»
- и слетел в большой кювет...
Ехал к бабушке и деду-
вот, он - мой велосипед?
... Сломан руль, а колесо -
как пропеллер, повело!

КОПНА

Сено на лугу сгребаю
вместе с мамой допоздна...
Вилы с сеном поднимаю:
раз,

и два,

и три – копна!..

А трава в рядках –

пахуча!

И на зубьях грабель –

лучик!

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Лес перед деревней -
в нём кресты, холмы.
Мир промокший дремлет
в красках полумглы.
Дождь холодный, с ветром,
барабанит в спину,
в выси безответной
голос:
«Кто здесь сгинул?!»..
Низко тучи мечутся,
рассыпая дождь...
От «покоя вечного»
в сердце вкралась дрожь.

ВИНОВЕН Я

Как неуютна эта ночь -
никто не в силах
мне помочь.

Не спится мне...

О, добрый джин,
на мне десятки разных вин.

Виновен:

- друга раз предал...

- за брата грудью не вставал...

- кому- то правды не сказал...

И от – того тоска в глазах?!

... И вот теперь в родном углу
покаяться себе смогу:

- что слабого – не обогрел...

- прохожего не приютил...

Но к предкам памятью горел,
свою Сибирь всегда любил!!

... Гудит во тьме набатом ночь
и гонит покаянье прочь.

- С самим собой я - на один...

В лицо глядят десятки вин...

В ГРОЗУ

Когда штормит

и вал швыряет

каскады брызг,

а гром грозы

пугает одичавших чаек -

ты страх на дно души сложи.

... Баркас трясёт,

как в лихорадке,

по телу пробегает дрожь:

«Берись за вёсла без оглядки!..

Греби смелей - и доплывёшь!»

КОСА

Намывная полоса

из песка и глины -

светит белизной коса

в повороте длинном.

Речки голубой изгиб
скрыт за поворотом...
Рядом светофор горит -
катер сбавил скорость.

КУНИЦА

Жёлтым фартуком гордится,
по деревьям лазит быстро,
если очень разозлится -
ей не страшен даже выстрел!
Нападает на зайчишек
и на маленьких козлят...
И, порой, беда случится,
если их не защитят.

ЩЕНЯТА

Как повивальная старушка,
любуюсь родами щенят.
... Ещё мокры,
на свежих стружках -
их спинки серые дымят.
Звериный писк
 мне уши режет...
Облизывая их бока,
Валетка смотрит
 взглядом нежным,
как копаются три клубка.
Щенки слепы,
друг к другу плотно
прижались,
 съжились,
 сопят...
- Им в конуре здесь, в подворотне
расти на радость всех ребят.

КОЛОК

Рошица, как островок,
посреди стоит степи.
В ней - лисица и сурок...
Птица в ней с утра свистит...
Куропаток серых стайка
села к ивам в холодок.
Под кустом - прижался заяк...
...Колок мой, степной лесок

В РАЙОННОМ САДУ

Танцплощадка задышалась,
змеевидно извивалась
в суতোлке ног...
Каблуками избивали,
над собою издевались
кто как мог?!
Я стоял, как посторонний...
Я молчал, как третий лишний...
И с печалью, как хоронят,
думал о своём давнишнем.

... Вижу: тоненькая, в красном,
подошла... стоит поодаль,
и конечно не во власти
сумасбродной этой моды.
Ножками перебирая,
и пугливо озираясь,
опускала взгляд...
И застенчивости этой
очень был я рад.
Словно что-то осветила,
словно что-то возвратила
из далёких дней...
... Танцплощадка всё дробила,
изнемогшая, бессильно
билась, как кощей?!

РАЙОННЫЙ ЧИНОВНИК

Тупая власть казнит закон:
в ней - злость и самодурство
Степенность - вот что ценит он,
идёт одним лишь курсом.
От точки и до запятой -
послушен, аккуратен...
Способностей в нем - ни одной,
зато во всём старателен.
Начальство видит и во сне...
Угодлив, смотрит в оба...
Что мыслей нет своих - вдвойне
для большинства удобен.
Служебной лестницей идёт,
как к пенсии заветной...
Не аморален и пьёт -
и в этом все секреты.
Ему хоть что - снега ли, дождь...
Ни холодно, ни жарко...
Он не обманет, не солжёт...
И всё ж - его мне жалко.

«ВЫХОД В ЛЮДИ»

Тысячу раз представлял
как выхожу на сцену...
... Тих переполненный зал:
что расскажу людям ценного?!
Сам на концертах сидел,
жарко уставясь на сцену...
кто-то не искренне пел...
я угасал постепенно...
Как не люблю полуфальш,
экстравагантность из серого...
Даже под старенький вальс
больше в искусство верю я.
...Выход объявлен, пора?!
Медленно движется занавес...
Так ослепительны прожектора?!
... Вновь и вновь
 репетирую заново...

НЕ НРАВИШЬСЯ

«Ты мне не нравишься?!»
- жестоко бросала мне в лицо слова...
Я нравился порой красавицам
и думал: «ты-то не права?!».
Короткий срок,
но всё измерено:
ещё лица не разглядев,
ты упоительно доверилась,
от солнца, моря охмелев...
Неделя? - и уже расплата,
была и не была мечта...
Так в море тонет на закате
слепящее красная черта.
А я не в силах и не вправе
разлуки отодвинуть миг.
Так пусть уж лучше разонравлюсь...
Я ухожу... Ты глушишь крик...
Слова так ласково, холодные...
- «О чём мне сожалеть, пойми...»
А руки птицами голодными
летят навстречу: «Обними!»
И жарко тянешься губами,
не утоляясь - пить и пить!
И сумасбродными словами:
«Не нравишься?!» - рвёшь в сердце нить.
Ушёл...И всё же понимаю:
осталась вяжущая власть,
ведь поминутно ощущаю
те губы, жаждущие сласть.

НА СБОРКЕ КОРБЮРАТОРА

Точно, быстро, без единого
лишнего движения,
делает работу длинную
дядька с наслаждением.
Он - механик, он - мастак...
Тем он всем и нужен...
- В море слов, я как рыбак,
золотое ужу?!

МЕНЯ ТУМАН ПОДНИМЕТ

После дождя поляны дышат паром,
пронзительно свежестью полны...
Искрят цветы негаснувшим пожаром
и радужные капли в них пьяны.
Вечерний лес прощается с зарёю
и медленно отходит в темноту...
Мне кажется, что лишь глаза прикрою:
меня туман поднимет в высоту...

В ЧЕРНОЛУЧЬЕ

Танцует девушка в экстазе
в брючатах, в баре на турбазе...
Руками машет, словно сеет
моя прабабушка зерно.

Стучит каблук её в аллеи,
где с другом мы стоим давно.
Да, скромничать ей не пристало -
она в работе не устала...
А юноша пыхтит вприсядку,
повыгнув шею гусаком.
На голове - бурьян на грядке,
он кажется мне чудачком.
А, мода-мода?!

Смех- не мода...

В доисторический наш век
уводит дрыганьем природа,
тебя, наивный человек?!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Тучки грозовые только что прошли...
Белые берёзки и поля – омыты...
В травах освежённых
запахи взошли...

Я вхожу в лесок,
и замер с любопытством :
«Чик, чик, чик!..»

Тик, тик, тик!..»

- откуда же этот звук возник?
Слушаю, смотрю и поражаюсь:
тишина... ни птички... ни зверька...
А вокруг чуть слышно продолжает
это необычное: «Тик!.. Так!..»
Я смущён: «Не кажется ли это?
Вот охотник,
а не разберёшь?!»

...Но невесть откуда
налетел весёлый ветер,
и всего меня
обдал холодный дождь!
Прошумел... И снова тишина...
Только слышно: сердце учащённо
бьётся, вторя капелькам: «Тик... Так...»,
необычной радостью смущённое.

ВЕЧЕР НА ИРТЫШЕ

Темнела Иртышская набережная,
густела свинцово вода...
С причала склонился я набожно,
и слышу слова со дна:
*«Послушай-ка, мил-человек,
Я - старая, я - изработалась...
И мой замедляется бег,
с годами прибавились хлопоты.
Как прежде, таскаю суда,
в верховье - вращаю турбины...
Но меркнет моя красота,
ушла чистота былинная.
Десятки зловоннейших рек
вливаются...
Меркнет свет месяца...»*

*Плюёшься в меня, человек,
и сам же пьёшь грязное месиво..
А как обмелела-то я,
лицо моё в ржавом мазуте...
И рыб не блестит чешуя...»*
Но речь оборвав в ту минуту -
электрический вспыхнул день!
На глади водной, зеркальной,
исчезла старушечья тень,
с обидами всеми, с печалью.
... Играли в воде отраженья
прожекторов, фонарей -
разноцветных огней ожерелья,
светящихся близь этажей.
Мост поясом золотистым
речную охватывал стать...
И нежное что-то, лучистое
со дна начинало всплывать...
И почему, неизвестно,
на глади прозрачной, цветной -
мне река показалась невестой,
с белопенной фатой!

ДЕРЕВЕНСКИЙ ТОК

*«Моя автобиография - аэропорт»
А. Вознесенский*

Твоя автобиография - аэропорт,
моя на сегодня - ток!
От твоей фейерверческим блеском прёт,
моя скромнее - не в этом толк.
Позарез нам обоим погода нужна,
только ток и в ненастье любое
гремит через ночи без сне,
аэропорт же уходит от боя.
... Как площадки посадочные по стране,
дороги страды размечены.
Начинаются в поле, в колючей стерне,
и сбегают к току рассвеченному.
Он - ритм жизни,
Он - пульс всей страды,
Он - маяк в непроглядную осень?!
... Рядом с ним, началом весны -
под навесом проклюнулась озимь.

НОЧНЫЕ ДУМЫ

Ты, как прежде, живёшь в деревне,
в нашем стареньком домике:
вечерами в снегах
спят у окон деревья,
ветер улицей гонит соломинки...
Ставень хлопает, словно крылом
бьёт ночная тревожная птица.
Вот и нынче, за тёмным стеклом,
снег на раму также садится.
У натопленной печки сидишь
допоздна, сгорбившись, одинокая...

Вяжешь внуку носки и следишь,
как метель распеваает и окает.
Спицы бледным играют лучом
в керосиновом свете лампы...
В петли ты попадаешь с трудом...
Вот сейчас посидеть
вместе нам бы...

Только я далеко-далеко
от тебя, как и брат, и сестра...
Ты ж не бросишь угла своего,
хотя в нём ни икон, ни добра.
Знаешь: съедемся летом опять
на зелёный твой огород,
в тихий дворик, где много цыплят,
где петух спозаранку орёт!

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Тяжело опершись на лопату,
молитвенно руки сложив,
старушка стоит, горбатясь,
глазами состав проводив.
Мгновенье - и сразу пропала
за летящий назад откос...
- Что она у дороги копала?!
Что ей в жизни видать довелось?!
Вспомнил мать,
что вот также с лопатой
в огороде с зари до зари,
копошилась... А ночью ухватом
двигала у загнетки горшки.
Как похожи они: та же бедность...
с раннею сединою висок...
и доверчивость к людям, с надеждой...
на плечах - полинялый платок.

Я - НАДЁЖНЫЙ ЩИТ

Ты мирно спишь...
Какое счастье,
что рядом ты и мы вдвоём...
Что грозы страшного ненастья
наш обошли сегодня дом...
Да, научились мы, и можем
беречь уют, ценить тепло...
Мы стали с днями к чувствам строже,
в беду и в радость - заодно!
Ты мирно спишь...
От всех напастей
моя забота оградит,
в любое горе, в дни ненастья
я для тебя - надёжный щит!

ХОХОТУШКА

Ты зовёшь к себе, маня,
и дразня, хохочешь...
Нежной песенкой звеня,
покорить всех хочешь.

И в глазах - такой огонь!
Нет ему преграды...
...Но в последний миг:
«Не тронь?!» -
шепчешь мне: «...не надо?!.»

ЧЬЮ-ТО ЖИЗНЬ ЛИСТАЯ

Тихо в комнатке...
Ночник с абажуром драным
освещает груды книг
на краешке дивана.
В форточку доходит гул,
резкий шум моторов...
Как старался - не уснул,
и засну не скоро.
Книжицу взял перед сном,
чтоб заснуть скорее...
а затем достал и том...
потом - и эпопею!
Час, другой - с десяток книг
просмотрел, а сна-то
не дождусь...
Глядит ночник
светом хитроватым.
Чудом полнится строка...
Чью-то жизнь листая,
вижу как через века
лёд сомнений тает...

ДНИ ТОСКЛИВОЙ МАСТИ

Ты никогда не будешь счастлив,
познав отверженность в любви...
Ведь дни тоскливой чёрной масти
штурмуют улицы твои.
Не безысходность - нет, а ярость
тебя пытается, жжёт насквозь...
И полыхает высь пожаром!
Смотри: им небо занялось...
Ты видишь: сколько бед и злобы
ещё на горестной земле....

Пойми одно: тебе до гроба
гореть в слепящей этой мгле.

И ты всегда не будешь счастлив...
Но будешь горд и величав,
когда все дни тоскливой масти
растают, сумраки поправ!

ДЕПУТАТСКИЕ КРЕСЛА

Кто быстро растёт по чинам
и слушает только приказы -
не верит простым словам,
забывая народа наказы.
Так на высоком посту
считают основой - строгость.
Но людям невольно
лесть, подхалимство и робость.

Нет, не приказ, а наказ,
и убеждённость, и вера
к правде приводят нас
Ленинской силой примера

ТАНЦОВЩИЦА

Жил ли я в мире прекрасного?..
«Нет!..» - отвечаешь мне - «нет!»
И в подтверждение властно
звуки плывут кастаньет?!.
Не красотой Кармен
помнится будешь, не пляской -
и не коварством измен!..
- Мне не знакомо фиаско.
Нет!..
И над вихрем волос,
с красной повязкой над смолью,
бурей страстей пронеслось
то, что зовём мы любовью!
Чары с себя не сниму,
как бы коварными не были,
танго твоё я приму
с синью морскою и небом!
Я преклонюсь пред тобой,
цыганской крови - королевой,
танго в ночи мне пропой
о первой любви не смелой?!
Спой мне «последнее танго»
несбыточной первой любви?!
... Смело открой свою тайну
и волшебством озари!

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Ты видел неба глубину,
когда меж облаками,
натягивая тетиву,
весна гудит громами...
- Ах, первый гром,
весёлый гром
в счастливом небе голубом?!
Истосковавшись по теплу,
берёзки тянутся неслышно
листочком каждым в синеву...
И травы откровеньем дышат...
А синева сквозит, звенит,
невидимое приближая...
И жаворонок в ней скользит,
как талисман родного края!
Гляжусь я в неба глубину,
где тают облака, как льдинки...
где гром нежданно громыхнув,
исчезнет в шапке- невидимке!..
- Ах, первый гром,
беспечный гром
в высоком небе, голубом!!

ПЕРВЫЙ ЛИСТОПАД

Творится на душе разлад,
мир предстаёт в превратном свете...
Пугает первый листопад
дыханьем стынущего лета.
Быть может, испытанье сил
вся эта скверная погода?!
... Так долго дождик моросил...
жду твоего прихода.
Листва неспешная летит,
она ещё не отгорела -
её пугает мрачный вид
надвинувшего враз предела
И твой приход не обречён,
есть у меня на то приметы...
Ведь я по-прежнему влюблён
в твои глаза... и запах лета.

БАЛКОН ПРОДРОГ...

Среди цветов, увядших,
жёлтое создание:
прозрачный тополя листок?!
Не мне ль он, в назидание?
Причин не видится пока
трагедии и драмы,
но с желтоватого листка
струится тихо пламя!
Закрою наглухо балкон,
(там мрачно, ветра свисты).
... Скользит по крышам небосклон
и сыплет дождик льдисто?!

НЕ ДОЛЖНО ТАК БЫТЬ

То с женою, то с друзьями
враз переругаюсь...
С потускневшими глазами
в думы погружаюсь.
Знаю: не должно так быть...
Мучаюсь ночами...
В дружбе, праведно бы жить...
Но - тяжесть за плечами...

* * *

Было всяко -
тяжко, круто:
мрак, снега, дожди...
Били больно, били люто -
что ждёт впереди?!
И искал в себе я силы,
зло сломав в себя,
прошагал по всей России,
стал в душе добрей!
Стал прощать другим ошибки,
нежностью стал беречь.
понимать с полуулыбки
откровенность встреч.

И в ответ мне тем же платят...
и светлеют дни...
И не гаснут на закате
дружбы огоньки!

ХОЛОДНОСТЬ ЯНВАРЯ

Тянулись губы: любим, любим!
Пылала майская заря...
... Теперь за диким свистом вьюги
я чту холодность января.
Снега чисты, в снежинках ели-
и всюду-всюду белизна.
А где- то там,
в лугах апреля
осталась дивная весна!
Вот снегири - твоя в них алость,
горят багрово на снегах,
наверно страсть твоя осталась,
что отпылала на губах!
Шиповник высветил метели,
алея зябко на яру...
близка мне ягод горьких спелость -
я их любовно в пригорсть рву.
А солнце, напрягая силы,
стремится вылезть над леском...
Поблекшее, под небом стылым
летит в меня твоим снежком!

СЛЫШУ ГОЛОС ВАШ

Трудно мне в людском приборе
без чудесных ваших глаз...
Где они, кому с любовью
светят нежно в этот час?
Поздно...
Улиц шум стихает
и в мерцанье фонарей
слышу голос ваш стихами,
вижу блеск живых лучей!

ОДНА НАДЕЖДА - РЕМЕСЛО

Ты ждёшь отмщенье, как грозы,
сверкающей на горизонте...
Как часто на себя мы злы.
и лучше прошлого не троньте.
Легко руками разводите
чужое горе... Близок локоть,
да не укусишь... Что мудрить -
жизнь переходит в горький опыт.
Молить, чтоб небе снизошло,
иль верить в чудо - не пристало.
Одна надежда - ремесло,
трудись, пусть съест тебя усталость?!
Не оставляй себе минут
на размышленье. Крепни волей!..
Верши свой труд, огромный труд!!
И выше нет счастливой доли.

МОЁ «ХОББИ»

Ты говоришь мне: это - «хобби»,
совсем не веря в мастерство.
А страсть сжигает, мучит, горбит...
Мерещится в ней божество?!
Ты вторишь мне:
 не надо шуток
и так всё сказано давно...
Но в сердце радость поминутно...
Слова хмелеют, как вино.
Когда уставший замолкаю,
вплывая в голубой рассвет,
то одного не понимаю:
«А почему ты не поэт?!»
Нам каждому понятны звуки,
и краски, и полутона...
Как поцелуй, возникший в муке,
так музыка в нас рождена...
Ты говоришь опять мне: «Хобби!»,
не вдумываясь в существо.
- А вот запеть душой попробуй,
и сам постигнешь божество!

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЁЗЫ

Ты выше стал предубеждений,
смеясь над грешным и святым.
Особой формой выраженья -
вечерний синеватый дым?!
И на душе, как в поздний вечер...
Смеёшься, а в глазах - тоска.
Но этот смех бесценно лечит
и туча снова далека.
Не упрекну тебя в двуличье,
улыбка- ведь сердечный свет!..
«Ну, как живёшь?!» -
 в ответ: «Отлично!»
«Здоровье как?..»
 - «Здоровья нет...»
Всё шутишь... Под глазами тени...
Ты одинок давным-давно...
А смех сквозь слёзы - вдохновенье!
Ты - Арлекин, в немом кино.

УГАСАЮЩИЙ ДЕНЬ

«Тук да тук... шире круг?!»
- распевают вагона колёса...
«Ждут не ждут?.. Может, ждут?!»
устаю от вопросов.
«Тук да тук?!» - нудный звук.
Невесёлая песня.
Если только не ждут,
так зачем же быть вместе?
День исчез и покой
за окошком разбросан,
с невесёлой листвою,
улетающей в осень.

«Тук да тук?!» - в сердце звук
словно вторит колёсам...
Сотней просящих рук
лес проплыл за откосом.
Боль заломленных рук
в белоствольных берёзах?!
«Тук да тук?!» - меркнет круг.
Сник закат, светло-розов...

ОТПУСКНОЙ ДЕНЁК

Тёплый ветер родимых полей
навевает забытую песню...
Конопляник, крапива, репей
вдоль дорожки сплетаются тесно.
«Конопля?!» - запах спелый пьянит,
сколько в детстве её обмолочено,
и теперь меня даже смешит,
что в наркотик её напророчили.
... Я тропинкой вдоль речки иду
и сажусь на траве у обрыва,
в воды синие, в глубь загляжусь -
постигая мир близкий, красивый.
Долго, тихо я стану следить
за утиною стайкой, за рыбой.
Всплеск, круги...
Мне гадать, ворожить
по зеркально-дремотной зыби.
Вниз спустился...

 Водой ключевой
насладился неспешно вдоволь...
... Вместе с первой лёгкой росой,
просветлённый, шагаю до дома.

РУКИ-КРЫЛЬЯ

Ты уходила, уходила...
Как сон, как солнце - в облаках...
И я смотрел на это диво,
вдыхая море в полглотка.
Вот по колёно... вот - по пояс...
Лиловый отливая свет,
дразнил, мне душу беспокоя,
в лучах парящий силуэт.
Вот - округлённость плеч скользящих,
лебяжьей шеи чудный блеск...
Причёмски облако светящее,
сошедшее, видать, с небес!
Сверкнули плечи, погружаясь.
и скрылась даже голова...
Я повторял, понять не в силах,
твои негромкие слова.
Они, возникнув, пронеслись,
как брызги с моего весла...
И там, где море с небом слилось,
ты руки - крылья вознесла!

НЕНАСТНЫЙ ВЕЧЕР

Густая мгла нависла,
сползает на дома,
и дождик лёгким ситчиком
колышет у окна.
Ветрами дали выдуло,
оборвана листва...
И кто-то взял и выдумал
попынные слова.
Подтёки на карнизах
и сырость из кустов...
- Ты до того капризна,
заплакать я готов!

У БЕЗЫМЯННОЙ МОГИЛЫ

Только гибнут – то чаще не трусы...
С благородною, сильной душой
эти парни, как воины русские,
не вернулись однажды домой.
В падах, сопках, во льдах океана -
обелисков гранёных шпиль!..
Лягут рельсы дорог,
 гордо встанут
города возле этих могил!..
Жаль, что гибнут то чаще - герои.
Трус, как червь, от беды ускользнёт -
ни в огне не сгорит, не утонет...
- Только воин в бессмертье идёт!!

ТЕПЕРЬ УСТАЛ...

Тебе давно уже за сорок,
но одинок ты, не женат...
Стихающий вечерний город
тебя огнями встретить рад.
Идёшь, бредёшь неторопливо,
никто не ждёт тебя домой...
И твои окна сиротливо
освещены ночной звездой.
Был день в делах перенасыщен,
крутился ты, как заводной...
Теперь случайных встреч не ищешь,
идёшь спокойно стороной.
Скользит в витринах поздний город,
в такси влюблённые спешат...
снег осыпается за ворот...
и ты прохладе этой рад.
Всего в твоей хватало жизни:
и женщин...
 музыки...
 цветов!..
... Сейчас устал - хоть душу выжми...
Заплакать, кажется, готов?!

ПЕЧАЛЬНОЕ ТАНГО

Над теплоходом музыка печальная
качается в полночной синеве...

На небе появились вдруг проталины -
то млечный путь,
 летающий в полусне...
Огни с моста, о воду разбиваясь,
прожекторами освещают глубь.
... Затихло танго, словно извиняясь,
с последним словом: «Навсегда забудь»
Лучи-гиганты речку раскалили,
от звёзд летящих - стрелы по воде.
... На старице кувшинки, словно лилии,
цветут в своей волшебной красоте.

Я - ПРЕЖНИЙ

Таёт снег, повсюду - грязь,
ручейки сверкают...
В парке седоватый вязь
листья распускает
Синева... На лужах - блеск,
запахи дурманят...
А в глазах девчонки - бес,
искорками манит.
Листик тополя сорву:
клейкий, тонкий, нежный...
тихим вдохом пригублю,
и пойму - я прежний!

НА СЕНАКОСЕ

Течет речушка в низких берегах,
звенит прохлада в полдень сенокосный.
Куда ни глянь: везде стоят стога...
И здесь и там, поют протяжно косы.
За лесом, погоняя лошадей,
кричат мальчишки:
 возят копны к стогу...
Мне нет на свете ничего родней
чем этот луг...
 Клянусь теперь... Ей- Богу?!
В зените солнце, луг парит в лучах,
под тень берёзы мы садимся с мамой...
Снимая фартук, руки мыть велит,
раскладывает хлеб, картошку, сало.
И огурец - единственный пока,
на дольки разрезается не спешно.
И достает бутылку молока...
Всё подвигает : «На, сыночек, ешь-ка?!»

ТВОИ ГЛАЗА

Ты вся, как майская гроза
в безоблачном просторе -
мне боязно взглянуть в глаза,
твои...
В них столько горя?
Мне боязно взглянуть в глаза,
твои, в них столько сини,
ты вся - как майская гроза
в порыве страсти сильной?!

Смеёшься вольно и светло
и взмах руки отчаян...
Скрипит в уключине весло,
кричат над лодкой чайки.
Искрят прибрежные талы
к воде склоняя ветви...
Они загадочно светлы,
в них - листьев первый лепет.

* * *

Твои потрескавшиеся губы,
былая снится им весна...
Во сне звучит всё: «Любим, любим!».
Там даль заречная ясна...

КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЖАК

Трубы выют дымки в простор...
В улицах - бело...
Речка с лугом... косогор...
а на нём - село...
Шутит милая девчина,
откровенно, напоказ...
В полушубочке овчинном...
шапка... валенки под стать...
И лукавит и смеётся,
комсомолии вожак:
«Говорите, как живётся?..
- Хорошо, судите так:
Клуб вот новый, МТС...
кормоцеха стройка...
А за речкой - там где лес,
новая есть дойка...»
И в словах - сердечный жар...
Речь лишь о подругах...
На щеках - густой загар
от ветров и выюги.
Но с потрескавшихся губ,
враз улыбка сходит:
«Что, учёба?.. Как-нибудь...»
... И глаза отводит...

СКАЗКА СТАЛА БЫЛЮ

Что ни день - открытия!
Разверзся небосвод:
на метле летите вы,
усевшись в луноход!
Да, сказка стала былью,
нам чёрт теперь не брат?!
И Боженька всесильный
потупил гордый взгляд.
И не боясь возмездия,
под красный светофор,
дорогой мчат железною
небыль, сказ, фольклор!..
Где в зной была пустыня -
там плещутся моря...

Где снег да лёд был синий -
цветут сады не зря!
Гигантскими дымами
завод стал до небес...
И звёздными огнями
в ночи играет ГЭС.
... А сказка продолжается -
ещё всё впереди,
в ней люди так нуждаются.
под ярый стук в груди!
Фантастика поэзии?!
- С тобой, как метеор,
лечу я сам в созвездия
под красный светофор!!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Что за слёзы?..
- Хватит, улыбайтесь!..
Смейтесь! - звонче смейтесь,
прогоняя страх...
Прочь сомненья,
щеки подставляйте...
Милая, улыбка
снова на губах?!
Улыбайся!..
... Сын, дочурка - смейтесь,
жизнь теперь наладится,
знаю наперёд...
Ничего вы больше,
прошу вас, не пугайтесь,
вместе всё семейство,
и счастье в дом придёт!
- Я оброс до чёртиков,
так длинна дорога,
майский тёплый ветер
плещет в синеву...
Радостный, смешной
стою я у порога -
дайте, всех вас сразу
к небу подниму!!

ПОЗДНИЙ ЛИСТОПАД

Вы, золотые струны сердца -
неслышно Вас давно...
Хочу я пристальней взглядеться
в застывшее окно.
Оно слегка заиндевело...
И дрожь во мне - насквозь.
И чую: крутится несмело
во мгле земная ось!
Шепчу: «Холодная планета
вращай себя быстрее,
и поскорей весенним светом
меня ты отогрей..
Чтоб сердца струны золотые
звучали в лад опять...»

- Ну, а расстроил их впервые
морозный листопад.

ОЗЁРНАЯ ВОДА

Чистая озёрная вода
с небом опрокинутым и лесом...
С борта лодки осторожно свесясь,
пью её...

Она, как сок, сладка.
Капли с губ срываются и тают
на лице темнеющем и зыбким,
на мгновенье что-то отражая -
наподобие моей улыбки.
Так, наверно, птицы и зверьё
смотрятся столетья в эти воды,
и обличье гордое своё
узнают в хорошею погоду.

Пью и пью...

А зубы - леденеют...
Скоро здесь засвищут холода...
Оттого прозрачней и светлее
с каждым днём озёрная вода!

* * *

Что за огненные кони
каждый вечер в облаках?..
... Слышу цокот злой погони,
блеск на вспаренных боках.
И когда стемнеют дали,
искрами из-под копыт,
звездапад летит прощально...
Млечный путь звенит, звенит

МАЙСКИЙ ОЗИМОК

Что-то нынче весна холодная,
вот опять пролетает снежок...
И зима, как змея подколодная,
оставляет в душе холодок.

Что за резкие перепады
от жары и до снега - вспять?!
И листве молодой не рады -
перестали скворцы распевать.
Не вылазят почти из скворечни,
не нагреют гнезда никак...

... В серых улицах обалдевших
снежный ветер, вечерний мрак...
Хорошо бы сейчас по травке
прогуляться к березняку,
где зайчонок на мягких лапках
пробегаёт по сквозняку...
Где теперь отцветают подснежники
и саранки корону свою
распускают роскошно-нежно...
Где малиновки славят зарю!..

ЗОЛОТАЯ СТАРОСТЬ

Что-то есть от золотого леса
на лице спокойном старика:
в нём я вижу глубину небесную,
стойкость поседевшего стожка...
Что-то есть от пашни и колосьев...
от краюхи в жилистых руках...
и от шапки, что и летом носит...
и от костыля, что весь в сучках.
Взгляд его решителен, бесспорен...
Тяжелы, скупы слова в попад...
мысли из отборных, крупных зёрен...
... По двору идёт сквозь листопад...
Облетают тополя, рябины -
листья, как рои, летят, летят.
- И зовут: то - свадьба, то - крестины...
Рядом внуки стайкой лебедят!

КОНЧЕН СРОК

Рокот моря...
и рай мне обещанный...
и бездонное небо тепла...
Только чем мне измерить ту трещину,
что сегодня меж нас пролегла?!
Краткий отпуск оплакан дождями,
засыпает следы листопад...
- Лишь в гостинной цветы не вянут,
оживляя в улыбке твой взгляд!

КАКИЕ КОНИ?!

Чу?! - молодняк,
зверье, не кони!..
Роня пену на траву,
от паута, как от погони,
летят в поля под синеву!
Пастух отстал... Его лошадка
стара, костлява, тяжела -
и ей давно уже не сладки
намыленные удила.
... Туман сошёл. Роса - зерниста...
За табуном - широкий след.
И кажется, трава дымится,
и отливает звёздный свет...
Ах, молодняк - какие кони?!
Миг - табуна и не видать...
Сжимаю мысленно в ладонях
поводья...
- Мне ли их догнать?!

ДЫШИ И ПОЙ

Чу!.. Косачи кричат в лесах,
токуя в полумраке,
они красуются на пнях
и пух теряют в драке.

- Ты чудо хочешь подсмотреть?
Вставай, скорей, засоня!
Смотри - восток начал алеть -
и лес к нему готов взлететь!
Те облака в погони,
 как золотые кони...
Спеши! - укладывай рюкзак -
день нынче будет добрым.
Ружья не надобно, чужак,
не надо порох с дробью.
Не надо смерти - видишь пар
земли отталой, тёплой?!
Он, как живой,
 он словно дар,
взамен угрозы тёмной.
Дыши его!.. Дыши и пой -
и сам наполнишься весной!

ВРЕМЯ ТРАТИШЬ

Что ты в этом мире значишь:
не любим и не влюблён,
понапрасну время тратишь -
коль мечтой не окрылён.
Тлен коварный множит счёт,
серый дождик сеет...
Кто тебя сейчас поймёт?..
Кто печаль развеет?

СОЛНЕЧНЫЙ АПРЕЛЬ

Чибис кем-то потревожен,
низко кувырывается...
и кричит - да так тревожно,
что и мне икается.
Луговина заливная
окаймила старицу...
Гоголей свистящих стая
с шумом вниз спускается.
Тянет паром от земли...
запах листьев прелых...
Облака, как корабли,
в гавани апреля!..
Жаворонок изнемог
в песне бесконечной...
И кузнечика смычок
пиликает беспечно.
Зелень первая талов
в крошечных листочках...
Вижу дальний дым палов -
лес горит?..

 Да, точно?!

Надо ж выдумать палы
вдоль лесных окраин?..
Так для глупой головы
нет разумных правил!..

НАДО БЕРЕЧЬ

*«Хорошеют женщины от счастья
или от предчувствия его»
Вл. Пальчиков*

Что им, женщинам, надо?
- Выспаться, да денёк отдохнуть!..
И в глазах сразу -
 свежесть и радость...
и исчезнуть тревоги и грусть...
Что им женщинам надо?
- Вниманья, немного тепла,
да халат поновей, понарядней.
И улыбка их сразу светла!..
Я хотел бы всегда с участием
все заботы твои делить,
и хочу чтобы дети почаще
стали нежность тебе дарить.
- Ты для нас ничего не жалела...
Буду сам стряпать, шить -
 и пол мыть...
Я хочу, что бы ты хорошела,
а мы все -
 тебя будем любить!

ЯГОДА-СМОРОДИНА

Что за ягода - смородина?!
Ты раздвинешь плотный куст -
и она качнётся гроздьями,
сладчайшая на вкус.
Луг - с отавою роскошной,
в воздухе - тенёт...
С чёрным жемчугом горошин
веточка встаёт.
Влажный куст ещё в истоме
и росой разит,
запах утренний, знакомый
на листках дрожит.
Дышат, дышат сладко ветви,
белый пар внутри...
Мир таинственный, заветный
в капельках горит!
...«Здравствуй, ягода-смородина!..
К тебе пришёл опять
с думой светлою о Родине -
ты, помнишь, тех ребят?!»

ОМСК ЮБИЛЕЙНЫЙ

Что ни год - красивей, строже
город мой на Иртыше!..
Натянулись улиц вожжи...
в высь - десятки этажей!
Ты - столица всей Сибири,
был столицей всей страны!!
Для меня в тебе открылись
все заветы старины!

Знаменит людьми, делами,
а богатств - не сосчитать!
Из сибирской звёздной дали
на века тебе сиять!
Омск - тебе давно за двести,
скоро юбилей встречать...
Семьдесят мне...

дышим вместе...

В новый век тебе шагать!
Ты известен во всём мире,
марафон тебе подстать.
О богатствах всей Сибири
во всех странах говорят.
Белой вьюгой запылён,
шпили ввысь устремлены...
Для меня - родной, хороший-
даже нет тебе цены.
... Я шагаю по аллее,
пролетает снова снег...
Ты – вот вечный!...

Я старею,
как и всякий человек.
Но стараюсь чувства, силы,
как и все - тебе отдать!..
И хочу со всей Россией
300 лет твои встречать!!

СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ

Что такое ОБХС?!
- это что-то, вроде, «СС».
Видно в память о тех годах,
когда гибли на всех фронтах?!
Да, секретные службы есть -
потому им особая честь.
... Но, представьте: живёт человек
тихо, мирно - под солнцем своим...
Как на голову летом - снег,
листик с вызовом - страшным, немым...
Человек сразу сжался, осел,
как кораблик на мель - сел...
Как, за что?!

- Честью он дорожил
и копейки чужой не брал...
И от страха – он сжался, застыл,
человечком жалким вмиг стал...
Как же быть?!
- Что же скажет сосед?..
на работе поднимут на смех...
И, неважно, что повода нет -
он посмешищем станет для всех.
Да, отпустит ОБХС,
извинится, что вышел прокол,
но надолго суровая весть
пропечатает свой протокол...

... Я там был раз, запомнив на век,
как мои попирали права -
не эсесовцы, не ГКБ,
те - лепили с грязью слова?!
- Ненавижу безвинный страх,
презираю жестокость всех...
И желаю, тебе Аллах,
познакомиться с ОБХС...

ЧЕСТЬ И ВРЕМЯ

Меж созвездий миров и галактик,
малой искоркой спутника свет...
Чтоб добраться до дальних, не хватит,
пожалуй, и тысячи лет?!
«Не успел?!» - умирая, учёный
с ресницы стирает слезу,
признаётся: «Сколько никчёмного
делал... Как же свой труд завершу?!»
- «Как успеть? Как успеть?» -
вторит гений:
« мало жизни одной, не успеть?»
.И несётся в эфир Вселенной
«СОС» - в секундах вся жизнь, и честь!
«СОС» - во льдах под медлительный скрежет
теплоход накренился бортом!..
«СОС» - срываются с побережья
самолёты, сверкнув крылом!..
... Честь и Время!! - В больничной палате
на столе безнадежно больной...
Где-то дамбу прорвав, мёртвым хватом
всё смывает поток ледяной!..
Честь и Время!! - Мерцают радары:
Миг - и вспыхнет рассвет голубой...
Миг - лишь миг?!
В зоревых пожарах
за секунды повсюду бой!
Даже внутренне в нас, подспудно
исчезает степенность, покой.
Сон и отдых предельно скудны -
это бой,
бой с самим собой!

ОПУСТЕЛИ ЖИЗНИ БЕРЕГА

Что докопалась? – ты хотела
узнать о правде наперёд...
Согласен я: «Пустое дело
когда муж денег не даёт?!»
Неполноценен я? - возможно,
а чем, ну чем ты знаменита?..
Январской дымкою морозной
на окнах кружева повиты.
Смешно, ведь никому не надо,
чтоб ссорились с тобою мы -
и так чертовски он не сладок
знобящий холодок зимы.

Ворчим, выискиваем что-то
и остывает наш очаг.
Не хочется разрывы штопать
и чувства прежние мельчат!..
Ах, что-то нет давно метели -
уйти бы с головой в снега...
Как опустели, обмелели
у нашей жизни берега?!

ОТОШЛИ ВЕСЁЛЫЕ ДЕНЬКИ

Чуть стемнело за прибрежным лесом,
а луна уж вышла из-за туч...
Под берёзой я, как под навесом.
Осветил поляну лунный луч.
Серебрятся росы на цветочках
и трещит у речки коростель,
вновь душа ночной прохлады просит,
не велит идти домой, в постель.
Что ей надо?..

Сединою светят
грустные, уставшие виски...
Кончилось, промчалось знойно лето,
отошли весёлые деньки.
Над рекой прохладные туманы...
резче ветер... свисты впереди...
... Тихий луг тропинкой в вечер манит,
сладко сердце ёкает в груди.

В ПОЛНОЧИ ЗВЕНЯЩЕЙ

Что мне прятать
боль мою сердечную,
если ты ушла, невозвратимая...
Закурю -
и обовьюсь колечками...
Загляжусь на звёзды негасимые...
В полночи звенящей,
в звёздном мареве
я найду среди тысячи огней,
дивный свет, каким меня одаривал
взгляд девичий у речных плетней.

ЧЕЧНЯ - РОССИЯ

Газетные холодные страницы
пестреют от вранья, цинизма, зла.
Правители, презренье вам не снится ль
за кровь,
что по-напрасно здесь текла!?
Когда же умом - разумом поймём:
зачем же целится в лицо собрата?!
... Чечня - Россия, то - единый дом!
Мсть кровную придумать мог диктатор.

РОССИЯ - КАВКАЗ

Чеченское небо
в разрывах и дымах,
рубахи в кровавых рубцах.

Вновь распри и мечь
старой болью ожили -
зловонием ветер пропах.
Россия - Кавказ! Вижу прах лихолетья...
Хребты - словно гривы гнедых!
История мчится на крыльях столетий -
а мы всё стреляем в своих?!
Чеченские распри и русские боли -
омытые братскою кровью!

ЧИСТОТА ТАКАЯ

Я иду встречать рассвет
тропкой луговой...
Вот овраг - последний снег
и верба с желтизной...
Расцвела на праздник ярко -
ветку рву, тебе подарком...
Ямку выкопал в снегу,
губы обжигая,
пью... Напиться не могу -
чистота такая!

ЧТО ЖДАЛА ОНА

В палисаднике, за городьбою
у реки черёмуха цветёт...
В кофточке, с заколкой голубою,
девочка знакомая идёт.
К веточке, светящей лепестками,
губы прикасаются её...
Я стою за дальними плетнями,
сердце бьётся громко, горячо.
«Подойди ты к ней...» - душа шептала,
«не стесняйся...» -

я молчал в ответ.

... Что она ждала, о чём мечтала
та девчонка,
в дымке дальних лет?!

ЧАС ПРОБУЖДЕНИЯ

Ночь ещё дышит покоем и сном,
небо едва лишь зарится...
Я - в полудрёме... Темно за окном.
прошлое в стёкла стучится.
Видятся лица... события... свет...
слышатся дальние звуки...
музыка ночи похожа на бред,
и кто-то мне странно аукает.
... Час пробужденья - мучительный час
в поисках трудных, в сомнениях...
Вот и полоска на небе зажглась -
словно души просветление

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Вчера собачка малая взлетела
в космическую высь...
Живём - по НОТ.

Но пухнут лбы?!
Молись скорей, Отелло,
коварства и века переживёт!
Что изменилось? - Вечно тяготенье
к непознанным планетам и мирам,
гоняемся за собственной тенью,
а мир земной -
 доступен ли он нам?!
Учёный спор Америки с Европой -
и атом заменён на водород!..
Оружие - как смерчи и потопы!
- А кто?
Инопланетянин мир спасёт?!
Ведь всюду газы, шлаки, пестициды -
вновь корчится в агонии земля!..
... О, люди, на природу не ропщите -
бурьянами задавлены поля!
Берёза, ива - всё имеет лица,
Ты - человек,
 внимательно взглядишь:
былинке ручеек прозрачный снится,
в росинке малой отразилась жизнь!..

МАТЬ МОЯ

Чтоб брат, сестра и я -
все институты кончили,
с бурёной мать моя
в войну над плугом корчилась.
Пахала и жнала,
рубилa и косила...
Бурёнка отжила
 а мать всё выносила!..
И вот теперь не спит:
ненастными ночами,
стук окон сторожит,
да ходит со свечами.
То в сени, то во двор-
от поросят да к курицам.
Не отступает хворь -
и всё сильней сутулится.
Уже за шестьдесят:
«Ну, отдохни немножко!»
Но надо ей цыплят
и огород с картошкой.
А вены, как жгуты,
всё резче выступают:
«Ну, отдохни же, ты...»
- я снова умоляю...
«и приезжай ты к нам
не на год - навсегда!»
... Над кучей телеграмм
сидит, в своём тверда.
Привозим ей внучат,
Гостинцы - и сердца...
О, как они стуча
у ветхого крыльца!..

О, будь моя бы воля,
таких вот матерей
за их святую долю -
в иконы для церквей!!

ЧУЖАЯ ПЕЧАЛЬ

Там, у калитки в вечер синий,
опять скрывается во двор...
...Я знал её лицо и имя...
И помню встречи до сих пор...
За ней ухаживал мой друг,
стих посвятил, дарил букеты...
На Сахалин уехал, вдруг,
и ни привета, ни ответа...
Болезнь жестоко с ней разделалась...
Тоска... Старушка - в тридцать пять.
 Ведь всё ждала, и всё надеялась:
придёт расцеловать!
И плечи выпрямит покорные
и увезёт её с собой...
... Но за окошком – ночи чёрные
с не выразимую тоской.

* * *

Кусается собачий лай
бессонными ночами,
тоскою плещет через край
и память рвет клыками.
Был у меня добрейший пес –
верней любого друга,
мне дичь подстреленную нес
скулил,
коль было туго.
Смотрел в глаза,
и влажный нос
почти лица касался,
и затруднительный вопрос
меж нами разрешался.
Мы в стоге спали под дождем
и вместе в лодке плыли,
бывало всяко –
 трудным днем
не ныли и не выли.
И мне теперь понятен вой
собак,
что не у дела.
Там, на цепи, в тиши ночной
их злоба накалила.
Им в лес,
да зайца потропить,
как встарь, пойти на зверя...
- А их в сарае,
 на цепи,
упрятали за дверью!

ОЗЕРО ДОЛГОЕ

Моя живительная чаша,
светлейшая!..

Мне пить и пить
глотками
зори непогашенные,
из детства
в старой лодке плыть.
... Стою в корме,
шестом толкаюсь –
босой мальчонка –
 в восемь лет,
как драгоценность выбираю
в сетях рыбешку –
 ярок цвет!

Карасики,
то с золотистой,
то с серебристой чешуей,
а сеть вся
в капельках искристых.
И чайки выются надо мной...
А вечером
с берданкой старой
сиджу в скрадке
 и долго жду,
когда сплывутся утки в парах –
и ствол за ними я вожу!..
Я возмужал здесь,
 вырос смелым
- здесь строил сказочный шатер.
И сильный духом,
 крепкий телом,
шел бедам
 всем наперекор!..
Теперь, устав от гула,
пыли,
спешу из города сюда,
где с детских лет
мне полюбилась
твоя
 чистейшая
 вода!

* * *
О, жизнь упрямая,
 смешная,
ты тяжелей день ото дня!..
Ты, правду с чернотой мешая,
так больно мучаешь меня!
Порою слабым и незрячим
иду от споров в отчий край,
где пахнет пирожком горячим,
где есть корова,
 двор,
 сарай...
А нынче –
 оглянусь –
в округе
ни живности,
 ни пирога –
Голодный мир?!...
И сам в испуге
бегу, хоть к черту на рога.
Как в детстве,
я готов картошку
промерзшую весной копать,
меж сосен собирать морошку
и в пять утра,
 с зарей,
 вставать...

Владимир Зензин

ДНИ РАЗДУМИЙ, ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел семнадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ДНИ РАЗДУМИЙ, ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

В ПУШКИНО

Неизлечим еще от рака мир,
еще пылают гнусных войн пожары,
и человек, напрягши связки жил,
к себе испытывает снова жалость.
О будущем я вновь мечтать хочу!
Пусть ненадолго -
я опять в лицее,
и Царское Село зажгло свечу,
в вечернем свете выходя мудрее.
Я прохожу аллеями к пруду:
скульптуры гипсом, мрамором белея,
год восемьсот двенадцатый воспели.
Здесь Честь и Слава многих на виду!
Но ты, вольнолюбивый, неподкупный,
затмил собой всю царственную знать,
воспев наш Русский Дух!
Да, в век свой смутный
так о свободе мог лишь ты писать.
Полтава. Медный всадник...
Облик милый

Татьяны, яркий образ Пугача...
О, сколько придает нам страсти, силы
твое искусство, сердце горяча!
Слежу: закат в воде багрово рдеет...
В каком-нибудь двухтысячном году
другого также снова обогреет
твой голос в вечеряющем пруду.

ЧУДНО ТАК!?

Роща за ночь напрочь облетела:
ветер шквальный сыпал дождь и град...
А сегодня снова потеплело,
вдоль опушки «тишь да благодать».
На усыпанной листвою поляне
терпкий запах - красочно, светло!
С веток паутина нити тянет -
сказочное в блёстках полотно!..
Даль жнивьем пустынно золотится,
и сверкает синевой простор.
Чудно так!?
И лишь душа смирится
не желает:
осень - ведь разор!?

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Иду я по улице майской.
подхвачен людскою волной,
встречным шепчу: «Улыбайтесь,
гордитесь Отчизной родной!

Не бойтесь морщин, улыбайтесь,
забыв о солидности, смейтесь!..
И души свои раскрывайте,
дружеских чувств не жалеите.
Мир ветром весеннем распахнут,
жизнь тянется к свету, добру!
Подснежником первым пропахли
поцелуи твои поутру.
Близки и по-новому поняты
взгляды отцовские, влажные -
в них гордость,
что первыми подняли
в космос сынов отважных!
Полотнища реют над нами,
багрянностью нас озарив -
они воскрешают в памяти,
тех, кто навечно жив!

НАПОМИНАЮТ МРАК М ОГИЛЬНЫЙ

Уходит свежесть с каждым годом -
тебе уже за шестьдесят...
Ты, как барометр, чтить погоду?!
Глаза же - молодо горят!
Как прежде любишь вёсен зори...
Охота - радостный глоток...
При встрече с женщиной,
во взоре
вновь возгорает огонёк.
... Но иногда крест над могилой
и чей-то камень со звездой,
напоминают мрак могильный
за той, невидимой чертой?!

СУЗИЛСЯ КРУГ...

Умер друг неженатый, красивый -
сорок лет он всего-то прожил...
Не болел... Богатырь был на диво!..
Может сглазил кто, наворожил?..
Сожалела толпа над могилой,
и оплакал родительский дом...
И ничто не нарушилось в мире -
все мы в нем, словно гости, живём!..
День который грущу... Умер друг -
сузился мой житейский круг.

* * *

Убит журналист, напечатавший правду
о мафии в Красном Кремле,
где звёзды блистают
при встречах парадных,
где Ленин и Сталин - в дерьме...
Обыденным стали подачки да взятки
- у каждого рыльце в пушке...
С трибуны кричит,
разоряясь, депутатка:
«...пьян - Ельцин... позорник - Лушке?!»

Министр обороны торгует оружием,
чтоб было нам с кем воевать...
СМИ - убеждают: правительство служит...
и некогда Думе поспать...
Десятки законов за день утверждает...
по сотне законов строчат...
Но хуже всё жизнь, и Россия - нищает,
и смотрит с надеждой назад.

ИВАНУШКА-ДУРАК

У нас в России только так:
одни кричат с трибуны...
другие прячутся в кустах...
а третьи- в снах пребудут...
А вкалывает лишь дурак -
безмолвный, безответный:
он пашет, сеет натошак
без сна весной и летом.
И поздней осенью хлеб жнёт,
картошку сыплет в погреб...
Его нужда порой гнетёт,
беда лихая горбит.
Чудаковат - сопит, стучит,
верша свой труд привычный...
А кто-то вновь с трибун кричит
и в рожу ему тычет.

УРОЧИЩЕ

Здесь редко ступает нога
человека –
иду я тропинкой охотничьей:
тайга неприступна,
где филина клекот –
богата природа урочища.
Фауну с флорой из века в век
здесь охранял человек.
Мир первозданный, и сосны и кедр,
помнят святую генетику недр!!

У ПРОХОДНОЙ НЕФТЕЗАВОДА

Всё меньше птиц в просторном небе,
всё глуше крики в высоте...
- Ужель за думами о хлебе
забыли мы о красоте?
Течёт мазутом индустрия
в разливы рек и синь морей,
мощней и внешнее красивей
живём среди сверхскоростей!
Распаханы поля бескрайне,
повысушено столь озёр.
В тайге да может на окраинах
голубоват и чист простор.
Всё надо!.. Как лишь соизмерить
те плюсы, минусы - когда
чтобы последствия проверить
нужны века а не года.

Не рубим ли мы древо жизни
и не природа ли, грозя,
в душе рождает некий кризис -
что можно нам, чего-нельзя!?

* * *

Дождинки били по стеклу...
Одна с другой сливаясь,
натягивали тетиву -
и вниз, стремглав, срывались!
И исчезали за окном
серебряные стрелы...
Но вот затих уставший гром
и капли отзвенели.
А эта капелька – одна -
последняя, слабея,
скользит... След тонок - невидна...
- «Учись!»- шепчу себе я.
«Учись, ты также одинок
и к цели путь твой труден,
но окупись в людской пото-
втройне сильнее будешь!»

У ДЕРЕВНИ ОША

Лес перед деревней...
В нё- кресты, холмы...
Мир промокший дремлет
в красках полумглы.
Дождь холодный с ветром
барабанит в спину.
В выси безответной
оклик: «Кто здесь сгинул?..».
Низко тучки мечутся,
рассыпая дождь...
От покоя вечного
в сердце вкралась дрожь

УТРЕННИЙ ВЕТЕРОК

Меж зелёных рощиц
с влажною листвою,
ветерок полощет
сумрак полевой.
Разогнал туманы,
гривы расчесал,
и, пахнув дурманом,
скрылся в краснотал.
В травах серебристых -
перепёлки крик.
В небе нежно-чистом
солнце кажет лик.

У БЕЗДНЫ НА КРАЮ

В ночи над строчками дурачусь:
То - жар в висках... то - бледность щёк...
то - засмеюсь... а то - заплачу...
то - в сердце тьма... то - огонёк!

Себя безжалостно терзаю,
печаль вбирает боль мою...
Я - музы раб!.. Смерть презирая,
стою у бездны на краю.

* * *

Утро майское разлилось
под лучами солнца,
дымкой озеро покрылось,
затихая сонно!
Камыши стоят бездвижны,
а пары все гуще –
я в плену у белой жизни
миражей плывущих...
Стайки уток надо мной
просвистели низко,
но покрыто небо мглой –
слышу только свисты.
Рядом острова плывут,
миг – и исчезают...
Рыбы всплеск...
Растаял круг...
- В белизне витаю!
Явь ли это или сон?
- Все покрыто мглой.
И немножко обозлен:
где я, что со мною?
Дышит воздух горячо,
солнце жжет до пота...
И кладу в чехол ружье –
окончена охота!

* * *

С. И. Третьякову

Утро зеленое в речку глядит
святочной радостью!
Солнце над лесом похоже на щит
с аlostью благостной!
Маковки в росах раскрылись едва,
чудно сверкая!
В ветках березы трепещет листва,
ввысь устремляясь.
В веточке каждой,
в овале цветка -
свет совершенства!
Вот заиграла
лучами река -
в блеске блаженства!
Мир целомудренный
в рай чистоты
вновь приглашает...
Я бы хотел быть слугой красоты,
вечным её глашатаем...
Я бы хотел охранять неба синь,
вечность Природы венчая...

Я возвратил бы на землю богинь,
в мир изначальный!
Нежно на солнце трепещет листва
в блеске зеленом -
цвет непорочности,
цвет естества
в мире влюбленном!

ВЕСНА, ТЫ МЕНЯ ИЗЛЕЧИШЬ...

У крылечка, ледок просверлив,
тенькают капли с крыши!..
Я по-весеннему снова жив,
- небо, ты слышишь!?.
Песнею птичьей призывно звенят
бездонные синие выси!..
Лучами лужи повсюду искрят...
Наплывают нездешние мысли.
Смотрюсь в неоглядную светлую даль,
шепчу, расправляя плечи:
«убирайтесь подальше, тоска и печаль,
- весна, ты меня излечишь!»

ПАЛЫ

Гарь плывёт луговиной,
кружит близь вороньё...
Я гляжу, как повинный,
шепчет дед : «О, моё!...
Не к добру эти дымы-
к согре тянут палы,
лес сгорит, мать родимая...
Будут рощи мертвы...».

* * *

В.Ковальчуку

(ЮБИЛЕЙНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ)

Возглавив колледж в трудный час,
отпраздновав его Столетье,
Вы чётко в смуте лихолетий
ведёте к ясной цели нас.
Профессия - строитель - значит
всегда на первых рубежах.
И впредь желаем Вам удачи
в любых директорских делах.
Вы учите, как жить достойно!
Рачительным по средствам быть...
Сегодня многим мы довольны,
умеет многое хранить.
На коммунальные оплаты
не предъявляют лишний счёт,
ведь каждый строго и опрятно
тепло и воду бережёт.
Стипендия всем - без задержки,
Зарплата - вовремя. Притом
талоны на обед - поддержка...
И колледж нам- родимый дом.
Учёба, песни, спорт - в почёте.

Успеть, постичь, не прозевать!..
И труд - до устали, до пота...
Что в будущем - не предсказать

БЮРОКРАТ-АРИСТОКРАТ

Уже одиннадцать...

В пижаме
махровой

в зеркало глядит...
У глаз морщинок сито сжалось.
Вчера кутил - неважен вид.
Отвис овальный подбородок,
ушей не видно из-за щёк,
туман в глазах заплывших бродит -
не виден прежний огонёк.
Наплыла тень дремотной скуки,
с похмелья гадко на душе.
... А через дверь несутся стуки.
Вновь мат,
скандал на этаже...

Смотря на лысину, округлость -
язвил себе: «Да, старость, брат...»
И вспомнилась улыбка друга,
слова: «Ах ты, аристократ?!»
И проведя рукой по шеи
и лысине, твердил: «Я нуж
сегодня людям!..
Неужели
я в перестройке не сгожусь?...»
Взял трубку и надменно заму:
«Сейчас я еду в исполком...
Пошли Минфину телеграмму...
А смету -
утвердим потом...»

«БЕРЕЖЁНОГО БОГ БЕРЕЖЁТ...»

Снежком завьюжен день воскресный,
румянец красит щёки всем...
... Шла девочка из магазина,
С батоном в сетке... В куртке зимней...
Смеялась, радовалась снегу
что хлопьями кружил над ней.
Шла мимо школы, где училась
в четвёртом классе...

Издали
навстречу ей микроавтобус
спецслужбы - новенький, цветной
Она с дороги на сугроб
залезла,
встала на обочине,
за ветку тополя держась,
пушистой варежкой слегка.
Вдруг поскользнулась, покатила -
автобус мимо тихо шёл...
Она катилась, цепеня,
себя не в силах тормозить.

Проплыли первые колёса -
она катилась под автобус...

Скольженье всё быстрее, быстрее...
... И зацепились враз косички
и завизжали тормоза...

Она лежит, прижавши руки,
«солдатиком» - красиво так?!
Такие розовые щёчки
и удивлённый ясный взгляд.
... Вот встанет? - нет!..

Алеет струйка
из смятой шапочки, с затылка.
Растёт толпа...
Над ней - отец.
Он на коленях, он целует
то лоб, то руки - плачет он...
Он тычется лицом в сугроб,
слетела шапка, волос в инее -
а может в седине...
Он имя
её твердит, твердит, твердит...
Шофёр с автобуса склонился
над ним...

Рукою по лицу
с ожесточением проводит,
расстегивая жёсткий ворот...
Отец твердит: «О, что скажу я,
о что я матери скажу?!..
А бабушка? - она умрёт,
она не вынесет такое...»
... Да, бабушка? - её я знал.
Души не чая в милой внучке,
старо обрядною была.
Не разрешала и прогулок:
(Какие лыжи там, коньки -
держала днями в заперти).
На горку девочка просилась,
так та ей: «Боже упаси!..».
И повторяла очень часто,
что бережённого, мол,
Бог
убережёт...
Сама молилась
и внучку тайно осеняла...
И в праздник «Отче наш твердила»...
И пела, что Христос воскрес...

БАРЧУК

Год назад друг
получил портфель -
и оклад с довеском премиальных.
Не дела - сплошная канитель,
стрессы, срывы планов поквартальных.
Только он ни чуть не похудел,
едет к проходной на час позднее,
к вечеру спешит - куда хотел:
то в райком, а то на «ассамблею».
На обед домой он всякий раз
Приезжает - джип стоит часами.
Пообедав, спит - то «мёртвый час»,
уезжает с красными глазами...

В пятницу с утра весёлый шум
в кабинете - сборы на охоту...
Облсовпроф на проводе и ГУМ...
И с обеда в путь -

 долой заботы!
... Над поляной запахи вина
и звенят стаканы то и дело.
Голова туманами полна
и гудит в хмелю большое тело!
.. В понедельник можно отдохнуть,
но во вторник вновь на юбилее-
редкий день

 чтоб горькой не хлебнуть.
Тяжко так...

 Никто не пожалеет.
Есть за что? -
 вчера второй инфаркт!..

Увезли на «Скорой»...
-Вот работа!?.
Быть в начальстве нелегко -
 то факт. -

Почитай в газетах горький опыт.
Пишут: пост высокий захватил,
в кресло сел –
стал злостным бюрократором...
Всю родню, знакомых одарил -
в завершение вышел в казнокрады.
Я же не такой,

 совсем не «Хват»:
на пирушку- деньги из зарплаты,
нет машин, не испытал инфаркт...
Для знакомых многих,
 я – приятель...

ЧИНОВНИК

Ах, парадокс:
больной кручусь
в делах до поздней ночи.
За справкой не иду к врачу,
Таюсь - но кто-то хочет.
Меня ославить и прижать
небрежно так, под ноготь...
Начальник зол - ему начхать
на состраданье чье-то.
Быть бескорыстны в доброту
ему претит тщеславье.
Он видит всех лишь в черноте
и душу многим травит.
Насилье, почесть - сильным властью.
Он - бог, его боятся...
Жестокость обожает власть
чтоб в кресле удержаться.

* * *

Да, весна та давно отшумела
и с собою тебя унесла...
На песчаной косе нежно-белой
лишь ненужный обломок весла.

Я и прав,
и жестоко наказан,
ну а ты
предпочла славный плен,
где тебя ждут достаток и связи,
как толстовскую куклу –
Элен
Жаль, не выгреб я против течения,
закружило меня, унесло,
и в насмешку -
не в утешенье
речка выбросила весло!

ДЕКАБРИСТЫ

Нет! Совсем не ирония,
и не злая судьба.

Вы – живая история!

Вы – народа борьба!

Не таежно-тревожную
хлипкую глухомань,
слышу песню острожную
в предрассветную рань.
Ваши муки измерены,
вашей доблести рад!
Над Тобольском сиреневым
вырос солнечный град!
И приходит из памяти
Кюхельбекер больной,
из метельной той замятии
Ершов –

 сказкой живой!

Также строен Рылеев,
молод Пущин – во век
вам Тобольск – мавзолеем
над разливами рек.

* * *

Иду послушать Магомаева,
опаздываю на концерт...
Десятки женщин рядом маются
с мольбой одной: «Билет?...»
Концертный зал с афишей яркой,
милиции наряд...
И это нудное: «Пожалуйста,
продайте?...» - все твердят.
Как милостыню, подавание
собирает милый пол...
И вспомнил давнее раскаянье
когда с концерта я ушёл.
Актёр пел про поля и колос,
ну, а точнее - про «колосок».
Свой выхолащивая голос,
хрипел- и петь

 уже не мог...

Я вспомнил...

 Сразу стало душно,
билет девчонке отдаю,
Ведь та - в слезах...

А мне так скучно,
 когда «великие» поют,
по пять концертов день дают?!

* * *

Идут маневры НАТО -
свинцовый льётся град.
Свежи и нагловаты
шеренги, чётки ряд...
Чеканя шаг подковами,
танкетками гремя,
вытаптывают снова
оглохшие поля!
Под залпы смертоносные,
сквозь гарь и жуткий смрад
всплывают крестоносные
знамёна бундестага.
И «першлинги» сурово
нацелены в зенит,
в любой момент готовые
весь мир испепелить!
Под свастикой - жар бреда
коричневой чумы...
Эсесовский последыш
вновь целится из тьмы.
Доколе это будет
на горестной земле,
забыли разве люди
о пепле и золе?!Текли кроваво реки,
от слёз полны моря...
И до сих пор калеки
протезами скрипят!..
... Идут маневры НАТО-
свинцовый льётся град.
И снова наглогато
звереет чей-то взгляд.

ИЮНЬ, ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО

Щебет птичий приветлив
 в открытом окне.
Фонари незаметно
 исчезают во мгле.
Утро двадцать второго...
 Цветущий мир!
Только снова так строго
речь несётся в эфир!
Горьким чувством наполнен
от трагических слов...
Обожгла память - вспомнил
ужас дальних годов.
Июнь - двадцать второго,
сорок первый год!
Утро смешано с кровью,
дым встаёт до высот.
Крики страха и боли -
кружится воронье!..

Ах, доколе, доколе
будешь жечь забытьё?!
... Гомон птичьего лета
в открытом окне-
память тридцатилетняя
с сердцем наедине

ИДУ В ПОЛЯХ

Лежат снега по всей России,
звенят ветра в тугую нить!
Но странно- мне поля пустые
сильнее хочется любить!
Я помню нивы на закате-
их поют тёплые дожди...
Давно хлеба густые сжаты
и только вьюги впереди..
... Иду в полях, где всё знакомо-
берёзки в нежном серебре!
А скирда золотой соломы
мерцает солнцем в декабре!
Мне санный след,
 как песня детства -
забытой сказки волшебство!
Хоть сани с полозом железным
стальное тащит существо...
Лежат снега по всей России,
звенят ветра в тугую нить.
... Иду в полях, где мы босыми
учились Родину любить!

НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Иней выбелил окошко на заре,
погасил мороз последнюю звезду...
Ждал письмо твоё под праздник в ноябре...
Вот – декабрь к концу,
 и снова жду.
А ты молчишь,
 а ты затеряна вдали,
мне очень холодно
 на краешке земли.
Вокруг снега и под ногами - льды,
но холодней в сто раз
 молчаньем ты...
... Затопится «буржуйка»,
растает хризантемы
и растекутся слёзно на стекле.
Озябший и уставший,
вернувшись после смены,
опять не отогреюсь я в тепле...
Опять, опять на утренней заре
приснишься мне
 без всякой недомолвки -
Я жду письмо в метельном декабре
и наряжаю крохотную ёлку».
«Будь моей Снегурочкой!!»
 - мысленно прошу я...
«Будь моею гостьей!..» - умоляю я...
А в ответ за окнами
 вьюга лишь бушует,
завывает нудно, памятью дразня...

* * *

И как пуля, уже на излёте -
бессильно меняющей путь,
я уставший однажды, измотанный
захочу ли от цели свернуть.
Изменюсь ли бесповоротно,
позабыв о своей мечте?!.
.. А пока, сжавшись зло и плотно,
сердца стук тороплю в суете!..

ПАРОДИЯ

Пародия? - как лезвие,
врачующее нас!..
Во все века в поэзии
снимаешь блеск прикрас.
Люблю тебя, пародия
за искренность в словах.
А где ты похоронена -
быть солнцу в облаках!
Пародия - ирония...
Боюсь душевных ран
от тьмы потусторонней,
от не живых румян...
Пародия в поэзии -
те желчные слова
порою всем полезны
когда в них жизнь права.
Пародия- ирония
бичуй, рождая искры!
Во всём нужна гармония
и точный, верный выстрел!
Пародия в поэзии
не смех, не помело...
Обоюдным лезвием
искореняет зло.

* * *

И сегодня немало тех юношей,
что идут по следам подлецов:
в драке кто, кто на тряпки клюнувши -
позорят имя отцов!..
В закоулочках тёмных, по паркам
расползлась эта мразь среди людей,
и обходят, боясь её, парни -
те, кто в двое, быть может, сильнее!
Не в проулке - центральной площадью,
на клумбы небрежно сплюнувши,
идут, посмеиваясь в пошлости,
модно одетые юноши.
«Супер крутые», блатные -
в крестиках, бритоголовые,
с татуировкой,
хмельные -
нигилисты...
На всё готовые.
Такие, пока, на всё наше плюют,
заграничных «правд» собиратели?
Такие, потом, в смертельном бою
за спинами встанут предателем!

* * *

Изба, обычная изба,
в ней столько ребятишек!
Бежит весёлая гурьба,
кто меньше - без штаншек.
И как один, все босяком!
Кричат, на прутьях скачут,
гоняются за гусаком,
играют в рванный мячик...
Не бедность - есть же башмаки,
мяч новый...

По старинке
мелькают пятак пятаки -
лишь пыль под хворостинкой!..
Сижу на брёвнышке, смотрю -
я вырос сам напротив,
всерьёз сынишке говорю:
«Чего ты нос воротишь?
Снимай скорее башмаки
и жми к ним, горожанин.
Пусть лучше всех твои штаны,
но ты с родни им, парень.
Ну, не стесняй, жми скорей
по пыли раскалённой,
и больше гриппом не болей -
деревней исцелённый!..

ОТПУСК В ИЮЛЕ

Июль выращивает травы,
птенцов, рыбёшек и зверят!..
Всё для людей - не для потравы,
поляна ягод, гроздь опять!..
Над полем в радостном паренье
взлетает птенчик на крыло...
- Клубника красная в горенье...
- Над речкой чисто и светло!
Всё к солнцу тянется до срока.
За месяц сын окреп, подрост!
Порозовел июльским соком.
... Ещё б недельку -
вот вопрос?

МОРСКИЕ МИРАЖИ

Индианка, красным бантом
схвачен локон -
жгуч, как смоль...
Мне б конягу Росинанта
и к мечте твоей пароль?!.
И отправится в пустыню,
в джунгли - к чёрту на рога?
И шепчу твоё я имя,
но в душе моей - снега!
Верно, им уж не растаять
и весной не засверкать...
Нежность Северного края
не смогу в душе предать.
И на море, здесь в тумане,
между небом и водой -
я другим уже не стану,
не пойду вслед за тобой.

... Над палаткой островерхой,
так похожей на вигвам,
не посветит светом верным
вновь звезда на счастье нам!..
Что же делать? Отзвучали
те полночные слова.
Ни любви и ни печали -
лишь кружится голова.
Только профиль индианки
да смолистый блеск волос...
- Словно роль комедиантки
мне увидеть довелось.

В ТРАНЗИТНОМ

Вчера сияла даль весны -
Поволжье в солнце ликовало...
Пока я спал и видел сны -
колёсами отгрохотала.
Урал в окне... Летят снега,
берёзки мёрзнут белой стаей.
И лишь у пней видна слегка
трава да луночки проталин.
В Сибири встретят холода?
Иные ветры повстречают?!
Гремят навстречу поезда -
о чём же я печалюсь?
Вновь вспоминаю первый снег
в родных полях, в сырую осень...
Ложится, как под белый мех,
в зелёных искрах моя озимь!..
Теперь же еду от весны...
Пошли подряд хребты Урала,
Снегами все занесены,
рогаты, как маралы!..
Остались позади ручьи,
и там грачи у гнёзд собрались...
А здесь - под снегом кедрачи
а в поле - пятнышки проталин.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Завешаны зелёным хмелем окна
и облепила дремлет у ворот...
От зноя день затих...
Светлы волокна
прозрачных облаков- в них высь поёт.
В них - жаворонка голосок беспечный,
и оклик журавлиный с грустью вечной.

ИМЕТЬ ЛИЦО

Цель юных - самоутвержденье!
И первые твои шаги
в безбрежный путь
есть наслажденье
от встреч, пожатия руки.
С годами путь труднее, горше...
Я манной с неба не хватал,
светлея в праздник,
в будни- горбясь,
своё без устали искал.
Я собирал себя по крохам,

читать науки в лес бежал,
и слыша тяжкий пульс эпохи,
себя спартанцем воспитал!
Закончил институт и долго
преподавал, учил себя,
и презирая в людях подлость,
усвоил:

«жизнь - во всём борьба!».

И видя горечь предрассудков,
а рядом правды торжество,
осознавал свои поступки,
предназначение своё!..
Теперь в осеннем поле грустном
снег первый, озимь и жнивье
в моей груди рождает чувство
Любви! - и нет сильней её...
Да, были взлёты и везенье,
но радости прошедших дней
не разогнали всех сомнений
в душе бунтующей моей!
А мне сегодня пятьдесят!
Сплю в закутке на раскладушке
и утру каждому я рад,
и ненавижу равнодушных.
Считаю главным из достоинств
иметь лицо, живую страсть,
чтоб в дни побед, не успокоясь,
Звезду высокую искать!

ПОД НОВЫЙ ГОД

И сам я вылеплен из снега -
метель,. круговорот.
Не знаю: с неба или в небо
вихрь прёт!!
Как хорошо бы затеряться,
в метель уплыть,
Совсем не нужно притворяться
кого-нибудь любить!
Да, чистота вокруг такая,
такая белизна!
Никто не лжёт, не потекает
на пошлость - жизнь ясна.
Вся жизнь сошлась в едином миге -
светись метель!..
А прошлое как в скучной книге
за тридевять земель.
Уйти б, забыться одичало,
себя не ворошить
несбывшимся...
Ведь жизнь сначала не повторить!
... Ресницы, брови - в искрах снега,
сплошной круговорот...
Таким я, светлым, сроду не был..
Ах, как метёт!!.

* * *

И не знаю я, и не ведаю...
В моём городе, светлом городе
ходит девушка очень гордая,
никому она не обещена,

- в чём-то девушка,
в чём -то женщина.
И не знаю я, и не ведаю
что давно её я преследую.
Ходит девушка чьей- то улицей,
бабки шепчут вслед:
«Ну, и умница!
День работает, вечер - учится,
во всём городе
она лучшая..».
Но не знаю я и не ведаю
где причёска та, цвета медного.
Прядь волос её словно в пламени,
парни вслед глядят
ей без памяти.
И пугают их глаза чёрные,
и слывет она - непокорною.
И не знаю я и не ведаю
Что зовут её парни вредною.
На щеке у ней звездой родинка,
будто счастье ей одной отдано.
В цветном платье майским городом
идёт девушка моя гордая.
Нет ни адреса
и не имени...
- Как же встретиться
мне с любимую?!

* * *

Лес грибной - моё дивное царство!
Всё корзины полны- домой!..
Вот и дом.
Пёсик с лаем азартным
в ноги тычется головой
Рыжий кот на крыльце потянулся -
в два прыжка на забор - и исчез.
Краснозобый петух встрепенулся
и нахохлился сразу весь.
Проплыла по ограде тень коршуна,
проскрипела телега вдали...
Вышла мать,
и сказала, поморщившись:
«Духота, надо б грядки полить...»
Я сижу у крылечка на лавочке:
отпускник, не побрит, раздет...
И ногами босыми радуюсь
теплоте детских радужных лет.

* * *

Литые ладони плуга
врезаются мягко в стерню...
Мгновенье -
пласт чёрный, упругий
отсвечивает зарю.

В кустах ещё снег тает
а воздух разит теплотой...
И с криком гусей вереница
на Север летит надо мной...

* * *

Февраль... холодные снега
в малиновом закате.
Два облачные пирога
с начинкой розовой.
Там, к горизонту прислонясь,
дымит деревня в трубы...
Там мать, с клюкою наклонясь
разравнивает угли
Лист в масле, чёрный, жестяной
с большими пирогами
вплывает в печь...
Тот праздник мой
за дальними годами..
По карточкам военкомат
муки пшеничной выдал.
Конец войны...
Из всех наград
одну я эту видел.
Американский целлофан
с наклейкою красивой
хранил как память, я - пацан.
Те дни поныне живы.
... Искрят холодные снега
в малиновом закате...
Два пышных, сдобных пирога
от жара розоваты!

* * *

Иду дорогою лесною -
закат разбрызган по листве
прозрачной вязью золотою...
И ясно в близкой синеве!
- Загорелась, загорелась
первая звезда,
наклонилась, осветила
давние года -
там стрелы белых молний.
там голубые волны,
гудящие протяжно провода!..
... Стоит берёза у развилка -
корява белая кора,
но в каждой трещинке, как в жилке,
живёт мальчишечья пора.
- Загорелась, загорелась
первая звезда.
возвратились самолёты,
возвратились поезда.
И нет милее края,
где детство возвращая,
на время забываем города!
Иду тропинкой луговою -
закат разбрызган по листве.
забытой сказкой золотою...

Встают рассветы в синеве.
- Загорелась, загорелась
первая звезда,

Наклонилась, осветила
давние года -
там стрелы белых молний,
там голубые волны...
Гудящие протяжно провода!

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Снова бегут за окошком вагонным
нивы, холмы,
голубая река...

Роща с деревней - у крайнего дома
луг начинается...

Вижу стога.

Люди, как пчелы, с утра копошатся
на огородах, а кто - во дворе.
А по шоссе друг за дружкой мчатся,
в гонке машины, как в детской игре...
Долго смотрю из окна я вагона,
как на экране - пейзаж незнакомый.

ЖИВЁМ ОДНАЖДЫ

Я - независим! Так должно -
останусь прежним.
Кажусь наивным?!..
Всё равно
в мечтах железный!
И мне начхать на весь абсурд
и кривотолки.
Общественный не страшен суд
в насмешках колких.
И сплетни слышу за спиной,
и желчь и бредни...
Но наплевать: я гордый, злой-
из могикан последний.
Дилеммы нету:

«Быть не быть?!» -

живём однажды...

И новый день
спешу дарить
себе, как праздник!

* * *

Луг отавою высокой
под ноги бежит...

Вот и согра,
- в кочках мокрых

плотный куст стоит.

- Здравствуй,
ягода-смородина!..
Раздвигаю тихо куст -
и она качнула гроздьями,
сладчайшая на вкус!..

Я предельно осторожно
руки развожу -
с черным жемчугом горошин
ветки на весу!

Влажный куст - еще в истоме
и росой блестит -
отсвет утренний,

знакомый

на листках дрожит!

Дышат,
терпко дышат ветки -
белый пар внутри!..

Мир таинственный,

заветный

в капельках горит!

* * *

Луна

высвечивает возле ряма
поляну, что безлика и пуста.

Палатку ставим...

Весело,

упрямо

горит костер у стылого куста.

Туман с болота

сыростью доносит,

с деревьев осыпается листва...

Трещит костер,

валежника подбросив,

готовим ужин -

праздничны слова!..

ОЗИМЬ

Бушуют снежные метели
в моих задумчивых краях,
повсюду белые постели
в холодных стелются полях!

И, словно покоря осень,

весенним пламенем горя,

зеленая,

в росинках, озимь

под снегом залегла не зря.

Средь листопада,

черных пашен,

средь засыхающих лугов

она в сто раз казалась краше

да и дороже

всех цветов...

Я вспоминаю ее часто,

лишь за окном завьюжит снег -

она, как обещанье счастья,

которое храню от всех.

Храню, но с грустью понимаю,

что ей не в силах я помочь,

когда метель шальная, злая

в полях свирепствует всю ночь...

Я одного хочу:

с тобою

прожить до вьюжной седины

и сохранить в душе с любовью

зеленый уголок весны.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

СЕЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ, ЗАГАДОЧНЫЕ ВЫСИ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел восемнадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

СЕЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ, ЗАГАДОЧНЫЕ ВЫСИ

* * *

И плачет, сгорбившись старушка,
рассыпавшая в грязь крупу...
В руке костлявой пляшет кружка -
я замираю набегу!..
Шла от соседей, поскользнулась
(часы с кукушкой отнесла) -
и вот взамен ни с чем вернулась.
Полкружки грязи наскребла...
И долго плачет...

В грязной кружке.
тоскливый плавится закат,
а на лице моём веснушки,
как от стыда горят, горят...
На утро в солнечном рассвете
мы-пацаны, брели в полях.
и на жнивье уже прогреетом,
искали зёрна в колосках.
А в полдень,
возвратившись с братом,
старушке зёрна отнесли-
она заплакала обратно:
«Ах, что вы -

Боже вас спаси?!..»

ОКРУЖАЮЩАЯ ЭКОЛОГИЯ

Да, сыплет мир открытьями,
покоя не даёт:

в космос не хотите ли
на новый луноход?..
За миллион, за два ли,
и чёрт тебе не брат.
Всесильный бог едва ли
жизнь повернёт назад?
Где зной палил пустыню-
там плещутся моря,
где вечный лёд был синий -
цветут сады не зря.
Гигантскими дымами
завод встал до небес
и звёздными огнями
в ночи играет ГЭС...
Как в сказках злые духи
наперекор идут,
так в жизни зло, разруха
нам мстят за глупый труд!
Ведь новыми морями
мы губим сотни рек,
без влаги умирает
цветущий раньше век?!
Земля покрыта ранами
оврагов, всяких ям -
болезнями и ранами
грозит Природа нам!
А мы всё смотрим слепо
лишь в высь да в небеса...
Сквер городской - нелепость,
в пыли цветёт Краса.

САМОСУДСТВО

И я был совестью судим
своею...

Много раз
я каялся, что был чужим
в душе своей подчас.
Я клялся по-иному жить:
не тратить дней в гульбе.
И уваженье заслужить
большим трудом к себе.
Но я не думал о друзьях,
о тех, кто был в беде -
не помогал во всех делах
ни дому, ни тебе.
Не понимал: а кто он - вор,
бродяга, хулиган?!
Зачем жестокий приговор
выносим тем, кто пьян?..
Не знал:
что все виновны – мы,
за пьянство, за разврат.
Среди вселенской кутерьмы
забыл, кому я рад!
Теперь мне стыдно самому
за тот самообман
прошедших дней...
И не пойму -
а что же значу сам?..
Что толку в том, что я судим
собою много раз,
ведь я не смог сказать другим:
«Не оступись и раз!..»

НАЧАЛО «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Иду я по улице тёмной, безлюдной...
И встречный с опаской ныряет в подъезд.
Не знаю:
какой через месяц жизнь будет,
что скажет
Российский парламентский съезд?..
Зачем же ты, власть.
диким нравам потрафила,
за благом амнистий -
разгул, озорство!..
Отпетые самые, сгрудились в мафии,
Творят произвол,
беззаконие, зло.
Россия и раньше слыла словоблудием -
То бунт... то пожары... то выстрел в царя.
Арапы, казаки и вольные люди
сверкали глазами в темень не зря!
И ныне шумят разудалые ветры
полями России, нам души пьяня...
Восходит заря долгожданная, светлая -
горячие головы вольным дразня.
Свободу народам! -
Благие порывы,
покуда ведь жизнь
ещё к нам не добра...
Но всё же на лицах
улыбка открылась,
забыв о тюремном,
жестоким «Вчера?!»

«ПЕРЕСТРОЙКА» В ДЕЛЕ

В городе душном
и грязном посёлке
понурые лица повсюду видны...
Разорвана жизнь на частицы и дольки
Когда-то огромной, единой страны.
Ушли, восвоясь, латыши и эстонцы,
в Молдавии флаг уж другой...
И всё же Россия под призрачным солнцем
считает их прежнюю общей семьей.
И общие платит долги инвалютой,
и кормит до ста министерств...
Но вот по окраинам вспыхнули смуты
разбоев, погромов и зверств.
Доколе!..
Доколе твориться разгулу,
раздору великих племён?!
Уж смотрит в меня оружейное дуло...
- Не мой ли там дом подожжён?
Беру в свои руки невольно оружие
и с болью смотрю за окно,
где чёрные тени ночами кружат...
... Не спиться,
- что нам суждено?!

* * *

Без суеты и шума
берусь за труд с душой,
и радостным раздумьем
наполнен час любой!
То мастерю оконце
с весёлою резьбой -
и в нём искрится солнце
полдннюю порой.
К соседям нет упрёка,
превозмогая тлен,
я верю в недалёкий
благословенный день
Когда светло и гордо,
наветов не боясь,
скажу : «Нет выше долга -
чем с отчим краем связь!»

ПРАЗДНИЧНЫЙ ДОКЛАД

Ты, Кириллович, давай
слова- то выговаривай,
что не знаешь - не болтай,
зуб не заговаривай.
Говоришь: в разрухе мы,
рытвины, голдобины...
Тянем сани средь зимы
За одну оглоблину?!
Голова твоя, как пень,
- в общем, Головёшкин.
Наводи тень на плетень,
похлопаем в ладошки.
Ну, а в общем- то, давай,
с праздничком... И далее...
Только меру знай и край-
привет супруге Гале – и...

* * *

*Выпил мужчина с подростком,
мужчину отдали под суд...
(Из газеты «Известия»)*

Сижу в ресторане я чинно,
мне долго обед не несут.
Напротив усатый дядя
деньгами безбожно сорит,
девчущка хмельная рядом.
- ей лет, так шестнадцать на вид.
Рекою шампанское льётся -
щурит он томно глаза,
хитёр, ясно мне, заберётся
в цветочник на ночь коза.
Точней, не коза, а козёл-
вернее шакалице серый.
Поди, вот дурёху нашёл...
А девочка, в что она верит?..
У входа сержант и швейцар,
они наблюдают порядок...
Мне девочку бедную жаль,
хлебнувшую хмельную радость?!

МЕЛЬНИЧНОЕ ОЗЕРО

В блюдце озера, серебряное -
пала ранняя звезда.
Одинокая, сиреневая
осветила мне года.
Осветила горечь давнюю,
невесёлый блеск озёр,
где и до сих пор я плаваю -
голодраный фантазёр!..
Здесь в войну шумела мельница,
- рядом примитивный ток.
Молотили хлеб...

Не верится
как народ-
то делать смог!..
И ладонью растираю я
поседевшие виски,
по крупице собираю
даты...

вёсны... колоски...
Колоски - ценою в золото,
в талом поле, у межи...
Выплыл месяц. Стало холодно.
Тишь вокруг...
... И – ни души.

НА ЧЕРНОМОРЬЕ

В гранитный причал бьёт прибой
и летят брызги роем на рельсы...
Солнце жжёт...
Небосвод тетивой
натянулся:
он жёлт, перегрелся.
Поезда сумашедше гремят
и проносятся с пляжами рядом,
теплоходы за мысом дымя,
манят вдаль заскучавшие взгляды!..

Я слежу за бесстрашным стрижом,
что преследует хищного ворона...
Самолёт с белым дымным хвостом
удалился в морскую сторону...
Я лежу и скольжу в забвении
по волне, как отглаженный камушек...
На виске в жилке струйка крови:
«Звень да звень!..» -
Возвращает мне память.
Жизнь песком между пальцев течёт...
- «Баловень, время праздно уходит!
Загораю? - а дел столько ждёт!..
Что мне пляж,
моря синь, пароходик?!»

* * *

Транзитный поезд
На волжских плёсах - благодать!..
Плывёт в протоки заливные
армада лодок - там, видать
и Стенька Разин с рулевыми!
Напоминаем бурлаков,
что жили здесь на самом деле,
толпа раздетых чудачков
верёвкой тянет катер с мелей.
А там, на самой быстрине,
красавец-теплоход блистая,
гудит призывно...

Словно мне
круиз волшебный обещает!
Он - стар, и может утонуть,
но этого никто не знает...
Вот мост,
и дрожь в окне чуть-чуть,
внизу течёт вода шальная...
Колёса по мосту стучат
и поезд отражён волною,
пролёты чередой летят назад...
И скрылись над рекою.
Мелькнули слева острова
как пароходики смешные.
И снова берега канва
где на шоссе - разъезд с машиной.
Пошли леса. Глаза разят
весенней первою листвою...
... А вот посёлок: избы в ряд...
Вот стадо гонят к водопою.
Поля, луга - опять поля.
И Волга-матушка в помине...
Прикрыл глаза - в лицо пылят
лучами плёсы заливные!

* * *

В дрожь бросает, лишь подумаю
как теперь ты перед сном -
в доме старом и пустом,
смотришься в окошко лунное.
Мать болела... Много лет
провела ты у постели.

Мать ушла...
И лунный свет
на полу дорожку стелет.
Столько было женихов,
но ждала чего-то лучшего...
От задумчивых стихов,
от луны - в окошке лучики...
Днями - люди и работа,
Ночью - звёзды с позолотой...
Лишь когда взойдёт луна,
чувствуешь: ты не одна.

* * *

Прошли года... И мы чужими
столкнулись в улице родной.
Здесь с детских лет с тобой дружили
за школьной партою одной.
А вечерами с дискотеки
не раз гуляли до рассвета...
... И встреча - вновь лицом к лицу...
Иду я к твоему крыльцу.

* * *

Нет! Не могу я улыбаться,
поддакивать, словцом хитрить...
С работой лучше распрощаться,
чем так начальству угодить.
И отстоять святое - «Я»
среди соблазнов бытия.

* * *

Вновь душу с телом отдаю
то- дьяволу, то - Иисусу!?
Но на своём всегда стою
и не ищу друзей по вкусу.
... Где «радость - боль»,
где «свет и тьма»
подскажем мне судьба сама.

* * *

Слава с бесславием - рядом.
Не лучше ли быть в тени.
Осыпаются звёзды градом -
в неведомый мир загляни.
Слава - не вечность земная,
она, словно факел, сгорает.

* * *

В куржаке сплошном березы
смотрят в синие снега - затаенны,
осторожны
зимней жизни берега!
Зябко дремлет куст над речкой
в белой шапке набекрень,
прорубь светится колечком
и парит дымком весь день!

В небе дымчатом, безликом
в полдень солнца не сыскать,
оттого, наверно, дико
хочется и мне скучать!
Слышу дальний скрип полозьев,
храп коня, веселый лай!
Стало к вечеру морозней -
ворот шубы поднимай!
Вот вдали закат лиловый
засветился в облаках,
снегири горят багрово
за оградой, на стогах!
Пролетает мелкий иней,
застревает на сосне...
И качает сумрак длинный
ветки в долгом полусне.
Тихо в воздухе морозном,
месяц наострил рога...
Опечаленно березы
смотрят в стылые снега.

* * *

Отпуск мой небольшой
в сказочную страну,
в детстве здесь красоте я дивился...
Речка Оша - ручей
(высох он, стал «ничей».)
Луг в далёких годах растворился.
Вот знакомый увал... деревушка...
но в ней
 пять домов (поразъехались люди).
Пёс у дома, где нет
 ни окон, ни дверей,
он скулит - тощий - словно Иуда.
А в берёзовой роще враждебная тишь:
 где же птички, зайчишки, сорока?..
Память детская -
где ты, чего же молчишь -
помнишь весны с берёзовым соком?
Немота...
У реки скотный двор, как скелет,
даже крышу - и ту растащили...
Где бурёнки
(давно их в коровниках нет).
Где же люди, что раньше здесь жили?..
В хлебном поле
(в нём раньше плескался ячмень
словно море) – сплошные бурьяны...
И в глазах моих меркнет
 нерадостный день,
и деревья качаются пьяно.
И бреду вдоль реки...
- Где я, сон ли то, явь?
Пёс хромой увязался за мною
смотрит слёзно в глаза
и скулит: «Тяв да тяв...»
О, мой край,
 что случилось с тобою?!

НА СТАРИЦЕ ИРТЫША

Встретил здесь вчера апрель
с лебединой стаей,
и скворцов весёлых, трель
неслась, не уставая.
А сегодня лишь взошло
солнышко над лесом -
густо снегом понесло
с высоты небесной.
Вижу: к солнцу прёт метель,
тучки дымом вьются,
черти тянут в карусель
солнечное блюдце!..
На поляны и луга,
на подснежник первый
сыплет светляки пурга -
мне щекочет нервы.
...Долго снег летел, кружил,
ослепляя дали...
Так апрель наворожил
новые печали.
Час-другой прошёл... И, вдруг,
солнышко пробилось,
раздвигая в тучах круг -
ярко засветилось.

* * *

В небе распахнутом - синь, глубина!
Пахнет так резко полынью...
Полюшко-поле, родна сторона:
клич журавлиный, былинный...
тихая рощица светлых берёз
берегу дарит прохладу,
вновь ветерок запах мяты принёс
с луга, а луг - вот он, рядом...
Божья краса,
ты во всем мне видна,
в зелень упал - и хмелею...
Божья коровка, очнувшись от сна,
крылья раскрыла, как фея!
И с рукава моего - Фить - в полёт!..
Кузнечик над ухом стрекочет...
А жаворонок всё выше поёт...
Его разглядеть - нет уж мочи!

* * *

Забуду о сладостном лете...
Я больше тобой не любим...
Лист жёлтый срывается с веток -
до боли я родственен с ним.

* * *

Смешки витают за спиною,
мне в след глаза твои горят...
Перед тобой какой виною
за раз стал нынче виноват?!
За что - не знаю, но прости...

* * *

Прихватывает иней ночь,
белеют ветки на рассвете.
Сомнений мне не превозмочь,
не нахожу ни чём ответа...
Ты - далеко,
за звёздной далью,
закутанной ночной печалью...

* * *

Ты обвиняешь - я молчу,
растерян я и огорошен...
Но внутренне, в душе, кричу...
Пришёл домой,
как гость непрошенный.

* * *

Майский день освежила гроза,
светлым ливнем полила лес, травы.
Синь небес наполняет глаза...
Шепчет бабка:
«О, Боже, ты правый.
Дал нам дождичек на урожай.
Соберу ягод внукам на пай...»

* * *

Зелёным ковриком весна
слегка поляну принакрыла..
Стройна берёзка - как княжна,
что ножкой в луг ступила.
Зовут на бой тетерева
и в парах бьются на поляне,
вверх распуская веера хвостов.
В бровях - багрянец!
В озёрах розовый закат
расплескан резвой рыбой.
И чайки радостно галдят-
в сетях богата прибыль.
В кустах малиновка звенит
натянутой струёю...
Вороны важной, глупый вид
над юною сосною...
Вот коршун медленно плывёт
над луговым простором...
Враз сложит крылья, упадёт -
и стихнут птичьи хоры.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Не спится мне. Пальто одел
и вышел на мороз...
Небес безжизненный предел
мерцает в свете звёзд.
Снежинки, словно светляки,
мелькают в тусклом свете,
а фонари, как пауки,
их собирают в сети.

Плывут седые облака
через ущербный месяц...
- тоска, холодная тоска
на всём безбожьем свете!
Пустынна улица...
Сквер пуст,
следы все замело...
Лишь под ногами мёрзлый хруст
скребёт, знобит на зло!
Чего минуты эти стоят?! -
иду вдаль – в никуда!..
Вверху с понятною тоскою
надрывно стонут провода.

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА

Заметает поземка следы,
сыплет морок на лунку мукою,
и вода, наподобье слюды,
застывает,
покрывшись шугою!
Но, «шумовкою»
сбросив ледок,
плавно дергаю тонкую леску,
подсекаю,

тащу поводок –
окунь выброшен
с яростным плеском!
На искрящемся,
мягком снежке,
красно-синий рассвет излучая,
бьется рыба,
на миг ошалев –
плавниками лучи отражая...
Возвращаются свет и тепло,
Возвращается теплое лето!
Что-то детское
в душу вошло,
и сижу,
этим чудом согретый!
И синеют таинственно льды,
гранью радуг света
под водою...
Пар над лункою –
памяти дым!
...Вновь вода застывает слюдою.

ЗАБРАЛИ...

Из гаража добирались домой
пожилые солидные дяди...
В галстуках строгих и все с сединой,
при шляпах -
ну как – при параде.
И надо ж прорехе случиться такой:
из авоськи бутылка пивная
упала, разбилась на мостовой -
оказия вышла такая!?

Милиции бойкий патруль тут как тут,
- на лицо! – признаки опьянения:
«Почто так напились, куда все идут? -
и просят дать объяснение.
Толкаются...
Дядя один, вдруг, упал?..
«В вырезвитель скорее везите!..» -
Какой-то прохожий сержанту кричал...
Ну, а дяди: «Постой... Погодите!...»
Пустой разговор, газанул «Воронок»
и вихрем помчал в вырезвитель...
А оставшимся дядям сержант дал намёк:
«... Отпущу, только штраф заплатите.
По сотне с троих,

и тикай по домам,
а не то - в вырезвитель вас тоже!?.»
Чтоб весомость придать словам,
кулаком одному сунул в рожу.
Но всё изменилось, как в сказочном сне:
один дядя, достав депутатский мандат,
сержанта берёт за ворот: «Ты, мне
ответишь за всё дегенерат...
Тебя бы, героя, в Афганистан,
мы, трезвые, пили лишь пиво.
Того увезли, он с инфарктом, болван -
звони в вырезвитель живо!»

* * *

Закат лиловый потонул
на дне озерной глади,
а месяц сверху протянул
дорожку светлой пряди!..
Из темной всплыли глубины
огням звезды разом!..
Среди царящей тишины
я думаю о разном!..
Лодчонка старая моя
скользит...
- И капли с весел,

срываясь,
тоненько звенят
и в сердце грусть заносят.
Камыш, склонившись тяжело,
спит мирно над водою.
- Так что меня
сюда влекло
дорогой дорогою?!
Доверчивая благодать
целительных просторов,
где ждет престаренькая мать
за выцветшею шторой?..
Иль этот голубой покой
под кваканье лягушек
и птицы странный крик
ночной,
что содрогает душу?!..

Вновь за кормой бежит волна,
почти что на заметна,
как годы,
как Судьба сама
- лишь гребень тихо светит!
А месяц ткёт из серебра
ковёр дорожки длинной –
и плыть по ней мне до утра
в край сказочный,
былинный.

ЗАПРЕТ НА СТЕРЛЯДЬ

В старину здесь, давным-давно
Ермаку подавали уху стерляжью,
а теперь Иртышом проплывает дерьмо
и мазут спины голые мажет...
Есть пока щука, мелкий чебак...
Окунь средний идёт на мормышку.
Есть налим, - это местный рыбак
знает с детства не понаслышке.
Бороздят катера речки гладь
и инспектор недремлющим оком
смотрит в темень,
стараясь поймать
браконьера за тем поворотом.
Не рыбак я, но знающий толк
в рыбной ловле, слежу с возмущеньем
как сетей распускается шёлк
с катера, широко по теченью.
То бригада у всех на виду
для блатных и столовой Обкома,
тянет невод - и в ней на беду
самый старейший рыбак - мой знакомый.
У него удручающий вид,
ведь в лицо говорят ему дома:
что- халуй, потерявший он стыд.
и преступник от Облисполкома...

ЗЕМЛЯТРЕСЕНИЕ

В Армении опять землетрясение
и с гор грохочет мощный камнепад...
Когда ж в умах наступит просветление
и армянин поймёт:
он - друг мне, брат.
Азербайджанцы, будьте милосердны
и ближнему не ставьте боль в вино.
На этом свете все равны мы, смертны -
как не понять ту истину одну?
Нет, родственная месть нас не отравит
и червь сомненья душу пощадит...
Когда же мы в святой воде Арагвы
излечим от недугов гордый стыд?
О, прадедов могилы в Карабахе -
не омрачайте солнечный простор!
И пусть внучата в ситцевых рубахах
сменяются, дружат - позабыв раздор!..

О, волны Каспия, от бед седые,
вершин Кавказа - пики древних гор -
зачем храните распри вековые,
зачем вам кровь,

проклятья и позор!?

О, сколь могил теперь в Ленинокане
и сколь крови в горах тех пролилось -
так неужели мы глухи, как камни,
и правде в сердце места не нашлось!?
... В Армении опять землетрясение,
но тише, реже страшные толчки...
И наступает утро просветлением -
и мать над сыном счастлива почти.

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА...

Здравствуй мама! - за окнами праздник,
Майский... Ночь...

Я сижу у окна...

Цвет черёмухи что-то не радуется...
- Как живёшь там, в деревне, одна?
Вижу поле мне с детства родное,
синь... берёзовый окаём...
Никакое тепло мне другое
не заменит родительский дом!
Люди странные-

в отпуск стремятся:

кто - на юг, кто - на Запад в круиз.
Копят деньги и охают: «Братцы,
столько справок надо и виз?..»
Возвращаются: тряпки, рассказы,
впечатлений на целую жизнь.
Впрочем, многое так, для показа,
в назиданье другим: «Не гордись!..»
Не жалею, что каждое лето
лишь в деревне твоей я гощу,
и твоею улыбкой согретый -
на невзгоды судьбы не ропщу.
... Скоро отпуск – и будут со мною:
двор...цыплята... и солнечный луг.
И мосточек - трамплин над рекою!
И тепло твоих старческих рук.

НА ВОСХОДЕ

Звенит у тальника коса:

- Жиг!.. Жиг!

- Отавы блеск!..

Пчела на маковку цветка
присела... ремлет лес...
Молчат в тени перепела,
молчит берёз листва...
И лишь коса переплела
мелодией слова!..

ЗОРИ В ЛУЖАХ...

В майских лужах звёзды кружат -
и сомкнулись две зари...

- Радость, что кому-то нужен,
а кому - не расскажи.

Запах терпкий над пригорком,
смех из чуткой тишины...

Возвращаюсь я с вечерки
из заречной стороны.

Белый пар плывёт над речкой,
коростели дальний крик...

Как заветное колечко
кажет месяц яркий лик.

Хорошо, когда - семнадцать!

Когда главное - «Хочу!»

С миром хочется обняться -
все желанья по-плечу.

Когда звёзды - только звёзды,
а не чья-нибудь судьба.

- Ещё нету слова: «Поздно!?!»,
не страшит ещё борьба.

* * *

Звенят неистово цикады,
на небе светел Млечный Путь...

Ночь медленная, без прохлады,
наваливается на грудь!

Спят омичи - мои соседи,

и, одеяла разметав

они во сне неслышно бредят

про край родной раздольных трав

...Турбаза, камень побережья,

медуз береговой припай.

Я вспоминаю дом свой нежно,

нетронутый туризмом край.

Мой край лесной, глухой, озерный,

птиц стоголосый перезвон,

где дышится светло, просторно,

где воздух медом напоен...

Всю ночь я слышу тихий рокот -

то море о причал стучит,

а пред глазами черный локон

туристки юной из Читы!

И локон схвачен красной лентой:

разочарованно, без сна,

давно уж ждет того момента,

когда домой взлетит она!

Она грустит и безутешно мне говорит:

«Была мечта о море ласковом и нежном,
приехала и - пустота...»

* * *

Заря все дальше уходила,

и я решил идти за ней...

Прохладно озеро дымилось,

поднялись сумерки с полей!

За лесом яркою полоской

горела неба полоса...

Я шел и шел...

Зернисто,
броско
ложилась под ноги роса!
На мокрых сапогах зеркальных
мерцали капельки звездой,
напоминая отсвет дальний
костра,
оставленного мной!..
Вначале шел я по колено
во тьме...
Потом уже по грудь!..
Сгущались, вырастали тени –
и призрачным казался путь.
И потонул я весь во мраке –
заря сошла почти на нет...
- Кто знает,
где зимуют раки
и где зари ночует свет?!

* * *

Зачем спешил за тыщу вёрст,
когда тебя нет дома.
- Я одиночеством промёрз
там, в городах огромных...
И непонятно: рад - не рад.
Вхожу, гляжу на стены,
и слышу в сердце перепад,
мрачнеею постепенно.
Пуста квартира, пол скрипуч -
навстречу не спешишь!?
Жара... И солнца яркий луч
в окне...
И пыльно... Тишь...
Зачем спешил за тыщи вёрст
весь в помыслах о доме.
Зачем! Зачем? - стучит вопрос.
- Не хочется к знакомым.
На юге ты, хоть вышел срок
и прилететь должна ...
«Не ревновать!» - я дал зарок,
но как ты мне нужна!

В РЕСТОРАНЕ «ОМСК»

За окном догорает заря
погружаясь в холодный Иртыш...
Откровенен вечерний наряд,
взглядом цепким за залом следишь
Как сова за добычей ночной,
устремляешь глаза к пьяным лицам.
Рюмка выпита... Вялой рукой
ковыряешь остывший шницель.
Бледность щёк, стылость плеч,
синь у глаз -
там, в зрачках, серый пепел пожаров...
Вспоминаешь ли первый свой вальс
и мальчишку, к которому жалась?

Или не было танцев, ребят-
сразу пьяные ночи, мужчины.
А такие, как ты, нарасхват...
Как же было? ... Какие причины?...
Подошёл лейтенант, пьяный вид...
Мат... плевки... и небрежно садится...
... Догорела заря, Иртыш спит.
В пальцах длинных окурков дымится.

УШЕДШЕЕ ЛЕТО

Зацелованное небо
зорькой, ждёт рассвета...
Стынет в полудрёмной неге
Луг... Туманы светят...
Узкой речки блеск литой.
Дальние зарницы..
- Всё мерцает предо мной,
всё как будь-то снится.
И роса лицо мне жжёт,
по кюветам льдинки...
Журавлиный перелёт.
Скирды на заимке.
Как же лето я любил!
Сколько зорь в нём скрыто...
- может завтра, что есть сил,
дождь прольёт сквозь сито.

* * *

Загораются вечером поздним
повсюду яркие звёзды,
и фонари, словно звёзды,
снега - миллионами звёзд...
Ничего, что крепчают морозы,
любить никогда не поздно,
возвращаются давние вёсны
даже в самый сильный мороз.
... Луна расцвела в подорожник,
путь млечный метелью звенит,
иду по нему осторожно
без всяких сомнений, обид.
Вдыхаю я воздух морозный,
ласкаю в глазах твоих звёзды -
и большего счастья мне нет...
Я будь-то родился на свет.

ЗАГАДКА - ОТГАДКА

Словно царь - блестит короной!..
Ясным солнцем светится!..
В огороде, на кордоне
можете с ним встретиться!..
Для животных- хлеб желанный,
Пчёлам - дорог мёдом...
Но не этим, как ни странно,
любит в народе...
Как и всё, в час увяданья
поздним, зрелым летом

осыпается в преданье
желтоватым цветом.
Кто-то снимет покрывало
из ворсинок ватных,
что до времени скрывало
зёрен ряд зубчатый!
Раскусив, вы в них найдёте
дар земли и солнца...
Как, теперь вы узнаете!?
- Точно! Он - подсолнух!!.

* * *

За окном реактивный гром
сотрясает земную душу...
По соседству с семейством живём
где всю ночь, напролёт,

водку глушат

Дети, ясно, не по годам
взрослеют, смотря потаённо
на враждующих пап и мам -
вечно пьяных и отчуждённых.
Как же можно тепло обрести,
если часто теряются папы
или мамы уходят...

Среди темноты
одинокчество- страшная плата.
Нынче в моде развод!

узаконен развод!...

И смотрю я с тоской на соседей:
сын взрослея, уже по подвалам пьёт,
ну а дочка - «подворотная леди».

* * *

За окошком сгущается чёрная ночь,
звёздочки в небе зарделись!..
Обнимает ночь негритянскую дочь
Анджилио Девис.
Кто-то зловеще сомкнул темноту,
гасит живые звуки...
Девис ведут за глухую черту -
в наручниках руки!
В небе просторном факел горит
статуи гордой «Свобода» -
он воплотил в себе алость зари,
обещая надежды народам!?.
Варвары!
Грязные янки, скоты -
вам мало жизней Вьетнама?
... Закат догорел, головёшкой остыл -
провалилась Америка в яму.

ЗВЕЗДОЙ АЛЕЕТ

Знай, тусы никогда не тонут,
в пожарах также не горят,
им безразличны чьи-то стоны...
Они по ямам прячут зад!.

Я знал:
в войну один плюгавый,
спасавший шкуру дезертир,
прожил пять лет в гнилом подвале,
потом ослеп - увидев мир!..
Все тусы - мелкие букашки,
всё лезут в трещины свои.
У них девиз: «Своя рубашка!»...
А там хоть целый свет стори.
... Опять читаю я в газете:
«Погиб, спасая... как герой...»
- И чей-то взгляд уже не светит,
накрыт могильною плитой.
Иду зелёною аллеей -
синеет майски высота,
среди цветов звездой алеет
мемориальная плита!..

СОЗРЕВАНИЕ ПШЕНИЦЫ

Скатилась с неба колесница
звездой... А грома – нет.
Тепло в полях. Хлеб колосится -
не от него – ли молний свет?!

ЗАРНИЦА

На небе звёздном нету туч,
но снова, рядом,

близко

над полем пролетает луч
большой зарницы.
Стою в догадке: ведь звезда
Сорвавшись вниз, стремится
лишь по прямой...
Зато всегда зигзагами летит зарница!
Да, у звезды полёт прямой!..
И не-до-уме-ваю...
Седой качаю головой,
Со-об-ра-жаю..
Быть может молния - она?
А может, вдруг, жар-птица...
А может Бог иль Сатана,
что мчат на колеснице!?.
Смеюсь себе... и рядом звон
колосьев налитых пшеницы...
Вновь ослепляя небосклон
летит ко мне зарница!..

* * *

Забыл и ничего не знаю:
ни долгих жим, ни тяжких лет...
Вновь, как мальчишка, я встречаю
скворчат, влетающих в рассвет.
Стрижи со стрекотом и свистом
проносятся над головой.
Там, над обрывом, речки чистой
как соты в ульях - гнёзд их рой!..

Я редкий гость здесь - грешен, каюсь:
«Работа, город, духота?»
- Иду, и руки простираю,
стою у каждого куста.
Над чехардою луговой-
кто изменяя мне, предавал,
кто провожал улыбкой злою -
не помню всех... Позабывал.
В полях рассветных растворяюсь -
в траве, цветах, во ржи густой!
И незаметно наполняюсь
душевым светом, чистотой!
Под лепет листьев, под жужжанье
пчелы, на маковке цветка -
проснулись светлые желанья,
где были боль и пустота.
... И в сумерках лишь возвращаюсь,
туманом освежив лицо.
К заботам сельским приобщаясь,
сажусь на шумное крыльцо.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Дворцовая площадь пуста,
от Невы темнота надвинулась.
Ограда железная - та черта,
за которую прошлое сгнуло!
Я вижу семнадцатый год:
ряды атакующих вздыблены,
разрывы... строчит пулемёт
у ворот, на засове погибельном.
Ах, вот он, каков засов,
веками державший народы?!..
Вверх, по иглам железных усов
матросы штурмуют ворота!
Кровью алой железо обдав,
в решётку вцепились смертельно.
Засов на воротах сорвав-
матрос разрывает столетье!
В настезь, распахнутые навсегда,
влились атакующих крики!..
- Стою, а вокруг - немота...
Дремлет дворец многоликий...

* * *

Не свободны мы в выборе счастья,
бледный месяц за шторой отцвёл...
Хорошо бы на зорьке умчаться
в степь раздольную, дальше от сёл.
У костра, словно солнышко малого,
с резким ветром, пахучей травой
в меня снова надежды пожалуют
вера в то, что душой я - живой!
И ковыль и поющие травы,
и сурки, что свистят вдоль дорог -
целомудренно вылечат раны
и избавят от лишних тревог.

И наивным, никчёмным предстанут
чья-то жадность, слава и власть...
- Как последний степной могиканец
что просторов свободную страсть!

ПОЛЕНЬЯ

За скоблённым в избу порогом,
снимаю костюм свой строгий.
Одеваю простую рубашку
с воротом - на распашку.
Во дворе с колуном тяжёлым
начинаю азартно игру.
Поленья летят со звоном
Трещат - я над ними в поклоне,
мне занятие по нутру.
Ошалели лопатки, вспотели,
выдыхаю с ударом: «Ах!..»
Хорошо показать на деле
свою удаль и страсть - нараспах.
Расслоившись на две половинки,
поленья грудой лежат.
светятся из нутрии, словно льдинки.
Их в поленницы ложит мой брат..

* * *

«Здорово, друг!» -
ладонью заскоружлой
он жмёт ладонь мне -
пальцы аж в комок!..
Смеётся... шутит...
Говорит что нужно
уйти.
- «Поговорим потом, дружок...»
В промасленной спецовке, сапожищах
спешит в июльской чёртовской жаре...
В сетчатке я, в ботиночках начищенных
- как белая ворона на дворе.
Ты прав, не прав? -
пускай рассудит время -
механизатор знатный на селе...
Я, видишь ли, попал в другое стремя -
не знаю, удержусь ли вот в седле!?
«Бездельник! Лодырь!» - говорили в школе
тебе... И даже грустно вспоминать,
как переписывал мои контрольные,
как рвал со зла потом свою тетрадь...
Бездельник - а теперь, смотри, «хозяин»,
«Механизатор! - бог родных полей»...
И жизнь не хуже, чем другие, знаешь,
и понимаешь смысл судьбы своей.
А что же я:
закончил институт,
Метался, мыкал- многое повидел,
Но приезжая, понимал лишь тут -
Что не «хозяин» я,
а так - сожитель.

* * *

Здесь, где лохматые сосны
баюкают в снах тишину,
в одежде ещё не просохшей,
я по-мертвецки засну.
Будут медведи мне сниться
и рой мошкары на тропе...
С утренней первой зарницей
на мгновение вернусь к тебе
Нежно тебя обнимая
в сотый, наверное раз,
даже во сне понимаю -
как далека ты сейчас!

СМЫСЛ ЖИЗНИ

За перевалом- перевал,
за высотой - высота!...
Да, жизнь твоя тогда права,
когда в ней есть мечта!
Познал ты жизни тайной смысл -
и для других его открыл.

* * *

Август ткёт золотистую пряжу,
погружаясь дремотно в теплынь...
Я берёзку корявую глажу
в налетевшей тоске паутин.
По-над речкой туманы колдуют,
расцветает в полнеба луна...
И скучая, медлительно жду я:
прозвенит ли во мне тишина?!
О желаньях заветных не споря,
растворяюсь, почти невесом...
... Не смолкают комбайнов моторы
на полях, прозвеневших зерном.
В свете фар, к элеваторам дальним
мчатся точки далёких машин...
И сижу я у стога, печален,
с трудной думой один на один.
Люди трудятся дённо и ночью
за штурвалом комбайнов в ночах.
- Я ж в безверии глупом, порочном
мучаюсь в безысходных стихах!?

* * *

Бледно-синий дымок вечерами
над деревней, где крики и лай.
Где над крышами сонно замер
темноватого леса край.
На сгорающей светлой полоске
темный профиль отдельных вершин.
С красотой этой тихой, неброской
мы расстаться с тобой не спешим.
Деревенский уют и потехи
в доме матери старой моей...

В отпуск снова сюда я приехал
и не думал встретить друзей.
А оно вышло так вот негаданно -
встретился закадычный друг...
Столько тайн вместе было загадано
и забыто -

и на тебе, вдруг...

И сидим мы, притихшие оба,
и хотя нам за тридцать лет,
отыскать по- мальчишески пробуем
в небе звёздочки нашей след.
Млечный путь потускнел... её - нету,
той, которая нам ворожила
дальний путь и чужую планету...
... Нет звезды!?

Но как прошло живо!..

БЕССОНИЦА

Над озером - огромная луна,
поблескивают лодки на приколе.
Вокруг кусты, камыш и - тишина...
Я слышу лай собачий в дальнем поле.
Костёр погас.
С надрывами храпит
напарник мой, уставший на болоте...
Луна так низко над водой висит-
видны мне камышинки с позолотой.

БАЛКА

Под горой течёт речушка,
в тальнике - запруда.
Голос маленькой пичужки
слышится оттуда.
Осторожно вниз спускаюсь
и прохладой наслаждаюсь...

* * *

Болотный осенний туман
укрывает притихшую речку...
Сенокосный дырявый стан
приютил меня в этот вечер...
В речке плещется рыба в сетях...
а сквозь щели вверху -
отсвет звёздный!.

В нём - мечты о неизвестных мирах
и о счастье моём невозможном.

ПУТЬ МОЙ

Легли жестоко складки
прищуренных глазниц -
и слёзы в них украдкой,
как пули из бойниц.
Плывёт дымком без выстрелов
залысин седина.
В пол-жизни путь мой выстрадан -
трагедия видна.

Сомнения болью ранят,
всё чаще устаю...
И непонятно, странно,
в себе я восстаю!
Развёрзнуты пределы
и неба и земли...
Да, мало мною сделано,
что там не говори.
Пол неба надо мною,
по мира за спиной -
одно мгновенье стоит
надежды вековой?!

БРАКОНЬЕР

Дробь серпом ударила по шеи-
вслед раздался лебединый крик.
Гладь озёрная пятном белела
и немел охотника язык.
В сумерках казалось: это гусь,
пролетает низко над водою.
Выстрел...
И теперь вползает грусть
в душу, с неожиданной бедою.
Воровски подплыл он,
тихо в лодку
затащил красавца-кликуну...
В камыше, допив бутылку водки,
до утра ворочался без сна.

* * *
В белом бездорожье
словно луч - лыжня...
Кто-то осторожно
смотрит на меня...
кто-то слышит чутко
каждый шаг мой, вздох...
И на сердце смутно
встал переполох.
... Я качусь на лыжах
лесом не спеша,
и снежинки лижутся,
звёздами шурша.
Утро над поляной
выкатило шар -
пал на снег багряный
негреющий пожар.
Я остановился
к солнышку лицом -
то, чем я дивился,
увиделось кругом:
вон снегирь, как яблоко...
в ветках - птичек скок...
Вот сорока-ябеда
трещит наискосок!
Все следят внимательно:
что же я, за гость?
- Завтра обязательно
возьму пшена хоть горсть.

* * *
На охоте чутьё не теряю,
день и ночь по тропинке иду...
Я сноровки звериные знаю
и в счастливую верю звезду.
Смел и в силе -
покуда я молод,
мне по нраву злой ветер и холод...

* * *
Теряю время, дружбы, деньги -
смертельно к ночи устаю...
Хоть до гола меня разденьте -
я на своём всегда стою...
Ведь верую себя храню!

* * *
Февраль колоч...
Свистят метели
и стелют на полях снега.
Позёмки нынче ошалели -
сравнили речки берега.
До крыши выросли сугробы,
и как колодезь,
в речке прорубь.

* * *
Заснеженный лес
Комья снега!..
Грозди счастья
с веток светят здесь и там...
Осыпаются, лучатся -
сеют вихрь по головам.
Лыжный след мы пробиваем,
в снег по пояс утопаем...

* * *
Зимний лес наряжен...
Всюду
вылеплены звери-чудо:
это - зайчик над пеньком,
это - рысь перед прыжком!?
В ветках виден лось сохатый,
с гривой снежной и рогатый...
Словно в сказке я брожу
и зверей всех нахожу...

* * *
Ночной лес
Ночь развесила снежные шторы,
иней выбелил ветки осин.
Тишина...
Лишь причудливый шорох
проплывает меж тёмных вершин.

* * *

Пламя рыжее бьётся в камине
и трещат потихоньку дрова...
Вспоминается профиль и имя:
слышу в печке живые слова!..

* * *

Снова судьбы и годы смешались...
Что жалеть?!
 Неуёмна тоска...
У любви нет конца и начала,
звездный свет вновь горит с висока.
Вечен мир!..
Жизнь во всё бесконечна
у души, с верою человечьей!..

* * *

Гонит из дома в ночь охота:
мчит машина на Север, в глушь...
Всё забыто: семья и работа,
на стекле смотровом брызги луж.
Где-то город, кирпичные зданья,
- ну, а здесь,
 вдоль дороги леса
чуть сверкают листовой увяданья...
и бескрайняя синь в небесах.
Мир открытый плывёт в позолоте,
страсть старинная тянет к охоте.

* * *

В моих мозгах темно, как в яме,
но голова не спит-гудит...
В извилинах сокрыта память -
от глупой жизни, словно щит.
Хандра порою в сердце, скука-
сошлись в нём боль, печаль, разлука...

* * *

В эту ночь предосеннюю,
 стылую
на охоте под стогом сажу...
Пахнет мятой
и теплыми ливнями,
листья падают по выражу.
Шелестит мышь то ближе,
то дальше...
Мелкий дождь переходит в туман...
О тебе я не думал так раньше:
ты со мною,
 ты – мой талисман!

В ГЛУБИНКЕ

Во ржи расцвел овсюг... Вдоль
леса медуницы
встают и манят мой с утра голо-
дный взгляд.

Избушечка в лесу одним глазком
глядится,
и лодки сиротливые у камыша стоят.
Налево – солончак,
и ковыли лавиной
качаются, плывут, как облака,
а солнце прячет в согре яркий
хвост павлиний...
И лай собачий, тихий,
бежит издалека.

ВЕСЕННИЕ ЗАБОТЫ

Литые ладони плуга
врезаются мягко в стерню.
В мгновение – пласт чёрный,
упругий –
высвечивает зарю...
В кустах ещё снег тается,
а сеялки встали уж в ряд...
В небе синем гусей вереницы
на Север, к гнездовьям спешат!..

ЗАГАДКА - ОТГАДКА

Словно царь – блестит короной!..
Ясным солнцем светится!..
В огороде, на кордоне
можете с ним встретиться!..
Для животных – хлеб желанный,
пчёлам – дорог мёдом...
Но не этим, как ни странно,
любится в народе...
Как и всё, в час увяданья
поздним, зрелым летом
осыпается в преданье
желтоватым цветом.
Кто-то снимет покрывало
из ворсинок ватных,
что до времени скрывало
зёрен ряд зубчатый!
Раскусив, вы в них найдёте
дар земли и солнца...
Как, теперь вы узнаете!?
– Точно! Он – подсолнух!!

* * *

Нам лица жизнь избородила
следами тяжкими морщин...
О, сколько мыслей,
 чувств скопилось
в их тайниках
 на дне глубин!
Секут нас беды,
 суховеи,
метелей раскаленный снег.
А пуще - те, кто в нас посеял
вражду
в нелегкий этот век!

Повсюду рэкет,
вор,
убийца
- им мафия –
родная мать!..
Вожди и партии,
вам снится
лишь трон,
на прочее –
плевать!
А мне –
что до зимы колючей,
до мафии
и всех вождей?!.
- Собрал ружье на всякий случай
и жду последних новостей!

НА МЕЛЬНИЧНОМ ОЗЕРЕ

В блюдце озера
серебряное
пала ранняя звезда
и над веточкой сиреневой
осветила мне года.
Осветила горечь давнюю
и рассветный блеск озер,
где мальчишкою я плаваю –
голодранец-фантазер!
Вижу мельницу крылатую,
скрип телеги,
храп быков...
Весь в муке,
с башкой лохматою-
мой дружок поверх мешков...
Вновь ладонью растираю я
поседевшие виски,
по крупицам собираются
даты,
весны,
колоски...
Колоски -
ценою в золото,
в талом поле, у межи...
- Выплыл месяц,
стало холодно,
тишь вокруг,
и ни души.

* * *

И вот уж лето на исходе
и разговоры о погоде,
и день и ночь гремит страда,
и медленней бредут стада...
Я – отпускник,
мне осень в радость.
Ружье, рюкзак – айда в леса!..
Смотрю на синий плёс с отрадой
и улыбаюсь в небеса!
В лучах зари шиповник жарко
блестит,
как раскаленный дождь!..
К березке тоненькой прижался
и слушаю Вселенной дрожь!..
Вверху плывет:
«Кур-лы, кур-лы»...
И мыши шелестят меж листьев,
и столько света,
синевы!..
И все отчетливее мысли!
И жжет меня опять тоска
о днях,
потерянных напрасно,
и клич прощальный свысока
летит ко мне мечтой неясной?!.
Вот красный лист
скользнул с осины:
«Так в чем я прав,
а в чем повинен?!..»
Лес тих –
он золотом оправлен.
Я думаю о самом главном...

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ДАЧНЫЕ ВЕЧЕРА, ОДИНОЧЕСТВО

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел девятнадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя

ДАЧНЫЕ ВЕЧЕРА, ОДИНОЧЕСТВО

ДАЧНЫЙ ДОМИК

Построил маленький домик дачный
без наличников, флюгера, прочей резьбы.
Балкон навесной приспособил удачно
и сделал чердак для своей детворы.
И выложил печку с коленцем, с плитой...
Веранда вся в стёклах лучится с утра...
И осенью жду жену с ребяtnёю -
когда же приедут дары собирать?!
... Весной же семейство

лишь по воскресеньям -
немного побудут, и сразу домой...
Я ж вечером тихим, цветущим, весенним
один-одишоенок, как домовый.

Цвет яблонь
фатой белоснежной колышет
и запах пьянит в незакатной заре,
тюльпаны алеют...
И тополь над крышей
листвою лепечет в весёлой игре.
Калитки на озеро полуоткрыты
и я выхожу раз за разом с ведром,
и чистым песком, с белизною отмытой,
опять посыпаю дорожки кругом.
Виктория грядками, слева и справа,
с высокой травой и влажной листвою
уже зацветает...

И пчёлы оравой
проносятся весело над головой.
Прекрасны мгновенья
майских рассветов -
земля пробуждается, тайны верша...
И мучаюсь радостью я безответной,
и часто в смятенье томится душа!!

БАНЯ «ИНКОГНИТО»

(шуточная баллада)

Из бетонных обломков и свай,
что валялись в крапиве за городом,
я построил не просто сарай -
а строенье довольно просторное.
Стены рейками плотно обил
пообжёт их паяльною лампою,
и широкий полог смастерил,
сложил каменку с плиткой зеркальною.
А предбанник фанерой обшил,
дверь навесил, а цвет их зелёный.
Но не сразу я печь затопил -
долго думал тоской охмурённый.
Моя баня на даче была
запрещённой советским законом.
и труба «словно сажа бела» -
из железа с загибом калёным.

В потолок я не вывел её,
вставил в стенку,
с откосом в крапиву...

Затопил, - и сверкнула огнём
печка жаркая, словно на диво!
Через час мужики с ближних дач
на полке и кряхтели, и ахали!..
Долго парились, пили первач,
вытирая со лба пот рубахами.
А на утро комиссия -

враз,
в дом ко мне: протоколы госстраха...
Но собрали соседи за час
мне две сотни в уплаты за штрафы.
И сказали, что деньги - зола,
раз в полмесяца стоит помыться...
- Вот что банные значат дела,
и с того хочется материться!

БЛЕСК В ГЛАЗАХ

Моих - искорки взрыва...
В сердце стиснутом яростный звон...
Я прижат на краю обрыва
и теснят меня с трёх сторон.
А четвёртая - пропасть,
иного нет...
В лицо, от фонариков, свет.
У бандюг разве есть что святое?
Как мне быть,
что придумать в ответ!?
«Рискануть?» -
может в этом есть выход:
через пропасть и огненный ад!
«Выжить! Выжить!» - зовёт меня лихость.
«Прыгану!» - я соломинке рад.

НА ДАЧЕ ВОЕНКОМА

Женщина, уже не молодая,
кофточку небрежно распахнув,
по песку идёт к воде босая -
стайку рыбок тенью отпугнув.
Озерцо невзрачное «с ладошку»,
с камышом зелёным посреди...
Женщина бросает хлеба крошки -
по воде расходятся круги.
Жёлтенькие, дикие утята
подплывают, щиплют ловко хлеб...
Солнце красит воду слеповато.
окна дачи шурются на свет.
Женщина чуть в воду заступает,
гладь прозрачна, словно из слюды...
Блики солнца голени ласкают
брызгами янтарной чистоты!
Что ей озеро напоминает?
- Дачный воздух свеж и незнаком -
может быть курорты вспоминает
или море в прошлом, дорогом?!

Или дымку дальнего заката
с музыкой, букетами цветов -
с офицером молодым...
И платьем, подвенечным...
в сказке тех годов!!

МНЕ ДАРОВАНА ПРИРОДА

Роса... И ночь сошла «на нет».
Сгорают звёзды неохотно.
Июльский, розовый рассвет
как Айвазовского полотна!..
И небосвода океан,
в нём облака, как волны-глыбы...
Всплывает солнце... И туман
в лугах ложится плёнкой зыбкой.
... Иду вдоль берега реки,
вода, как кровь, густеет красно -
остались отблески зари
на глади светлой и прекрасной.
Вдыхаю свежесть я взахлёб -
не мне ль дарована природа?..
На жизнь – напраслину, поклёп,
услышишь только от уroda.
А я - нормальный человек,
мне красота земли понятна,
тем более в двадцатый век,
когда на солнце ищут пятна...
... На сапогах блестит роса,
щеки коснулась ветка влажно...
Обрыв... Песчаная коса...
На ней кулик гуляет важно.
Вот он застыл... как пика - клюв.
Речной люблюсь красотой...
- И утра шорохи ловлю,
и разговор веду с собою...

ДАЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Дед выложил печку с коленцем, плитой...
- Веранда вся в стёклах - лучится с утра!
И жду я к обеду жену с ребетнёю -
когда же приедут дары собирать?!
Семейство бывает по воскресеньям,
немного побудут - и сразу домой...
... Я вечером тихим, цветущим, весенним
один-одинёшенек, как домовый?!
Цвет яблонь фатой белоснежной колышет
и запах пьянит в незакатной заре,
тюльпаны алеют, и тополь над крышей
листвою лепечет в весёлой игре.
Калитки на озеро полуоткрыты
и я выхожу раз за разом с ведром...
И чистым песком, с белизною отмытой,
опять посыпаю дорожки кругом.
Клубничные грядки слева и справа,
с высокой травой, роскошной листвою
уже зацветают...

И пчёлы оравой
проносятся рядом над головой.

Прекрасны мгновенья весенних рассветов,
земля возрождается, тайны верша...
- И мучаюсь радостью я безответной,
и так одинока в смятенье души!

КРОХОТНОЕ ДЕТСТВО

Ворот расстегнув, в полях иду-
ветерок виски прохладой лижет...
Вот уже деревня на виду,
в ней я,

детство крохотное вижу.

Вижу огородик, в нём ботва,
низкая изба вросла в заваленку,
а над речкой в небе - синева!
... ропкой пробегает мальчик маленький.
Безысходный голод... Крик ворон,
полинялость выцветшего луга.
Ласковый, щемящий небосклон
с догорающей зарёй в полкруга.
Гомон птиц и заячьи прыжки -
дым от выстрела за стогом вьётся...
... Где же вы теперь, мои дружки,
кто сегодня рядом отзовется?!
Щавель, дикий лук и лебеда
- вот моя еда...

Там, посвист бури!..

И беда, тяжёлая беда

похоронкой кружит...

кружит... кружит...

КТО ПРАВИТ МИРОМ

Надменный бос,

лоснящийся от жира,

сидит за управленческим столом,
он через нос посапывает мирно
и дремлет...

Чуб свисает над челом.

А где-то люди в очереди жмутся
за хлебом, за лекарством, молоком
ругаются...

Но босу не проснуться -

он где-то в измерении другом...

Я не люблю заносчивости сытой
у твердолобых, с бычьим хохолком,
вот если окажись бос битым

хоть иногда то знал бы «Что - почём?»...

Вот если боса в очередь к прилавку
прижать плотнее жирным животом-
чтоб постоял пол-дня в жестокой давке,
и похрипел в ней с приоткрытым ртом.

Тогда бы он забыл свою надменность

и, словно рак, попавшийся в беду,

краснея, изменялся б постепенно

у честного народа на виду...

ДАЧА

Домик, как картонный,
неказистый с виду,
гнездышко зелёное -
райская обитель.
Ягодки, цветочки,
лук, редиска, хмель...
Ехать не захочешь
за тридевять земель
Отдыхай, курортник!..
Будь и здесь здорово -
сладостен и горек
дым родных костров!
Ягода-смородина,
с детства ты- моя,
Светишь из невзгодины,
янтарём горя...
Помню лето позднее:
пораздвинешь куст -
и качнуться гроздь
сладчайшие на вкус.

* * *

Дорога уходил а в небо...
взбираясь круто на бугор,
и дальше - за лесистый гребень,
где по утрам стучал топор.
Там на заре, вершины крася,
и травы синего бугра,
вставало солнце:
«Здравствуй! Здравствуй!..»
- встречали гулом трактора.
Внизу, в лугах, текла речушка
пружиня в сгибах свой разбег...
Быки тянули равнодушно
оглобли стареньких телег.
Зерно в мешках томилось силой
ссыпаясь в сеялки, пыли.
И сеялки по полю плыли
за тракторами в дымке дня.
А мы под скрип телег весёлый
на склад спешили за зерном...
А вечером шагали в школу
в голодном том, сорок втором.
Но утром вновь дорога в небо
вела, взбираясь на бугор...
Вставало солнце...
Где б я не был,
всё это вижу до сих пор.

* * *

Вглядись!?! -
Грустит у поворота
берёзы старой, в полдень, тень...
Я вспомнил детство, дом, заботы...
В ограде ивовый плетень...

Ещё в войну выросла берёза...
В дом похоронку принесли...
Сбежал к берёзе...
Лились слёзы...

И я полдня стоял в тени.

* * *

Из города, бедой гонимый,
опять спешу я в край родимый...
В реке пытаюсь расплескать
все горечи и зла напасть...

* * *

В дали, за тридевять земель
звенит, гремит порог Подумский...
Ты осторожен и не смел...
Тот водопад тревожит думы...

* * *

Подслушивать чужую речь
бестактно, глупо, некрасиво...
Конечно, можно кайф извлечь
из болтовни людей счастливых.
Но если в разговоре – боль,
то посочувствовать изволь.

* * *

Кручусь, как белка в колесе.
Как тигр, бросаюсь в круг горящий...
А чаще - мучаюсь как все,
и прячусь в погреб или ящик.

* * *

В дрожь бросает, лишь подумаю
как теперь ты перед сном -
в доме старом и пустом,
смотришься в окошко лунное.
Мать болела... Много лет
провела ты у постели.
Мать ушла...
И лунный свет
на полу дорожку стелет.
Столько было женихов,
но ждала чего-то лучшего...
От задумчивых стихов,
от луны - в окошке лучики...
Днями - люди и работа,
Ночью - звёзды с позолотой...
Лишь когда взойдёт луна,
чувствуешь: ты не одна.

* * *

Прошли года...И мы чужими
столкнулись в улице родной.
Здесь с детских лет с тобой дружили
за школьной партою одной.

А вечерами с дискотеки
не раз гуляли до рассвета...
... И встреча - вновь лицом к лицу...
Иду я к твоему крыльцу.

* * *

Нет! Не могу я улыбаться,
поддакивать, словцом хитрить...
С работой лучше распрощаться,
чем так начальству угодить.
И отстоять святое - «Я»
среди соблазнов бытия.

* * *

Вновь душу с телом отдаю
То - дьяволу, то - Иисусу!?
Но на своём всегда стою
и не ищу друзей по вкусу.
... Где «радость - боль»,
где « свет и тьма»
подскажем мне судьба сама.

* * *

Слава с бесславием - рядом.
Не лучше ли быть в тени.
Осыпаются звёзды градом -
в неведомый мир загляни.
Слава - не вечность земная,
она, словно факел, сгорает.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Пыль...
Прогоркшая трава...
Солнце жарит вволю.
Рощиц тихих острова
разбрелись по полю.
На берёзах жухнет лист,
нудное жужжанье
комарья...
Лишь птичий свист
тешит мирозданье.

ДЕЛОВЫЕ ИГРЫ

Бушуют страсти, слышу крики
и, как ни странно, даже мат...
В аудитории до хрипа
ребята вольно говорят.
Ну, как на производстве, вроде -
«побольше шума, меньше дел...»
То педагог в своей методе
урок особый захотел.
Назначил мастеров, прораба
и вдохновил рабочий класс.
Смущённо девушки - не бабы,
не поднимают ясных глаз.

... Вот снова, словно на уроке,
красив и резок слышен слог -
уже на педсовете строгом
шумит новатор-педагог.
Он - на трибуне, он - взъерошен
и багровея, входит в раж,
кричит: «Вы, пугало гороховое,
Парфуша, рубль за вас не дашь!..
А Вы, Вы праведник с иконы
с фамилией - Серебрянной.
- Вы интригант, Вас по закону
под место заднее, ногой!..
Что взять с Щетинкина, с месткома,
в разъездах Зауч - все они
давно оскоминой - в рот комом -
лишь обещают, чёрт возьми?!
По испохаблены мы модой,
а комсомол бесстрашный где
когда в общаге бьют по морде
за рубль всего -

директор где?!

Дать молодым коллегам волю?
- Но Чучьев - чучело же он!
Признаться, в перестройке школы
сегодня я один силён!..»
... И так он, к сердцу прикасаясь
рукой, всем головы косил.
Себя туда, к воротам рая
повыше в небо возносил.
Сидят почтеннейшие дяди -
его б одёрнуть, упрекнуть,
Но как?
Возможно, дела ради
он словесой решил блеснуть.
Молчу и я, а надо б крикнуть:
«Ты, замолчи, ядрёна мать.
Доколе деловые игры
нам дело будут подменять?
Доколе нам играть с собою
и работающий делать вид,
когда вокруг с такою болью
на нас действительность глядит!..»

ДУМАЯ О ТРАГЕДИИ В БАКУ

Горечь сводок газетных... И строже
мой прищуренный взгляд из-под век...
Не пойму, почему мне дороже
с каждым годом любой человек?!
Разве может зверьё быть влюблённым,
над Баку мразь бесчинствует вновь:
по камням, по кюветам со стонами
поразбрызгана алая кровь.
И дымятся кровавые раны
возле сердца, и боль всё сильнее!
- Смерть, от трупных запахов пьяная,
витаает над жизнью невинных людей.

* * *

Дни предо мною меняют картины
быстрою лентой кино...
Всё предо мною –
 лишь образ единый,
всё лишь- виденье одно!
Тихо иду я по улице длинной:
вечер ли, ночь – не пойму?!
Ветер поёт на дороге пустынной,
плачет в знакомом дому.
Улица стынет и дворников нету
в тёмных подъездах оград -
так осуждённые бродят по свету,
не возвращаясь назад.
Я же? -
ну, в чём виноват пред тобою,
просто устал от всего,
просто иду как и все, за толпою,
счастья не зная своего...
... Дни безвозвратно меняют картины
быстрою лентой кино,
А пред глазами лишь образ единый -
всюду виденье одно!

МАЙСКИЙ РАССВЕТ

Дробясь и звонко рассыпаясь,
сверкая иглами лучей,
рассвет по городу шагая -
сжигает сумерки ночей!
В зелёных улицах, повсюду
на тротуарах, в проходных
идут сплошным потоком люди -
о, сколько молодости в них!
Весна их всех не обделила
и вдохновенно расцвела -
и в тех -, кого жизнь побелила,
и в тех,
 кого в путь позвала...
А день восходит, день грохочет -
зовёт, торопит солнцу вслед.
И я спешу, что есть лишь мочи
в зовущий голубой рассвет

* * *

Дождинки били по стеклу...
Одна с другой сливаясь,
натягивали тетиву-
и вниз, стремглав, срывались...
И исчезали за окном
серебряные стрелы...
Но вот затих уставший гром
и капли отзвенели..
А эта капелька одна,
последняя, слабея
скользит... след тонок - невидна!
- Учись! Шепчу себе я..

- Учись! Хотя и одинок,
люблю я по теченью
попасть в неведомый поток
с наивным убеждением.
Что только так!..
Но жизнь бедна -
ты за бортом у жизни,
тебе любовь к стихам дана -
но ты пока не признан...

* * *

Догорает лес горячей страстью
в мареве последних тёплых дней...
Не хочу я думать о ненастье
Под лучами милых мне очей.
С каждым днём прохладнее рассветы.
Паутины в синеве плывут -
Несказанным, уходящим светом
дали обнажённые зовут.
И вчера ещё живые листья,
вниз сорвавшись, медленно летят -
словно недописанные письма,
словно позабытый чей-то взгляд.
Словно я тебя еще не встретил-
солнце виновато льнёт к лицу.
Грусть моя, ты также безответна
в этом затихающем лесу.
Что-то и во мне перегорело
и смотрю я строже и мудрей,
как осенним солнышком пригрело
завитушки дорогих кудрей!..
В небе птичьи стаи чуть заметны,
бродит в бочках хмельное вино -
но в глазах твоих весенним светом
будущее мне озарено.

* * *

До смешного близка и понятна
жизнь, когда из окна чердака
ты, не видя на солнце пятен,
говоришь: «Ясно всё с высота!?»
Не объездив вселенских окраин,
не взлетев на девятый вал,
тешишь мыслью себя:
«Миром правишь...»
Ну, а мир ты когда-нибудь знал?..
Угол зренья - всему ты виною,
не планетой - квартиркой живём...
Даже звёзды над головою
примелькались ненужным огнём.

НА ПОДОБИЕ КРЕПОСТИ

Ты, мой друг, наподобие крепости:
вот кольчуга, броня, блеск бойниц...
Замурован в себе до нелепости -
вижу я в тебе множество лиц.

Верно, это от тёмного прошлого,
когда люди носили чадру,
маски, шлемы...
Молились над пропастью,
шли на сметную казнь к костру...
Но сегодня с людей покрывало
с маской можно легко снимать,
много больше улыбок стало,
можно утро с надеждой встречать.
Но признаться, по прежнему крепости
строит кто-то из лжи и зла
и уходят в себя до нелепости
от весны...от любви... И тепла.

ДАВНЯЯ ЗИМА

Из дощечек полозья,
на сгибе ремнём
скрепляю старые санки...
Снег пушистый искрит,
улыбается день -
мы на речку спешим спозаранку.
Вот высокой обрыв...
С берега - и на лёд
несёмся в завьюженном вихре...
Опрокинулись санки - белый, как чёрт,
катится на горбушке Дмитрий!
Сашка Губин в стороне
построил трамплин
и надел самодельные лыжи...
Лишь под кручею Петька
трясётся один -
он боится всего, плакса рыжий!
За полдня успеваем расчистить каток...
К валенкам прикрепляю брусочки,
вместо лезвия - проволоки кусок.
Тяп- да тяп.. и готовы конёчки!
Вместо клюшки - загнутая палка, а мяч
шит комочком из разных тряпичек.
... Край на край! - начинаем мы матч,
шапки сняв, раскидав рукавички...
д. Старосолдатка

* * *

Дождь пролил...
десятки радуг
светят в поле... Всюду- грязь...
- «Здравствуй, старая ограда,
что грустишь, встречая нас?
Здравствуй домик!
Здравствуй детство!..
Петушиный, здравствуй крик!..
Дайте в улицы взглядеться -
от деревни я отвык...»
Солнце бьёт лучами в окна...
Голоштанная орда
мчит по лужам... все промокли...

Брызги градом - не беда..
Всё как прежде: луг красивый
и речушки светлый лик...
Плачет на песке крикливый,
потревоженный кулик.
Прохожу вдоль огородов
по тропиночке крутой.
Захотелось, как в те годы,
искупаться под горой.
И подсолнух ярко-рыжий,
речки голубую гладь -
всё, что рядом слышу, вижу,
я готов расцеловать!
Улиц грязь - и та, отрадна!
Край родимый, не кори,
освежи меня прохладой
и любовью напои!

* * *

Стучится дождь по крыше,
в окне рассвет сырой...
У печки мать чуть слышно
ворочает клюкой.
И молится: «Дай, Боже,
не обвалился б как...»
Но не стихает дождик
и с потолка - кап!... кап!
Пласты земли на крыше
Промокли - решето!
Мать молится чуть слышно:
«Ах, Боже мой, за что?...»
... Открыв глаза, смотрю я -
и вправду, как потоп...
Мать вслух опять горюет:
«Намокнет вот - и хлоп!..»
Да, от таких гнилушек
всё можно ожидать.
«Кап!.. Кап!..» - на край подушки.
Не хочется мне спать...
Возьмёт и впрямь обвалится
проклятый потолок...
А капли едко жалятся,
упав мне на висок!

* * *

Дорога ливнями размыта -
мне двадцать вёрст пришлось шагать...
- Как у разбитого корыта,
в дверях избы встречает мать.
Я - отпускник! И даль прекрасна.
Вздыхает мать: «Гляди, сынок,
у всех машины... Ты - при власти,
а вот пешком, как пастушок...»
Ах мама, мама... В самом деле
пора за ум, за руль бы сесть...

... Скворцы над крышей обалдели,
кричат и кружат... - Кто я есть?
Печалиться мне не приспело.
Развёдрило- синеет высь!..
Портфель, машина - в том ли дело?
Успею в люди -

не сердись!

* * *

Да, поэты счастливые люди!
Им лишь ветер да неба простор,
Да дорогу - пусть самую трудную,
и в ночи

где-то ждущий костёр!

Все поэты- наивные люди!
Ни гроша, и ни славы взамен
за труды...

Пусть лишь солнце пребудет!
Сердце пусть не познает измен!..

Да, поэты – отважные люди!
Не страшны им ни гром, ни беда.
Лишь боятся, что душу остудят
за седым перевалом года!..

Я гордился бы званьем поэта,
страсть к стихам

жжёт пожаром в крови!

Но любовь не даёт прав на это.

- Я безвестен...

О, жизнь, отзовись!

* * *

Дымится воздух раскаленный...
Мороз за сорок - прячу нос...
Как в новой, беленькой дублёнке -
мой город куржаком оброс.
Кусты, деревья - в кружевах!
Зима всем дарит по обновке...
- Какие белые серёжки
у той вон, маленькой берёзке,
на загляденье.

Просто - ах!!

- А окна в снежной поволоке,
на стёклах - чудные цветы...
И мнится берег мне далёкий
и милой женщины черты!

* * *

Дождь белой чайкой пролетел...
Грибной и земляничной!..
Лес заблестел, повеселел
от близких криков птичьих.
А серьги-капельки, звеня,
срывались с тонких листьев,
и на дороге колея
ручьём бежала чистым!

Плыл запах трав в моё лицо -
дурманящий и резкий...
Катилось солнце колесом
над дальним перелеском.
Заворожённый, я молчал
в тени большой осины -
а лес мне пел, а лес звучал
оркестром чудной силы!

* * *

Долгий дождь
Час какой - не знаю,
сыплет дождь подряд...
День тоскливо замер,
словно виноват.
Полдень или утро,
вечер ли идёт?..
Сонно, беспробудно
сверху льёт и льёт!
За окном заплаканным
серый город сник,
крышами-заплатами
у земли приник.
Улица безлюдная
речкою плывёт,
и трамвай причудлив -
словно теплоход.

Жизнь повсюду смолкла,
тонет звук любой -
над землёй размокшей
плещется прибой!..
Я стою, прижавшись,
к влажному стеклу -
как порою важно
раздумье одному!

* * *

Дышит речка холодно туманом:
всплеск, круги -

и снова тишь да гладь...

В мае солнце всходит очень рано
новый день в краю моём встречать!
И от снов слегка оцепеневшая,
алая вода блестит в лучах -
будто струйка крови отзвеневшая,
над которой вороны кричат...
А туман молочной пеленою
стелется, ложится на луга -
и коровы, словно его ловят,
лижут травы, опустив рога!..
Как же не додумался я раньше -
от чего же бело молоко?!
- И иду по самому по краешку,
и смеюсь: «Свалюсь, не глубоко...»

* * *

Деревни нет, есть три избы,
полуразрушенных, без окон.
Да два пролёта городьбы
и две берёзки невысоких.
Дымки не тянут в вышину,
не лают у ворот собаки...
Мне хочется теперь заплакать,
когда на это лишь взгляну.
Где улица? – по сторонам
обломки кирпича да ямы.
Но одиноким тополям
так хочется расти упрямо.
Где скотный двор был -
там холмы
грустят, заросшие бурьяном.
Глаза прикрою и из тьмы
вновь прошлое сюда нагрянет..
Собак примчатся голоса
и женский смех ворвётся в ветви....
- Вот всхрап коней там, у леска...
- Вот к солнцу выбегают дети.
Старик усядется в тени
и задымит из самокрутки...
И поздаровуюсь я с ним,
поздравлю с ясным,
добрым утром.

* * *

Да, многие твои стихи
умны, красивы и лихи !..
В них солнце, страсть,
узоры кружев...
Но их простой душе не нужно.
К чему слащавые слова,
коль в думах трудных голова.
Я знаю боль чужую, крик-
когда прикусишь свой язык.
Слова мне раздирают рот!..
- Вот миг, когда душа зовёт,
когда поэзия живёт!

ДОЧЬ

Моя радость - ты, мой колокольчик!..
Вновь встречаешь меня у порога.
Голосок голубее твой, звонче -
когда к небу поднять тебя пробую.
Поднимаю, к себе прижимаю...
Нет на свете счастливей минуты:
снова ручки твои, обнимая
вокруг шеи моей сомкнуты.
... И звенит голосок говорливый,
он для сердца -
как в засуху, ливень!..

* * *

Давно в родной деревне не был
и в поле не встречал зарю...
Вновь в сельском клубе:
Чудо - мебель, картины, люстры.
И смотрю
на танцы-скачки,
Дикий визг!..
... Я плавность музыки приемлю,
другую помню я деревню -
где под гармонику и свист,
чечётку с дробью, трепака
или камаринскую пляшут...
Иль русскую, родную, нашу -
да так,
что звон до потолка.

ВПЕРВЫЕ НА СТЕНДЕ

*«... Ни звука в мире - только сердца стук
Да пенье тетивы
в предчувствии смертельном,
и поднимается зловец луке
охотника Вильгельма Телля.
А сын спокоен, яблоко блестит
в кудряшках головы по-детски гордой...
Нет, никогда не будет он убит
стрелой, звенящей над тропинкой горной...»*

* * *

- Прекрасная легенда!..
Чётко бью
летающие мишени на осколки,
их скорость адскую с трудом ловлю
зарядами охотничьей двустволки!
В висках пульсирует мощнейший стук -
опережая выстрел на мгновенье,
бьёт сердце каплей крови в чёрный круг!
- И лишь затем в ружье воспламенение.
И вот мишень не бьётся в первый раз -
ускальзывает целенькою шельма.
Но, как охотник, верю: в трудный час
я заменю Вильгельма Телля.
Другую жду мишень,
она стремглав
летит от козырька кирпичной будки.
Вновь мушкой, вмести с выстрелом, поймав,
я разбиваю...
И так дальше буду...

ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ

Олимпийские кольца –
цвета всех континентов
вслед за утренним солнцем
кружатся над планетой!
Олимпийские кольца,
вы и – мир, надежда!

Вам, литым,
 не колотья...
В вас и сила,
 и нежность!
Вам веками искриться
и в знаменах сиять!
Будут сильные биться,
чтобы вас прославлять!
Будут мирными залпы,
звон клинков без крови –
и в безоблачном завтра
станет больше любви!
Зажигается факел –
ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ!..
Враждовать странам хватит, –
спор решай стадион!..

ТУРИСТИЧЕСКИЙ КРУИЗ

Беснуясь, сутки отмывал
Москву, дождь проливной...
И город по-утру блистал
разящей красотой!
На тротуарах, площадях
из луж -
 сиянье зорь!
Сверкали крыши, не шадя,
мой восхищённый взор.
Москва- река...
Вот - мавзолей,
Собор, старинный Кремль...
Но нет сегодня красивой
кремлёвских звёзд-
 поверь!!
Я- житель леса и озёр,
таёжной красоты,
берёзки гладил, как сестёр -
им говорил на «Ты»
Зарёй с любого этажа
светили окна вниз...
- Я в первый раз легко дышал
за долгий свой круиз!

СЛУЖБА ОБХС

Что такое ОБХС?..
Для простых смертных -
 это «СС»...
Да, такая вот служба есть -
любой бизнес сможет съесть?!
Представьте: живёт человек,
трудится под солнцем своим...
Как на голову летом - снег,
листик с вызовом -
 страшный, к Ним!..
Как, за что? -
Честью он дорожил
и копейки чужой не брал...

... Человек сразу сжался, застыл -
человечком жалким стал...
Как же быть?..
Что же скажет сосед,
и родные поднимут на смех.
И неважно, что повода нет -
он посмешищем станет для всех.
Да, отпустит ОБХС,
извинится, что вышел пустяк,
но надолго суровая весть
припечатает к совести знак.
- Я там был раз, запомнив навек
как мои попирали права
не эсесовцы, нет -
 не тот век.
Но лепили мне с грязью слова.
Ненавижу безвинный страх,
презираю жестокость всех
и желаю тебе, мой аллах
побывать разик в ОБХС!!

ОСЕННИЙ КРОСС

Лист развеяло с берез
по тропинкам и газонам,
по траве еще зеленой –
и прозрачна даль насквозь!
В парке празднично – красно:
над толпою многоликой
всюду музыка и крики,
транспарантов полотно...
В кедах,
 в майках с номерами
все спешат на общий старт...
Поднят флаг,
 строй четко замер,
в лицах радостный азарт!
Медлят судьи...
 Резко грянул
выстрел!
В длинный коридор,
из флажков цветных,
 поляной
устремилась на простор!
И лавиной,
 вдохновенно,
чуть касаясь мягких трав,
мчатся юноши за тенью
летних
 праздничных забав!
Длинноногие,
 изяцно
растекаясь меж берез,
вновь погонею за счастьем
души вкладывают в кросс!

О ТВОРЧЕСТВЕ

Опять я замкнут, недоволен,
инертен и совсем безволен...
Чем объяснить, как разгадать,
как самого себя понять?!
Какая блажь в меня закралась,
а может- просто я устал?..
- Но, нет!..
Вскипает в сердце ярость
и строчки плаваются в металл.
Лицом светлею - пробуждаюсь
от сна, замкнувшего меня:
любовь и гнев, во мне рождаясь,
плывут, потоками звеня!
И нерешительность, сомненья
сметает вдохновенья бред...
И счастлив в эти я мгновенья -
вновь народившийся на свет!..
За этот миг, за миг единый
на белом свете стоит жить.
Что для других недостижимо -
сейчас смогу я совершить!
Когда же, пережив волненья,
я отхожу, истерзан в сон,
с молитвинным благоговеньем,
я рад, что этим наделён.
Опустошенный и безвольный-
не оттого ли болен я,
не потому ли недоволен -
что мало солнце мне и дня!!

* * *

В берегах вода большая
разлилась по той весне...
Никогда и не узнаешь
как была мила ты мне
Там, в лесу, где цвёл подснежник,
повстречал тебя с другим.
Ветер майский, резкий, свежий
плыл по веточкам тугим.
Я - охотник, повелитель
тайн озёрных и лесных,
разве мог кого обидеть
в царстве солнечном весны?
Лишь качнулась винтовка
на брезентовом ремне,
и кусты сомкнулись плотно -
простоял я в стороне.
Шёл он рядом, улыбался,
ты смеялась,
вся светясь...
Встретить я тебя пытался,
- даже в снах искал тебя.
Не хотел писать я письма
в дальний край, тебе вослед.
Да и друг шутил: «Не кисни,
ангелов на свете нет!»

В САНАТОРИИ

Подходят нестройной колонной
к грязелечебнице дети,
а вокруг шелестит лес зелёный,
солнце весеннее светит.
Птицы трезвонят неистово,
бабочки в клумбах, звон в травах...
Мы все в эти годы воинственно
шумной, весёлой оравой
летели в атаку на прутьях,
рубили бурьян колючий -
как бы хотел вернуть я
эти годы - самые лучшие!..
... Всё ближе подходит колонна,
и вот уже рядышком дети,
не слышится выкриков звонких,
улыбки застенчиво светят.
У одних ручонки, как плети,
другие хромают по-старчески,
только теперь я заметил
как бескровны лица у мальчиков.
Бабушка встала и шепчет:
«Бедные...Притча какая?!»
И тихо белые чепчики
в белых дверях исчезают.
Но взгляды?..
- Как они глазели!..
От него никуда мне не деться.
Не верится так: Неужели
для них отзвучало детство?!

* * *

Вечерний луг уплыл в туман
и лошадей мохнатых гривы
кольшатся то здесь, то там-
и исчезают вмиг пугливо.
Лишь слышен храп и резкий звон
от ботла, и чей-то говор,
утиным криком приглушён
ночной простор за косогором.
Вдали костёр, он ждёт меня,
зовёт в ночное, удалое.
Как оседлать теперь коня,
забыв всё горестное, злое?..
И как в былые времена.
колени сжав на влажном крупе,
скакать лугами допоздна
и нежно гриву в пальцах путать.
... Но медленно встаёт луна
и очертания немые
вдруг оживают - в стременах
там мчатся пацаны другие...

ВЕРЮ

Верил раньше, верю до сих пор
той, которой мне всегда гордиться!..
Перед ложью не потупит взор,
перед правдою не постыдится.

С нею будет вечной синева,
голубей счастливое круженье -
будет опьянённой голова!..
И не будет только униженья

* * *

Брошенный стог, обветшалый
одинёшенек в желтом логу...
Ночь переспал в нём, усталый.
Иду...
И на каждом шагу
слышатся колики в сердце...
Волнуюсь: вдруг боли - всерьёз...
Тетерев глупый токует
в рощице голых берёз.
Птица октябрь по ошибке
перепутала с майской зарёй.
Брачную песню с улыбкой
слушаю...
Ты - предо мной. Чудо!..
- Ты в поле зелёном,
где озимь в весеннем огне!?!..
Давнее чувство влюблённости
тает в груди, в глубине.

БЕГУ Я ПОД ЛИВНЕМ

Радостно мне:
мои пятки - в воде!
По улице жму я под ливнем.
Куда ни помотришь-
ручьями везде
несётся поток с шумом сильным.
А лужи шипят, пузырятся, сопят -
и плещутся аж по колени!..
Вокруг кутерьма -
брызги градом летят.
Деревня в сплошном наводнении.

БАЙКАЛЬСКИЙ ОМУЛЬ

Про байкальский омуль
много ходит баек...
Он красив, изящен..
А во рту - аж тает!
Обитает издавна во льда -
в Ледовитом океане и в морях.
А в Байкале - случай здесь особый -
он совсем озёрный и речной:
любит Ангару, Кичер с Кикой!

БЕЗ ВАС Я В ГОРОДЕ СКУЧАЛ...

Через ночь дорога пролегла...
Вызвездило и похолодало...
Огоньки знакомого села
на ночлег манили, как бывало.
Только некогда передохнуть,
и гудит мотор, свистят колеса...

Близко в небе вьётся Млечный путь,
Полумесяц - словно знак вопроса.
...Вот озёрный рям, камыш, причал -
как я в городе без вас скучал!?.

БЕРЁЗОВАЯ РОЩА

Она стоит над речкою царевной -
возвышенная,
светит и искрит!..
Иду я к ней на исповедь, как в церковь,
в листве зелёной божество горит!..
Вхожу под ветви:
тишина сквозная
прохладой свежей веет мне в лицо.
Берёзка-мать, в коре твоей -
я знаю
есть шрамы, что оставлены отцом.
Отцом, погибшим в страшную войну -
и эту горечь я в душе храню

СВОБОДА

Ах, как славили преданно слуги
Кремль московский, молот и серп!..
До ушей расплзались губы,
целовали любимейший герб
Но Союз был обманчив и хрупок,
и Кремлёвская сникла заря.
В микрофон не дозваться,
ни в рупор...
Нет ЦК...
нет вождя...
нет царя...

Отзвенели пиры и обедни,
потускнел свет Московских звёзд...
Вместо лозунгов шумных, победных
Спасский колокол правду вознёс!
И Свобода - великое чудо
засветилась на стенах Кремля,
осеняя даль новую людям-
стала ближе родная земля!
Стало ближе лицо человець!
Приоткрылась у многих душа,
ободрились согбённые плечи,
полной грудью мы стали дышать!

А СЫН РАСТЁТ...

А сыну - пять, и он уже большой!..
Улыбчивый, доверчивый.
Взгляните:
Навстречу радости, беде любой
открыт душою всей - и беззащитен.
Мне страшно за него,
мне тридцать лет -
рос без отца я,
всякого помыкал.
Да, был голоден, болен и раздет.
Порою в нос кулак мне кто - тыкал.

Подрос, но попадался в сети я
тем людям, продающим честь и святость.
Из лжи и зла жестока их броня,
за ней не сердце, камень мшистый спрятан.
Теперь, когда доверчивость мою
как вороны людишки те щипают -
я беспощадно им в лицо смеюсь,
срываю маску с них, разоблачаю.
И с каждым днём всё больше не терплю
неискренность, глухую зависть в душах,
всё чёрное, что плавиться в броню,
и что любовь и нежность нашу душит!.
Ведь сын растёт и он уже большой -
доверчивость его я не обижу,
и чувствую в груди своей больной:
*«Чем больше я люблю -
тем больше ненавижу».*

БУДИЛЬНИК

Он стучит через ночи тревожные
в чётком ритме - секунда, так шаг...
Кому досыта спать не положено-
верный друг он и - сказочный маг.
Жаль не знает: на подвиг ли будит,
на свиданье, работу ль обычную...
Как же так не подумали люди
о его, ко всему безразличию.
Разве нужно убийцу будить,
вовремя поднимать негодяя?
- В будущем им не будет звонить,
биотоки людей различая!..
А пока же стучит и спешит,
ни секунды не зная покоя,
вторя нашему сердцу в ночи.
Ну, а это не малого стоит!

* * *

Болотная,
застойная вода
слегка гнильем в округе отдавала,
но сосны зеленели...
И всегда
брусника алым соком наливалась.
Теперь канал прорыли отводной,
кочкарники весной распахали -
не видно даже ягодки одной!
А сосны на корню повысыхали...
Багульник лишь зацвел
и отгорел,
по пахоте - осоки малый пучик.
Посеяли подсолнух -
он сопрел,
а к осени подрост бурьян колючий.

Так поле бросили...

Ну, а поздней
мох загорелся -
дым до снега в ямах..

И думал я:
какой же дуралей
творит со зла трагедию упрямо?
Зачем природе
душу ворошить
и выворачивать нутро наружу?..
Иду тропинкой прежней -
не попить..
ни ягод...
даже птахи не послушать!

В МОСКОВСКОМ ГУМЕ

«Если вы потеряли -
или Вас потеряли,
то встречайтесь, пожалуйста,
у фонтана, друзья...»
Диктор вежлив, старателен
и в грохочащем зале,
переполненном зале
затеряться надолго нельзя.
... Я толкаюсь по лестницам:
этажи... витражи...
Продавщицы- кудесницы
на подбор хороши.
Словно я и не ГУМе,
а в театре каком.
Свет витрин изумруден,
жаль, ни с кем не знаком.
Диктор добрый, пожалуйста,
подскажи, как мне быть,
одному мне нерадостно,
что? - не знаю купить?
Я один в этих залах,
словно малый пацан.
Вы бы мне подсказали
где друзей есть фонтан?!

* * *

Доколе распрям быть?
Всё чаще каменеют скулы
когда мне всюду говорят
какие дикие разгулы
теперь по всей стране творят!
В кровавой мести армянины
с азербайджанцами сошлись,
в Узбекистане вслед за ними
другие бьются не на жизнь.
И колокол, как на пожаре,
звенит в бакинский зной,
и со всего земного шара
к ним голоса летят с мольбой.,
Доколе распрям быть на свете?..
Зачем нам, люди, смерть дразнить?..-
- Давайте честно мы ответим
как всем нам в мире,
в дружбе жить!..

* * *

(Думая о трагедии в Баку)

Снова сводки в газетах - и строже
взгляд мой встречный в прищуре век.
С каждым годом мне ближе, дороже
любой на земле человек!
...Светлый город и пары влюблённых,
только сволочь бесчинствует вновь...
По кюветам, в траве зелёной
вижу трупы и алую кровь.
Вижу, как кровоточат раны,
ухожу в предрассветную рань,
думаю, человек часто странен:
то - как чудо святое, то - дрянь!

* * *

В ожидании попутной машины
Дорога кривится, смеётся -
в кюветах ужасная грязь.
Не знаю, где хуже живётся,
но в эту дыру не залазь?!
Сижу на обочине сутки,
противно, ругаться готов...
Порой не хватало минутки -
а здесь, столь пропащих часов!?

Деревня Замиралово

В ПЕРВЫЙ РАЗ Я ПОДУМАЛ О ВЕЧНОМ

Потемнели поля, перелески,
замутились у речки глаза,
и вороньей картавою вестью
громыхнула над стогом гроза.
Пыль взвилась и прогорклые травы
вдоль дороги взмахнули листвой...
Я лошадкою бурую правлю,
тороплюсь поскорее домой.
На охапке зелёного сена,
полулёжа, смотрю в небеса,
где меняется цвет постоянно
облаков..
- А меж них – полоса!
Полоса, с синевой бесконечной!..
Полоса, как дорога мне в даль!
- В первый раз я подумал о вечном,
беспредельном...
И стало мне жаль:
этот луг, этот сон деревушки -
эту малую точку земли...
... И прикрывши глаза, долго слушал
как раскаты всё небо трясли!

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

**МОИ ПУТИ,
МОИ ТРЕВОГИ**

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцатый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

МОИ СТИХИ, МОИ ДОРОГИ

НА ПЕРЕКЛАДНЫХ

И опять пылит дорога...
Летний вечер пьян и лих...
Снова еду понемногу
на пе-рек-лад-ных!!
Шофера - народ весёлый.
разговорчивый, простой.
За стеклом - поля и сёла
проплывают стороной.
Наклонившись на баранку,
 паренёк мне говорит
так толково, со стараньем -
словно бы учёный гид:
«... Здесь недавно осушили,
распахали болота,
с «га» по тридцать получили -
а болот то - до черта!
И озёр вокруг навалом,
в них – бессчётно карася,
но рыбачат очень мало-
пропадает рыба зря!»
О постройке белостенной,
скрывшейся за дальний лес,
важно вымолвил: «Отменна,
первоклассна МТС...»
Разговор повёл о жизни,
о работе, о родных...
- Познаю тебя, Отчизна,
на пе-рек-лад-ных.

В БУХТЕ «ОМЕГА»

Над Севастополем туман...
Подлодка серую ракетой
всплывает в медленном рассвете -
летит к ней дымчатый баклан.
Закрыта бухта на ворота,
в них дремлет катер - страж ворот.
... За мысом дальним краснооко
край солнца из воды встаёт.
И облачко, как ворох снега,
за синий горизонт плывёт...
Над тихой бухтою «Омега»
бескрылый кружит вертолёт.
Всё предвещает полный штиль,
вода у мыса голубеет -
там маяка гранёный шпиль
звездой полярною алеет.
Обрывист берег.
 За чертой,
где море слито с небосводом,
сверкая яркой белизной,
плывут гиганты-теплоходы.

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Вчера сияла даль весны...
- А здесь её и не бывало,
пока я спал и видел сны,
- колёсами отгрохотала.
А здесь - в окно летят снега,
бёрезки мёрзнут белой стаей...
И лишь у пней видна слегка,
трава, и луночки проталин.
Какие встретят холода?!..
Какие взгляды повстречают?..
Гремят навстречу поезда:
смотрю в окно с печалью.
Да, жаль, уехал от весны -
пошли хребты Урала-
снегами все занесены,
рогаты, как маралы.
В Поволжье, там -
 звенят ручьи,
грачи у гнёзд собрались...
А здесь - под снегом кедрачи
и не видать проталин...
Как совместить мораль с плохим законом
когда желаешь истины святой?!,
И вот опять за тишиной оконной
я мучаюсь в ночи с душой больной.
Я не страшусь вины,
а с ней - расплаты,
за искренность, безудержность свою.
И не могу смиренно, простовато
сидеть в сторонке, в «хате на краю».
Влезаю в гущу судеб разобщённых,
обиженных на целый белый свет...
Я - не латыш, лишь в Латвию влюблённый,
Я - россиянин, в этом весь секрет.
Не уживается мораль с законом -
суровой убеждения мои.
И снова я свободен и раскован,
опять рулю на «красные огни!»

НА ЖАРКОМ ЮГЕ

Вспомнил здесь я
 о доме, о хлебе,
о бескрайней северной шири!..
Невозможного часто мы требуем -
знаю то по суровой Сибири!
Порой в ней в короткое лето
не созревает пшеница,
скупой теплотою согретая,
нива с трудом колосится.
Чтоб солнышко раньше весной
встретить, в холодную осень
под снегом зелёной волною
ложится юная озимь!..
... А здесь - юг. И грунт каменист,
повсюду песок да глина,
но богат чайный лист
и свесилась вишня лавиной!

Над верандой блестят абрикосы
и над каждым забором - яблоки...
Не смотрю на жизнь здешнюю косо,
не в обиде совсем я, не ябеда.
Но не нужен мне самый сочный
виноград под окном террасы...
Сибиряк я, не надо мне Сочи?!
- Без меня хватит здесь лоботрясов?!

БАЛАШИХА

На поляне цветы расцвели горячо
и над ними шмель кружит мохнатый...
Стрекоза, трепещи,
 села мне на плечо,
как У-2, самолётик крылатый.
Подмосковье встречает прохладой теней,
здесь легко и свободно мне дышится!
После шумных московских больших площадей
лес сосновый с озоном колышится.
Мне родная Сибирь над таёжной рекой
по ночам потому часто видится, -
что и здесь в соснах - тот же покой.
Даже белочка в веточках слышится!
Но меж сосен с высоких ветвей
незнакомые птицы взлетают,
миллионам ярки огней
 Москва бесконечно мигает.

* * *

Блестят кресты
 над колокольной
Вознёсся купол ввысь церковный
вблизи за светлой рекой.
А я смотрю с тоской и болью
на низкий холмик со звездой.
Он без оградки, не ухожен,
растёт по кладбищу бурьян...
И первым снегом припорошен
невзрачный домик прихожан...

НА ЮГЕ

Берег морской каменист,
не земля - а песок да глина!
Чернозёма здесь нет и в помине,
но густ на деревьях лист.
Но сочны яблоки, груши.
Вдоль веранды растёт абрикос.
... Горец сказал мне: «Покушай,
коль в гости к нам довелось.
Дорогой, ты из дальней Сибири,
а хочешь -
 к нам переезжай,
мы всех принимаем с миром -
гляди, вот какой урожай!!!...»

Гляжу я на море и небо,
а вижу в снегах Сибирь,
где кружатся хлопья снега,
пеленая огромную ширь.
Сибирь! .. Вспоминается осень:
там в поле передо мной
зелёная юная озимь
ложится под снегом волной.
Порою в холодное лето
не созревает пшеница...
И солнце не ярко так светит...
И тёплое море снится...
Но не хочу ехать в Сочи,
где под окошком с террасы
виноград вниз свисает сочный
даже у лоботряса.
На фигу мне бескрайнее море
с его голубою волной -
я же не беспризорный:
есть в Сибири мой дом родной.

БУДУ ПОМНИТЬ

Течёт речка Чулышман
в озеро Телецкое.
Дальше - в Бию, сквозь туман,
в россыпь половецкую.
Красоту больших хребтов
Горного Алтая
буду помнить среди снегов
Северного края!

БАЙКАЛ

Две реки: Селенга, Баргузин
льются с пеной в озёрный бокал.
В целом мире глубинный, один -
самый – самый, прекрасный Байкал!..
Самый чистый, огромный Байкал!..
Мне под ноги волну расплескал

* * *

В час прощания с вольным простором...
В деревенском дворе на крылечке
промелькнули короткие дни
и сегодня,
 в назначенный вечер,
привязные шелкнули ремни.
В час прощания с летним привольем
на дороге вечерней
 лесной
наполняюсь тревожной любовью
к стороне моей бедной,
 родной.
Уезжаю... Бегут перелески
и дрожит в позолоте листва,
а вдали мать все шепчет и крестит
ее боль во мне вечно жива!

В ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

По горящей, и к тому же- льготной
турпутёвке прибыл в Ленинград..
Пулково встречает нас вольготно -
городу знакомому я рад!
Поднимаемся мы на высоты
меж деревьев, что покрыты шрамами...
В глыбе камня - щель,
остаток азота...
Тополь без вершины...
Всюду - ямины.
... А экскурсовод ведёт рассказы
о планетах и мирах безвестных...
Рядом слышен скрип протезный вяза,
заглушающий мне птичьи песни.
Нет!
Совсем не трубы телескопов-
жерла пушек смотрят в синеву!..
И бурьян присыпанных окопов
шепчет мне полынную молву,
Вижу вновь я:
Ленинград... и голод...
В улицах смертельные бои...
С Пулковских высот расстрелян город...
- Девушка, об этом расскажи!

* * *

В этом доме давно
поселилось несчастье,
как в печальном кино
разделён мир на части.
Каждый сам себе люб
и своё - всех превыше.
С виду каждый не груб -
ссора от них не услышишь.
Внешне - даже уют,
Внешне - благополучно...
Год за годом живут
так в предчувствие смутном.
Сын, скучая меж них,
всё у бабушки чаще.
Не по- детски он тих -
он виновник несчастья.
Много раз, столько раз
слышал он ночью тёмной:
«Я б ушла, хоть сейчас
если бы не ребёнок!..»
И в ответ столь же раз
леденел голос резкий:
«Да, не будь сын у нас,
разве жил бы я вместе?!»
Не понять ту беду
нежным, крохотным сердцем...
Смотрит сын в темноту
на вражду по соседству.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Не спится мне. Пальто одел
и вышел на мороз...

Небес безжизненный предел
сокрыт меж тусклых звёзд.

В домах - темно, проулок пуст,
все тропки замело
и под ногами мёрзлый хруст
знобит, скребёт на зло.
Снежинки, словно светляки,
мелькают в тусклом свете.
И фонари, как пауки,
их собирают в сети...
Чего минуты эти стоят?..
- покоя нету никогда!
Вверху с понятною тоскою
поют, как плачут, провода.
Плывут седые облака
через ущербный месяц...
Тоска, смертельная тоска
на всём, на Божьем Свете.

СОСЕДКА

В вечерней дымке,
в час обычный,
когда погаснет бледный день,
в окне появится привычно
твоя медлительная тень
Без стука распахнутся двери,
шагнешь безмолвно за порог
и, взглядом потолок измерив,
пройдёшь не вытеревши ног.
И зазвенит из комнат дальних
твой громкий голос, едкий смех
о вкусах, модах идеальных,
перебирая всё и всех!
И точно также, в час обычный,
уйдёшь, ругая скуку, лень...
В ночном окне мелькнёт вторично
твоя расплывчатая тень

В ПРИГОРОДНОМ АВТОБУСЕ

Автобус тормознул слегка
и встал... Смотрю - садится
старик с лопатой в руках,
обмотанной тряпицей.
Места свободны. он в углу
стоит, седой и светлый...
Таких я видел на лугу
в покос, страдаю летней:
В рубахе длинной, с бородой,
с округлыми плечами
идут они, звеня косой,
без усталости, печали
Чего печаль? – во взгляде их
искриночки задора
да мысль живая о живых!..
Они - как те, в дозоре.
Как витязи - богатыри
на поле Куликовом!..
Любовь к земле у них в крови
и в ней- первооснова.

И как бы не были седы -
глядят на жизнь влюблено.
С утра торопятся в сады
- в цветущий мир, зелёный!

* * *

Гоцкало И.В.

В который раз за осень эту
в Ялуторовск с ружьём я еду...
Вхожу к вам в дом, на огонек.
Согретый чаем и приветом,
я рано утром на рассвете
спешу в озерный уголок.
Вдыхая свежесть и прохладу,
я пробираюсь по лесам...
Иду по зыбким камышам...
- и нахожу во всем отраду!
Прекрасна осени пора,
прекрасен отдых у костра!
Когда под вечер луч косой
ласкает листик золотой
и тени длинные ложатся,
тревожен птичьих песен звон –
прощальной песней льется он,
им скоро с нами расставаться!
Бескрайне небо голубое,
светла торжественная даль,
а на душе совсем иное
- неизъяснимая печаль.
И близки в эти вечера
тоска и боль моих «вчера».

НА ДИКОМ ПЛЯЖЕ

Здесь в Анапе, в приморском зное,
меж лоснящихся, потных спин,
ты возникла, светясь белизною.
- Так что, с Севера - я не один.
Не вороною белой среди стаи -
с лебединой осанкой, горда,
ты прошла на волну наступая,
что не брызнула даже вода!..
Там в Сибири, за дымкою дальней,
знал девчонку, что снега светлей -
ещё в Мае, с улыбкой отчаянной
заходила в Иртыш, как в ручей!
И плыла по течению быстро,
мне шутливо махая рукой...
... А теперь ты явилась, как искра-
загорелась!.. А может - звездой?!
Нежный стан над сверканием синей,
неоглядной, безбрежной волны...
Словно в сказке видение выменял -
все влюблённые в мыслях вольны!..
Дремлет пляж в полупризрачной неге...
Золотится на плечах загар...
- Только отблеск январского снега
мне милее, чем солнечный жар!

В ЭКСПРЕССЕ

Всю ночь звенели тихо рельсы,
а утром встал, глаза протер –
и всматриваюсь с интересом
в сибирский голубой простор!
Россия!

- без конца и края
поля равнинные, леса...
Хребты Кавказа
и Алтая
лишь где-то держат небеса.
А здесь, среди усталых пашен,
меж тихих рощиц в серебре
река, деревню облаквашая,
румянец студит на заре!
Да стадо пестрое неспешно
взбирается на косогор...
О, Родина,
в раздумье нежном
на всем задерживаю взор!
Как старику,
что на восходе
с росой
бредет косить в луга,
ты каждой капелькой на стоге,
травинкой каждой дорога!
Ты дорога мне полустанком
и домиком на берегу
- и я другим уже не стану,
любить иначе не смогу!
И эти в дымке перелески,
дорог размытых колеи,
и эти люди, эти песни
- они со мной, навек мои!

ВНОВЬ СНЕГИРИ

В длинные сумерки ранние
выпали в поле снега,
в сугробах больших забуранило
речки моей берега!..
Радостью главной были
утром зайчишек следы,
они снег пушистый тропили
и крались ночами в сады...
Помнятся санки - салазки
и над рекою сугроб.
Помню лучину и сказку,
бабушки старческий горб.
Вновь снегири светят алым
на неоглядных снегах -
солнышком крохотным...
С мамой
снова встречаюсь я в снах!..
Избы заснежены странно,
словно под снегом – стога!
- Зимние сумерки ранние
синью покрыли снега...

ВСПОМИНАЮ (песня)

Вспоминаю, вспоминаю старый дом,
речку узкую, звенящую ледком...
Вспоминаю в зорьке утренней леса
и прозрачные, как сны, небеса!

И во век, ни за что не забыть
глину ям телеграфных столбов,
и с лопатой отца не забыть
в дымке дальних военных годов.

Он ушёл от зияющих ям,
не поставив высоких столбов,
он потом не прислал телеграмм
из горящих вдали городов...

... А я лепил из глины петуха.
а я играл, мальчишка, со зверятами...
И ночь пришла - пустынна и глуха,
с далёкими, кровавыми закатами.

... Забываю, забываю старый дом,
но во век, ни за что не забыть
телеграфных столбов под окном -
их протяжно звенящую нить»..

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Занимаю очередь, сажусь
рядышком с мужчиной незнакомым
- в сыновья по возрасту гожусь
я ему, а он мне, как родному:
«Понимаешь, у меня нога долблённая,
видишь- до конца и не согбённая.
В ней осколков до черта осталось -
во время до них не докопались.
Разболелась что-то к непогоде,
а с больной, куда я годен?..
Сменный мастер вытрясает душу -
злость берёт,
когда его слушаешь.
Я не молодой и не здоровый -
ну а он, мутрыжит той же нормой.
А поди, полазь день под вагонами,
где ж за этой нормою угонишься?..»
... Так рассказывает мне «папаша»,
с чемоданчиком, в спецовке грязной.
Вроде от него спиртным пахивает -
от того и взгляд
должно быть влажный.
Кулаком глаза он растирает,
отворачиваясь незаметно...
Те, кого ещё не подстригают,
прикрываются от нас газетами.

В ТРАНЗИТНОМ

Сжат сумрак в купе торопливом.
колёса спешат и стучат:

«В дорогу!..

С успехом!..

Счастливо!..»

- и мой обостряется взгляд.
Мы двое в купе полутёмном,
откинувшись к стенке, сидим...
Я вижу в окне луг огромный -
плывёт ранних сумерков дым.
Напротив мужчина степенный,
зажаты ладони в замок -
и светятся резкие тени
где орденских планок рядок.
На лбу - шрам...

Седые зачёсы...

Одежда опрятна, скромна.
Не лезу к нему я с расспросом -
важнее ему тишина.
Задумчив, и взгляд его светел,
Спокоен...

_ - А что там, внутри?..

Быть может и тучи, и ветер,
и отблески страшной зари.

Быть может в купе торопливом
припомнил ту песню солдат:
«Пусть пламя, пусть взрывы -
мы живы!..»

- Как выстрелы, стыки гремят.

ПРИЕЗД В ПУШКИНО

А.С. Пушкину

У въезда, в скверике зеленом,
в отливе бронзы, кучерявый -
стоишь ты, юный,

в мир влюбленный,

поэт с немеркнушею славой!
Пробита пулей грудь навывлет
в огне блокадном

в дни войны,

но новый памятник не вылит -
вдвойне он дорог для страны.

... Иду аллеями по парку.

Здесь ты гулял... творил... любил...

И пульс в висках звенит - аж жарко:
каким далеким миг тот был!

На реставрированных стенах
палат дворцовых и лица
мне видятся чужие тени -
и кто-то в сердце твое целит...

За далью- даль,

там алой кровью

горят закатные снега...

И нынешней, и давней болью
стучится время у виска!

Нет, как бы жизнь ни убивали -
она восстанет из руин...

Ты вновь стоишь на пьедестале,
поэт,

России верный сын!

БЕСЦЕННЫЙ ОПЫТ

С больною головой от трудных дел
в вечерний час над книгой затихаю.
... В иных краях, в полночной высоте
уже кружу, свободой наслаждаясь.
И нежится бессмертием душа -
что ей вражда,

вранье минувших буден?!

... Сижу над книгой тихо, не дыша,
вычитываю:

помним...

верим...

любим...

ЧАСЫ ОДИНОЧЕСТВА

Сомненья, как вихри,
мне голову кружат,
и череп трещит от тоски:
совсем никому-то я нынче не нужен...
никто не пожмёт мне руки...
Часы одиночества тянутся в вечность,
раздумья смешались в ночи...
И только стихи «верой-правдою» лечат,
да сердце надёжно стучит!

ТОСКА ВПЕРЕДИ...

Схожу понемногу с ума,
светлею в рассветном июле...
Стараюсь на мысли поймать
себя: чем сегодня рискую?
И стоит ли думать-гадать,
тоска впереди - что мне ждать?!

СНОВА НА ПРЕМЬЕРЕ

В Омском драматическом

С надеждой странною и тайной
который раз уже подряд
жду Вас в фойе - как бы случайно,
стою в толпе, так - наугад.
А Вы, минуя вновь парадный,
проходите в служебный вход...
Да, мне увидеть Вас - отрада!
А что люблю - безмерно горд!
... И снова в зале, на спектакле,
Ваш каждый жест, и каждый слог
сердечные дарует капли -
я возвышаюсь, словно Бог!
Волнуюсь ревностью на сцене,
где женщина, богиня - Вы!..
Вновь принц надменный Вам изменит...
А я - сгораю от любви.

РОССИЯ - ТЫ МАТЬ

В несказанных преданьях земли
чудный отсвет красоты Натали!..
Муза Пушкина, ей подари
вдохновение и пламень зари!..

... Пляс цыганки, волнующий стан -
закружи страстью буйной, Дункан!
Пусть горит из Есенинских строк
деревенской избы огонёк!..
... В снах Прекрасная Дама жива -
Незнакомки чаруют слова!
Вечной музыкой слышится звон...
Блок безумно в Россию влюблён!..
- О, Россия! Ты женщина - мать,
научи меня жизнь понимать?!
Не отринь, дай страдать за тебя,
Ты - моя вековая судьба!..

РОЖДЕСТВО

Свет из окон на свежем снегу
отпечатал причудливо раму...
В сердце ревностно я берегу
Рождество - в годы юные, ранние.
Помню ночь: в избах окна горят...
Над сугробом - карниз в завитушках...
Твой девичий, восторженный взгляд,
и над лбом - вихрь волос непослушных.
У кустов белоснежных рябин
мы снежками друг в друга бросаем...
... Столько лет позади, столько зим -
о тебе ничего я не знаю.

СОЧИ

Солнце жжёт и плавит спину,
на песок стекает пот...
Голову слегка откинув,
ты раскрыла алый рот.
Ты - массивна, словно глыба,
Твои руки-плавники...
Дремлешь, выброшенной рыбой
на приморские пески.
Ты- блондинка. Как охотник,
рядышком навис грузин...
Говоришь ему с зевотой:
- Где твой чёрный лимузин?..
- Не пора ли нам обедать?..
- Где он лучший ресторан?..
...Слушаю я рядом бредни
этой девы - стыд и срам.
Как чумные «свалки-пляжи».
Людно, скучно здесь лежать...
- Вновь приехать не отважусь,
хорошо бы в Омск сбежать!

ТЫ - НЕВЕДИМКА

Спешу извилистой тропинкой
к оврагу, где журчит ручей...
Ты где-то рядом- невидимкой
мелькаешь вновь среди ветвей.
Со мной твоё лицо... и имя
Твержу - оглох я, поседел...

Ты для меня давно святыня,
а я в миру тщедушных дел.
Не думал я о жизни вечной,
но этот золочёный луг,
под небом с синью бесконечной,
рождает нежность и испуг!

БЕДА НЕ МОЯ

С утра для разминки на что-то ворчишь,
затем - затевается ссора...
И вот уже ругань; ты громко кричишь,
меня покрывая позором.
О, Боже, мой праведный?!
-Грешен я? – да.
Зачем все грехи воедино
опять собираешь...
Бегу от стыда,
и жалко свои мне седины.
И нет оправдания мне - а зачем,
других я несколько не хуже...
Беда не моя - виноват только тем,
что стал твоим мужем?!
Терпенью любому приходит конец,
расстаться по-доброму надо.
Зачем нам инфаркты уставших сердец,
зачем нам быть вместе не в радость?!

СТАРАЮСЬ

Чутким сердцем несчастье измерив,
«Мир вам, люди!» - теперь говорю...
Не хочу в одиноком терпенье
без тебя прозябать на краю.
Посреди равнодушья людского
в толчее муравьиных забот,
ждал я вновь состраданья живого -
размечтавшийся Дон-Кихот.
И стараюсь, где грязь и измена,
твою нежность грудью прикрыть...
За единственную и бесценную,
я готов в муках радостных жить!

СТРАШНЫЙ СОН

Задремал - и сну совсем не рад:
тьма в глазах,
погромно сердцу, душно...
и плывёт постель куда-то, кружит...
Я лечу в пространство наугад.
И меня сомненье снова жжёт:
как ничтожно мал,
и что же значу?!
Почему опять терзаюсь, плачу?..
Лоб холодный покрывает пот...
И зачем лечу, в какой конец?..
Закричать мне хочется проснуться -
только нету силы, чтоб очнуться...
Страшно - словно я уж нежилец...

СИБИРЬ МОЯ

Сибирь моя родная,
твой свет в душе моей!
Просторней нету края,
нет края красивей!
Люблю метель, морозы.
Люблю большой разлив,
где островки берёзок,
где отсвет грустных ив!
Люблю Иртыш могучий
в весенний ледоход.
Люблю причал под кручей
и белый теплоход.
Любуюсь хлебным полем,
вершу в лугах стога.
Суровым своевольем
тайга мне дорога.
Иду я Прииртышьем
в таёжный край глухой,
и хмелем, мёдом дышат
рассветы над тропой...

САМДЕЛАШНИЕ

По-над речкой, где сугробы
на высоких берегах,
мастерство своё я пробую
на лыжах и коньках.
Лыжи - плашки с ремешками,
им у печки гнул носы,
на трамплин под облаками
мчусь со взлётной полосы.
В вихре снежной пыли взвился
и лечу, лечу... Кричу...
Плавно на бок приземлился,
на снегу ещё кручусь...
А коньки - две деревяшки,
полоз проволокой шит,
но легко скользят... Ледяшки
крошатся - и лёд звенит...

СУНДУЧОК ОТ ДЕДА

Деревянный... Железной полоской
поокрованы снизу углы...
А внутри – дрель,
стамеска с откосом...
Гвозди, сверла на дне залегли...
Дед влюблен был в столярное
дело,
я ж – охотник заядлый, рыбак...
И стоит сундучок онемело
в сараюшке, где сырость и мрак.
Сын подрос – то футбол,
то хоккей...
С каждым днем дрель,
стамеска – ржавей.

СВЕТЛАЯ НОЧЬ

Месяц вышел из-за туч,
осветил поляну.
Расступился лес, и луч
на тропинку глянул.
С озера иду с ружьём
в полночи осенней...
И светло вокруг, как днём,
разбежались тени.
Месяц высветил траву,
стелет свет вдоль леса....
И на сонную листву
блёстки поразвесил...

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ

Рям сосновый. Узкая тропинка:
мох в воде и треск гнилых
жердей...
Здесь брусника, ягода-кровинка,
с каждым днем пьяней и золотей.
В гуще сосен – ясные озера,
молодые клики лебедей.
А вокруг – болота, даль
просторов...
синь небес... Нет края голубей!

СУМАСШЕДШАЯ НОЧЬ

Я вышел из охотничьей избушки
и удивился: ночь ли это, день?..
Луна висела над лесной опушкой,
свет резко бил...
Повсюду- блеск и тень.
Видны травинки, веточка любая...
Разлился свет по крыше, по углам.
Был он враждебен...
И тоска такая
вошла мне в душу, что не передам.
Казалось: жизнь на миг
вокруг застыла,
не мог вблизи я озеро узнать...
Всё серебрилось
лунной грустной пылью,
на всём лежала тайная печать.

ТЫ УШЛА...

Словно выстрел, стукнула калитка.
Ты ушла - оставив в сердце боль!
Я целую мысленно улыбку,
осветившую твою любовь!
Я целую этот луг и берег...
И в разлуку нашу не поверю...

СОГРА

Пучится, сопит трясина...
Ветви ивняка вокруг
по рукам бьют и по спинам.

Говорит с испугом друг:
«Ну, зачем завёл нас в дебри,
в место гиблое, сюда -
здесь живут сычи да ведьмы...
гниль здесь, чёрная вода...»
Отвечаю я: «Что хнычешь,
Глянь - смородины кусты...
ягод – тьма!
Зря палкой тычешь,
не достать до мерзлоты...»

СТОГОМЕТАТЕЛЬ

Шея чугунно-чёрная,
подъёмник слегка в мазуте.
Словно жираф, чопорно
голову вскинул и крутит.
В кабине парень знакомый
рычагами двигает скромно...
Раз! - и копна поддета...
Два! - и на стоге она...
Я улыбаюсь деду,
а он мне: «Эка рожна?!
То-то ещё увидим,
хитрый пошёл народ,
раньше – грабли да вилы,
и мечешь полдня зарод.
А здесь не успел оглянуться,
и на тебе, чудо- стог!..
Как на волшебном блюдце?!.
- Перекурим, слезай паренёк?!»

СЕРАЯ ЦАПЛЯ

Забавная птица- серая цапля,
на длинных и тонких ногах
клювом ловко рыбёшек цапает
из речки, на чистых ключах.
Важно ходит по белой косе,
головой в такт шагу кивает...
Солнце играет на влажном песке...
Цаплю давно здесь встречаю.
С нею мы, признаюсь, друзья,
любим речку – она и я.

ЧИБИС

Пронзительный чибиса крик
заставил меня оглянуться:
пес,
высунув влажный язык,
до птицы хотел дотянуться.
Та,
хлопая резко крылом,
взлетев,
тут же пала подранком...
Почти перед самым то псом
вела себя смело и странно!

Пес злился,
 в прыжках настигал,
 но чибис у самого носа
 подпрыгивал,
 снова взлетал...
 Крик жалобный по полю несся!
 Я знал:
 не случится беда
 и чибис совсем не подранок,
 уводит он пса от гнезда.
 И все-таки
 риск был на грани!

ЧАРЫМ

В марте солнца веселый разбег
 все заметней по склонам седым –
 как наждак,
 ноздреватый снег
 под названием жестким – «чарым».
 От берез все отчетливей тень
 на поляне
 в полдневном кругу –
 вот и вытаял черный пень,
 вот и кочки видны на лугу!..
 Только к ночи серчает мороз
 и стучит колотушкой в осины.
 Режет ноги «чарым»
 до слез,
 и потеют звериные спины.
 Лось забрался в нехоженный рям,
 и козлы залегли на болоте...
 Но не спится в ночи егерям –
 браконьеры спешат на охоту!
 ...След кровавый на жестком снегу
 от урочища к колку ведет –
 от кого же бессильно бегут
 эти звери –

 кто следом идет?!
 Может, волка почудился вой
 или выстрела дальнего эхо?..
 Я иду по тропе кровавой,
 рядом след:
 кто на лыжах проехал?!

У ЛЕСНИКА

Стекла окон запотели,
 а за ними осень,
 мгла...
 Лучше стога нет постели,
 но нельзя нам без тепла.
 Промочил дождь,
 исхлестали
 леденящие ветра!..
 Закрывает бабка ставни,
 словно очи, до утра.

Старичок слезает с печки,
 ноги в валенки сует –
 как всегда,
 он рад при встрече,
 извиняться не дает.
 Раздеваемся,
 вдыхаем
 запах хлеба,
 молока...
 Бабка стол нам наставляет
 под рассказы старика.
 Фотографии...
 Божница...
 Рушники...
 В углу сундук.
 Самовар пытит...
 Струится
 память в сердце:
 стук да стук!..

У ОЗЕРА ДИКОЕ

В краю нехоженных земель
 вхожу я в краснотал –
 здесь в ночь пуржила карусель,
 и снег под утро пал!..
 Звериной тропкой прохожу
 к воде на мшистый край
 и с удивлением гляжу –
 во льду озерный рай!
 Нет чаек,
 уток не слышать –
 нет даже полыньи...
 И словно мертвая печать
 легла здесь в забытьи!
 Рассвет, -
 он кажется, застыл,
 остановив свой бег!..
 Вот снова в воздухе поплыл
 чуть теплый,
 мягкий снег!
 ...Ни следа, море белизны,
 и над тропой лесной
 все сразу веточки видны!
 Всплыл травяной настой!
 Снег пахнет клюквой
 и листвой,
 цветет в густой траве!..
 Мир дикий сник –
 он не живой
 в холодной синеве!
 И только яркий краснотал
 за снежной пеленой
 рассветом летним мне сиял,
 восстав перед зимой!

* * *

Умирает заря в камышах,
словно лебедь,
сраженный картечью...
Рыбаки жгут костер у стожка,
и мелькают их тени весь вечер.
Над лугами,
над лесом вдали
темнота
занавес
распростерла...

Белый пар –
как дыханье земли!
Словно слезы –
росинки зерна!

НА МЕЛЬНИЧНОМ ОЗЕРЕ

В блюдце озера
серебряное
пала ранняя звезда
и над веточкой сиреневой
осветила мне года

.

Осветила горечь давнюю
и рассветный блеск озер,
где мальчишкою я плаваю –
голодранец-фантазер!
Вижу мельницу крылатую,
скрип телеги,
храп быков...
Весь в муке,
с башкой лохматою -
мой дружок поверх мешков...
Вновь ладонью растираю я
поседевшие виски,
по крупичам собираются
даты,
весны,
колоски...
Колоски -
ценою в золото,
в талом поле, у межи...
- Выплыл месяц,
стало холодно,
тишь вокруг,
и ни души.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ, ДАРЫ ЗЕМНЫЕ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать первый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно поэтическим дневником, на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ, ДАРЫ ЗЕМНЫЕ

ГРУСТЯТ ЛЕСА

Леса листвою яркою горят -
они одели красочные шали...
Смотрю на листьев солнечный наряд -
ну, словно, только их расцеловали!
Срываю с ветки ягодку -
красна,

она как мёд,
в ней солнце, росы лета
перебродили в капельки вина.
Я пью -
и на губах смущённый трепет.
Грустят леса, как женщины в годах,
Они одели праздничные шали!..
Румянец на ветвах, как на щеках -
их зори полевые целовали!..

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето!..- В рощах просинь
с ярко рыжею листвою.
Паутину вдаль уносит
свежий ветер озорной!
Ветки в красках - словно шали
дорогие на плечах!..
Две осинки размечтались,
зажигая лист в лучах.

ГРУСТЯТ ЛЕСА...

Горят леса!.. - не пламенем, о нет.
На ветках листья светятся багрово
с оттенком жёлтым, рыжим -
красный цвет, главенствующий,
он - первооснова.
Грустят леса!..- как женщины в летах,
они одели красочные шали.
И завораживает красота -
ну, словно, зори их расцеловали!
Сорвал шиповник, ягодка

красна:
в ней солнце, запах мёда, росы лета
перебродили в капельку вина,
и на губах моих смущённый трепет.
Леса хмелеют!.. - не страшна зима,
весенние мне видятся в них дали!..
И сводит алость чьих-то губ с ума,
которые лишь зори целовали!..

ГУСИНЫЙ ПЕРЕЛЁТ

В осеннем небе пеленой
снег мокрый
день кружил,
и где-то сверху
надо мной
гусиный крик поплыл!..

За клином клин,
стрелой на юг,
по ветру,
торопясь,
белесый разрывая круг, -
армада птиц неслась!
Темнело...
но тревожный крик
буравил пелену,
над озером громадным Ик
он медленно тонул.
Я, засыпая,
приоткрыл
стекло в своей машине
и долго слушал ветра рык,
плач птиц невыносимый!..
Проснувшись, рано по-темну,
услышал те же крики,
и так же хлестко по стеклу
снег с ветром бился дико!
Но странно –
тот гусиный крик
плыл в разных направленьях,
и в клиньях чудился изгиб -
в них распались звенья!
Светало.
Призрачно вверху
вновь птицы проплывали,
их разметало на ветру,
к земле их прибывало!
И вот над гривою уже,
от массы отделяясь,
снижались стаи в вираже,
на поле приземляясь!
В снегу,
в желтеющей стерне
искали птицы зерна,
а чуть подальше, в стороне,
виднелся плес озерный.
Гусей скопились тыщи там –
стонала вся округа!
...Два дня как дома,
но ушам
все слышен крик в той выюге!

* * *

Горьковатый запах дыма
ветер издали донес,
под ногами в росах стынет
разметавшийся овес!..
Жду!..
За озером вечерним
различаю крик и лай,
просвистела утка-чернедь,
огибая леса край.

Как любил я на закате
по тропинкам здесь шагать –
луг не тот,
не тот характер,
чтоб, жалея, вспоминать!
Помню леденистый ветер,
слякоть –
я продрог, хоть плачь...
Выжил... И всего на свете
мне милей простой калач!
После супа с лебедою
тот кусочек калача
ел я бережно и стоя –
был он с пыла,

сгоряча!..

И теперь в вечернем поле
неспроста поет овес
о забытой горькой доле,
что в войну я перенес.

РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Горит костёр, трещит в ночи
у тальника густого...
Как старый невод не чинил -
не выудил ни слова.
Ищу я рифмы, как рыбак,
хочу понять по сути:
«Каков по норову чебак
и как с язём не спутать?».
Я заварил уху и жду...
Свет фар – вдали мелькает,
то дятка к моему костру
руль «Волги» выверяет.
Бросаю перец в котелок -
уха почти готова...
Вдруг вижу, словно уголёк
в костре родилось слово!
Оно прожгло меня насквозь
и осветило разум,
отодвигая сумрак прочь
и все пустые фразы!..
Хватаю ручку и блокнот -
беззвучно шепчет слово рот

* * *

Грачей неугомонных стая
чуть свет к заснеженной реке
летит, над полыньей мелькая.,
сажаясь на лёд невдалеке.
И клювы в воду опускают...
Слежу за этой кутерьмой...
Иртыш во льду...
Я понимаю,
как трудно выжить всем зимой.
Я видел в детстве, вспоминаю
как птицы в клювах тают снег!..

Грачи не пить сюда летают -
а поглядеть на летний свет!..

РАЗГОВОР С ИРТЫШОМ

Льдистый дождь моросит
или снег высеивается?..
Глух Иртыш... Город спит...
В небе месяц качается...
Застегнусь поплотней
да пройду к Иртышу,
о тревоге своей

я ему расскажу.

Он могуч - хоть и стар,
добр, по-дружески прост.
И ему мой пожар,
как наивный вопрос.
Сколько бед повидал,
гроз- за тысячи лет?!
Гнул, плакал металл -
он рождал новый свет!
... И на трудный вопрос,
на тревогу мою -
светит тысячью звёзд,
шепчет:
«Жизнь я – люблю!!
Я все беды топил,
зеленил берега,
в вёсны верую жил!..
- Вечная я река!!».

ДЕНЬ ИЛЬИ

Вот и август... День Ильи.
Синь прохладой веет с
речки...
Откупались, отгребли.
Пляж пустынный смотрит в
вечер.
С луга стелется туман...
Сырошь из кустов пахнула...
В небе птичий караван...
И грибами даль вздохнула.

ПОРА ДО ГОРОДА!

Рябит свинцовая вода
и лодки вмёрзли у причала.
Вода на треть уже из льда
и ночью холодок крепчает...
Стою в штормовке, каблуком
ломаю лёд в коровьем следе...
- Давно ль ходил здесь босяком,
изнемогая в жаркой неге?!
... Пора до города!.. Пора!
Транзистор ловит Эдит Пьеху...
Дымок из каждого двора
и детского не слышно смеха.

- А летом что за благодать:
бежать к реке,
лишь солнце встанет,
- рыбачить, плавать, загорать
пока заря за лес не канет.
Валять всё лето дурака
конечно, каждому охота...
Но поседели облака
и лес покрылся позолотой.
И я согласен сам сполна
платить отменной монетой
за отдых в тишине села,
за красочное лето!

ГОРИ, ПОЖАР!

Прохладная осенняя заря
раскрасила простор холодным пламенем ...
Кусты рябин безудержно горят...
- Так годы отживают в нашей памяти...
Слетают листья - солнцем сожжены
и временем...
Зовут леса кострами...
И с каждым днём в них больше тишины,
светлей они, задумчивей утрами.
... Весь день сегодня дождик моросит -
он тушит пламя - но видать напрасно...
Лист пересохший в капельках блестит
и оттого цвет ярче и прекрасней.
- Гори, пожар!.. Прохладный дождик - лей!..
Пои для будущего корни всласть.
Быть, может, завтра ветер, как злодей,
захочет всё до листика украсть.

* * *

Дремлют тихо камыши,
Рябь воды седая...
Крики дальние слышны
перелётной стаи.
Паутина на шесте,
лёд, намерзший в лодке,
и снежинки в высоте
запоздалой сводкой...

* * *

Даль холодна, пуста, желта...
Под небом - крик гусей.
На зорьке иней на кустах
Заметней и светлей.
В просторе беспредельном – синь!
Раздвинут горизонт...
А лес - куда ты взгляд не кинь,
Он - разноцветный зонт!
Багровых листья яркий цвет
Искрит огнём в ветвях.
От паутинки белый след -
снежинкой в облаках!

НА ТРАМВАЙНОЙ ОСТАНОВКЕ

Рассвет плывёт над бледным городом,
позванивая неохотно...
Я жду трамвай, дрожу от холода,
застёгиваюсь плотно.
И он спешит от поворота,
его ведёт девчонка хлипкая:
вся ясная и беззаботная,
с какою-то солнечной улыбкою!
На остановке люди разные:
есть и такие - с видом хмурым,
на грязный снег глядят понуро...
- Ну, а она, светла и празднична!
Её видно радостно чуть свет
возить угрюмых пассажиров,
дарить счастливый им билет!..
Звонками в утро музицировать!..

КОРОСТЕЛЬ, ЗДРАВСТВУЙ!

Разбросал тени жёлтые август
по околкам, лугам и полям...
Коростель голосистая, здравствуй!
- не тебе ли я сны доверял?
Помнишь: жаркими днями июля
сенокосы среди жарких лугов,
где шмели пролетали, как пули,
между сложенных свежих стогов...
... Наливаются сладостным соком
колоски у пшеницы и ржи,
и картавит мне в согре сорока,
что тоска меня ждёт у межи...
Холодней и прозрачней туманы,
и ночами темней небосвод...
- Пусть кукушка меня не обманет,
до зари коростель пусть поёт!!

ПЕРВЫЙ ХОЛОД

В белой дымке осеннее небо...
В поле инеем росы легли,
и сверкая, искрят перламутром...
Первый холод дохнул от земли...
Чёрный тетерев ветку качает
и серёжки неспешно клюёт...
А над озером, с криками чаек,
золотистое солнце встаёт.
И лучи, растекаясь несмело,
Красят аlostью воду, камыш...
Ставлю сети - приятное дело.
Светят плёсы...

И в воздухе - ишь.

ДОЖДЬ ТРЕТЬИ СУТКИ...

В полях полёг созревший хлеб,
в ухабах грязная дорога.
Весь транспорт встал...
Лишь скрип телег
там, за кустарником, у лога.

Дождь третьи сутки льёт и льёт,
грядой плывут по небу тучи.
Деревня просит,
 молит, ждёт -
хотя бы ветер, малый лучик.
Чернеет в копнах Кошара,
а бурая вода ручьями журчит...
По радио вчера
возможный снег пообещали...
... С ружьём, с охоты я бреду -
и чую общую беду.

* * *

В первый год войны
Тяжёлый шелест спелой ржи...
И от берёз - прохлада...
Обед не хитрый у межи...
Мы вновь работе рады.
Звенят косилки здесь и там...
Мать сноп умело вяжет,
 прильнув щекою к колоскам.
Нет-нет, да что-то скажет...
Я – восьмилетний мальчуган,
снопы в суслоны ставлю,
а рядом верный пёс Тарзан,
с такою мордой славной!
В прокосах перепёлок свист,
грачи на луг слетают...
Прозрачен небосвод и чист.
Вдали - казарок стаи.

В РОДНОЙ ИЗБЕ

Прознобило изморозью в поле
на вечерней зорьке грудь мою,
Даже чувствуется хрип и боли:
«Может. мама, баньку истоплю...
А сначала дай мне редьку с луком -
продерёт, прогреет хворь мою...
Ну, и рюмку водочки от скуки...
Можно две и три - тогда спою!..»
Мать спешит, в тарелках наставляя
редьку, хрен, перчёный холодец...
... На спине, на лбу пот выступает.
Мама гладит чуб мой:
«Впрямь, отец!..»

ВЕРНУЛСЯ...

Вернулся я... Узкая речка
плещется в берег, журчит...
Волны рожают словечки, -
то, мама, со мной говорит...
Полночь...
Туман белоснежный
стелет по лугу постель...
Голос у мамы был нежный...
Плачет вблизи коростель

ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНЬЕ

В обед прощенье за грехи молил...
Перед иконой, в церкви молвил:
«Хватит!..».
Сегодня ночью парк ожил, завыл...
И следом- ливень, словно из ушата.
Свистели ветви тысячью чертей,
и молнии трещали и ломались...
- А ты стоял у запертых дверей-
на робкий стук они не открывались

ВСЁ В СЕРДЦЕ

Печаль покосов пожелтевших
и жёсткое, в пыли, жнивье...
И крик гусей, на юг летевших -
всё в сердце перешло моё.
В нём - озимь с инеем на зорьке...
И красный свет больших осин...
И первый дымный запах, горький...
-Блеск паутин, и свет седин!

ПОД БОЛЬШЕРЕЧЬЕМ

В ясный полдень в небе синем
кружат стайкой журавли.
Пригляжусь: лишь росчерк крыльев
различаю я с земли.
Марево...И испаренья,
как потоки, в высь текут...
Крыльев взмах-
 Затем - скольжение...

По волнам плывут, плывут...
На безветрии небесном,
в синеве купаясь вновь,
чуть курлыча, грустной песней
дарят в сердце мне любовь!..

НЕУБРАННОЕ ПОЛЕ

Печаль неубранного поля
отсвечивают облака...
Рядки пшеницы чёрной с болью
мне видятся издалека.
А слева березняк - там дойка,
там крик и грубые слова
звучат над лугом непристойно...
А сверху - в дымке синева.
Направо озерцо, в нём чистый
струится отсвет от воды.
... Колосьев спелых блеск зернистый
затмил всё близостью беды.

ПО ПЕРВОЙ ПОРОШЕ

На поляне, сразу за болотом -
рядышком с огромною сосной,
с окнами в осенней позолоте,
спит избушка под гнилой стрехой.

Летом здесь порой пастух ночует
да прохожий путник отдохнёт...
Но зимой охотник, в мягких чунях,
за зверьём по «путику» идёт.
Нынче осень что-то задержалась,
и вчера лишь, выпал первый снег.
И тайга нарядной, светлой стала.
...Здесь, в избушке, первый мой ночлег...
Лес стоит, от инея кудрявый.
Замер я, и лёд прилёг не зря -
зверолов Игнат из-за коряги
целится в красавца-глухаря.

* * *

Зачем тираню я себя?
Зачем неистово долбя
невидимые стены,
сгораю постепенно?!
О, как он тяжёлый этот труд
ночами в полумраке!
Поверьте, так не устают
в жестокой даже драке.
Терпенью адскому учусь,
жизнь не беру за горло,
с темна и до темна кручусь -
смотрю светло и гордо!..
Рассвет рососою обожжёт
лицо моё простое
и занавеску всколыхнёт
чирикание живое!
И запахи, влетев в окно
с полей, реки туманной
заполнят смыслом каждый вдох
и свежестью желанной!
И я ещё почти больной -
опустошённый мукой,
впишу неровною строкой
вплывающие звуки!..

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА

(разговор на чистоту)

Неугомонный, весь в движенье,
как педагог, дела верша,
на жизнь зришь с сожаленьем.
- «Ответь мне, правдой не греша?!
Не стала власть для нас примером:
те - тащат, те - в фанфары бьют...
И вся страна живёт без веры...
А большинство – запоем пьют...
И очень мало тех, на поле
в страде неистовой, в делах:
где высота берётся с боя,
а не с трибуны, на словах?!
Да, нет высот, и дел всё меньше...
И в магазинах - пустота...
В очередях у грустных женщин

в глазах застыла немота...
И не ответит ни газета,
ни радио...
Ты ж, «комиссар» -
скажи, как жить на белом свете?
Где революции пожар?!
Ну, не пожар, хотя бы искры,
пусть даже малый огонёк?!
Второй Авроры, может выстрел,
- ответь же мне на мой намёк?..»
... Но «комиссар» смущён, поникши,
мне отвечает невпопад:
«Я - меж людьми, как третий лишний,
не разберусь, себе не рад...
Я скромным был, трудился честно
- о том, где «Правда» на Руси,
спроси не нас, солдат безвестных,
- вот тех, повыше, их спроси?!»

САМ НЕ СВОЙ

Бываю редко сам собой,
весь день в работе и заботах.
С утра кручусь, как заводной,
но там, в душе, не я, а кто-то.
Когда вечерний стихнет шум
и город отойдёт в молчанье,
светлеет перевозданно ум
и чувства сердце мне венчают.
Уходят жадность и расчёт
друзей, которых я прощаю.
Моя звезда вдали встаёт
и будущее освещает.
Она встаёт среди полей,
там на охоте в поздний вечер,
и становлюсь добрей, светлей -
и эти чувства меня лечат.
Я чёрный кофе жадно пью
и вспоминаю лес и лето,
где низко кланяюсь ручью...
где домик у реки заветной.

МЫ ЧУЖИЕ ДАВНО

Снова песни окраины дальней
уплывают к полоске зари...
Рано я ухожу со свидания,
не дождавшись колючей росы.
Пусть и поздно - приходит расплата,
небо синее стынет и блекнет.
Притворяться незачем- хватит...
И уверенность в лучшее крепнет!
.Мы чужие давно, но сегодня
только поняли это с тобой...
... С ненавистью, какой-то холодной,
темнота расползлась над водой.
И деревья над речкой литые,
сжала, вскинула вверх тишина...

- В неизвестные дали, какие,
выплывает так рано луна?..

НАВЕКИ СБЕРЕГУ

Скучнеет пыльная дорога
в лучах закатных у села...
Я вспоминаю понемногу
куда она тогда вела.
То за грибами в редколесье...
То на рыбалку в ранний час...
Один - молчком, толпою - с песней!
С желаньем страстным всякий раз!..
И босяком в жару по пыли
легко шагало по полям.
О, как родимый край любили! -
то чувство вряд ли передам.
Неомрачѐнные закаты?!.
Рассветы в дивной чистоте!..
В том детстве сиром, не богатом,
познал я цену красоте!
Та красота земли извечна -
скворчиной песней на лугу
в тяжѐлый час мне душу лечит!
- Её навеки сберегу!

ПРАЗДНИК «ВЕРБНОЕ»

Сегодня «Вербное» - весна!
В окне большой рассвет...
Я вижу ветку у окна -
в ней старины завет!
На почках ветки - синева,
блестит сосулек лёд...
и голубиные слова
мне форточка поёт!

ПУТЬ ПО «ЗИМНИКУ»

Снег да бездорожье,
глухая тишина...
В роще осторожной
льдинкой спит луна!
Мы скользим на лыжах
с увал на увал,
путь у нас не ближний -
но рядышком привал.
За соседней согрой
домик лесника...
Тычет пѐсик морду
у каждого пенька.
Дышит Фѐдор тяжело
под морозный скрип,
мокрою тельняшкой
к рюкзаку прилип.
В синем бездорожье
дремлет тишина...
Над пустою рощей
светится луна...

В ПОРУ ТЯЖКИХ ГОДИН

Резкий запах смородины,
горький привкус осин...
Это – память о Родине
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный –
я в весеннем лесу,
как дары от природы –
сноп медунок несусь...

УХОДЯЩЕЕ ЛЕТО

С утра иду в осенние поля
и зорким взглядом примечаю:
- вот стайка выросших перепелят...
- вот дикий голубь веточку качает...
Тяжѐлый взмах вороньего крыла!..
Вот спелый колос в золотом разливе...
... Лес закусил под ветром удила,
развевая ярко-огненную гриву!..
Высь устремилась в голубую даль
в погоне за ушедшим летом!..
- И только речке ничего не жаль,
наполненной холодноватым светом.

НА ИРТЫШЕ

С весѐлым звоном ледоход
прѐт вольным Иртышом!..
И верба в старице цветѐт
знакомым огоньком!
Крик чаек вновь у Иртыша
тревожит утра синь...
- Весна, молюсь я не дыша:
«ты выше всех святынь!»

ДЕРЕВНИ МОЕГО КРАЯ

«Солнцевка», «Малиновка»,
«Приозѐрка», «Чаечье»...
- Улицы не длинные
к озеру сбегаются.
По мосткам дощатым
с лѐгким коромыслом
бегают девчата -
взгляды их двумысленны!
Перейдут дорожку -
с «полными» для счастья...
Станет жаль немножко,
что ты - гость не частый...
Лодочки рыбацкие,
вѐрткие да быстрые –
здесь не любят цацкаться
и привычны к выстрелам.
Через дом охотники
или рыбаки:
в работе - чѐрт работнички,
в веселье - чудаки!

В краю лесном, озёрном,
порой тропинки узки,
но души здесь просторны,
приветливы по-русски!

В ДЕРЕВЕНСКОЙ ШКОЛЕ

Случай этот был в пятидесятом:
я- девятиклассник, вдруг спросил
на истории - «мне непонятно,
голову отец за что сложил?!
Ведь луга стоят ещё не кошены,
ну а мы бурёнушке своей
косим по болоту?!» - огорошенный,
мямлил мне учитель: «Им видней...».
А потом позвал меня к директору
и краснел, потел я в свой черёд.
... Столько лет прошло?..
Теперь сам в лекторах,
с грустью вспоминаю давний год.
Стыдно за себя и за директора,
за учителя - за горький счёт.
В первый раз услышал:
«частным сектором» -
назывался дом наш, огород.
Мне тогда напомнили, меж прочим,
о родстве - что внук я кулака,...
комсомольца звание порочу
и не понимаю жизнь пока!..
А отец погиб на поле боя,
на чужбине с верою святой,
за страну, за огород с избою...
- Сколько зим?!
Но снова с прежней болью
вспоминаю класс девятый свой!

СРУБ

Ещё конь не валялся,
ещё сумрак, роса...
За топор сосед взялся
и полез в небеса
Там, на срубе высоком,
мастерил он конёк,
а вдали, на востоке
возгорал огонёк!..
Разрастаясь всё выше,
предвещал ясный день...
... Но уже взрывы слышались -
в небе «юнкерсов» тень.
Засвистела над миром
смерть, взорвав тишину,
донеся до Сибири
в репродуктор войну!..
И ушёл он под пули,
и остался тот сруб
в расцветавшем июле,
словно высохший труп?!

... Сруб стоял очень долго:
верно, года так два...
А потом зимой подлой
сломан был на дрова.

ПРОКЛЯТЫЙ ПОТОЛОК

Стучится дождь по крыше,
в окне рассвет сырой...
У печки мать чуть слышно
ворочает клюкой.
И молится: «Дай, Боже
не обвалился б как...»
Но не стихает дождик
и потолка: кап,.. кап...
Открыв глаза, смотрю я:
и вправду, как потоп.
Мать вслух уже горюет:
«Намокнет вот - и хлоп...»
Да, от таких гнилушек
всё можно ожидать.
Кап... кап - на край подушки,
не хочется мне спать.
Возьмёт и впрямь обвалится
трухлявый потолок...
А капли едко жалеются,
упав мне на висок!..

СУШИЛКА

Под крышею – площадка:
печь да под...
В гуртах пшеница... плиты и лопаты...
С нас, пацанов,
катился жаркий пот
когда, в ночь,
приходилось хлеб лопатить.
Играли блики ярко на лице,
дрова трещали в печке,
словно взрывы,
и каждый думал о своём отце...
Рукой воронки на пшенице рыли.
И жарили на печке коноплю
и не было её на свете слаще...
Уставшие, встречали мы зарю
за спорами о страшной силе вражьей...
... Да, здесь был ток,
на этой вот поляне.
Темнеет...
Зажигают свет дома.
А вдоль забора спелый конопляник
несёт навстречу терпкий аромат!

МОЁ НАСЛЕДСТВО

Сохнут реки былинные
и мельчают моря,
и глаза соколиные
от обиды горят.

Корчится под пожаром
вековая тайга
и открытыми ранами
даль покрыта слегка.
Сколько, сколько потеряно
на неверном пути?!
Потому я растерян:
как себя мне вести?
Разорить, разбазарить
можно в тридцать себя -
раньше лет не состарюсь,
мир прекрасный любя!
И в любой непогодине,
в перебранке любой
буду помнить о Родине
у себя за спиной!
Она дом мой и детство,
небо, клин журавлей...
- Если есть мне наследство -
то в Сибири моей!!

ОГНЕННЫЕ КОНИ

Солнце косо бьёт лучами
по-над речкою в луга,
и лучи грозят клинками
шлемам, спрятавшим стога.
Вижу: огненные кони
мчатся в дальних облаках,
слышу цокот злой погони...
Блеск на вспаренных боках.
И когда стемнеют дали.
искрами из-под копыт
звездапад летит прощально.
Млечный путь звенит, звенит!..

СТАРТ В КОСМОС

Шагаю по улице майской,
подхвачен людскою волной...
Я встречным шепчу: «Улыбайтесь,
гордитесь отчизной родной!
Не бойтесь морщин, улыбайтесь,
забыв о солидности – смейтесь!
И души свои раскрывайте -
и дружеских чувств не жалейте.
Мир ветром весенним распахнут,
мир тянется к свету, добру!..
Ладони литые над пашней
вздымают рассвет по-утру!
Близки и по новому поняты
взгляды отцовские, влажные:
флаг звёздный первыми подняли
в космос сыны их отважные!
Полотнища реют над нами,
багрянностью даль озарив.
- Они воскрешают в памяти
тех, кто навечно жив!

СМЫСЛ ЖИЗНИ

За перевалом - перевал,
за высотой - высота!..
Я счастлив?! - Жизни смысл познал,
в ней главное - МЕЧТА!

С ДУМОЮ О ХЛЕБЕ

Зацелованное небо
зорями средь лета,
в осень - с думою о хлебе
тихой ночью светит!
Сеет зёрен блеск литой
в звёздные зарницы...
А на поле хлеб густой
спело колосится.
И роса прохладой жжёт
- капля светят льдинкой...
Журавлиный перелёт...
Скирды на заимке...
Иней травы побелил
на бугру открытом...
- Может завтра, что есть сил,
дождь прольёт сквозь сито?!

НА КРАСНЫЙ СВЕТОФОР

Вы видели не раз, как некий хам,
идёт на красный свет через дорогу...
Я видел сам не раз то здесь, то там.
Их много - и пора
спросить с них строго!..
А вот недавно мне приснился сон:
... по гололёду, шумным перекрёстком
спешу на «красный»... Я - силен, умён,
культурен в общем, и к тому же- взрослый.
Вдруг мотороллер - маленький фургон
на скорости вильнув, меня объехал -
скользя, как вьон, о столб -
в лепёшку он
разбился... Крики ужаса, звон эха!
На мостовой с раздробленной ногой
лежал пацан - и так кричал от боли!..
Сбежались люди...
Я же - стороной
во двор безлюдный юркнул,
словно кролик?!
И прячась, через задние ходы
я убежал, а крик сверлил мне уши?!
... И вот проснувшись, понял:
«Никогда
теперь дорожных правил не нарушу!»

ЗАПАХ ХЛЕБА

Свечерело... На элеваторе,
пряча голову под крыло,
голуби сизоватые
отливают ярким пером.

Понахохлились и, воркуя,
сонно щурят бусинки глаз...
Свет вечерний слабея, волнуясь,
бьётся в стены, в щели струясь.
Оживляя старинную кладку,
заискрилась мучная пыль...
... Где-то в жизни моей не складной
сладким запахом встала полынь:
в сорок третьем на мельнице старой
я грузу на телегу мешки,
белой пылью укутанный, жаром,
мельник вслед посылает смешки.
Крылья мельницы, словно живые...
мне неполный десяток лет...
- Запах хлеба, горчащий полынью...
Хлеб, вкуснее которого нет!..

ГОВОРИМ КРАСИВО

Сколько раз обманывала жизнь,
к лучшему сулила перемены.
Перестройки ныне дождались -
но и в ней нам видится измена?
Что ты скажешь, честный человек,
на иные смелые призывы?!
... Пусто в магазина...
русла рек обмелели...
пережитки живы.
Каждым утром в небе синева
просит, молит уберечь природу...
К вечеру кружится голова -
не хватает лёгким кислорода!
К вечеру смятенье, следом - стресс:
перебои в сердце... вены пухнут...
почему-то прибавляет вес...
И всё меньше воли в нас и духа.
И куда ведёт та колея
Неурядец - в чём первопричина?
Отвечаю, правды не тая:
не хотим мы часто горбить спину.
Говорим красиво и кричим -
и в кусты, от трудностей и дела.
Со стыда когда-нибудь сгорим -
ведь на сердце столько накопело?!

В ПРАЗДНИК «ВЕРБНОЕ»

Серебрятся волны гребнями
на разливах по весне.
Праздник есть весенний - «Вербное»,
так любимый с детства мне!
С веткой вербы страстной песнею
оживляешь мир вокруг,
оттого неинтересны мне
лица всех твоих подруг.
Я молчу и чутко слушаю
отзвуки в душе своей,
обещаю: не нарушу я

верности мечте твоей!
Шутишь ты,
смеясь, рассказываешь
про изъяны про мои -
не случилось бы оказии
вдруг остаться без любви.
Пляшешь ты и сердце трогаешь
неуёмной страстью жить...
Шли мы разными дорогами,
чтоб судьбой единой быть.
Так зачем с высокомерием
про достоинства свои
повторяешь, ведь ты мне верила
за желания мои.
Столько лет с тобой не ведаем
ни разлада, ни измен -
рядом с горем чьим-то, бедами,
в грозном гуле перемен...

ОНИ - СЕРДЦЕВИНА НАРОДА

Кормят нас мужики,
строят храмы строители...
Вечные мы должники
пред ними - искусства служители.
Кто ты - артист иль поэт,
или кудесник всевышний?..
Знай, дарят земной нам свет
шахтёры...
ты - третий лишний.
Садовника труд благородней,
пахаря труд нужней,
они - сердцевина народа,
а мы лишь отростки ветвей.
«Интеллигент-белоручка» -
ругаю себя иногда:
мне не взбираться по кручам,
не возводить города.
Но горбясь, ночами врубаюсь
в иные сокровища я,
и свет не земной постигаю
над серостью бытия.

СТРАДНАЯ ПОРА

«Захочу, обмолочу!..» -
говорит девчонка,
«мне две нормы по плечу...»
- и смеётся звонко...
Ну, а парень-комбайнёр
приуныл смущённый,
меж сельчан ему позор
то слышать от девчонки.
Отвечает: «Фантазёр,
Ты - маленькая, тоненькая...
И какой же комбайнёр?
Так себе - соломинка...

Взял б на руки,
в пыль бы стёр...
сдул, как одуванчик...
А ещё вступаешь в спор
со мной с утра пораньше.
И кричишь всем: «Захочу!..»
- Нет ,уж слишком это,
сам три нормы накручу -
что тогда ответишь?!»
с. Русско-Полянский

В ЗАСНЕЖЕННОМ ПОЛЕ

Саннный след, как строчка в поле,
строчка первая зимы...
Я опять грущу по воле,
хочется одеть пимы.
И под скрип полоз весёлый,
разбежаться саням вслед,
так чтоб полшубка полы
развивались, взвихрив снег!.
И упасть в охапку сена,
вслушиваясь в храп коня.
... Но в машине я, степенно,
восседаю у руля.
Снова еду я на «Волге»
по заснеженным полям...
В бахrome кусты у кромки...
зайцев след по сторонам.
Снег искрит, слепит до боли...
дым деревни вдалеке...
чуть поближе - в чистом поле
дровни катят налегке...
Кто- то в шубе, иль в тулупе...
лошадь нехотя трусит...
кажется: на потном крупе
иней блёстками искрит...
Тенькая, звенит уздечка,
быстро полозы скользят.
... белый стог вдали, как свечка...
белые леса грустят...

* * *

Ожидание грозы
В куче муравьиной - суета.
Комары назойливей над ухом...
Появилась в небе – чернота.
Жду: вот-вот из тучи
молот ухнет
И прокатится весёлый гром,
откликаясь в падах и оврагах.
Вихрь взметнётся –
и пойдёт погром,
на пути сметая все преграды.
А потом - пролётётся чистый дождь.
Напоит цветы, траву и рожь.

УБЕГАЮ...

Отстали...
исчезли огни городские...
Мой путь - на озёра, в леса!
О, душные скверы,
заботы мирские
и в дымах сплошных небеса?!
От вас убегаю...
Дремучие дали
кострами ночными зовут...
Там нету насмешек,
разборов,
скандалов...
Там звёзды в сны тайно сойдут.

ДРУГУ

Отцветает черёмуха...
Всюду
лепестки, как снежинки, летят.
Облетает нечаянно чудо?!
- Словно я в чём-то сам виноват?
Отзвенели ручьи в луговинах,
жизнь с рекою вошла в берега.
А весна, с холодами в обнимку,
цвет черёмухи не сберегла.
Что жалеть:
майский свет повторится,
ну а нам, мой родной человек,
на капризы природы сердиться
ни к чему -
на висках уже снег.

ОЖИДАНИЕ МЕСЯЦА

Мой давний, тайный амулет -
ущербный месяц в узкой раме...
Его холодный мёртвый свет
зачем слепит глаза упрямо?..
В предчувствии тоскливом грудь:
все мысли о тебе, так больно...
И боязно в окно взглянуть...
И сколько ждать? -
Нет, всё - довольно!

ЗАГАДОЧНАЯ ВЫСЬ

Озябшее солнышко лижет
лучами верхушки стволов...
Оранжевый, розовый рыжий -
над речкою шлейф облаков.
В просветах за лёгкой вуалью
сквозит бесконечная высь,
там призрачной синею далью
иные пространства слились.
Пугает в них тайная вечность:
миров неземных бесконечность.

* * *

Осенние перемены
Мороз сковал огромный плёс,
повмёрзли лодки в няшу,
и ветер первый снег разнёс
над лугом полинявшим.
Шуга плывёт на Иртыше,
льдом старица мерцает...
Вот и лисица в камыше
подранков подбирает.
Виляя огненным хвостом,
ползёт она к закрайкам...
А ворон хрипло над леском
по-зимнему закаркал.

ОЗЁРА ВСТАЛИ

Ночью ветер буянил, свистел,
нёс пылинки зернистого снега,
а под утро притих, присмирел...
Вызвездило холодное небо.
От морозца - туман на лугах,
иней выбелил плотный кустарник
и зажёл искорки на стогах...
Захрустел под осокой кочкарник.
Я тропинкой прошёл до воды -
озерцо мёртвой гладью схватило:
лёд блестел наподобье слюды,
а камыш, жалуюсь, пел уныло!

ОБЛАЖНОЙ ДОЖДЬ

Лепечет дождик обложной
в березняке средь веток,
и в травы тоненькой струей
стекает незаметно.
Раскрылись лепестки цветка,
приподнялась пшеница...
И светит капля с колоска,
на усике искрится.
Парит нагретая земля,
повсюду пыль пририта...
Из тучек сереньких, шала,
дождь сеет, как из сита.

О ПЕТУХЕ И СОБАКЕ

Он кукарекал целый год
без усталости и сна...
И эстафету отдаёт
собаке: «Будь умна,
буди людей, зови людей
на добрые дела...
И сил своих не пожалей,
чтобы земля цвела!..»

МАЙСКИЙ ПОЗИМОК

Оттепель вчера двор почернила -
с крыши капала, светясь, вода...

Только снова в ночь пурга завывала,
застонали в небе провода.
Хлопя липнут к окнам, нависают
на деревьях - не видать следа.
... Вышел я на улицу: в ней стаей
кружит снег... сплошная чехарда...
Шлейфы мед берёзками в кружении
оттеняют чудо белизны...
Снег порхает - и без сожаленья
белил все проталины весны.

ОСЕННЯЯ ХМАРЬ

Из низких тучек нудно моросит...
Берёзы потемнели, сник кустарник.
Лишь солнечной багрянностью сквозит
внизу под согрой вымытый татарник.
... Вхожу в лесок - прёт сырость из куста,
стекает дождь из гнёзд вороньих, с веток.
Вокруг мертво...
Цвет прелого листа,
недавно яркий, ныне не заметен.
И плотные, седые облака,
что стелются волной над самым лесом -
печалют взгляд...
В тиски берёт тоска.
Ташусь домой я, голову повесив.

ПОЛЫНЯ

Стайка уток на замерзшем плесе
разбивает первый тонкий лёд.
Птицы грудью бьются!
Льдинки-блестки
катятся по льду - и звон идет.
Полынья колышется все шире,
и парит свинцовая вода...
Кряквы,
расправляя веер крыльев,
машут, разгоняют крошки льда.

озеро Алабота

ПОЛЫНЯ

Лёд вокруг всё толще, звонче -
не сдаётся полынья:
плещется, играет солнцем...
Ах, ты, реченька моя!..

* * *

Воды млеют, загораюсь,
в бликах стынувшей зари.
На болоте мшистом, с края,
протрубили журавли.
Прядью маминой седою
занавесил луг туман...
Приозерье, я не скрою -
красотой твоею пьян!

Вновь иду я на рассвете
через столько длинных лет
на поляны, в край заветный...
Ветки шепчут мне: Привет!

ПРИИРТЫШЬЕ...

Прииртышье, край былинный!
Ширь озёр, разливы рек,
и простор безбрежно-синий
с детства в сердце - всё навек!
Лесостепь... Тайга... Урманы...
Край суровый, дорогой!
Здесь селились в дали ранней
предки, сильные душой!
Прииртышье, край рассветный!
Несказанно, древний край
красоты, богатств несметных -
мой земной, чудесный рай!

* * *

Пусть что будет,
я не раз обманут...
Я молюсь
на звёздный дальний свет.
Прикоснусь к поэзии губами
и пойму: лекарства лучше нет!!

ОЖИДАНИЕ

Прошла метель шальная
и выбелила лес...
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес.
Трескучие морозы
в заснеженных лесах
мне подарили розы
на стынущих ветвях!
Любуюсь: как красивы
пушистые кусты
у ивушки сонливой-
и как они чисты!..
Лес тих, застыл в дремоте,
в сугробах – холодок!..
Скупую позолотой
окрасился Восток.
Там солнышко несмело
над лесом поднялось
и в поле нежно- белом
огнями занялось.
Весёлыми лучами
засеребрилась даль...
А я брожу, скучаю -
и мне чего-то жаль.
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес,
совсем не понимая,
что спит зимою лес.

ПИШУ О ГЛАВНОМ ВСЯКИЙ РАЗ

Пишу о главном много раз,
о самом - самом...
О жизни трудной без прикрас
и без обмана.
В душе людской переплелись
любовь с презреньем...
Добро и зло...
Земля и высь...
И гордость с униженьем.!

ПРОРОК, ДОВОЛЬНО ИЗРЕЧЕНИЙ

Пророк, довольно изречений,
оставь восторженный свой пыл...
Мне Судный день, мороз крещенский
нужней, чем праздничная пыль.
... Здесь рощи тихо и печально
роняют золото листвы,
звенит тоскою изначальной
крик журавлей из синевы.
Мне что-то шепчут с лаской ивы,
шиповник светит сквозь кусты...
И я опять брожу счастливый
среди осенней красоты...

И ВЕРИТСЯ В ВЕЧНОСТЬ...

Приблизилось время жестоких итогов,
и каяться, клясться - совсем ни к чему...
Уж вечер...
Сиж у пахучего стога -
лист жёлтый, сорвавшись,
слетает во тьму.
... Я шёл по России - столбы верстовые,
как вехи, остались вдали...
Вернулся домой - вижу край, как впервые.
Но тот же всё запах земли!
И люди- родные, в глазах - соучастье...
Свет звёзд жизнь мне вновь озарил...
И верить в вечность! -
как с небом прощаться,
ведь я ещё, словно, не жил?..

ПРОЕЗДОМ В ГОСТИ

Опять проездом к маме в гости
я поздней ночью постучал...
А утром, одеяло сбросив,
умывшись, сразу в лес помчал.
... Спешу тропой, вокруг колосья
по всей стерне - вдоль, поперёк.
Они меня как будто просят,
чтоб я собрал их и сберёг.
Им так не хочется под снегом
без пользы зиму коротать...
- О, детство бедное! Где б не был,
войны мне годы вспоминать.

В той дали я - пацан голодный,
босым шагаю по жнивью,
хлеб ноздреватый, свежий, сдобный,
зажав в кулак, жую... жую.
Откуда хлеб? - собрал я в поле
колосьев до верху мешок.
На жерновах молот довольный,
что в деле каждый колосок.
И с той поры, когда я в поле,
и вижу в колосках жнивье -
Я вспоминаю снова с болью
несладкое в войну житьё.

ОСЕННЕЕ УТРО

Сияет медь в листве берёзок!..
Полынь оделась в серебро!..
Льнёт первый утренний морозец -
и грусть - под самое ребро!
Свежо в лугах... За огородом
бьёт в ноздри влажный чернозём...
У речки ивы колобродят...
Осинник светится огнём!
Раскрашен лес, и зоревые
лучи стекают по листве.
И гуси клиньями впервые
скользят без криков в вышине.
Прощай, раздолье луговое,
и вод озёрных бирюза!..
Прощай, всё нежное, святое -
что нам дарили небеса!..
Край неба просинью затянут,
туман холодный в травы лёг.
Калина ало гроздь тянет
ко мне - и в сердце - огонёк!!

ПРОСТИ, МЕНЯ, МАТЬ

Оторвал я тебя от деревни,
от зелёной, родимой земли,
и привёз в шумный город,
где дремлют -
тополя на асфальте в пыли.
На деревья смотрела ты грустно
и с испугом - на этажи!..
Я не смог
Как-то сразу почувствовать
перемены твоей души.
... Заболела, слегла ты в кровать,
и не встала...
- Прости, меня, мать?!

СНЕГ - ВРОДЕ КНИГИ

С тоской любви не выразимой
смотрю в продрогшие поля...
Лишь первый снег -
но вот на зимник
ведёт прямая колея.

Лежат под толстым льдом озёра...
Здесь, в камышах, следы лисиц...
Ондатры хатки - верх разодран...
А дальше - пух несчастных птиц.
Подранков оставалось много,
и крался ночью, при луне,
к ним лис...
Бескрылые, в тревоге,
метались утки в полынье...
... Вдоль озера кустарник редкий -
в нём утром зайчик наследил.
Как крестики - след по соседству,
здесь тетерев в обед бродил.
Снег чистый - вроде новой книги,
читай следы - всё на виду.
Смотри позорче, и постигнешь
Ты - радость леса иль беду?!

МАСЛЯНИЦЫ В ДЕРЕВНЕ

Отпускные вы, деньки?!
В круговерти снежной замятии
понеслись вперегонки
по местам родным и памятным.
... Масляниц горят костры,
ветерок шуршит соломой,
смех девичий: «Догони!..»
Звук баяна в крайнем доме.
Речки узенький изгиб,
берег в кружевах сугроба...
огоньки вечерних изб...
И присказок полный короб!..
... Вот неделя позади...
За околицей берёзовой
нас автобус посадил
с другом -
в первый раз тверёзовым!..

НЕИЗБЕЖНОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Оглянусь:
жизнь не так - всё не так!..
Как мечталось в компании шумной?!
Цена прошлому - медный пятак...
Так куда со своей лезу думой?!
Ах, смешной,
успокоюсь когда?..
О, душа, ты не раз погибала,
как сорвавшись с неба звезда,
ты цветком на лугах прорастала!
.. Жду я зорьку...
Вновь гложет тоска
по рассветной поляне медовой.
- Блеск холодный ружья, бой курка
не страшат -
я на всё уж готовый.

А ТЕПЕРЬ - НИ ШИША

Остов брошенный
 ржавого крана
упирается ввысь, как костыль...
Вдоль дороги - колючки бурьяна...
Речка... Луг...
Я когда-то здесь жил...
Здесь плескалось пшеничное море,
деревенька жила в синеве...
- А теперь, ни шиша....
Бродит горе
по плакучей, дурманной траве.

ХОЧУ Я СТАТЬ СМЕЛЕЕ

Себя веду порою, как мальчишка,
не то, чтобы боюсь - а трусость есть...
Я битым был,
больших и малых шишек
в моей судьбе, пожалуй, и не счесть.
Ах, это чувство вечное - сомненье?!
А вдруг?!..
А если буду я не прав?..
... Опять весна,
 и кружится вселенная!..
Звенят ручьи
 и всюду зелень трав.
Лицо подставив солнечному ветру,
вдыхая запах утренних полей,
хожу тропинкой в тишине рассветной...
- Хочу я стать смелее и добрей!..

ОКОЛИЦА

Улица заречная
уходит краем в лес.
Дым из труб - колечками...
Ночью тихо здесь.
Чутко спать околица
в сумраке берёз...
Небо, словно молится,
мигая сотней звёзд!

ОПОЛЗНИ

Разлилась весной река,
берега подмыла,
и с обрыва - с висока
иву уронила...

ВИДЕНИЕ

Женщина во сне
 преследует меня,
робок и не смел -
 я страшусь огня!
Взглядом откровенным
 светит мне из тьмы,
раздвигает стены,
входит..

Рядом мы.
Тишина... Мерцает
 отблеск на плече,
и, почти нагая,
 при одной свече...
Где же раньше видел,
 где и с кем встречал -
может в тайной книге
 мальчиком читал?!
Я давно не маленький
 и совсем не юн,
сны мои отравлены
 бредом тяжких дум.
Так зачем напрасно
 преследовать меня?..
- Вы чиста, прекрасна,
 но из чужого сна.

ВЕРТУШКА ХОХОТУШКА

На Азовском море нынче хмуро:
ветер... волны мелкие ребят...
Вечерами длинными мы курим
и глаза непрошено грустят.
И на всю компанию одна
Девушка - вертушка, хохотушка.
Как волна, бездумна и вольна,
вихрь волос трепещет на макушке.
То с одним присядет,
 То - с другим,
первому - улыбка,
 с этим - выпьет...
потанцует с третьим...
Словно дым,
взгляд её летит ко мне и липнет.
Жалуется: тот вот пристаёт...
этот ночью лазил по балкону...
- Не пойму, зачем она мне врёт
что тоскует по семье и дому.
Знаю: будет вечер и опять
сядет в круг, к кому-то прижимаясь...
- Что о ней приятного сказать?
Нечего...
В подобных - не нуждаюсь.

СЕМЕРО ПО ЛАВКАМ

В плацкартном суета и давка,
 я слышу странный, громкий смех.
Бывает: семеро по лавкам...
- Билеты лишние на грех.
... Без мест с женой,
 а с ребятнею
нет хуже... Хочется им есть,
и спать...
- И сыплют болтовнею
два мужичка - в чьих лицах спесь.

Самодовольны, кругло плечи,
подвыпивши, жуют калач,
лежат на полках целый вечер,
смеются -
рядом детский плач.
Им место уступить бы надо
хотя бы детям, не жене...
Но спорят с туповатым взглядом,
как нынче плохо всей стране...
А рядом- суета и давка,
за стенкою задорный смех...
- Не часто, семеро по лавкам,
в одном купе...
И двое - тех...

СЕБЯ ПОБЕРЕГИ

Под сорок мне, а кажется не жил,
хотя, признаюсь: не лежал в тиши...
Под сорок люди ставят часто точку,
вершин достигнув, свой имея почерк...
Но ни вершин, ни точек у меня:
«Всё впереди!» -
жизнь шепчет мне, дразня.
... Морозный блеск, снежинок круговерть.
- Не хочется стареть, дряхлеет, болеть.
А на висках пробилась седина:
минуты строже, горбится спина...
И под глазами всё темней круги,
и шепчет высь: «Себя побереги!...»
Болит душа -
озимок ли в лугах,
иль озимь в ней,
на стынувших снегах?!

ПАСТУШОК

Не от бедности ума -
от богатства сердца,
он построил терема
сказок по соседству.
И учился он и рос
больше не по книжкам -
пастушком среди берёз
подростал мальчишка.
Зябкий кустик обнимал,
кланялся с зарёю,
и один лишь понимал
каждый вздох коровий.
Птицы, звери- навсегда
стали ему близки
и встречали, как вождя,
криками и свистом!
В царстве солнечном, в лугах,
где цветы в сто радуг,
понял он, как дорога,
Родина и радость!

В холод, слякоть иль жару -
то в седле, то - пеший,
стадо гнал он поутру.
кнут свистел, как леший.
И в ненастье, хоть продрог,
в шалаше из веток,
строил терем-теремок
из дождя и света!!

НОЧНОЕ

Мне снится: нет несчастней человека,
чем я, на всём – на белом свете...
И как бы над судьбою не кумекал -
не нахожу на главное ответа.
Мир видится в чудовищных тонах,
не разумею- от чего такое?
Как будь - то бы в разодранных штанах
стою перед хохочущей толпою...
А может, перемазан сажей я,
не знаю...
Хочется скорей умыться...
... Проснулся, и дыханье затая,
всё думаю:
к чему всё это снится?!
И чувствую подспудно: в глубине
ворочается старый червь сомненья...
Что в сущности, за сорок лет сумел?...
-Так, пустяки...
Но где же вдохновенье?!

Я УЙДУ ИЗ ЭТОГО КРУГА

Помогите, скорее снимите
этот модный, с меня, костюм!..
В утлой комнатке что я за житель,
если тесно от чувств и дум?
В этих улочках тротуары
пыльны так - невозможно дышать!..
Как жить в грязном городе старом?...
Хочется мне в деревню сбегать.
В ней - почую проросшее семя
и по пашне пройду в сапогах:
где туман возле стана дремлет,
где так воздух соляркою пропах!
- Я уйду из этого круга,
унося на спине злой смешок...
Там, где степь омоложена плугом,
разожгу свой, в ночи, огонёк.

В ДОМЕ ПУСТО

Почтение к богу -
оно давно исчезло.
К чёрту на рога
молодёжь полезла...
Глядит старик устало
в окно, а где три сына?

Хотя бы самый малый
осталось здесь, у тына.
В окне осенний вечер
и загустела синь!..
... Старик сидит у печки -
хотя один бы сын?!
Старшой, Петруха, мастер
у доменных печей...
Сергей по водной части -
механик кораблей.
Лишь младший агрономит,
и то на целине...
Пусто, чисто в доме...
Старуха во дворе.

* * *

Осень золотистая,
с шорохами,
 свистами,
в росах серебристая,
с болью сердца
 чистою!..
С горечью полынною
вдоль дороги стынущей,
с обложными,
 длинными
 ливнями...
Несказанно дороги
мне леса твои,
что, редя,
 вздрагнули,
словно в забыти!

НЕ СПИТСЯ МНЕ...

Взошла над гривой яркая луна
и осветила лодки на приколе.
Уже за полночь - всюду тишина...
Туман и лунный свет плывут по полю.
Костёр погас...
С надрывами храпит
напарник мой, уставший на болоте...
Но от чего душа моя болит?..
Не спится мне...
Не радует охота.

НА ПОЛУСТАНКЕ

В долгой скуке вокзала
дремлют, спорят, жуют...
На судьбу ты не жалуйся -
знал тепло и уют.
На потёртой скамейке
не впервые лежишь...
От заботы житейской
вновь подальше бежишь.
И блестят твои очи:
Миг - и в них грянет гром!..
Скорый поезд грохочет
в темноте за окном.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ЖЕНСКИЕ ВЕРНОСТЬ, РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать второй)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя

ЖЕНСКИЕ ВЕРНОСТЬ, РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ

ЗАЧЕМ ПРИ ВСТРЕЧЕ

Над чем ты плачешь, убиваясь,
одна с тоскою по ночам?..
Чему, сквозь слезы улыбаясь,
ты засыпаешь по утрам?..
Ответь, души моей не мучай -
я не смогу себе простить
что тот слепой, нелепый случай
с тобой нас может разлучить.
Зачем при встрече горделиво,
ты отстраняешь тихий взгляд
и с безразличьем, явно лживым,
мне отвечаешь невпопад.
Пойми: наигранность и лживость
понятны мне, как никому,
лишь потому, что вместе жили
когда-то мы в одном дому.
- Над чем ты плачешь, убиваясь,
одна с тоскою, по ночам?..
Чему, сквозь слёзы улыбаясь,
ты засыпаешь по утрам?!

ДОЛГОЕ НЕНАСТЬЕ

На сотни вёрст: дожди, дожди-
с утра и до темна...
Дороги нет, меня не жди,
побудь пока одна.
Плывёт дождливый полумрак
от серой городьбы...
Сижу, скучаю - надо ж так,
не выйти из избы.
Глаза уставшие прикрыв,
я вижу вдалеке:
Иртыш, тебя, реки обрыв,
и тувельки в руке.
Бежишь вдоль кромки босяком
и платье парусит,
и брызг каскады над песком
в лицо моё летит...
.. Вот снова солнце и вода:
идёшь вдоль Иртыша,
ведёшь счастливая, горда,
за ручку малыша.
Но отчего туманен взгляд -
не слёзы ли опять?
Не я ли снова виноват -
ты можешь рассказать?!
Хочу спросить, но рот раскрыв,,
я вижу только дождь...
И долго так: глаза прикрыв,
слежу, как ты идёшь?!

МЫ НЕ РАЗДЕЛИМЫ

Не сплю. За тыщу вёрст вдали
не нахожу себе я места...
Сомненья - кошки наскребли,
давно с тобою мы не вместе.
Пожалуй, прежней нет любви,
но чувство ведь не испарилась,
и светом утренней зари
в улыбке сына испарилась!
А раз есть сын -
в нём ты и я,
и значит мы неразделимы!..
И смех его, как звон ручья,
стучится в будущие зимы.
Тебе я верю, но опять
вдали от дома нет ответа
и снова трудно засыпать -
молчаньем ревность подогрета.
Терзаю за полночь себя:
«Возможно, в чём-то изменилась?!»
Но ты не сможешь не любя
и даже -
если б полюбила!

РАЗЛУКА - ИСПЫТАНЬЕ СИЛ?

Порой красиво врут «писаки»:
«Разлука –
испытанье сил»
Мол годы, злоба, чьи-то враки
Не сломят тех, кто полюбил.
Теоретически всё верно,
на ТУ, от Омска не отстав
во времени, могу примерно
я до Москвы к тебе летать.
Но если тысячные вёрсты
разделят между двух широт,
я - в льдах арктических торосов,
ты - где пески и знойный пот.
В любви нам вёрсты не помеха,
как не помеха и мороз.
Но «Испытанье сил» - для смеха.
Не говори о том всерьёз.
Стремлюсь к тебе и даже часа
не хочется тень сторожить.
Мне нужно лишь всего для счастья
с тобой, любимой, рядом быть!

ВЗАИМНОЕ НЕПОНИМАНИЕ

Наши ссоры, пересуды -
мелочная блажь!..
Знаю: время их остудит,
рубль за них не дашь.
Просто в каждом есть гордыня -
я к тому же груб,
слишком охраняю имя...
Кто себе не люб?!

Да, я сам хорош, пожалуй,
коль согласья нет.

Из- за капли даже малой
не берёт совет!
Если каплю эту в мыльный
пораздуть пузырь -
будет свет совсем не милым,
потускнеет ширь!
Снова ты не хочешь видеть -
груб я, зол опять...
- Чем же я тебя обидел,
не могу понять?!

А Я СПЕШИЛ ЗА ТЫЩИ ВЁРСТ

Летел, спешил за тыщу вёрст
весь в помыслах о доме.
Я одиночеством промёрз
в чужих краях огромных.
Вхожу в подъезд, приезду рад,
вот дверь, родные стены.
Но слышу в сердце перепад,
мрачнею постепенно.
Пуста квартира, пол скрипуч -
а я мечтал о встрече.
В окне июльский яркий луч
сияет, стрелы мечет!..
Зачем спешил за тыщу вёрст
когда тебя нет дома?
Зачем?.. Зачем? - стучит вопрос...
Уйти, скорей к знакомым.
С приездом выпить, рассказать
про быль и небылицы...
Кого- ни будь расцеловать
и о тебе забыть...
На море ты, но вышел срок
и прилететь должна бы...
Не ревновать - я дал зарок.
О, как сейчас нужна мне!..

Я ВИЖУ ТЕБЯ

Не помня ни зла, ни наветов,
забывши страданье и боль -
вернёшься ль ко мне на рассвете
из мглы воскрешая любовь?!
Я жду тебя облаком, птицей
в Рождественском сне, наяву...
Лишь снег начинает кружиться -
снежинкой обворожу!..
Синица в окошко стучится
и голубь воркует в тиши,
я знаю: со мною случится
беда, если ты не простишь?!
... А снег за окошком мелькает
как пух - белый пух лебедей!
- Я вижу тебя в птичьей стае,
летающей к печали моей!

В НОВОГОДНИЙ ВЕЧЕР

Я думаю мучительно сегодня
не о вселенной и её судьбе...
Нет! - в этот вечер новогодний
я думаю лишь только о тебе.
Зачем?..

Пожалуй и не скрою:
сентиментальности здесь ни причём
- перед своею первою любовью
я выгляжу наивным простаком!
Да, в этом я не лучше и не хуже
других, в грехах покаяться могу.
но знаю я - раскаянье не нужно,
когда тебя так мало берегу.
И плечи, твои сгорбленные плечи
над сыном, над корытом и борщом -
они укором мне-
им было б легче
когда бы заменял своим плечом...
Нет! Ничего себе я не прощаю!..
Я вспомнил - девушкой идёшь ко мне -
загадочною, хрупкой...
Там встречаясь,
боготворил тебя, взглянуть не смел!..
... Опять идёшь ты с головою гордой
неслышно. властно по моей судьбе...
- Прикрыв глаза, в веселье новогоднем
я не могу не думать о тебе!

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как на ленточку финиша
набегает твой день!..
Маргарита Ильинична
новый фартук одень.
День рожденья - день сказки!
Рядом сын, рядом дочь,
майский вечер прекрасен -
не пугает пусть ночь.
За заботой, делами -
день за днём жить спешишь...
Вот и сорок!..

Ты с нами
о любви говоришь.
Говоришь: жизнь прекрасна -
а в глазах твоих тень...
Я прошу тебя ласково:
праздничное одень!..
От работы и шума,
от домашней возни
устаём мы безумно -
тяжелы наши дни.
Мир гудками распорот,
мир пугает бедой
не стихающий город
слышится за спиной...
Как на ленточку финиша
твой рождественский день!..
Маргарита Ильинична
- вам тюльпаны, сирень!

ВСЕГДА С ТОБОЙ

Любое зеркальце воды
как чистота твоя.
Ручьи и малые пруды
твою звезду таят!..
Со мной - в пути,
 в ночной дали...

И сон уходит прочь,
на самом краешке земли
ты сможешь мне помочь.
Светла весенняя вода
и доброта её,
как майский дождь,

 во все года
свершает колдовство.
Повсюду зелень и цветёт
в кювете подорожник,
день настаёт!..

И миг придёт,
что был так не возможен.
И по дорожке полевой,
где пыль дождём прибита,
пойдём мы рядышком с тобой
в счастливую обитель!..

* * *

С годами стал степенней, молчаливей...
И шуток пошлых больше не люблю.
...А ты осталась нежной и красивой,
улыбчивой... За то, благодарю!

* * *

Наивно - да!
 Обманываешь - знаю!
Смеёшься, обжигая душу, впрочем.
Но для меня ты -
 чистота святая...
Навечно стала нежной, непорочной!

* * *

Я жажду зелень с теплотой апреля,
где птичий клич,
звериный страстный гон!..
И хочется, как прежде, верить, верить
тем юным дням,
где был в тебя влюблён.

* * *

Дарует мне мечты апрель.
Воркует голубь. Снова верю
в клич брачный птиц,
в гон страстный зверя...
Мне луг распахивает дверь.
В нём зелень первая на взгорке,
в нём щавель, лук...
И запах - горький!

* * *

Бродячий ветер на увале
в берёзках ветками шуршит...
Шагал я здесь мальчонком малым
с ружьём....
Боль память ворошит...
Война!..
Отец погиб на фронте...
Охота. Бедность, Слезы. Мать...
Ту память, просто так, не троньте...
Её мне вечно вспоминать.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Срывая лиственный наряд,
дождями с ветром отшумела...
и опустила светлый взгляд...
и отошла...
 и потускнела.

Свою задумчивость и негу
упрятала за синью даль
и в возы сена, на телегу
сложила высушенный миндаль.
Бесстрастно плугом почернила
ширь опустевшую жнивья,
дорожки листьями прикрыла,
грусть неизбежную тая.
И только воздух ароматный
да синь небес уберегла,
и с отрешенностью понятной
белёсым инеем легла.

ЗАПРЕТ НА ЛОВЛЮ

На Ике рыба валом прёт
 в закате на кормёжку...
И плеск, и треск -
в камыш идёт...
Я натянул сетёшку.
Вся в дырах, старая - но вмиг,
в ней заплескала пелядь...
А вот и окунь, рядом - сиг...
Куда все страхи делись!
Запрет на ловлю? - что запрет,
когда тебе двенадцать лет...

НЕУБРАННОЕ ПОЛЕ

У стога пообщипаны бока,
К нему следы лосинные приводят...
Тетерева взлетают из рямка,
Летят на озимь...
Солнышко восходит...
А на жнивье под снегом залегла
пшеница, и валки едва заметны...
Неубран хлеб?..
 Что это, за дела!?!..
И кто за разгильдяйство
здесь ответит?

НА РАССВЕТЕ

Гулким шагом в стылой тишине
на лесной дороге след впечатан...
У межи кричат перепелята,
рядом коршун кружит в вышине.
Вдоль болотца в колее - вода
отливает чистой стальнойю...
Точечкой плывущей, золотою
светит в ней полярная звезда.

БРЕВЕНЧАТЫЙ ДОМ

Наш двор изменился не очень:
всё тот же саман и сарай,
и баня - дымит в ней, клокочет
котёл, обещая мне рай.
Стою я с цветным полотенцем.
Поленница дров на дворе...
Соломой накрытые сенцы
сверкают в сплошном серебре.
Добром не привычный транжирить,
мой старый, бревенчатый дом
напомнил, как в детстве мы жили
и как дорожили теплом..
Как вечером поздним, морозным
набрав с берестою дрова,
в «буржуйку» суём осторожно -
и радостны наши слова.
Из жести проржавленной, печка
гудит раскалившись - блины
печём мы, нарезав колечки
картошки...

ПЕШКОМ НА ПАСЕКУ

Низкие тучи над лугом
сеют свинцовую пыль...
мечутся чайки с испугом...
резко так пахнет польнь...
Пахнет осокой и тиной,
дождик все травы полил...
Запахи лютика, тмина
в городе я не забыл!
Дышитесь полною грудью -
как я люблю тихий дождь!..
Скоро пойдут уже грузди...
-Вон, колосится как рожь!
А в стороне, на берёзе
мокрые птицы сидят:
смокли, наохлились грозно.
Как-то с опаской глядят?
В миг просвистел над поляной
Сокол - малыш «пустельга».
... Иду я, и чавкают странно,
кирзовых два сапога?!.

МОИМ СВЕРСТНИКАМ

«Спасибо Вам!» -
мне осветившим путь
улыбкой дружеской, советом, лаской...
«Спасибо Вам!» -
наполнившим мне грудь
надеждою, похожую на сказку.
«Спасибо Вам!» - за таинство и чудо,
за чистоту прекрасных ваших глаз...
За косы шелковистые, за чубы...
За ваши песни... дробный перепляс...
Как тополя в озёрной тихой сини
и, как берёзки, в отблесках зори -
встречали Вы меня по всей России,
надёжные товарищи мои!..
«Спасибо Вам!» - шепчу я на закате,
«Спасибо Вам!» - спешу встречать рассвет.
И обещаю: сколько силы хватит -
Вам буду возвращать тепло и свет!!

ТАНЕЦ

Сказочный чародей -
лес меня не обманет...
Танец маленьких лебедей
вижу я на поляне.
Ёлочки в кружевах
нежно-нежно зелёных,
стройные, на носках
приподнялись смущённо.
Вот ударит оркестр -
ряд за рядом смешаются...
Только тихо в окрест.
Птахи перекликаются.
А они всё стоят
на одной ножке чутко.
... Я, как маленький, рад
этой сказочной шутке.
Затаившись, всерьёз
жду вступление оркестра.
- Светом белых берёз
наполняется сердце.

СТРАШНЫЙ СОН

Слышу дикие вопли,
цокот острых копыт...
Пыль от крови намокла -
каждый третий убит.
И наездники лихо,
заарканив меня,
удаляются вихрем...
Я застрял у плетня.
Хочется мне руками
петлю с горла стянуть.
Только руки, как камни,
не могу шевельнуть.

... Просыпаюсь со стоном:
ни татар, ни коней.
Стадо улицей гонят,
в окнах стрелы лучей.
Мать стоит у кровати:
«Что приснилось, сынок?..
Сочинять ночью хватит,
- вот и бредишь...
Аж взмок?!».

ЧТО ЗНАЧУ ИЗ СЕБЯ?

Лишь в полночь трудно засыпаю...
Встаю чуть свет, проспав боюсь...
Так день за днём, круги сужая,
к чему-то всё стремлюсь, стремлюсь...
В груди вопрос растёт до крика:
«Чего так запоздало жду?..
Средь помыслов и дел великих
каким я в новый день войду?!
Показ, фразёрство презирая,
самодовольство разлюбя,
признаюсь: до сих пор не знаю -
а что же значу из себя!»

МОЙ ДОМ

Себя не очень тороплю
и не бегу по жизни слепо,
давно я тайный дом рублю,
он - терем мне и крепость.
Мой дом из музыки и слов,
со всех сторон в нём двери:
он из лесных пахучих снов...
из доброты и веры...
В нём небе крышей - заходи!...
Послушай птичье пенье...
Своей рукою разведи
и горечь, и сомненье
... Ты не зайдёшь,
вблизи пройдёшь...
И я тоскую снова...
Но дом мой до того хорош -
в нём жить один готов я.
И всё ж, хотя бы загляни
на миг в моё оконце-
и освети надеждой дни...
Ты для меня -
как солнце!!.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Среди берёз под листопадом
навстречу женщина с корзиной
идёт согбённо, с грустным взглядом -
как в ожиданье стужи зимней.
В мгновенье, в неё я узнаю
девчонку с синими глазами,
весну и выпускной экзамен...

Ту - не закатную зарю!
(Мой друг встречался с ней тогда,
потом исчез вдруг без следа).
... О, жизнь,
как с нею ты разделалась -
старушкой в тридцать пять...
А всё ждала его, надеялась:
придёт расцеловать!
И плечи выпрямит покорные
и уведёт с собой...
Но шли года...
В них ночи чёрные
с невыносимой тоской?!
И вышла замуж от отчаянья,
почти за старика...
Он вскоре умер... Неприкаянна
прядь светит у виска.
- Я отпускник, и здесь проездом,
о прошлом многое забыл.
Но помню девушку, что прежде
когда-то втайне я любил...

СПАСИБО ВАМ

«Спасибо!» - предпочту другим
словам.
«Спасибо!» - слышу я по сторонам.
И радостно: опять помог кому- то,
хоть дело стоило всего минуты.
Пусть просто я дорогу подскажу...
иль бабушку в автобус подсажу...
кому-то дам простой воды напиться -
во всём найдётся радости крупица.
Пусть скажет кто-то: «Это, ерунда,
Вода - не пиво, что она - вода?!»
- но мне напомнит страшные года.
... В войну, с другими,
я играю в прядки
на пыльных улицах Старосолдатки:
голодные, разутые бездомники -
и тощи мы, и жёлты, как соломинки...
Да, нас тогда вскормили целым миром,
- и разве было только так в Сибири?..
Всех выучили, вывели нас в люди...
И разве это кто-нибудь забудет?!
.. «Спасибо!» - говорил я часто сам,
и за «спасибо» многое отдам!

СЫН

Губы - ну, точно вылиты!..
Скулы широки - копия!..
Только что в ванной вымытый,
лежит он ресницами хлопая.
Глазёнки тарашит бессмысленно,
три месяца - что понимать?
Зрачки большие и иссини,
напомнили мне мою мать.

И, вдруг, - несказанное чудо:
кулочками над личиком стукнув,
прогнулся немножечко грудью,
широко улыбнулся, аукнул...
И я, затаив выдох, сжался!..
Долго в ушах плыло эхо...
- Неужто он догадался,
что к нему
кто-то близкий приехал?!

РАЗОРВИ СОМНЕНИЯ

Страшнее нету одиночества:
среди друзей, среди семьи
вдруг ничего тебе не хочется -
ни нежных чувств и ни любви.
В тебе покорная растерянность,
беспомощность и даже страх -
и ты ступаешь неуверенно,
как будто цепи на ногах.
И близоруко смотришь под ноги,
и горбишься, и давит груз...
в башке теснятся мысли подлые:
не нужен как отец и муж...
Неправда?! - разорви сомнения,
открой тайник души своей!
И улыбнись!.. И озарение
жизнь сделает добрей, светлей!

НА ЭКСКУРСИИ В СУХУМИ

Прекрасна даль...
Мы вновь с тобой у моря:
магнолии, агава, кипарис...
Любуюсь синим солнечным простором
с горы,
куда мы с группой поднялись.
Пока автобус вёз - такая качка!..
- и повороты: «Обними, меня»!..
Тебе хотелось в облака чудачка -
так вот мы в облаках...
Внизу земля...
Ты тормозишь меня и без умолку
мне повторяешь:
«Глянь, красивый вид!»..
Да, красотища!..
Только мало толку,
когда душа не ей принадлежит.
Скромней моя сибирская Природа,
но прелестей своих она полна...
Скромней и нравы моего народа...
Ну, что же - воля каждому вольна.
А сдержанность моя, моё молчанье
совсем не безразличие -
смотри:
вон гималайский кедр своим сияньем,
как кедр сибирский в пламени зари!

ВСТАЁТ К МЕЧТЕ МЕЧТА

Счастье мне казалось высотой,
взять её - усилий многих стоит...
В детстве досыта мечтал поесть -
у меня сейчас, что хочешь, есть...
Помню, как мечтал об институте.
Кончил... Но в работе поминутно
виделась иная даль, заря!..
Захотелось в новые края.
Много исходил, немало видел -
на судьбу свою я не в обиде.
Только за мечтой опять мечта:
спорт, работа, дачи красота!
И гляжу вокруг, недоумевая -
моё счастье без конца и края...
Встречи, книги свежие страницы -
Хочется, порой взлететь, как птице?!

ЛИСТКИ-КАПЮРЫ

Своих я денег не считаю,
да их немного у меня...
Зато тетрадки я листаю,
стихами грустными звеня.
Пусть не богата их чеканка:
Ни злата в них нет, ни серебра...
И всё равно тяну я ляжку
в надежде счастья и добра.
Ищу свои я ритмы, рифмы -
во всём найти стараюсь суть,
но слишком что-то много ритвин
обезобразили мой путь.
И слишком часто спотыкаясь
о смысл, ломался карандаш!..
И всё же в выборе не каюсь:
мечту за деньги не продашь?!
... Опять пишу, и вновь черкаю...
И плечи гну... порой не сплю!..
- Листки капюрами считаю,
большими, а не по рублю!!

ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ

Судокамеры, барокамеры...
миллиамперы, микронейтроны...
... Миллионы людей замерли,
словно земля
под ногами тронулась.
Такого ещё не бывало:
как среди лета - снег!
... корабль со звездой алой -
в космосе - человек!!
Стоит, головою качая,
бабка под сотню лет...
А дед, усы расправляя,
косит на сыновей портрет...

... Пройдут времена и обычным
станет полёт до луны,
-А пока, а пока мальчишкам
снятся тревожные сны.

ВОРОВАННАЯ ЛЮБОВЬ

Солнце в золоте песка
жар полдневный копит...
- То в её глазах тоска...
То - весёлый хохот!..
Миловидное лицо
с родинкой на щёчке...
Бюст высокий... И кольцо
- замужем уж точно!..
... А кругом полно людей:
плеск и крики хором...
И сидит грузин над ней,
словно чёрный ворон...
Смотрит жадно,
нос, как клюв...
Изогнулся хищно,
в её сумку заглянув,
что-то долго ищет...
Сплюнув, через пляж иду...
Вот снова чернокожий,
не стесняясь, на виду,
блондинке корчит рожицы...
- Что ж ты, райское житье -
море голубое,
кормишь сволочь-вороньё
ворованной любовью?!

ВОСПОМИНАНИЕ О ДАВНЕЙ ГРОЗЕ

Солнце кувыркается по лужицам
как осколки молний,
схлынувшей грозы...
В синеве омытой
надо мною кружатся
голуби, крылами синь пронзив.
... Я стою с поникшей головою:
словно зеркала, прозрачны лужицы.
Не пойму, что сделалось со мною:
в голове уставшее
ярко мысли кружатся.
Кружатся, как голуби, отчаянно:
то парят, то - камнем
вниз бросаются...
Но не радостно, а опечаленно,
где- то глубине души снижаются.
-Дальний город вспомнился внезапно:
ночь... гроза...И на мгновенье в свете
от ресниц твоих скатилась капля...
И её унёс куда-то ветер...

СОСЕДУ ЗА СТОЛИКОМ

Вы с фужером нарзана -
экий благодостный вид!
Так сидеть в ресторане
мог бездарный пиит?!
Ваши ноздри чувствительны,
губу сжаты, строг рот...
- Что, со мной может выпьете,
мрачен тот, кто не пьёт?«
Не хотите? Витайте же?!
А пока - выпью я...
А то всё равно, знаете,
кружится ведь земля!..

КОГДА ПОЭЗИЯ ЖИВЁТ

Согласен я: твои стихи
красивы, грамотны, свежи...
В них- спелость трав, узоры кружев,
ночные звёзды в синих лужах,
над степью вольной беркут кружит...
- Ну, а кому всё это нужно?..
Я знаю боль и слышу крик,
когда не в силах прикусить язык!
И гнев в словах мне раздирает рот...
И совесть вновь на правый бой зовёт...
- Вот миг, когда поэзия живёт!!

ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ

Старик с лопатою в руках
вошёл в трамвай..
- «На дачу!» - кому-то говорит в дверях...
И в угол ношу прячет.
Места свободны...
Он в углу
Стоит - седой и светлый...
... Таких я видел на лугу
в покос, страдаю летней.
И не угнаться молодым
за ними - стариками...
Смотрю на них и вижу дым
веков далёких, каменных.
В дремучей шевелюре их
и в бороде таёжной,
как будто в зарослях седых,
я слышу клич тревожный.
В них, где-то глубоко внутри,
дух предков шевелиться...
- Любовь к земле у них в крови:
им на заре не спится.
Торопятся они в сады,
в цветущий мир, зелёный...
И забывая, что седы,
глядят на мир влюблено!

СНЕЖНЫЕ КРЕПОСТИ

Помню в детстве: большие снега
заносили сугробами крыши -
и свисали, подстать облакам,
меж дворами в улочках тихих.
Не проедешь, порой, на санях,
не всегда разойдётся со встречным...
...В старенькой телогрейке, пимах
выходил я .с друзьями под вечер.
Собираясь на улицах тех,
строили мы военные крепости:
были игры не ради потех-
было то продолжением верности!
Ещё где-то гремела война -
нас, сиротских, осталось много...
и сражались мы зло до темна
с первым чувством священного долга!
... Поизрезан траншеями снег:
доты, дзоты - подряд амбразуры...
Смелый взгляд из прищуренных век...
Атакующий крик с верхотуры!
Обстрелявши снежками врага,
в рукопашную сходимся в нишах...
- Снег за ворот летит - и слегка обжигает...
Мы яростно дышим!

СТАДИОН (песня)

Для меня ты - родная планета:
здесь подрост я, окреп, возмужал...
Здесь улыбки друзей верных светят...
И сияет в лучах пьедестал!..

*Припев: Зелёное поле, дорожек виражи,
спортсмен, словно воин,
штурмует рубежи!..*

На площадках, дорожках и кортах
закаляем к победам себя,
- подрастает надёжная когорта
олимпийцев из наших ребят.

*Припев: Зелёное поле, дорожек виражи -
мы учимся со школы
с победами дружить!..*

Реют празднично в небе знамёна
и проходят в спортивном строю
юных ленинцев миллионы,
отдавая салют Октябрю!..

*Припев: Зелёное поле, дорожек виражи,
характер и волю
на них докажи!..*

Стадион - Олимпийская чаша,
не испить её силы до дна.
В час суровой сразимся бесстрашно,
прославляя тебя, страна..

*Припев: Зелёное поле, дорожек виражи,
Отчизны будь достоин -
свой подвиг соверши!*

Я ВЫПРАВЛЯЮ СЛОВО

Сгорает высь, чист небосклон...
Не облако - конь рыжий
летит в закат, летит в огонь...
Летит, рискуя жизнью?!
Я медленно гляжу во след,
сам ринутся готовый
на тот далёкий, яркий свет...
Жду - выплавляя слово!
Простор загадочен и высь
с тем словом постижимы...
- Закат и конь?!
И чья-то жизнь,
не-рас-тор-жи-мы?!
Стихи, как раскалённый шар,
прожгли мои сомненья,
они - как вдохновенья дар,
в лице моём свеченьем!!

ДЕВУШКА СПЕШИТ...

От деревьев пали,
удлиняясь, тени...
Девушка в косынке.
Легки её движенья.
Девушка спешит
тропинкой на свидание –
девушке неведомо
ни горе, ни страдание.
Вслед глядит старушка
с тихою улыбкой,
Шепчут губы вялые:
«Ишь, какая прыткая!..»
...Вяжет сети белые
вечер над рекой,
струйка дыма серого
гаснет над трубой...
Потемнело небо...
Лес затих в гаданье...
И луна выходит
к звёздам на свиданье.

АХ, ГОДЫ-ВЁРСТЫ?...

В кустах – снега... А на краю
поляны
подснежников белеющих гряда...
Они нежнейшим ароматом манят
в иные, незабвенные года.
... Девятый класс...
Бежим мы в лес из школы,
но ты с другим подснежники те
рвёшь.
Я ухожу сторонкой невесёлый...
Ах, годы-вёрсты,
их уж не
вернёшь!

ЗАГАДОЧНЫЙ СТОН

Весна по лесам
колобродит:
из почек, из кочек, из нор
жизнь рвётся опять на
свободу
и в солнечный входит
простор!
Я слышу, как чибис
взлетает
и гуси на плёсах шумят,
и как перелётные стаи
под небом на Север летят!

А брачные крики ночами
над озером сводят с ума –
всё то, что до срока
молчало,
теперь и не пробуй унять!
Зов кряквы и оклики
выпи,
лягушек томительный звон
над гладью озёрной
рассыпаны
в любовный загадочный
стон...

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ОСЕННИЕ ЗАБОТЫ, ПТИЧИЙ ПЕРЕЛЁТ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать третий)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ОСЕННИЕ ЗАБОТЫ, ПТИЧИЙ ПЕРЕЛЁТ

НА ПОКОСЕ

Просторно утро...

Синь, ни тучки -
такая глубина!

На вилах зазмеился лучик
и взмыла вверх копна.

Блестит роса...

Ещё не жарко -
ни комаров, ни паута.
Цветами пахнет сено...

Ярко
шиповник светится с куста.
... Стог с каждым взмахом
выше, выше -
надсадней храп коня,
за волокушей посвист слышен,
раздольный луг дразня.
И листья сыпятся сухие
за воротник, чуть щекоча.
От вил ладони налитые
да тяжкий взмах плеча.
Устали руки с непривычки,
по телу - дрожь...
Но хвалит дед меня:
«Отлично!
Не зря наш хлеб жуёшь!»

ПОДСОЛНУХИ

Я вышел на увал
и ахнул:
внизу, меж согрой и рекой,
оранжевым ковром распахнут
луг детства,
близкий и родной.
Цветут подсолнухи!
Их - тыщи,
светясь лучами золотыми,
напомнили,
как в годы нищие
мы их за пазухой носили...
И, как тогда,
опять с пригорка
из-под руки гляжу в луга
и вижу четко дым прогорклый
и огненные облака!
Я вижу:
вдаль идут солдаты,
пыль за телегой,
там отец...
Позднее с фронта лист проклятый,
как света белого конец.
Но нет конца.

А в небе ясном курлыканье,
и луг цветет...
Родимый край приветлив, ласков, -
любая боль в нем заживет!
И сердце с нежностью забилося,
в поклоне головой клонюсь,
от предков набираюсь силы
и старой славою горжусь!
Ведь это поле, лес, речушка
от деда, от отца - мое!
Любая здешняя частушка -
моей поэзии родство!

НА СЕНОВАЛЕ

Ветер стих. В небе - синь...
Не заснуть...
Сено пахнет лугами цветущими!
И блестит надо мной млечный путь,
как дорожка, к тебе вновь зовущая.
За плетнём коростели звенят -
и сверчок вторит им в сеновале...
В избах тёмных натружено спят
до зари,
как войска на привале.
Ночь и вправду с ума сошла -
как колдунья,
в стога сыплет искры?!
Добела накалилась луна
и над речкою низко повисла!..
- Уже полночь, пора бы заснуть,
завтра ждёт полевая работа:
мне с литовкой опять спину гнуть
и махать, аж до пятого пота!

* * *

Водяная старинная мельница
крутит в памяти вновь колесо.
Речка... Пруд...
Многое перемелется...
Время прошлое в даль унесло
В белой пыли мешки подставляю.
Давней былью мука в них стекает.

* * *

Не дьякон, не божий угодник -
но веру Господнею чту.
О днях беззаботных, свободных
храню ещё в сердце мечту.
Да, Вера и Святость спасали
тысячи гибнувших душ.
Вожди сеют зло с пьедестала,
пророки же прячутся в глушь
И только опять старOVERу,
как Лыковы, лезут в тайгу.
Языческий бог - моя Вера,
Природу в душе берегу.

Природа - великое чудо,
частицей её вечно буду!

* * *

Словно нет меня на свете
(мне же 80-т лет),
только солнце также светит,
синь небес и яблонь цвет.
Те ж улыбки милых женщин,
та же речки глубина.
Жизнь (не больше и не меньше) -
Детский смех. Ручьи, Весна...

* * *

Лил дождь над спутанною рожью,
над близким лугом и рекой...
И с мокрой головой, взъерошен,
шёл по тропинке я домой.
Вот дождь затих...
И птичьи трели
заполнили весь лес в окрест...
Сверкало солнце...
Поле - пело.
Кузнечиков звенел оркестр.
Мир ликовал, бурлил, искрился.
Как в первый раз, на всё дивился.

* * *

По осени темнеет рано.
Скребётся в сердце кошкой грусть.
Из прошлого ожили раны
и в полночи мне не заснуть.
Ворочусь и встаю к окошку
Дождь по стеклу мне слёзы льёт.
Смотрю во тьму...
И стук тревожный
листом железным с крыши бьёт.
Но крыша высока, и жести
на ней там нет... И ясно мне:
что этот дом в далёком месте,
где жил в родимой стороне.

КОНЕЧНАЯ - ЦЕРКОВЬ

«Конечная трамвая - церковь!»
- готовлюсь к выходу и я...
Полно людей...
И словно меркнет свет,
в лицах старых затаясь?!
Старушке, шамкающей с всхлипом
у выхода, тесно стоять.
С ней рядом - испытые лики,
тепло одетым - как дышать?!
Вот дед кривой, в шубейке белой,
с короткой рыжей бородой,
с глазами, выцветшими медью -
с насмешкою следит за мной?»

Я старость в людях уважаю,
сам захожу порою в храм...
...И пристально я изучаю
тех, кто пойдёт к своим Христам!..
Сам в Бога никогда не верил
и не поверю никогда...
- Трамвай встаёт, открылись двери...
Спешат все к улице «Труда»...

ОБРЫВ

Косогор, песчаный берег -
вместо пляжа и забав...
Детство в сны пока что верит,
верит в запах ягод, трав.
Луг цветастый с узкой речкой,
согрой обнесённые...
Речка скручена в колечко,
чуть позолочённое.
И бросаюсь я с обрыва
в чистую, прозрачную!..
К берегу другому вынырнув -
скольжу в камыш и прячусь там.
Над рекой ребячий гам,
радужные брызги...
Что я помню мальчуган
из далёкой жизни?!
Помню: вечер и в полях,
комарьё сплошное...
Дальний свист коростелят...
Луг... ботало ночное.
Улиц пыль ...
Солёный пот...
Тяпку над картошкой...
Вечер, что от всех забот
снимет груз тревожный.
Речка... Реченька... Изгиб-
светлое колечко!
Как трамплин, бросал обрыв -
я летел как свечка!!

* * *

Т.М. Белозёрову

Полно стихов безликих
в журналах, напоказ -
с заявкой на великое
красуется подчас.
Отточены, изящны...
Все в розовых тонах...
... Но жизни настоящей
ни грамма в тех стихах.
«Молю тебя, поэзия:
тернист твой, труден путь!
- Ты чаще будь железною,
всегда

правдивой будь!»

ОГОНЬ И ЛЮБОВЬ

Трудно огонь добывали:
из камня его высекали,
случайно добыв, охраняли -
и если костры угасали,
то люди в ночи умирали!
С любовью бывало то же:
искали годами может,
и жизни была дороже...
Хранил её господи Боже!..
... Пришли времена иные
и свечи зажгли ночные,
и женщину благоворили,
посвящая ей песни земные.
Но кто-то придумал наложниц -
ножи засверкали из ножен!..
Любовь приручили ручнойю
и крали тенью ночьюю.
- Вот вспыхнули яркие люстры,
прожектора, фейерверки...
И стало немножечко грустно -
звёзды на небе померкли...
С любовью случилось подобное:
в роскоши и соблазнах
её предавали недоброму -
глумились над нею по-разному.
... Тревожней огонь век от века:
атом могучий расщеплен...
с избытком огня человеку -
только немало и пепла?!
Любовь на огонь похожа,
её вознесли до неба,
потом раздавили слепо!..
- И всё ж нет на свете дороже
любви?! - И храни её Боже!!

* * *

В сомнениях- смешного нет...
Ты честно ищешь выход к цели,
и от кого-то ждёшь совет,
боишься, чтоб не осvistали.

* * *

Толчу зачем-то воду в ступе,
порой – на гуще ворожу...
А дни идут...
И часто спутав, где сон, где явь -
в ночи грущу.

* * *

Одет и сыт я...Даже - весел...
Но кошки на душе скребут,
лишь вспомню детство,
где воскреснут
те дни войны...
В них - голод, жуть.

* * *

Подкрашены ресницы, брови...
Притворством часто одержима.
Кокетством, призрачной любовью
живёшь...
А подлинный мир - мимо!?

САЛЮТ ПОБЕДЫ

Спасибо миг! Спасибо век!
Из тысяч судеб - свет эпохи!
Над грозным миром пересверк!
Мы от салютов не оглохнем

РАЗГОВОР О ПРАВДЕ

«О, как брешут по радио!..» -
говорил мне сосед.
Говорил, не оглядываясь -
получил десять лет...
Помню детство военное,
в горькой дымке года:
гнали всех -
с военнопленными
за решётку тогда.
И учёных, артистов,
и рабочих простых...
И гремели в них выстрелы
спецбригад, постовых...
Гнали всех под расстрелы,
- вот читаю «ГУЛАк»...
Солженицин в нём смело
рассказал: «что и как».
Боевые комдивы,
офицерский состав -
кто из вас нынче живы,
в лагерях смерть поправ?!
Многое стало ясным,
да, свободней теперь.
О репрессиях гласность
шепчет в душу: «Не верь?!»
Даже здесь, в поле вольном.
на раздолье степном
отзывается с болью
правда в сердце моём!
«Разве в «ПРАВДЕ» о правде
ты о днях тех читал?..» -
говорит вновь украдкой
мне седой аксакал...

НА СТРОЙКАХ СЕВЕРА

А жизнь первопроходцев
не из лёгких,
когда она профессией – рабочей...
Как бурлаки, мы ухаем с верёвкой,
одним живём и стройкой озабочены.
Лес с просеки растащим, и опять
звоним пилой...

Потом покурим вместе...
Нас два десятка, в стойбище, ребят
и на две сотни вёрст пуста окрестность.
Над нами в небе реактивный гул,
экспрессы где-то мчатся меж вокзалов
... И я верёвку эту б не тянул,
да трактора замёрзли, отказали.
В тайге мы расчищаем новый путь
и к морю выйдем, как с тобой мечтали...
Но про рубцы на спинах не забудь,
запомни, как мы трудно начинали

СЕЛО КОНСТАНТИНОВКА

Отстали дожди под Рязанью
и туманы пошли по лугам...
Полустанков смешные названья
вслед мелькают по сторонам.
Непогода наворожила
тоску... И слеза на окне...
На пригорке деревня открылась,
мелькнула, пропав в стороне.
«Смотри, Константиновка!..»

Кто-то

сказал:

«здесь Есенин рождён..»
... Я ждал, прозевал её, что там
глазеть... У дороги лишь клён.
Опять за окном луговина
с речушкой... Вот лодка, весло...
Сижу, словно в чём-то повинный,
- ах, сколько воды утекло!

ВСТАТЬ В ПОЛНЫЙ РОСТ

Сколько лет, сколько зим
воду в ступе толку?!
И от этой возни
никуда не сбегу.
Выцвела синева
августовским днём,
Как полова, слова,
над осенним костром!..
Ещё конь не валялся,
а узда - с серебром!..
Я, как сталь, закалялся -
Вышло - бес под ребро!..
Вижу в полночь над тыном:
светец мой в пол-вершка...
Не боюсь, что остыну...
Жаль: дышу в пол-глотка.
Жаль протопал напрасно
столько стран, столько вёрст?!
И, как безвести павший,
встать хочу в полный рост!..

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Темнеет...
Пал розовый глянец
на травы...
Поёт коростель...
А мыслей причудливый танец
за тридевять дальних земель!
Там речка и лес предзакатный-
в нём галачий переполох...
Вслед девушке в лёгком платье -
старушки задумчивый вздох?!
Там в поле зелёной волною
поднялся усатый ячмень...
там мальчик на вело тропую
спешит обогнать свою тень...
В озёрах светлейшие линзы
вобрали небес синеву...
Там мама моя...
Там Отчизна,
которую с детства люблю!!

РОДИТЕЛЬСКОЕ ТЕРПЕНИЕ

Опять сегодня я несчастлив:
нет терпеливей объяснять,
наказываю сына часто -
а он и так всё мог понять.
... Он плачет долго, и в обиде
повздрагивают плечи зябко -
и, вдруг, себя я в нём увидел.
Себя, играющего в прятки.
И чтоб вперёд застучать «дом»,
ползу ужом в капустной грядке...
бегу в крапиве босиком...
через забор мелькают пятки...
Свобода! - что её светлей
для сердца детского?..
- Лишь небо!..
Так пусть же вечно дружит с ней,
- послушья рабского не требуй!..
Я с детства вырос без отца
и не курил, не хулиганил,
и сын - спортивный!... без конца
играет, прыгает с дивана...
И всё же хочется счастливей
увидеть сына, чем себя:
умней, воспитанней, красивей...
Его свободы не губя.

ОН - ДУШИ ИСЦЕЛИТЕЛЬ

Обнажаются давние раны
и, как хочешь меня назови,
ты предстала чужою и странной
без надежды и прошлой любви.
Пишешь: многое, что пережито
между нами - пора позабыть...

... Я - один...
 С облаков через сито
 осень снегом пошла моросить.
 Думы старые, боли забытые
 выплывают за полночь с луной...
 - Кто он, этот души исцелитель,
 что пол-месяца рядом с тобой.
 Пишешь мне:
 дни на море прекрасны,
 солнечны- и не хочешь домой...
 Ты остаешься с ним вправе,
 - согласен,
 если станет твоей он судьбой?!
 ... Я не сплю...
 За окошком иней
 превращается в звёздную пыль...
 - Не увянет твой образ и имя,
 как горька не была б эта быть?!

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В.И. ЛЕНИНА

Смотрю я кадры киноленты
 тех дней, последних, Ильича -
 как не похож на монументы
 тот образ, в горестных ночах!..
 Да и Москва ещё не знала
 о безысходности потерь,
 и что вожди не из металла,
 мы понимаем лишь теперь!
 Они сгорают, а не тают
 и трудно подвиг продолжать
 когда болезни в рог сгибают
 и лучшего уже не ждать?!
 Кровь пролилась от вражьей пули
 и сердце болями прожгло...
 России горло затянули
 разруха, голод и враньё.
 Как после бури величавой,
 нет у природы сразу сил,
 так и Ильич тогда в отчаянье
 по-детски, трудно говорил.
 Без сна и отдыха сгорая,
 который день не мог понять,
 что воля, разум отмирают,
 и нету сил ни сесть, ни встать.
 Из деревенских тихих Горок
 смотрел в окно, в Москву стремясь,
 и этот взгляд больной был горек -
 в нём вся душа отозвалась!
 Не мог представить ни минуты,
 как без него теперь Москва.
 Морщина лоб, боялся спутать
 часы и дни, твердил слова...
 Просился в зданье Совнаркома,
 и в свой рабочий кабинет,
 где планы всей страны огромной
 за эти семь неполных лет?!

И даже в полночь, засыпая
 нечаянным коротким сном,
 он видел флаги Первомая
 над звёздным и родным Кремлём!

* * *

О веке золотом
 читаю в старых книжках...
 Тот давний век в душе
 опять боготворю.
 И чувствую себя
 доверчивым мальчишкой,
 что над коптилкой в ночь
 не раз встречал зарю!

* * *

Приезд на Родину
 Набегают поля, перелески...
 речка, лу г-
 и опять косогор...
 Ну, а память глаза мне завесила:
 вижу старый, дырявый забор.
 Безутешное, бедное, сирое -
 расстилается милым ковром.
 Тихим светом в проулке открылася
 грусть о самом простом, дорогом...
 Родина!? - неизбывная ласка:
 дом родительский и палисад...
 Детство - юность!? Прекрасная сказка
 застилает слезою мой взгляд!

* * *

Весна! Весна! - поющий день
 в ручьях, скворечнях.
 в рамах - настезь.
 А птицы в ветках:
 «Звень!» - да «Звень!»
 Бежит на луг девчонка Настя.
 Там рёв коров и лай собак,
 там дойка. И пастух - чудак...

* * *

Родительский любимый кров,
 пред ним в долгу мы не оплатном.
 Стать на колени я готов,
 слезу у век своих запрятав.
 И голову слегка склонив,
 не торопясь, вхожу в проулок.
 Всё так же тополь мой красив,
 но воздух над деревней гулок.
 Рёв трактора, машины вой,
 треск мотоцикла, свист спидолы...
 А раньше тишь была, покой...
 Ходил я берегом из школы
 Как изменилось всё теперь:
 моя закрыта в детство дверь.

* * *

Берёзку вспомнил и весну
в той дали, здесь -
в любимом крае...

Держу я ветку на весу,
губами к почке прикасаясь.
В прожилках треснувшей коры
сок каплями в ладонь сочится...
Припал губами...
... С той поры
берёзка эта часто снится.

* * *

Приезд в деревню
Самый свежий майский ветер
мчится в утренней заре...
На прозрачных тонких ветках
блеск росинок в серебре.
Помню, как меня смущали
каблучков звон, платья всплеск.
Может не было б печали,
только в снах ты, как на грех.
Я хотел бы позабыться,
только в сердце снова дрожь.
... У крыльца стою... Ресницы
чуть прикрыл...

И - ты идёшь?!

* * *

Негромко ивушка шумела
над тихой речкой в час ночной...
Ты целовалась неумело...
Пять лет прошло...
Передо мной
явилась девушкой иной...
И лучше б я тебя не встретил...
Тогда- весна... А нынче - лето...

УЕЗЖАЮ...

В полумгле проплывает фасад
полустанка...
За речкой- поляна...
- Помню юность: навстречу летят
деревушки в рассветах багряных.
Мир навстречу! - смотрел я вперёд...
А теперь -
с грустью всё провожаю...
Может время обратно течёт?
- Уезжаю, опять уезжаю!..

ПРОЩАНИЕ С ЗИМОЙ

Прощай, зима! – растаяли надежды
твои, зато оттаяли мои...
Прощай, зима,
прощай светло и нежно,
не ты ли подарила нам ручьи?!

Прощай, зима!...

МЕНЯЮ Я ОДЕЖДУ,
апрельская магнитная теплынь
зовёт меня в поля,

где ветер свежий,
где в небесах ликующая синь!
... Кричат грачи!.. Проталины лесные
подснежниками светятся уже
и утки в луговины заливные
летят попарно, прячась в камыше.
- Иду к реке...

В широком половодье
несутся льдины, брёвна...
Не дыша я слушаю, как в синеве восходит
звон ледохода с далей Иртыша!..
... Ах, льдины- льдины, белые пингины!
Ах, льдины - стаи белых лебедей!
- Скажите льдины,
в чём же вы повинны,
что гонит вас
за тридевять морей?!

Прощай, зима!..

Прощайте, чудо-льдины!
Да здравствует апрельская теплынь!
Плыви на Север, песня лебединая...
Воркуй, звени сверкающая синь!..

* * *

Подснежник мой!
- тебе хотелось ласки,
ты распустил под солнцем лепестки,
озимок выпал ночью, белой краской
опять прикрыл поляну и кусты.
И ветер оголтелый, леденящий
всю ночь буянил и позёмку гнал...
Мороз под утро, с Севера подкравшись,
ручьи и лужи намертво сковал.
... Берёзы индевеют, смёрзлись почки-
ты, словно чудо, гибнешь на снегу,
и мнится мне:
Снегурочка не хочет уйти,
ещё не ведая беду!..

УЧИСЬ У ПРИРОДЫ

Птичий щебет плывёт меж ветвей!..
Свежесть первых зелёных листочков
оживляет мир хрупкий, непрочный -
жизнь видна на лице площадей.
Посредине весеннего дня,
я иду по асфальтной дорожке
и ступаю совсем осторожно:
стебельки восхищают меня -
из трещин прут тополя!!
Зри!.. Учись у природы весенней,
и на груди у Вселенной,
не ищи, где помягче земля!

ПРИИРТЫШСКИЙ РОДНИК

Прошёл тропинкой с края поля
и через лес, сошёл в овраг...
И, к роднику припавши, в волю
пью долго... не напьюсь никак?!
Приятно губы леденеют,
вливается прохлада в грудь,
свежеет тело - я хмелею,
забыв лесной далёкий путь.
Откинувшись, в траве высокой,
я на спине лежу, слежу -
как чайкой облачко высокое
скользит за лес по виражу.
Никто не крикнет и не звякнет,
лишь птицы полднем разморюсь,
в кустах чирикают невнятно,
поддерживая с миром связь.
... И вспомнил Днепр: овраг, криницу,
асфальт с тропинкою крутой...
- Идут напиток, как молиться,
и стар, и млад - большой толпой.
Родник в замшелый камень вправлен,
он слаб, а очередь растёт...
- А здесь, струя бежит, не капли...
И дикий хмель вокруг цветёт!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Пахнет снегом -
теплым снегом,
листья липнут к сапогам.
Не снежинки, а омеги
прячутся по облакам.
Пересилив притяженье,
вновь запутав виражи,
без снижения в скольженье
надо мной пошли кружить...
Шапку сняв, я собираю
первый звёздный урожай...
А снежинки тают Маем,
только губы подставляй!!

СЛУЧАЙ В ВАГОНЕ

Скорый поезд через ночь спешил
и покачивались в такт вагоны...
Люди, словно робкие ежи,
по купе таились незнакомо.
Я не спал и слышал за стеной
Стоны - вроде женщина рыдала.
Вспоминался случай мне другой
как людской заботы не хватало...
Встал и тихо вышел из купе...
Проводник дремал, присев в проходе,
он держал газетный лист в руке -
показался мне подпитым вроде.
Я сказал: там женщина зовёт,
вроде приболела - помощь надо...

Он в ответ скривил в усмешке рот:
«В тамбуре пила с мужчиной, падла»...

* * *

Подождите, не торопитесь
с выводами, я не их тех -
кто и Богу и чёрту служитель...
Кто любитель безделья, потех!
Время жмёт золотую оправу
и возносит любовь на алтарь...
Не для почести или славы
я винюсь, как молились встарь!
Не молитвы - как исповедь веку,
в полночь мои стихи!..
Да, мне хочется быть человеком,
оплатившим при жизни грехи.
... Время ткёт золотистую пряжу,
на висках блёстки первых седин.
Я надеюсь: когда-нибудь скажут:
«Был судьбы он, своей, властелин!»

ОЖИРЕВШИЕ

Поотели брюхо,
а мышцы – кисели!..
Эко как припухли,
правители земли?!
Зав складом – «пуп» планеты,
торговцы все - в хмелею,
когда же вы ответите
за всё, что я терплю?
Вы молоды, румяны -
за сотню телеса?
Не залезть вам в ванную,
тем паче - в небеса!
Уродины несчастные:
обжоры, рыхлый хлам!..
Светлое, прекрасное
не строить в жизни вам.
Обломовщина жалкая
веками прёт вперёд?!.
Болезнь и катафалки
предъявят рано счёт?!

В ДРУЖЕСКОМ ВЬЕТНАМЕ

Мне ночью часто видится Вьетнам,
хотя я в том краю ни разу не был:
плантации сияют сотней ям
и дым напалма тянет мглою в небо!..
А чёрные, раскосые глаза
бесстрашием и ненавистью светят,
когда вдали смертельная гроза
под реактивный гул из выси метит!
На лицах, потемневших от огня,
усталость и решимость без остатка...
...Я просыпаюсь, словно нет меня...
Мне хочется в той стороне остаться.

Сжимаются до хруста кулаки,
я их кладу под голову упруго!..
- Быть может, не хватает там руки
моей...
Кому-то не хватает друга.

СОМНЕНИЯ

Преследуют сомнения...
Всё ниже облака,
из тучки на мгновение
бьёт грозовой накал.
Вечорость даль румянилась,
сверкала синева.
Сегодня вдруг обмануться
заветные слова?!
А в сердце -
вновь безоблачность
и хочется в полёт.
Но в сватке мало доблести -
важней всего расчёт!
И важно вдохновение
открытого лица...
- Сомнения... Сомнения
без края и конца.

ТУСКНЕЕТ ПАМЯТЬ

Подумать только:
 город мой велик -
в нём миллион, а я лишь единица.
Для женщины той,
 нежной, из Читы -
я в колесе затерянная спица...
День обещает жар...
Прошу: «Прими,
мой друг надёжный
 звонницу рассвета...».
От девушки далёкой, из Перми
навряд ли я дождусь когда ответа.
Исколесил страну вдоль-поперёк,
друзей встречал я, тут же оставляя.
и этой дружбы давний огонёк
нет-нет, да о себе напоминает.
Закат сжигает медленные дни,
тускнеет год от года наша память,
всё чаще остаёмся мы одни,
всё чаще нас в воспоминанья тянет.
Подумать только: город так велик!..
В нём миллион, а я лишь единица...
Безвестность давит, исторгая крик...
Чита и Пермь всё чаще стали сниться.

ПЕРВОМАЙ

Что за праздник? - если не в ладу
сердце с ним. Возьми, и заскучало!
Будто бы споткнулось на бегу,
от колонны праздничной отстало.
Отхожу на тротуар, смотрю:
звон оркестра... радостны улыбки...
разноцветные шары плывут...
словно дети маленькие, в зыбке.
Ах, наверно грустно потому,
что соскучился по дочке Лене?!.
Город песни в синеву взметнул
и светло так в улице весенней.
И Иртыш в сиреновом дыму
отливает солнечно знамёна
... Трудно с каждым годом одному
даже в яркой праздничной колонне.

НА УЛИЦЕ ЛЕНИНА

Пирожками и духами
пахнет с главной улицы...
Грустно девушка вздыхает
и слегка сутулится.
Сквер оттаявший шумит
в звонких звуках вальса.
Девушка одна стоит
среди людей случайных.
Сизый голубь возле ног
топчется, воркует...
Голубь тоже одинок,
вместе с ней тоскует.
С Иртыша туман, как пыль...
Город вечереет...
Распахнул крылами синь
голубь над аллеей...
А за сквером порт речной.
Теплоход, как лебедь?!
Наслаждаясь высотой,
чайки кружат в небе.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

**ОСЕННИЕ ТУМАНЫ,
ОХОТНИЧЬИ ЗОРИ**

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать четыре)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя

ОСЕННИЕ ТУМАНЫ, ОХОТНИЧЬИ ЗОРИ

В СТОГУ СОЛОМЫ

Набродившись по болоту,
в стог соломы заберусь,
и уставший от охоты,
в сладкий сон я погружусь.
Под ночным, прохладным небом,
как в постели пуховой -
запах трав, цветов и хлеба
будут плыть над головой.
Коростели грусть седая
и совы разбойный крик,
сны мои переплетая,
в сказку унесут на миг...

НА ОСЕННЕМ РАЗЛИВЕ

Прохладны зорьки нынче стали.
Лес обнажился, посветлел...
Безлюдны луговые дали -
ведь у крестьян всё меньше дел.
Бреду по отмели песчаной-
кулик, поднявшись из-под ног,
кричит пронзительно, печально.
Садится в тень, на островок.
Кричит опять - зовёт пискливо,
и сердце бередит моё...
Я, слыша этот клич тоскливый,
забыл про уток и ружьё.

НА ВОСХОДЕ

Звенит коса у тальника:
жиг... жиг...
Отавы – блеск...
Пчела на маковке цветка
колдует... Дремлет лес...
Молчат в тени перепела,
молчит берёз листва...
И лишь коса в мой стих вплела
с мелодией слова!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Ветер к ночи разгулялся,
зашумел прибрежный лес -
мрак угрюмо наполнялся
с треском, свистом... В душу лез...
Вся палатка трепыхала
птицей, с раненым крылом...
Молния вблизи сверкала
и ревел медведем гром.
И – внезапно - водопадом
ливень хлынул с высоты,
- тяжестью своей громадной
смял палатку и кусты!

НОЧНАЯ КОПНА

Меня застала ночь в лесу...
Залез в копёшку сена,
согревшись, сразу же уснул.
И выспался отменно.
Проснулся: темень под плащом,
у ног мышшь шелестела,
ночная птица за кустом
светло о чём- то пела.
Вот где-то вскрикнула сова,
ей кряква отозвалась...
Плащ приоткрыл - вдали едва
зарёй высь освещалась.
Светлело небо...
А вокруг
в росе луга искрились -
как будто звёзды с неба вдруг
на травы опустились!

КРАНОВЩИК

На песчаном откосе речного порта
остов баржи, за ней -
ржавых два катерка.
Крановщик ухмыляется: «В металлолом
пол-России с реформами переведем...»
Говорит: «Беспризорно ржавеет металл,
ну, а где-то он новою баржею стал...»

БЕЗВЕРЬЕ

Не прожить нам без веры упрямой
в доброту - ну, а прежде, в себя!
По дороге, где слякоть да ямы,
жизнь шальная несётся, трубя!
Что ей там до каких-то старушек
или брошенных малых ребят.
Обещает из общей кормушки
всем помочь? -
но печален мой взгляд.
Мне противны кормушки и ямы,
подавания нищей Руси.
... Что ни день - то бесчестье, обманы...
Уже осень...

И снег моросит...

ЭХ, ДОРОЖНИКИ?!

Ну, зачем на виду у деревни
вырыли на полянке ров?..
У загона срубили деревья -
где прохлада была для коров.
Вдоль шоссе отсыпка сияет...
Да, красиво!..
Но режет глаза
весь карьер- он могилой зияет...
- Эх, дорожники,
нет на вас зла?!

ЦЕЛИНА?

Надвинулась чёрная пашня
и в плоть подступила к плетню...
И нетушки луга вчерашнего -
деревни я не узнаю?!
А ветер из тучки бьёт резче -
к домам вихри пыли несёт...
Над крышей не видно скворечни
и чёрным закрыт небосвод.
Зачем целина Вам, крестьяне,
немало теперь есть полей,
заросших травой и бурьяном
здесь, в бедной сторонке моей.
... Дед встречный толкует:
«Там, сверху
быть может и, в правду, видней...
Но так, с моей старою меркой,
Кажись - мог лишь сделать злодей?!»

КТО ТАМ, В НЕБЕ?

Ночь встречаю один на болоте...
Ухнул филин, вскричала сова...
Звёзды кружат цветным хороводом.
... Кругом-кругом идёт голова.
Наплывает ночная остуда,
в выси - звоны...
Кровь бьётся в виске...
Кто там, в небе -
Христос или Иуда?!
Ствол ружья холодеет в руке.

НА МАТЁРОМ ОЗЕРЕ

В камышах на матёром озере
на ночь нас приютила копна...
За ночь плёсы повторно смёрзлись,
по краям - сантиметр толщина.
Пробиваем проход...
Раскладушки,
словно санки, по льду скользят...
Лёд ломается... Жарко мне, душно...
Брызги роем в лицо летят.
Вот и озеро... Льды на заливе
Пораздвинулись -
чист синий плёс...
Птицы - тьма!!
И Паисыч счастливый
шутит весело: «*Чуял мой нос!..*»
И на лавде, от ветра прячась
за камыш, чай из термоса пьём...
Обжигает глоток горячий...
Крик гусей - я тянусь за ружьём!

НАСТ

В марте - тает... Злой мороз
ночью так поддаст,
что под утро - стынет нос.

Глянь - ледовый наст!
На полянах и в лесу
лёг он коркой на снегу.
Худо зверям - не пройдёшь,
обдирают ноги в кровь

НА ЗАРЕЧНОЙ УЛИЦЕ

С глазами ангела, волнуясь,
стоит девчонка у реки,
А солнце - алым поцелуем
ей красит губы,
лоб,
виски...
Светлеет рядышком черешня,
вся белоснежная, в цвету...
... Я запах нежный и нездешний
ловлю от клумбы на лету.
Горит закат...
В прохладе майской
смущённый шелест лепестков
меня волнует негой, мает...
- В нём слышу я признание слов.

ДВЕ ЗАРИ СОЕДИНИЛИСЬ

Неба тайное свеченье
майской ночью напролёт!..
В нём - черёмухи цветенье...
В нём - закат обнял восход!
Две зари сошлись над плёсом...
Смех девичий у реки...
брачный гомон птиц...
плеск вёсел...
Ивы, словно островки!..
Две зари соединились -
вспомни Май,
как мы влюбились?!

ИЗ ОКНА «ЖИГУЛЕЙ»

Ночь машет
лесными крылами
и фея скользит меж ветвей...
А в сердце -
как что-то украли -
в нём отзвук забытых страстей.
Бунтует...
Сердечному стучу
шепчу нараспев:
«Жив я, жив!..»
... Гоню полудрёмную скуку,
окно у машины открыв.
Черно за окошком...
И взглядом,
в провале глухой темноты,
хочу разглядеть где-то рядом
твои неземные черты.

ВОСПОМИНАНИЯ О КУКУШКЕ

У сугроба на тёмной опушке
в невесёлом раздумье стою.
Вспоминаю я лето с кукушкой -
одинокую радость свою.
Там, на зорьке,
в берёзовой роще
мне загадкой считала года...
С ней- смотрел веселее и проще,
если даже случалась беда.
И невольно от мысли немею:
что когда-нибудь здесь, на снегу,
по холодному ветру развею
ту любовь,
что в душе берегу.

НА РЕЧКЕ ОША

Здесь гальянов- тьма, но он
«так себе - не рыба»...
Я - пацан, в рассвет влюблён
на речном изгибе.
На мостках, у камыша
с удочкой таловой
наблюдаю, не дыша
за гальяном снова.
Вот он весело клюёт,
тянет поплавочек!
...Помню Ошу и – крючок.
И – ушицу, впрочем.

НОЧЬЮ У ИРТЫША

Горит костёр у кромки тёмной
и блики по воде плывут...
Я вновь доверчивым ребёнком,
как мотылёк, на свет иду.
Спешу к костру, и с рыбаками
веду неспешный разговор...
А звезды там, за облаками горят...
Зовут в иной простор.

ГРОЗОВАЯ НОЧЬ

Гром разразился майской ночью
и долго длился страшный гул,
Он с перекатами так мощно
лес сотрясал,
и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел постичь
небесной силы позывные,
Природы тайной дикий клич.

НОЧЬ НА КОПНЕ

Глухомань лесная, всхлип болота.
Тлеют зябко звёзды в вышине.
Вымок и продрог - на то охота.
И лежу, согрившись, на копне.

Самолёт плывёт вверх. Мигают
дальние сигнальные огни-
как в погоню, вслед за птичьей стаей,
к югу удаляются они.
Гул тоскующий, протяжный, долгий -
мысли ворошу, схожу с ума:
Где я? Что я?...
Рядом блеск двустволки...
Осень... Слякоть...
Впереди - зима...

НА МАРЬИНЫМ ПЛЁСЕ.

Дремлют тихо камыши,
рябь воды седая...
Крики дальние слышны
перелётной стаи.
Паутина на шесте,
лёд, намёрзший в лодке -
И снежинки в вышине
запоздавшей сводкой...

НА СЕНОКОСЕ

Допоздна метали с дедом стог,
навалилась с тучей тьма густая...
Спать в копну я до утра прилёт,
сразу сном мертвецким засыпая.
Снился луг в мерцающих лучах,
пчёлы сладко надо мной жужжали,
ощущал клубнику на губах...
В изголовье все цветы сбежались.
Васильки под влажною щекой
резко, освежающе так пахли,
и посыпал мне пылью левкой
за раскрытый воротник рубахи.
Клевер дождичком грибным дохнул,
повилика спутала мне руки...
А в ушах (хотя давно заснул)
- слышались во мгле лесные звуки.

НЕТРОНУТАЯ КРАСОТА...

Дендрарий зимний полудик:
навстречу в шапках снежных пихты...
сосновый бор... кедрач возник...
- Повсюду дремлет мир притихший.
С утра - такая белизна!..
Глаза слезятся, как от счастья!
И что ни шаг - то новизна,
и ты к ней чуточку причастен...
... Стою под ёлками:

звенит
меж веточек струна лесная,
я слышу - кровь в висках стучит,
за ворот холодок стекает!..
Здесь - заячьи следы подряд...
Там - дятел у дупла зацокал...

И целомудренности рад,
счастливый я, и одинокий!
Нетронутая красота -
как в городах, столицах мало
тебя, святая чистота!
Как мне чудес не доставало!..

НА РАЗВАЛИНАХ

Деревни нет...Есть три избы
полуразрушенных, без окон...
да два пролета городьбы...
да с края- тополь невысокий...
Родные веси! - с дядькой нам
всё хочется сюда упрямо...
-Вот снова здесь - по сторонам
обломки кирпича да ямы.
Где скотный двор был - там холмы
стоят, поросшие бурьяном...
... Глаза прикрыл я - вновь из тьмы
всё возвращается обманом:
собак примчались голоса...
и женский крик ворвался в ветви...
и кони в поле у овса
заржали... рассмеялись дети...
Старик на лавочке в тени
пуская дым из самокрутки,
напомнил мне былые дни,
что в памяти остались смутно.
Вот женщина прошла легко,
к груди ребёнка прижимая...
... Глаза открыл я - далеко
всё растворилось, исчезая.

НА ВОДОПОЙ

В гривы вцепившись руками,
с луга на водопой,
мчимся между кустами
узенькою тропой.
Жёстко сидеть на хрептине -
костлявы лошажьей спины...
Голые пятки, натёртые пятки
в потной шерсти затерялись сладко...
Трр-пру!/?
- приехали...
Тихая речка в искринках дня,
светлая речка насквозь видна.
Ходят бока ходуном у лошадок -
медленно пьют они
свежесть прохлады.
С губ обрываются капли, как град,
в воде разбивая лошажий взгляд.
... «Напились? – ну, поехали!»
Весёлою гурьбой
с шутками, потехами
затопали тропой.

Не гоним мы лошадок-
Теперь пусть отдохнут...
- В ходки им скоро надо...
Засвищет скоро кнут...

НА ПОКОСЕ

Просторно утро...
Синь. Ни тучки...
-Такая глубина!
На вилах зазмеился лучик
и взмыла вверх копна.
Трава в росе...
Ещё не жарко
и мало паута,
цветами пахнет сено.
Ярко
шиповник светится с куста.
... Стог с каждым взмахом выше, выше
- надсадней храп коня.
За волокушей посвист слышен,
раздольный луг дразня.
И листья сыплются сухие
за ворот, щекоча.
Ладони медью налитые
да тяжкий взмах плеча.
Устали руки с непривычки,
по телу пробегает дрожь...
Но хвалит дед меня: «Отлично,
не зря наш хлеб жуёшь!..»

НА ПЕРЕКЛАДНЫХ

И опять пылит дорога...
Летний вечер пьян и лих -
еду, еду понемногу
на пе-рек-лад-ных!
Шофера - народ весёлый,
разговорчивый, простой...
За стеклом - поля и сёла
проплывают стороной.
Наклонившись на баранку,
паренёк мне говорит
так толково, со стараньем-
словно бы учёный гид!
«...Вот недавно осушили,
распахали болота,
с «га» по тридцать получали -
а болот здесь - до черта.
И озёр вокруг навалом -
в них - сколь хочешь карася,
но рыбачат очень мало -
пропадает рыба зря!..»
О постройке белостенной,
скрывшейся да дальний лес,
важно вымолвил: «Отменна,
первоклассна МТС...»

Разговор повёл о жизни,
о работе и родных...
- Познаю тебя, Отчизна,
на пе-рек-лад-ных!..

НА ПОЗДНЕЙ ОХОТЕ

Оглянусь: жизнь – не так,
Всё - не так?!.
Как мечталось мне в юности шумной.
Цена прошлому- медный пятак.
Но опять лезу в дебри я с думой.
Ах, смешной, успокоюсь когда?..
О, душа - ты не раз погибала,
как сорвавшись с небесья звезда,
ты цветком на лугах угасала...
Жду я зорьку...
Вновь гложет тоска
по рассветной поляне медовой.
... Блеск холодный ружья, бой курка-
не страшат...
Я на всё уж готовый.

НА ЗОРЬКЕ

Плывут весенние дымки
в речной, рассветной заводи...
Вот первый всплеск - бегут круги
и в брызгах светят радуги!
Над рощей показался шар
с отливом красноватым,
и по воде разлил пожар!..
В лугах - туман, как вата!
Проснулся сразу птичий мир
со свистом, песней ,криком!..
И ветер воздух освежил!
Жизнь стала многоликой.

СОН КАК В «РУКУ»

Приснилось мне: туманным днём
в местный клуб поэтов
вхожу, и слушаю тайком
«всех признанных» секреты...
О, чёрт попутал!..
Не шутя -
чирикают, мурлычат
о тяжкой доле бытия,
о ворожбе и притчах,
Суют друг другу кукиш в нос,
нахохлись и спорят:
когда и кем распят Христос,
и что с Аральским морем!
Как погрубела жизнь вокруг.
и всё подорожало...
И что пора прославить плуг,
базар старинный с салом!
... Проснулся... Вздрогнул...
- сам в поту...

В окошке полночь, звёзды...
Нет!
Мне писать неволю
о мелочном и слёзном.

НОЧНАЯ РАБОТА

Порой - в лучах, порой - в дыму!..
Лишь на себя обида
и злость...
Иные не поймут,
притворство в этом видя.
Мой друг!
не знаю я когда,
но верю- будем вместе,
пусть через много лет,
но рад
назад вернуться песней .
Ну, а пока , в ночи строчу,
блокнот свой рву до листика
хоть знаю: многие сочтут
мои желанья мистикой!..
От ностальгии не умру,
во многом разувераясь
в полях росистых по-утру
проснусь свободным зверем!
Сразит берёза белизной
а небо - синевою!
И воздух терпкий и хмельной
вдохну с мечтой живою!
И пусть сейчас раздор и срам
в Российской жизни бедной-
частицу света передам
в строке своей последней!!

НА СТРЕЛЬБИЩЕ В БАЛАШИХЕ

Подмосковье - это дачи,
а точнее - цветущий рай!..
Я - на спорт все время трачу,
силы плещут через край.
Мне пора бы в Омск -
в деревню,
где у матери забор
повалился... где деревья
в лесосеке ждут топор...
Где в лугах упали росы
на высокую траву
ждут меня, сверкая косы...
Вижу деда наяву.
Слышу храп коня надсадный,
рядом копны и зарод...
Вот иду во сне не садом,
а тропой в свой огород!..
- Просыпаюсь и вздыхаю:
луга нет и нет росы...
Каждой ночью я взлетаю
в снах со взлётной полосы...

НАРОДНОЕ ЛЕЧЕНИЕ

Прознобило изморозью в поле
на вечерней зорьке грудь мою,
даже чувствуется хрип и боли...
«Дай-ка, мама,
я чайку попию»!..
А сначала редьку с квасом, с луком -
продерёт, прогреет хворь мою.
Ну, и рюмку водочки от скуки,
можно две и три - тогда спою!..»
Мать спешит, в тарелках наставляя
редьку, хрен, перчёный холодец.
--- На спине, на лбу пот выступает...
Мама гладит чуб мой:
«Впрямь, отец?!»

ЯГОДНЫЙ РЯМ

Под дырявым осенним навесом,
с поредевшей до срока листвой,
прохожу одиноко я лесом
к болотине заветной тропой!
В сосняке с мелодичным названьем:
«Чернецовский рямок!» -
соберу я бруснику пораньше,
как старинный, по праву, оброк.
Там багульник пахуче дурманит
и коричневый стелется мох,
на постель свою мягкую манит...
Но в постели той - жуткий подвох!
Змеи там по следам проползают
и с деревьев полднейной порой,
как жгуты, над тропой нависают?!
- Это видел сам ранней весной...
... Вот исчезла в болоте тропинка
По кочкарнику в рям напрямик
я иду... В стороне, на заимке,
скрип телеги... то Фёдор-лесник.
Слышу храп, звон весёлой уздечки
и собачий, отрывистый лай...
... Я шагаю в рямок свой доверчивый,
ещё с детства,
любимый мой край!

ПОДЛЁДНЫЙ ЛОВ

Под ноздреватым снегом жёсткий наст,
тепеют заскучавшиеся выси!..
Март близится...
Встречай, Паисыч, нас,
давай поговорим, откройся в мыслях!
Давай поспорим про житьё-бытьё:
марксизм в тебе - мозолистые руки;
любовь к земле -
как песен древних звуки,
а может даже, в чём-то божество!
... Ты едешь с превеликою охотой
рыбачить с нами на родной Теннис.

- Паисыч, друг, развеи мои заботы -
весёлой шуткой снова отзовись!
Вот впереди маячит Конкуль старый,
а слева – Новый Конкуль на бугре.
... На озере повсюду люди...
Яро, мы бурим лунки
в ледяной коре.
Отменный клёв!..
От луночек - пар синий...
Ворчит Паисыч: «Руки, как озябли?
Да и уха в котле сварилась, стынет...
- Ну, что родня,
по маленькой дерябнем?!»

ЭКСПЕДИЦИЯ НОБЕЛЕ

Полюс Северный страшен и нем,
снег сыпучий клубится, как дюны.
В гроб хрустальный ложится Мангрем:
обнажённый, бессмертно юный...
Бесконечны торосы из льда
и гуляет вихрь снежный над ними...
И уходит Мангрем навсегда -
остаётся нетленное имя.
А невеста, как чайка, светла,
как звезда,
что над ним не погаснет!..
- Только жизнь беспощадно мала
и от этого - вдвое прекрасней!
... Нобеле, как сурок, в темноте
ждёт в палатке лётной погоды...
И к нему самолёт уж летел...
И о нём волновались народы...
- Спи, прекрасный и юный Мангрем,
не измученный славой, почётом.
Что бессмертье?..
Оставь его тем,
кто при жизни с ним сводит счёты.

ПРО КАВКАЗ, И О НАС

ПРО КАВКАЗ:
Долгожитель где? - Кавказ!..
- Ерунда, есть и у нас:
есть своя про-пра, про-пра...
Есть своя пробабушка...
Где царица гор? - Кавказ!..
- Ерунда, есть и у нас:
есть у нас свои Томары,
а цариц пошлём к татарам!..
А коньяк-то, чей коньяк?
- Ерунда, молчи, чудак.
Лучше нету самогона
что в Сибири сами гоним.
Потому запой у нас -
но причём же здесь Кавказ?!
Есть секрет и есть совет -
не мутите белый свет.

- Просто едим мы сейчас
по путёвкам на Кавказ!..
ПРО НАС:
Да, Кавказ, красив Кавказ -
чем же хуже жизнь у нас.
... Шёл вчера я в гардероб,
чья-то шапка прямо в лоб.
Сзади так окликнули -
чуть не стал зайкою.
То вахтёрша тётя Клава
так своё качает право...
По полудню я зашёл
в нашу бухгалтерию,
отчитался и «расцвёл» -
вспухли аж артерии...
Выставили меня в дверь
Прединфарктным -
верь, не верь?!
Да, хорош наш коллектив,
и кого в нём только нет.
Но профорг ленив, фальшив -
и не пляшет женсовет.

ПРИЕЗД НА ОХОТУ

Здравствуй!
Здравствуй, дядя Петя!..
Путь в края твои пролёт -
через ночь зазывно светит
твой, в окошке огонёк!
Вновь радушен ты и ласков,
распахнувши ворота,
с давней доброю присказкой,
нас встречаешь как всегда.
... Пахнет скобленною плахой,
квасом, хлебом на поду -
ворот расстегнув рубахи,
я под образа пройду.
Рушники, динамик старый,
фотографий чёткий ряд -
на одной в военном парень...
Бой часов старинных в такт...
Точно в детство возвращаюсь,
словно в мамин угол сел...
А Матрёна, угощая,
ставит миски между тем.
И вилок капусты белой -
мой любимый, на столе!..
Рюмки с водкой запотели,
розовеют лбы в тепле.
А Иван гусыню дразнит,
что под лавкой на гнезде...
- Нынче праздник,
Майский праздник!
И всю ночь гореть звезде!

ПЕРВЫЙ СЛЕД

Юрию Гагарину

Космос!... Звёзды!...
- миллионы судеб!..
От людей к ним есть желанный путь.
Испокон веков старались люди
в мир их незнакомый заглянуть!
И сгорая, на кострах безвестных
в облике Коперника, Бруно,
приближали к нам тела небесные -
прорубая в космосе окно!..
Циолковский превратил мечтанье
в гром турбин, нацеленность ракет...
... И сегодня, в звездном мирозданье
первый, наш земной, проложен след!
С алою звездой, пятиконечной,
вышел наш корабль в иную высь...
- Это в первый раз, но и навечно,
открываем мы другую жизнь?!

ПАРОДИЯ

Пародия в поэзии -
те желчные слова
с обоюдным лезвием?!.
- Всегда ли, ты права?
В бездарность искры мечешь,
искореняешь ложь!
Пикируешь, как кричат...
Свой хлеб серпом ты жнёшь...
Высмеивая мысли -
с юродством ремесло,
страшишь: неверный выстрел
и - сломано крыло!..

ПО ЯГОДЫ

Июльский лес роскошный!..
По грудь вокруг цветы!..
А я, как гость непрощенный
здесь, в царстве красоты.
Где пенье птиц разнеженных,
где земляники сласть -
от комаров рассерженных
все суцая напасть.
Ни продыхнуть, ни глянуть:
укусы, нудный писк...
На солнечной поляне
я от жары раскис
... Вхожу в лес - паутина
хватает по лицу
коростой, сыпью, тиной -
я внутренне кричу!
С лица сдираю плесень,
от омерзенья - дрожь...
- И не до птичьих песен,
и лес не так хорош.

КОМСОМОЛЬЦЫ

Да, есть такие парни,
Душой - богатыри!..
Не только землю пахут -
и звёздные миры!..
С улыбкой озарённой
у доменных печей,
они глядят влюблённо
в лицо мечте своей.
Они в шеренгах строгих
у мира на посту,
они ведут дороги
и в тундру, и в тайгу...
Да, есть такие парни -
в них деды и отцы,
сердца вложили жаркие
и веру, как в святцы!
Наследники Отчизны,
полей Бородино,
в них лучшее, что жизнью
доныне рождено!..
В них - зов народовольцев,
бесстрашьё бунтарей,
свет первых новостроев
и залпы батарей!
Да, есть такие парни-
пусть больше будет их
в рядах Советской армии
и в буднях не простых!

ПОДМОСКОВЬЕ

Какая под Москвою тишина!..
Сосновый лес на солнышке искрится,
поляна пчёлами оглушена,
цветы раскрыли лепестки – ресницы!
Лишь электричка издали, порой
прорежет тишину весёлым свистом.
И снова дачникам - озон, покой,
который в городе гремящем снится.
... А мне, а мне всё хочется в Сибирь,
где даль полей бескрайна и лучиста,
там для меня такая нега, ширь.
Там дом мой возле речки тихой, чистой.
Там бесконечна синева, как сон,
Там лес
с моей единственной тропинкой...
- Москва! Тебе нижайший мой поклон,
но я не твой -
Сибирской я кровинки.

ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Выросли белые домики
в светлых, просторных улицах,
вместо избушек соломенных,
что здесь угрюмо сутулились.

Школа в берёзовой роще
пятиэтажная, светлая,
празднично флаги полощет
в сини небесной, рассветной!
Встали за узкою речкой
каменные мастерские!..
Котельная дыми колечками
распускает...
Клуб блочный - впервые!..
В каждой уютной квартире
белая ванная, газ...
Такое впервые в Сибири
построено лишь напоказ.
- А всюду, куда не заглянешь,
деревни в грязище, гнильё...
А людям не надо обмана,
пусть строят так в каждом селе?!

ПОРОЙ НЕ РАЗЛИЧАЮ ГРАНЬ

Порой не различаю грань
меж подлинным,
его подменной...
Прошу я:
«Справедливость - грянь
и суд сверши свой над изменой!»
Творцы не требуют доплат,
они живут в любви великой,
один растит, лелеет сад -
другой же в нем
живет владыкой.
Одни построили дворцы -
другие осаждают троны...
И разберись:
кто храбрецы,
а кто -
всего лишь скорпионы!
Того,
кто не проспал зарю
и в свежих росах шел за плугом,
за трудный хлеб благодарю,
он с детства стал мне другом...
Оттачивают годы грань
меж подлинным,
его подменной.
И все же:
«Справедливость -
грянь!
Поставь двуличье на колени».

* * *

Признаться:
не такая ты,
какой в мечтах вынашивал...
Тебе хватило б красоты
без ярких губ накрашенных.

Ресницы, брови -
не твои,
и прихвастнуть не против.
Нет,
 не вниманья и любви -
удобств у жизни просишь!
И резок поворот,
и взгляд,
слова вослед тяжелые...
Иду я, словно в листопад,
в раздумья невеселые.
Меня порой не ставишь в грош,
на мне срывая злобу,
я сам, наверное, хорош,
что мы чужие оба.
Но дети -
как оставить их,
наш мир для них порукой
в семейном счастье четверых -
зачем им наша мука?

ПРИДУМАТЬ БЫ АККУМУЛЯТОР

Придумать бы аккумулятор
для сердца...
 В жизни грозовой
мы столько сил душевных тратим,
взамен -
хотя бы луч живой.
Не вечный двигатель -
о, нет!
Изобрести б такую малость,
какой-нибудь счастливый свет,
которым сердце наполнялось! ...
Прошли года. Иссяк заряд,
и тихо сердце остывает.
И вечереет, гаснет взгляд,
надежд ни в чём не оставляя...

ПОД НОВЫЙ ГОД

Я вылеплен
насквозь из снега –
пурга свистит,
 метёт...
И чудится:
 не с неба –
 в небо
вихрь белый прет!
Швыряет хлопья одичало
в мое лицо,
волною белою качает,
берет в кольцо!
И хочется мне затеряться,
в метель уплыть.
Совсем не нужно притворяться,
кого-нибудь любить.
Ведь чистота вокруг такая,
такая белизна!..

Черёмухою мне из мая
та веточка – видна!
Душа проснулась в чудном миге –
светись, метель!..
Все прошлое,
как в скучной книге,
за тридевять земель.
Ресницы,
брови – в искрах снега,
жар щеки жжет...
Таким я светлым
сроду не был –
 ах, как метет!

* * *

Разыгралась под Новый год выюга
и рассыпала в улицах чудо!
Всё покрыл бархат снежных пушинок,
в ветках тополя сотни искринок!
Снег нетронутый в скверике светит -
чистотою страниц безответных!
Выпал снег!
Как снежинки лучатся!...
Вспоминаю тебя...
 Верю в счастье.

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ

На дверях висит табличка,
надпись: «Первый секретарь».
Та же мания величия
и нынче -
всё как встарь?!
Длинный стол для заседаний,
а в конце его - она
восседает, как воззванье
с розового полотна!
Невысокого росточка
и медлительна слегка,
через слог тире да точка -
экономна и строга.
За окошком стук весёлый
и на шторах луч горит...
Мой вопрос почти крамольный -
целит в лоб, как динамит!
Приподнявшись на носочки,
пыжится из-за стола:
- это мы без проволочки...
- эти мы решим дела...
Нет, меня ты не обманешь
словоблудьем, секретарь.
Ты, как белый лёд в стакане,
не размоченный сухарь?!
Я со стройки комсомола -
на мосту там тишь и хмарь.
Вместо лозунгов и слова,
надо дело, секретарь?!

ПОКАЗУХА

1.

Меняешь часто ты своё лицо:
Вчера - одно, сегодня - ты иное...
И улыбаться можешь с подлицом,
и предавать своих на поле боя!
Гляжу: надраив солнечно крыльцо,
ждут в учрежденье высшее начальство
и зам солидный с пухленьким лицом
признательность разыгрывает, с чванством.
И лишь одно стремление: показать
благополучие, покой, порядок.
Торопятся стол праздный накрывать.
И...получить соответственно награды...

2.

Россия!...Русь! – была ты испокон
гостеприимна, хлебосольна в меру,
и чаепитие - для всех закон.
Откуда ж показуха, как проверить?
Вот рапорт:
стройка в срок завершена,
и следом - уж получена продукция...
Но на объекте голом - тишина:
без окон, без дверей
одни конструкции...
А оборудование, как хлам,
в грязи ржавеет под открытым небом...
И это можно встретить здесь и там.
Кому спросить,
с кого за то потребовать?.

3.

Россия!.. Русь!...в пожарищах, в огне
ты всё превозмогла и победила!
Была ты жёсткой, страстной на войне -
неужто в чём сдала теперь, остыла?
А может голос яростных времён
пред нынешним померк благополучьем?
И разве алый, жгучий цвет знамён
нас не зовёт, чтоб жить честнее, лучше?
Зовёт!..Но пухнут сводки, затая
предательство, венчая показуху:
неубран хлеб в заснеженных полях
и полнится земля недобрым слухом.
...Там в синь речную вылили мазут,
там опахали, там леса сгубили...
- Ну, а отчёты сладковато врут,
что в норме всё...

что вроде так и было...

4.

Была страна, ты храброй на войне
и не ловчила, не кривила духом...
Сейчас нет взрывов, тяжелей вдвойне
от шепотка предательства над ухом.
Встань часовым на мирном рубеже
и не пусти в дом ложь и недоверье.

Смотри: мир майским ветром посвежел
и выходи к нему скорей за двери!..
Но честность снова кто-то предаёт
и сильный слабого в ночи пытается...
не тает в душах отчуждёнья лёд...
- Когда же искренней
друг к другу станем?!

5.

Как превозмочь стремление показать,
покрасоваться, поиграть со славой?!
Уже ли до конца нам не понять,
какую тешим мы себя отравой?
К тебе я обращаюсь и к себе:
«Болезнью века стала показуха
в тщеславии, разврате и гульбе...
- Как возродить былую силу духа?!»

* * *

После посещения
оперного театра
В фокусе снежных искр
решёток железная завязь...
Миллионный Новосибирск
молодеет с годами на зависть!
Под высокими дымами
легли стрелами улицы...
Кто шепчет:
«Не разлюби меня,
будь умница...»
Просит кто-то: «Неси меня.
по проспектам широким,
над разливом дня
в заре синеокой...!»
Берёзки, как балерины,
осторожна их поступь весенняя.
Слышу: «Неси несравнимую
Меня - в просветление...»
... Март... Проталин нечаянных
в парке – лужицы чистые,
тополя в них качаются
в лучиках серебристых!..
- Вижу в фокусе искр
блеск решёток железных,
и сияет Новосибирск
- юный, нежный!!

ПЕНСИОНЕРУ-САДОВОДУ

Время невольных потерь,
время седеющей стужи...
В главное нынче верь:
Ты, как и прежде,
всем нужен!!
Нужен друзьям и семье,
и подрастающим внукам,
нужен грядущей семье - сад твой,
любви всей порука!

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЮБИЛЕЙ

Пятьдесят, пол-века, взглядишь -
прожита почти целая жизнь!..
А особенных почестей нет...
И во взгляде- усталости свет.
- Пятьдесят, скоро-скоро пробьёт,
в этот час-

кто ко мне придёт?..

Рядом нет многих близких друзей.
Приближается юбилей.
По-темну на работу подъём,
в техникуме - сплошной садом.
День за днём - всё сложнее, трудней -
приближается юбилей!
Пятьдесят? - из них двадцать пять
в классах отданы душам ребят...
Тысячи по стране разлетелось,
да, в почёте строителя дело.
Мне сродни Абакан - Тайшет,
где Кошурников и Стафато
зажгли полустанков свет -
память та навсегда горьковата.
А позднее: Тюмень - Сургут,
через топи, пади – на Север
лёг по шпалам железный путь,
в своём мужестве беспримерный!
Как финал - грандиозный БАМ,
стройка века...

Спасибо Вам,
всем любимым ученикам,
мне от Вас и теплей и светлей-
приближается юбилей!
Пятьдесят?! - и прекрасно, взглядишь,
впереди лежит новая жизнь!..
С плеч усталость стряхни поскорей
и поверь в мечту будущих дней!!

ЧАЙКИ

Весенним, ярким солнцем
обласкана река.
В ней с самого-то донца
всплывают облака.
Вдоль берега – лужайки
с зелёною травой...
На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

НО СТИХИ ПИСАТЬ - НЕ БРОШУ...

Рано лист рябины вянет,
слишком резки холода...
От туманов ли устану,
иль озябну ото льда?!
Но стихи писать - не брошу.
Выйдя в поле по-утру,
душу с первою порошей
в них развею по ветру.

НА ПОГОСТЕ

Покидают друзья, оставляют -
над сырою могилой крест...
Солнце желтое, зимнее тает
в небесах, растворяясь на нет...
Жизнь короткая...

Мир изменяется...

Преходящи всё: нежность, любовь!..
Хорошо, если прошлым не каемся,
не возвращаясь в юность вновь?!

ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ

Перегрелся луг, звенит,
пахнет земляникой.
Солнце вылезло в зенит -
травы спёклись, сникли...
И литовки - на плечо,
кончена работа,
губы сохлись горячо,
соль на них от пота.
Духота...

Гудят шмели,
кружит овод нудно...
и пешком брести в пыли
по жаруше трудно.
До деревни бы скорей,
окунуться в речку...
... На дороге тень ветвей,
но и в ней- не легче.
Красный высунув язык,
пёс плетётся сзади.
- Вот прогон, и напрямик
подхожу к ограде.
Что за счастье?! - край бадьи,
стёртый и замшелый...
Пью прохладу в забытьи
из планеты целой!

ПРИЕЗД НА РОДИНУ

Розовеет утром ранним
плёс озёрный на лугах...
Нет, живу я не напрасно,
коль с зарёю на ногах?!
В руки грабли, вилы-стрелы,
и шагаю меж ветвей...
Вот и иволга запела
возле диких голубей!
Приоткрылась в дымке грива
с перепёлками во ржи.
Высоки хлеба на диво
вплоть до самой-то межи!
- Как прекрасно это небо
в мирном зареве лучей,
с запахом цветов и хлеба,
с грустным криком журавлей!..

...Едет с дойки на машине
с песней девичий отряд...
- Вспомнил детство, ток старинный:
деда, женщин и ребят...
Где теперь все эти люди
с кем в войну я беды снёс?!
Правду жизни, веру в чудо
вознесли они до звёзд!!

ПАВЛОВСК

Драгоценные дворцы-
русской старины венцы!
Слава тем крепостникам,
подарившим их векам!
Мощь былинная колон
держит колокольный звон!..
... Прохожу я по аллее:
боги в гипсе, звёздный шпиль
над церквушкою алеет...
Полдень...солнце.. полный штиль.
- А пруды заросли -
зацвела в них вода.
Белокаменные львы
охраняют ворота.
Чем же вечен град Растрелли,
грезил чем Декамерон?..
Фрески в бликах акварели
с позолотой тех времён...
- Что мне значит стиль Борокко,
с куропатками пейзаж...
И полёт орлов - высокий,
тех, двуглавых, напоказ?!
А шикарная конюшня
и не хуже всех палат?
... Лишь барак людей прислужных -
самый бедный, близкий клад.

ВЫХОД В ЭФИР

Пора бы выходить в эфир -
ведь наработано немало...
Я долго ожиданьем жил
и от того в глазах усталость.
Эфир знобит, он весь забит
и трескотнёй, и голосами -
да, каждый третий норовит
кричать теперь стихами.
Космический гортанный век!
- обычный голос глушит,
а пауз нет..
Как русла рек,
мельчают наши души...
Не хобби - биотоки, кровь,
в сплетенье жарких жил!..
Но фальшь и дрязги вновь и вновь
заполняют эфир.

Под взлёт космических ракет
теряемся в пространстве,
от глупостей спасенья нет,
нет веры в христианство.
А что эфир? - пора понять,
что голос мой - не рупор...
Своё мне свято сохранять -
всё то,
что нежно, хрупко?!

УТРЕННЯЯ ПОНОРАМА

Просыпаюсь очень рано,
прерывая тяжко сны,
открываю настежь рамы -
жизнью улицы полны.
Слышу резкий лай собачий,
шум машины и гудок...
У реки костёр рыбацкий,
словно малый мотылёк...
Дворник шаркает метлою:
«Ширк...» да «Ширк...» -
поёт метла...
С просветлевшей головою
сел с тетрадкой у стола.
Выплывают из тумана
лица... рощи... города -
как экран, ночная рама,
повторяла мне года.
Снова я влюблён и молод -
«Охи», «Ахи» - нипочём...
Вдалеке весёлый город
белой дымкой облачён?!
Может жил я в нём когда-то?
Он прозрачен, чист, как сон...
- В чём же был я виноватый
перед той,
в чей взгляд влюблён?!

СТИХИ Я (стихия)

Пожалуй, в чём-то я и счастлив -
ведь я любил, был сам любим...
Но разрываются на части
слова, и мысли - словно дым.
... Живу в отличнейшей квартире
под небом добрым, голубым -
порой теряю связи с миром
и становлюсь для всех чужим.
А без друзей тоска, что вечер,
её и высказать нельзя,
её забыть, запить - да нечем,
на водку не глядят глаза.
Сердца, хандрящие от скуки,
забавой можно исцелить...
На разум не наложишь руки -
здесь нет дилеммы:
«Быть не быть!»

Иному самоутверждение
семья, работа да доход -
а я подчас до униженья
растрачиваюсь, словно мот.
Стихи-

они живут в пожарищах
моей души...

Я сам – в огне...

И без друзей и без товарищей -
и ничего не жалко мне.

ВЕТРОБОЙ

По увядающей листе,
по облетающей листе -
гуляет ветер.

Свирепо бьёт меня кнутом,
и трепеща большим крылом,
свивает сети.

В каких-то несколько минут
рой листьев превратился в жгут
и замирает...

С тоской смотрю: какой разбой?

Ложатся листья под ногой...

Я понимаю:

ничто не остановит бег
ветров, несущих первый снег.

(так было, будет каждый век)

- Необратима,

берёз сожжённая листва...

твои увядшие слова...

Всё в зиму... зиму...

В ОБЩЕЖИТИИ

Живём мы два холостяка
давно вдвоём,

два убеждённых остряка
не ищем дом.

Да, наша комната мала
и не чиста:

без штор, картин она гола

- и не чиста.

Но мы привыкли и живём...

Но только раз

вернувшись я,

воскресным днём

- увидел Вас!

Среди окурков и конфет

на маленьком столе

вдруг появился Ваш портрет

на зеркальном стекле.

В открытом платье-декольте.
сияла нежность плеч...

Не зря друг часто шёл к тебе,
с ума сходил от встреч.

Была ли комната тепла
от солнечных лучей?..

Была ли комната светла
от голубых очей?!

Но только понял я, что друг
решился наконец,

что он отныне - Ваш супруг!.

- Будь счастлив Ваш венец!

ВПЕРЕДИ ВСЯ ЖИЗНЬ

В майских лужах звёзды кружат
и сомкнулись две зари!..

_ Радость, что кому-то нужен,
а кому - не расскажи!

Вечер держит запах терпкий
из проклюнувшей листвы

и заря всю ночь не меркнет

в звёздном море синевы!

Тёплый пар встаёт над речкой,

коростель поёт в лугах...

как заветное колечко,

месяц светит в облаках...

Хорошо, когда семнадцать!

Когда главное - «Хочу!».

С целым миром рад обняться,

все желанья - по плечу!

Когда звёзды - только звёзды,

а не чья-нибудь судьба.

- Ещё нету слова: «Поздно!».

Впереди вся жизнь, борьба!..

... Белый отсвет над пригорком,

смех из чуткой тишины.

Возвращаюсь я с вечерки

из-за речной стороны.

ГЕРАНЬ

В окне герань алела,

листки прижав к стеклу,

стоял я, оробелый,

в проулке, на углу.

Внутри, за белой шторкой

я видел тень твою,

и сам с собою спорил,

что створку отворю.

Не отворил, не стукнул...

И алая герань

лишь нынче мне аукнула

в мою седую рань.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ДОРОЖНАЯ СУЕТА, ГОРОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать пятый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, нуждаются в доработке перед возможным изданием, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником» для будущего читателя

ДОРОЖНАЯ СУЕТА, ГОРОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАБЛУДШЕГО

В вагоне простом, многолюдном,
сайку белую бабка жуёт...
Рядом с нею сидит внук заблудший -
в дом, в деревню, к себе везёт.
Исхудал он, поизносился,
от прохожих вниз прячет взгляд.
Пооброс, без мытья залоснился,
Попритих - возвращению рад.
Долговязый, а вроде мальчишки,
бабкиным повинуюсь словам,
он читает какую-то книжку,
и мне кажется, что по слогам.
... Небольшой полустанок-вокзальчик,
хлопотливо собрав узелки,
они сходят...
И солнечный зайчик
золотит саквояжа замки.
Саквояж ещё дедовский, ладный -
неподъёмный для слабых рук...
И у парня на лбу капли градом
от усилий...
волненья...
разлук...

НА ВОКЗАЛЕ

В вокзальной суете гремящей
открыл я дверь с табличкой «М» -
и сразу в ноздри смрад разящий,
в кабины очередь: «За кем?..»
Общественные туалеты -
со школы ненавижу вас:
плевки во всю курящих шкетов,
смешки под мат и прочий фарс!..
В те годы на лесной опушке,
у тихой заводи в кустах
любил я слушать счёт кукушки
о будущих моих годах!..
Любил встречать рассвета краски
и в листьях крупную росу,
с особой нежностью и лаской
следил за иволгой в лесу.
С тех пор люблю я одиночество,
привык к природной чистоте...
... И в туалете, так не хочется,
стоять в дымящей тесноте.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Нарисованная...
Размалёванная...
подойти к тебе даже рискованно...
А была светлая, симпатичная...
- Поздороваться, что ль, для приличия?!

СИБИРСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

В 1967 году в Новосибирской области работала группа студентов из Чехословакии. Вот что мне рассказал один из них:

«Сибирь! - она красива очень...
Её и знает, любит целый Мир.
И хорошо известен, между прочем,
научным центром ваш Новосибирск.
Прекрасные везде, пожалуй, люди -
гостеприимство вам не занимать...
До дней своих последних не забуду
как из села пришлось нам уезжать...
... Шёл снег...
И ветер налетал колючий...
А подали машины бортовые...
Мы, что могли,
всё на себя навьючили.
И весело шутили, и не ныли!
И долго председатель не решался
отправить нас-
автобусы всё ждал...

- Народ, что провожать собрался,
вдруг по деревне,

в избы побежал.

И мы, глазам своим ещё не веря,
смотрели: ребяташки, старики,
и женщины нам выносили в двери -
пальто, плащи, ушанки и платки.
К машинам шли, с улыбкой подавали -
обратно, мол, всё шофер привезёт...
... И на прощанье долго вслед махали,
пока не скрылись мы за поворот.»

ВСТРЕЧА С ОДНОКЛАСНИЦЕЙ

...О, жизнь,
как с нею ты разделалась,
- старушкой, в тридцать пять...
... А всё ждала,
а всё надеялась:
придёт расцеловать?!
И плечи выпрямит покорные...
И уведёт с собой...
- Но за окошком ночи чёрные
с невыносимой тоской.

* * *

Вновь узнаю приметы края
(и в снах, и даже наяву!)
встречаю, снова возвращаю
тот майский луг и синеву!
Подснежник, ивовый листочек
и жаворонка в небе трель -
бессонной, бесконечной ночью
дарует память!!
В чудо - верь!!!

* * *

Мне не забыть тот вечер над рекой:
был блеск воды,
 слегка голубоватый;
от веточек берёз над головой
плыл шум листвы
 в сиреновом закате.
Да, вечер тот, над тихой рекой,
живёт теперь в груди моей больной.

* * *

С годами память всё нужнее...
Познал я цену тем словам,
что дарят правду, силу, нежность...
А почему - не знаю сам?!

* * *

В твоей реке из нежных,
 светлых чувств
мне плыть и плыть
в водовороте жизни.
Среди надежд, причуд -
 Ты - радость, грусть.
Где недоверья нет...
 нет укоризны.
Но издали мир кажется другим,
когда с тобой
 пространством разделим.

* * *

Полночь...
Небо звёзды рассыпает.
Как мне долюшку свою сыскать?!
Звездопада я не понимаю:
там чужие судьбы вниз летят.
Мёртвый отблеск
 в дальнем мирозданье...
Звёзд сгоревших -
 призрачно гаданье.

ОЧЕРЕДЬ

Зигзагами, спиралью
по площади, по лестницам
несчастных подпирает
очередь - насмешница.
На холодильник - очередь,
атака на такси...
Ковёр - шись, заморочишься...
Тюль - боже упаси?!
... Взмывают в поднебесье
балконы, этажи.
Очередь - на кресла,
торшеры, гаражи?!
- Двухсотый, кто трёхсотый?
Пятисотый - караул?!

Некогда работать -
в списках утонул.
«Где, что, когда? - намерни?»
- скорей туда лечу:
«Кто крайний?.. Кто последний?..»
- во сне теперь кричу.
Ещё лишь только слухи,
враньё и чья-то блажь:
теснят прилавки брюхом,
берут на абордаж.
Что, как? - не будет масла,
исчезнет вермишель?..
... Без сна, с глазами красными
кружится карусель.

НА МОРСКОМ ЮГЕ

Обиженно я носом шмыгал,
не от обиды - насморк был,
и слабаком себя я выдал...
и женский смех виски долбил..
В лицо летели брызги роем
с солёным привкусом, морским...
Шли моряки вдоль пирса строим...
и теплоход куда-то плыл...
Залив парил...
И в дымке смутной
вдали проглядывался мыс:
там чуть заметно, поминутно
мигал маяк зрачками линз!..
А рядом тихо, монотонно
катилась на песок волна...
Бездельем долгим разморённая,
смеялась в небесах «рожна».

* * *

Пройдут года и я воскресну
то в шуме ветра, то - в тиши...
И грустной, позабытой песней
мои прорежутся стихи.
На миг меня услышишь рядом
среди гуляющей толпы,..
Да, дух мой жив,
 в нём боль и радость
из слёз, надежды и мольбы!

* * *

Опять я в зимней темени
мечтаю и грущу.
В окне замерзшем, дремлющем
вновь звёздочку ищу.
Но нет её...
В заснеженном
стекле сквозит печаль...
Я думаю о нежности
твоей...
Мне время жаль...

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Осеннее небо похоже на озеро?!
Плывут облака в нём, как льдины...
Цепенеют щёки замёрзшие...
Далеко слышу плач лебединый...

ЁЛКА В ДНИ ВОЙНЫ

Запах в елочке ветвистой
горечью дышал, войной.
Даже дождик серебристый
на иголках плыл с тоской.
Сорок третий - страшный год
горечью сжимает рот...

ПЕЧАЛЬ И ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС

Опять смешки и злые вымыслы,
недобрый, откровенный взгляд...
Ну, что ж, и раньше много вынес я,
теперь ли повернуть назад?
Нет, дудки брат,
- вот дулю выкуси...
как не старайся - чёрта с два
не обломать, хоть дёгтем выкраси...
пройдёт ненужная молва.
... Впечатав шаг в асфальт, упруго,
с приподнятою головой,
иду за солнцем полукругом
в рабочей смуте огневой!
Иду, и горяча дыханье,
вдыхаю встречные ветра...
- Мне наплевать, что нет признанья,
что часто горечь, боль утрат.
Ещё не ночь - в то твёрдо верю,
и убеждаюсь всякий раз:
дано нам жизнь самим измерить...
постичь печаль и звёздный час!!

НА КУРСАХ ПОВЫШЕНИЯ

Опять сижу на курсах,
и снова как в бреду,
на непонятном русском
толдонят ерунду...
Вначале дама пышная
поздравила... Затем
нам генерал с одышкой
поведал уйму тем.
Вгонял речугу скучную
в распаренные лбы...
Никто его не слушал,
а он - долбил, долбил...
Начал про физкультуру...
на транспорт перелез...
И как глухарь, токуя -
всё дальше в тёмный лес...
И вовремя не кончи -
взяла б кондрашка нас...

Потом доцент морочил
про профиль и анфас...
Профессор дряблым голосом
«Учёт, отчётность» - вёл.
... Устали, дыбом волосы...
В конце - юрист пришёл...
... Так день за днём толдонили
доценты, доктора...
И думал я: до дома
махнуть бы мне пора.

ВЕЛИКИМ ПОТОМКАМ

Ораторам великим
в веках - хвала и честь!
- Почти святые лики,
а может - так и есть.
Теперь большого мастера
в искусстве - поискать,
но каждый может властвовать,
пророком в позу встать!
Иной поэт в надрыве,
взывая к небесам,
у Бога просит крылья,
гроша не знача сам.
Беднее век от века
на мудрецов - светил,
найдёшь ли нынче лекаря
чтоб травами лечил?
Где мастера по квасу,
портные в ателье?..
- Их нет...
С дипломом, классом
всяк на своём уме!
Послушаешь собрание
иль творческий отчёт,
и думаешь: «Избранники,
за что такой почёт?»
Ну, а коснись на деле:
не пламень в них- зола...
- Так лучше быть Емелей
и бить в колокола!

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Осыпаются яблоньки
и летят лепестки!..
Как озябли, озябли Вы?..
- наши взгляды близки.
Осыпаются яблоньки -
не озимок, не снег...
Хорошо б одеть валенки,
те-которых уж нет.
Ветер льдистый разносит
зелень майскую, цветь...
Вечно так: когда просят
Теплоту - её нет!

Так природою велено,
так преданье гласит...
- Вот и Вы, словно с дерева
тихий снег моросит.
... Осыпаются яблоньки -
кружатся лепестки...
Как живые, озябшие
белые мотыльки...
Холодание белое!
Белый пух, белый цвет...
Что с собою поделаю?..
- Ваши руки, как снег.

ОДЕССА

Разноязыкая Одесса
и разнолика, как сон:
то, как курортница-принцесса,
то - неприступный бастион!
... Проходят в чётком карауле
ребята к вечному огню.
Иду я рядом, как под пули
в том, не законченном бою!..
И зелень парков и причалов,
и плеск волны о волнорез
знакомой музыкой звучали -
гремел Утёсовский оркестр!..
На Деробассовской по ходу
спешил вдоль гавани морской...
На синей глади теплоходы
блестели яркой новизной!
И насладившись панорамой
порта, где флаги разных стран,
присел в приморском ресторане...
И, как музей, был ресторан.
Официантки, что актрисы:
красивы, чопорны, чуть злы...
А я поесть скорее мыслил,
а есть мне долго не несли...
Потом - в театр...
Затем по главной,
по Деробассовской спяна,
среди моряков степенно плавал -
была кипуча их волна...
- Разноязыкая Одесса
и разнолика, как сон:
то, как курортница-принцесса,
то - неприступный бастион!

ОСУЖДЁННЫЕ

Милицейская машина
пятит к зданию суда...
Двое юношей с мужчиной
Вышли - как, зачем сюда?..
По бокам милиционеры
и собравшийся народ...

Эти трое - в грязном, сером...
бабка в спину им плюёт.
Трое - с голою острижкой.
Трое - в грубых башмаках...
- Чьи они сыны, братишки?
Этот, впереди, в отцах...
Лица с тёмными кругами,
сумрак глаз и стылость губ.
Прячут взгляды, словно камни -
сзади накрест жесткость рук.
... У двери, ссутулив плечи,
голова вниз опустив -
трое низостью отпетых
на оборванном пути...
Дверь закрылась... Неохотно
разбредается народ,
не глухой, не беззаботный -
думы грустные несёт.
Редкий случай?!

- сам всё видел...

Размышляю о жите,
и как личная обида -
эти трое, там, в суде.

МОЛЬБА О ДОЖДЕ

Велик был наивный чудак,
что лицом на Восток,
поклоны бил «так и сяк»,
сжавшись, словно сурок!
Лбом касаясь росы зернистой,
он молил снизойти небеса...
Было прозреньё, как выстрел,
- в глазах полыхала гроза!..
... Сейчас над равниною душной,
упав головою в цветы,
я сам на коленях послушно
молю небеса сойти.
Не веря -
ни в Бога, ни в чёрта,
всё ж заклинаю: «Дождя!!».
- И вижу:
над дальним пригорком
блеск молний,
и гром погоды!

ОСЕНЬ 1943 г.

Снопы стоят в тугих суслонах-
цепей звон слышен на току.
Там «карусель» вращают кони,
под резкий храп, лоснясь в поту.
На «тарантасе» - в старой бричке
снопы подвозим мы с полей-
нам, пацанам, вошло в привычку
быть всюду возле матерей.
... Над током пыль да бабьи крики -
Деды - те бороды молчат.

Меж ними есть Кузьма Никитич,
Безрукий, молодой солдат.
Ругая всех: «Ах, чтоб вас в дышло,
до снега хлеб нам не убрать!?!..»
- он мечется, он знойно дышит,
всем сразу хочет помогать!
Одной рукой хватает вилы,
снопа швыряет в барабан -
в нём столько воли, столько силы...
От удали он, вроде, пьян!!
Смахнувши пот со лба ладонью,
рукав под пряжку подоткнёт
и просит ласково: «Ну, кони!..»
От гимнастёрки пот идёт.
И бабы ярые и злые,
пред ним стихают, онемев:
им видятся черты родные
мужей, которым нужен хлеб!

АХ, ТАРА!

Меж домиков старинных,
настилами скрипя,
где всё светло и свято,
по улочкам опрятным
иду после дождя.
Каков он, музыкальный,
дощатый тротуар...
У встречных в лицах нежный
зоровой пожар!..
... Вот сквер. Гвоздики алые...
Здесь девушки смешат
безусых, на побывку
приехавших солдат.
Поют частушки-байки
встревоженным сердцам.
Ах, Тара, Тара!..
Бабки
по лавкам тут и там.
У многих - настежь створки,
Калитки - нараспах!
... У Русиных - вечорки,
пестро там от рубах.
У Ивановых – проводы -
сынка готовят в путь!..
- И по прямому проводу
звоню: «Приедь... ну... будь!..»

В АПРЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Ото всюду слышится
звонкая капель!
Как легко мне дышится -
в голове чуть хмель?!
Говорю без риска я:
«Вновь мечта жива!..»
Распахнулась близкая
неба синева!

ОФИЦИАНТКЕ

Сидели, пили за столом,
болтали, как пижоны.
Просили Вас: «Ещё по сто?!»
- И вспомнили о жёнах.
А почему? - не знаю сам..
Какая же бездарственность?!
... Есть в каждой женщине краса.
А мы не благодарны им.

ОТЧИМ

Он не причёсан и не брит,
слегка простужено храпит.
Одетый, как цыган последний...
Но сердцем добр, непривередлив.
Да, водка,
с ним она так зло,
одолевая, поступала...
И всё-таки, куда б ни шло -
в нём много лучших черт осталось.
Уверен, может бросить пить,
и по-иному станет жить.
Он честен, любит всякий труд
и обходителен со всеми
- Я презираю всех, что пьют,
теряя облик постепенно.
А он- другой, и до сих пор
ищу возможность быть друзьями...
- Мужской, открытый разговор
пока не ладится меж нами.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Я мучился всю эту ночь
без слёзно и без звучно?!
Не в силах радость превозмочь,
благодарил я случай.
Заря за окнами плыла,
по веточкам стекая,
она, бесценная, цвела,
до сердца проникая.
Деревьев шелест, сок корней
и свежесть от травинки -
по жилам разошлись во мне,
горя, звеня кровинкой...
Мне ветер целовал лицо,
к щеке ласкались звёзды,
соединя мир в кольцо
доверчиво и просто.
А я так долго шёл к нему
на ощупь, осторожно...
И было многое в дыму,
казалось невозможным.
За что такая благодать,
кому благодаренье
за миг, в который мир объять,
понять его творенье!!

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮГЕ

Опять у матери гошу:
изба в сугробах, как берлога...
запоем книги ворошу
и жду в казённый дом дорогу...
Свистит насмешливо сверчок
за печкой...
подвывает вьюшка...
В открытой печке горячо...
Смотрю я на огонь послушно.
Беснуясь, пляшут язычки
и лижут толстые поленья...
- Откуда здесь зимой сверчки?..
- Я вспомнил - вот, оно, затмение:
*«...цикад гремящий перезвон
в истоме южной ночи...
и шелест моря...
я влюблён...
и ты со мной... что хочешь?!
В заливе маяков огни,
и близкий свет причалов...
Мы в шлюпке...море...
Мы - одни...
И волны нас качают...»*
... Давно то было...
А в печи.
погасло пламя, тлеют угли...
Сверчок затих, давно молчит...
И блики покидают стены...

НА НОЧНОМ ВОКЗАЛЕ

Ожиданье с наивною мыслью:
- вот появишься там, где огни...
К неотправленным ранее письмам
эти, несколько строчек, возьми!..
... Недомолвки, обиды, остуды -
накопившийся тяжкий балласт...
Снег...

Вокзал...

Незнакомые люди.
И скрежещет намёрзшийся наст.
На перроне прощаются.. Слёзы
прокатились по женской щеке...
Он - в костюме, стоит на морозе,
даже шляпа забыта в руке...
В шапке я, в полушубке -
и всё же,
ощущаю нещадную дрожь...
- Почему же мне душу морозишь
и не едешь домой:

«Что ты ждёшь?!»

* * *

За окном ночь поёт монотонно,
Я читаю роман не спеша:
Лев Толстой смотрит, словно с иконы,

со страницы...

Светлеет душа.

Вронский с Анной на выезде - скачки,
искры сыплются из-под копыт...
Левин с Китей укрылись на даче,
их влюблённость не знает границ.
За картиной всплывает картина:
Век забытый, прекрасный, старинный...

* * *

Судьбы, годы нелепо смешались,
и в тетрадку ложатся стихи...
Ах, века?!

Неуёмная жалость
за высокую страсть и грехи!
Что жалеть? Что искать?!
- в сердце спрячем
зависть к прошлым, наивным векам.
Отчего же страдаем и плачем...
Князь Болконский вознёсся к Богам.

* * *

Пройдут года и я воскресну
то в шуме ветра, то - в тиши...
И грустной, позабытой песней
мои прорежутся стихи.
На миг меня услышишь рядом
среди гуляющей толпы,...
Да, дух мой жив,
в нём боль и радость
из слёз, надежды и мольбы!

* * *

Опять я в зимней темени
мечтаю и грущу.
В окне замерзшем, дремлющем
вновь звёздочку ищу.
Но нет её...
В заснеженном
стекле сквозит печаль...
Я думаю о нежности твоей...
Мне время жаль...

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Осеннее небо похоже на озеро?!
Плывут облака в нём, как ъдины...
Цепенеют щёки замёрзшие...
Далеко слышу плач лебединый...

ЁЛКА В ДНИ ВОЙНЫ

Запах в елочке ветвистой
горечью дышал, войной.
Даже дождик серебристый
на иголках плыл с тоской.
Сорок третий - страшный год
нынче мне сжимает рот...

* * *

Ничего, что вылиняло поле
и листва засыпала межу...
Забываются печали, боли...
Журавли скользят по виражу...

АВГУСТ

Осень...
День заметно убывает
и закат прохладней и темней.
От берёзы желтый лист слетает
и тревожно на душе моей..
Поздние стога в лугах озябли,
сыплет, как из сита, мелкий дождь.
Под навесом мёрзнут вилы, грабли...
Нынче мой покос не так хорош...

* * *

Сенокос прошёл...
И птицы - в небе...
На лугах стоят везде стога,
но они – колхозные,
а мне бы
запоздалый стог себе сметать.
... Грабли – в руки...
Я рядки сгребаю,
опьяняя, запах в ноздри бьёт!
Вдоль опушки грузди собираю...
Урожайный нынче выпал год.

* * *

В инее с утра белеет поле
и с деревьев сыплется листва.
Даже журавлиный плач не волен
грустью напоить мои слова.
Мне легко...
Я радуюсь свободе,
в поле на ветру с утра шагать...
Для охоты нет плохой погоды
и тепла не стоит больше ждать.

БАБЬЕ ЛЕТО

«Бабье лето» быстро пролетело
с белой паутиной на лугах.
День назад немножко потеплело,
а сегодня - снег уж на кустах!
«Бабье лето» хмельным жаром светит,
но обманчиво в своём привете.

* * *

На исходе жизнь...
Дни тают, тают...
Каждая минута дорога!..
Дорог каждый вздох!
... Вновь птичьи стаи
медленно уходят в облака.

Лист озябший сыпется с деревьев,
стынет в речке тихая вода.
В вечность я давно уже не верю,
мне святая правда дорога!
... Облетели листья...

Скрылись стаи..
Льдом сковались речки берега...
Милая земля, моя родная,
напоследок будь не так строга!!

* * *

В ягодных полянах, на покосах -
промелькнули отпускные дни...
Мать с утра послушать ее просит,
говорит: «С отъездом - не тяни.
Знай, пойдут дожди...

плохи дороги...
Вот похолодало так вчера...»
Слушаю её я голос строгий...
В город мне пора!
Давно пора!

СТАРОСТЬ

Зачем я детство повторяю
и памятью иду туда,
где зори в речке догорают...
где в бликах огненных вода.
Чем дороже мне лихолетье
военных, незабвенных дней?!
... Да, все мы в старости, как дети,
глядим на мир добрей, светлей!

ОСЕННЯЯ ЗАРЯ

Сверкает иней на рассвете...
Роится мошек толокно...
В лицо струится свежий ветер,
в лугах - туман...
Ещё темно...
Исчезло невозвратно лето...
Последний лист слетает с веток.

ВОСПОМИНАНИЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Огородик, тощая ботва...
Старая изба вросла в заваленку.
А над речкой в небе - синева...
Тропкой пробегает мальчик маленький.
Быт военный... голод... крик ворон...
Полинялый цвет большого луга...
Ласковый, щемящий небосклон
с догорающей зарёй в полкруга.
...Я приехал... И в полях иду...
Ветерок виски прохладой лижет...
Вот уже деревня на виду:
снова детство крохотное вижу.
Вспомнил согру, заячьи прыжки...
Дым от выстрела за стогом вьётся...

- Где теперь вы, школьные дружки?
Кто сегодня рядом отзовется?!
Помню лето - шавель, лебеда...
А зимою посвист долгой бури...
... Там, вдали, тяжёлая беда
похоронкой кружит, взгляд мой хмурия.

ОПЯТЬ ПЕШКОМ...

Дорога ливнями размыта,
мне десять вёрст пришлось шагать...
Как у разбитого корыта -
в дверях избы встречает мать.
Я больше года не был... Дворик
зарос крапивой и травой.
Но мама смотрит без укора:
«Опять пешочком, мой родной...»
А я в ответ: «Бродить - прекрасно...»
Вздыхает мать: «Гляди, сынок,
у всех машины - кто при власти,
а ты пешком, как пастушок...»
... Ах, мама, мама - видно, правда:
пора б за ум, за руль бы сесть...
Вверху вороны зло, надсадно
кричат и кружат: «Кто ты есть?..»
Печалиться мне не пристало.
Развёдрило - синеет высь!
... Портфель, машина? - в том ли дело,
успею в люди - не сердись.

ОТЧЕГО ЖЕ БЕЛО МОЛОКО?..

Дышит речка холодно туманом:
всплеск, круги -
и снова - тишь да гладь...
В мае солнце всходит очень рано
новый день в краю моём встречать!
И от снов ещё оцепеневшая,
нежится вода, блестит в лучах...
... Вижу стадо пёстрое, неспешное -
над которым вороны кричат...
А туман молочной пеленою
стелется, ложится на луга -
и коровы, словно его ловят,
лижут травы, опустив рога!..
Как же не додумался я раньше-
отчего же бело молоко!?.
Берегом крутым иду, по краешку,
и смеюсь: «Свалюсь - не глубоко...»

ОСЕНЬ 1998 г. (дефолт)

Занепогодило... Занепогодило...
Невидно солнышка давным – давно.
Тоска-печаль плывёт над милой Родиной,
слетелось стаяй чёрной вороньё.
Безлистой осенью дышу, как дерево,
я под берёзою сижу - сам бел.

Храню завет! - душа не разуверилась,
хоть тяжко жить,
и «крестный ход» назрел.
Я «вёдро» жду! - не торопя синоптиков,
вслед за ненастьем - солнышко взойдёт...
Ну, а пока, пылят дожди из облака...
хлеба поникли... и туман ползёт.

ПОСЛЕ СУДА

Плачут мальчик и девочка,
Плачут - брат и сестрёнка...
В тихих комнатах – сумрак,
в стылых окнах- темно...
Суд сегодня решил:
нет отца у Алёнки
и Сергею с отцом
не играть в домино...
... Мама где-то ушла,
маме стыдно и больно -
даже ссоры и драки
простила б опять!..
Только суд порешил:
и сказал: «Довольно! –
ни детей, ни жены
не дадим обижать...»
... Плачут дети в потьмах-
безутешно и долго...
Верно детским сердцам
и во век не понять:
- почему на земле
поступают так подло,
- почему их бросают
отец или мать?!
Нынче в моде развод?!
- узаконена мода.
Пьянство, ссоры, обман-
трижды мы не правы,
только бросить детей -
величайшая подлость?!
- Что на это,
отрёкшие, скажите Вы?!
... Плачут дети в потьмах,
по стране всей - их тыщи,
и дворами бредут
по бурьяну среди ям,
день за днём безутешно
с надеждою ищут
самых близких людей -
отцов своих, мам...

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ЛЕСНЫЕ ЗАКРАЙКИ, ОХОТНИЧЬИ ВЕЧЕРА

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать шестой)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ЛЕСНЫЕ ЗАКРАЙКИ, ОХОТНИЧЬИ ВЕЧЕРА

НАЧАЛО СТРАДЫ

Над сельсоветом красный флаг
играет в сини с ветерком!

Машин эскорт:

«Москвич», «Ижак»,
техпомощь, и с прицепом МАЗ -
за «Газиком» все на большак,
лишь пыль стоит столбом!.
Дана команда свыше: «Жать!»
- Да, что райисполком-
и так понятно, что же ждать?..
.. В полях такая благодать -
и звон над колоском.

НА СКОТНОМ ДВОРЕ

Заросли бурьяном
дворы

и сгнил навес -
крыша в дырах пьяно
свесилась с небес!..
Ну, а вот с десяток
лет, тому назад,
столько здесь рогатых
бродило средь оград.
Говорят, колхозом
правил прохиндей -
не любил навоза,
кур любил, утей!
Заколел рогатых,
распродал утей...
- Так вот небогато
и живут с тех дней.
Слухом немудрёным
опечален я:
как же без бурёнок
отчие края?!

ДЕВИЧЬЕ ПРИЗНАНИЕ

Деревня крепко спит-
вставать до солнышка,
ей по росе в лугах косой звенеть!..
Не спится вновь,
скучаю Золушкой,
мне не с кем песню спеть
и посидеть.
- Над речкой Ошею,
по-над обрывами
встаёт седеющий
сплошной туман...
Тропинкой брошенной,
давно заросшею
хожу, брожу одна по вечерам...

Не представляешь ты,
как над прокосами
плывёт медовая моя заря,
как коростель всю ночь,
звонкоголосая,
поёт, что встретились
с тобой не зря!
- Над речкой Ошею,
голубоватою,
плывёт туман,
сплошной, по берегам,
холодной проседью,
с тоской непрошенной
ложится он к моим ногам...
Цветы все срезаны
в лугах прокошенных,
где мы любили встречать восход!..
Ах, ночка-ноченька,
звезда горошинкой
зачем к ногам моим
сейчас падёт?»,
- Над речкой Ошею,
родной, хорошею
звезда не эта ли светила нам?..
В платке наброшенном,
тропинкой крошечной
брожу - и жду тебя по вечерам!..

В МАЛОЙ ДЕРЕВУШКЕ

Напарник мой во всю храпит,
забрел свет в окне...
Как дятел, издали стучит
топор мне в полусне.
Встаю тихонько -
пусть спит друг...
И выхожу во двор.
Перед глазами светлый сруб
сквозит через забор.
Он не высок, коряв и груб,
он только лишь намёк
на дом...
Но мне он чем-то люб...
На срубе - мужичок.
Встаёт заря, растёт и сруб...
И так день ото дня...
Уеду скоро я, но стук
не стихнет без меня.
И без меня весёлым днём
на «Помощь» всех зовут -
и с бражкой, с шуткой,
с огоньком
дом собирать начнут.
Ряды проложат свежим мхом
и вставят окна, дверь...
...Стою, светлею я лицом -
ведь строят и теперь!

НА ВЕЧЁРКЕ

«Мой милёнок-ангелёнок,
молится пяти Христам.
Очень скромный, как ягнёнок,
ходит следом, по пятам.
Ходит следом и вздыхает-
почему, и сам не знает?..»
... У плетня стою, в сторонке,
отвести не в силах глаз.
У частушек голос звонкий,
звонок дробный перепляс...
Девушка плывёт по кругу:
Ножкой - топ, в ладошки хлоп!..
Закружилась, словно выюга,
рядом встала, руки в бок!..
Парень кепкой о полянку!
Ноги – в крендель:
«Ну, и жизнь!..»
Заглушая звон тальянки,
каблуки огнём зажглись!

ПОМОЩЬ

Спозаранку пол-деревни
к срубам собрались - сюда.
Этот праздник – самый древний -
праздник общего труда.
Мох чуть влажный и пахучий
между брёвнами ложу
хвалит дед меня: «Так, внучек,
хорошо...», и я горжусь.
Рядом рубит, подгоняет
плотник меж окон пазы.
По наследству твёрдо знает
жизни плотничьей азы.
Две молодки то и дело
меж собою окают...
Целый день страда кипела –
аж рубахи мокрые!
Вот дошли уже до крыши,
флюгер ввысь поставили!
Как нарядно окна вышли
с нарезными ставнями!
Молотки ещё стучат,
ещё стружка вьётся,
а столы уже стоят-
бражка в кружки льётся!
Прямо посреди двора
Праздное застолье!..
... Здесь в любые вечера
встретят «хлебом-солью».

ТОРОПЛИВЫЕ ГОДА

Да, годы гнут, заботы давят
и я порой в ночи грущу...
Но днём шучу, смеюсь на зависть.
Души своей не ворошу.
Борюсь я с пошлостью и дрянью,
с не правдою и клеветой.
и остаются часто раны
за той, жестокою чертой.
И выбившись из колеи,
как из седла наездник резвый,
я слышу ярый звон в крови
и убыстряю шаг свой резкий.
Нет! – не поддамся я тоске...
Опять бегу вдаль от печали:
пусть седина уж на виске
и журавли с собой позвали.
Пусть годы убыстряют счёт
и сокращают дни подвластно,
уверенность во мне растёт,
я ко всему теперь причастен.
И всё ценнее каждый миг,
и каждый вдох!..
- О том забота:
чего ещё я не достиг,
искать, искать в своей работе!
Как речке, мне бежать-бежать...
С другими слиться в море где-то...
... Пусть годы гнут -
мне наплевать...
Встаю я чётко до рассвета!..

ПОПУЛЯРНОСТЬ

Популярность -
не только знак качества,
хотя с ней тиражи и гроши,
но возможны любые чудачества,
потому как она - часть души!
Часть то часть -
но какая, изведай:
с золотым ли запасом она,
в испытаниях, может, победой
добывалась её цена?!
А возможна она - только вывеска,
где парадность, изысканность, лоск?!
... Ведь не надо страдания вынести
чтоб иметь клок седых волос.
Ведь не надо научных открытий
чтоб учёную степень иметь.
Дело техники - сами судите,
безголосые могут петь!
Что же слава? - наивная штука,
если с нею минутой живут...
Чаще слава - жестокая скука,
если парадность в основе, не труд.

Сколько было «Великих» историй,
сколько было «Калифов» на час -
но когда мир на мифе построен,
исчезает всё каждый раз.
Популярность - тем трудное счастье,
когда сердце сгорает звездой,
когда к славе Отчизны причастен,
оставаясь самим собой!

В КОТОРЫЙ РАЗ

Я молча слушаю, терплю
и слов не нахожу...
Тебя не очень я люблю,
тобой не дорожу.
«Поговорим в последний раз!» -
твердишь ты мне опять,
и сыпешь искрами из глаз,
сгущая краски фраз...
«Мне надоела эта жизнь?!» -
твердишь упрямо, зло.
«Характерами не сошлись» -
твердишь: «не повезло!».
Молчу в ответ...
- «В последний раз!..»-
ты повторяешь вновь.
Не надо сцены. Это – фарс...
Прошу: «Не суесловь?!»
Я знаю, что ждёт впереди:
дожди и скорый снег...
И всё ж прошу: «Ты, подожди,
я тоже - человек!».
Легко ты можешь накричать
при всех запросто так...
Наверно, начал я дичать,
ведь в мыслях – кавардак!
«Поговорим в последний раз!» -
твердишь опять, твердишь...
А всё же может, напоказ,
ты усложняешь жизнь?!

В СОРОК ЧЕТВЁРТОМ ГОДУ

Приснилось: провалился в яму я...
В поту очнулся... было непонятно.
Стояла тишь... я видел только маму...
и даже слышал горькие проклятья.
Зарилось в окнах...
Золотая прядь её волос
свисала на колени...
О, что юнец,
я мог предугадать,
лишь слушая своё сердцебиенье?
Рыдания сотрясали тяжко мать
и слёзы по лицу её стекали.
Окно бледнело - мог я различать
как брат с сестрою
на полатах спали...

Под одеялом, крохотный, дрожа,
я прятался -
в душе рождалась жалость.
И светлая, горячая слеза
невывлаканной навсегда осталась!
Сорок четвёртый год?! -
цвела сирень,
заря рожала солнце золотое.
- Погиб отец,
а я встречал тот день
ещё не зная,
чьей он жизни стоит?!

ПОЛ-ПУТИ ПОЗАДИ...

По путям, по дорогам
разбегаются дни...
Память - веточку трогай,
осыпая огни.
Замерзающий Север,
разомлевшийся Юг -
исходил я, измерил...
Не один стёр каблук.
Оставляя частицы
по дорогам себя,
я хотел причаститься
к твоим звёздам, судьба!..
Гости всюду желанны-
если честный ты гость,
подадут, не обманут,
счастья малую горсть.
... Но теперь, как хозяин,
жизнь пройду до конца,
не хочу счастья взаем
у чужого крыльца.
-Я старею... Мне страшно.
Пол-пути позади!..
В борозде моей пашни
каким всходам взойти?!

ЖДАЛ ВОСКРЕСЕНИЙ

Над городом гусей поплыли стаи,
стрелой обращённые на юг...
Последние листочки облетая,
в рассвете обнажили каждый сук.
Во мне всю осень
кто-то жил другой?!.
Он плохо спал и просыпался рано.
Ждал воскресений так,
как ждёт больной,
и вот в чём заключалась
эта странность:
Он тосковал о брошенных лесах
и о тропинках росных
к тихим зорям,
бессонно вспоминал об островах,
что плавают в тумане по озёрам.

И слышался ему знакомый свист
от крыльев гоголиных, гул раскатов.
... И чудилось, как желтоватый лист
сорвавшись,

 плыл по воздуху куда-то...
Глухих трущоб лосинный чернотал,
больших озёр напевы камышинные -
всю вашу красоту давно познал
и не могу без вас жить,
 став мужчиною.

НОЧНЫЕ ОГОНЬКИ

(Сказочное детство)

Через много-много лет
вспоминаю дивный свет...
Я, мальчишка, на охоте
в полночь с озера иду.
Лес вокруг в полудремоте
исчезает на виду.
Всё вокруг темней, темней-
не видать уже ветвей.
А дорожка травяная
меж кустов ведёт, виляет...
Мне и боязно и сладко,
взвёл курок я у ружья:
кто в кустах играет в прядки?..
Кто пищит, зовёт меня?..
Встал... Прислушался...
- Нет, тихо?!..
Лес молчит, ни голоска.
... Двинулся – и снова лихо
писк и шумы у виска.
Вник я в шум:
 шуршит рюкзак...
скрип от сапога...
трётся жесткий, как наждак,
ворот пиджака...
Успокоился, и смело
вновь шагаю через лес...
Огонёк сверкнул налево,
Загорелся - и исчез.
- Вот он снова появился
от дороги метров в пять...
Встал я вновь... И притаившись,
продолжаю наблюдать.
Хоть с трудом, но различаю:
из травы, где мрак и тень -
как огниво, излучает
огонёк - трухлявый пень!..
Постоял... И дальше...
Тленный
 позабыл уже пенёк,
но у ног в траве мгновенно
вспыхнул новый огонёк!
Наклонился - червячок,
прячет хвостик - огонёк!!

Ну и ну?! - огни подряд.
- Лес прошёл...
Как звездопад
на лугу!- искрятся в росах
травы... Всюду - огоньки!
Словно звёзды с неба в россыпь
кто-то сеял здесь с руки.
... Миллион вокруг огней –
сразу стала ночь видней!!
Сверху - звёзды, снизу - звёзды...
- Тороплюсь домой. Так поздно.
Вижу: впереди деревня -
огоньки в окошках дремлют?!

ОХОТБАЗА ДЛЯ НАТАСКИ СОБАК

Темнокож и скуласт.
 Усики, клин бородки.
- Здравствуй, егерь Асхат,
как живется, охотник?
Принимай гостей в дом!
Ну, а дом –
лишь избушка,
а в избушке –
содом:
лыжи, сети, ловушки...
Три ружья по стенам,
рог лосинный над дверью.
- Место где нашим псам?
- Вы хотя бы погрелись.
- Некогда...
 Мы идем
плотным лесом – лай всюду.
 Нам Асхат:
 - Этим днем
 столько прибыло люду.
Две избушки
 – битком...
 Вы ко мне спать придете.
Псов связать поводком
у берез трех придется.
... Мы к Асхату идем.
Пар поплыл над столом –
лбы вспотели над грудой
 закуси.
- Друг Асхат, а медведь,
злой ли,
 будет реветь,
коль собаки набросятся
 сворой?
Это в шутку –
 всяк знает,
 что по-одному
все охотники выйдут к зверю,
одна лайка, иль две,
 по следу к нему
приблизятся, смелость проверить.

И один на один –
не до шуток тогда...
А Асхат, разомлевший от чарки,
говорит: «Вот в былые года
от медведицы той было жарко!
Ох, проворна и зла на собаку была,
а медведь нынче –
очень спокоен...
- Паша, лучше ты нам расскажи про дела,
где, каких ты призов удостоен?
Засмутился, зардел Паша,
наш богатырь,
отшутился:
«День завтра покажет».
Шевельнулся –
в плечах двухсаженная
ширь,
улыбнулся:
«Костью пес мой ляжет».
А Асхат, говорун,
сказ ведет о другом:
- Вот вольер кабанам изготовил...
Белок тьма,
удивитесь вы днем –
столько прыгает их между елок...
А еще – строю новый вольер,
для лосей –
неплохая задумка».
- Ах, Асхат, фантазер,
как насчет соболей?
Есть в душе-то таежная струнка!

Ладно, верим тебе,
будет рысь и кабан –
как при нынешней жизни-то бедной
прокормить, сохранить?
Пусть звери в изъязн.

Поистратишь на них рубль последний...
Но смеется по детски Асхат:
- Прокормлю,
не держу ведь ни птиц, ни скотину.
Звери – это сердечный
И главный клад,
а без них – скукота
сгорбит спину.
Им любуюсь я, сев у дверей в уголок,
слушаю быль и небыль, присказки...
Кружит в белом дыму
низенький потолок –
как охотничьи встречи прекрасны!

ОМУТ

В нашей речке, не секрет -
не один есть омут...
Я люблю встречать рассвет
под обрывом тёмным.

В яме, где круговорот,
с голодухи щука
на блесну всегда берёт -
вот такая штука!

САРКАЗМ О СЕБЕ

Признаться, я давно не нужен
друзьям и детям, и жене...
И раньше был хреновым мужем,
ну а теперь, в годах - вдвойне.
Я потихоньку ковыряюсь
в навозе дачном, в гараже...
И без смущенья появляюсь
на диком пляже в неглиже.
И не курю, не пью - блюду я,
и Пасху, и Христовый день...
На чай горячий долго дую,
сажусь я в лужу на жопень...
Молюсь чертям я на закате
но на восход - поклоны бью...
И пусть не думают превратно,
что этим Бога оскверню?
... Нет, я не верю в Бога - грешен.
Враги мне - тёща, тесть, жена...
- Характер мой, видать, замешен
на браге хмельной – из дерьма.

ОКУНЬ

Как красив! - хвальбы достоин...
Любит ключ, в тени - обрыв...
Но прожорлив: в мелкой пойме
поедает молодь рыб
Красно-синий, полосатый -
цвета утренней зари,
плещется драчун усатый!..
На блесну его бери.

СЕВЕРНЫЕ РЯМЫ

О чём молчат глухие чащи?
- Природе вечное дано!..
... Уже октябрь... Дожди стучатся
в её осеннее окно!..
Летит с осин листва резная,
багряным стелется ковром.
Кустарник плотный прорезая,
шиповник светится костром!
Мох шаг крадёт... Не треснет ветка
и сайка не всплакнёт в тиши...
Я пробираюсь незаметно в рямок...
Как сосны хороши!

* * *

Как стадо,
разбрелись вдаль облака
на догорающем
вечернем небосклоне...

За речкой,
в темной гуще лозняка,
в болоте топком
 выпь ночная стонет.
Иду с ружьем тропинкой луговой,
густой туман
 белесой пеленою
встает,
волною катит над травой
и лижется,
 как верный пес,
 со мною!..
И неохота снять ружье с плеча,
я провожаю взглядом уток стаю –
иду я просто вечер повстречать
и потому сегодня
 не стреляю.
Последний ветерок в листве утих,
все замерло,
лишь выпь неугомонна.
Природа входит в душу,
словно стих,
и мучает тревогою бессонной.
И нет покоя мне,
 и не пойму –
чего еще теперь от жизни надо?!..
- Иду, как в юность,
 в белую волну,
и льнет к щеке желанная прохлада.

* * *
Не доехав до деревни,
на краю опушки слез...
Не припомню я деревья –
был ли,
 не был этот лес?!
Вспомнил:
кустики здесь были
и осинки вдоль тропы...
- А теперь,
скажи на милость,
вымахали, как столбы!
Вспомнил:
рядом с мелколесьем
две березки на бугре
нас манили птичьей песней
теплым летом на заре!
Лазить мы по ним любили...
Выситя теперь одна –
да и эту надрубили!?
И корява белизна!..
Подхожу,
ладонью глажу
шрамы черные в коре:
- Что, березка,
 мне расскажешь
о прошедшей здесь поре?
Я охотником «бывалым»
в детстве шел своей тропой.
Был,
 как ты,
 тогда я малым –
а теперь,
 как ты, - седой!..

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

**СТИХИ О СЕБЕ,
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ**

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать седьмой)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

СТИХИ О СЕБЕ, РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ

АВТОПОРТРЕТ

И ростом я не выдался, хоть силы
не занимать,
не вышел и лицом...

Я с детства знал колун метровый, вилы
да воз, прижатый плотно бастригом!
Буренка наша жалобно мычала
и, напрягая тощие бока,
тащила плуг,
и к вечеру качалась -
в подойнике ни капли молока.
В избе холодной было очень грустно
когда темнел в пол-неба горизонт,
а в животе как в зимнем поле - пусто.
Но нету детских жалоб: «Всё на фронт!».
Мне в жизни каждый шаг давался трудно,
завидую сегодняшним юнцам
и ненавижу тех, с пустою грудью,
подвыпивших, подобных подлецам...
Друзья смеются: «Слух же у тебя,
медведь на ухо что ли наступил?
А где им знать -

глуха была изба,
динамик в ней – и тот не говорил.
Теперь, когда я детство вспоминаю,
ко мне приходит музыка полей -
в сто этажей!..

Аж кожу обдирает!..
Там жаворонки выше забирают
к невидимому клину журавлей.
Большой оркестр!
На тыщу голосов -
мелодий сто и ни одной фальшивой!
И даже шелест спелых голосков
вплетался в эту музыку счастливо!
... Да, ростом я не выдался, ну что же -
тому виной крапива, лебеда.
Что сердцем глух -
сказать никто не сможет,
а что лицом не вышел -
не беда!

ПОДЪЕЗЖАЯ К ДЕРЕВНЕ

Над просёлком
тает синь небесная,
голова прохладой полна!
Чую я, как сердце бессловесное
поделила надвое межа.
Что-то в нём отпело, отшумело,
Отлюбило - время подошло!..
Но зато заветное созрело
и теперь колосьями взошло!

И от детства - маленькое поле
зелени,

как в первый день весны,
под покровом наболевшей боли,
словно озимь, посреди зимы?»
...Пусть теперь заметнее седины
и в груди отчётливее стук,
но не хлебом живы мы единым,
и без Родины нам всем каюк.
Голод приближается великий:
«перестройка» - многому конец?!
Помню сорок третий - так же дико
мёрзлы дети...Фронт... вдали отец...
- Наплевать на горечи, я выжил,
пусть они замрут навек во мне!
... Я сегодня мать свою увижу,
встречу детство в милой стороне!

деревня Старосолдатка

В КОЛЬЦЕ

Да, ты замуровал себя
в квартире, как в кольце,
И сетуешь: виной – судьба,
с досадой на лице
Ночь напролёт строчить, корпеть,
- а надо ль, дорогой?
Ведь даже птице трудно петь
в полночный час глухой.
Там, где зари твоей восход
и белая сирень -
там есть в стихах любви приход
в благословенный день!
Ну, а пока в сплошном кольце,
как птенчик в скорлупе,
ты с грустной миной на лице
чирикаешь себе.

* * *

А мне под сорок лет, под сорок!..
На щёках тверже желваки.
Стал каждый час и день мне дорог,
как теплота твоей руки.
В вину себе я не поставлю
что понапрасну в чем-то жил,
что прятался за плотной ставней,
судьбу на гуще ворошил.
Да, порох есть в пороховнице.
Как прежде манит к звёздам даль,
и не хочу в руках синицу -
пусть кружит в небе мой журавль.

РАСКАЯНЬЕ НА ПОХМЕЛЬЕ

И так-то мне не верила,
а теперь - подавно...
Были мы «два берега»
в недавнем прошлом, славном!

На душе погано,
Башка - промозглый кол,
не слишком ли я рано
до рученьки дошёл?!
Ведь это не рапутство
и даже не кутёж,
точней - к семье преступно
когда, как лошадь, пьёшь!
А пить зачем до одури -
чтобы ползти свиньёй?!..
Быть может грех от удали?
Но возраст- то иной!

СВОЯ ЗВЕЗДА

Не выгораживаю жизнь,
не лгу я ни себе, ни людям.
Мои рассветы не зажглись,
но верю: свет их будет!..
Не приукрашиваю жизнь -
не нужно розового цвета,
от фейерверка праздных искр
боюсь порой ослепнуть!..
Пусть чья-то ранняя звезда -
такая яркая и близкая
взойдёт на зависть!..
Никогда
чужую не приму изысканность!
А лучше буду долго, зло
трудится над искрой ночами.
Не верю в слово: «Повезло!»
- ведь счастье делаем мы сами!
Своя откроется звезда
на ясном небосклоне
лишь тем, кто муками труда
её любви достоин!!

НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОЗОР

Троллейбус переполнен, словно улей,
ворочается, тяжело вздыхает...
На остановках пассажиры пулями,
теряя пуговицы, вылетают.
Прижат к двери
у рамки с фотографиями,
под ними подпись:
«Зайцы, нас порочащие..» -
опущенные головы проштрафившихся:
студент,
рабочий
и уборщица...
Смотрю в упор, не отрывая взгляда,
ведь я, не только «Я», а я - судья!..
Смотрю: в студенте и его наряде -
не юность ли, притихшая, моя?..
И ощущаю: в полушубке рваном,
дрожащею рукой,
чтоб взять билет,

я шарю-шарю по пустым карманам,
хоть знаю -
в них копейки нет на хлеб!..
И мать моя, уборщица - как эта,
с лицом таким же,
полным тихой скорби,
одна, троих, растившая нас с детства -
вот так же
голову и плечи горбит...
Случайность? -
что же, может и случайность.
Стою, обиду пряча в знойных веках -
и наполняет злоба и отчаянье
за распятую гордость человека!..
- А Вы, правители страны, всех судеб,
Вы задарма в карман гребёте тыщи -
какие же, Вы наши «Божьи судьи»,
когда плюёте за копейку в нищих?!
Не ездите в троллейбусах, трамваях -
у Вас, у всех, машины-персоналки!..
Вы, о простом народе забывая,
окажитесь когда-нибудь на свалке...
- Моя ты, бедность,
через столько лет
укором выставлена напоказ?!
За жалкий тот, за горький свой билет,
как дорого бы

заплатил сейчас!!
*г. Омск, 12 марта 1964 г.,
троллейбус №77*

НАСЛЕДСТВО

На озере «Долгом»
раздумьями светлыми маюсь,
вед угол у озера -
фамилией назван моей!
...Мой труженик-дед,
ты также молился на чаек,
но был ты хозяин
старинных, кулацких кровей!
Я внук твой,
как звон твоего колокольца!
Но озеро это чужое,
теперь я здесь - гость?!
Светлеет лицо
от весеннего яркого солнца,
в душе улыбаюсь -
природа всё помнит, небось?!
Не зря же мой дед
и пахал здесь, и сеял
на этой вот гриве-
«Копытихой» звали её.
И я здесь родился -
его плодovitое семя!
На этом вот поле
мне светит родное жнивье!

- Ах, озеро «Долгое»
с криками уток и чаек,
красивый залив,
что мне дедом завещан навек -
сюда я вернулся,
жизнь нынче долги возвращает...
Подружимся мы, в общем,
я неплохой человек...
село Старосолдатка

НАДГРОБНЫЙ КУРГАН

Бугор камней вблизи белеет,
вокруг поляна ковыля...
Надгробье, вроде Мавзолея -
тревожно щели в нём глядят?!
Исхлёстанный дождём и снегом,
от горя, времени - седой,
под вольным, неоглядным небом
грустит курган в степи большой!!

НА ДЕРЕВЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Стемнело...
Утки кричат в камышах,
за островками - булькают лысухи...
Деревня вдалеке блестит в огнях
и нудно комарье звенит над ухом.
Я слышу: на лугах мычит телок...
собака лает... следом - бабьи крики...
За рощей, слева, вспыхнул огонёк...
и шум мотора...
Тень коня возникла...
За отраженьем звёзд в воде слежу...
Гребок весла - и зыбь по витражу...

У БЕЗДНЫ НА КРАЮ

С самим собою снова в драчке:
То - жар в висках...
то - бледность щёк...
то - холод, грусть...
Все силы трачу,
чтоб вспыхнул в сердце огонёк.
Себя безжалостно терзаю,
стихи вбирают страсть мою...
Я - жалкий раб,
жизнь презирая,
стою у бездны на краю!!

НАДГРОБНЫЙ КАМЕНЬ

Бугор земли слегка белеет
густой травой ковыля,
а сверху камень - мавзолеем!..
Тревожно щели в нём глядят.
Исхлёстанный дождём и снегом,
от горя, времени - седой,
под вольным неоглядным небом
грустит один в степи большой.

НА НОЧНОМ ПЛЁСЕ

Стемнело...
Утки кричат в камышах,
за островами булькают лысухи.
Деревня вдалеке блестит в огнях,
и нудно комары звенят над ухом.
Я слышу: у реки мычит телок...
собаки лают... следом - бабьи крики...
За рощей, слева, вспыхнул огонёк,
и шум мотора...
Тень коня возникла...
За отраженьем звёзд в воде слежу -
Гребок весла - и зыбь по витражу.

В МАЕ

Весенним ярким солнцем
обласкана река,
в ней, с самого-то донца,
всплывают облака.
Вдоль берега - лужайки
с зелёною травой...
- На что вы, чайки, жалуйтесь,
крича так надо мной.

НА ТУМАННОМ ВОСХОДЕ

Спешу я на зорьку с ружьём вдоль обрыва,
а слева луга заливные, Иртыш.
И стаями утки снуют над разливом...
Туман поднимается...
В блёстках камыш...
Так странно мерцают спокойные воды.
Край солнца всплывает вдали над рекой,
и сразу - в воде огневые разводы!
Крик чаек истошный... Кулик озорной.
И чибис, играя крылами, смеётся...
А солнце всё выше - там гул самолёта...

НА СТАРИЦЕ ИРТЫША

Мороз сковал прибрежный плёс,
повмёрзли лодки в няшу...
И ветер первый снег разнёс
над лугом полинявшим.
За тальником на Иртыше
с утра шуга мерцает...
Вот и лисица в камыше
подранков подбирает.
Виляя огненным хвостом,
ползёт она к закрайкам...
А ворон хрипло над леском
по-зимнему закаркал...

НА ЗАРЕЧНОЙ УЛИЦЕ

С глазами ангела, волнуясь,
стоит девчонка у реки.
А солнце алым поцелуем
ей красит губы, лоб, виски...

Светлеет рядышком черешня,
вся белоснежная, в цвету...
Я запах горьковатый, вешний
ловлю от веток на лету.
Горит закат...
В прохладе майской
смущённый шелест лепестков
меня волнует негой, мает...
Иду с признаньем нежных слов.

ПОСЛАНИЕ ПРАВОСЛАВНОМУ

Александр Павлович?!
- друг таёжный мой,
рос совсем не баловнем
в той поре, лихой.
В той знобящей вьюге,
там, под вдовий плач,
подтянув подруги,
гнал лошадку вскачь.
Восьмилетний, малый
сено вёз дрова...
Вечером усталый
вновь зубрил слова...
Но не книжки школьные -
жизнь учила нас,
и тропой окольной
шли в леса, как в класс.
Выросли в урмане мы.
Там, в глухих местах -
шли в одежде драной
в военных тех годах...
Помнишь, как с берданкою
у лесных озёр,
с ухваткой атаманскою
зверя бил в упор!..
Помнишь, как зимою
в тайге чуть не замёрз,
под метелью злою
кое-как приполз!
... Ты сейчас механик,
на все руки - «Асс»...
На одном дыхание
можешь спеть романс.
Любишь поговорки
и присказок блеск...
Есть пристрастие к «горькой»,
к девкам - интерес!..
Я тебя не сватал
в истые друзья,
нас с гаражной братией
разделить нельзя.
Александр-Свет-Павлович!
- ты мне в доску свой,
пусть грехи все давние
канут под водой.

- Хочешь, на охоту
в пятницу махнём,
забудем все заботы
и у костра кутнём!

ПОД НАКИДКОЙ БЕЛОГО ТУМАНА

Дышит речка холодно туманом -
всплеск...круги...
и снова - тишь да гладь.
Всходит солнце...
Птицы караваном с криком,
новый день летят встречать.
И от снов ещё оцепеневшая,
алая вода горит в лучах! -
будто струйка крови отзвеневшая,
над которой вороны кричат.
А туман молочной пеленою
стелется, плывёт волной в луга,
где коровы, словно его ловят,
бродят -
низко опустив рога!
... Как же не додумался я раньше:
от чего же бело молоко?!
- И иду по самому я краешку,
и смеюсь:
свалюсь - не глубоко!!

ПОЛЮБИЛА ЖЕНЩИНА ПОЭТА

Полюбила женщина поэта
в полночь, при мерцающей луне...
Шёл июль и буйный запах лета
был настоен, видно, на вине.
Ах, какие загорались звёзды
в их глазах, приближенных «на нет»,
словно изумительные вёсны -
возвращались, отражая свет!
Невесомые вдвоём кружили
в сказочной щемящей вышине.
Обнимая небо, зори пили-
и казалось им, что всё - во сне!
... Днём не модно, запросто одетые,
растворялись в уличной волне...
Был он безызвестнейшим поэтом,
а она - красавицей вполне.
Рестораны, яркие витрины
и театры - были не для них...
Не стремился к ним он, как мужчина,
- без ума она была от них!
Тётки, как бы впрочем, беспредметно
вторили ей: «Замуж бы пора?
Свет сошёл что ли на поэте,
есть завбазы, есть - директора...»
И она решилась...
... Он остался
между небом и землёй один...

В полночь сам с собой
в тиши шептался -
сказочного мира властелин!..
А она вся в роскоши, соблазнах,
нудно проводила свои дни
и боялась встретить каждый праздник -
всюду были прежние огни.
Зажигались, рядом, снова звёзды
в тех, единственных его глазах...
-И она бежала ночью поздней
в улицы, в отчаянье, слезах!..
В тишине, на гулких тротуарах
зло чеканя острым каблучком,
обходя влюбляющие пары,
находила старый его дом.
...Он уехал вскоре, в то же лето,
для неё исчезнув, навсегда...
Но в газетах среди больших поэтов,
Появлялся, яркий - как звезда!

ПОДЗАБОРНЫЕ ПОЦЕЛУИ

Настраивай свои миноискатели,
ребятушки, румянится заря!..
И вечер стелет
Путь-дорожку скатертью,
не пропадать же силушке зазря.
Эх, свято место пусто не бывает:
- мне к вдовушке пора бы заглянуть,
- а у Матрёны бражка так гуляет.
- у Насти самогончику б хлебнуть?!
... Огурчики, хрустящие в бочоночке,
Поистомились -
закусь хороша!..
Вам милые, податые бабёночки,
простится Богом, грешная душа?!

ТВОИ ХОЛОДА

Прносятся тучи, мелькают года
и реки мельчают, мутнеют...
Беде неподвластна -
чиста и горда,
ты молвишь: «А кто пожалеет?..
Одна я,
на всём белом свете - одна...
Муж бросил,
а сын в катастрофе погиб...
И далёка сторонка родна.
И я не люблю всех распросов...»
... Степенно идёшь по аллее со мной,
а ветер взбивает причёску,
и локоны стелятся белой волной...
Закат догорает полоской...
Спокойна, мудра и немного строга -
ты рядом со мною скучаешь...
... Иртыш потемнел, спрятались берега -
лишь белые точки чаек.

Птиц слышу
встревоженный, радостный крик -
пикируют смело на воду...
- Прости,
к холодам я твоим не привык,
и ты из меня вся уходишь...

ДЛЯ НАС, ДВОИХ...

Под обрывом невысоким
у реки заснул камыш...
Месяц смотрит ясным оком.
Над водой - такая тишь!
Не всплеснёт шальной карасик,
коростель в лугах затих.
... И дорожку месяц красит
по траве, для нас, двоих.

ПОМНИШЬ...

Помнишь: ночью дикой и тревожной
небо, словно рушилось, звеня.
Дождь хлестал вдоль улиц невозможно,
молнии трещали от огня...
Ты под топодем со мной стояла,
мокрая, в лицо моё дыша...
Прижималась - и слегка дрожала...
Волны бились в берег Иртыша.

ЗНАТЬ, ДУША ЖИВЁТ...

Память лихо возвращает время:
за минуту год промчался в нас -
и с души сползает тяжко бремя,
и уходит грустный свет из глаз!
... Прожитое - крылья за плечами.
Женский облик вдалеке встаёт.
... Вновь вернулась ты - и полегчало.
- Знать, душа моя ещё живёт

ПРОСТИ МЕНЯ...

Прости меня, молю: «Вернись!...»
Ты, словно, майский день весёлый -
ну, а во мне - мороза тишь,
и скучен, болен я, безволен...
Прошел февраль - душа, проснись,
услышь плеск речки, рокот леса...
-Прости, но ты опять звучишь
заречной, луговой песней!

ГОРЬКИЕ РАЗДУМЬЯ

Почему меня всегда хотела
даже в малой ссоре обвинять?..
Время шло, и вот пора поспела
до конца друг друга нам понять.
Я старался нежным быть с тобою,
если даже в чём-то был разлад.
Сколько раз с надеждой и любовью
шёл к тебе сквозь дождь и снегопад.

Часто ты меня не понимала,
или не хотела понимать?..
- Ночь накрыла тёмным покрывалом
одинокую мою кровать.

ЛЮБОВЬ К ПРИРОДЕ

Простишь ли мне, что я опять на зорьке
дышу цветами, что напев дрозда,
берёзку обнимаю на пригорке
и пью росу, как капельки дождя...
Сюда, в леса, я часто убегаю
от городских проклятий и обид -
ну, а тебя на кухне оставляю...
И у тебя усталый, грустный вид.
- Прости же мне, любовь мою к Природе,
и жаль,- что в ней себя ты не находишь.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Я уйду из этого круга,
разрывая невидимый тлен.
Надоели упрёки и ругань,
и намёк на возможность измен...
Грустно так...
Потолки накренились
и в подушку противно дышать...
Мне сегодня охота приснилась:
лебедь, лодка, озёрная гладь...
Мне приснились зелёные сосны,
дикий рям - а внутри - озерцо...
И вернулись забытые вёсны...
И моё посветлело лицо.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снег, из низкой тучки выпадая,
хлопьями летит среди ветвей...
Кажется он – лебединой стаей,
если взгляд прищурить посильней!

О ЧЁМ ГРУСТИШЬ?

Ползёт позёмка в камыши,
осоку гнёт, играет...
Мне тальники поют в тиши,
что жизнь пришла другая.
Спит, сном охваченный, Иртыш -
рябой шугой сверкая...
- О чём, душа моя, грустишь-
и льдинкой таешь, таешь?!

ЛЮБЛЮ СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

Лежу у моря...
Солнце... Пляжи...
Под шум волны гляжу я в даль...
Но разве кто душе подскажет:
что мы таим, чего нам жаль?!
...Опять душа летит к озёрам,
прозрачной голубой воде.

Люблю Сибирские просторы
в их первозданной чистоте.
Смешны курортные вояжи
в безделье, скуке...
- Что мне в них?
И эти золотые пляжи
к чему?..
- не пишется коль стих...

НА УЧЕНЬЕ

Холодную сжимаю сталь
стволов,
в безмерном напряженье...
А надо мною
неба даль -
там белый самолёт в скольженье.
Сейчас спикирует он в цель,
взорвётся воздух...
Запах гари
ударит в смотровую щель!
... И грозное «Ура!..» ошпарит!!

ЧЕСТЬ

Выше чести нет других достоинств!
Честь невеста и родимый дом!
С честью погибает каждый воин...
Честь и доблесть в шелесте знамён!
Никогда бесчестье не прощалось,
гордостью прекрасен человек!
К слабости испытывая жалость,
проклинаем подлость мы навек!
Честь моя - струя из речки чистой
и под небом оклик журавля...
Свято помню мамы взгляд лучистый,
вечно снится милая земля!

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Без тебя на белом свете, мама,
стало сразу пусто и темно.
Память бьёт в виски, зовёт упрямо
заглянуть в разбитое окно.
Над избою мрачные деревья,
рядом опрокинутый плетень...
- Кто теперь мне душу обогреет,
кто вернёт тот давний, ясный день?!
Жаворонки в небе замолчали...
Вот и кладбище. Вокруг - кресты...
На коленях я стою в печали
у оградки, где осталась ты.

ОГНЕВОЙ ЗАКАТ

Золотые плывут облака...
Золотистые блики на речке.
Рыжие у лошадок бока,
порыжели все спины овечьи.
С красным блеском горшки на
плетне.

Огненные над крышами трубы...
Заалела рубашка на мне,
покраснели собачьи губы...

РЫБАКИ

Красно-розовый, пугливый
в речке плещется закат.
Трое мальчиков счастливых
на мостках в тиши сидят.
Удочки к воде склонились,
чутко дремлют поплавки...
В лицах детских отразились
блики радужной реки.

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИНЫ

Год назад здесь рос бурьян,
нынче – хлеба грива...
Говорит мне дед Иван:
*“Ах, полюшко красиво!
Наш сибирский сорт тиенцы,
надо ж славно уродиться!..”*

У ПТИЧЬЕГО ГНЕЗДА

В траве высокой и густой
поёт пчела о тёплом лете.
Плывёт малиновый настой
в сиреневым рассвете!
- О чём же плачешь птичка, ты?
Гнезда я не затрону,
птенцам желаю подрасти,
взлететь в простор зелёный.
Я сам, как маленький птенец
- голодный, босоногий...
И с фронта не придёт отец,
не стукнет у порога...
Листва звенит над головой.
Взлетает, плачет птичка...
Я - конопатый и смешной
иду в лес земляничный!

НА ПАЛАТЯХ

Брат с сестрою спали на полатах,
я любил на печке русской спать!..
Горожане, жаль мне вас, ребята,
печка да полати - благодать!
А ещё зимой, под лавкой в клети
жили куры, рядом за стеной
петушок кричал нам
в час рассветный.
Мать у печки стучала клюкой.
Жалобно у углу мычал телёнок,
и на влажный пол, скользя, вставал,
звякая пустым ведром спросонок,
сладко дно шершавое лизал.
Мама открывала двери в сени,
шла во двор -
к бурёнушке в пригон,
и с морозным паром, запах сена
с кухни плыл, цветами напоён.
Мама до рассвета уходила
в школу,
где техничкою была -
коридоры, классы мыла, мыла...
А потом у входа нас ждала...
А отец наш, лейтенант-гвардеец
«жди меня» -
стихи нам с фронта слал...
Ждали мы его домой, надеясь -
«похоронку» штаб полка прислал.
... Как давно-давно всё это было,
память то - на веки сохранила...

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

КАПРИЗЫ ПОГОДЫ, ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать восьмой)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

Я смотрю светло и нежно
на снежинок хоровод.
Вновь причудливо, как в сказке,
на аллее, как и встарь,
светит мне давнишней лаской
в тихом скверике фонарь!

В РОЖДЕСТВО

Рождественские морозы.
раскалили кирпич... хрупок снег...
и колёса скрипят, как полозья...
В воротник спрятал нос человек.
В перемёрзшем трамвае пустынно.
И, оттаяв на стёклах глазок,
наблюдаю, как в санках старинных,
ёлку улицей дед поволок.
Он разрезал её аккуратно,
всё до веточки сложил возком...
Сам же в валенках, - что все в заплатах,
телогрейку стянул кушаком.
Словно старец из прошлого века,
ковыляет с добычей своей.
Нет дровишек, и он накумекал
ёлку взять на растопку домой!
... Сколько радости было на ёлке,
выбросили её за порог.
В чужой радости мало толку,
от сырых дров плохой огонёк.
- Миллионный мой город! - от пробок
винных, если собрать их и сжечь,
(пусть сограждане вас не коробит)
протопить не одну можно печь.
Вспоминаю заздравные речи,
пышный стол,
 блеск бенгальских огней...
- Вспомнил детство, холодные печи
тех, военных, проклятых ночей?!
Как наивны романы цыганские,
пьяный пляс и разгульность умов.
Пышет стол от сухого шампанского.
... Ну, а деду – вязанку бы дров...

РУСАК

Мечется русак под светом фар
по жнивью
 осенней темной ночью,
и лучи слепят, как сотни жал.
Бьют в глаза!..
 И убежать нет мочи.
Ближе-ближе все мотор рычит.
Грянул выстрел –
и дробинки свищут...
В сторону прыжок, копна - как щит,
только фары бьют лучами, ищут...
На мгновение русак прилёт...
- Но машина объезжает стог...

ЯНВАРСКИМ УТРОМ

Рассвет... Сорока-белобока
трещит на низеньком плетне,
по чёрным прутьям скоком-скоком,
почти приблизилась ко мне...
Искрится снег...
Пёс громко лает,
за лошадьё бежит к реке.
Там - прорубь, в ней вода сверкает...
... Я в лес иду, что вдалеке.
Вот за избой последней сразу -
след заячий и лисий - в ряд.
Слежу, в кусты прицелясь глазом,
сжимая у ружья приклад.

ПРОМАХНУЛСЯ

Ружьё кивнуло зайцу вслед
и резко прогремел душет...
Растаял дым...
И в поле чистом
мерцает след снежком искристым.
- Я промахом вполне доволен:
пусть зайка бегает на воле!..

В МЕДВЕЖЬЕМ ЛОГУ

Морозный закат догорает, и звуки
всё глуше в сосновом бору...
Иголками ёлка мне тычется
в руки,
я шишку в ладони беру.
Как пахнет смолою, озоном и мхами –
дышу полной грудью захлёт!..
Сажусь на пенёк, в полутьме
отдыхаю,
мой путь по тропе недалёк.
В медвежьем логу, у серебряной
речки
избушка охотничья ждёт,
и там из трубы дым струится
колечком –
напарник Федулыч чай пьёт.

* * *

Войны не видел я, но все же
познал всю горесть бытия...
Натягивая крепче вожжи,
спешил я на дымок жилья!
Мне девять лет... Зима...
Мороз...
В снегу буренка утопает,
везет она с дровами воз.
Мычит – и пьяно так шагает...

ВОЕННЫЕ ЗИМЫ

В зимы военные, в годы голодные
снег заметал нам до крыши избу.

Помню: в ту, вьюжную ночь,
новогоднюю –
ветер свистел одичало в трубу.
Мама крупу и пшено получала
по аттестату, что был от отца...
Праздничный ужин готовя, печалась,
нам согревала любовью сердца.

ВЕЧЕРНИЙ СНЕГ

Пусто в роще, одиноко.
Лишь кричит вдали сорока.
Шапкой снежной горд
кустарник,
иней травы серебрит,
на сосне корявой, старой
сверху облачко висит.
К вечеру мороз сердчает,
тихо плавится закат.
А стволы скрипят, не зная,
что тревожат сны зайчат.

* * *

... В окнах – снег и свист
метели...
Одеваю я пимы,
выбегаю на мороз,
в рукавичку прячу нос.
А на речке у обрыва –
ребетня и шум крикливый.
Кто на лыжах, кто на санках –
машет шапкой мне друг Санька.
С горки мчит он на трамплин...
Дзинь!..
Взметнулся снежный дым.
Санька белый, весь в снегу.
Я к нему бегу... бегу...

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Я снова вернулся. Над речкою
Оша
все также стоит деревенька моя,
здесь с первою легкой, веселой
порошей
на свадьбу друзья пригласили
меня.
Любуюсь деревней: сенник в
огороде,
и живность кричит во дворе...
Как прежде, с ружьем я иду на
охоту
на утренней чистой заре.

ПРИЗНАНИЕ

Где-то загораешь там, на юге...
А у нас на улице - снега!
К Иртышу иду...

Снежинки - кругом,
я в сетях -
но грусть моя легка.
Мелочные споры и обиды
прятал в глубине своей души...
Годы шли...
И вот теперь увидел:
выросли сомненья в этажи!
В них вместились тени подозрений,
недомолвок...
И застали свет
те упрёки, недоразуменья
от которых мне покоя нет!
Ну, а ты день ото дня капризней,
словно в сказке, где чудак - рыбак
просит не себе богатств у жизни...
- Ты бранишься, всё тебе не так?!
Не курил, теперь дымлю безбожно,
на похмелье морщью лоб слегка...
Посудите сами: разве можно
жить хотеть, а счастья - в поллотка.

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Ночь... Луна...
Хруст морозный, печальный,
на снегу - лап огромных следы...
Волчий вой от болотины дальней
наплывает в просвет городьбы.
Под навесом скотина в сарайке,
пар над крышею дымкой встаёт...
... И Мурзилка, отменная лайка -
чуть скулит и хозяина ждёт.
Ждёт, когда из избы выйдет он,
и с берданкой уже не впервые-
обойдёт сеновал и пригон -
слушая волчьих стай позывные

В МЕТЕЛЬ

Заметает дорогу метель
и буксуют колёса в кювете...
Радиаторный бак закипел -
глохнет двигатель перегретый.
Многотонный КамАЗ в снег увяз,
и водитель, ругаясь, поносит
снег...
На сколько хватает глаз -
по дороге - заносы, заносы...
До деревни вёрст десять идти,
нужен трактор...
Как бросить машину?..
... Уже вечер, лишь мрак - впереди...
Снежный шквал сотрясает кабину.

ВОСПОМИНАНИЕ О КУКУШКЕ

У сугроба на тёмной опушке
в невесёлом раздумье стою...

... Вспомнил лето и встречи с кукушкой -
одинокую радость свою.
Как любил свет берёзовой рощи-
мне загадкой считала года...
И на жизнь я смотрел как-то проще -
если даже случалась беда.
А сегодня от мысли немею:
вот когда-нибудь здесь, на снегу
по холодному ветру развею
нежность ту, что в душе берегу.

В ОТПУСКЕ

А. Грачеву

Отпускные вы, деньки!?.
В круговерти снежной замети
понеслись вперегонки
по местам родным и памятным.
... Масляниц горят костры,
ветерок шуршит соломенкой.
Смех девичий: «Догони!..»
Звук баяна в крайнем домике.
Речки узенький изгиб,
берег в кружевах сугроба...
Огоньки вечерних изб...
И присказок полный короб!..
... Вот неделя позади...
За околицей берёзовой
нас автобус посадил
с другом -
в первый раз тверёзовым.

ВМЁРЗШИЕ СЕТИ

Покрылись ледком
камышовые плёсы.
И первым снежком
ветер иней разносит.
И чаек не слышно,
и утки – не кричат...
... Тьма холодом дышит
на лоб мой горячий.
Без шапки, раздетый.
веслом лёд долбал...
И вмерзшие сети
весь вечер снимал!

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Лунный свет...
Хруст морозный, печальный –
на снегу лап
огромных следы.
Волчий вой
от болотины дальней
наплывает в просвет городьбы.
Под навесом –
скотина в сарайке.
Пар над крышей
в соломе встаёт.

И Мурзилка –
отменная лайка,
чуть визжа,
сзади робко бредёт.
Я с берданкой ,
пацан деревенский,
обхожу сеновал, огород.
Рядом – лес,
затаились деревья.
...Сорок третий,
военный, год.

ДЕКАБРЬСКИМ УТРОМ

Вдоль кромки озера - камыш
под снегом лёг в заломы...
Ондатры хатки... Стукнул в тишь -
И сразу - всплеск знакомый:
Из домика ныряют вниз...
Здесь и зимой продлилась жизнь.

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Луна да снег...
Вдоль речки избы дремлют.
Как выстрелы, потрескивает лед.
Прояснило... Дым вьётся над
деревней.
Собачий лай... и говор... скрип
ворот.
В сугробах лунных меркнут
полутени,
сгорает в небе бледная звезда.
Вот первая сорока пролетела...
и стук пшени... И звон кусочков
льда.

НА ЛЕСОСЕКЕ

Да, где-то бьют литавры,
торжественная речь...
А здесь нам – не до славы,
не сесть, и не прилечь.
Вокруг снега по пояс,
в берлоге спит медведь.
Работаем на совесть –
до лета бы успеть.
Да, адская работа,
как там не говори:
До тысячного пота -
с темна и до зари.
Запомню лесосеку -
я ей насквозь пропах.
В поту насквозь рубаха,
горчит соль на губах.
Да, тяжело сверлила
просека тайгу,
Стоять! - Что б не случилось
до срока не сбегу.

ЗИМНЕЙ ЖИЗНИ БЕРЕГА

Опечаленно берёзы
смотрят в синие снега...
Затаённые, осторожны
зимней жизни берега.
Зябко дремлет куст ольховый
в белых праздничных мехах...
Снегири горят багрово
в ослепительных полях.
На серебряной поляне
чьи-то крестики-шажки,
и подснежниками манят
в них росинки - огоньки.
Вечер...
В дымчатом, безликом
Небе - солнца не сыскать.
Оттого, наверно, дико
хочется и мне скучать.
Свет скользит пунктиром линий
в верхних ветках на сосне,
а в сугробе - сумрак дымный
затаился в полусне.
В ночь начнёт трещать морозец,
месяц наострит рога...
Опечаленно берёзы
смотрят в стлывые снега.

ЗИМНЯЯ ОКОЛИЦА

Улица заречная
уходит краем в лес.
Дым из труб – колечками,
ночью тихо здесь.
Чутко спит околица
в сумраке берез...
Небо, словно молится,
мигая сотней звезд.

ЗИМНЕЕ УТРО

Крик вороний – простуженный,
злой,
просыпается в зимней роще,
выплывая из дымки седой,
кружит в небе, на зимушку
ропщет.
Вижу я: на реке – полынья,
над водой – облако воронья

ЗИМНИЙ ИРТЫШ

Снег только выпал: мягкий, чистый -
в нём белых звёзд не сосчитать!..
Рассвет холодный и лучистый
идёт по городу стучать.
... Люблю я лыжи, спозаранку
в воскресный день бегу туда,
где спит Иртыш, устав таранить
нагромождения из льда.

Прикрыли снежные равнины
корявое лицо реки,
как сфинксы, неподвижно стыннут
у зябких лунок рыбаки!..
Скольжу накатистой лыжнёю
вдоль рыжей стенки камыша
и, словно шепчутся со мною,
метёлки долго вслед шумят.
Толкаюсь палками, и в кольцах
снег вихрем вьётся позади!..
И зимнее всплывает солнце...
И всё теплей в моей груди!!.

ЗИМНИЙ ВЫХОДНОЙ

В доме празднично, тихо...
Понемногу светлеет окно,
а за ним: «чив» да «чив» - воробья
в полумраке, почти голубом.
И рассвет, словно зёрнышко малое,
Прорастает -

всё выше росток!

На холодную зиму не жалеюсь -
не она холодит мне висок.
Что-то нету давно мне удачи,
но стоял на своём и стою!
«Чив» да «Чив» - всё воробушек плачет...
«Жив я, жив!..» - свою песню пою.
Третий месяц дубасят морозы,
то под сорок, а то - пятьдесят.
На окошках хрустальные розы,
кружева на деревьях висят!
Хорошо и зимою берёзам -
им не надо терзаться, гадать...
Пробегают морозец по коже.
В доме празднично, тихо...
- Все спят...

* * *

С возрастом нас силы покидают
и смотрю на уходящий свет...
Солнце зимнее, не грея, тает,
растворясь вдали, почти на нет.
Жизнь спешит, мир в корне изменяя -
преходяще дружба и любовь!..
Хорошо,
что прошлым хоть не каемся.
В сладких снах
вернётся юность вновь.

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

Мороз трещит - почти под сорок,
и рядом старенький тулуп...
Поглубже прячусь в жаркий ворот,
Мохнатый -
он мне с детства люб!

Дымит деревня на пригорке
и манит зайчиков к теплу -
им от коры осины горькой
несытно в стынущем лесу...
Слетают птицы под окошко
и ждут у форточки зерна.
На подоконник влезла кошка -
мурлычет ласково она?!
Скрипят легко у окон сани:
воз с сеном медленно плывёт,
а конь сгибает шею странно -
заиндевел весь, пар идёт.
В стекле замёрзшем есть кружочек:
в нём небо, крыши и дымок...
и солнца маленькая точка...
- Смотрю в оттаявший глазок.
Что солнце?

даже не приветит,
над лесом низко проплывёт,
наполнит поле жёлтым светом -
в сугробы белые нырнёт!..

* * *

Злые напасти длинной зимы,
послевоенной,
голодной...
В свисте бурана,
из волчьей тьмы
детский плач возвращает
те годы.

...Валенки в дырах,
фуфайка в репьях -
личики бледные,
вялые.
Долго в заснеженных,
стылых лесах
дрова собираем усталые...

Ложим на дровни и вяжем ремнём,
в них бурёнка запряжена наша.
А позднее сидим мы
у печки с огнём,
мать готовит со жмыхом кашу.

Сколько было в то время семей
с утратами,
ранами,
болями...

Сколько скиталось по свету детей,
без отцовских,
навек обездоленных.
В двери стучались:
«Ради Христа,
дайте хотя бы крошку!..»
Видно, поэтому мне неспроста
нынче хлеб
обжигает ладошки...

ЗИМНИЙ, КОРОТКИЙ ДЕНЬ

В куржаке сплошном берёзы
смотрят в синие снега -
затаённые, осторожны
зимней жизни берега!
Зябко дремлет куст над речкой
в белой шапке набекрень,
прорубь светится колечком
и парит дымком весь день!
В небе дымчатом, безликом
в полдень солнца не сыскать,
оттого, наверно, дико
хочется и мне скучать!
Слышу дальний скрип полозьев,
храп коня, весёлый лай!
Стало к вечеру морозней -
ворот шубы поднимай!
Вот вдали закат лиловый
засветился в облаках...
Снегири горят багрово
за оградой, на стогах!
Пролетает мелкий иней -
застревает на сосне...
И качает сумрак длинный
ветки в долгом полусне.
Тихо в воздухе морозном,
месяц наострил рога...
Опечаленно берёзы
смотрят в стылые снега.

СКАЗКА ЗИМНЯЯ

Дремлет роща осторожно...
Ель покрыта снежной шубкой -
сободем сверкает вся...
А кустарник - в белой юбке
спит в овраге, притаясь.
В мягкой шляпе, набекрень -
на опушку вышел пень...
Сток сияет на поляне -
он в папахе великаньей.
Лисий след. Вот крыльев взмах
на снегу... И писк в кустах.
Лес искрится и цветёт -
в сказку зимнею ведёт.

* * *

Замела метель в лесу дорогу,
напрямик наш путь через кусты.
В свете фар два следа - как тревога!..
- сразу выплыли из темноты
Это лис здесь за зайчишком крался,
вот овраг - и здесь следов полно.
Наследила куропаток стайка.
и от стёжек на снегу - черно!..
Газик наш, буксуя понемногу,
вылез на хорошую дорогу!

ЗИМНИЙ РЯМ

Под вечер так зелено в мягком ряму!
Снежинки затеяли в нём кутерьму:
с верхушек скользят...
 в ветках лепят снежки...
и алую ягоду прячут в мешки...
Старик по лыжне на заимку спешит,
и взгляд молодеет от веток зелёных,
а лайка его на поляне в тиши
крадётся вдоль лунок, в снегу затаённых.
В тех домиках-лунках те-те-ре-ва,
с деревьев слетев, будут спать до утра.
И лайка сторонкою птиц всех обходит -
лишь соболь и белка нужны ей в охоте.

* * *

Зимний лес, полупризрачный лес,
И на ветках висит покрывало.
Чисто так, целомудренно здесь -
приюти роща душу усталую!
Как светло от обвальных снегов!
Как узорчивы гребни сугробов!..
Я вернулся, но я не здоров.
Снег на пнях, вроде чьих-то надгробий.
Давним предкам в поклоне кланюсь
и бреду по безлюдному полю
И шепчу: «Здравствуй край мой,
 винюсь...»
Возврати мою радость и волю!»

ЗИМНИК

Через озеро, болотом
едем в санях мы по льду,
едем в согру на охоту.
Конь трусит так неохотно...
А в снежинке, словно в
льдинке,
– свет, похожий на звезду!

ЗАЛОМЫ

Вдоль кромки озера - камыш
под снегом лёг в заломы...
Ондатры хатка.
 Стукнул в тишь -
и сразу всплеск знакомый.
Из домиков ныряют вниз...
Здесь и зимой продлилась жизнь!

ОХОТНИКИ (песня)

Снежные равнины
в вечерней дымке стынут
и вокруг ни огонька!..
В грузовой машине,
вторим песне шинной
голосом простуженным слегка...

припев:

*Охотники, охотники -
беспокойный бродячий народ!
- Если край родной
узнать захочется,
собирайся с нами в поход.*

Раннею ль весною,
вьюжною ль зимою -
не сидится дома у печей...
Манят нас озёра,
ширь степных просторов,
звёздное сияние ночей!

припев:

*Охотники, охотники -
беспокойный бродячий народ!
- Если край родной
узнать захочется,
собирайся с нами в поход!*

Белизну подснежников,
почек зелень нежною
мы встречаем первыми всегда!
Пусть порой холодные,
Иногда - голодные,
но близка нам эта красота!

припев:

*Охотники, охотники -
беспокойный бродячий народ!
- Если край родной
узнать захочется,
собирайся с нами в поход!*

Тропинки незаметные,
зорьки предрассветные -
сколько вы открыли перед нами?
Встречи у костра, рассказы до утра
сделали нас верными друзьями!..

припев:

*Охотники, охотники -
беспокойный бродячий народ!
- Если край родной
узнать захочется,
собирайся с нами в поход!!*

ЗИМНЯЯ КАРТИНА

Опечаленно берёзы
смотрят в пышные снега...
Затаённые, осторожны
зимней жизни берега.
Зябко дремлет куст ольховый
в белых, праздничных мехах,
снегири блестят багрово
в ослепительных полях.
На серебряной поляне
чьи-то крестики-шажки...
И подснежниками манят
в травах чудных огоньки.

Вечер...
 В дымчатом, безликом
 небе солнца не сыскать...
 От того, наверно, дико
 хочется и мне скучать.
 Снег скользит пунктиром линий
 в верхних ветках на сосне,
 а в овраге сумрак синей
 затаился в полусне.
 В ночь начнут трещать морозы,
 месяц наострит рога...
 Опечаленно берёзы
 смотрят в стылые снега!..

НА ВТОРЫЕ СУТКИ

В лицо швыряет ветер снег -
 и не открыть замёрзших век...
 В бровях, ресницах понастыл
 сосулек белый лёд...
 Казалось мне:
 лес волком выл!..
 И гнал меня вперёд.
 Как будто тысячи чертей
 в заснеженном кругу,
 под завывание смертей,
 играли в чехарду!..
 Проваливаюсь в мягкий снег:
 скрипит, болит нога...
 Ни зги!!
 Букашка-человек
 в сетях... Везде снега!
 Вот метр ещё - как труден шаг,
 но где-то близкий лай.
 Ладонь кусаю, жму - в кулак!
 Молю: «Вставай, шагай!!»

БЕЛОЛОБЫЙ ФЕВРАЛЬ

И метелил ... и буранил...
 и позёмкой мчался, лих...
 А сегодня как-то странно
 потеплел зараз, притих...

ПЕРЕЛОМ ЗИМЫ

(с 20-го, по фен. календарю)

Февраль!.. Февраль!..
 Ушла печаль -
 день повернул на лето!..
 Двадцатое?! - сверкает даль,
 сосульки с крыши светят.
 Фенологический сезон -
 наивный календарь,
 ведь за окном метельный звон
 и всё вокруг,
 как встарь.
 И не видать ни зги кругом,
 вихрь прёт! – Круговорот?!

Где улица... и где твой дом?!
 Судьбы где поворот?
 Не отвернуть лица... Смотрю:
 как кружит карусель?!...
 К тебе ни в чём не изменю,
 ни в холод, ни в метель.

* * *

Во мне свой календарь,
 гоню я мрак и тень,...
 Растут цветы в январь -
 цветёт в снегах сирень!
 Снежинки под горой,
 под ярый свист метели,
 летят в лицо капелью-
 и сказочный их рой!
 Я доверяюсь сердцу
 а не дурной погоде...
 Снежинки хороводят -
 им хочется согреться.
 Ладонь я подставляю:
 одна, кружа, садится -
 и тает и искрится,
 как отраженье Мая!..
 Цветут цветы в январь!
 ... Зимою вьюжной злою
 пронизан я весною -
 во мне свой календарь!
 Старец
 Его лицо, как лик земли-
 в морщинках и тепле...
 И думы тайной залегли
 на восковом челе!
 Глаза ясны, ведь в них - весна!
 Им видно всё насквозь!..
 И потому им не до сна -
 чтобы другим спалось.

* * *

Сколько было тогда женихов?!
 А теперь, кое-как
 заимела ребёночка...
 И отец, перебежчик из тех петухов,
 что смываются враз, потихонечку.
 Был и не был - какая семья?
 Женщины виноваты в том сами.
 ... И живёт она, грусть затая,
 с незамужними, в общем, глазами.
 Белым кофточкам тесно дышать,
 взгляды просятся лаской открыться.
 Ей не хочется даже скрывать,
 что одной по ночам плохо снится.
 Одиночество - сильных удел,
 только проку-то в том одиночестве...
 Синий май за окном потеплел
 и на улицу выйти хочется.

Но под шёпот соседок-старух,
откровенные взгляды мужские,
сколько раз свет в глазах её тух
- и поблекли глаза, и остыли.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

За перевалом - перевал,
за высотой - высота!..
Я счастлив! -
жизни смысл познал.
В ней главное - мечта!!

СЕКТОР УЧЁТА

В белом трепете снежных искр
замер миллионный Новосибирск...
На дверях надпись: «Сектор учёта»...
Папки, книги... По стенам - сад!!
Зелень майская ветками вьётся.
Чудно так, ведь в окне - снегопад.
... Я прошу: «Отпечатайте, Люба,
мне решение Дорсовета...»
И глазею: в корзинах повсюду
аспарагусы с пальмами светят.
На подставках красавец-«бигония»,
расцвести собирается «кактус»!
Воздух - летняя тихая звонница...
- Улыбнулся; «Прекрасно у Вас тут...»
Коло! Коло-тростиночка тонкая,
горделивый роскошный свет!..
Секретарь-машинистка и только то.
Грациозна, без ярких примет.
В ней загадочность от хризантем
что на окнах слегка отцветали,
и от розовых цикламенов
с нежнейшими лепестками!
Волос светлый,
зовут просто: «Люба»...
Всё здесь в комнате дорого-любо!!.

КАЖДЫЙ КАЖДОМУ - КАК ЗВЕРЬ

Сосед соседу душу мутит
исподтишка за старый долг...
Долг - ржавый гривенник по сути:
сосед соседу нынче - волк.
... А там, воруют миллионы
и не садятся на скамью,
поскольку взятки дали оным -
прикрыто дело по всему!
А там - сокрытые убийства
и изнасилований тьма...
Подкуплен суд - судья речисто
всё отвергает... Дел - нима?!
... Ах, Русь, гулящая, хмельная -
рай воровства и дел блатных,
лишь воля Сталина стальная
когда-то сдерживала их.

Но воля эта же душила
свободу личности любой:
жестокость страшная кружила
почти над каждою судьбой!
Дождались: ныне демократы
провозгласили волю всем,
и рэкет, мафия - расплатой!
Разруха, голод правят всем.
... Сижу я вечером в квартире
и боязно ступить за дверь -
так хрупко всё в свободном мире...
И каждый каждому, как зверь?!

СУХОСТОЙ

На корню гниют деревья:
от болота – прель и гниль...
Раньше в воду свято верил,
а теперь – взгляд изменил.

СУХОДОЛ

Постарел водораздел,
в длинных травах зарастает...
И разлив так обмелел –
даже камни выступают...

СОВЁНОК

Дикий лес с тропой звериной...
Утопают ноги в мох.
Резкий, громкий клич совиный
застает меня врасплох.
Рядом в веточках – совенок.
Желторотый... Серый пух!?!..
На меня глаза спросонок
он тарачит: “Что за дух?..”
Обхожу куст осторожно,
а сова над головой,
вниз срываясь с кликом грозным,
кажет когти: «Кто такой?..»

СОРОЧЁНОК

Терновый кустик в тишине
шуршит,
и ярко-желтый светится горошек.
У сорочонка несчастливый вид:
нахохлившись, сидит он, всеми
брошен.
Ползет все выше солнышко в
зенит.
Жара... Ни ветерка... Притихла
роща.
Поляна в полудреме сладко спит...
Лишь сороченок кыркает и ропщет.

* * *

Синь зависла в полях...
Неоглядна.

Паутинки повсюду летят...
По траве, на шестах, в роще
рядом
нити белые всюду искрят...
Лодка дремлет в воде, на
приколе,
и звенит грустной песней
камыш...
Разгулялся тенетник на воле,
разлетелся... А в воздухе –
тишь!

СТРЕПЕТ

Стрепет – мелкая дрофа,
с опереньем пестрым,
но быстрее петуха
пробегаёт версты.
Длиннонога и стройна,
словно ветер, мчится...
Ей трава и степь нужна.
В озими гнездится.

СТИРКА

Ведро с золою, чан с корытом
остались дома... Таз с бельем,
отпаренным, от пены смытым,
к реке с братишкой мы несем.
Там мама на мостках полощет –
и плещет вольная вода...
И вот обратно с чистой ношей
идем легко... На проводах
беспечно ласточки щебечут,
и в небе синь и теплота...
Развешиваем у крылечка
старье из ситца и холста.
Штаны – заплата на заплате,
рубашки выцвели давно.
Но чисто все – и речки запах,
хмельной, впитало полотно.

САПСАН

С острыми крыльями,
как реактивный,
сокол промчался в тиши.
Кряковый селезень плюхнул
на лыву, –
ныр – и ушел в камыши.
С белым брюшком, отливающим
медью,
сокол сапсан в вираже
выпустил когти, и скорость замедлив,
чиркнул по волнам уже!

* * *

Старинный запах по лесам:
грибной, густой, непобедимый...

Ау! Ау! – зов к небесам.
Спешу, отрадою томимый.
Там, на полях, среди кустов
мелькают свитера... В корзинах
темнеет срез боровиков
и с краснотой – подосиновик!..
И наклоняясь всякий раз
над бугорочком прелых листьев,
с особой теплотой глаз
ты груздь сырой с надеждой ищешь.

МОЯ СТАРОСОЛДАТКА

Вдыхая запах сенокосной поймы,
в высоком небе слыша журавлей -
ещё мальчишкой босоногим понял:
нет края мне дорожке и светлей!!
Тяжёлый пласт земли сырой, весенней...
Пахучий, резкий, свежий чернозём...
Изба с крылечком, с щёлочками сенцы...
- Мы до конца всё в сердце пронесём!
Когда мне тяжело, под глазами - тени,
я как лекарство, к ранам приложу
и зверобой, и горицвет нетленный...
И майским, сладким лугом надышусь!

* * *

Сибирь моя родная,
твой свет в душе моей!
Просторней нету края,
нет края красивей!
Люблю метель, морозы.
Люблю большой разлив,
где островки берёзок,
где отсвет грустных ив!
Люблю Иртыш могучий
в весенний ледоход.
Люблю причал под кручей
и белый теплоход.
Любуюсь хлебным полем,
вершу в лугах стога.
Суровым своевольем
тайга мне дорога.
Иду я Прииртышьем
в таёжный край глухой,
и хмелем, мёдом дышат
рассветы над тропой.

СИБИРЬ

Свирепые ветры насквозь пробирают-
от них леденеет внутри...
Но с думой о лете согреться стараюсь -
ведь рядом свистят снегири!
Я вмёрз в эту землю всем сердцем, всей кровью,
в снегах и во льдах растворён...
И с нежностью давней, которой не скрою,
в родные просторы влюблён!

Я - СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК

Не рвусь к трибуне, где Стратон с Сократом -
высоколобых, ясноглазых чту!!
Вот почему мне с журналистским братом
общаться иногда невмоготу.
И дух мой льнет к наследству Аввакума,
к вольнолюбивым сказкам мудрецов...
Я покоряюсь их высоким думам
я чту во всём наследие отцов!
К трудам научным,
к самым модным школам
я не роднюсь - и было бы зачем?!
Важней быть независимым, весёлым,
свой труд вершить-
и быть среди всех «никем».
Я не партийный,
что мне вождь, указы?!
Не раболепствовал, не бил поклон...
Нет званий, должностей -
нет даже связей -
нет ничего!..
Судьбе за то - поклон!

ПОСПЕТЬ СТАРАЮСЬ

Себя из дома выгоняю
безжалостно на злой мороз,
и ничего, что замерзаю...
и оттираю уши, нос...
Я кровь по телу разгоняю
и молодею на ветру...
Мне - семьдесят...
Поспеть стараюсь
езде. Мне холод по нутру!

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Замела пурга дорожки...
Лес притихший – осторожен...
Ель покрыта снежной шубкой,
зеленью лучится вся...
А кустарник в белой юбке
спит в овраге, затаясь...
В мягкой шляпе, набекрень,
на опушку вышел пень...
Стог сияет на поляне,
он – в папахе великана...
Лисий след...
Вот крыльев взмах
на снегу... и писк в кустах?..
... Лес искрится и поёт.

ЗИМНИЕ ПРИЧУДЫ

На заснеженной полянке –
там и здесь – повсюду ямки...
Кто в них прячется, живёт?
Вижу крыльев росчерк – взлёт!
Ну, всё ясно: куропатки
спали в них.
Играли в прятки...

* * *

Отпускные вы деньки,
В круговерти снежной замаяти
пронеслись в перегонки
по местам родным и памятным.
«Масляниц» горят огни,
Ветер ластится к соломинке...
Смех девичий: «Догони!».
Звук баяна в крайнем домике.
Речки узенький изгиб,
берег в насыпи сугробной,
огоньки вечерних изб.
И присказок разных – коробы!
...Вот и отпуск позади.
За околицей берёзовой
нас автобус посадил
с другом, в первый раз
тверёзым.

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

На пойменных плёсах - ни звука,
лёд толстый схватил берега...
Подранок - бескрылая утка
в шуге обдирает бока.
Парит лёгкой дымкой морозной,
в три метра всего, полынья...
А ночью - я слышал прогнозы -
синоптик метель обещал!?.
Да, северный ветер крепчает -
тоскою несёт с Иртыша,
и разные мысли печалят
под грустный напев камыша.
На рыжих метёлках пушинки
Трепещут - сорвавшись, летят,
похожие так на снежинки...
Охоте я этой не рад.
Продрогшая пойма безлюдна,
над берегом – стая ворон...
Сижу я в скрабочке уютном
и веки смежаются в сон.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

МАТЕРИНСКИЕ НАДЕЖДЫ, ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать девятый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником» для будущего читателя.

МАТЕРИНСКИЕ НАДЕЖДЫ, ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧ

ВСПОМИНАЯ МАМУ

На холодном снегу заря заалела
и на стёклах полоска зардела...
За замёрзшим окном – полутень.
Вспоминаю тебя каждый день.
... Недоедала ты, недосыпала:
темно ложилась, до света вставала.
Фуфайку в заплатках летом носила,
зимою в дырявых валенках стыла!..
Берегла нас, жалела, ласкала-
поразъехались все, ты - осталась...
И сегодня - ушам верь, не верь,
- слышу голос твой через дверь:
«Ах, как ломит руки и ноги,
разболелись видать к непогоде?!
Затопила вот жаркую печь,
но в кровать снова хочется лечь.
Помоги, Боже мой, заболела,
всю морозит... похолодела...
Лихоманка трясёт ... Эка хворь,
за водой надо выйти во двор.
Кто воды принесёт,

даст напитокя?!..»

- Просыпаюсь!..

И надо ж присниться?

ВОСЬМОЕ МАРТА

Средь праздников торжественных и чинных
особой теплотою ты отмечен...
И словно дети, ласковы мужчины -
не сходят целый день
улыбки с женщин.
И столько пышных тостов, нежных фраз:
«Будь счастлива, жена!..
Любимой маме!..»
Но многим в этот благодарный час
напомнит и другое наша память.
Мне ль позабыть раскисшие поля
и рёв коров,
за плугом с палкой маму,
где рядом пятилетний, слабый я
ищу колосья на стерне упрямо.
Стерня колоча, я бреду босой,
мать плуг толкает, проклиная клячу,
а вечером, во тьме придя домой,
над похоронкой тайно, горько плачет.
Теперь, когда бессонно по ночам
ворочается мать в уснувшем доме,
я знаю: ни каким уже врачам
ей не помочь
- она с тех пор надломлена!
«Куда мне деть, не знаю, свои руки...
Так ломит их...» - лишь скажет иногда.

И вижу я: как вены петли крутят
на них,
за те тяжёлые года!

ДЕНЬ, КАК ВЕЧНОСТЬ

Смотрю любовно в лик Природы!
Рождаясь, яркая заря
сквозь ночь таинственно восходит
с призывной песней глухаря...
День настаёт...
И в струйном свете
поляна нежит васильки...
Вот резеда и горицветы
раскрыли к солнцу лепестки.
Пичуги свищут в перелеске,
над полем - жаворонка трель!..
Вновь чибис надо мною резко
кричит...
И длится вечность день!!
Но к ночи шум и гам стихает,
немеет синий небосклон...
Вот и луна...
Душа стихами
объята, чудный видя сон.

ГОЛОС МАМЫ

Снова вернулся я...

речка

плещется в берег, журчит...

Мамы уж нет...

Но словечки,

кто-то в тиши говорит:

«Здравствуй, сыночек, заждалась...»

Мучает старость меня...

Жить мне немного осталось...»

Очень соскучилась я...»

Полночь...

Туман белоснежный

стелет по лугу постель.

... Голос у мамы был нежный...

Плачет в полях коростель...

В ДЫМАХ НИЗКОЕ НЕБО

Слово «Правда»,

и только - «Правда»!!

- я писал в заголовки страниц...

И стихи, вылетая и радуя,

были очень похожи на птиц!

Что им надо: синь неба да ветер,

в высь взлетая, играя крылом,

уносили меня в быль и небыль...

Возвращался на землю с трудом.

Но теперь - в дымах низкое небо,

ложь и злоба всем правят вокруг!..
И в глазах моих, тёмных от гнева,

то - печаль, то - смиренье разлук.

Всюду нечисть по улицам бродит,
мутит прихотью души людей...
...И, сдвигая морщинисто брови,
не пою о любви я своей.

НА КРАЮ ВОЙНЫ

Сын во сне старушку навещает,
наклоняясь, говорит ей: «Мать,
я замёрз, а ведь начало Мая
и пора черешне расцветать...»
Мать молчит...
В окне январь буранит,
чует мать в его слова беду,
и предчувствие ей сердце ранит....
Отвечает словно бы в бреду...
... Лист железный бьёт по стылой крыше,
снег в окно замёрзшее стучит.
И во всём - мать голос сына слышит...
Похоронный лист вдали лежит.

СОЛОНЧАК

С надеждой яблоню сажал
и рыхлил солончак...
Навоз подсыпал... Но душа
Болит - а дальше, как?!
Зазеленела вся с весны
и почки – расцвели!..
Но вскоре сжались лепестки -
соль лезет из земли.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Со двора уводили корову
и бежала за ней ребетня...
С болью слышал я крики и рёвы
у ворот, детский страх затая...
Вслед хозяйка рыдала: «Кормилица,
как нам выжить теперь без тебя?!»
... Вновь колхозное поле приснилось мне,
двор пустой... развалюха-изба...
Нынче землю раздали крестьянам,
но ни техники нет, ни семян,
а инспектор и рэкет с наганом
у дверей...
В чём же новый обман?!
До каких пор смешные реформы?!
Ведь земля наша -
«горюшко кровное».

СОКОЛ

В небе чистом, синеоком
круг за кругом чертит сокол...
...Вот стрелой сорвался вниз
хитрый «голубятник»,
птицу над рекой настиг,
сбил -
пух вьётся ватой...

САНИТАРНЫЕ СПЕЦЫ

Я копаю огород
с рыхлою землицей.
Из комочка червь ползёт,
длинный, словно спица...
Вот второй и третий...
Тьма
тех червей на грядках.
Прячет в щелки их земля,
быстро, словно в прятки
Но со всех сторон скворцы
налетели разом -
санитарные спецы
смотрят хитрым глазом.
Червь мелькнёт -
они уж тут,
и клюют,
клюют,
клюют...

ЗАРЕЧНЫЕ ВЕЧЕРИНКИ

С грибным дождём, играя облаками,
пронизанными светом и теплом,
пришёл июль, красуясь вечерами -
и зазвенели песни над селом!
У клуба на зелёной поляне
гармонь поёт, ярясь и клокоча...
То паренёк играет вновь «тальянку»,
меха расправив на размах плеча!..
Поёт гармонь зазывно и безбрежно -
переливаясь, мучая, дразня...
Туман с реки поднялся чистый, свежий -
девчонок лица с нежностью объяв!..
И длится пляска с топотом и свистом,
То - расступаясь, то - беря в тиски...
И кружат звёзды...
В уши гармониста
стучат поближе милой каблук.

* * *

В тумане скрыты птицы, звери...
Примчался ветер, распахнул
на луг зелёный к речке двери...
Мир засиял, в лицо дохнул...

* * *

Огонёк снова бьётся в костре,
догорая, трещат в темь дрова...
Ночь кончается...
Тишь на заре...
Посвежела моя голова.
Странно так вот? -
не спал в ночи,
а в груди сердце сильно стучит!..

* * *

Высвечивают звёзды даль.
Не повернуть судьбу назад
где прошлой юности печаль
высвечивает нежный взгляд.
Всё позади!..
И безвозвратны
мечты, обманчивые в «завтра»

* * *

На исходе лето...
Уплывают
день за днём...
И дорог вздох и миг.
В чистом небе всюду птичьи стаи,
слышится прощальный долгий крик.
Треугольники - те птичьи стаи,
на прощанье в синеве читаю.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Какая осень?!
Даль открыта настежь,
а небо - сказочная цитадель!
Сквозная синь!..
В душе вскипают страсти.
О, Господи!..
Там вижу свою тень.
Как будто бы в стеклянной пирамиде,
где не было и нет живых существ,
я мир другой, неведомый, увидел,
себя всего до ниточки раздев.
... Вот солнышко, прохладное немного,
покинуло зенит, ползёт за лес...
В траве исчезла узкая дорога -
Наверное, её упрятал Бес.
Темнеет высь...
Берёз длиннее тени.
Который час я по полям брожу.
И страшно вверх смотреть,
куда взлетели
 мой дух и плоть...
И долго так кружу...
Здесь, на земле, мой шаг
 сейчас беззвучен:
по мягкой, упдающей листве
скольжу, плыву...
А высь зовёт и мучит,
 и мыслей вихрь
кружится в голове!..
... Вхожу в лесок -
как запахи дурманят?!
Над речкой светлой журавли трубят!..
Я - потерялся...
Черти в омут манят...
Иду вперёд и -
 всё ищу себя!!

САМАН

У соседей был саман
глиняный, как башня...
Жил в нём Сашка-атаман,
мой кумир тогдашний.
Сколько лет прошло с тех пор?..
- я приехал в отпуск:
а саман - осколком гор
светит в вечер росный!

У ВЕЧЕРНЕЙ РЕЧУШКИ

Слабеют яркие тона
прозрачных облаков в закате,
сгорают краски...
 До темна
сiju на берегу покатою.
Длиннее от берёзы тень,
а на воде мальки играют...
Промчался лай от деревень -
и снова тишь лесного края.
Загон у речки для скота...
избушка...
 дойка под навесом...
Есть переспать где...
 Темнота
зажгла две звёздочки над лесом.

ДРАГОЦЕННОЕ ВРЕМЯ

С негаданной болью,
 тревожной, надеждой
вновь слушаю леса таинственный шум...
Не думал так свято о жизни я прежде,
когда был беспечен, удачлив и юн.
И шепчут мне листья о вечной природе,
о силе подземных корней...
Опять разболелась нога к непогоде
и на сердце всё тяжелей.
Да, я не берёг драгоценное время,
его, как листву разбросал, рассорил...
В бессонную ночь шелестят мне деревья:
чтоб каждой секундою я дорожил!

СТЕРЛЯДЬ

Как подводная лодка быстра -
плавниками колюча, остра...
В полноводный Иртыш, Ангару
косяки к нерестилищам прут.
Я стою на откосе реки -
всплеск у ног,
 а в воде - огоньки!
В тишине тени видятся мне -
и мелькают хвосты в глубине

СУДАК

Не по дням, а по часам
он растёт.

Тем ценен нам!
Как поётся в песне:
«нет ухи чудесней!»
Здесь, у озера Чаны
слышу сказки старины.
Новосибирская область

В ПАДИ ТАЁЖНОЙ

Светятся кедры в разводьях зари-
стекают лучи по иголкам.
Где-то токуют в глуши глухари,
дремлют в урочище волки.
Алой брусничкой усыпаны мхи,
клюква на кочках болотных...
Между тетёрок черны петухи -
держится выводок плотно.
«Праведный отрок!»
- молюсь небесам,
багульника запах с сосною
вдыхаю...
хозяин я, волен сам:
какою идти мне тропюю.
Нет на лице от сомнений теней,
зарёю рассвечены дали...
Вышло навстречу семейство лосей -
они здесь людей не видали.

НЕОБЫЧНЫЙ СНЕГ

Снег из низкой тучи выпадая,
хлопьями летит среди ветвей...
Кажется он -
лебединой стаей,
если взгляд прищурить посильней?!

* * *

Сверкает осень!
Листья облетают
и стаи журавлей вверху трубят...
Кружу весь день,
а что ищу не знаю:
растерян я -
и всё ищу себя!!

В ГОСПОДНЕМ ХРАМЕ

Вхожу я в церковь...
Тишина... Прохлада...
И воздух подземельный в ноздри бьёт.
У алтаря две женщины в нарядах,
скорбящих...
и концы платков в разлёт!
Обычный день...
А мне, вдруг, захотелось
зайти и посмотреть на мир другой,
где души отделив на час от тела,
находят люди образ дорогой.

Тот образ во Христе и жизни вечной,
когда на миг мир кажется таким
желанным, добрым...

чистым, человечным ...
И даже в чём-то близким и земным!
...Обманам всем я сам давно не верю:
и не земным, и даже - не святым...
В себе храню я от природы Веру,
что по законам надо жить своим!
Стою...
Вокруг тяжёлый, липкий сумрак
и горечь от согбённых женских плеч...
И вижу: душ усопших память мудро
во тьме пробита огоньками свеч !!

ДЕРЕВЕНСКИЙ КОЛОДЕЦ

Снег пролетает... скрипит «журавель»...
бадьа с обручами из жести...
Где-то за тридевять дальних земель -
ждут старики моей вести.
Пишут: «Ослабли и силушки нет
сходить за водой до колодца...
Спасибо, приносит мальчишка – сосед.
Как ему зачерпнуть удаётся?..»
Читаю письмо, а колодец - в глазах,
я носил пацаном часто воду:
В срубе – лёд,
обрастая зимой по бокам,
бадье не давал даже ходу...
В морозную бездну цепи визжат...
Страшно. Мурашки по коже.
... Бадьа наполняясь, ползёт назад
с плеском,
из зыби колодезной...
Давно это было -
но вновь «журавель»
кружит за тридевять дальних земель.

ВОСПОЛЕНИЕ ЛЁГКИХ

Снится мне: из палаты больницы
в ближний лес убегаю опять...
На поляне, в траве земляничной
мне лекарства свои собирать.
Я – пацан, у меня аллергия
к горьковатым пилюлям врачей...
Землянички недорогие
сладко тают во рту -
и легчей!
... И сегодня, уже поседевший,
если чувствую что занемог,
ищу ягодку, соком зардевшую,
пью живительный чудо-глоток!!

НА СПОРТИВНЫХ СБОРАХ

С утра мотаюсь по Москве:
Заказов - тьма,
 всем импорт надо...
размеры, рост - вихрь в голове?!
Купил костюм себе – о, радость!
Купил две пары сандалет...
сапожки женские... и свитер...
костюм спортивный и берет,
и на обмывку - два пол-литра.
В руках коробки... За плечами
Рюкзак - в нём свёртки с мелочами...

В ДНИ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Смердные дали... Из смутной
кровная месть проступает...
Гарью, зловоньем несёт над страной -
злыдни да нечисть тупая.
Боль Карабаха и пепел Чечни-
повсюду оргии, трупы...
Кружатся вороны над детьми.
О, мир вероломный и глупый?!
... Россия - Кавказ,
давний, страшный рассказ...

ПИШИ... ПИШИ...

*Вл. Радулу, гл. редактору
«Омского вестника»*

Сказал мне агроном-редактор:
«Желанье есть - пиши, паши...
О чём?..- не надо про реактор...
Читатель - дурь да алкаши.
А потому пиши попроще,
желательно под анекдот,
про хват-невестку, ведьму-тёшу,
про секс - он в моде, подойдет...
Не надо лишь про «перестройку»,
в ней, понимаешь - мало толку...

КОРОТКА И ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ

С каждым годом мудрее, светлее
я смотрю на загадочный путь:
В нём заветная даль золотеет -
и не просто вперёд заглянуть.
Что нас ждёт за чертой горизонта?
... Тяжелеет моя голова
от раздумий, что скроется солнце,
оборвётся в глазах синева...
Неожиданней, чище, нежнее
на заре загорается высь.
Каждый миг берегу и жалею -
коротка и прекрасна ты, жизнь?!

НА ХРИСТА ОГЛЯНИСЬ

Стынет ночка глухая, слепая,
звёзд враждебных вверху чехарда...

Ах, душа ты моя, пресвятая -
ну, когда же очнёшься, когда?!
Тьма и страх...
Никуда мне не деться
от предчувствия тяжких обид.
Помню: друга обидел я в детстве -
и так долго меня мучил стыд.
А теперь - споры всюду, раздоры,
в рог бараний скрутила всех жизнь...
И в глазах многих ненависть - порох...
О, душа, на Христа оглянись!

СЕЛЕВОЙ ПОТОК

Грязекаменный поток
оборвав с холма карниз,
всё сметая на пути –
устремился с шумом вниз!
Даже боязно смотреть:
мощный прёт поток!
Сена стог, забор и клеть
к речке поволок!..
А однажды было хуже -
весь посёлок плавал в лужах.

СКИРДА

Позабывтая скирда
с прелою соломой -
ты стоишь уж года два,
словно дом огромный?!
А могла бы кормом стать,
или крыши накрывать...
Но напрасно, у леска
 Дремлешь -
 и плывёт тоска.

САЙКИ

Перья - дыбом на головке,
крылья в чёрно-голубом...
Состязаются в сноровке -
расклевать орех вдвоём!
Миг прошёл, я наблюдаю:
их собралась сразу стая...

СКОПА

Небольшой и юркий ястребок,
с чёрною полоской на груди,
мчится с озера наискосок...
Два стрижа отстали позади.
Вижу когти, и добычу в них -
с серебристой чешуею язык.
Просвистел разбойник – смел и лих,
меж деревьев в роще растворяясь.

СТАРИЦА КАЙМАНАЧИХА

Резкий всплеск под удилищем,
и – оборван враз крючок!

... Подвязал второй. Колышет
снова красный поплавок.
Подсекаю!.. Потянул –
лещ стрелой в воде мелькнул.

СНЕГИРИ

На снегу полоской ярко-алой
высветились грудки снегирей.
Конопля вдоль берега осталась,
и ее осыпал суховей.
Пар морозный
с полыньи слетает,
и белеют дали Иртыша...
Снегири веселой, дружной стаей
кормятся за кромкой камыша.

Лыжная база «Луч»

САРГАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Нет, не злостный ураган
эти вздыбил кручи -
захоронен здесь в курган
человек могучий!
Был он воин-богатырь,
иль охотник смелый...
Степь цветет... Такая ширь!..
И ковыль – сон белый.

ТЫ ПОЁШЬ

Серебрятся волны гребнями
на разливах по весне...
Праздник есть весенний «Вербное»
так любимый с детства мне.
Ты поёшь и страстной песнею
оживляешь мир вокруг,
оттого так интересно
выглядишь в глазах подруг.
Я молчу, покорно слушаю
отзвуки в душе своей,
обещаю - не нарушу я
верности мечте твоей.
Ты в который раз доказываешь
мне достоинства свои -
не случилось бы оказии
вдруг остаться без любви?!
Пляшешь ты и сердце трогаешь
неуёмной страстью жить...
Шли мы разными дорогами
чтоб судьбой единой быть.
Столько лет живём не ведая
ни разлада, ни измен
рядом с горем чьим-то, бедами
- в грозном гуле перемен.

СМЕРТЬ МЕДВЕДЯ

Ел перезрелую малину,
на мелководье рыб ловил.

Мохнатую, с загравком,
спину
расчесывать в кустах
любил.
В дупле выискивая
соты,
он лакомился много
раз...
Но вот винтовки дуло
кто-то
ему нацелил между
глаз.
И грохнул гром...
И высь померкла,
и тьма зрочки
прикрыла смертью.

д. Таскатлы

* * *

Сколько раз в далекой стороне
по Сибири в душных снах
томился,
скирдам золотистым на стерне
я тайком в полночный час
молился.
Мир лесов дремучих и полей,
луговое майское цветенье
с грустным кликом в небе
журавлей –
вот моя отрада и спасенье.

СЕВЕРНЫЕ МЕСТА

Милые проселки, деревушки –
брошенные, бедные, в репьях.
Был в Старичьем – две всего избушки,
а Могильное – давно в крестах.
Постарели улицы Литковки,
Имшегал безлюден, тих Васис.
Поредели избы Ермаковки.
Лишь сверкает синью речка Шиш!
Да в озерах – оклик лебединый,
нежится зеленая тайга!
В ней кедрач и заросли малины,
в ней – шиповник ал по берегам!
Все мы родом из полей рассветных,
деревень забытых не вернуть.
Почему крестьянские мы дети
к Родине своей забыли путь?!
С болью ждет сынов своих Петровка,
ждут Атирка, Вятка, Карбаза...
Внука ждал на речке, на Бобровке
дед Егор... Все проглядел глаза...
Той избы над речкой светлой, узкой
нет в помине: ямы да бугры.
Смотрят сосны виновато, с грустью -
детский смех они не сберегли!

А сынам пора бы возвращаться,
Родина, наверно, их простит.
На чужбине легкого нет счастья,
длинный рубль не застит всех обид.
Нет в Руси селений безымянных,
и светла в них каждая изба.

СЕЛЬСКИЙ ВЫХОДНОЙ

Есть начало и конец
у любой недели:
лесоруб, кузнец и жнец
день за днём потели...
Убирали хлеб... дома
возводили всюду...
- Выходной день лишь зима
подарила людям.
Выходной! -
вот санный след,
вдавленных полозьев
излучает ясный свет...
В холод - всяк моложе!
Снегири свистят в кустах,
Грудки - вишней спелой...
Летним зноем стог пропах -
в шапке снежной, белой.
... Воскресенье - ты венец
дел больших и малых...
Слышен стук людских сердец -
радостных, усталых.

СИЗАРЬ

Я - больной, и в постели пилюли
горьковатые, пью целый день...
За окном, в небе ясном, июльском
голубиная мечется тень.
Сизарь то пронесётся стрелою,
то по ветру вольготно парит...
То - с крыла на крыло предо мною
развернётся... И снова – в зенит!
Наблюдаю, а сердце томится,
и по телу – холодная дрожь...
Ах, красивая, вольная птица -
ну, куда ты бескрылых зовёшь!?

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Камыш в метёлках пожелтелых...
А дальше плёс, шугой шурша,
качает плот обледенелый...
Ознобом веет с Иртыша...
Скользят по ветру птичьи стаи,
и день и ночь спешат на юг...
И пуст причал...
Не мне ль оставлен
спасательный, на крючьях, круг?!.

СВЯТОЕ ДЕЛО...

Я - отпускник, бреду с охоты,
а рядом хлеб шумит волной.
Ядрёный колос с позолотой
усы склоняет над тропой.
Пора бы жать. Стоят комбайны:
солярки нет на МТС...
Хлеб перезрел, и не случайно
полёт на землю там и здесь.
А я с утра брожу с ружьишком
в лесу озябшем и пустом,
и вспоминаю - как мальчишкой,
в войну, я жил земным трудом.
Как я работал на прицепе...
сенокосилкой хлеб валил...
как звонко молотили цепи...
в гуртах пшеницу я сушил.
И плицей грёб зерно на печку,
и на току ногами спал,
где дед мне с думою извечной
о жизни, мудро так сказал:
«Святое дело унаследуй,
Хлеб - наш кормилец, жизнь сама...
Есть хлеб - и никакие беды
нас не возьмут...
Не в страх - зима».

В ХРАМЕ

Стою я в храме...
Пресвятое утро!
Вокруг тесно...
Толпа согбённых плеч...
Здесь душ усопших
память светит мудро -
она пробита гвоздиками свеч!

СОРОК ЛЕТ

Жизнь диктует свои права
и пугает суровою новью.
Кругом-кругом идёт голова,
обливается сердце кровью!
Сорок лет? -
Для мужчин - это срок!
- Прежнего нет стремленья, горенья -
может жизни уже потолок
давит сверху томительной ленью?..
Всё темней за окном небосклон
всё свинцовее низкие тучи...
И какой-то незримый сон
отчуждённостью давнего мучает...

СЕНОВАЛ

Мальчишкою на сеновал
спешил уставший...

Крепко спал...
А месяц плыл колечком...
И часто ночью снился мне
цветущий луг... и в тишине
плескалась речка...
... Прошли года - я поседел.
Здесь, в городе, есть уйма дел -
я с ног валюсь под вечер.
И ночью снится мне вокзал -
к нему бегу...

Но опоздал -
и поезд мчит далече.
Проснусь - вокруг глухая ночь,
никто не может мне помочь,
и сердце жгут сомненья.
Глаза открыв, гляжусь в окно -
беззвездно небо...
глушь... темно...
И нет спасенья.

СТРАННЫЙ ЛЕС

Как страшно одному в лесу,
стоят скелеты - не деревья.
В безлистных ветках, на весу
день в сне мертвецком дремлет.
Здесь был пожар... Потом вода
по ямам выжженным скопилась...
Лес стал болотом... Шли года -
деревья сгнили, покосились.
Как кладбище, печален лес.
Сучки трещат под сапогами...
И веет сумраком с небес
за все грехи в родимом крае

СКОРБИТ ОСЕННЯЯ ЗЕМЛЯ...

Когда осенние дожди
плывут сплошною пеленою,
и полумрак лишь впереди
с неизъяснимою тоскою -
тогда погосты и кресты
встают ясней на перекрёстках,
и возле них мрачнеешь ты
под ветром леденистым, хлётким.
Скорбит осенняя земля,
уставшая, совсем нагая -
Как мама старая моя
- такая тихая, больная...

СИБИРЯК

Сибиряк - особый человек!
Слов признаний попусту не трачу:
Прииртышье - вот судьбы удача!
Не на год и два - на целый век!
Постоянство, верность и любовь
воспитал с пелёнок отчий кров!

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Снег в пахотный клин намело,
на ветках берёзки - иней!..
Как в чёрно-белом кино,
два цвета рисуют снимок.
Берёзы - белее белил!..
Пахота чернотою разлилась!..
На два цвета мир поделил
этот день на родных могилах.
Глажу ладонью кору
Белую - в чёрных шрамах!..
Обещаю: когда помру -
вечно быть рядом с мамой!

СЫРОЙ ГРУЗДЬ

Между полей с пшеницей спелой
туман на зорьке лес прикрыл...
Не подберёзовик, не белый-
а груздь сырой - вот мой кумир!
*«Пойдём, сестра, там на увале
груздей сырых полным-полно,
да и волнушек всех - навалом...
Мне хочется туда давно...»*

... Лес пахнет ягодой-костянкой
и берестюю, и дождём.
А грузди кучею, дялянкой -
куда ни глянь, стоят кругом.

СЕРДЦЕ ПРОСИТ...

За городом заметней осень,
Иртыш насквозь из серебра...
Как хорошо пройти вдоль просек -
пускай, «ни пуха, ни пера».
Теперь в лесу светло и пусто,
и на дорожке травяной
лист под ноги ложится грустно -
уже пожухлый, не живой.
И ты, шагая осторожно,
и ощущая тихий хруст,
поверишь в мир загадок сложных,
поймёшь надёжность поздних чувств.
Над городом теплынь и просинь,
и журавли трубят «Пора!!».
И, наскучавшись, сердце просит
друзей и шуток у костра.

СВЕРКАЕТ ИНЕЙ...

Сверкает иней на рассвете...
Роится мошек толокно...
В лицо струится свежий ветер...
В лугах - туман... Ещё - темно.
Исчезло безвозвратно лето...
Последний лист слетает с веток.

СНЕЖНАЯ КНИГА

Со страстью непреодолимой
иду в продрогшие поля...
Лишь первый снег -
но вот на зимник
ведёт прямая колея.
Лежат под толстым льдом озера,
здесь, в камышах, следы лисиц...
На «хатках» - кровь, зверёк разодран,
а дальше - пух несчастных птиц.
Подранков оставалось много,
и крался ночью, при луне,
к ним лис... Бескрылые в тревоге
метались утки в полынье...
Вдоль озера кустарник редкий -
в нём утром зайчик наследил.
Как крестики, след по соседству -
здесь тетерев в обед бродил.
Снег чистый - вроде новой книги,
читай следы - всё на виду.
Смотри позорче, и постигнешь
Ты - радость леса иль беду.

СОМНЕНИЯ

Покажется небо в овчинку
когда тебя хватит недуг.
Вкрадётся тайком, беспричинно
сомненье иль даже испуг.
Померкнут небесные выси,
любимая песня замрёт
И ты содрогнёшься при мысли,
что твой оборвётся полёт.
Я знал боль, недуг и глумленье -
я выстоял, весел опять...
Счастливые помню мгновенья,
плохие хочу забывать!

У ПРОРУБИ

Отсвечивает лед металлом,
застыли копыта камыша...
А прорубь в пузырьках метана
парит, еще теплом дыша.
Мальки сверкают в синей глуби,
травой зеленой пахнет ил...
О, злой мороз, ты все погубишь -
у речки мелкой мало сил.
Быстрее бы снегом обметало
ее крутые берега.
Ведь как-то было: промерзала
до дна, и рыб не сберегла.

речка Оша

* * *

Прошла метель шальная
и выбелила лес.
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес.
Трескучие морозы
в заснеженных лесах
мне подарили розы
на стынувших ветвях.
Любуюсь: как красивы
пушистые кусты
у ивушки сонливой -
и как они чисты!
Лес тих.
Застыл в дремоте
на ветвях холодок.
Скупою позолотой
окрасился восток.
Там солнышко несмело
над лесом поднялось
и в поле нежно-белом
огнями занялось.
И бледными лучами
засеребрилась даль.
А я брожу, скучаю -
и мне чего-то жаль.
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес,
совсем не понимая,
что спит зимою лес.

* * *

Озябший лесхватила седина -
от инея закуржавели ветки!
Морозец лужи высветил до дна,
и слышен крик гусей
в полях рассветных.
И словно кем-то брошенный
снежок - бежит, крича,
по полю куропатка!
Заиндевел у озера стожок,
шиповник на кустах
алеет сладкий.
Вот здесь, под утро,
напетлял зайчишка -
на побелевших листьях
смутный след.
В кустах мелькнула
беленькая птичка -
а может,
первый снег?!

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА, ЖИЗНЬ В ГЛУБИНКЕ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел двадцать девятый)

*Деревня Кумыра, первый форпост Тюкалинского района
На снимке: старейший житель Иван Андреевич
Шелудков (86 лет), со своей правнучкой.
Даже летом в деревне ходят в шапках и рукавицах.*

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв
Технический редактор: А. Юрченко
Литературный редактор: В. Физиков
Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА, ЖИЗНЬ В ГЛУБИНКЕ

ОСЕННИЙ ТУМАН

В белых волнах тумана
остывает река.
Я шепчу: «Здравствуй, мама...» –
над травой бугорка.
Вечер хмурится тучей,
догорает закат...
Над полынной кручей
мой печалится взгляд.
И сквозь пряди тумана –
вдалеке – моя мама.

ПОСЛЕ ОТЦА

(С 1944 г.- без отца)

Тяжёлый шелест спелой ржи
и от берёз прохлада...
Обед окончен, вдоль межи
идёт мать с грустным взглядом.
Звенят косилки здесь и там...
Мать сноп умело вяжет...
Прильнув щекою к колоскам,
нет-нет, да что-то скажет.
Десятилетний мальчуган -
я сноп в сулоны ставлю ...
А рядом верный пёс Тарзан,
с такою мордой славной...
В прокосах перепёлок свист...
Грачи на луг летают...
- Прозрачен небосвод и чист.
Вдали - казарок стаи...

ОТПУСК В ИЮЛЕ

Июль выращивает травы,
зверят, рыбёшек и птенцов...
Для нас растут - не для поправки,
делянки ягод и грибов!..
Над полем в радостном паренье
взлетает птенчик на крыло...
клубника красная в горенье...
над речкой чисто и светло!..
Всё к солнцу тянется до срока...
За месяц я окреп, подрос!
Порозовел июльским соком!..
- Ещё б недельку - вот вопрос!?

ОБЕЛИСКИ

Как дороги могилы близких
в осенний сумрак и дожди...
О, Родина! - свет обелисков
нам освещает все пути
Куда б ни шёл, куда б ни ехал -
навстречу звёзды их горят.

Вдаль прокричи, и слушай эхо -
они с тобою говорят!

О, ДУША, О ЧЁМ ГРУСТИШЬ!?

Луг и роща заискрились
в свете утренних лучей...
Неожиданно открылись
в сини купола церквей.
Вижу, как позолоченные
шпили в вышине горят,
слышу речи потаенные-
то святые говорят!..
За речной изгиб тропинкою
Прохожу - какая тишь!..
Стонет колокол слезинкою -
о, душа, о чем грустишь?..

ОТПУСКНИК

Лес грибной - моё давнее царство!
Две корзины полны - домой!..
Пёс встречает лаем азартным,
в руки тычется головой.
Рыжий кот на крыльце потянулся -
в два прыжка - на забор, и исчез...
Краснозобый петух встрепенулся
и нахохлился сразу весь.
Проплыла по ограде тень коршуна.
Проскрипела телега вдали...
Вышла мать и сказала, поморщившись:
«Духота, надо б грядки полить...»
Я сижу у крылечка на лавочке:
отпускник – не побрит, раздет...
И ногами босыми радуюсь
теплоте детских радужных лет.

ОЗИМОК

Вновь земля покрыта снегом,
липнут хлопья к сапогам...
Сколько света, дивной неги
разлетелось по полям.
Пересилив притяженье,
рой снежинок в виражи
устремился...
И в скольжении
снег всю пошёл кружить!
Шапку сняв, я собираю
новый звёздный урожай...
А снежинки нежно тают-
только губы подставляй!..

НЕЛЬМА

Из дельты Оби
в путь свой длинный
шла нельма к Катуне, Бие...
Но путь перекрыла плотина
большого водохранилища.

Родная сестра белорыбицы
на нерест, теперь, прёт навверх
по малым речушкам... Вслед дыбится
бурун...
В нём - волны пересверк!

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

На пойменных плёсах - ни звука,
лёд толстый схватил берега...
Подранок - нелётная утка
в шуге обдирает бока.
Парит лёгкой дымкой морозной
в три метра всего, полынья...
А ночью - я слышал прогнозы:
синоптик метель обещал?!
Да, северный ветер крепчает -
тоскою несёт с Иртыша,
и разные мысли печалят
под грустный напев камыша.
На рыжих метёлках пушинки
Трепещут - сорвавшись, летят,
похожие так на снежинки...
-Охоте я этой не рад.
Продрогшая пойма безлюдна,
над берегом стая ворон...
Сижу я в палатке уютной
и веки смежаются в сон.

С ОСЕНЬЮ ПРОЩАЮСЬ

На паутинке листик красный,
как змей, над кустиком летит...
В березняке на зорьке ясной
так зябко!..
В поле - стук копыт...
Там стадо тихо из тумана
бредёт на жёлтое жнивье...
Там трактор с рёвом великана
стог тащит...
В небе - вороньё!
... Бреду вдоль леса, наблюдаю...
Мне сладко, грустно - даже дрожь
в груди...
Я с осенью прощаюсь,
зима уж рядом...
Что в ней ждётся?.

НА ПОГОСТЕ

Снег в пахотный клин намело,
на ветках берёзы - иней!..
Как в чёрно- белом кино
два цвета рисуют снимок.
Берёза - белее белил,
Поле - смолью разлилось!..
На два цвета мир поделил
этот день
на родных могилах.

С болью глажу ладонью кору
у берёзки,
что в чёрных шрамах...
Обещаю: когда помру,
буду вечно здесь,
рядом с мамой?!

ВОСХОД

Март на полях...
Проталин пятна -
в них зелень первых стебельков.
В овраге- снег...
С ума я спятил:
рву вербу жёлтую с кустов!
Две веточки тебе...
А в поле
сверкает лебедь белизной...
В лицо мне бьётся ветер вольный...
Крик иволги над головой...
Над мокрой полевой дорожкой
парит дымком, и в ноздри бьёт
щемящий запах - аж до дрожи!
... Край солнца огненно встаёт!..

ВОЗМУЖАНИЕ

В. Макарову

Набитая рука...
Отточенное слово...
И рифма так звонка!
И ритм душой взволнован!
В стихию без прикрас
стремись, как в храм господний.
Люби, как в первый раз,
в полста - ещё не поздно!
Склоняясь головой
пред звёздами ревниво,
Сибирский край воспой
без позолоты лживой!
... Как молнии, строку
пронзают биотоки...
Пусть жизнь неумогу -
придут иные сроки!

ПИШУ ИСТОРИЮ

«Воспоминание о будущем» -
я заголовок написал...
В стране свободных и бунтующих
по прошлым дням,
я тосковал.
Что мне оплакивать парткомы -
в коммуне я не состою,
и лозунги мне не знакомы.
- Я на своём всегда стою!
«Воспоминание о будущем» -
смысл заголовка режет глаз...
Пишу, историю всем - любящим...
- и не когда-нибудь - сейчас!!.

СУДЬБА ФЕРМЕРА

В поле - фермер...

Выстрел хлёткий,
резкий, издали возник!..
Может снова продрозвёрстка?
Или всех программ тупик?!.
На семи лихих, пролётных,
яростных ветрах -
кто Вы?..

Выстрелами бьёте
всех, подряд, зараз!
Словно снайпер-ополченец,
точно бьёте влёт
не ханыг, не отчепенцев -
лучший свой народ.
Может им идти на плаху
или в лагерь вновь?
-Только так в России платят
за мечту, любовь!

В ТОЛЧЕЕ

В смешной, бесполезной и глупой
мотаюсь весь день – в толчее...
Крик улиц, звенящие стучи
бьют в ушив, звенят в голове...
В крошечной,
тягучей.

Беззвёздной -
в полнотной глухой темноте,
я мучаюсь о невозможном,
о той, неоглядной черте.
Где будет мне всё безразлично
и боль отойдёт к небесам...
Где жизни дурные привычки,
не Бог, а прощу себе сам.

КАК РАЗГАДАТЬ...

В холодном дальнем мирозданье
едва заметный вижу след:
не то - звезда,

не то - миганье
огней с запущенных ракет?..
Как различить в небесной выси
земное от чужих планет?
Как разгадать галактик мысли.
тарелочных ЛО привет?!.
Я слышу пульс на лбу вспотевшим-
орбитой кровь, летит звеня.
... В той дальней звездочке зардевшей
сокрыта бездна для меня.

ЗАПОЗДАЛЫЙ СЕНОКОС

Август...
День заметно убывает
и закат прохладней и темней.
В рощах листья ярко отцветают...
и тревожно на душе моей.

Поздние стога в лугах озябли,
в небе птицы с самого утра.
Встали под навес стальные грабли,
и копнителю, и трактора...
Техника совхозная...
А нам бы
малый стог себе успеть сметать...
По прокосам редким, взявши грабли,
сено здесь с утра нам собирать.
С мамою вдвоём рядки сгребаем,
в стог ташу я пятую копну...
влез наверх...
мать снизу помогает...
стог вершить не просто одному.
Сено из-под ног назад сползает,
мучаюсь, вяжу поверх «тяжи»:
ветки палок – накрест...
Вниз сползаю...
Экий стог, и не страшны дожди!

* * *

Тучки начинают напоззать,
а метать почти ещё пол-стога...
А навильник мне трудней толкать...
просит мать:
«Дождь, обожди немного?!»

* * *

Привет, Анатолий!
Я вновь на Солдатчине:
увалы, болота и речки ключи!..
Сегодня опять мне охота удачная
зажгла костерок в непроглядной ночи!

* * *

Опять травяною дорожкой к Долгому,
на пристань озёрную с зорькой иду...
Ружьё и две сетки...
По плёсу раздольному
на лодке-казанке по глади скольжу.

* * *

В лугах - лобогрейки...
кузнечиков стрекот...
и свежего сена стога - терема...
Клубника и клевер
сплелись этим летом
повсюду, как сказка сама.

* * *

А вот - «Травяное»!?
вдоль озера - «лавда».
Пружинит коварный «батут».
В нём тёмные окна воды,
как преграда -
бездонные ямины тут...

* * *

За гривой пшеничною
 озеро «Чистое».
Межа, в ней кричит коростель.
А дальше, в осинках,
в листочках игристых -
избушка...
Там чай и постель.

* * *

На старой лодчонке,
под скрипы уключин.
где вёсла-доски из горбылей.
С палкою-удочкой,
в солнечных лучиках
ловлю я гольянов и пескарей.

* * *

Не жалко часов
 на походы растрченных,
идти мне по близким, родным берегам...
В краю деревушки,
с названьем: «Солдатчина»
все тропки ведут
всякий раз к родникам.

* * *

Солдатка! Солдатчина -
милая Родина!!
Судьбой предназначена,
богом нам отдана!
Там, верный мой друг,
Анатолий Грачёв
прийти на подмогу
в любой миг готов!!

БЕЛОКРОВЬЕ

В этой жизни
 безрадостной, бральной
плоть мирская
 отбелит мне кровь...
В чём же сущее, вечно-нетленное?..
Где мой дух?..
В чём бессмертна любовь?!
Давит скука, безверие,
водка...
Правит волей судьба-сатана...
И житейская, шаткая лодка
тонет... тонет.
И страшно – нет дна.

НАВСЕГДА

В беспредельном синем мирозданье
светит мне полночная звезда,
обещая близкое свиданье
с миром,
тем загробным, «навсегда».

В рай и ад, признаюсь,
 я не верил!..

И молиться Богу не умел,
но сегодня, в полночи осенней,
я душой совсем осиротел.
В небесах приветливо сиянье
Млечного пути -

 в той глубине
каплями росы, огней дрожаньем -
высь предстала лугом по весне!
Нет, душа туда переселиться
«никогда» не сможет от земли.
Неуютно в небе даже птицам -
плакали вчера там журавли!..
Что мне рай?..
Со мною - луг... берёзка...
тихий всплеск в мерцающей реке...
... А в дали той -
призрачной и звёздной-
мир чужой в пугающей тоске...

НА ПОЛУСТАНКЕ

В долгой скуке вокзала
дремлют,
 спорят,
 жуют...

На судьбу ты не жалуйся -
знал тепло и уют.
На потёртой скамейке
не впервые лежишь,
от забот и сомнений
даже здесь не сбежишь.
И блестят твои очи:
Миг - и в них грянет гром!..
... Скорый поезд грохочет
в темноте за окном.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

В земле ворочаются корни...
На дне реки язи скользят...
И в небесах, от дыма чёрных,
больной мой потерялся взгляд.
Не город -
а луга, разливы
в душе моей живут во век.
В деревню к ним спешу счастливый,
влюблённый в землю, человек!
Но я -
частица лишь Природы,
в которой радость мне и свет...
К Природе люди с благородством
относятся с древнейших лет.
Она рождает чистый воздух
и кормит нас, и бережёт...
Нам полюбить её не поздно,
она весь мир ещё спасёт!

Я вслушиваюсь:
ропщут корни, язи все в язвах...
Всюду яд
течѐт ручьем в земные поры...
... И в дымах корчится закат.

ГЛЯЖУ Я С ОТРАДОЙ

В небе месяц блестит однорогий,
выплывая на Млечный путь...
Пусть моя оборвѐтся дорога
и оплачет меня дождик пусть.
Я – пожил!
Исходил мест немало,
целовал девушек и цветы...
Годы копят седины, усталость -
только в выси - рассветы чисты.
И гляжу на жнивьѐ я с отрадой,
на осенний закат золотой...
Вот и берег крутой...
Мне лишь надо:
не забыть, попрощаться с рекой!

ВО ДВОРЕ

На припеке, за черным амбаром,
снег растаял – и лужи блестят.
И скворцы неразлучною парой
то на луг, то к скворечне летят.
За плетнем пахнет сеном,
навозом,
в огороде дымится ботва...
Тают копыя сосулек –
с них слезы:
кап-кап-кап!..
И звенит синева!

В ТАРСКОМ ЛЕСПРОМХОЗЕ

Лыжня петляет то - вниз,
то - на взгорок,
февральское солнце дышит теплом,
ѐлочки в шапках белоснежных гордо
обступают лыжню, напевая тайком!..
На лбу моѐм испарина,
на ресницах иней,
лопатки играют на горячей спине,
а снег меж сосен в переливах синих,
небо над соснами - морем во сне!
Лижутся лыжи с радостным стоном,
за кольцами палок - фонтаном снег!
Ах, перезвоны!..

Шишками с кроны
осыпаются хлопья на спину вослед!
Впереди на опушке алеет вишня:
ягод красно - откуда невесть?!
Встал, затаившись, и сразу услышал
как птицы поют, словно летом в окрест.
Под вишней следы - заячьи и лисицы,
- попрятались, видимо, близь.

Попробовал ягодку - думал кислица,
а в ней капли меда льдинкой слились!
- Эге, вот где клады припрятал лесничий,
а может и леший – поди, разберись!..
Проехал подальше - багульник с брусникой,
ягоды алым костром сошлись.
Февраль, а представь себе полно лукошко
даров, и немалых, хватит на всех...
Лыжи скрипят в тишине осторожной
да осыпается с веток снег.

* * *

В белый сон деревню
окутали снега...
В бархате деревья...
Сугробами - стога.
Лыжи иней лижут
в заснеженной поляне.
Ничего не вижу -
блеск глаза туманит.
Лес прозрачный, чистый -
ни следов, ни крика...
Поле серебрится
красотою дикой.
Даль уходит в небо -
в безбрежную лазурь...
Ах, какая нега
после снежных бурь!
Под кустом в сугробе
лето спит медведем...
Мы на лыжах бродим
в тихом зимнем свете.

Я ВСПОМИНАЮ МАТЬ

Перед лицом суровой жизни
что в оправданье мне сказать
техничке, что утрами вижу -
она напоминает мать.
- Ведро и тряпка.
Без лентяйки,
она до глянца трѐт полы,
и я догадываюсь тайно:
какой тоской глаза полны?
... Я вспоминаю сорок третий
и деревенской школы класс,
где мать порою предрассветной
смывала въедливую грязь.
А по ночам, над похоронкой,
слезу размазав по лицу,
от нас шептала потихоньку
молитвы поздние отцу....
Труда простого не унижу,
не стану попусту роптать...
- Перед лицом суровой жизни
я снова вспоминаю мать!!

ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ

Густеет сумрачно в чулане
и ласточки на проводах
затихли...
На лугах в тумане
медлительно бредут стада.
Левей - за рощицей, на поле
шумит страда, комбайнов гул...
А я с утра томлюсь, безволен -
с лежанки ноги протянул.
Запала в душу отчуждённость?!
Под запах ягод и грибов,
с надеждой тайной ночью, дённо
рифмую «поле - волю» вновь.
И вспоминая долгий путь,
стараюсь всё концы с концами
свести...
... Стихи - сплошная грусть,
как будто спорю я с юнцами.

* * *

Проступает вода по низине
и дымится на солнце парок!
Вижу крохотный стебель, с мизинец,
что украсил собой бугорок.
Что за стебель?..
Ну, точно, подснежник
пробивает сухую траву.
А над лугом весенняя нежность
с песней птицы летит в синеву.
Пахнет прелью, смородиной терпкой,
из куста вытекает ручей:
«Буль-Буль-Буль!» - голоском неокрепшим
напевает в сверканье лучей!

ТЫ - ПОЁШЬ

Повстречай меня не громкой
песней, нежной и простой -
в этой рощице укромной
под берёзовой листвой!
Напои меня дыханием
майских сумраков сквозных,
дай мне звёздное мерцание
глаз застенчивых твоих!
Одари надеждой синее
и зажги в ночи рассвет!..
- И пойду с твоим я именем
через сотни гроз и бед.
Наши судьбы нынче разные:
Ты - в веселье, Я - в молчании...
Пусть любовь не будет праздником,
- я приму её страдания!
... Ты сейчас в концертном зале
в хоре праздничном поёшь...
- Я один тропинкой дальнею
по полям иду сквозь дождь!!

ПРИЗНАНИЕ ФОРТУНЫ

«Аверс» - ты во многих лицах:
Ты - коммерция и стройка,
фермерство, связь с границей...
Ты - любви моей достойна!
... Древний промысел, туризм,
мебель, сервис, автотранспорт...
- Для людей всё,
тем гордись,
фирма «Аверс» -
я Вам нравлюсь?!
(«Аверс» в переводе - лицом к людям)

НЕ ПРАВ Я - ВИНОВАТ

Я перед многими был виноват
в судьбе своей
изменчивой, превратной...
Ценил не то, шёл часто наугад
и относился к творчеству халатно.
Я виноватым перед мамой был,
когда в краях чужих молчал подолгу,
и писем не писал, и волком выл,
не выполнял сыновнего я долга...
... Во снах опять - заснеженный Кавказ,
где перевал навис гранитной глыбой -
там камнепад... и слёзы милых глаз...
туман в ущелье бледновато-зыбкий.
... А вот сестрёнка улицей бежит,
но за избою камень настигает
и струйка крови на виске блестит...
Ах, память-память,
страшная, нагая...
... В больничных окнах тени по ночам
переплелись с кошмарами и страхом...
И не помочь уж никаким врачам
той боли маминой,
что смертью пахнет!
... Девятилетний сын со мной в лугах
был под дождём,
промок в тот день осенний...
Он заболел,.. и ночью стонет в снах...
Я виноват, и в этом нет сомненья...
Воспоминанья давят и гнетут...
Виновен я, нет оправданья вздохам!
... Мне мниться: дочь больная, в институт
идёт по Ленинграду...
- Вновь мне плохо!

ОБЕЩАНИЯ ВЛАСТИ

Я боюсь громкого суесловья
от людей, что при власти живут...
Ты, мой друг, пожелай мне здоровья
и спроси, что за беды гнетут?!
Я пустого боюсь обещания -
сколько их каждый день раздают?
А вокруг голод, хворь, обнищание...

И вражда - кровь невинную льют!..
Пуще смерти боюсь я презрения
от знакомых, родных, от детей...
Не был в партии... Бог мне - не Ленин...
И, вообще, не люблю всех вождей!..

НА СТАДИОНЕ «ДИНАМО»

Бежал за кругом круг... И уставал...
Когда темнела чаша стадиона
и над рекой вдаль закат всплывал,
с трибуны подходила Дездемона.
Был взгляд прекрасных глаз неотразим,
и, как Отелло - чёрный раб послушный,
шел к ней...
Пожалуй, не был я любим -
была она светла и равнодушна.
И нежный блеск спадающих волос,
и бледность щёк - холодностью пугали.
Я знал: ей замужем быть довелось,
и понимал - она со мной играла!
Мальчишке, мне претила та игра,
мы с ней расстались...

И позднее, к барьеру
пришла девчонка, что нежней утра,
с немного угловатыми манерами.
И на носочках, горячо дыша,
тянулась чуть припухлыми губами,
не в силах равновесье удержать,
смеялась, приобняв меня руками!
Глаза, как вишни, влажные чуть-чуть,
блестели в темноте в упор, упрямо!..
Я - не любил, не мог я обмануть -
Она, мне в пику, вскоре вышла замуж.
... Теперь закат мой в Иртыше плывёт,
рыбачу я... отвык от стадиона...
В благополучии семьей живёт
прекрасная, как прежде, Дездемона.
Другая, словно пава, расцвела
и пышен блеск
еврейских плеч, округлых?!
... Я вновь на стадионе:
«Как дела?...» -
мне сторож подаёт ладонь, как другу.

Я ПОМНЮ БЕДНОСТЬ

Я помню: жил в войну надеждой:
вот подрасту и буду сам
работать, покупать одежду -
и мёд польётся по усам!
Но бедность - бедностью осталась,
хотя работаю, как вол...
и деньги есть на книжке малость...
есть дача...
Сыт... хожу не гол.
А всё живу, как в детстве бедном,
кусочек каждый берегу,

не веря лозунгам победным
ни в этом, ни в другом году.
Я не корю родные дали
за чахлый, низкий урожай.
Злят рапорты, хвальба, медали
и рты кричащие: «Сверх, дай!»
Истощена земля - как камень...
и где богатый урожай,
который ждали мы веками?..
И кто привёл нас в чёрный рай?!
Я презираю всех брюхатых
в банкетных залах за столом,
с их болтовней о демократии:
«Зачем и с кем, куда идём?!»
- Куда идем? - дошли, довольно
и хватит водку в души лить!
Нет мыла, сахара... И больно
о будущем мне говорить.
... Сижу виновным за обедом -
кусочек каждый берегу:
я помню детство, помню бедность -
и позабыть то не смогу!

СПУСТЯ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Я к земле припаду - и услышу
всю несладость, немилость пути...
и душа моя грустью задышит,
и не просто печаль отвести.
От морщин очень ранних, усталых -
встрепенусь в наплывающей мгле,
и пройду к озерку, как бывало,
по остывшей, но милой земле.
Озерко тихо светит в тумане -
здесь в войну был крупнейший ток...
молотьбы гул звенел на поляне...
шёл тогда мне десятый годок!

МУЗА

посв. А. Блоку

Твоя обитель высока!..
Ты не ушёл, а чутко дремлешь
в огромных алых облаках,
и чутким сердцем жизни внемлешь.
А ветер тысячью антенн
качает звёзды позывные,
к душе доносит ясность тем,
уводит в тайники земные.
Так вот что значит высота
поэзии непреходящей -
незримый свет через года
в глаза мои в упор глядящий!
Так вот что значит глубина
мечты, не ведавшей покоя -
В ней мысль прекрасна и ясна
и роднику она достойна.
... Ты не смотрелся в зеркала,
сам отражая жизнь повсюду.

У ЛЕСНОГО ОЗЕРА

Я - ничего... Терплю, живу,
но в сказку о добре не верю.
А верю в Май и синеву,
скрываясь в поле диким зверем.
Смотрю любовно на закат,
и даже гром и шкальный вихорь,
меня с тобой не разлучат -
а станут музыкою тихой.
...Антенной шест вознёсся ввысь,
на нём сверкает паутина.
Все звуки к озеру сошлись
и тонут на воде пустынной!

Я - В ТАЙГЕ...

Вновь сбежал из города в тайгу,
и над речкой тихой, светлоликой
из сосны рублю себе избу,
печь ложу -
ведь я не лыком шитый.
Я умею многое: сошью
из звериной кожи куртку, чуни.
Для колодца выдолблю бадью,
Надо - и в сугробе заночую.
Я умею мастерски стрелять,
сети ставить, находить берлогу...
- Кончен отпуск... В голове опять
голоса родных и гул тревоги.

Я НЕ ПРЕДАМ

Конец апреля... В речке тает лёд,
но в ночь порой снежинки пролетают.
А скворушка нам радостно поёт
что время для влюблённых наступает...
Цветёт сирень, белея по садам -
и в небе синем
с громом первый дождик!..
- Своей любви к тебе я не предам,
я с нею до весны желанной дождал.

В ПИОНЕРЛАГЕРЕ ЧЕРНОЛУЧЬЯ

Чернолучье... Вдоль реки
бор сосновый и гудки.
Теплоходы, баржи с лесом...
Дым из труб - до поднебесья!
Скука в лагере парит,
мёртвый час полдня царит...
...Убегаю к Иртышу:
ужу, прыгаю, пляшу...
Меж кустов играю в прятки -
одному, и то приятно!
Пионерский слышу горн,
возвращаюсь...
Взгляд вожатый,
злой и пристальный - в упор...
Я молчу, я - виноватый.

Я УЙДУ ТРОПОЙ ЛЕСНОЮ

Если верить я устану
и улыбка и словам,
если вновь меня обманут -
не пойду к тебе, друзьям.
А уйду тропой лесною
к речке светлой, к родникам,
преклонюсь я головою
ивам...травушкам... цветам...
Надышусь...Напысь... Поверю
в новый солнечный рассвет...
- и у птицы, и у зверя,
как мне жить? - спрошу совет.

* * *

Прощай же, летнее приволье!..
Снег за ночь выбелил всю даль...
... Идёт косуля кромкой поля,
плывёт холодная печаль.
В рубашке лишь, полураздетый,
в машине дверцу приоткрыв,
прощаюсь грустно с чудным летом...
- Хотя и зимний день красив!

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

Я - больной, и в постели пилюли,
горьковатые, пью целый день...
За окном в тёплом, ясном июле
голубиная видится тень.
То вблизи пронесётся стрелой,
то по ветру, как чайка, парит...
то с крыла на крыло, предо мною
развернётся...
И снова в зенит!..
Наблюдаю, а сердце томится
и по телу – щемящая дрожь...
...Ах, красивая вольная птица-
Ну, куда ты бескрылых зовёшь?!

БЫСТРЕЕ ПОДРАСТИ ХОТЕЛ

В родных лугах стихали вечерами
ветра...
Брели стада сквозь листопад...
Цветы свои реснички закрывали,
стихали птицы...
я любил закат...
Загадочные звёздочки манили
меня, мальчишку... Млечный путь
блестел...
Туманы от реки текли, клубились.
О, как быстрее я подрасти хотел?!
... Сегодня я седой, иду усталый.
Над речкой обмелевшей сник закат...
- Как жизнь промчалась?!
Что со мною стало?!
Ау!.. Ау!.. - бреду вдаль наугад.

Я УМЕЮ СТОГ ВЕРШИТЬ

Вот копну трезубцы вил
разом подхватили...
Ветерок колечко свил
из цветочной пыли...
Я умею стог вершить,
майка дышит потом,
прутья - накрест, как тяжи...
Тонкая работа...
Стогом с высоты горжусь,
вышел он на славу.
- И по следам, словно уж,
вниз скольжу на травы.

РЕКА ЖИЗНИ

Я согласен, что время - река,
щёки жаркие ветры остудят,
и волна голубая слегка
гладь спокойную рябью разбудит.
Если даже обманет река
и изменит старинное русло,
всё равно сохраню на века
к водам вешним то первое чувство!
Загляну вновь к весне в зеркала,
отыщу в струйном лепете свечи.
Вновь весеннюю нежность тепла
подарю я любимой при встрече.

КРУЖИТ КОРШУН

Я вижу: кружит серый коршун
над кромкой овсяных полей...
Слежу за птицей, лоб наморщив,
иду тропинкою своей.
Он круг за кругом, ниже-ниже,
вот когти выпустил уже!
И в сей момент птенца я вижу
в траве, на узенькой меже.
Бросаю в коршуна я кепку
и к птенчику скорей бегу...
Тот - желтоватый, неокрепший,
- как одуванчик на лугу.

ИДУ УВАЛОМ

Я оплатил сполна разлуку,
домой спешу издалека...
Заря звенит над летним лугом,
играя бликами слегка.
В истоме жаворонки млеют,
трезвоня в выси голубой...
... Навстречу мне рыбак Емеля
с тележкой спешит тропой.
Я поздоровался... Он слепо
смотрел, смотрел - и всё ж кивнул.
Узнал ли, нет?!
Далёким летом
я в город парнем драпанул.

Скитался по различным весям,
но обрести не смог покой.
С вином в стакане, с грустной песней
я вспоминал свой край родной.
... Иду увалом, удивлённо
гляжу... И мест не узнаю:
где быть бы рощице зелёной -
там, словно зубы, пни встают...
А луг распахан к огородам,
а вместо речки - лишь ручей...
Наш дом кому-то, кем-то продан...
В нём не пойму чужих речей.

ЯЗЬ

В водах Чёрного Иртыша,
от Оби и до самой Яны-
язь резвится, идёт к камышам...
Его много в Чанах, на Зайсане...
Есть он в нашей таёжной речушке...
Язь с подъязком?! -
нет рыбы лучше.

ЯР

Луг - внизу, кусты на нём...
низкий домик... стадо...
Я ж на берегу крутом...
сосны светят рядом.
Крутояр - крутой откос
над водой завис.
- Как спуститься - вот вопрос?
Нет тропинки вниз.

В ДЕРЕВНЮ С ЗАДОВ ЗАХОЖУ

Я жив ещё, жив - я вернулся,
душа, как и прежде, нежна...
... Луг детства.
С kloкочущим пульсом
в виске прозвенела струна!
-Ну, хватит, довольно слезиться!..
Рукой по щеке провожу...
стараюсь не торопиться...
в деревню с задов захожу.
Двор скотный... силосные ямы...
запруда... за ней - городьба...
За тополь немного и- прямо...
... И вот она, чудо-изба!!

МИР ПРЕКРАСНЫЙ - ВЕЧНЫЙ

Я вышел к речке, запах мяты
пахнул в лицо, заморозил...
Полднейной тишиной объятый,
услышал пульс в висках - ожил!..
И в голове исчезли боли,
треск городской, кошмаров сны-
и я молю: «Родное поле
от бед и гроз - охолони!?»

... У ног в цветах трещит кузнечик,
в кустах малиновка поёт...
- Так вот он, мир,
прекрасный, вечный!..
И счастье - кто его поймёт!

ВСТРЕЧАЙ, СТАРОСОЛДАТКА

Я шёл по жизни беззаботно
в чужих краях - им нет конца...
...Домой вернулся ...
...Вот - ворота...
наш старый дом...
я - у крыльца...
Дверь заколочена, ступени
крыльца подгнили...
Дом - как склеп...
Цветёт у окон куст сирени...
А я - седой... и глух и слеп...
- Встречай меня, Старосолдатка! -
твой свет позвал из темноты,
ты детство нянчило когда-то,
цвели здесь для меня цветы!..
Те годы песней лучшей были!..
А старость? - разве обойдёшь...
Шепчу себе: «Цвело, любилося!..
Но и тоску лишь здесь поймёшь?!»

НА ТРАССЕ ОМСК - ТЮМЕНЬ

Я давлю на педаль до отказа
и вжимаюсь в сиденье спиной...
Обгоняю КамАЗ...
«Ах, зараза,
столько копоты сеет чумной?!»
Скорость где-то
за сотню, повыше...
И не сразу мои «Жигули»
убегают...
«Эх, чтоб тебя, дышлом!..»
... Он догнал меня -
вновь я в пыли.

РОССИИ ЛИК СВЯТОЙ

Я не смирился с лихолетьем:
ни вор, ни рэкет, ни злодей
не застили мне образ светлый
России, родины моей!!
Её унизив - рвали, били...
А защитить - ну, кто бы смог?..
Ведь не было управы, силы
на тех, кому - ни царь, ни Бог!..
И всё ж осталась неделимой
душа и русский лик, святой!
Земля, которая вскормила,
за честь свою зовёт на бой!
Не раз и раньше бедовали -
такое было со страной,

но все напасти отступали,
когда народ вставал стеной!

Я ВИДЕЛ САМ

С красно-бурюю окраской
на меже, где чистотел
притаилась хитро ласка...
Глупый суслик осмелел.
Только вылез он из норки –
ласка хватать его проворно!
Удивила меня ласка!
А на вид зверек так ласков...

Я ВИДЕЛ, КАК НА ЗОРЬКЕ ЯСНОЙ

Я видел, как на зорьке ранней,
с полей, где снег, летел скворец...
Нёс в клюве маленький подснежник
в скворечник, милой на венец.
А после, распевая звонко,
он приглашал невесту в дом.
... Приплясывал на ветке тонкой,
в экстазе, трепеща крылом!

ИЩУ ОТВЕТА

Я люблю уединиться -
спрятаться среди ветвей.
... Надо мною две синицы
о любви поют своей...
Вот им вторит где-то зяблик,
вслед зарядочка поёт...
- Вот уздечкой кто-то звякнул,
прогудел вдаль самолёт...
Я ж один на белом свете,
жадно глядя в темноту,
всё ищу в душе ответа:
«Для чего же я живы?!»

Я - НАСТОЯЩИЙ РЫБОЛОВ...

Закат потух...
И сразу – всплеск
вдоль кромки камыша...
Подъязок первым в сети влез –
всплыл, резко трепеща.
Вытаскиваю... Вот – чебак,
пять окуньков подряд.
Зашёл, наверное, косяк...
Глаза мои горят!
А следом – пелядь!.. Вот улов!..
Я – настоящий рыболов.

Я ЗАПЛУТАЛ...

Я заплутал в лесу вечернем...
Иду в трущобе напрямик.
И свет закатный, свет неверный
почти исчез...
И я - поник...

Внизу темно и пахнет гнилью...
У ног - гряда сырых груздей...
А у верхушек мошки пылью
«мак сеют» в искорках лучей.
Валежник треснул под ногами,
И – сразу - всплески птичьих крыл...
Сушняк грозит в лицо рогами,
паук мне сетью путь закрыл.
Ступаю медленно, на ощупь...
Но расступился лес - и свет
лучей закатных взгляд щекочет...
И вижу фермы силуэт.

Я СНОВА МАМУ ПОВСТРЕЧАЮ...

«Жигуль» лесной дорогой жмёт.
спешу в село, души не чая...
У старых низеньких ворот
я снова маму повстречаю.
Вот и деревня на виду,
виднеются проулок, речка...
Там детство давнее найду,
Услышу мамино словечко.
Там, у калитки нараспах,
Скамейка - и её подружки...
Там вечер маками пропах,
и во дворе белеют стружки

Я ТРОГАЮ ШРАМЫ...

Веду на поляне с берёзкой беседу,
ладонью касаясь ветвей...
На шрамах, в коре, открываются бездны -
в них слышу дыханье корней!
И чувствую: время куда-то относит
полян, берёзку, меня...

И вспомнились:
годы военные, осень
и горечь холодно дня...
К нам в мае пришла похоронка-
под Псковом, в бою пал отец.
Мы - дети, сидели в избе потихоньку,
казалось: всей жизни - конец!
А мама всё плакала...
... Давние беды
внезапно зажгли огонёк,
я трогаю шрамы, с берёзкой беседую...
В ладони слетает листок...

Я НА СВОЁМ ВСЕГДА СТОЮ!..

«Воспоминание о будущем!» -
я заголовок написал...
В стране свободных и бунтующих
по прошлым дням не тосковал.
Что мне оплакивать парткомы -
в коммуне я не состою,
Их лозунги мне не знакомы.
- Я на своём всегда стою!..

«Воспоминание о будущем!» -
смысл заголовка режет глаз...
Да, мне хотелось быть бы любящим,
но ни когда-нибудь, сейчас!!

ЯНВАРСКИЙ ВОЗДУХ РАСКАЛЁННЫЕ...

Январский воздух раскалённый...
Мороз за сорок - прячу нос...
Как в новой, беленькой дублёнке,
мой город инеем оброс.
Кусты, деревья - в кружевах!
Зима всем дарит по обновке...
- Какие белые серёжки
у той вон, маленькой берёзки,
на загляденье: «Просто - ах!..»
... А окна - в синей поволоке,
на стёклах - чудные цветы...
И мниться берег мне далёкий
и милой девушки черты!

Я - ВЕРНУЛСЯ

Щиплет уши мороз...
Всё в окрест в белых бликах.
Блестит покрывало...
Чисто так!.. Целомудренный лес
приюти, мою душу усталую.
Как светло от обвальных снегов!
Как узорчивы гребни сугробов!
Я вернулся, но я не здоров...
Снег на пнях, вроде, чьих-то надгробий.
Светлой вере в поклоне клонюсь
и бреду по безлюдному полю,
и шепчу: «Здравствуй край мой,
винюсь...
- Возврати снова радость и волю!..»

Я – ОСТАНУСЬ

Не уйду! - в полях останусь,
растворюсь в них, как в раю...
Утром - из тумана встану,
и откликнусь журавлю.
Или на лесной опушке
васильком на вас взгляну...
Может - голосом кукушки
о годах вам намекну...
Ну, а может, в час ночной
посвечу с небес звездой...

Я - ОДИН

Май расцвёл, и всполох радуг
в синих водах Иртыша
светит омичам на радость...
Им любуюсь, не дыша.
Скверик людный с белой вишни
осыпает лепестки...

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ГОРОДСКИЕ ИСТОРИИ, РАЗНЫЕ ВСТРЕЧИ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел тридцать первый)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

ГОРОДСКИЕ ИСТОРИИ, РАЗНЫЕ ВСТРЕЧИ

В ПРИВОКЗАЛЬНОЙ МИЛИЦИИ

Лейтенант, как горилла, здоров.
Образ мыслей почти обезьяний,
пара дюжих, крутых кулаков
помогают ему при дознанье.
«Окна бил?..» - парню он говорит,
«отпираться не смей, я-то вижу...
Водку пил? - то сосед подтвердит.
Ну, признайся, а то дам под грыжу...»
И ударил мальчишку под дых
неожиданно, сильно, по-зверски.
Тот неловко упал и затих
на полу в комнате милицейской.
... Я случайно стоял у дверей
и сказал, видя низость расправы:
«Вы, похожи на дикарей,
укротили бы дикие нравы...»
Лейтенант вмиг сержанта позвал
и велел меня выставить с треском...
Я прошёл в переполненный зал
«ожидания», с запахом резким...
По углам, на скамейках - везде
люди спали и мучились в дрёме,
и не знали, как я, о беде –
о мальчишке в штормовке зелёной...
Я приехал домой, в кресло сел
и мой взгляд обращался всё к сыну,
словно в сыне увидеть хотел
того мальчика голую спину.
А когда уже ночью я спал,
мне приснились чудовища с лицами
человечьими – их распознал:
это те, из вокзальной милиции.

ВОЕНРУК

Подполковник.
Грудь в колодках
и во множестве значков...
В боевых он не был сводках,
но уже из «старичков».
Старичок - то внешне, с виду -
ведь ему лишь сорок пять:
Располнел, обрюзг... Обидно,
по годам ещё б сиять!?
Держится надменно, чинно,
но живот свисает вниз...
- Ну, какой же Вы, мужчина?
Если жир мешком обвис.
А ведь в классе говорите:
«Боевой я, офицер...»
- Говорите и смешите,
Вы подросткам не в пример.

В строевой вы, словно клоун -
тяжко ногу вверх поднять...
Марш-бросок, кого догонишь?!
Как стрелять - не показать.
Лечь на брюхо - неудобно,
и зрачок жирком заплыл.
Долго целитесь... И грохнув,
выстрел мимо угодил...
Иногда вы в грудь стучали,
вспоминая про десант.
Нет, в тылах вы жизнь торчали,
Вы - обозник, интендант.
... Военрук! - лелею слово,
вижу- юный лейтенант
в бой, огонь - на всё готовый,
и за ним парней десант!

БРАКОВАННЫЕ ПАТРОНЫ

Насечки нужной не нашлось -
пыжи калибром ниже,
и выстрелы хлопками сплошь...
Из них и мухи не убьёшь -
у ног пыж с дробью вижу...

НАШИ ДУШИ

Вначале всё рушим,
калечим, сжигаем -
потом свои души
пытаем, ругаем.
Долой с государством
парламент, границы!..
Но новое царство-
ещё и не сниться?
Везде прохиндеи
к нам в двери стучатся.
- Себе уж не верим
нам надо брататься.
Единой семьёю, страной единой,
и будет
стальной Русь, непобедимой!
Чечня вновь восстала...
Эх, Эдик Лимонов,
нам так не хватало
тех, трёх триллионов!
Обуть бы раздетых,
голодным дать пищу...
Ты видишь, как дети
бредут пепелищем?
Повсюду всё рушим,
сжигаем, калечим -
а где наши думы,
любовь человечья?!

ДАЙ, РОССИЯ, ВСЕМ УМА

Не сегодня - так когда
говорить о самом главном?..

В вихре огненном года.
Вся страна - сплошная давка.
Надо ж так разъединить
Реки, судьбы и деревни...
Разорвать на части нить
и родства, и дружбы верной!
...Вьёт по улице метель
и в лицо швыряет хлопья...
- Из каких чужих земель
ты вернулся, русский хлопчик?
Если был бы ты один -
сотни тысяч вас повсюду.
Беженцы потоком льдин
Прут -
трещат границ запруды.
А толпа растёт, растёт -
следом выстрелы и взрывы...
О, Россия,
 гнев встаёт
благороднейшим порывом!..
Хватит мести, горя, слёз -
разгляди лицо собрата.
Неужели сам Христос
не спасёт не виноватых?!
Дай, Россия, всем ума,
Кров - бездомным, хлеб - голодным.
Пусть утихнет кутерьма
и народ вздохнёт свободно!

ЧТО СБЕРЕЖЁМ?

Нелепый, странный маскарад:
народ нищает, гибнут души...
А кто-то там, при власти, рад
и, словно зверь,
 нас, слабых, душит.
Мне страха не преодолеть:
разбой,
 грабёж - и всюду рэкет...
... В лицо наставлен пистолет,
и бьют тебя при дённом свете.
Как эту мразь перебороть?..
За будущее кто в ответе?!
Что сэкономим мы:
 дух иль плоть?
И главное: что скажут дети?!

Я - ПОД ЯРМОМ

На жизнь не хочется смотреть,
с такой натуги сдохнут кони...
С досады -
 плюнуть, растереть -
и помолиться на иконы.
Я под ярмом конючу воз,
ташу, но мучают налоги...
Ругались зло: совхоз - навоз?!
Теперь скорей протянешь ноги!

А по спине- господня плеть.
Под нос -
от новой власти - кукиш!
-И воз не мой, зачем потеть -
так хочется запить от скуки...

ЯЗВЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

На улице грязной
 зловоньем запахло,
дохнуло смердящим дымком...
Головушки чьи-то
 склонились над плахой-
вот дьякон, палач с топором!
Восходят из прошлого
 страшные слухи,
где в сказке - кондовая Русь:
бунтуют ослушники,
 мчатся на стругах...
К тебе, Стенька Разин, вернись!..
Я - тоже из вольных,
 моё поколение
не верит в иконы, в закон.
- Несу тяжкий крест
 без хулы, сожаленья...
Иду, Русь, к тебе на поклон!
Но славить Отчизну
 сегодня не буду,
любовь схороню до поры,
ведь бедствуют добрые,
 честные люди,
а правит всем -
 похоть, корысть!..

* * *

За окном встаёт рассвет
 с воркованьем сизаря...
Холод... Дождь...
На стёклах след
капель, в струйках мизерных.
На стене ковёр - пейзаж:
бурых три медведя...
Один - в профиль,
два - в анфас...
(Взгляд мой привередлив).
Бледны мысли и сухи -
за окном вдали стихи.

* * *

За окошком весёлый снежок
мне подарком Рождественским светит.
Год прошёл, как тебя со мной нет...
Почему так?..
Никто не ответит...
На Рождественском чистом снегу
я твой образ найти не могу...

* * *

Звенит тугая ночь над хлебным полем,
мерцает в тьме космическая синь...
Да, я пою в стихах о трудной доле
моей земли, ведь я крестьянский сын.
Я не хочу подделок и жеманства,
чужда наигранность исконных чувств.
Я буду петь о трудном постоянстве -
неправде никогда не научусь.
Я буду петь о будничном, о близком,
где нет иллюзий, где обмана нет.
Где честь и долг звездой обелиска
мне дарят путеводный, добрый свет!

* * *

Уже давно познал морей глубины,
в горах над пропастью не раз ходил...
А тайный свет из глаз твоих любимых
впервые здесь, в Сибири, я открыл.
Мели метели, вьюги бушевали -
и мы в снегах куда-то улетали...

* * *

Как птице с раненым крылом,
мне ночью небо снится...
Душа во тьме болит давно -
луна в глазах двоится...
От «перестройки» жизни нет:
зло, нечесть всюду правят...
Проснулся, слушаю рассвет
и думы, словно раны.
Ещё дома глухи и спит
весь город в полумраке,
ещё звезда в окне дрожит -
я вновь с собою в драке.
Себя нещадно ворошу,
держусь, как дед, за репу...

На горькой гуще ворожу
и в сладких муках крепну!
Осмысливаю каждый шаг,
что предстоит в грядущем,
и связь времён ищу чудак
в обыденном, насущном.
А город спит, дома глухи -
им до меня нет дела...
Весь розовеет... Бред...
Стихи
не ведают предела.

В УРМАНЕ

Молодею, светлею, свищу-
надышаться никак не могу
этой свежестью леса?!
В дебри самые, вглубь захожу:
различаю берёз наготу
с чистотой первозданной, чудесной!

Мир таинственный, дикий, шальной -
неподвластный насилью, расчетам,
а живущий особой судьбой -
целомудренной и беззаботной.
Преклоняя колени свои,
припадаю к ручью в мшистом лоне...
Чист родник: он звенит в забытьи...
Долго пью, замирая в поклоне.

ЕЩЁ НЕ НОЧЬ

Хочется впервые заплакать от бессилья:
жизнь, что ты делаешь с красотой жены?!
Помню твои взгляды майские и синие,
вечерами тихими в дальнем дне весны.
Поскучнели дали, потускнели зори...
Бледность и морщинки крадутся на лицо...
С новой заботой, преданной любовью
руки мои сомкнуты в надёжное кольцо!
Плечи приоткрытые, локоны душистые,
алость губ не крашенных -
всё за дымкой лет...
Как любила поле ты, росное и чистое,
чтобы прогуляться в утренний рассвет.
... Хочется впервые погрузиться о прошлом,
счастье нынче - дети,
взрослый сын и дочь...
Ждут года тоскливые с зимнею порошей,
но отвечаю твёрдо им:
«Это ведь - не ночь!»

ПАВЛУХА

«Здорово, друг!..» -
рукою заскоружлой
жмёт Павел мне вспотевшую ладонь...
И мы идём с ним улочкою узкой...
В ней - пять домов,
а на задворках конь...
Конь Павла?! - это всё его богатство:
зимой и летом можно запрягать.
Вот перекресток-
в окнах тьму запрятав,
стоит изба...
Меня не встретит мать...
Павлуха мне: пока, мне надо в поле,
а на ночь отдохнуть к нам приходи...
Иду один, а в памяти все боли,
И сердце трудно ёкает в груди...
Ты всё такая же деревня:
В крапиве сваленный забор,
у окон низкие деревья,
мычащий, хрюкающий двор...
Иду по улице знакомой
под лай собак, крик петухов...
На перекрестке, возле дома
стоит мужчина:
«Будь, здоров!»

То сам Павлуха. С бороною
- он в тридцать лет плечист, высок.
Неспешно говорит со мною:
«В родной приехал уголок?!
И во время, ведь нынче ягод,
Грибов - лопатою греблю...
Ну а рыбёшки, если надо,
то на Буслах, во - караси...»
В калитке - Настенька... Вот вёдра
на коромысло насадив,
подходит к нам походкой твёрдой.
«Ты вечером к нам приходи.
А ты, Павлуха, нынче стадо
домой пораньше пригони,
коль гость приехал, встретить надо.
Есть холодец, есть пироги.
А из знакомых есть ли кто-то?..
Из школьной, нашенских годов
нет никого...
Твой дед - охотник,
на пасеке он...
Жив, здоров...»

* * *

Иду по берегу...
Два хлопча
Навстречу - удочки в руках...
Мычат коровы, блеют овцы...
В ограде - бабушка в пимах.
Льёт воду из ведра в корыто.
Калитка - настезь... Пар идёт...
Лохматый пёс со злобным рыком
меня увидев, цепи рвёт.
Знакомый дом...
Кудахчут куры...
По крыше кошка к воробью
крадётся.
рядом трубы курят...
Своё я детство узнаю...

* * *

Холодный тамбур, как контейнер,
куда запрятаны грехи...
И в нём - удушливо и скверно...
Слагаю мрачные стихи.
Стою один в тоске бессонной,
по стенам оседает пыль...
А ночь плывёт с железным стоном -
всё меньше на исходе сил.
И мрачный тамбур, как контейнер...
И пылью на стене грехи...
И мечутся пугливо тени...
Слагаю мрачные стихи.

ЛЕБЕДЯТА

Цветут кувшинки белые
и тростники шумят...
И зори вишней спелую
над озером горят...
А в камыше, на острове,
в гнезде - где белый пух,
два лебедёнка крохотных
свой напрягают слух.
Ни папы нет, ни мамы.
Есть хочется и пить...
И вот один - упрямый,
прыг из гнезда...
И плыть...
За ним – второй - и вместе
по озеру плывут...
Им всё так интересно...
Всё хорошо вокруг...
Вблизи кувшинки белые
и камыши звенят...
Лучами зорька смело
ласкает лебедят.
Но взмахи крыльев слышатся -
то лебеди летят...
Волна слегка колышится
вкруг малых лебедят.
И сели птицы взрослые,
к мальчикам скорей плывут,
и клыканием - вопросами
к себе зовут, зовут.
Сплылись...
И вместе дружные
к гнезду, плывут в свой дом.
Над ними чайки кружатся
и кличут о своём.

* * *

Есть сказочно-гордые птицы,
их верность, пример для других.
Их нежность не знает границы -
они из преданий людских.
Природа им всем подарила
сверкающий пух в серебре.
На сильных упругих крыльях,
взлетают они на заре.
И кружат беспечные в небе,
курлыча о счастье своём...
Но счастье - до первого снега...
И надо покинуть свой дом.

* * *

Ястреб в полёте застыл в вышине,
суслик метнулся у норки...

Сижу, как акын, в серебристой траве
на пригретом ковыльном пригорке.
Куст конопли над тропинкою жёлт...
Осыпается спелое семя...
Песнею давней с небесных высот
струится неслышное время.

* * *

Вот куличок взлетел шальной...
Вот чибис бьёт крылом упругим...
Вблизи на просеке лесной
тетерева кричат подругам.
Чернеет прошлогодний стог
и пахнет гнилью...
За оврагом
журчит ручей.
Он- с ноготок, но полон удали, отваги.
Разливом радужным бреду:
травинки зелени, как пики,
пронзили лужу...
На виду
огромный луг, водой залитый.
У рощицы знакомый дом
маячит старою скворечной.
Труба над крышею лучом
сверкает мне из сини вешней!

НОВОГОДНЕЕ

Бенгальских огней радуги
освещают весёлые лица...
Мгновенные, мнимые радости
обещают мне в будущем сбыться!
Смотрю на нарядную ёлку,
зелёную, словно весна!
На губах от иголок горько-
словно в чём-то моя есть вина.
Да, встречать Новый год бы в мае,
когда мир, пробуждаясь, звеня,
землю зеленью всю обнимает,
обновляя тебя и меня!
... За окном бьётся в стёкла снег,
с ветром шалым...
А мне бы – дождик?!
Пожелай, счастья, ватный дед
и черёмухи майские гроздь!

* * *

Загораются вечером поздним
новогодние яркие звёзды!..
И фонари - те же звёзды,
и снег - миллионом звёзд!
В глазах твоих тоже звёзды -
мне жизнь понимается проще
в сиянии этих звёзд!..
Вдыхаю я воздух морозный -
вновь радостно так и тревожно!..

Ласкаю в глазах твоих звёзды
и большего счастья мне нет!

БОМЖ

Метель по улице метёт,
снежинок рой взметая...
И бомж продрог -
беззубый рот
все запахи глотает.
Бочки под мусор,
в них рукой
залез - и долго шарит.
Под ноги жмётся песик злой.
И бомж: «Отстань ты, Шарик...»
Вот хлеба вытащил кусок
и тонкий пластик сала...
В ботинке дырка, без носок -
повылезали пальцы...
Продрогший,
в мой подъезд спешит,
в подвал...
У батареи на тряпках
тощий друг лежит,
больную спину греет.
Январь 1995г.

НОВОГОДНЯЯ ШУТКА

Последний лист календаря
кружа, слетает на пол...
Жена, меня благодаря,
в фужеры льёт Анапу.
Благодарит меня за год,
что прожили спокойно,
да и, пожалуй, сам я горд -
всё выдержал достойно.
А ведь могло случится так,
могло быть в жизни хуже,
погиб бы я не за «пятак»,
когда не стал бы мужем.
Ведь жизнь моя, холостяка
пошла уже к закату,
признаюсь вам: наверняка
мог стать кривым ,горбатым.
С душой измученной, пустой,
больной радикулитом -
нашёл уют я и покой,
как старый конь - корыто.
Сейчас я весел и силен,
и даже счастлив, вроде...
Я в жизнь семейную влюблён -
не видно что ль по мор...?!

В НОЧНОМ КАФЕ

Нога на ноге, с сигареткой,
откинувшись в кресле, дымит...
Всё её одеянье, на редкость,
дешевый и жалкий вид!

Грудь плоска, как доска гробовая,
на щеках и у глаз - желтизна...
А могла быть, как все, как любая:
любящая невеста, жена.
Всё что свято - убито, растоптано -
гордость с честью
 в вине утоплены!
- Как окурки, глаза померкли -
и зачем, земля,
 этаких терпишь?!

УБИЙСТВО - ГАДКОЕ ИСКУССТВО

На голубом, большом экране
отцу девица целит в лоб...
Тот корчится в смертельных ранах-
по коже у меня озноб!
Убийство - гадкое искусство,
в мир утверждающее зло.
В груди убийц черно и пусто,
для них - что ехало, что шло...»
Им всё равно – что брат, сестра ли-
рука не дрогнет ни на миг.
И чтоб красиво умирали
их жертвы - нужен страшный лик!
Вот почему убийцы в масках
ночами тайно жертву ждут,
и потому не жди напрасно
от них спасительных минут...
Но для чего с телеэкрана
отцу девица целит в лоб,
за что тот корчится от раны,
за что меня трясёт озноб?!

Убийство - гадкое искусство,
и болью вновь экран знобит...
Молчу...
Сжимаю пальцы с хрустом
в кулак -
и кровь в висках стучит!..

БАБА-ГРОМ!

На трибуне баба-гром
с языком, как с помелом...
С треском молнии летят,
а слова, как в мае - град!
Бьёт наотмашь беспощадно
пошлость с юмором гнилым...
Да, Вы женщина всеядна,
и видать с умом большим.
Ум - не клад, коль дышит злостью.
Чёрствость с ханжеством - долой!
Очень просим Вас: «Ну, бросьте
быть крикливою и злой!»
... Ведьма хитрая клюкою
с неба звёздочки гребёт...
- Вы черните всё святое,
злость покоя не даёт.

Не в избушке, а в подсобке
на столе окурков тьма,
вонь смердит - смотрю я робко:
вот разгадка в чём сама.
Изо рта, пропахшим дымом,
с никотином, юморком
льётся клич непобедимо!..
(Быть бы бабе - мужиком!)

ПЕСНИ ПАХМУТОВОЙ

Звучат песни Пахмутовой:
То - утром распахнутым
над свежую пашней,
то - лугом пахнувшим!!
На зорьке ранней,
в закате вечернем -
Вы не обманите
лаской доверчивой.
Таёжною зеленью
в падах, чащобах
звучите вечностью
с сердечным ознобом!
Где стройки дыбятся,
плотины зыбятся -
песни, как гимны звучат...
В вас мальчики скромные
в кирзах огромных -
внуки бесстрашных солдат.
Над буреломами,
 ракетодромами,
песни как звезды летят!

ТЫ, ДРУЗЕЙ ТЕРЯЕШЬ

Над постоянством шутишь иногда,
что горше может быть измены?
Своих друзей теряешь без труда...
И теплоту, и преданность не ценишь...
Сжимают круг стремительней года,
звонков всё меньше с твоего порога...
Руки кому-то снова не подал...
Чужое горе мало тебя трогает...
Мельчает круг твой,
 и пока семья
по прежнему встречает без укора...
Но холодной родня день ото дня,
и возникают мелочные ссоры.
Не дай Бог, перейти им во вражду,
и пусть беда останется за дверью...
- А я своих друзей вновь в гости жду,
и дружбе нашей давней твёрдо верю!!

ТВОЯ ИЗМЕНА

Я проснулся, словно от удущья:
шумы в голове... по телу дрожь...
Тишину ночную чутко слушаю,
вновь переживаю эту ложь...

... Сон жестокий-
в нём кафе ли, сцена...
Не пойму... Брюнет неотразим...
И твой взгляд, смиряясь, постепенно
откровенно следует за ним.
И напропалую ищет встречу
на виду у многих...

Как в дыму,
вздрагивают обнажено плечи,
посылая нежный свет ему.
Он, видать, вниманьем избалован...
Не спешит - и ты сама идёшь...
Руки волосатые взволнованно
круг сомкнули...
- Ты усладу пьёшь...
... Я проснулся: что за чертовщина?
Может так приснится?!

В первый раз
видел я тебя с другим мужчиной -
словно где- то читанный рассказ?

ПЕТЕРГОФ

Золочёные фонтаны!..
Лики светлые Богов!..
Радости скрывать не стану:
«Здравствуй, славный Петергоф!!»
... Меж фонтанов, росной пылью,
освежив своё лицо,
по ступеням давней были
поднимаюсь на крыльцо.
И вхожу в сии палаты,
в расписные терема
где любовно и крылато
Русь лелеет письмена.
- Комнаты икон... оружия...
грот... картины мастеров...
...Зал торжеств,
здесь с пенной кружкой
веселился Петергоф!
... Царский трон позолоченный,
на столе - указ святой
о Руси, навек сплочённой...
И портрет Петра большой.
- Насмотрелся... Вышел...
Парком по аллеям вековым
Прохожу - и как служанки,
липы шепчут: «Слава - с ним?!..»

ГЕОЛОГИ

Под лавкой булькает квашня...
Мурлычет в ухо кошка...
С колечком в подпол западня,
луна глядит в окошко...
Спят парни, руки разметав -
их громкий храп простужен...
Короткий отдых...

Вновь с утра
идти в тайгу им нужно.
Теодолиты, рюкзаки
составлены у входа...
У печки сохнут сапоги,
избитые в походах...

НА ПРОСЕКЕ

Дождик грозовой только что затих,
небо голубое и земля - омыты...
До чего же зелено в поле, воздух чист!
Я вхожу в лесок, и замер:

любопытно?

«Чик! Чик! Чик!-

Тик! Тик! Тик!»

- Откуда же этот звук возник?!
Слушаю, смотрю и поражаюсь -
не видать ни птички, ни зверька...
А вокруг всё также продолжает
это необычное: «Тик!.. Так!»
Я смущён: не кажется ли это?
Вот охотник, а не разберёшь?!
... Но невесть откуда
налетел весёлый ветер -
и всего меня
обдал холодный дождь!..
Прошумел...
И снова - тишина...
Только слышу: сердце учащённо
бьётся, вторя каплям:
«Тик!.. Так!..» -
необычной радостью смущённое.

ПОКОС

Просторно утро...

Синь, ни тучки...

Небес такая глубина!..
На вилах зазмеился лучик
и взмыла вверх копна.
Блестит роса... Ещё не жарко
и мало паута.
Цветами пахнет сено...
Ярко шиповник светится с куста.
Сток с каждым взмахом выше-выше...
Надсадней храп коня...
За волокушей посвист слышен,
раздольный луг дразня.
Да листья сыплятся сухие
за ворот, щекоча...
Свинцом ладони налитые
и тяжкий взмах плеча.
Устали руки с непривычки,
по телу - дрожь...
Но хвалит дед:
«Ты, городничий,
не зря наш хлеб жуёшь!»

В ПОЗДНЕЙ ВЬЮГЕ

Нас окружает снег и вечер -
ночь безмятежно стелет мглу,
во тьме холодной, ветер встречный
фонарь качает на углу...
Одни мы,
вместе с поздней вьюгой,
на улице пустой, глухой.
- Из заколдованного круга
пойдём дорогою какой?!
Совсем недавно мы знакомы,
но что-то связывает нас,
да так, что позабыв о доме
идём-бредём который час!..
А снег всё гуще, злее ветер.
-Чего, не знаю, сам хочу?..
Ты вздрагиваешь незаметно,
прижавшись к моему плечу...

НА РАЗЛИВЕ

Прилетел крякаш и сел на лужу
от домашних уток вдалеке...
Берег... Избы...
В небе чайки кружат...
В лодке дед рыбачит на реке.
Женщина с бельем взошла на мостик,
а за ней - гусят пушистый хвостик
... Селезень- крякаш, красавец дикий
отражает солнечные блики...

НОЧНАЯ РЫБАЛКА

Закат потух...
Короткий всплеск
вдоль кромки камыша...
Подъязок первым в сети влез -
всплывает, трепеща.
Вытаскиваю... Вот чебак,
пять окуньков подряд -
зашёл, наверное, косяк...
Глаза мои горят!
А это - пелядь...
Вот улов!
Я – настоящий рыболов.

НА ДНЕ ОВРАГА

Спускаюсь легко через длинный овраг,
обдираясь в шиповнике плотном.
Занозисты ветки, неровен мой шаг...
Здесь ряскою пахнет болотной.
На дне же оврага - звенит ручеёк...
лук дикий... в воде – камышинки...
У ног - троелистка... а вот - василёк!..
И рябчиков всюду пушинки.
В высокой, немятой траве – тишина.
... И древним преданьем пахнуло со дна.

НАЧАЛО ДОЖДЯ

Тучка холодком пахнула -
писк и крик с кустов смахнула.
Зашумела ветерком
над берёзовым леском...
Потемнел полдневный луг...
Слышен цокот- капель стук.

* * *

По утру иду в сенник...
Сено пахнет мятою,
я лицом к нему приник
и беру охапкою.
И к бурёнушке во двор
медленно так топаю,
завожу с ней разговор,
по заливку хлопаю.
Глажу влажные бока,
вижу взгляд доверчивый...
Знаю: кружку молока
мама даст мне вечером.
Долго так стою, смотрю
как жуёт бурёнка...
Взял ведро -
вот напою
и уйду тихонько.

БАБУШКА МАТРЁНА

В горнице просторно и светло,
пахнет свежей плахой и цветами.
Словно в гроб сугробы намело -
рушники уложены крестами.
Заострённый, восковелый нос,
впадины у глаз
и сплошь - морщины...
Из угла, с иконы сам Христос
тихо смотрит,
словно бы с повинной.
По стенам портреты сыновей
не вернувшихся домой с чужбины.
В снах хотелось в горенке своей
их погладить по вспотевшим спинам.
И старик уже который год
ждёт за речкой, под густой листвою...
За окошком шепчется народ,
в дверь скребётся пес - и тихо воет.
Вот и он остался одинок -
ласковой к нему была старуха.
...В изголовье - свечка, образок.
Руки на груди лежат послушно.
- Руки! - сколь им выпало в судьбе
бед лихих, несчастий и разрухи -
узловатым, с венами набухшими...
Бабушка Матрёна! – мир тебе.
Пусть земля хотя бы станет пухом.

ПРАЗДНИК «МАСЛЯННИЦА»

До слёз обидно:

даже праздник

не радует меня...

Подмышкою холодный градусник

- лоб горячей огня.

В машине бортовой остыл

пока от тракта ехал.

Бред в голове: легли мосты

над прошлым, словно эхо!

За все грехи даю отчёт

заведомо ничтожный,

сомненье с каждым днём растёт.

Чем дальше - тем тревожней!

Горит солома...

Там, в ночи

костры, и пляшет пламя.

Блины на улице! -

молчит

пока из детства память.

Но нарастает гулкой пульс:

бежим толпой из школы...

в руках - блины...

О прошлом - грусть...

- Сижу я невесёлый.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Школа - развалюха посреди деревни
утопает в зелени старых тополей.

За окошком - дождик...

Окна в классе меркнут,

и на досках классных

.тени всё черней.

С лампой керосиновой

класс наш полутёмный -

о путях истории директор говорит:

и перед глазами моряки с Потёмкина,

и с Дворцовой площади

Керенский бежит.

... Наш учитель строгий,

но и откровенный,

про войну с Германией особо говорит:

знает наше горе, думы сокровенные -

мой отец, как многие,

на войне убит.

И в конце занятия, обобщая тему,

говорит что Родина -

это мы, наш класс....

И решать нам в будущем

каждую проблему...

И скажите, честно,

что волнует Вас.

Я ему не детские задаю вопросы:

почему налоги большие на коров,

как держать овецек...

почему не просто сено заготовить?..

Как жить без отцов?!

Он, слегка растерянный,

отвечает резко:

временные трудности, надо пережить...

... Так урок окончен -

и потом в отместку

мне на бал отметку

он решил сосчитать.

Дело не в оценке.

Бал - кому он нужен?!

Если за окошком столько бед прошло,

и в деревне нашей горе также кружит,

и в подворьях многих всё голым-голо?!

- В город сбег учитель...

Знаю достоверно:

он давно профессор, доктор педнаук...

При его мне имени-

неуютно, скверно...

Вижу - сети липкие ставит злой паук.

НА СЦЕНЕ - ПУГАЛЫ

На эстраде - всяким рады...

Под «фанеру» спел, сплясал...

А вихлять умело задом -

тоже входит в арсенал.

Голосом в певцы не вышел -

побасёнку расскажи.

Гири липовую выжал -

молодцем держись!

Фокус с ленточкой состряпал,

шарик проглотил -

и прикрыв всё это шляпой,

пыль в глаза пустил...

... Вот сижу я на концерте:

Сцена - цирк сплошной,

даже слышаться, поверьте,

звери за стеной.

Воет дева про измену,

словно сатана...

Вылез гитарист на сцену,

пьяный, как рожна.

Дама в брюках наизнанку,

Парень - в декольте...

Не люблю грибы-поганки,

пугал на шесте!

НА ПЕДСОВЕТЕ

Преподавателю математики

Ах, Светлана Павловна,

Вам бы надо слыть

не «певуньей-павою»

- Вам царевной быть!

Сколько всякой сладости

в мире, что не счесть.

Только мало радости

зверю травку есть.

Нет, пожалуй, слаще
Почести и Славы,
жажда Вами власти -
принцип жизни главный!
Быть под солнцем Славы -
лучшей, на виду!
Быть во чтоб ни стало -
даже на беду?!
Так по спинам близких,
вверх, по головам
взбираетесь без риска -
ну, не стыдно Вам?»
Это не порядочность,
если здравый смысл
на интриги тратится,
пусть почтённой «мисс».
Быть повсюду первой
и затмить весь свет,
щекотать всем нервы -
дурачить педсовет!..
... Я сижусь, краснея,
щёки жжёт пожар -
какую ахинею
несёте?..

Мне Вас жаль.
Ах, Светлана Павловна,
лучшей Вам не быть,
с депутатской славою
так не гоже жить?!

* * *

Косачи поутру почернили стерню,
мы траву пожелтевшую косим
не на план,
на Буренку свою,
мама часто вздыхает: «Ах, осень!..»
С укоризною мама глядит на прокос,
на пожухлые, зябкие травы.
Рядом поле – такой раскудрявый овес,
шепчет мама: «Хотя бы отавы...»
Старший брат оселком поправляет косу,
водит быстро брусочком по краю,
сталь искрится...
Я воду несусь,
она плещется, как ни стараюсь.
А сестра под копною с грибами сидит,
выбирает на суп сыроежки.
Пес внимательным взглядом
за нею следит,
Взгляд собаки
пронзительно-нежный.
...Проплывает опять клин гусей в синеве,
рассыпаясь в причудливый веер,
мать идет по некошеной
редкой траве,
держит бережно сорванный клевер.

- Вот такого добра
накосить на сенцо,
можно чай заварить,
- и вздыхает,
нежно гладит меня
и светлеет лицом.
Снова крики вверху
- клином стаи.

НА СЦЕНЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО

Вы на сцене... И в небо -
вдаль летите, парите-
унося нас в иные миры...
Возвращаясь на землю,
вы странно глядите
незнакомкой любовной игры...
И мерцают чуть люстры над залом,
- и такая стоит тишина...
Вы взмахнули рукой и сказали:
«Наше грустное время...
Больная страна...»

* * *

На сельхозработках
Вечерами хозяйка приветливо
нас встречает и садит за стол,
на селе она баба заметная,
муж - лихой тракторист, новосёл...
У него и у ней - по ребёнку,
не сложившихся в прошлом семей.
Они связаны ниточкой тонкой
не любви, а случайных страстей.
И любовь, в будущем,
вряд ли будет...
Как же быть?..
Надо как-то ведь жить,
всё равно им: кого, как осудят -
чашу горькую поровну пить...
... Пахнет свежею краской, смолою -
в новом домике свет и уют,
только в комнатах этих, не скрою,
больше спорят, чем песни поют.
А вокруг разрастаются улицы,
над полями грохочет страда,
а жена молодая - сутулится,
словно снова за дверью беда.
Муж с темна до темна на работе -
много надо для новой семьи,
и совсем он почти не заботится
чтобы ласковой стали они.
Что не так, он уж груб -
она плачет...
И безрадостен дом и уют...
Уезжаю, желаю удачи
этим окнам, глядящим на юг...

Деревня Коршунов

* * *

В эту ночь предосеннюю,
стылую
на охоте под стогом сижу...
Пахнет мятой
и теплыми ливнями,
листья падают по выражу.
Шелестит мышь то ближе,
то дальше...
Мелкий дождь переходит в туман...
О тебе я не думал так раньше:
ты со мною,
ты – мой талисман.

В ПРАВЛЕНИЕ КОЛХОЗА

За столом восседает главбух,
лет шестидесяти мужчина,
смотрит так,
словно всей земли пуп,
не беда.
что не жезл в руках,
нож перочинный?
Не закон - председатель колхоза,
денег нет,
коли нет на то свыше статьи,
пухлым пальцем справочник елозит:
«Не веришь - вот посмотри...
Выдумали однако же мячик
и гоняют футбол целый день,
а работать – то семь часов значит,
нет, негоже для деревень...»
Так бурчит этот дядя праведный.
ну, а парни бегут из села,
ищут юность свою украденную:
по старинке жизнь не весела!
Сокрушаются в доме родные,
но руками разводит главбух -
и летит, словно годы былые,
с головы его белый пух!

ВИНО НА СТОЛИКЕ БЛЕСТИТ

красивою наклейкой...
Бокал в её руке дрожит -
о, жизнь смешная, - лейся!
И синий сигаретный дым,
И алый рот в помаде.
С мужчиною не молодым
сидит вольготно рядом.
Всё одеяние её -
задрипанное платье.
И громким смехом – «о, мое».
за стол с закуской платит.
Что будет завтра - наплевать,
вот миг - в лучах купайся!..
А взгляд его - «ни дать, ни взять»,
в нём искорки зазнайства.

ЛЕСНИК

В поле за ночь выпал снег...
Вьётся змейкою позёмка.
Зябко горбясь, человек
вышел из дома в потёмках.
Огородом, напрямик
по тропе ему известной,
многоопытный лесник
входит в мир свой интересный.
Брезжит розовый рассвет
на берёзках белоствольных...
заячий пугливый след
белой строчкой вышел в поле.
Слышен дятла дробный стук...
где-то крикнула синица...
Лес за лесом, сделав круг,
обошёл свои границы.
У опушки, на талах
куропатки чистят перья...
- Вот кормушки, на снегах
след копыт -
здесь были звери...
... Возвращается домой
вдоль оврага
чистом полем...
Снежной, тёплой зимой
нынче он вполне доволен.

НАКАНУНЕ ДНЯ ПОБЕДЫ

Ветра промчались тёплые
с ковыльной стороны,
тугие почки лопнули
среди майской тишины!..
С утра листва зелёная
одела тополя,
во взглядах всех влюблённых
рассветинки горят.
Плывут гудки над речкою
в безбрежный небосвод...
Понятными наречьями
гусиный клич с высот.
Грачи слетелись стаями
на влажные поля...
Оттаяла, оттаяла
родимая земля!
И мне полегче дышится
под первую листвою -
и в шуме веток слышится
далёкий голос твой!

ПОЧЕК АРОМАТ

В небесах плывёт на Север
Лебединый, белый клин!..
Ветру свежему поверю -
я душой не победим.

Эту святость знают боги
и приходят только в снах
стройные, литые ноги
в туфельках на каблуках!
Я весне обязан многим -
в криках птичьих зов мольбы!
- Девичьи
нагие ноги
проступают из толпы!..
В май озимок вновь буранит,
в улице метель метёт,
только мини-юбки странно
выступают наперёд!
Помню, как девичьи ноги
на высоких каблуках
перешли и мне дорогу
наяву, а не во снах!..
Почки первые несмело
источают аромат -
туфли звонко то и дело
тротуарами стучат!
От черёмух свет лебязий,
свет венчальный - свет фаты!..
Вновь душа свободы жаждёт.
просит вешней чистоты!

К ВЕСНЕ ОСОБЫЙ ИНТЕРЕС

Весна мне нравится во всём:
в лисе - играющей хвостом;
в стрекочущей сороке,
в берёзке с майским соком!
Вбирают корни сок земли
с водою снежно-талой,
где от зари в ручей сошли
полоски - цветом алым!
Я слышу:
кровь во мне звенит
по крохотной орбите,
соединяя ночи, дни
в один упругий слиток!..
... Гудит вдали аэродром
до самой ночи поздней...
Люблю грозы весенний гром
в ночной тиши тревожной!..
Люблю на небе молний блеск -
зигзаги огневые...
К весне особый интерес
хранят сердца живые.

В ДОМИКЕ ЧЕХОВА

Тихой улочкой узкой
не спеша мы идём...
«Доктор, милый и грустный,
Принимай гостя в дом!..»
Виноградной лозою
перевито крыльцо,

И морскою грозою
высвечено лицо!
И в чахоточном блеске
умных, ласковых глаз -
глубина поднебесья,
тайный сердцу наказ.
«Доктор, верь мне, сегодня
так Россия больна,
Крестный лист в преисподнею
выпиши, старина.
Выпиши не больничный -
«**Крестный лист**» всей стране.
Нынче стало привычным
ближе быть к сатане».
... Льётся кровь в Ереване
в кровной мести, за «так».
Вновь в Баку басурмане
вознесли чёрный флаг.
Как же быть, кто избавит
жизнь от боли и зла,
Сколько душ поотравит
та чума, что пришла?!
Доктор, где же взять силы?
Воздух горек и мглист...
Чтобы Русь исцелили,
выпиши «**Крестный лист**».
Пусть подлечит нас синью
Ялта, сказ-городок!
Помоги доктор, милый,
дай волшебный глоток.

В ХАРЬКОВЕ

Два дня хожу по Харькову,
знакомлюсь, в суть вникаю,
обзавожусь знакомствами -
сравнить с ним Омск пытаюсь.
Ведут изгибы улочек
в центральные кварталы,
где кренделями булочных
мне старина предстала.
Немного душно... тесно...
- Иртышскую бы ширь!
Где к набережной в блеске
встал город-богатырь!
Но не переча истине,
скажу, и Харьков - нов,
с окраины повыстроено
десятки городков!
И городки прекрасны:
цветные корпуса
под небосводом ясным
блестят, как паруса!
Шепчу прохожим: «Здравствуйте,
я здесь совсем один...».
- В ответ мне: «Будем ласкови
и заходи, как сын...»

ВОКЗАЛ В ИЮЛЕ

В неимоверно жалких позах
спят на скамейках и полу...
Житейская глухая проза
свозит в заплёванном углу.
Куда все едут?.. Что их гонит?..

- Не лучше дома бы сидеть.
Вот эта бабка, как с иконы!
- в пути решила помереть?
Кусок жуёт с трудом, пьёт воду -
а дома шанежки, квасок...
А этот дед, с кем счёты сводит,
зачем начальство он клянёт?
С двумя детишками, космата,
у кассы женщина орёт:
«Да, я тебя, чёрт полосатый!?»
И - улыбается народ.
Стирая пот со лба ладошкой,
- живот вперёд, через ряды
мужчина прёт:
«Подвиньтесь, трошки -
там бронь...» -
«... Нет, милый, погоди».
В неимоверно жалких позах
спят на скамейках и полу.
Опять опаздывает поезд
на семь часов...
Вот жди: гу-гу!..

* * *

Внимательней, пристальней,
строже
смотрю на летящий поток!
Машины, как люди, не схожи:
Та - бедность,
Та - юность,
Та - Бог!

В КОМАНДИРОВКЕ

В вагонах по ночам – бессонница.
на остановке, на перрон
я вышел... поезд скоро тронется -
перрон толпой заполонён.
И люди грустные, прощаются
на вечность или на года...
целуются и обнимаются
- а эта девушка горда.
У тамбура стоит высокая.
красивая, как божество!..
И светлые упали локоны
на плечи юные её...
Стоит одна - такая гордая,
и свитер белый нежит грудь.
Таких в столичном
встретишь городе...

И что её позвало в путь?!
... Вот нервно дёрнулись вагоны,
проверив прочности замок.
- На светофоре - свет зелёный,
Там - красный
все сомненья сжёт!..

В ЗИМНЕМ ДЕНДРАРИИ

Я гуляю по зимнему лесу,
для тебя сочиняю стихи...
Вот в кустах кто-то веточкой треснул...
Вот щеглы просвистели, лихи!..
Снегири на сугробе алеют,
всюду сосны - вокруг зелено!
... О весне той давно не жалею
И, признаться, тебе всё равно.
Вдоль поляны позёмка по-лисьи
все следы замечает мои...
К неотправленным ранее письмам,
эти, несколько строчек, возьми!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Иду дорогою лесною...
Закат разбрызган по листве
прохладой, ранней золотою,
и тихо, ясно в вышине...
- Загорелась, загорелась
первая звезда!
Наклонилась, осветила
давние года -
там стрелы ярких молний,
там голубые волны,
звонящие протяжно провода...
Стоит берёза у развилка -
корява белая кора...
Но в каждой чёрточке,
как в жилке,
живёт мальчишечья пора!
- Загорелась, загорелась
первая звезда,
возвратились самолёты,
возвратились поезда...
И нет милее края
где детство возвращая,
на время забываем города...
Иду дорогою лесною -
закат разбрызган по листве
забытой сказкой золотою
и ясно, тихо в вышине.
- Загорелась, загорелась
первая звезда,
наклонилась, осветила
давние года -
там стрелы ярких молний,
там голубые волны,
звонящие протяжно провода!..

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

ВЕЧНОСТЬ, ЗВЁЗДНАЯ ДАЛЬ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел тридцать второй)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», на понимание которого я рассчитываю у будущего читателя.

В ОБЛАКАХ

Здесь, в облаках, иная жизнь:
всё призрачно, всё невесомо -
скольжение вверх, падение вниз,
моторов рокот ровный, сонный...
Безликий, мёртвый горизонт!
Темнеет синь,

и лишь под нами
в кружках, квадратах сотней сот
земля живая нежит память!!

АМЕРИК МНЕ НЕ ОТКРЫВАТЬ

и в космос путь уже пробили,
и всё ж легко осознавать-
что жизнь меня не обделила.
- Что мне осталось? Что смогу?
И чем судьба теперь посветит!..
... У озера на берегу
чиню опять на тычках сети.
Вдыхаю свежесть я вздохом
коль мне дарована Природа.
Напраслину или поклёп
на жизнь услышишь от уroda.
А я нормальный человек,
мне красота земли понятна,
тем более в двадцатый век
когда на солнце ищут пятна...
Смеркается... Сеть отложив,
из термоса чай наливаю.
Мир приозёрный так красив,
за ним подолгу наблюдаю.
- Закат и в полночь не угас,
сошёл с утренней зарёю.
Да, говорю я без прикрас:
Не налюбуюсь я землёю!
... Заря сошла почти на нет,
сгорают звёзды неохотно.
Июльский розовый рассвет
как Айвазовского полотна!
А небосвод - как океан,
в нём облака- как волны дыбом!
...В лугах – туман, в нём есть обман...
-Но нет во мне на жизнь обиды.

ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ

Не свободны мы
в выборе счастья...
Вот и месяц за шторой отцвёл -
хорошо бы на зорьке умчаться
в степь раздольную,
дальше от сёл.
У костра, словно солнышка малого,
на пахучем и резком ветру,
в меня снова надежды пожалуют,
вера в то, что не скоро умру!..

И ковыль, и поющие травы,
и сурки, что свистят вдоль дорог -
вся Природа мне вылечит раны
и избавит от лишних тревог...
И наивной, никчёмной предстанет
чья-то жадность на деньги и власть...
- Как последний, степной могиканец,
чту простор и свободную страсть.

НА СМЕРТЬ КОСМОНАВТОВ

Жуёт корова жвачку не спеша
на сеновале, двигает боками...
Срываясь, звёзды искрами горят,
летят метеориты, словно камни?!
А может, это чьи-то корабли
горят в воздушной,
плотной оболочке -
а нам, наивным,
кажется с земли
далёкий свет их
украшением ночи?!
... Раздавленные скоростью лежат,
к земле вернувшиеся космонавты -
над ними звёзды вечные горят!..
Но в космосе другие будут завтра.
- Тарелки, блюда?!...

Инопланетян
встречали лишь украдкою земляне.
Неверующий я, из могикан -
поверю в жизнь иную на Коране!
Не сплю...
Корова жвачку не спеша
жуёт и дышит тяжело боками,
над сеновалом звёзды мельтешат...
Сорвавшись,
вновь сгорает чудо-камень!

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Не спрашивай
желанье у звезды
вниз летящей -
что о ней мы знаем?
Может кто- то космос посетил
в корабле,
с неведомым нам знаменем!..
Марсиянен или кто другой
неизвестный инопланетянен
в этот миг случайный, роковой
руки к нам за помощью протянет.
И звездой, сгорая вдалеке,
унесёт навек с собою тайну...
- Нет, гадай уж лучше по руке,
по изгибам строгим и печальным!

ПОНЯТЬ СЕБЯ

Нет человека бесталанного:
как атом, что не расщеплён -
он только часа ждёт желанного
понять себя -
во что влюблён!
Поймёт?! - и засверкает он!..

ВСЛЕД ИДУЩИМ

Нет, звезда бесследно не сгорела,
оборвавшись с голубых небес.
Проросла цветком, заголубела,
осветив предутренний мне лес!
Вижу я, как мир осенний светит,
догорая жёлтеньким листком,
и ему за то весенним цветом-
зеленью отплатит жизнь потом.
Наши души в вечность отлетают,
отгорев...но разве в том печаль,
если они светом освещают
вслед идущим
утреннюю даль!!

МИР НЕ ПРОСТ

Невысказанность жжёт меня
необъяснимым, тем желаньем -
когда весь мир готов обнять,
понять любой звезды мерцанье?!
Всей жизни круг, как кровь во мне,
звенит по маленькой орбите -
мечту с сиренью по весне
с росинкой светлой полюбите!..
Мир рядом отражён в реке
с зарею, осветившей воду,
летит он чайкой налегке,
плывет дымком по небосводу.
Мир необъятен? - он не прост,
хоть мал от капли до песчинке...
Чтоб блеск понять морей и звёзд -
достаточно одной искринки!!

ПРИГЛАШАЮ НА НОВОСЕЛЬЕ

Не во сне - наяву вселение!..
Кружится пред глазами Вселенная!..
Ах, уж этих ступенек спирали,
как длинны вы на пятый этаж?!
... Золотым ключиком отпираю
дверь,
врываясь в майский мираж!
Я шагаю из комнаты в комнату,
ну, а сердце стучит:
«Люди, вспомните,
как порою ютились в подвалах,
в полусгнивших бараках мёрзли -
где подчас уживались скандалы,
где порой проливали слёзы...»

Пахнет деревом, свежеею краской,
и вокруг ни соринки, ни пятнышка-
недоверию, спором напрасным
в этих комнатах негде прятаться?!
...И светлею лицом... И душа,
празднует в этот миг обновленье...
- этим счастьем со мной подышать,
приглашаю Вас на новоселье!..

НЕЗНАКОМОЕ ГОРЕ

Перед ним в чём моя вина?..
Он беднее других одет,
выглядит много старше меня -
а нам поровну лет.
Мы встречаемся с ним по утрам
на трамвайном кольце, в толкотне...
Мне знаком хорошо его шрам,
что пролёг на виске к седине.
Для меня стала болью утроенной
эта ранняя седина:
видно в жизни не всё устроено...
Только есть ли моя в том вина?!
- Он в аварию, знаю, попал-
выжил, но инвалидом стал...
... С костылём опять, взгляд опустив,
подошёл нерешительно, слепо -
и встаёт со мной рядом почти...
Ждём трамвай...Синь и ясное небо...
Я хотел б про семью узнать -
у него есть жена и дети...
И готов я ночей не спать,
лишь помочь ему чем-то, приветить.
... Здесь окраина, зелено, дачи -
и такая стоит тишина!..
Даже чудится: кто-то всё плачет...
-Только есть ли моя в том вина?!

ПРОКАЖЁННЫЙ

Ты сидишь у печи
ещё бледный от приступа...
Сгорбленный, молчалив -
на огонь смотришь пристально.
Чем же подлость измерить?..
- Как теперь обогреться?!
- Близко так, Глеб Андреевич,
принимаешь всё к сердцу!
Много мрази на свете,
любит мразь черноту.
Как же ты не заметил
в людях эту черту?
Да, случайность...авария...
И попал на скамью...
Защищая товарища,
потерял ты семью.
Сколько мыкал, скитался
из-за правды святой!..

А теперь вот глумятся
страшной памятью той.
И в насмешку наградой
лишь мученья, болезнь?!
И опять снова надо
в сердце боли стерпеть?!

РАЗДУМИЯ У ЁЛКИ

Последний день покинул мой причал,
а с ним и год отчалил невезучий...
Прощальный тост нелепо прозвучал
и кто-то фразой сыпанул трескучей!..
И без вина сижу я, охмелев:
как вихрь,
весь год проносится во мне...
... Да, я берёг секунды,
в страхе жил - успеть!..
Но многого не завершил?!
- Двенадцать!..
Стрелки слиплись воровато,
и наступает звон курантов медных...
...И Новый год вошёл в фарватер!..
И верю: будет он победным!

НА ОСТРОВЕ ИРТЫША

Поблэк день затихающий,
за город отойдя,
на листьях свет ласкающий
и капельки дождя!..
Вдали «Маяк» рассвеченный...
А здесь, у камыша,
раздумьем вновь помечена
большая тишина.
Иртыш течёт играючи,
костёр вьёт стружкой дым...
В воде - закат пылающий,
а в воздухе - полынь.
Ивняк сплетаясь плотно,
склонился над водой...
Одна сейчас забота:
не разойтись с тобой.
В темь всматриваюсь с трепетом.
и вижу, не дыша,
как чьи-то тени встретились
в разводьях Иртыша
И необычно рано
всплыла серпом луна...
Фонарём на кране
качается она.
(«Маяк» - речной ресторан)

РАСЦВЕТАЕТ ЧЕЛОВЕК

Прекрасна жизнь, что лечит нас -
и пробирает до озноба!..
И ревностью горящих глаз,
лёд растопить не пробуй!..

Взгляни, как пламенем зари
на небе звёзды выжгло...
И тлеет яростно в крови
желанье к новой жизни!..
Учись терпенью и поймёшь:
что Бог твой - это разум,
и если честно ты живёшь,
то выстоять обязан!
Проходят стужи чередой -
неотвратимо?!
И вновь сменяются весной,
в плен взявшие нас, зимы.
И тают словно чёрный снег
тоска, отчаянье и злоба...
И расцветает человек...
И исчезают тени гроба?!

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА...

Вижу поле мне с детства родное
и берёзовый окаём...
Никакое мне счастье другое
не заменит родительский дом!
- Здравствуй, мама!
Я еду, Я - рядом...
Вот околица...
Прочь горечь, пусть в -
в грудь прольётся мне давняя радость
и развеет сомненья и грусть.
... Люди странные в отпуск стремятся
кто на юг, в санаторий, круиз.
Копят деньги и охают: «Братцы -
характеристик столько и виз?!..»
Возвращаются: тряпки, рассказы,
впечатлений на целую жизнь.
Впрочем, многие, так - для показа,
в назиданье другим: «Не гордись..»
Ну, а где-то в глухой деревеньке,
уж которое лето подряд,
на крылечке избы ждут ступеньки
и родительский, старческий взгляд.
Ждёт забытое с детства родное:
шум берёзовый, солнечный луг
и мосточек - трамплин над рекою!
И тепло материнских рук!

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Рождественские святки
с гаданием невест...
Игра в шальные прятки,
секретов в том - не счастье!
Дед помнит ночки ясные:
снег, масленниц костры,
блины с подноса...
Маслятся -
седина борода...

- Весенний праздник «Вербное»,
с ним первые скворцы,
в любви признанья верные...
Ручьи во все концы...
- На «Пасху» мёдом сдобрены
и торт, и куличи...
- А следом – лица скорбные
в родительские дни...
... Ах, праздники народные,
с лукавинкой в них мысль,
душой святой, свободною
стремимся к Богу - ввысь?!
- Рождён я в август -
в праздник «святителя Ильи!..»
И потому отраднее
мне все святые дни...

ПРЯМИЦА

Разлилась вода весною,
враз спрямив речной изгиб...
Русло новое с волною
мчится лугом, напрямик

СЫРОЕШКИ

В дни войны те сыроежки
приходилось в поле есть -
радость детства!..
В рощах здешних
столько видов их - не счесть!
По окраске - отблеск радуг,
волны утренней зари.
... Край грибной, встречай и радуй!
Вновь улыбку подари.

д. Приозерка

ПРОМОИНА

Таёт снег, бегут ручьи
с пеной по голдобинам...
На дороге в колеи
растеклись в промоины.

НА СТАРТ

Отправляется лётчик в полёт-
и стремится вновь кто-то к звезде!..
- Наша жизнь - нескончаемый взлёт
на земле, на морях, в высоте!
... Помню мальчиком первый У-2
у деревни на ровной поляне
и спокойной команды слова:
«От руля!». «Есть на стар!»
- грохот грянул.
Заревел мотор мощно.
Трава
заметалась под крыльями яро...
И поплыл быстрой птицей У-2
над земною громадиной шара...

Сколько раз я потом выходил
на лыжню, на площадку, дорожку -
и всегда этот гром нисходил
от команды «На старт» -

новой дрожью.

И душа отправлялась в полёт,
наполняясь отвагой, дерзаньем.
Словно это был вовсе не спорт -
а особое, свыше заданье!
Снова слышу команду: «На старт!»
Мои нервы опять на пределе -
вдохновение,
сила,
азарт
в новый, дерзкий полёт захотели!..

ПРАЗДНИК ПАСХА

Звенит апрель... Поток игривый
ручьями мчится на лугах.
С берданкой старою, счастливый,
иду в болотных сапогах.
А талый снег в кустах так пахнет!..
Присел, из лужи чистой пью...
Сегодня праздник древний - ПАСХА.
Я синь небес боготворю!
Грачи кричат о лете близком
и гуси дикие летят
над гривой солнечной так низко,
что вижу перья, птичий взгляд

ПАСЕКА

Пригласил меня пасечник в поле –
улья к клеверу перенесли...
Накормил меня мёдом он вволю,
дал две соты и даже спросил:
– Если хочешь с пчелою дружить,
приходи, буду делу учить.

ПОЙМА

У меня крючков - обойма,
только рыба не клюёт...
Заросла осокой пойма:
надо лодку или плот.
Плыть хочу на плёс центральный,
что вдали искрит зеркально!..

НЕФТЕГРАД

Подъезжая к Омску,
подлетая к Омску
видишь вдаль - огни горят!
Факелы заводов, факелы знакомства -
это новый город Нефтеград!
Нефтеград!.. Нефтеград!..
- так про Омск говорят,
так любовно говорят везде.

Был пустырь - Захламино,
и бурьян да ямины,
а теперь красавец -град!
Корпуса стальные СК, Нефтезавода,
словно великаны смотрят ввысь,
через буреломы, через мрак и годы
над Сибирью звёзды поднялись!
Нефтеград!..Нефтеград!..

- так не зря говорят,
так любовно говорят везде.
Из Сургута, Нефтеюганска
трубопроводами станций
движется подзёмный клад!
Нити нефтепровода
под названьем «Дружба»
связывают целый континент,
город Нефтеград
теперь пол-миру нужен
и цены ему на свете нет!
Нефтеград!.. Нефтеград!..
- за родной я город рад,
за высокую его мечту...
Прославляю новый град -
пусть огни в ночи горят,
словно вечные огни на посту!

НОЧНЫЕ ДУМЫ

В дыму Конголезия,
в пожарах - Вьетнам!..
Взрывы в Чили кровотачайшей!
- По крутым,ночным, виражам
мчит опасность,
о смерти кричащая...
Париж спокойно ложится спать,
а в Токио утро раннее.
В Хиросима двоятся солнце опять
с незажившими старыми ранами...
Содрогаются воздух:
«Где космодром,
а где боевые порядки?»
Радары молчат и ракетодром
нацелен бесстрастно в мир шаткий.
Раскалённою лавой дымя и горя,
земля не простит нам обиды-
взорвётся, как страшный заряд,
и сойдёт в тот же миг с орбиты...

ТИШИНА

Ночная тишь...
Лесная тишь...
- Не понимаю:
спишь, не спишь?..
Звенит струна,
поёт струна
с названьем чудным:
ТИШИНА!!

ПОГОСТ

В роще кладбище и церковь,
на надгробьях - имена...
Даже солнце в листьях меркнет,
и немеет тишина.
Низко голову склоняю...
Лица близких вспоминаю...

ПРУД

С белой пеной прут ручьи,
Вниз - в овраг срываясь!..
А в овраге - пруд пруди!..
Синь воды сверкает...

НА ТУРБАЗЕ В ПРИОЗЁРЬЕ

Вдоль берега камыш да тина -
Ни искупаться, ни попить!
На ветках ивы - паутина...
И как в бараке этом жить?
Невдалеке, за лесом, свалка
и дым костра там день и ночь...
И дней потерянных мне жалко -
бежать отсюда надо прочь!

ПЬЯНОЕ УНИЖЕНИЕ

Напился человек,
до чёртиков напился,
и без сознания, в забытьи бредёт...
На мостовую в грязь
ещё он не свалился,
но сам, куда не зная,
нетвёрдый след плетёт?!
А улицы вокруг по летнему нарядны
и многолюдны - если б видел он,
с каким презреньем устремлялись взгляды
прохожих, на него со всех сторон?!
Бывало сам
готов был плюнуть в морду
такому вот, каким стал нынче сам.
И голова, что нёс вчера так гордо,
упав на грудь,
просилась слёзно в храм!
Был взгляд его бессмысленным...
Машины,
неслись вокруг, как пули, перед ним -
визжали тормоза под матерщину...
На миг трезвея, видел их сквозь дым.
И только полночью, таксист не брезгуя,
привёз его домой и сдал семье -
когда на утро наступила трезвость,
он ничего не помнил о себе.
И в первый раз не вышел на работу:
башка гудела, как в колокола!..
И не хотел, чтоб видел его кто-то,
и с ужасом смотрелся в зеркала?!

Как истукан,
весь день лежал бездвижно,
пустой, пропахший рвотой и вином.
Минутами не рад был даже жизни-
и думал тяжко только об одном:
Какой позор?

Нелепость?!..

Униженье!..

- те пять часов, когда он был, как скот.
Ни оправдания нет, ни утешенья:
что в первый раз, и что такой исход.
Могла бы быть авария: калека...
а может быть закрыл глаза навек?!
- Прекрасен ясный облик человека?!
- Как низок всякий пьяный человек?!

НА ВАЛУНЕ

Мерцает гладь...
Темнеют острова...
Притих рыбаки, из лодки наклонившись...
А я на валуне, дыша едва,
ночь слушаю -
и ты мне, словно, снишься.
... Примчалась, и к причалу подошла
на цыпочках ракета:
смех, звук вальса...
И вновь прожектора свои зажгла.
И в мглу ночную поспешила дальше...
А я сажу один на берегу,
все шорохи ночные стерегу.

НА БОБАХ

Говорил о Маше
часто мне сосед:
на деревне краше
и умнее - нет!
Говорили хором
в школе все о ней:
«Хоть она и вздорная -
нет её умней!»
Повторяли парни,
робко глядя вслед:
им она не пара,
но не клином свет...
Много лет промчалось,
Маша уж в годах -
одна в избе осталась
«невеста – на бобах».

ПЕРЕШЕЕК

Между двух озёр - дорожка,
и над ней берёзок шелест...
Кружит коршун... Осторожно
затаился перешеек.
Слева - берег, справа - берег...
Птицы коршуну не верят.

ПРОСЕКА

Шёл по лесу...
Впереди
вижу небо с просинью,
топоры стучат, гудки...
Люди рубят просеку.

ПАЛИСАДНИК

Если кто-то ветку сажит
возле дома, под окном -
значит: будет палисадник
со цветами и кустом...
И акацией, сиренью
расцветёт рассвет весенний!

ФОТОГРАФИЯ ОТЦА

На божнице, за иконой -
аттестат, лист похоронный...
На иконах в немоте
память о святом Христе...
Ниже, на неровных стенах -
фотографии военных...
в центре - батя молодой:
ромб в петлице со звездой...
новенькая гимнастёрка...
португепя с кобурой!
... Взгляд отца спокойно твёрдый,
Светится - такой живой!
И - военная фуражки,
в ней поздней - осколок вражий.

ФЕНОМЕН

Жил способный малый,
Шутили: «Феномен...»
С детства был избалован,
не дружил ни с кем...
Решал легко задачи...
стихи в пять лет писал...
и в спорте был удачлив...
в оркестре он играл...
Уехал от родителей
в столицу, в институт.
«Денег не дадите ли?» -
домой звонки идут.
Отец довольно строгий,
уступчивее мама -
и к ней летели строки
скорой телеграммы.
И мама отвечала,
и переводы - вслед!..
... С друзьями сын встречался
и шли, сообщая, в буфет.
Он пропивал все деньги,
у мамы вновь просил -
так бедненький студентик
транжирил, вольно жил.

Вначале жил в общаге,
но выселили...
Он, квартиру снял...
за наглость
хозяин выгнал вон...
Теперь вот по вокзалам
ночует... дрянь всю пьёт...
- А в детстве всем казалось:
он до вершин дойдёт?!

ПРЯМИЦА

Разлилась вода весною,
враз спрямив речной изгиб...
Русло новое с волною
мчится лугом, напрямик

ПРОМОИНА

Тает снег, бегут ручьи
с пеной по голдобинам...
На дороге в колеи
растеклись в промоины.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Встрепенулась роща,
 прошумев листвою -
ветерок полощет
 сумрак полевой!
Разогнал туманы,
 гривы расчесал
и, пахнув дурманом,
 скрылся в краснотал...
В травах серебристых -
 перепёлок крик!
В небе нежно-чистом
 солнце кажет лик.

ФЕВРАЛЬ

И метелил, и буранил...
и позёмкой мчался, лих...
...А сегодня как-то странно
потеплел зараз... притих.

ФАНЕРКА

Рассказ Александра Рябкова

Мороз прихватывает нос,
и в воротник его я прячу...
Вот ветер снег в лицо понёс -
лес мельтешит, чудачит...
Я в школу, в Становку иду....
пацан...тайга глухая...
Пурга шальная на беду
свистит, след заметая.
Кусок фанеры - я счастлив:
лежит он на обочине-
беру его, и заслонив
лицо, иду так - ошущью...

Видны лишь ноги, но смелей,
бреду навстречу ветру...
Фанерка-щит... Лицу - теплей!
И что мне километры?!

д.Становка

Большеуковского района

ФАРВАТЕР

Там, где порт, за поворотом -
светофор зелёный...
Это значит: теплоходам
путь здесь углублённый.
Земснаряд песок убрал,
не зацепит камни трал...

Я НЕ ПРЕДАМ

Прошёл февраль... Ушла печаль...
День повернул на лето.
С утра в лучах сверкает даль,
сосульки с крыши светят.
Но ночью (так, который год)
в лицо метель метёт, метёт...
Пурга накрыла старый дом
и не видать ни зги кругом...
Снег: вниз-то вверх!..
Круговорот...
И где в судьбе - мой поворот?!
Не отвернуть лица... Смотрю:
где ты, сейчас, в метель?..
Я - не предам, не изменюсь
в любую карусель!..

ЯНВАРЬ - ПРОСИНЕЦ

Засинела высь... Березы инеем
Накрылись – сучьев не видать.
Саннный след – две тоненькие линии,
и по ним мне хочется гадать.
В белизне светящейся, пушистой
не пойму: где поле, а где лес –
все белым-бело... Легко и чисто!..
Просинец, ты родом из чудес.
Перелом зимы... И тонкий запах
от полыни в воздухе повис...
Вот и след, чуть вдавленный,
от лапы –
это крался осторожный лис.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

... В окнах – снег и свист зимы...
Одеваю я пимы,
выбегаю на мороз,
в рукавичку прячу нос.
А на речке у обрыва –
ребетня и шум крикливый.
Кто на лыжах, кто на санках –
машет шапкой мне друг Санька.

С горки мчит он на трамплин...
Дзинь!..
Взметнулся снежный дым.
Санька белый, весь в снегу.
Я к нему бегу... бегу...

ФИЗЗАРЯДКА

Встаю до зари,
в окнах тьмаголубеет,
тихо-тихо в дому,
детям видятся сны...
Видеть сны не хочу,
лучше встретиться с зорькой,
потому и спешу поскорее
за дверь!
А на улице тьма разбавляется светом,
проступают яснее дома и кусты.
Фонари лишь мерцают...
На листьях росинки,
словно звезды спустились
на землю за ночь.
Из густых тополей слышу гомон
скворчат
и на крыше соседней воркует
голубка!..
День еще не взошел,
день еще не начат –
я предчувствием встречи волнуясь!
...Над рекою полоской зардела заря
и в воде замерцали оранжево блики.
Я бегу вдоль реки и ликует душа!
Торжествует!..
И хочется крикнуть:
*«Эй, вы чайки, несущие свет
на крылах,
эй, вы вербы – цветущий мой остров,
над разливом реки в свете ясной зари
наполняйтесь чарующей жизнью!..
Люблю этот час, обновляющий мир,
и ликующей жизни навек
благодарен!»*

ФЕРМЕР

А осень, и правду, прекрасна!..
Хлеб убран, сверкает жнивье...
Опавший лист тропки раскрасил...
Над речкой кричит воронье...
Предчувствует фермер напасти,
боится на хutore спать.
Ведь рэкет и те, что при власти,
хотят у него всё отнять.

ФЛОРА ПРИИРТЫШЬЯ

Прииртышье!.. - край просторный,
здесь в лесах не сосчитать
трав, цветов, грибов...
Всю флору
 трудно мне пересказать.
Лиственницы, кедры, сосны...
Ширь речная... луг ... Урман...
- Надышусь озоном вдосталь,
уплыву в густой туман...
Да, богатая здесь флора,
Она - жизни всей опора?!

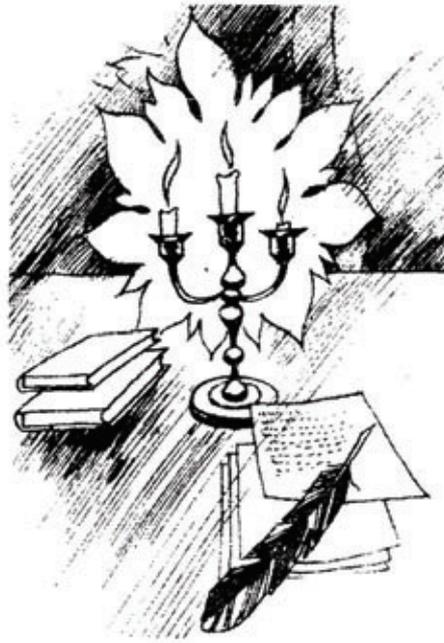
СИБИРСКАЯ ФАУНА

С незапамятных времён
звери меж собой роднятся:
Вот - жираф, а рядом - слон...
Им в саванах жить приятно
А в Сибири - лось, медведь!..
Им подай тайгу глухую...
Родословной каждой ветвь
объяснит судьбу любую.
И к примеру: вымер зверь,
тот – в тайге,
 а этот в джунглях -
оправданиям не верь...
виноваты всюду люди.

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

**ПОЭЗИЯ,
ВЕРА,
ЛЮБОВЬ**

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК (том второй, раздел тридцать третий)

РЕДАКЦИЯ

Редактор: А. Грачёв

Технический редактор: А. Юрченко

Литературный редактор: В. Физиков

Корректор: В. Суворова.

Омск - 2015 год

Примечание:

Макеты книг сделаны в упрощённом виде, но стихи (как бы они не были представлены) являются именно «Поэтическим дневником», для будущего читателя

ПОЭЗИЯ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ

* * *

Бываю замкнут, недоволен,
а иногда - совсем безволен...
Чем объяснить, как разгадать,
как самого себя понять?
Какая блажь в меня закралась,
а может, старость и устал? .
...Но нет! Вскипает в сердце ярость,
сжимая мускулы в металл.
Лицом светлею,

пробуждаюсь
от сна, замкнувшего меня,
любовь и гнев, во мне рождаясь,
плывут,

потоками звеня!
И нерешительность, сомненья
сметает вдохновенья бред...
И счастлив в эти я мгновенья,
вновь народившийся на свет!
За этот миг,

за миг единый
на белом свете стоит жить,
что для других недостижимо
теперь могу я совершить!
Когда же, пережив волненье
и сладкой мукой напоен,
впадаю в долгое забвенье -
жизнь кажется, как скучный сон!
Опустошённый и безвольный -
не от того ли болен я,
не потому ли недовольный -
что мало Солнца мне и Дня!!

УЧИТЕЛЯ

Благодарю тебя я, Фет,
за тайный и святой обет...
Перед тобой склоняюсь, Тютчев,
за майский гром, за чудо-лучик...
Мой незабвенный гном, Рубцов,
пришли из вечности гонцов...
А Евтушенко - Евтуше,
цари ты правдою в душе...
Благодарю тебя я Блок
за тайной музыки урок.
Особо близок ты, Есенин
«Под кущей обновлённой сени»
... Учителя - эпох провидцы,
к Вам возвращаюсь вновь и вновь:
в стихах моих пусть повторится
история, и жизни новь!!
Благодарю тот дивный час,
когда в миру я встретил Вас.

МОЯ ПОЭЗИЯ

Нужна ли моя поэзия
людям, чьи спины в поту?
Кто трудится с волей железною,
если даже - невоготу!
Кто пашет и сеет на зорьке,
под землёй долбит уголь, руду...
И тем, кто в искусстве и спорте
к невозможному смело идут!
Если пот разъедает глаза
и темнеют от ветра скулы -
в оглушающем, грозном гуле
что им важное можешь сказать?!
- Не нужна розовая поэзия,
как подкрашенная вода!..
Знай, краюха ржаная полезнее!
Родниковая свята вода!..
Пусть стихи твои будут подмогой
хоть на час

в деле малом, простом!
Пусть облегчат любому дорогу
и в жару станут чистым глотком?!

ЖУРНАЛИСТСКИЙ РАЗНОС

Злотникову Н.

Нотан, в своей редакции
ты явно зачерствел -
фитюльки, прокламации
сбираешь между дел!
Тебе моя «Отава»,
как прошлогодний снег,
спросил: «Отава - травы?...»
- смешной ты человек.
... Я знаю с дня рождения
земли родную дрожь,
я видел превращение
зерна в густую рожь!
Я слышал звук высокий
грозы ночной с небес,
я жёсткою осокой
шагал в поля чудес!..
Да, мне любима озимь
сырым, холодным днём,
что нежно светит в осень
зелёным огоньком.
Ещё мила мне согра
у нашего села,
что в дни войны,
продрогших
сирот, согреть смогла!
Да, много мне отпущено
грехов в краю родном...
... Разнос?! -
А ждал ли лучшего?..
Иду на площадь Пушкина -
лицо горит огнём!

ДОРАБОТКА

Написанный вчерне стишок
решил я освежить,
и для начала дал глоток
воды ему испить.
Затем луч сверху протянул
и ветерок зазвал -
и стих ожил,
легко вздохнул
и в ряд с другими встал!
Тех, недописанных, в пыли
полно стихов лежит -
их все росой окропи -
сверкнут, как малахит?!

ОПЯТЬ СВЕТЛЕЮ ГОЛОВОЙ...

Апрель извечно манит нас
проталинами, небом синим,
и чистотой девичьих глаз -
тех первых, так любимых...
Взгляни, как пламенем зари
зажглись на небе звёзды...
Вновь пробуждается в крови
желанье к дальним вёснам.
... Пью сок берёзки молодой,
целую вновь подснежник.
Опять светлею головой
и ощущаю нежность!..

ЦЕНА СТИХОВ

Не напечатано ни строчки,
за труд огромный - ни рубля?!
И это чуть ли не порочным,
родня считает для меня!..
- Ах, дядьки-дядьки, в том ли дело?..
Не ямы же теперь копать...
А ваших дач мне не хотелось,
да и на деньги наплевать!
... Горит заря, не догорая -
ей майской, до утра гореть!..
Цена то слишком дорогая
стихов, чтоб мелочью звенеть!!

ПРОХЛАДНАЯ ОСЕННЯЯ ЗАРЯ...

Прохладная осенняя заря
раскрасила леса багровым цветом,
и кажется - осины впрямь, горят!..
Берёзы желтизной яркой светят!
Их листья, словно искры на ветру,
летят кружась, ложатся под ногами...
... А вот сегодня лес, вдруг, по-утру
прижат к земле свинцово облаками.
Холодные и серые дожди
льют непрерывно... И тускнеют дали...
Стою продрогший. Морок – впереди!?
... А на душе - как будто что украли...

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

После дождя поляны дышат паром
и свежестью пронзительной полны...
Цветы сверкают колдовским пожаром.
Птиц голоса в ветвях ясней слышны.
Вечерний лес прощается с зарею
и медленно отходит в темноту...
Мне кажется: что лишь глаза закрою -
меня туман поднимет в высоту!

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ МУКИ

О, всемогущие издатели
и вечно правый консультант -
за десять лет не напечатано
ни строчки...
- Кто я?-
Гей... Педант?..
Избил в редакциях пороги
и в «Правде» правду я искал,
но всюду кукишь
- «нет», ей-богу
любой в редакции совал.
Трубицина четверговала,
Четверикова мразь плела -
и каждая не представляла
какой «Ягой» сама была.
А первым хмырем был бесспорно
татарин-друг Иван Яган.
Поздней меня покрыл позором
степняк – Владимир Балочан.
... Бездарность тешится собою
и поощряет серость, чушь.
За глупостью, как за бронёю
не рассмотреть чужих ей душ.
Послушайте, раз вы - калеки,
а место заняли - светить,
мы с вами вовсе не коллеги
и нечего меня хмурить!
С Макаровым мне было проще:
бутылка, закуска, споров дым...
В такой компании не ропщут,
легко седым и молодым.
- За что же мне такая плата -
нигде ни строчки... я терплю.
Но надо быть дегенератом,
чтоб уважать вас:

«Рекс!.. Адью!..»

ОСЕНЬ

Срывая лиственный наряд,
дождями с ветром отшумела...
и опустила светлый взгляд...
и отошла... и потускнела.
Свою задумчивость и негу
упрятала за синюю даль
и в возы сена, на телегу
сложила высохший миндаль.

Бесстрастно плугом почернила
ширь опустевшую жнивья,
дорожки листьями прикрыла,
грусть неизбежную тая.
И только воздух ароматный
да синь небес уберегла,
и с отрешенностью понятной
белёсым инеем легла.

ОБРАЩЕНИЕ К В.И. ЛЕНИНУ

Сегодня, в праздник Первомая,
Я - грешный, мучаюсь о том:
чего достиг, чем отвечаю
перед страной весенним днём.
Да, взгляд вождя мне, как награда,
когда в колонне с ним иду,
и как живому, стоя рядом,
про радость расскажу, беду...
... Я - безотцовщина, я вырос
в глуши лесной, среди озёр...
Войною страшной опалилось
и сердце, и родной простор.
Чтоб подрасти, ел жмых, саранки
и в горьком супе лебеду...
Со стариками, спозаранку
я шёл в поля вершить страду!..
Сегодня мало изменилось
в полях, хоть техники полно.
Ведь в удобрениях мало силы
когда ума им не дано.
И стали урожаи хуже
и много гибнет на корню...
И стало никому не нужным
добро в родительском краю.
Скажу я всем князьям удельным
и комиссарам у руля:
«Что ни начальник - то бездельник
из казнокрадов и жулья?!»
Я - рядовой, и им останусь,
и пусть мой чистый партбилет
мой внук когда-нибудь достанет
за далью новых, честных лет!
Самокритично, твёрдо знаю:
быть в партии - большая честь!
А то, что многих принимают,
то принцип ясен -
лишь бы влезть.

ОСЕННЯЯ БУРЯ

Небо - как не было!..
- Слилось с землёй!?.
Тучи гребнями, волна за волной!
Шквальный ветрище рвёт облака,
по полю рыщет, обдирая стога.
Травинкой безропотной лес к земле гнёт,
листья с рокотом, сбросив, метёт.

Разбой немислимый -
что ещё ждешь?..
В лицо вместе с листьями -
леденящий дождь.
Стекает за ворот, стекает в сапог...
Промокший, вором,
влезаю в стог.
Сижу молчаливо,
согреться не в мочь.
Темно и тоскливо, похоже на ночь.
А ветер неистов и злобен, как бес,
рой листьев да свисты...
И гол почти лес.
Вылез из стога - скорей до жилья!..
Пляшет дорога,
скольжу по ней я!

САНАТОРИЙ «ЛЕСНОЙ»

Поздний вечер...
...Тишина, парк сковала холодом...
Чуть луной освещена
улица за городом.
Сосны праздно в шапках снежных
светятся над крышей,
и в задумчивости нежной
звёзды в них ... и выше...
Сколько раз с тобой вдвоём
здесь мы отдыхали...
Помнишь: ночью за окном
вихри бушевали.
... В лыжной базе бледный свет
бьётся меж ставнями...
Я – один, мой лыжный след
лентой к базе тянет.
Старый сторож одинок,
дверь вмиг открывает...
Я - с мороза и продрог,
чай мне наливает.
Он, давнишний мой дружок,
смотрит в рот, икая...
От меня рассказа ждёт:
где живу, бываю...
Низкий, тёмный потолок
накренил пролёты...

Думы жарко бьют в висок -
вновь, куда зовёте?..
Вновь снежинки за окном
бабочкой порхают -
мне бы с ними заодно
заискрить, растаяв!!

ТОРЖЕСТВА, ПРИЁМЫ

Теперь в любом учрежденье
в почёте торжества, приёмы...

От областного подчиненья,
до всесоюзного значенья -
их, словно, в этом назначенье,
как тратить с шиком миллионы?!
Под звон бокалов - фейерверки
и тосты про заслуги всех?..
Но срывы планов на проверке...
И прибыль нищая, на смех?!
.. Прут по стране «Наполеоны»,
встречают их хамелеоны...
А где-то вера в правду, скромность...
Но всюду снова прут, всё прут!..
Разруха, лень в стране огромной:
где счастье - это честный

УЧИТЬСЯ!

На асфальте пробилась зелень!
- из трещин прут тополя!..
Учись у природы весенней
и на груди у Вселенной
не ищи, где помягче земля.

А НАДО...

На дне морском и под землёй,
и в космосе звенящим -
стремятся люди за мечтой,
далёкой и манящей!..
Хочу борьбы, чтобы не ныл,
и не ходил на ощупь!..
Для сильных чувств, для новизны
нужна тайга, не роща?»
Нужны моря - не ручейки,
нужны шторма и выюги!..
- Ты птиц привык кормить с руки,
ты - не ходил за плугом...
А надо каждым утром - в бой,
идти на бастионы,
сражаться с мерзостью любой,
с враньём и беззаконием?!

НА СТРОЙКЕ МОСТА

(три дня вместе с комсоргом мостопоезда)

Мы сами не выбираем
то, что доверено мне...
В этом суровом крае -
порою, как на войне!
А потому без разбора
званий, достоинств и лет -
в дебрях соснового бора
нас породнил стройки свет!..
по речке спешат теплоходы,
приткнулись баржи в причал.
По первым пролетам проходим,
а ветер с утра одичал.
Рвет кепки, пузырит рубахи,
и плещет волною в быки.

И пахнет, сиренью пахнет!
Да так, что пылают виски!
За день нам облазить всю стройку -
увидеть десятки ребят,
и поздно добраться до койки,
где первые смены храпят.
На утро все та же картина:
зайдем в кабинет мы вдвоем,
учетные карточки вынем,
и чистые бланки возьмем.
И снова туда -
где от сварки
шипящие звезды летят.
И там
в перерыве
под аркой
расскажет нам жизнь кандидат...

НОВОСТРОЙКИ

Взметнулись белые стропила...
Затем - на доски шифер лёг...
- Карниз подшит... И стихли пилы.
А сверху флюгер-петушок!
Просторен дом. В нём окна светят
на тёплый юг и на восток.
И не страшны мороз и ветер...
Вот новый сруб наискосок.
... Да, жизнь деревню разорила,
из года в год несла разлад -
но пробудилась в людях сила!
И за крестьян я нынче рад.

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Рощица развесистых берёз
выплыла в рассвете из тумана...
И листва, как прядь твоих волос -
с отсветом белёсым, горьким, ранним...

НА ПОЛИГОНЕ СЕМИПАЛАТИНСКА

Взревел над зелёною степью,
как гром, испытательный взрыв...
От вспышки живое всё слепнет...
Я - в бункер укрылся, я - жив...
А утром ещё в синем небе
все птицы трезвонили в степь,
но смерч, словно облако гнева,
взметнулся, пророча всем смерть!..
... И сердце сжимается смутно...
Померкло весеннее утро.

НАЧАЛО МАЯ

В воде острова...
И на радость грачам
ивы всю расцвели,
а у фарватеров вновь по ночам
бакены ярко зажглись.

Ранний рассвет...
Набережной иду
от гостиницы «Омск» до моста.
Вода день за днём прибывает...
Плывут
осколки последнего льда.
В сваи бетонные бьётся волна,
крутит вьюны под мостом...
Прёт половодье...
Река так сильна -
как щепкой, играет бревном.

НА ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ветра промчались тёплые
с ковыльной стороны,
тугие почки лопнули
среди майской тишины!..
С утра листва зелёная
одела тополя...
Во взглядах всех влюблённых
рассветинки горят!..
Плывут гудки над речкою
в безбрежный небосвод.
И птичьими наречьями
гусиный клич - с высот.
Грачи слетелись стаями
на влажные поля!..
Оттаяла, оттаяла
родимая земля!
Как вольно, легче дышится
под первою листвою!
... В шуме веток слышится
далёкий голос твой!!

НОЧЬ - КАК ВЕЧНОСТЬ...

Ветерок порывистый, свистящий
щёки в темноте мне холодит.
Я иду от пристани сквозь чашу -
низко впереди луна висит.
За кустом «жигуль» мой светлобокий...
Термос есть - костёр не надо жечь.
Ночь - как вечность, если одиноко...
Выпить бы чайку да раньше лечь.
Выспаться, на зорьку встать до света...
А грустить к чему - пускай и ночь?..
Да и кто мне на печаль ответит?
Кто сегодня может мне помочь!?

НА ТУРБАЗЕ

Ни стука. Полночь.
Меркнет снег...
Но поднялась луна -
её холодный резкий свет
струится из окна.
Лучи упали на кровать...

Свет по полу скользнул
и начал стены освещать,
в глаза мне заглянул.
И странно: сон хотя исчез,
я видел в полусне -
цветы на стёклах... дивный лес...
И профиль твой - в окне.

НЕЧАЯННЫЕ СНЫ

За окном проплывают вокзалы,
речки, рощи, мосты - всё назад...
В полусне далеко уезжаю -
непонятный, смешной маскарад!?.
А проснусь - вовсе не уезжаю...
- Я полжизни куда то спешил!..
А теперь вот - во сне возвращаюсь
в прошлое, где я что-то забыл.

ПЕЛЯДЬ

Рыба белая - сырок
в январские недели
Нерестится... Весь малёк
сохранится в нелядь...
В Енисее и Оби
этой рыбы – «пруд пруди».

* * *

Взошла над гривой яркая луна
и осветила лодки на приколе.
Уже за полночь – всюду тишина...
Туман и лунный свет плывут по
полю.
Костёр погас...
С надрывами храпит
напарник мой, уставший на болоте...
Но от чего душа моя болит?..
Не спится мне...
Не радует охота.

Кувшинка чисто белая
на старице цветет,
и на листочке-лодочке
качается, плывет.
Заря слегка румянится
над тихой рекой,
кувшиночка снежинкой
блестит передо мной.

ПОИСК КОНЯ

Иду напрямик через длинный овраг,
обдираясь в шиповнике плотном.
Занозисты ветки, неровен мой шаг...
И ряскою пахнет болотной.
На дне же оврага звенит ручеек,
лук дикий, в воде – камышинки...

А вот – троелюбка, а вот – василек...
И рябчиков всюду пушинки.
В высокой, немятой траве – тишина.
И таинством древним пахнуло со дна.

* * *

Ходит по тропе октябрь
в голом перелеске...
Плес покрыла мелко рябь
со свинцовым блеском.
Дремлют тихо камыши,
в воду оседая,
крики дальние слышны
перелетной стаи.
Паутина на шесте,
лед намерзший
в лодке...
И снежинки в высоте
запоздавшей сводкой.

* * *

В овраге последний клочок снега,
над ним зеленеет листва...
И птицы трезвонят: «Победа!» -
«Победа!» - звенит синева.
В кустах прошлогодняя плесень
и сырость сквозит из ветвей,
но звонкой, приятною песней
в овраге картавит ручей!
Весенние тайны изведав,
ищу для стихов я слова:
«Победа! Победа! Победа!»
- поёт не смолкая листва.

ДУШОЙ СВЕТЛЕЮ

Поёт Атлантов! Как поёт?!
- я слушаю, и замираю...
И музыка, всё заполняя,
до глубины души идёт!!
Романсов сладострастный пыл
Я - не любил... Не верил...
И только днём насущным жил,
и отрицал поверье...
... Но ария опять звучит,
в ней краски школы итальянской,
загадочность любви цыганской.
Да, в ней особый колорит?!
В ней и раздольность ямщика,
свет колыбельной русской песни...
Есть в ней и удаль и тоска
по временам Руси безвестной!..
- Поёт Атлантов!..
И забыв
все горечи и неудачи,
светлею я, душою плачу-
и мир вновь сказочно красив!!

НА БОЛОТЕ

Бес попутал - а за что?..
Крякашей здесь – стаи...
Раскладушку метров сто
сквозь камыш толкаю.
Нет уж сил... Насквозь промок,
но не отступаю.
В центре - плёс, он так далёк...
Там садятся стаи.
Камыши стоят стеной,
задыхаюсь потом!..
Лес багряно-золотой
обступил болото.

НА ЦВЕТОЧКЕ ПОГАДАЙ...

Клевер... Донник... Иван-чай...
Луг цветёт некошенный!
Здесь девчонку повстречал
в платьице в горошину.
Я увидел за версту
рыжий локон, взбитый...
Подошла... Невмоготу
монолог избитый:
«На цветочке погадай -
любит ли, не любит?..»
Василькам, ромашкам - рай!
Кто же рвать их будет?
Одуванчиков испуг:
вихрь осенний дунул -
полысел мгновенно луг...
- Кто гадать придумал?

НОЧЬЮ НА ЗАИМКЕ

Проснулся в избушке - в окошке луна...
Смотрю я вокруг оробело
Светло словно днем, -
и уже не до сна
На стенах свет мертвенно-белый!
Струятся сквозь стекла потоком лучи
и по полу метят дорожки.
В причудливом блеске ночь странно звенит...
На нарах лежу осторожно.
И холодом веет, и кажется мне:
за дверью дыханье и скрип в тишине.

ПОРА БЫ СЕЯТЬ

О, жизнь, упрямая, смешная,
ты тяжелей день ото дня!..
Ты, правду с чернотой мешая,
так больно мучаешь меня!
Порою слабым и незрячим
иду от споров в отчий край,
где пахло булкой горячей,
где был с коровой двор, сарай...
А нынче - оглянись, в округе
ни живности, ни пирога - голодный мир?!

И сам в испуге
бегу хоть к чёрту на рога.
Как в детстве, я готов картошку
замёрзшую весной капать...
Меж сосен собирать морошку
и в пять утра, с зарёй, вставать!
Готов трудиться денно, ночью!..
- О, люди, сколько глотку драть?
Как в старину,
 всем дружно, мощно
пора бы сеять и пахать!!

ОДИНОКАЯ

Складки первых морщинок
у задумчивых глаз,
тяжкий вздох - беспричинный...
Громкий смех - напоказ?!
Но красива, как прежде,
грациозна, стройна...
И своею причёской
восхищает она!
В прошлом не было мужа,
мать престарая с ней...
На душе порой стужа...
Стали ночи длинней...
Ну, а лет-то немного:
нет ещё сорока...
И смешком «недотрога»
провожают пока.
Было много поклонников -
в основном, старших лет.
Сомневалась: достойны ли?..
Никого теперь нет.
Нет тепла и привета,
Мать - больна, не жилец...
Кто ей, кто ей посветит,
жизнь вдохнёт, наконец!
Лишь случайные встречи
с приставаньем - и стыд
что ещё один вечер
будет пошло прожит.
А на утро - работа,
и у глаз - тень синей...
И уже чей-то шёпот
за спиной:
 «Этот... с ней?!»

ОКТАБРЬ 1917 г.

Не памятник, не пьедестал
тот день -
 он стартовой площадкой
передо мной сейчас предстал:
«Даёшь!» - гремит клич беспощадно.
Над Зимнем молний пересверк,
Авроры залп... пальба и топот...
через ворота... с хода в окна!

«Даёшь!..» - и «Временному» крест...
«Вся власть Советам,
мир окопам!..».
Под сабель звон за Перекопом
плывут суда, бегут в Европу!..
... И мирный наступил рубеж:
«Даёшь Магнитку, Днепрогэс!».
- Но вновь на нас летит свинец...
В строю с винтовкою отец:
«Даёшь Берлин!» - и в грозном гуле,
в атаке болью сводит скулы...
и прошивают знамя пули...
«Даёшь!..» - несётся до небес...
И пал Берлин... Погиб отец...
И над Европой залп салюта,
как чьи-то слёзы счастья льются!..
...И в мирный бой
вновь люди рвутся!..
«Даёшь!» - и целина воздета,
густой пшеницей степь одета...
«Даёшь!» - несутся в высь ракеты
к чужим, неведомым планетам!..
«Даёшь!» -
и в сердце клич растёт...
то бьёт в набат, зовёт вперёд
СЕМНАДЦАТЫЙ, бессмертный год!

ХВОРЬ

Одеяло у меня
стало липким, потным...
Сводит рот, как от зелья,
с варенья и компота.
Рядом охает жена
(кровь текла из носа).
Я смеюсь: стал старина -
вот и все вопросы?
Что кривиться или ныть,
полегчает что ли?..
От родных хотя бы скрыть
чёртовские боли.
... Ярко, весело жилось -
помрачнело небо...
и уж если привелось -
не ропщи, не требуй!..
Сожаленье? - для чего,
если так случилось...
Пожалей жены плечо,
улыбнись ей мило.
Улыбнись и попроси,
чтоб вела иначе...
- Только, Боже упаси,
если, вдруг, заплачет...

НЕ НУЖЕН ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ

Под чужую дудочку все пляшут
и не поднимают головы:

* * *

Остановка «Ожерелье» -
пересадка на Москву...
Электрички звонко пели,
устремляясь в синеву!
Все спешили до столицы
из зелёных дачных мест,
недочитанной страницей
промелькнул в окошке лес.
Новых строек котлованы
выплывали здесь и там:
кран ковшом по-великаньи
сыпал грунт по кузовам!
... Остановки, остановки-
их названия просты:
Та - «Заречье», та - «Сосновка»
- «Ясень», «Радуга», «Кресты»...
Люди яблоки вносили,
лица прятали в цветы -
и задумчивыми были
взгляды нежной чистоты!
Забывая о Рязани
и не помня про Скопин -
любовался их глазами,
взгляды встречные копил!
Подмосковных шум площадок:
из корзин видны грибы...
воздух дачный... запах сладкий...
как признание, полюби!

ПРОЩАЙ, ФЕВРАЛЬ!

... Прощай, зима! - растаяли надежды
твои, зато оттаяли мои...
Прощай, зима,
прощай светло и нежно,
не ты ли подарила нам ручьи?!
Прощай, зима!..
Меняю я одежду...
Апрельская магнитная теплынь
зовёт меня в поля,
где ветер свежий,
где в небесах ликующая синь!
... Кричат грачи!.. Проталины лесные
подснежниками светятся уже
и утки в луговины заливные
летят попарно, прячась в камыше.
Иду к реке...
В широком половодье
несутся льдины, брёвна...
Не дыша,
я слушаю
как к синеве восходит
звон ледохода с далей Иртыша!
Ах, льдины-льдины! -
белые пингины?!
Ах, льдины - стаи белых лебедей!

Скажите льдины,
в чём же вы повинны?!
что гонит вас за тридевять земель?!
- Прощай, зима!..
Прощайте, чудо-льдины!
Да здравствует апрельская теплынь!
Пльви на Север, песня лебединая...
Воркуй, звени сверкающая синь!

ПРОТАЛИН ПЯТНА...

Март на полях... Проталин пятна -
в них зелень первых стебельков.
В овраге снег... С ума я спятил:
рву вербу жёлтую с кустов.
Две веточки тебе... А в поле -
сверкает лебедь белизной...
в лицо мне дует ветер вольный...
и пенье птиц над головой!
Над мокрой полевой дорожкой
парит дымком, и в ноздри бьёт
щемящий запах - аж, до дрожи...
... А солнце выше всё встает!

ПРИВЕТ, КОВЫЛЬ!..

Вновь ковыли белеют вдоль обочины
и нежным пухом стелятся у ног.
На Кустанай дорога... Озабоченно
свистит над норкой свежее сурок.
И в свисте тихом грусть я различаю-
вдали седые вижу валуны,
что принакрыли крышей одичалой
курган могильный - символ старины.
Блестит ковыль - и тайной из преданий
всплывает запах зрелых, терпких трав...
Привет, ковыль!..
Сюда я на свиданье
спешу, времён пространство разорвав.

ПО ПУСТЯКАМ НЕ ПЛАЧЬ

По пустякам сейчас не плачь,
счет большой предьявила жизнь!
Вновь кто-то хочет нас запречь
в свою телегу - оглянись
Есть воля,
есть всевышний - есть!
И он накажет в людях грех,
и кто вынашивает месть -
унижен злобой сам при всех.
Виновен я, виновен ты
за то, что дружба наша гаснет,
у той невидимой черты
теряется во мгле согласие!
Я предавал не раз себя,
когда в доме уединялся,
чтобы не слышать,
как, губя,
набатов звон смертельный рвался!

Кто на коленях там стоял,
униженный перед святыней?
А кто взошел на пьедестал?..
А кто там,
брошенный в пустыне?
И кто опять кричит в ночи
в страданиях новых ив печали?
И вновь с доносом стучач
стоят за нашими плечами.

У РЕЧНОГО ПОРТА

Песок холодный, чистый, белый -
окачивает вьюн волны...
Ступаю босиком несмело
вдоль берега, где валуны.
Шипит вода и градом брызги -
вот мостик шаткий и баркас...
Сажусь в него...
Мгновенье выждав,
веслом толкаюсь: «В добрый час!»
... Скользит ладья по мелководью.
Пошли талы - и у кустов
я вижу: с неводами бродят
две группы голых рыбаков...
Свернул направо - у обрыва
на червяка берёт чебак...
Бросаю якорь - и счастливый,
над удочкой притих, чудак!

ПРОРУБЬ

Лёд...
В нём дырка на реке –
пар во всю клубится.
Две овечки: «Ме- ке- ке...» –
к ней идут напиться.

* * *

Пусто в роще. Одиноко...
Скрип берёз да крик сороки...
В шапке пышной спит кустарник,
иней ёлки серебрят...
На сосне, корявой, старой
снег, как облако, висит.
К вечеру мороз сердчает,
ветви мёрзлые трещат...
И сосна скрипит, не зная,
что тревожит сны зайчат!

В ПОЛУНОЧНОМ ТРАМВАЕ

Поёт мужик в трамвае,
на кресло наклоняясь...
Спьяна ли?.. - я не знаю...
Поёт протяжно, всласть.
По виду - сельский житель,
поёт про ямщика...
Не правонарушитель...
В слезах его щека.

Он шапку снял, кудрями
Мотает - так и сяк...
В полуночном трамвае
пять человек сидят...
И чемодан фанерный
у ног его стоит...
С каким-то недоверием
он на меня глядит.

* * *

Прости меня, мать...
Оторвал я тебя от деревни,
от зелёной, раздольной земли,
и привёз в шумный город, где дремлют
тополя на асфальте в пыли.
На деревья сморела ты грустно
и с испугом - на этажи!..
Я не смог как-то сразу почувствовать
перемены твоей души.
Заболела, слегла ты в кровать,
и не встала...
Прости меня, мать!

ПРЕДСТОЯЩИЙ НОЧЛЕГ

Копны позолоченной соломы,
словно луны, уплывают в ночь...
Мотоцикл мчит тропкою знакомой,
фары раздвигают темень прочь.
Вот и пристань...
Смешанный подлесок -
в нём придётся ночь нам коротать.
Под палаточным, двойным навесом
на соломе трудно засыпать.
Сварим чай...
В костре раздвинем угли-
искорки рассыплются во тьме...
Словно электрические дуги,
головни засветят на земле.
Их зальём водою - пар с шипеньем
вырвется, колдуя в темноте!
Станет жутко... Звёздное кипенье
над костром закружит в высоте!..

ПОХОД В КИНО

Свет погас... В клуб ворвалась
пацанов ватага
в тот момент - как началась
лента про «Варяга»
Враз, в распахнутой двери,
в льдистых, старых валенках
проскользнули «чёрт возьми»,
пять маленьких-удаленьких!..
На билеты денег нет
(годы шли военные)
и в ватаге той - я, шкет
«главный» без сомнения.

Возмущённый билетёр
дверь закрыл... Мы разом -
кто куда!?... Я сел на пол.
Даже эдак - праздник!

ПЕРВЫЙ ХОЛОД...

В белой дымке осеннее небо...
В поле инеем росы легли,
и сверкая, искрят перламутром...
- Первый холод дохнул от земли...
Чёрный тетереv ветку качает
и серёжки неспешно клюёт...
А над озером, с криками чаек
золотистое солнце встаёт.
И лучи, растекаясь несмело,
красят аlostью воду, камыш...
Ставлю сети - приятное дело.
Светят плёсы - и в воздухе - тишь!

НОЧНОЙ ГОРОД

Правят улицей окрики пьяные.
С бычьей шеей дегенерат
на углу, словно бы изваяние,
замер, чуть приобняв фасад.
У «комка» три подростка шикуют:
в куртках кожаных, кеды-грант,
пьют из горлышка «виски», смакуя,
обращаясь: «Эй, сэр - эмигрант?».
Будто морда бульдожья, злая -
из «комка» рядом харя сопит...
... О, мой город, сторонка лихая,
ночью здесь каждый может убит.
Лица вспухли и опрыщавили -
этот встречный мне, как палач...
Продавщица, моя православная,
- дай спокойно доесть калач.

ПРЕДЗИМЬЕ

Озябший лесхватила седина-
как выстрел,
под ногами треск от веток...
И ночь назло пустынна и темна...
И мы идём до самого рассвета.
Вот здесь под утро
напетлял зайчишка -
на побелевших листьях смутный след...
В кустах мелькнула беленькая птичка,
такая белая - как первый снег!

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поздняя осень... Высокая просинь!
Ветер гусей к горизонту относит...
Грустные крики, прощальные крики -
мы к расставаньям жестоко привыкли.
В поле рассветном в инее озимь -
зелёная россыпь будущих вёсен.

В НИКОЛЬСКОМ СОБОРЕ

Позолоченный купол,
Ввысь - обшарпанный шпиль...
Веет призрачной скукой...
В окнах - тени да пыль.
В колокольные звоны
влились вдохи и всхлип...
С золочённой иконы
смотрит старческий лик.
Светлоокая дрёма
на высокой стене,
там провидец - Ерёма
на лихом скакуне.
Иисус там вознёсся...
Богоматерь... Алтарь...
... С драгоценных подносов
брачным кольца - как встарь!.
Паперть... Кто там в короне,
с поцелуем креста?
Есть в святые покорной
роковая черта...
- Я пришёл помолиться
сам в себе, пред собой...
Душно, ладан курится...
Богу здесь я - чужой.

ОБНИЩАНИЕ РЕЧИ

Плюрализм - забугорное слово,
Ваучер - то ворчанье собак...
Русской речи где же основа?!
- Мать твою!..
Чтоб вас в дышло, за так...
Ищут в мусоре альтернативу:
«Х» ... и «П»... -
лишь простой прагматизм.
Всем спасение - презервативы,
нам же секс -
как сплошной нигилизм?!.
Боль в башке, обнищание речи
на великой и грешной Руси?!
... Эти измы нам души калечат,
и пощады от них не проси.

РАЗОРИЛИ СТРАНУ

Приватизация-
насмешка над нацией...
Стала нищею бедная Русь?!
Разорил страну ваучер с акцией -
защити нас,
господь Иисус!
Корпорации да декларации...
Рэкет, мафия -
всюду разбой...
Кто придумал ваучер с акцией -
заживо нас схоронят с тобой!..

ПАДЬ

В овраге сыро...
Вниз сползая,
кусты цепляются, как рать.
Осел грунт, корни оголяя.
Внизу темно, угрюма падь.
Но пахнет свежестью желанной,
и плавает туман обманной.

ПАВОДОК

Нынче спорая весна -
 паводок на речке.
Синь...
 Разливами полна
даль...
 Ручьи лепечут...

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Последний клоч серого снега,
над ним распустилась листва.
«Победа! Победа! Победа!...»
- поёт надо мной синева.
Снег мёртв,
на нём тонкая плесень.
В овраге прохлада теней.
Вчера ещё звонкою песней
берёзам картавил ручей.
Сегодня клоч серого снега
исчезнет
под ним уж трава...
«Победа! Победа! Победа!...»
- поёт, не смолкая листва.

ПРОШЛИ ПАЛЫ...

Вдоль леса по опушке - борозда,
глубокая, длинной во всю поляну...
Я за клубникой вновь пришёл сюда,
но всё вокруг переменялось странно.
Прошли весной палы здесь - из кустов
обугленные видятся тычинки...
Нет ягодника... Нет былых цветов...
Растут одни лишь тощие травинки.
Опахан лес! - и шрамом борозда...
Неслышно птиц - видать сгорели гнёзда...
Кто виноват в пожаре?.. Ведь беда
на много лет останется коростой.

ПОТОЛОК

Стучится дождь по крыше,
в окне - рассвет сырой...
У печки мать чуть слышно
ворочает клюкой.
Пласты земли на крыше
Размокли - решето!
Мать шепчется: «Всевышний,
наказывать, за что?..»

И молится: «Дай, Боже,
не обвалился б как?!...»
Но не стихает дождик
и с потолка - кап... кап...
Открыв глаза, смотрю я
на мокрый потолок...
Мать вслух уже горюет:
« Намокнет вот - и хлоп!...»
Да, от таких гнилушек
всё можно ожидать...
-Кап... Кап... - на край подушки...
Не хочется мне спать.
Возьмёт и, впрямь, обвалится
Проклятый потолок...
И капли едко жалятся,
упав мне на висок!

ПОЗИМОК

Оттепель в обед двор почернила-
с крыши капала, светясь, вода...
Только в ночь опять пурга завывала,
застонали в небе провода.
Хлопя липнут к окнам, нависают
на деревьях - не видать ни зги.
Вышел я на улицу: в ней стаей
вертятся снежинки впереди.
Шлейфы меж берёзками в кружении
оттеняют чудо белизны...
Снег - всё гуще, и без сожаления
белит все проталины весны.

ПРОСТУПАЕТ ВОДА ПО НИЗИНЕ

и дымится на солнце парок!
Вижу крохотный стебель, с мизинец,
что украсил собой бугорок.
Что за стебель?..
Ну, точно, подснежник
пробивает сухую траву.
А над лугом весенняя нежность
с песней птицы летит в синеву.
Пахнет прелью, смородиной терпкой,
из куста вытекает ручей:
«Буль-Буль-Буль!» - голоском неокрепшим
напевает в сверканье лучей!

ПЕРВЫЙ ЛЁД

Холод... Морок...
После ночи долгой
встрепенись надеждою душа!
Пусть цветы и травы - всё поволгло,
но заря от инея - свежа!
Наполняюсь волею окрепшей:
тверже шаг, и не дрожит рука...
Лодка-раскладушка, как орешек,
пляшет на воде туда-сюда.
Страсть охотничья, опять ты манишь

Но, как в кино, ушли назад
года, немые лица -
и женщины желанный взгляд
всё чаще, ближе снится.
В ней столько ласки огня,
и властного отчаянья...
Откуда, кто?!
Других дразня,
она со мной встречается.
И, вдруг, жену я узнаю
в лукавой этой женщине...
И вижу сына, дочь-семью...
- Всю жизнь с судьбой изменчивой.
... Проснувшись, слушаю в тиши
как лес шумит дремуче,
и рад спокойствию души -
хоть ревностью не мучаюсь.

НЕФТЕЮГАНСК

*Командировка по проверке
производственной практики*

Прохожу по стройке -
кто я здесь такой?!
Краны... Сосны стройные...
Может, я – чужой?
Строю ль я дорогу?
- Да, конечно, да!..
... Эти парни строгие-
друзья мне навсегда.
Парни эти многие -
мои ученики...
Тихо память трогаю -
слышаться звонки!
Где вы однокурсники?..
Где ты, педагог?..
Был ли на экскурсии
вот таких дорог?
Сколько, сколько радостных
необычных встреч.
Словно я на празднике,
словно годы - с плеч!
Строил я на БАМе,
возводил Тайшет...
- Здесь, как на экзамене,
новой стройки свет!
Рядом исполинские
КраЗы, тягачи...
На бараках длинные
надписи. Прочти?!..

«Горьковский, Челябинский,
Костромской отряд».
Соловьём Алябьева
наречия звучат.
Смех грузина с рокотом,
Там - сибирский бас...
Крик приволжский с оканьем...
- Вся страна сошлась!

ПРИБЛИЗИТСЯ ВРЕМЯ

Я-то знаю: приблизится время
и дорога меня поведет
в те луга, где ручей ночью дремлет,
где полночная птица поет...
И, как прежде, вновь в сердце нахлынет
радость детства, рассвет голубой...
И тропинки -
судьбы моей линии
все сойдутся за крайней избой!

ГОСПОДИ, КОГДА МЕНЯ УЙМЁШЬ?!

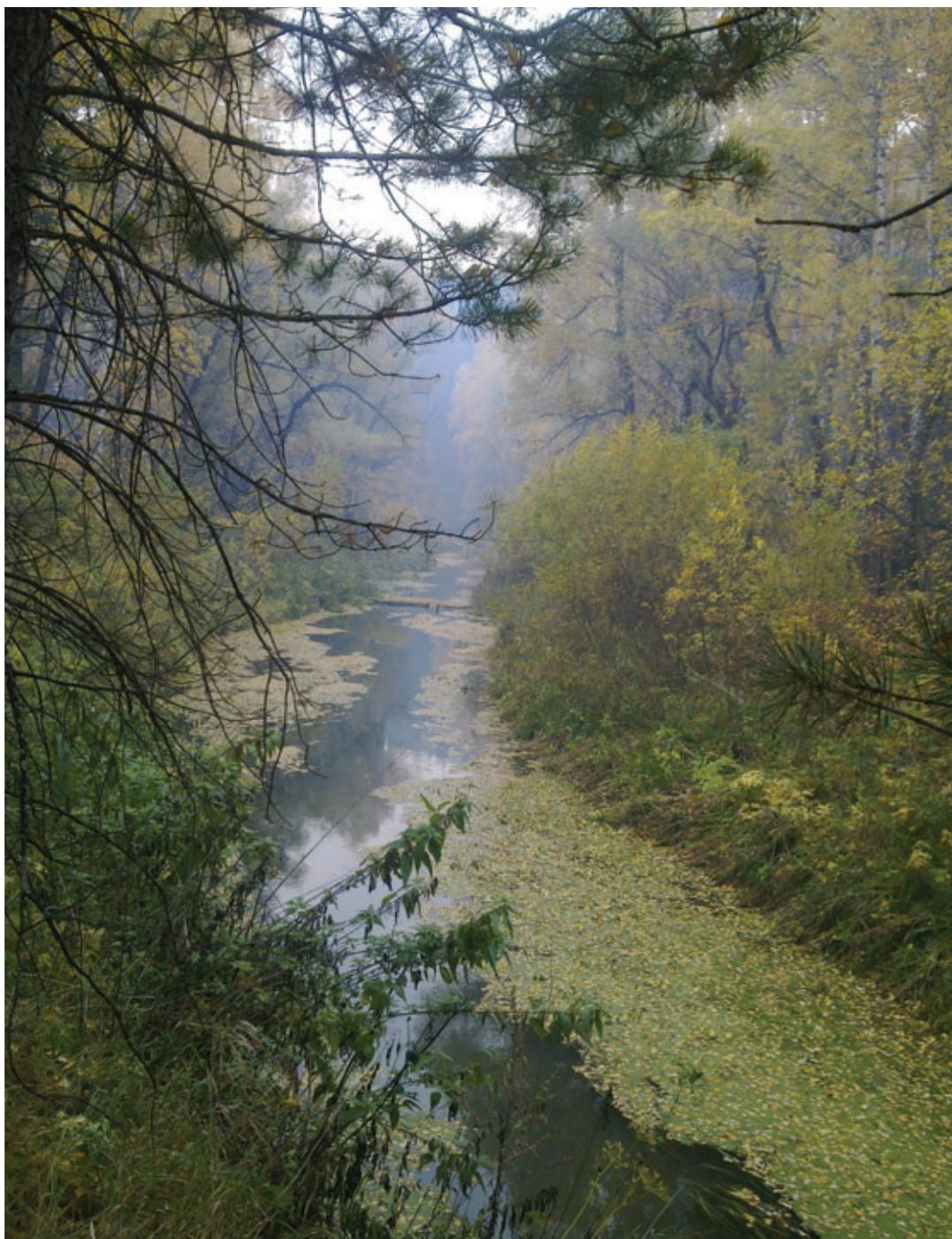
«Господи, когда меня уймёшь?..»
- В полночи глухой, дождливой, стылой
я тащусь по полю через рожь,
вымокший в росе, почти бессильный.
В лес вхожу -
берёзовая ветвь
бьёт наотмашь, обжигая щёки...
Осень... Сырость...
Дома бы сидеть!?.
...От тоски бегу я, одинокий.

БОЖЕСТВО - ТЫ, СЛОВО

Кем я стану, как уйду
в мир иной, нездешний...
Может, звёздочкой взойду
над землёю грешной.
Может, птахой прилечу
из другой Вселенной,
или облачком промчусь
в небесах весенних...
Кем я стану?.. Дать ответ
сможет только время.
А пока - гори мой свет,
сердце верой грея!
И пускай строка, звеня,
дарит радость снова...
И скажу я, не тая:
Божество, ты - слово!!!

ФОТОРЕПОРТАЖ. ПРИИРТЫШЬЕ

Уважаемый читатель! От громадного количества прочитанных стихов в голове, наверняка, остаётся тяжесть. Чтобы в конце тома как-то снять напряжение и «просветлить», предлагаю немного фотографий из книги «Моё Прииртышье»

ТАЁЖНАЯ РЕЧКИ «АРТЫНКА» (Муромцевский р-н, Омская область)

Примечание: Когда-то через Муромцевский район проходил старый Сибирский тракт. По нему следовали переселенцы и ссыльные: из Тюменской области от Викулово через Большие Уки, Знаменское, Тару, Артын, Камкурск, Копьево и- далее на восток. В Артыне в 1791 году в доме крестьянина Блинова временно жил А.Н. Радищев. (Здесь в знак о его пребывании поставлен памятник. Позднее, в 1797 году, возвращаясь из ссылки, А.Н. Радищев две недели прожил в г. Тара).

Можно добавить, что через столетие в селе Пустынное, весной 1891 г. по пути на Сахалин останавливался и переправлялся через Иртыш А.П. Чехов.

ВЕСНА по лесам колобродит... Из кочек, из почек, из нор
жизнь рвётся опять на свободу, и в солнечный входит простор

ВЕРБНОЕ

Сегодня - «Вербное!» - есна!
В окне - большой рассвет...
Я вижу иву у окна,
в ней- старины завет!
На влажных почках- синева,
в ветвях- сосулек лёд!
Воркуют голуби...
Слова
любви мне высь поёт!

ВЕСНА ИДЁТ... Звонят ручьи... И половодье в реках...

НА РЕКЕ

Иртыш в разливах вольных плещет, вобрав последние ручьи!..

Я слышу в ивах голос вещей из прошлого, из забыти
Ночь майская смежила веки, две зорьки в небесах сошлись!

Петух со сна прокукарекал... Две фары на лугах зажглись.

Вот стих мотор... Лишь писк случайный
тревожит чутко тишину... Да вздох берёзы,
шелест тайный травы, смешались в нить одну!

ВЕСНА ПРИШЛА... Ликует лес и распускает почки

НАД ИРТЫШОМ

Березы островком стоят в воде. Парит... И зеленеют смутно ветки.
Скользят казарки клином в высоту, я слышу клич их в тишине рассветной.
Горит костер, дым вьется в высоту. Гудит буксир за поворотом дальним...
И чибис, кувыркаясь на лету, кричит над луговиною зеркальной.
А солнца шар над кручей Иртыша вползает в небо, ослепляя дали...
О чем, о чем печалится душа? И почему в кустах снега не тают?

ПОЙМА ИРТЫША

**Пойма Иртыша. Лес... Ежевика в глубине роскошно так цветёт,
на больших листах играют блики, иволга загадочно поёт.**

Охотничья заря. В ожидании

ЗАВОДЬ

**Меж талов глубоок залив,
ямы в нём, водовороты.
Мрачен остров, молчалив-
вся река за поворотом.
Этот маленький рукав
называют просто: «заводь»...
Мир таинственен, лукав.
Ведьма здесь живёт да дьявол.**

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен.
В нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.
На траве зелёной – блёстки
ослепляют новизной,
и смущают наготой
у дороги две берёзки.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Я знаю правду о войне	8	19. Дачные вечера, одиночество	305
2. Приметы весны, весенние зори	33	20. Мои пути, мои тревоги	319
3. Апрельский простор, прилёт птиц	44	21. Осеннее настроение, дары земные	330
4. Весенние улицы, зелень парков	51	22. Женская верность, родительская любовь	347
5. Лесные тропинки, птичьи гнездовья	66	23. Осенние заботы, птичий перелёт	357
6. Деревенское небо, сельские радости	81	24. Осенние туманы, охотничьи зори	366
7. На речных берегах, в краю озёр	101	25. Дорожная суета, городские проблемы	380
8. Природа Прииртышья, на берегу Иртыша	116	26. Лесные закрайки, охотничьи вечера	389
9. Деревенские были, лесные обитатели	131	27. Стихи о себе, размышления о жизни	396
10. Летние зори, лесной ветерок	152	28. Капризы погоды, зимние сумерки	404
11. Женское очарование, семейный очаг	160	29. Материнские надежды, ожидание встреч	416
12. Лесные тайны, свет полей	175	30. Воспоминания из детства, жизнь в глубинке	427
13. Картины детства, трудные годы	185	31. Городские истории, разные встречи	440
14. Земные просторы, открытие мира	202	32. Вечность, звездная даль	455
15. Месть Земли, окружающая среда	226	33. Поэзия, Вера, Любовь	465
16. Берёзовый свет, родные дали	242	34. Заключение - фоторепортаж	480
17. Дни раздумий, память прошлого	278		
18. Сельские встречи, загадочные выси	290		

РЕДАКЦИЯ

Редактор - В.Н. РУСАКОВ, **Заслуженный деятель науки России, доктор**

сельскохозяйственных наук, кандидат технических наук

Литературный редактор - В.М. ФИЗИКОВ, **кандидат филологических наук, профессор
кафедры литературы Педуниверситета**

Научные консультанты:

**Н.А. ПОПОЛЗУХИНА, доктор сельскохозяйственных наук, председатель
экологического объединения «Земля - наш общий дом»**

**А.И. ГРИГОРЬЕВ, доктор биологических наук, зав. кафедрой экологии
Педуниверситета**

Руководитель проекта - В.В. ЗЕНЗИН (сын автора)

Технический редактор - А.Ю. ЮРЧЕНКО

Фотографии - В. ЛЯПИН, Е. КАРМАЕВ, В. КУДРИНСКИЙ

Корректор - СУВорова В.А.

ЗЕНЗИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Зензин В.В. родился в 1935 г. в селе Старосолдатка Тюкалинского района Омской области. Окончил педвуз, преподаватель Омского колледжа транспортного строительства.

Зензин В.В. автор более 40 книг о природе Прииртышья и людях Сибирского края. Самые солидные исторические издания: «Сибирский характер», «Город мой», «Покровская крепость». Организовал и вел, как редактор-составитель, три омских журнала : «Природа Прииртышья», «Охота и рыболовство», «Физическая культура и спорт».

Член Союза журналистов, лауреат конкурсов среди журналистов на темы: «природа», «экология». Корреспондент газеты «Класс».

...Зензин В.В. – мастер спорта, судья по нескольким видам спорта, почетный член общества «Локомотив», почетный член общества охотников. Имеет награды и поощрения за педагогическую и физкультурную работу.